А.Н. Багашёв

АНТРОПОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА

А.Н. БАГАШЁВ

АНТРОПОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Т.К. Ходжайов*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2017

УДК 572
ББК 28.71
Б14

Рецензенты
доктор исторических наук *А.А. Хохлов*
доктор исторических наук *В.А. Зах*
доктор исторических наук *А.А. Ткачёв*

Утверждено к печати Ученым советом
Института проблем освоения Севера СО РАН

Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проектам 98-06-80131 «Палеоантропология Западносибирской лесостепи в эпоху раннего железа», 01-06-80001 «Происхождение антропологического типа селькупов по данным краниологии», 04-06-80377 «Палеоантропология Западной Сибири в эпоху средневековья», 10-06-00045 «Краниологическое своеобразие, адаптивные возможности и физическое развитие таежных аборигенов Западной Сибири в средние века», 13-06-00158 «Особенности физического развития аборигенного и старожильческого населения Сибири в свете адаптационных возможностей»

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 17-16-00116, не подлежит продаже

Багашёв А.Н. Антропология Западной Сибири / А.Н. Багашёв. — Новосибирск: Наука, 2017. — 408 с.
Б14 ISBN 978–5–02–038704–1.

Монография посвящена изучению популяционной структуры и особенностям физического облика древнего и современного коренного населения Северной Евразии. На основе обширных антропологических материалов, охватывающих исторический период в 6000 лет (с IV тыс. до н.э. по современность), рассматривается процесс формирования аборигенного населения этого региона. Показана роль миграций и автохтонного развития древних популяций, определены основные направления их родственных связей. Выявлена устойчивая тенденция в генезисе народов, заключающаяся в сохранении генетических фондов популяций из поколения в поколение. Антропологическое своеобразие ряда североазиатских популяций послужило основанием для построения новой таксономической системы, в которой выделен новый очаг формообразования в Евразийской промежуточной зоне.

Для антропологов, археологов, этнографов, историков, лингвистов, музейных работников и всех, кто интересуется историей Западной Сибири и происхождением древних и современных ее жителей.

DOI: 10.20874/978–5–02–038704–1

УДК 572
ББК 28.71

© А.Н. Багашёв, 2017
© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2017
© Редакционно-издательское оформление.
Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «Наука», 2017

ISBN 978–5–02–038704–1

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава 1

ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 12

§ 1. Ранний период 12
§ 2. Середина XIX — начало XX в. 15
§ 3. Современный период 23
§ 4. Очерк истории антропологических типов 63

Глава 2

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ КАМНЯ 76

§ 1. Антропологические находки позднеплейстоценового времени и достижения в изучении мезо-неолитического периода 76
§ 2. Характеристика неолитических палеоантропологических находок из Омской стоянки и Шигирского торфяника 78
§ 3. Проблемы происхождения мезо-неолитического населения . . . 94

Глава 3

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ 108

§ 1. Материалы по краниологии популяций эпохи бронзы 108
§ 2. Некоторые проблемы формирования населения бронзового века 120

Глава 4

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА 130

§ 1. Материалы по краниологии популяций раннего железа 131
§ 2. Антропологический состав и закономерности изменчивости популяций раннего железа 183
2.1. Локальные особенности 183
2.2. Хронологическая изменчивость 192
§ 3. Направления родственных связей западносибирских популяций раннего железа в асинхронном аспекте 194
§ 4. Направления родственных связей западносибирских популяций раннего железа в синхронном аспекте 216
§ 5. Надпопуляционные общности евразийской степной полосы в эпоху раннего железа 224
§ 6. О миграционных потоках в эпоху раннего железа 228

Глава 5
НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СРЕДНИЕ ВЕКА 235
§ 1. Краниологические данные об антропологических особенностях средневековых популяций 236
§ 2. Проблемы формирования средневекового населения Западной Сибири 253

Глава 6
СОВРЕМЕННОЕ КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ . . . 267
§ 1. Материалы по краниологии современных популяций 267
1.1. Тюрки Западно-Сибирской равнины 267
1.2. Обские угры 284
1.3. Северные самодийцы 302
1.4. Южные самодийцы 306
1.5. Сравнительные краниологические данные по современным народам Северной Евразии 323
§ 2. Антропологическое своеобразие западносибирских популяций 331
§ 3. Роль популяций предшествующего времени в формировании антропологического облика современного населения 335
§ 4. Систематика антропологических общностей Северной Евразии 343

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 362

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 373

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 406

ВВЕДЕНИЕ

Западная Сибирь в силу своего уникального географического положения (находится между Европой и Азией) и разнообразия природно-климатических зон являлась достаточно своеобразной территорией, на которой генетические процессы имели ряд особенностей. Во-первых, значительные расстояния между жившими здесь племенами способствовали усилению генетической изолированности популяций, вследствие чего резко возрастало действие генетико-автоматических процессов, формирующих специфику генофондов. Во-вторых, разнообразие природно-климатических зон существенно повышало роль фактора адаптации организмов, что также влияло на генофонды популяций.

Несмотря на суровость климата, Западная Сибирь привлекала древних людей обилием пищевых ресурсов. Каждый из коллективов занимал здесь свою экологическую нишу, в результате складывались разнообразные хозяйственно-культурные типы, базирующиеся как на присваивающем (рыболовство, охота, собирательство), так и, позднее, на производящем (оленеводство) хозяйстве. К середине II тыс. н.э. складываются основные западносибирские этнолингвистические общности — угорская, самодийская и тюркская. Эти народы, различающиеся и внешним обликом, сразу привлекли внимание исследователей в ходе освоения Русским государством азиатских просторов.

Первые эпизодические характеристики внешнего вида аборигенов Сибири в XV–XVII вв. сменяются целенаправленными исследованиями в XVIII в. в рамках академических экспедиций. А XIX–XX вв. в истории североазиатской антропологии ознаменованы крупными достижениями. Благодаря самоотверженности исследователей получены уникальные данные об особенностях физического облика практически всех современных коренных народов, определена в основных чертах их таксономическая систематика и решен ряд кардинальных проблем, связанных с происхождением как ныне живущего, так и населявшего в древности Западную Сибирь и Урал населения. Сложный характер антропологического состава древних популяций евразийской промежуточной зоны и замысловатость протекавших в различные исторические периоды этногенетических процессов воссоздавались на базе изучения палеоантропологических данных, хотя в результате недостаточного их количества и неравномерности охвата территории многие вопросы истории формирования коренного населения еще требуют своего решения.

Современные антропологические исследования коренных народов Западной Сибири и Урала включают в себя широкий спектр направлений: краниология (краниометрия, краниотригонометрия и краниоскопия) и соматология, одонтология, дерматоглифика, серология и ряд других. Накопление антропологических данных, во многом эпизодическое в XVIII — первой половине XIX в., сменяется в конце XIX — начале XX в. планомерными и масштабными работами, в результате которых вышло несколько публикаций, не потерявших значения до наших дней. Например, это книга С.И. Руденко «Антропологические исследования инородцев Северо-Западной Сибири» [1914]. В 20-е и 30-е годы XX в. в центре антропологического изучения оказались угры и самодийцы (Г.Ф. Дебец), хакасы и алтайцы (А.И. Ярхо). В это время совершенствуется методология антропологического анализа (А.И. Ярхо) и вырабатывается понятие антропологического типа (группы популяций, группы антропологических типов) как динамической категории (В.В. Бунак), имеющей свою историю: периоды зарождения, расширения ареалов, исчезновения (растворения). Накопленные материалы и их всесторонний анализ привели к появлению в конце 1940-х и в 1950-е годы крупных обобщающих работ, ставших значительными вехами в антропологическом изучении коренных народов Северной Евразии. Это «Палеоантропология СССР» Г.Ф. Дебеца [1948], позволившая составить общее представление об основных этапах этногенеза в разных регионах Европы и Азии. Вскоре были изданы еще две работы — «Антропологические исследования в Камчатской области» Г.Ф. Дебеца [1951] и «Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока» М.Г. Левина [1958], содержание которых выходило далеко за рамки их названий. В первой суммированы все известные на то время краниологические данные о народах Западной и Восточной Сибири, во второй — о народах Дальнего Востока и Северной Азии в целом.

Палеоантропологические материалы с территории Западной Сибири и Урала до конца 50-х годов XX в. были крайне ограничены. Но с развертыванием широкомасштабных археологических работ в 1960-е годы значительно возросло количество материалов по неолиту, бронзе, раннему железу и средневековью, исследование которых существенно прояснило антропологический состав древнего населения южных районов Западной Сибири, позволило установить роль миграций и автохтонного развития в его формировании, получить дополнительные данные о расогенетических процессах в Североазиатском регионе. Обзор палеоантропологических материалов приведен в обобщающей работе В.П. Алексеева и И.И. Гохмана «Антропология азиатской части СССР» [1984].

Весьма плодотворными в изучении современного коренного населения Западной Сибири были 60–90-е годы XX в., когда интенсивно собирался материал по краниологии, соматологии, дерматоглифике, одонтологии и серологии, причем во многих районах такие исследования проведены заново. Были изучены енисейские ненцы, энцы и нганасаны, тундровые европейские и азиатские ненцы, нижнеобские ханты, манси и чулымцы (И.М. Золотарёва, Г.А. Аксянова), среднеобские ханты и тазовские сельку-

пы (А.И. Дубов), лесные ненцы (В.П. Алексеев), манси и нижнеобские ханты (К.Ю. Марк, Г.М. Давыдова), многие группы Алтае-Саянского нагорья (Т.И. Алексева с сотрудниками), проведены многолетние серо-антропологические изыскания (Ю.Г. Рычков и сотрудники лаборатории генетики человека Института генетики и цитологии СО РАН и ряда других научных учреждений). Новые материалы позволили уточнить классификацию антропологических общностей, в частности приблизили к положительному решению вопрос о недифференцированности основных расовых элементов в составе уральской группы популяций.

В воссоздании особенностей физического облика древних и современных этнических групп важная роль принадлежит краниологии. В формирование корпуса краниологических источников, которые отражали бы антропологию максимального количества современных этносов и их родоплеменных подразделений, существенный вклад внесли Г.Ф. Дебец, В.П. Алексеев, Н.С. Розов, В.А. Дрёмов, А.Р. Ким, посильную лепту внес и автор данных строк. На монографическом уровне рассмотрен антропологический состав обских угров и северных самодийцев (Г.Ф. Дебец, А.Н. Багашёв), тюрков Алтае-Саянского нагорья (В.П. Алексеев), чулымских тюрков (В.А. Дрёмов) и тоболо-иртышских татар (А.Н. Багашёв), в сериях статей — нарымских селькупов (Н.С. Розов, А.Н. Багашёв), северных алтайцев, шорцев и барабинских татар (А.Р. Ким). Подавляющая часть современных краниологических данных обобщена В.А. Дрёмовым, А.Н. Багашёвым, А.Р. Кимом и М.П. Рыкун в коллективной монографии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» (т. 4: Расогенез коренного населения) [1998], где на обширной источниковой базе подробно рассмотрен антропологический состав всех ныне живущих в Западной Сибири народов.

Существенно пополнилась база палеоантропологических источников. Краниологический материал неолита и бронзы с территории Верхнего Приобья, да и всего юга Западной Сибири, обобщен в монографии В.А. Дрёмова «Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы» [1997], материал из могильников неолитического времени и эпохи бронзы рассмотрен Т.А. Чикишевой в коллективных монографиях «Неолитические могильники Северной Барабы» [Полосьмак и др., 1989] и «Могильник эпохи бронзы Журавлево-4» [Бобров и др., 1993], а также в работе «Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа» [2012]. Полная сводка палеоантропологических находок эпохи раннего железа и подробный анализ антропологического состава населения саргатской и каменской культурных общностей содержатся в монографиях А.Н. Багашёва «Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа» [2000б] и М.П. Рыкун «Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменской культуры)» [2013]. Средневековые материалы обобщены в монографии Д.В. Позднякова «Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I — первая половина II тыс. н.э.)» [2006].

Несмотря на достигнутые успехи, многие проблемы антропологии древних и современных популяций Западной Сибири и Урала еще ждут

своего решения. Успешная разработка ряда проблем зависит от базы палеоантропологических источников, которые практически полностью отсутствуют с территории внутренних районов Западной Сибири вплоть до эпохи позднего средневековья. Кроме того, в целом совершенно недостаточно антропологических материалов эпохи средневековья. Поэтому часть других проблем (например, определение времени и места формирования антропологического типа обских угров, северных самодийцев) по-прежнему во многом остается нерешенной.

До сих пор практически не привлекались палеоантропологические материалы при рассмотрении сложных вопросов происхождения и исторических судеб многочисленных племен саргатской общности раннего железа. Если история и этнонимы западных и южных соседей народов Западной Сибири этого времени (скифов, сарматов, саков и др.) попали на страницы трудов античных авторов, а их восточные соседи (хунны) были в поле зрения политиков и географов Древнего Китая, то, к сожалению, исторические судьбы западносибирских племен почти не нашли отражения в письменных источниках. Данные о природе и жителях Западной Сибири, сведения о них исторического и этнографического характера скудны, малодостоверны и противоречивы. Не содержат письменные источники и этнонимы каких-либо племен или племенных объединений, проживавших на этой территории. В такой ситуации палеоантропологические данные имеют огромное значение для реконструкции исторических, в частности этногенетических, процессов, протекавших в эпоху раннего железа в зоне лесостепи Западной Сибири и Урала. Многие проблемы этнокультурной истории населения в эпоху раннего железа небесспорны. Это обусловлено, с одной стороны, пока еще слабой изученностью отдельных культур, особенно первой половины I тыс. до н.э., с другой — объективно ограниченными возможностями археологического материала как исторического источника.

Особенно много споров вокруг проблем происхождения лесостепного населения Западной Сибири, роли и удельного веса в его формировании местных и пришлых компонентов. Не ясны территории, откуда могли мигрировать ранние кочевники. Дискуссионна и проблема этнической принадлежности лесостепного населения, особенно оставившего памятники саргатской культуры, слабо изучены его генетические связи с племенами кочевников «скифо-сибирского мира» — сакскими, усуньскими, скифскими, сарматскими, с крупными соседними племенами (кулайская и каменская культуры), а также с населением, обитавшим в это время на Алтае, в Туве и Минусинской котловине. Вызывают полемику причины, по которым в первой половине I тыс. н.э. прекратили существование западносибирские лесостепные культуры, а также исторические судьбы оставившего их населения, в частности не ясна роль саргатских племен в этногенезе средневекового населения и современных коренных народов Западной Сибири. В решение именно этих проблем существенный вклад может внести изучение антропологических источников.

Значительные лакуны и неравномерность распределения палеоантропологических материалов по историческим периодам и в территориальном

отношении довольно долго не позволяли в достаточной мере реконструировать динамику этногенетических процессов и в целом генезис тех или иных современных антропологических типов и компонентов состава древних популяций.

Антропология в системе ряда других наук, изучающих проблемы этногенеза и этнической истории древних и современных народов, занимает особое место, что определяется в итоге спецификой источника, биологического по природе. Но именно это позволяет рассматривать чрезвычайно важный аспект этногенеза — физическое родство между народами, потому что генофонд и контролируемый им антропологический облик обусловлены биологическими закономерностями, тогда как развитие культуры определяется социальными.

При реконструкции этноисторических процессов, с одной стороны, археология и палеоантропология сильны, ибо непосредственно проникают в прошлое, с другой — материальная культура, хотя и характеризуется закономерным географическим распределением, не всегда совпадает с древними этническими общностями, по археологическому материалу можно восстановить только часть этногенетических процессов [Каменецкий, 1970]. Возможности использования палеоантропологических материалов также объективно ограничены, так как в них находят отражение лишь те этногенетические процессы, которые связаны с миграциями или смешением представителей различающихся между собой физических комплексов. Поэтому реконструкция этногенетических явлений на антропологическом материале возможна лишь в той мере, в какой они вообще отразились в физическом строении народов.

Большей частью причинной связи между физическими особенностями народа и его культурой, т.е. между антропологическим типом и этносом, нет, что не ведет с неизбежностью к отсутствию географических совпадений между популяцией и этносом, которые все же возникают в ходе исторического развития и обусловлены сопряженностью культуро-, глотто- и расогенетических процессов, протекавших на определенной территории в сходных конкретно исторических условиях географической и/или социальной изоляции, миграции и пр. [Дебец и др., 1952; Алексеев, 1979, 1989; Денисова, 1987]. В связи с тем, что культурогенетические и расообразовательные процессы развиваются по собственным законам, чем в итоге и обусловлено неповторимое своеобразие конкретных этногенезов, то выводы, полученные при исследовании археологических и антропологических данных, не обязательно должны совпадать. Особо нужно отметить, что исследование антропологических материалов на популяционном уровне в зарубежной антропологии сейчас практически не ведется, что обусловлено рядом причин. Во-первых, широким распространением концепции о том, что биологические особенности групп не имеют исторического характера, следовательно, популяционная антропология не вносит никакого вклада в реконструкцию этногенетических процессов прошлого. Во-вторых, полностью отрицается реальность существования человеческих рас внутри единого биологического вида Homo sapiens, причем с попыткой доказать, что размах изменчивости отдельно взятых индивидов пере-

крывает размах межгрупповой изменчивости этносов (именно этносов, а не популяций!). Это ведет к смешению социальной и биологической сущности таких понятий, как раса и национальность, этнос и популяция, которые рассматриваются к тому же вне географических и временных координат, что привело в итоге почти к утрате школы научного расоведения. Тогда как российская этнография и антропология активно продолжают традиции этно- и расоведения, заложенные еще в XIX в., разрабатывают методологическую базу и накапливают фактический материал.

Краниологический материал имеет при рассмотрении вопросов этногенеза первостепенное значение. Он позволяет ввести хронологический аспект в изучение антропологического состава народов и напрямую сопоставлять древние и современные группы населения, что является исключительно важным при выяснении их происхождения, ибо краниологические материалы, относящиеся практически к современному периоду, совершенно аналогичны палеоантропологическим материалам любой древности. Коннексия же палеоантропологических и соматологических данных, на которой, в частности, основана методика восстановления лица по черепу, разработанная М.М. Герасимовым и его последователями, весьма трудоемка, поэтому практически не применима к массовым материалам.

Краниологические серии, близкие к современности, происходящие обычно из могильников XVIII–XIX вв., достоверно связаны с предками современных народов. Важным в условиях Западной Сибири и Урала является и то, что многие группы коренного населения в настоящее время сильно смешаны с русскими и представителями других пришлых групп, а краниологические материалы, отстоящие от наших дней на одно — два столетия, значительно лучше отражают исконные антропологические особенности. Некоторые народы только и могут быть изучены на основе поздних краниологических материалов (например, полностью обрусевшие группы нарымских селькупов и чулымцев, обские татары — ныне исчезнувшие, томские татары, смешавшиеся с татарами поволжскими). Немаловажно и то, что измерения на черепе могут быть произведены с большей точностью, чем на мягких тканях живого человека. Отсюда — хорошее соответствие краниометрических данных разных авторов, в отличие от соматологических, иногда сопоставимых лишь тогда, когда произведены одним исследователем, что редко бывает при антропологической съемке обширных территорий. В еще большей степени субъективизм исследователя сказывается на определении описательных признаков, составляющих существенную часть антропометрической программы. Из признаков первостепенной таксономической значимости в краниометрии не находят отражения лишь особенности пигментации кожи, волос, глаз и развития волосяного покрова. Преимуществом краниологических материалов является возможность их повторного исследования при необходимости проверки сомнительных измерений, расширении программы или изучения черепов по другим системам признаков.

Лейтмотивом настоящей монографии выступает стремление к выявлению возможно полных комбинаций морфологических комплексов на кон-

кретных территориях. Только после изучения сложной мозаики составляющих компонентов антропологического типа народа с определением характера изменчивости антропологических признаков популяций в пространстве и во времени антропологические данные могут служить объективной основой для связи того или иного комплекса признаков с определенной древней группой людей либо с современной этнической общностью. Сложная комбинация антропологических комплексов обычно образует у каждой относительно изолированной общности специфическое сочетание, но именно это в той или иной мере отражает генезис народов и, следовательно, является важнейшим источником исторической информации. Конечно, антропологическое исследование не в состоянии охватить весь спектр истории народов в силу специфики самого источника, реконструкция этногенетических процессов на их базе возможна лишь в той мере, в какой они нашли отражение в палеоантропологических данных. Но ряд проблем может успешно решаться только при использовании антропологического материала, а вскрываемые антропологией грани этногенеза древнего и современного населения Северной Евразии внесут свой вклад в воссоздание его истории.

Глава 1

ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Степень изученности антропологического покрова Западной Сибири и сопредельных территорий в различные исторические периоды, его локальные особенности, популяционная структура и состав, воссоздаваемые на основе изучения краниологических материалов, напрямую зависят от количества палеоантропологических находок, относящихся к конкретной эпохе, и охвата ими различных территорий.

Начиная с самого зарождения антропологических исследований в азиатской части Российской империи учеными-антропологами во главу угла ставились задача сбора, систематизации и осмысления новых для того времени источников — элементов скелетов и черепов, фиксация особенностей строения тела и головы аборигенного населения. В конце XIX в. и до 80-х годов XX в. эти исследования были сосредоточены в стенах Томского университета. Сейчас антропологические изыскания проводятся также в Алтайском университете (г. Барнаул), Институте археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск) и Институте проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень).

Хотя начало научных антропологических исследований в Северной Азии относится к середине XIX в., еще задолго до этого многие писатели и путешественники писали в своих сочинениях о внешнем (физическом) облике ее коренного населения, об особенностях строения их лица и тела, о волосяном покрове. Условно историю антропологических исследований можно разделить на три периода:

1. Ранний период, приблизительно до середины XIX в. Свидетельства путешественников, купцов, миссионеров и писателей, а также другие источники.

2. Научные исследования второй половины XIX — начала XX в. Первые целенаправленные сборы и изучение соматологических и остеологических материалов.

3. Современный период, начавшийся в 20-е годы XX столетия.

§ 1. Ранний период

Даже в эпоху средневековья европейцы имели слабое представление о реальных географических и этнографических характеристиках народов Северной Азии и опирались в своих трудах в основном на рассказы, остав-

ленные греческими и римскими авторами. Одну из самых ранних характеристик племен Сибири и Урала составляют сведения Геродота, описавшего Скифию в V в. до н.э. и изложившего дошедшие до него искаженные данные о вне-скифских землях. Среди прочего Геродот упоминает живущих «у подошвы высоких гор», под которыми возможно разуметь Уральский хребет или Алтай, агримпеев, о которых известно, что якобы «все они, как мужчины, так и женщины, плешивы от рождения, плосконосы и с большими челюстями». Говорится у Геродота также о буддинах, фиссагетах, иирках [Доватур и др., 1982]. В описании агримпеев, свидетельствующем об их монголоидности, В.Н. Татищев видел лапландцев и самоедов, «ибо между ними плешивых много, а безбородых большая часть» [1950, с. 71]. Ряд современных исследователей помещает агримпеев на Южном Урале или в западных предгорьях Алтая и связывает с тюрками, в буддинах видят предков пермяков и коми-зырян, в фиссагетах — финнов Средней Камы, в иирках — живших в степях между Иртышом и Обью угров. Подробно изложены ранние сведения о народах Сибири М.П. Алексеевым в работе «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей» [1932, 2006].

Но в большинстве ранних источников обращается внимание на европеоидные особенности древнего населения Сибири. Это сообщения, например, китайских династийных хроник II в. до н.э. — IX в. н.э. о «северных варварах», известных под именем «динлины», которые расселялись в широкой полосе степей от Байкала на востоке до Урала на западе [Грум-Гржимайло, 1926; Бичурин, 1950; Гумилев, 1959]. Антропологический тип динлинов, восстановленный Г.Е. Грум-Гржимайло путем сопоставления различных источников, характеризовался следующими особенностями: «рост средний, часто высокий, плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках, белокурые волосы, нос, выдающийся вперед, прямой, часто орлиный, светлые глаза» [1926, с. 34–35].

Европеоидная принадлежность древнего населения Южной Сибири в антропологической литературе является уже установленным фактом, однако очень светлая его пигментация вызывает сомнения. Согласно А.И. Ярхо [1947] и В.П. Алексееву [1962], древние европеоиды Южной Сибири относились к темным вариантам европеоидной группы популяций и только по сравнению с сильно пигментированными китайцами могли показаться светлыми.

В энциклопедии «Тундянь», составленной Ду Ю в VIII в. н.э., упоминается еще один народ — гуи («демоны»). Источник сообщает об их монголоидности, отмечая, что у них глаза, нос и уши такие же, как у людей из Срединного царства. Ю.А. Зуев полагает, что гуи — одно из самодийских племен нижней или средней Оби [1962].

С другой стороны, имеются свидетельства о европеоидных чертах населения не только степной, но и таежной зоны Западной Сибири. М. Поло в своем описании путешествия на восток (1271–1295 гг.), упоминая о «жителях темной страны», пишет: «Люди эти рослые и статные; они белы, без

всякого румянца» [Алексеев М.П., 2006, с. 23–39]. В сходных тонах описывает народы, живущие в «землях Сибирских и Чулымских», арабский писатель XIV в. Ибн-Фадлалах Эломари [Тизенгаузен, 1884, с. 238–239].

Интересные сведения содержатся в хрониках польского историка Матвея Меховского. В его сочинении «О двух сармациях» приводятся данные о племенах, обитавших в Перми и Югре [Алексеев М.П., 2006, с. 67–72].

Эти свидетельства, несмотря на их краткость, представляют большой интерес. Восходя к далекому прошлому, они описывают народы, антропологический тип которых в дальнейшем мог подвергнуться существенным изменениям. По отношению к поздним антропологическим данным эти источники занимают приблизительно такое же положение, как палеоантропологические материалы.

Наиболее ранним из дошедших до нас произведений русской литературы, где содержится сравнительно подробное описание народов Западной Сибири, является сказание «О человецех незнаемых в восточной стране» (конец XV — начало XVI в.). Обстоятельный разбор этого текста проведен Д.Н. Анучиным [1890]. В сказании говорится о девяти племенах, живущих на севере Западной Сибири «за Югорьской землею и вверху Оби реки великия». По мнению Д.Н. Анучина, это самоеды и некоторые тюркоязычные группы Северного Алтая. Наиболее реалистическая характеристика дается «молгонзеям» р. Таз: «…сии люди невелики возрастом, плосковиды, носы малы; но резвы вельми и стрельцы скоры и горазды». В баснословном описании жителей верховьев Оби, у которых лицо на груди и дыры вместо рта и носа, Анучин видел «крайнее преувеличение особенностей монгольского типа».

Отрывочные сведения об антропологических особенностях народов Европейского Севера и Западной Сибири, полученные в основном от русских людей, встречаются в сочинениях иностранных путешественников и писателей XVI–XVII вв.: Сигизмунда Герберштейна, Ричарда Джонсона, Рафаэля Барберини, Андрэ Тевэ, Алессандро Гваньини, Генриха Штадена, Джильса Флетчера, Иеронима Мегизера, Адама Олеария, Николая Витсена, Джона Перри, Исаака Масса и ряда других авторов [Алексеев М.П., 1932, 2006; Зиннер, 1968].

В записках Эверта Исбрандта Идеса, отправленного в 1692 г. русским посольством в Китай, приводятся описания внешнего вида остяков и самоедов. Об остяках он пишет, что «почти все они среднего роста и по большей части светловолосые или рыжие, смуглые тела их малопригодны для работы, лица и носы плоские». Самоеды, о которых он знал, видимо, понаслышке, «ростом малы и приземисты, плечи и лица у них широкие, носы приплюснутые… Тело у них темное, волосы длинные, у некоторых русые или светлые, в большинстве же черные, как смоль, борода почти не растет, кожа коричневая и плотная» [Алексеев М.П., 2006, с. 418–431].

В 1715 г. Григорий Новицкий составил свой замечательный труд «Краткое описание о народе остяцком». Книга посвящена хантам. Среди же разнообразных сведений по их истории и культуре Новицкий не упускает из виду и особенности их физического строения [1884].

Наиболее ценными являются сообщения участников академических экспедиций 1733–1743 и 1768–1774 гг. И.И. Лепёхин составил антропологическое описание вогулов (манси) р. Тавды [1805; 1814, с. 28], В.Ф. Зуев — остяков (хантов) и самоедов (ненцев) низовий Оби [Паллас, 1788, с. 90–91; Зуев, 1947, с. 23]. В обобщающем труде И.Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» [1776, 1776а, 1799] даны подробные антропологические описания многочисленных групп Южной и Западной Сибири (подробнее см. [Дрёмов, 1976]).

Среди путешественников 1-й половины XIX в. следует выделить выдающегося финского лингвиста М.А. Кастрена, в трудах которого приводятся меткие антропологические характеристики ненцев, хантов, селькупов, кетов [Castrén, 1853, S. 306–307; 1856, S. 54, 127, 251; 1857, S. 81–82].

Многие авторы не ограничивались простой констатацией антропологических особенностей, но старались анализировать свои наблюдения, сравнивали группы между собой, выделяли типы внутри одной народности. Еще помимо специальных антропологических исследований начала вырисовываться, хотя и в общих чертах, картина антропологического состава населения Северной Азии. Путешественники отмечали невысокий рост и слабое физическое развитие ее коренных народностей. Только ненцы и сибирские татары казались более высокорослыми и мускулистыми. Наиболее монголоидными представлялись ненцы низовьев Оби. Среди хантов, манси, селькупов, кетов, а также восточных ненцев-юраков зафиксированы более европеоидные типы. У северных алтайцев, хакасов, тоболо-иртышских и барабинских татар установлено значительное ослабление монголоидности по сравнению с южными алтайцами и чулымцами. В основном эти и многие частные наблюдения совпали с выводами антропологов, начавших свои исследования в Западной Сибири. По некоторым группам западносибирского населения, так и не изученным специалистами (например, обрусевшим ныне группам южных манси), свидетельства путешественников XVIII–XIX вв. остаются единственным антропологическим источником.

§ 2. Середина XIX — начало XX в.

Первая в России краниологическая работа, написанная К.М. Бэром, посвящена сравнительной характеристике самоедского и карагасского черепов [Baer, 1845]. Деятельность академика Бэра составила важный этап в истории русской антропологии. Возглавленный им Анатомический музей Академии наук за короткое время превратился в крупное собрание краниологических коллекций, став в дальнейшем основой антропологического отдела Музея антропологии и этнографии. К концу 1860-х годов в Анатомическом музее среди прочих материалов насчитывалось свыше 20 черепов вогулов, остяков и самоедов, доставленных путешественниками и представителями сибирской администрации. Сюда же были переданы археологической комиссией черепа, собранные В.В. Радловым в 1862–1866 гг. при раскопках древних могильников на р. Чулым, на Алтае и в Барабинской лесостепи.

В 1842–1844 гг. ученик К.М. Бэра А.Ф. Миддендорф впервые провел соматологическое исследование коренного населения Сибири. Он измерил и описал несколько тысяч якутов, тунгусов, самоедов и енисейских остяков. К несчастью, весь богатейший антропологический материал потонул при крушении лодки на Таймырском озере. Три случайно сохранившихся бланка дают представление о том, что программа Миддендорфа была чрезвычайно обширной и не имела себе равной по полноте среди исследований в Сибири на протяжении всего XIX в. [Миддендорф, 1878, с. 619–666].

Начиная с 60-х годов XIX в. антропологические исследования сосредоточиваются в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете. Изучение коренных народов Сибири заняло видное место в тематике работ его членов. В «Известиях ОЛЕАЭ» А.П. Богдановым опубликованы измерения восьми самоедских черепов, доставленных Н.Ю. Зографом [Богданов, 1878–1879а], четырех кетских черепов, переданных Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества [Богданов, 1878–1879, 1878–1879а], пяти черепов из курганов железного века у дер. Такмык на р. Иртыш, собранных в 1867 г. Е.И. Малаховым [Богданов, 1878–1879б], и краниологической серии из раскопанного Н.Ю. Зографом в 1878 г. Замараевского могильника XII–XIII вв. на р. Исети [Богданов, 1880]. В 1885–1886 гг. член ОЛЕАЭ Н.Л. Гондатти обследовал на нижней Оби и ее притоках свыше 200 вогулов, остяков, самоедов и зырян, а также собрал на Северной Сосьве и Сыгве (Ляпине) более 60 вогульских черепов [1888, 1890]. Антропометрические материалы Гондатти частично опубликованы А.Г. Рождественским [1887], черепа исследованы И.П. Силиничем [1904, 1916].

В 1876 г. ученый хранитель петербургского Зоологического музея И.С. Поляков во время путешествия по Оби собирал черепа, фотографировал и описывал остяков, самоедов, вогулов и татар [1878–1879; 1884, с. 146]. Известный сибирский деятель Н.М. Ядринцев в 1880 г. проводил измерения среди различных групп алтайцев Северного и Южного Алтая [1882, с. 24–25; 1885, с. 630–643]. Антропологические материалы переданы Н.М. Ядринцевым в ОЛЕАЭ и обработаны Н.Ю. Зографом [1886]. К.Д. Носилов, совершивший в 1882–1885 гг. несколько поездок в Северо-Западную Сибирь, предпринял на страницах «Известий ОЛЕАЭ» этнографическое и антропологическое описание вогулов [1890].

Вслед за Московским университетом антропологические центры возникают в других городах России. В 1869 г. основано Общество естествоиспытателей при Казанском университете, в работе которого антропология сразу же стала одним из ведущих направлений. В 1872 г. Общество командировало Н.М. Малиева и Н. Сорокина на р. Лозьву для изучения вогулов. Небольшой антропологический материал этой экспедиции опубликован Н.М. Малиевым [1872, 1874, 1901].

С конца 80-х годов XIX в. антропологические исследования начинают проводиться в Томском университете, открытом в 1888 г. Профессором кафедры анатомии назначен Н.М. Малиев. Его ближайшим соратником стал С.М. Чугунов. Большой интерес к антропологии и археологии прояв-

лял попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский, в прошлом профессор акушерства и гинекологии Медико-хирургической академии в Петербурге и Казанского университета. Занявшись археологическими исследованиями, В.М. Флоринский собрал ценные сведения о древних памятниках Средней Азии и Западной Сибири. Большая коллекция Флоринского была передана Томскому университету и явилась основой Археологического музея, заведующим которого он оставался на протяжении 10 лет. В 1888 г. В.М. Флоринский издал каталог Археологического музея, где среди прочих экспонатов описал несколько черепов, найденных во время археологических раскопок. Через 2 года вышла специальная краниологическая работа В.М. Флоринского с описанием 23 черепов, хранившихся в Археологическом музее Томского университета [1888, 1890].

Сергей Михайлович Чугунов родился 10 октября (по старому стилю) 1854 г. в г. Симбирске. Окончил Симбирскую гимназию. В 1875 г. поступил на медицинский факультет Казанского университета.

С.М. Чугунов (1854–1920). Томск, 1915 г.

С самого начала учебы в университете проявил тягу к научной работе. Под руководством известного антрополога Николая Михайловича Малиева занялся антропологическими исследованиями. По поручению Общества естествоиспытателей при Казанском университете С.М. Чугунов совершил две экскурсии с антропологической целью в окрестности г. Симбирска, а также в Симбирский и Ардатовский уезды Симбирской губернии, провел измерения живых людей и раскопки старинных кладбищ, доставил в университетский музей мордовские, татарские и русские черепа. Кроме того, он передал в Геологический кабинет Казанского университета коллекцию окаменелостей, собранную в течение нескольких лет на берегу Волги в Симбирской губернии. Еще в студенческие годы С.М. Чугунов опубликовал несколько научных работ, что по тем временам было довольно редким явлением. На старших курсах работал помощником прозектора при кафедре анатомии, а затем при кафедре зоологии и сравнительной анатомии.

В 1880 г. окончил университет со степенью лекаря и званием уездного врача. С 19 декабря 1880 г. по март 1888 г. работал земским врачом сначала в с. Каргопольском Шадринского уезда Пермской губернии, затем в Сенгелеевском уезде Симбирской губернии. С марта 1888 г. сверхштатный ординатор в Симбирской губернской земской больнице. Занимаясь врачебной практикой, С.М. Чугунов продолжал публиковать научные статьи и очерки. Осенью 1882 г. он приезжал в Тобольск, где знакомился с антропологическими материалами из раскопок А.И. Дмитриева-Мамонова. В 1884 г. приобрел искусственно деформированный череп, случайно найденный в кургане у дер. Одиной на р. Миасс, который в 1885 г. передал в Казанский университет.

В 1888 г. открылся первый в Сибири университет в Томске. Основная часть профессорско-преподавательского состава Томского университета была укомплектована из бывших преподавателей и выпускников Казанского университета. Профессором кафедры анатомии был назначен Н.М. Малиев. При его содействии С.М. Чугунов с 1 сентября 1888 г. зачислен на должность помощника прозектора этой кафедры. В Томске С.М. Чугунов активно включился в научную работу, став одним из наиболее деятельных членов Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете.

Первый профессиональный антрополог Томского университета С.М. Чугунов на протяжении 1888–1905 гг. поставлял краниологический материал с территории Приобья из раскопок могильников, старых кладбищ XVII–XVIII вв. Летом 1890 г. он совершил поездку в г. Сургут для изучения остяков. Собранный материал был предварительно опубликован им [1890], а затем обработан А.А. Ивановским [1905]. На одном из остяцких кладбищ близ Сургута С.М. Чугунов собрал краниологическую коллекцию, которую описал в отдельной работе [1894]. С 1893 по 1905 г. им опубликована серия статей, составивших основу замечательной серии «Материалы для антропологии Сибири» из 15 выпусков, в которой значительное место отведено изучению краниологии тюрков и угров Западной Сибири [1902, 1904, 1905].

В дальнейшем С.М. Чугунов целиком занялся остеологическими исследованиями. В ряде статей он рассмотрел краниологические находки из поздних могильников, раскопанных на реках Яя, Обь и Томь [1894, 1894а–г, 1898, 1901]. В 1895–1897 гг. вместе с С.К. Кузнецовым проводил раскопки могильника «Тоянов Городок» близ Томска, антропологический материал из которого также измерен и описан С.М. Чугуновым [1902]. Наконец, им собрана и обработана большая краниологическая коллекция из старинных мусульманских и православных кладбищ XVII–XVIII вв. г. Томска [1904, 1905]. Блестящий профессионализм С.М. Чугунова опередил свое время. Именно его базовые принципы научных исследований легли в основу формирования одной из антропологических школ Западной Сибири.

Летом 1890 г. С.М. Чугунов совершил поездку в г. Сургут для изучения остяков (хантов). Им было измерено 140 остяков с рек Обь, Юган, Тромюган и Вах. Проведены также раскопки одного из древних городищ близ Сургута и остяцкого кладбища в 15 верстах выше. Собранные антропологические коллекции переданы в Музей нормальной анатомии, археологические и этнографические коллекции — в Археологический музей университета.

В первые годы работы в Томске С.М. Чугунов близко сошелся со Степаном Мировичем Кузнецовым, библиотекарем университета, проводившим археологические раскопки в Томском округе. Они были одногодки, оба окончили Казанский университет, их связывали общие научные интересы. В 1891 г. С.М. Чугунов вместе с С.К. Кузнецовым совершил археологическую поездку на р. Яю и принял участие в проводившихся С.К. Кузнецовым раскопках курганов у с. Вороново на р. Оби и могильника «Тоянов Городок» под Томском. Антропологические материалы из раскопок С.К. Кузнецова С.М. Чугунов неоднократно публиковал в своих работах.

В дальнейшем С.М. Чугунов проводил и самостоятельные археологические исследования. В 1895 и 1897 гг. он продолжил раскопки могильника «Тоянов Городок», в 1895 и 1896 гг. исследовал курганы в Каинском округе Томской губернии, близ современного с. Венгерово Новосибирской области. Основной целью археологических раскопок было накопление палеоантропологических материалов. Большинство его антропологических статей составили серию под общим заглавием «Материалы дня антропологии Сибири».

В 1905 г. С.М. Чугунов опубликовал книгу «Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ», написанную на основе изучения почти 400 черепов, найденных при земляных работах в связи с застройкой района Воскресенской горы, исторического центра города.

За антропологические труды С.М. Чугунову в 1906 г. присуждена премия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, а в 1908 г. — половинная премия Томского университета.

Много времени, труда и сил отдавал С.М. Чугунов учебной работе. В его служебные обязанности входило проведение практических занятий со студентами по анатомии человека. Его руками были приготовлены многие препараты, использовавшиеся на занятиях и пополнявшие Музей нормальной анатомии университета. За годы работы прозектором С.М. Чугуновым накоплены разнообразные анатомические наблюдения, изложенные им в нескольких статьях. Особое внимание он уделял анатомии позвоночника.

В свободное от работы время любимым занятием С.М. Чугунова было коллекционирование насекомых, в основном чешуекрылых (бабочек). На прогулках в окрестностях Томска ему помогали собирать насекомых жена Юлия Николаевна и сын Михаил. В 1905 г. С.М. Чугунов пожертвовал свою коллекцию чешуекрылых Зоологическому кабинету Томского университета.

Летом 1899 г. С.М. Чугунов вместе с сыном, тогда воспитанником Томской гимназии, принял участие в Зоологической экспедиции Томского университета в Барабинскую степь, взяв на себя сбор материалов по насекомым. Позднее, став взрослым, Михаил продолжал энтомологические сборы в Маньчжурии, где служил при госпитале во время Русско-Японской войны 1904–1905 гг., и в Восточной Сибири, где работал врачом после окончания Томского университета. Материалы из сборов М.С. Чугунова опубликованы С.М. Чугуновым.

На протяжении своей работы в Томске С.М. Чугунов не порывал связей с Казанским университетом. Он неоднократно бывал в Казани, делал научные доклады на медицинские и антропологические темы на заседаниях Общества врачей и Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Бывал и на своей родине, в Симбирске. В 1899 г. собирал энтомологические коллекции в его окрестностях.

В 1897 и 1898 гг. выдержал теоретические, практические и письменные испытания на ученую степень доктора медицины, а в 1899 г. на заседании Совета Томского университета защитил диссертацию. С 11 июня 1903 г. по 1 мая 1906 г. С.М. Чугунов был приват-доцентом при кафедре нормальной анатомии.

В 1904 г. И.С. Поповский, бывший тогда профессором кафедры анатомии, ушел на пенсию. На вакантное место объявили конкурс, было подано четыре заявления, в том числе С.М. Чугуновым. Совет университета, однако, избрал профессором анатомии Г.М. Иосифова, приват-доцента Харьковского университета.

В 1906 г. С.М. Чугунов оставил Томский университет. В 1907 г. он работал железнодорожным врачом на станции Татарской (современная Новосибирская область), заведовал принадлежащим станции врачебным участком. В 1908 г. в течение двух летних месяцев работал вольнонаемным врачом на Обь-Енисейском канале. Но с 1 сентября 1908 г. он снова в Томском университете, занимал должность сверхштатного ассистента при кафедре зоологии. Его работа в области антропологии и анатомии полностью прекратилась. Энтомология, бывшая до этого лишь увлечением, стала его основным занятием. Почти ежегодно в летние месяцы он проводил экспедиции по сбору зоологических коллекций. В 1909 г. совершил поездку на Алтай (с. Чемал), в 1910 г. — в г. Канск, в 1912 г. — в Минусинский округ Енисейской губернии и Балаганский округ Иркутской губер-

нии, в 1913 г. — в Сургутский округ, в 1914 г. — на реки Кондома и Тельбес, в 1915 г. — в низовья р. Оби. С 1909 г. С.М. Чугунов — действительный член Русского энтомологического общества. В сентябре 1910 г. ему присуждена бронзовая медаль за коллекцию вредных бабочек на III Выставке садоводства в Томске.

Должность ассистента явно не соответствовала ни возрасту С.М. Чугунова, ни его опыту, ученому званию и чину (статский советник, 5-й чин по Табелю о рангах, соответствующий воинскому чину между полковником и генералом). С.М. Чугунов был награжден орденами Святой Анны III ст., Святого Станислава III ст., серебряной медалью в память царствования императора Александра III. С 1 октября 1915 г. уволен из Томского университета согласно поданному прошению.

О последних годах жизни С.М. Чугунова известно немного. В 1916 г. он заведовал больницей на станции Уфалей (недалеко от Екатеринбурга), в 1918 г. — больницей на станции Вагай (современная Тюменская область). С 1919 г. С.М. Чугунов — главный врач Управления железной дороги в г. Омске. Осенью 1920 г., отступая из Омска, белогвардейцы Колчака приказали всем медработникам эвакуироваться в Иркутск, тех, кто был против, заперли в холодном сарае, в том числе С.М. Чугунова. В это время стояла довольно холодная погода и, хотя всех в ближайшую ночь освободила Красная армия, С.М. Чугунов сильно простыл и 29 ноября 1920 г. (по старому стилю) умер от крупозного воспаления легких [Багашёв, 2006].

Научная деятельность С.М. Чугунова оставила заметный след в русской антропологической науке, он всегда останется в ее истории основателем сибирской школы. «Работы Чугунова характеризуются большой тщательностью, он не удовлетворялся обычными измерениями и констатированием того или иного распределения цифр, а давал детальное морфологическое описание черепов и скелетов, пытался ставить вопросы о филогенетическом значении тех или иных особенностей, чем работы его выгодно отличаются от современных ему краниологических работ, связанных с антропологическим отделом ОЛЕАЭ» [Дебец, 1948]. «Научную деятельность С.М. Чугунова отличает редкая целеустремленность. Антропологический материал не только последовательно использовался для решения определенной исторической задачи, но и планомерно собирался им для этой цели. Короче говоря, работы С.М. Чугунова характеризовались высоким методическим уровнем и ясным пониманием широких возможностей краниологических данных» [Алексеев, 1969].

Одновременно исследования в Западной Сибири вели другие антропологи. Сотрудник Минусинского музея К.И. Горощенко исследовал большое число тувинцев, хакасов и среди последних — мелецких тюрков среднего Чулыма [Горощенко, 1901, 1905; Ивановский, 1907]. В.И. Анучин в 1905–1906 гг. исследовал кетов Туруханского края [Анучин, 1906; Синельников, 1911].

Крупным событием в истории антропологических исследований Западной Сибири явилась экспедиция С.И. Руденко 1909–1910 гг. для изучения ненцев, хантов и манси. Подробный анализ собранных и ранее опубликованных материалов приведен им в солидной монографии, которая стала лучшей работой по антропологии коренного населения Западной Сибири во всей научной литературе начала XX в. [1914].

В 1909 г. Д.Т. Янович, участник экспедиции О.О. Баклунда, раскопал 360 погребений хантыйского могильника на о. Халас-Погор. Полученная

им серия черепов до настоящего времени является самой многочисленной и часто используемой при характеристике угорских групп.

Ощутимый вклад в антропологическое изучение народов Западной Сибири в XIX — начале XX в. внесли иностранные ученые. О. Финш и А. Брэм, участники так называемой «Бременской экспедиции» 1876 г., привезли в Германию 19 остяцких и самоедских черепов с низовьев Оби, материалы по которым были опубликованы Р. Вирховым [Virchow, 1877] и отчасти У. Флоуэром [Flower, 1878]. В 1880 г. итальянец С. Соммье по краткой программе обследовал на нижней Оби около 300 самоедов, остяков и зырян, а также провел раскопки нескольких кладбищ и собрал 37 остяцких и 19 самоедских черепов. Материалы, опубликованные С. Соммье [Sommier, 1887], получили широкую известность за границей и в России и долгое время оставались одним из наиболее авторитетных источников по антропологии коренного населения Западной Сибири. Несколько черепов аборигенов из собрания Петербургской Академии наук исследовал французский ученый К.Е. Уйфальви [Ujfalvy de Mezö-Kövesd, 1880].

Особый интерес к антропологии Западной Сибири проявляли венгерские и скандинавские ученые. В 1888–1889 гг. исследования в Северо-Западной Сибири проводил венгерский этнограф и антрополог К. Папай. Им измерено и описано 130 вогулов, 144 остяка, 51 зырянин и 32 самоеда [Papai, 1893–1894]. В 1898 г. венгерский антрополог и этнограф Я. Янко измерял остяков на реках Демьянка, Иртыш, Салым, Юган, а также собрал 30 остяцких черепов. Много лет спустя материалы Янко были опубликованы П. Липтаком [Липтак, 1950; Liptak, 1954]. Соматологическое исследование нарымских селькупов впервые осуществил финский этнограф и лингвист К. Доннер в 1912 г. Доставленный им небольшой материал обработан К. Хильденом [Hilden, 1938–1939]. Летом 1914 г. К. Хильден провел измерения северных и южных алтайцев на реках Бия, Лебедь, Чулышман, Башкаус и в районе Телецкого озера [Hilden, 1920].

Подводя итог антропологическим исследованиям в XIX — начале XX в., можно видеть, что коренные народности Западной Сибири были изучены неравномерно. По хантам (остякам), манси (вогулам) и ненцам (самоедам) опубликованы соматологические данные более чем о тысяче индивидов и измерения около 200 черепов. Значительно слабее изучены кеты (енисейские остяки) и селькупы (остяко-самоеды). Из тюркоязычных групп по соматологической программе исследованы северные алтайцы, а краниологический материал получен лишь по томским татарам.

Исследования Соммье, Папая, Чугунова и Руденко позволили выделить на средней и нижней Оби два антропологических типа. Один из них, представленный у самоедов (ненцев), характеризуется брахикефальной, средневысокой черепной коробкой, почти исключительно темной пигментацией, широким и высоким лицом, мезо-лепторинным средневыступающим носом, частой монгольской складкой века. Отличительными чертами второго типа, зафиксированного у вогулов (манси), являются долихо-мезокефалия, низкая черепная коробка, примесь светлых оттенков волос и глаз, не очень широкое и высокое лицо, обычное отсутствие

складки века и вместе с тем более широкий и несильно выступающий нос. Остяки (ханты) по многим признакам занимают промежуточное положение между вогулами и самоедами. Близость остяков с вогулами исследователи объясняли взаимным родством, а сходство с самоедами — смешением.

Прослеживая генетические связи самоедского типа, авторы отмечали много общих черт с лопарями (Вирхов, Зограф, Соммье, Руденко), сойотами (Зограф, Горощенко, Руденко), ваховскими хантами и енисейскими остяками (Чугунов, Руденко). Сходству с сойотами (тувинцами) и кетами С.И. Руденко придавал особое значение, считая его доказательством южного происхождения самоедов. Значительная близость с типом вогулов и остяков установлена у северных алтайцев (Зограф, Хильден), чулымцев (Горощенко), а по краниологическим данным — и у томских татар (Заборовский, Чугунов).

К. Папай сопоставил различные финно-угорские народности по сумме антропологических признаков, пытаясь реконструировать первоначальный угорский тип, исходный для современных вогулов и остяков, и пришел к выводу, что древние угры стояли близко к белым финнам, были долихокефальны, светлопигментированы, имели узкий нос и европейский разрез глаз. С.М. Чугунов не отождествлял первоначальный угорский тип с европеоидной расой, показав его отчетливые монголоидные особенности в строении носовой области.

Долихокрания угорского типа оставалась загадкой. Делались попытки установить ее происхождение с помощью палеоантропологических данных. Д.П. Европеус высказал мысль о родстве вогулов и остяков с длинноголовым дорусским населением Европейской России, известным по материалам из средневековых курганов Московской, Ярославской и других губерний. Отмечая далее сходство в головном указателе с африканскими неграми, Европеус предположил, что обские угры являются остатком древнейшего долихокефального типа, связанного по происхождению с Южной Африкой [1874].

Проводимые Европеусом далекие аналогии встретили возражения, но представление о родстве угров и древних племен, живших западнее Урала, утвердилось в ряде работ других авторов. Сравнение обских угров с современными поволжскими финнами привело С.И. Руденко к выводу о наличии существенных различий между ними. Другие авторы (Малиев, Папай) подчеркивали определенное сходство вогулов с черемисами (мари).

Кроме самоедского и угорского в составе коренного населения Западной Сибири установлены и другие типы. Особый интерес представляет американоидный тип, напоминающий индейцев Северной Америки, отмеченный у кетов (Анучин, Синельников).

Исследования в области палеоантропологии к началу XX в. находились в зачаточном состоянии. Изученный палеоантропологический материал был невелик и не мог служить базой для серьезных обобщений. Большинство авторов отмечали монголоидную принадлежность древних

черепов Западной Сибири. Только черепа из Усть-Тартасского могильника, по данным С.М. Чугунова, оказались европеоидными. Через некоторое время, переехав в Томск в 1919 г. и покинув его в 1921 г., С.И. Руденко начал изучать антропологические материалы из могильников тагарской культуры (разные этапы VI–III вв. до н.э.) в Минусинской котловине (раскопки С.И. Руденко и С.А. Теплоухова в 1920 г.). Однако по современной методике большая часть этих материалов была измерена и опубликована Г.Ф. Дебецем значительно позже [1948].

§ 3. Современный период

В 20-е и 30-е годы XX в. в России наблюдалось бурное развитие различных направлений антропологической науки. Новыми чертами явились плановая организация исследовательской работы, унификация методики и расширение методов антропологических исследований, большое внимание к вопросам общей теории расоведения и расовой классификации.

Дальнейшее развитие получили расовые классификации, возникшие в конце XIX в. и в первые десятилетия XX в. Важнейшее значение имела антропологическая классификация И.Е. Деникера [1902], выделившего по сочетанию морфологических признаков 29 человеческих рас, среди которых в качестве особой евразийской группы он поместил туркскую (туранскую) и угорскую расы, обладающие монголоидными особенностями в смягченном виде. К угорской расе, состоящей из двух подрас (угорской и енисейской), Деникер отнес остяков, восточных финнов, самоедов, кетов, а также некоторых алтайцев и хакасов. В отличие от многих предшественников Деникер четко разграничил угорскую расу и западных финнов, занявших место среди европеоидов. Типичными представителями туранской расы Деникер считал киргизов (казахов) и астраханских татар.

В дальнейших работах зарубежных антропологов утвердилось представление о расовой общности населения всей Северной Азии. Единая раса, раскинувшаяся от Урала до Чукотки и Приморья, в схемах разных авторов носит различные названия: палеоарктические варианты у В. Джуффрида-Руджери, палеоарктическая группа у А. Гэддона, палеосибирская раса у Г. Монтандона, сибирская раса у Э. Айкштеда. Она включена в монголоидную большую расу и объединяет в своих западных вариантах остяков, вогулов, самоедов, енисейских кетов, иногда также сойотов, алтайцев и хакасов, а на востоке — тунгусов, юкагиров, коряков, чукчей, камчадалов, орочей и гиляков. Обстоятельный разбор расовых классификаций многих западных авторов приведен в книге М.Г. Левина [1958, с. 27–40]. За рубежом подобные классификационные схемы до сих пор пользуются широкой популярностью. В России же постепенно отказались от концепции палеосибирской расы и, взяв за исходные работы С.И. Руденко и И.Е. Деникера, на основе объемного нового материала выработали иные схемы расовых типов Сибири.

Исследование финно-угорских народов в 1920-е годы начато В.В. Бунаком в Поволжье. Анализируя собранные материалы и сравнивая их с

данными С.И. Руденко, он установил сходство восточных финнов с вогулами и остяками. Суммарный антропологический тип, наиболее отчетливо представленный у вогулов, В.В. Бунак предложил назвать уральским, а его более мезокефальный и высокоголовый волжский вариант, отмеченный у марийцев, — субуральским типом [1924, 1924а]. Кроме того, среди удмуртов отмечен брахикефальный и менее высоколицый тип, названный сублапоноидным [Bunak, 1932].

Г.Ф. Дебец, исследуя неолитические черепа Прибайкалья, выделил среди них особый тип, который был отмечен у современных тунгусов и получил название байкальского. Как считал в то время Дебец, определенное сходство байкальского типа с уральским типом остяков и вогулов свидетельствует об их генетической связи. На этом основании он объединил байкальский, уральский и эскимосский типы в одну палеосибирскую расу, солидаризуясь таким образом с западными исследователями [Дебец, 1930]. Мысль о родстве вогулов и остяков с байкальским типом разделяли и другие исследователи [Бунак, 1934; Рогинский, 1934; Трофимова, 1947].

Со временем начали появляться новые полевые материалы по народам Западной Сибири. Р.П. Митусова из Ленинградского университета в 1924–1925 гг. исследовала 512 лесных ненцев Обско-Тазовского водораздела, 120 аганских и тром-юганских хантов, а также небольшую группу ненцев-юраков Тазовской губы.

Одновременно (в 1924–1927 гг.) группа сотрудников Института антропологии МГУ под руководством А.И. Ярхо провела обширные исследования коренного населения Алтае-Саянского нагорья. По обширной программе обследовано свыше 1300 алтайцев, 230 шорцев, 760 хакасов, 130 тувинцев и 120 казахов. Полученные материалы легли в основу разработанной А.И. Ярхо классификации антропологических типов Сибири [1929, 1934, 1936, 1947]. Критически оценивая данные предшествующих исследователей о значительном распространении светлопигментированного элемента среди северных алтайцев, Ярхо тем не менее установил четкие антропологические отличия северных алтайцев от тувинцев, южных алтайцев и казахов. Одновременно обнаружилось большое сходство северных алтайцев и шорцев с южными хакасами, особенно бельтирами. Для этих групп характерны мезо-долихокефалия, умеренная пигментация и несильная выраженность монголоидных особенностей в строении лица, носа и глаз. Выделенный тип Ярхо назвал урало-алтайским и отметил его почти полную идентичность угорской расе Деникера и уральскому типу Бунака. В более чистом виде этот тип представлен у вогулов. Среди остяков урало-алтайский тип выступает смешанно с центральноазиатским типом. Последний отличается брахикефалией, более крупным и плоским лицом, слабовыступающим носом, частым эпикантусом, темной пигментацией и другими типично монголоидными признаками. Относя к центральноазиатскому типу самоедов, Ярхо в отличие от Руденко отрицал их специфическое сходство с тувинцами. Кеты включены вместе с казахами, киргизами и теленгетами в состав третьего — южносибирского — типа, который,

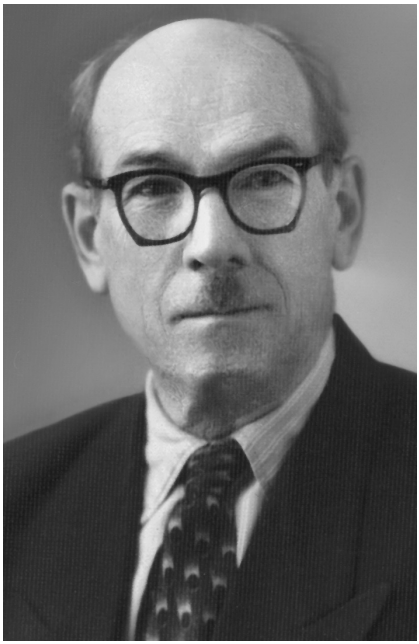
по словам А.И. Ярхо, сближается по описательным признакам с урало-алтайским типом, а по измерительным — с центральноазиатским. Классификация А.И. Ярхо получила признание и с небольшими изменениями была принята в первом учебнике по антропологии [Бунак и др., 1941].

Исследования коренного населения Западной Сибири были продолжены сотрудниками Института антропологии МГУ в предвоенные годы. Г.Ф. Дебец и Т.А. Трофимова в 1937 г. обследовали томских, чулымских, барабинских и тевризских татар, Н.Н. Чебоксаров, С.А. Шлугер и А.И. Закревская в 1938–1939 гг. — ненцев Европейского Севера и Ямало-Ненецкого национального округа. В 1939 г. Н.Н. Чебоксаров, Т.А. Трофимова и Л.С. Мстиславский провели работу среди различных групп манси на восточном и западном склонах Урала, а Г.Ф. Дебец и К.В. Вильшау — среди тымских селькупов и ваховских хантов. Наконец, в 1941 г. Г.Ф. Дебец и С.А. Шлугер собрали материал по кетам р. Егогуй, селькупам-юракам, эвенкам и метисам бассейна р. Таз. В совокупности экспедиции 1937–1941 гг. покрыли сплошной антропологической съемкой значительную часть территории Западной Сибири. Уральский тип был установлен у барабинских и иртышских татар [Дебец, Трофимова, 1941; Трофимова, 1947], ненцев [Шлугер, 1940, 1941], селькупов и ваховских хантов [Дебец, 1947]. Одновременно выяснилась большая сложность расового состава населения Западной Сибири. Характерный для кетов енисейский («американоидный») тип отмечен у ивдельских манси [Трофимова, Чебоксаров, 1941; Чебоксаров, Трофимова, 1941], ямальских ненцев [Шлугер, 1940], ваховских хантов [Дебец, 1941, 1947], нарымских и тазовских селькупов [Дебец, 1947]. У чулымцев зафиксирован особый низколицый монголоидный тип [Дебец, Трофимова, 1941; Дебец, 1947; 1948, с. 214], который был обнаружен также у иртышских татар [Трофимова, 1947] и восточных ненцев [Шлугер, 1940, 1941]. Среди манси, ваховских хантов, тымских и тазовских селькупов установлена также примесь европеоидных элементов [Трофимова, Чебоксаров, 1941; Чебоксаров, Трофимова, 1941; Дебец, 1941; 1941а, с. 16–17; 1947]. Кроме обычных антропологических измерений сотрудниками Института антропологии собраны в Западной Сибири материалы по группам крови, пальцевым узорам и некоторым другим дополнительным признакам, частично опубликованные в 1941 г. [Дебец, 1941а; Трофимова, Чебоксаров, 1941; Шлугер, 1941; Волоцкий, 1941]. Проводилось исследование краниологических материалов. М.Г. Левин заново измерил мансийские черепа коллекции Гондатти, впервые подробно описал и опубликовал материалы по черепам хантов, привезенным Яновичем [1941]. Американский антрополог А. Грдличка исследовал в музеях Москвы и Ленинграда черепа ненцев, хантов, манси и селькупов [Hrdlička, 1942, 1944]. Г.Ф. Дебец изучил черепа из поздних могильников томских и чулымских тюрков [1948, с. 211–214, прил. 35]. В дальнейшем Г.Ф. Дебец издал сводку хранящихся в местных и центральных музеях СССР краниологических серий по сибирским народам [1951].

Н.С. Розов, антрополог из Томского университета, в 1948–1949 гг. собрал соматологический материал по чулымцам, селькупам и метисам в

нижнем течении р. Чулым. В 1950 г. исследованием были охвачены селькупы и эвенки на р. Кети, в 1951 г. — чулымцы среднего Чулыма и томские татары, в 1952 г. — васюганские ханты и эвенки, в 1959 и 1961 гг. — русские старожилы и томские татары в окрестностях г. Томска. Основная часть собранных материалов была им опубликована [1958, 1961, 1961а].

Одновременно Н.С. Розов взялся за организацию в Томском университете Кабинета антропологии. Основу его коллекций составили краниологические материалы старых сборов, которые были переданы из Археологического музея университета. Коллекции существенно пополнились в результате раскопок поздних могильников, проведенных А.П. Дульзоном и Е.М. Пеняевым в 1946–1953 гг. на реках Чулым, Обь и Кеть. В результате составились две представительные краниологические серии — селькупская и чулымская, которые были обработаны и опубликованы [Розов, 1956а, 1961].



Н.С. Розов (1896–1987). Томск, 1961 г.

Николай Сергеевич Розов родился 7 мая 1896 г. в с. Николо-Замошве Ярославской губернии в семье священнослужителя. В 1916 г. окончил гимназию в г. Ростове. С 1923 по 1929 г. обучался в Ленинградском государственном университете на географическом факультете по специальности «Этническая антропология». Во время учебы и после окончания университета до 1932 г. был научным сотрудником антропологического отдела Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде. Тогда же работал и в этнографическом музее университета, а в 1931–1934 гг. выполнял обязанности доцента на одной из кафедр Института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта.

В 1930 г. Н.С. Розов, будучи участником экспедиции по исследованию южной границы Великого оледенения на севере Западной Сибири, побывал в Томске, где познакомился с профессором Томского медицинского института А.П. Азбукиным, который и пригласил его в 1934 г. для чтения курса антропометрии на кафедру нормальной анатомии, куда Н.С. Розов и был зачислен на должность доцента. Работая в Томском медицинском институте, он организовал антропологический кабинет, основной задачей которого было изучение соматологических особенностей сибирского населения и внедрение методов антропологических исследований в медицинскую практику.

В 1946 г. Н.С. Розов защитил в Томском мединституте диссертацию на степень кандидата биологических наук «О физическом развитии работниц ленинградских предприятий в связи с внедрением физкультуры в производственный процесс».

С 1947 г. научная деятельность Н.С. Розова тесно связана с Томским университетом, где он возглавлял кафедру анатомии и гистологии до 1950 г., а с 1950 по

1961 г. работал доцентом кафедры физиологии человека и животных. В 1948 г. организовал на кафедре анатомии и гистологии биолого-почвенного факультета антропологический музей. Консультируясь с С.И. Руденко и Г.Ф. Дебецем, он провел паспортизацию антропологических коллекций. В 1958 г. на биолого-почвенном факультете университета был открыт Кабинет антропологии, где сосредоточились все сохранившиеся краниологические и остеологические материалы. Оживление археологических изысканий в 1960-х годах привело к существенному пополнению фондов, коллекции которого приобрели характер палеоантропологического собрания.

В 1948–1949 гг. под руководством Н.С. Розова были проведены раскопки могильника чулымских татар XVIII–XIX вв. Ясашная Гора. Фонды Кабинета антропологии пополнялись и в результате археологических работ А.П. Дульзона, Е.М. Пеняеева и др. На базе краниологических материалов Н.С. Розовым подготовлен ряд публикаций, посвященных происхождению древнего и современного населения Западной Сибири [1947, 1955, 1956, 1957, 1958, 1961].

Уже будучи на пенсии, Н.С. Розов активно продолжал сотрудничать как с биологами, так и с историками Томска, принимая участие в семинарах, совещаниях и конференциях. Скончался Н.С. Розов 3 октября 1987 г. в г. Томске. Материал о жизни Н.С. Розова почерпнут нами из публикаций М.П. Рыкун [2001в, 2003, 2006].

Начиная с 1959 г. обширные серологические исследования в Сибири проводились экспедициями МГУ под общим руководством Ю.Г. Рычкова. По программе, включающей определение групп крови различных систем, обследованы в частности ненцы, ханты, селькупы, шорцы, кумандинцы, тубалары [Рычков, 1961, 1965, 1969, 1969а; Рычков и др., 1969; Шереметьева, Рычков, 1978]. С 1965 г. активную работу по изучению биохимического полиморфизма сибирских народов проводит В.А. Спицын [1974]. Итогом многолетних исследований стал выход в свет обобщающей работы коллектива авторов под редакцией Ю.Г. Рычкова «Генофонд и геногеография народонаселения» (Т. 1: Генофонд населения России и сопредельных стран) [2000], в которой представлена исчерпывающая сводка опубликованных литературных и новых данных по распространению частот генов и фенотипам практически всех народов Западной Сибири. В монографии содержится вся накопленная за многие десятилетия генетическая информация — от первых определений групп крови АВ0 и цветовой слепоты, осуществленных в начале XX в., до современных данных о многообразии эритроцитарных и лейкоцитарных антигенов, ферментов и других белков крови вплоть до первых характеристик полиморфизма ДНК. Обобщены и новейшие данные по генетике коренных жителей Западной и Южной Сибири [Балаганская, 2011; Лавряшина, 2012; и др.].

Т.Д. Гладковой и Г.Л. Хить обработан обширный материал по дерматоглифике многих групп коренного населения Западной Сибири [Гладкова, 1961; Гладкова, Хить, 1968; Хить, 1973, 1979, 1983, 1984; Хить, Томилов, 1981]. Существенную помощь в сборе дерматоглифического материала по тюркоязычным группам Западной Сибири оказали этнографы Омского университета. Благодаря их полевым работам впервые получен мате-

риал по одонтологии сибирских татар и телеутов [Халдеева, 1984; Ефимова С.В., 1984].

В 1976–1981 гг. экспедициями Института антропологии МГУ под руководством Т.И. Алексеевой и И.В. Перевозчикова проводился сбор материалов по соматологии, серологии, дерматоглифике, одонтологии и по специальной физиологической программе среди коренного населения Алтае-Саянского нагорья — хакасов, шорцев, телеутов [Гладкова, Битадзе, 1979; Тегако, 1979; Чикишева, 1982].

В начале 1960-х годов в Томск приезжает В.А. Дрёмов, который под руководством Н.С. Розова приступает к обработке антропологических материалов и становится достойным продолжателем его научной деятельности. Интенсивные археологические изыскания в 1960-х годах привели к существенному пополнению фондов Кабинета антропологии. В связи с тем, что коллекции Кабинета приобрели характер палеоантропологического собрания, он был передан в 1967 г. на исторический факультет, а в 1968 г. вошел в состав созданной Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета (ПНИЛИАЭС ТГУ).

Прекрасно понимая значение антропологических данных в разработке проблем генезиса палеопопуляций и этногенеза современных народов, В.А. Дрёмов много внимания уделял пополнению фондов Кабинета. В 1960–1980-е годы сюда стекались практически все палеоантропологические находки из Западной и Южной Сибири. Несмотря на ряд технических сложностей (например, отсутствие в течение долгого времени соответствующего помещения), все поставлявшиеся археологами материалы паспортизировались.

Помимо этого, В.А. Дрёмов включился в начатый еще Н.С. Розовым сбор антропологических материалов по современным коренным народам. С образованием в 1981 г. сектора антропологии в ПНИЛИАЭС ТГУ эта деятельность приобрела планомерный характер. Сотрудниками сектора В.А. Дрёмовым, А.Р. Кимом и А.Н. Багашёвым осуществлен сбор антропологических данных по разнообразным группам и подгруппам коренного населения Западной Сибири, среди которых присутствуют материалы по хакасам, шорцам, северным и южным алтайцам, чулымцам, томским, барабинским и тоболо-иртышским татарам, селькупам, среднеобским и иртышским хантам, манси. Одновременно проводилась обработка значительных палеоантропологических материалов, поступавших в Кабинет антропологии Томского университета. К середине 1990-х годов Кабинет антропологии превратился в одно из крупнейших хранилищ антропологических материалов в России. Если в 1963 г. в нем насчитывалось около 600 ед. хр., то в настоящее время — более 6000 черепов и 2000 скелетов.

Все коллекции до 1979 г. включительно В.А. Дрёмов совместно с А.Р. Кимом тщательно проверили на предмет мест сборов, датировок, культурной и этнической принадлежности. После этой работы практически не осталось «безымянных» находок. В результате ими был составлен каталог антропологических коллекций [Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета, 1979].

В.А. Дрёмов (1940–1996). Томск, 1989 г.

Владимир Анатольевич Дрёмов родился 22 декабря 1940 г. в г. Новосибирске. После окончания исторического факультета Новосибирского педагогического института в 1963 г. переехал в Томск. Дальнейшая научная деятельность В.А. Дрёмова была неразрывно связана с Томским университетом и Кабинетом антропологии, где он работал с 1963 г. лаборантом кафедры физиологии человека и животных, а с 1968 г. научным сотрудником ПНИЛИАЭС ТГУ. Интерес В.А. Дрёмова к антропологии определился еще в студенческие годы на историческом факультете Новосибирского педагогического института, когда он принимал участие в археологических исследованиях под руководством Т.Н. Троицкой.

Область знаний, в которой работал Владимир Анатольевич, определилась с самого начала его научно-исследовательской деятельности: происхождение древнего и современного населения Западной Сибири и прилегающих территорий на основе изучения палеоантропологических находок эпох неолита, бронзы, раннего железа, средневековья, а также близких к современности краниологических материалов, достоверно связанных с предками известных этносов.

Плодотворная научно-исследовательская деятельность В.А. Дрёмова нашла отражение в многочисленных работах, посвященных происхождению и расовому составу древних племен и современных народов Западной и Южной Сибири. Исключительно тщательный подход к материалу, неординарный взгляд на проблему и высочайшая эрудиция всегда приводили к появлению публикаций, которые сразу привлекали внимание не только специалистов-антропологов, но и археологов, этнографов, лингвистов, историков. Особенно заметный вклад в палеоантропологию внесли работы по происхождению населения Западной и Южной Сибири в эпоху неолита и бронзового века. Изучение обширных палеоантропологических материалов этого времени, по объему в 5 раз превышающих ранее опубликованные, впервые позволило В.А. Дрёмову подробно и последовательно в хронологическом плане рассмотреть расовый состав древнего населения южной части Западной Сибири. Он пришел к заключению, что этот регион являлся ареной взаимодействия групп, относившихся к разным типам европеоидного и монголоидного расовых стволов. Юг Западной Сибири не был в древности самостоятельным очагом расообразования, здесь ведущим расообразующим фактором выступали метисационные процессы. Разнообразие расовых типов, зафиксированное исследователем на палеоантропологических материалах, связывается с различными этническими компонентами, принявшими участие в генезисе древнего населения. Были выявлены следующие компоненты: монголоидный палеосибирского облика (Усть-Иша, Иткуль), свидетельствующий о проникновении групп людей из Восточной Сибири, и низколицый монголоидный (встречается в неолите и в андроновское время), генетически связанный с таежными районами Западной Сибири. Правда, в южных областях он не составляет значительной доли, но его присутствие в материалах различных эпох свидетельствует о не прекращавшихся связях с населением тайги. Расовые элементы европеоидного типа, фиксируемые

в составе населения Западной Сибири, также различного происхождения. Так, европеоидный компонент в неолитических могильниках Усть-Иша и Иткуль, видимо, связан с матуризованными вариантами древнесредиземноморской расы. Некоторые европеоидные типы свидетельствуют о связях с окуневским населением Минусинской котловины. В лесостепной полосе Западной Сибири фиксируется и несколько вариантов протоевропейского типа. Сводка всех материалов по неолитическому времени и эпохе бронзы, обобщение многолетних исследований содержится в монографии В.А. Дрёмова «Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк)» [1997], которая вышла уже после смерти автора.

Серия публикаций В.А. Дрёмова посвящена анализу расового состава и происхождению населения Западной и Южной Сибири в эпоху раннего железа и средневековья. В них показаны родственные связи между племенами и их роль в расогенезе современных этносов.

Весьма плодотворной была деятельность В.А. Дрёмова в области этнической антропологии, разработке проблем этногенеза коренных народов. Им собраны и введены в научный оборот краниологические материалы по среднеобским хантам, нарымским селькупам, чулымским и томским тюркам, некоторым группам хакасов и алтайцев. Впервые в науке было дано описание их краниологических особенностей, выявлены этногенетические связи и определено таксономическое положение в расовых классификациях.

В заключение необходимо остановиться на таком аспекте деятельности В.А. Дрёмова, как подготовка исследователей-антропологов. Владимир Анатольевич обладал удивительной способностью увлекать своими планами, мог многому научить. Под его руководством студенты выполняли курсовые и дипломные работы. Постепенно сложилась группа антропологов, работавших в одном направлении, что обусловило более целенаправленный и интенсивный сбор краниоостеологических материалов и их научное исследование. В 1982 г. В.А. Дрёмов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Антропология Верхнего Приобья в эпохи неолита и бронзы». Позднее это сделали и его ученики: в 1987 г. А.Р. Ким — «Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая», в 1989 г. А.Н. Багашёв — «Антропологический состав и формирование тоболо-иртышских татар по данным краниоостеологии».

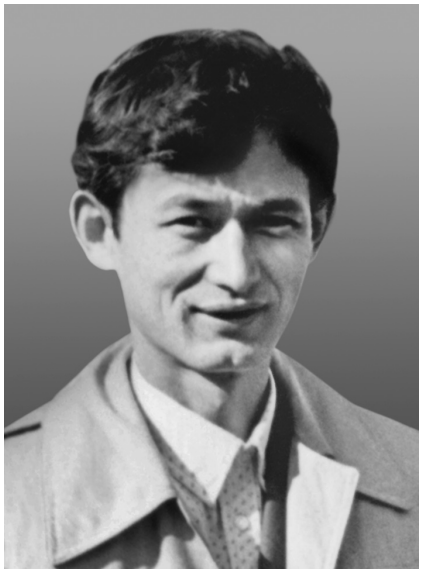
Таким образом, даже такой краткий обзор основных направлений деятельности В.А. Дрёмова свидетельствует о том, что он сыграл весьма существенную роль в развитии антропологической науки в Сибири. Сохраненная и значительно пополненная им источниковая база будет служить фундаментом многих антропологических работ, а его научные исследования позволили выявить ряд ранее неизвестных исторических событий, что внесло ощутимый вклад в решение проблем происхождения древних и современных народов Западной и Южной Сибири. Скончался В.А. Дрёмов 22 марта 1996 г. в г. Томске [Багашёв, 2000, 2004; Рыкун, 2001, 2010].

Создание репрезентативной источниковой базы по антропологии современных коренных народов Западной и Южной Сибири позволило в конце 1980-х годов приступить к подготовке коллективной обобщающей работы по проблемам их расогенеза, руководителем и координатором которой до последнего дня являлся В.А. Дрёмов. В монографии, которая вышла в серии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири», содер-

жится полная сводка современных краниологических данных, прослежены основные факторы расообразования [1998]. Удалось зафиксировать своеобразие морфологического типа народов Западной Сибири, что противопоставляет их как монголоидным, так и европеоидным популяциям, равно как и группам смешанного происхождения. Изложенный выше исторический обзор развития антропологии в Томске как научного направления свидетельствует о том, что, несмотря на периоды спада исследований, преемственность между поколениями ученых все же сохранялась. С полным основанием можно говорить, что В.А. Дрёмов стал преемником и продолжателем лучших традиций русских ученых-антропологов — Малиева, Чугунова, Руденко, Розова, а через его наставничество эти традиции продолжили и его ученики.

С 1970 г. к антропологическим исследованиям приступает А.Р. Ким, который начинает еще студентом работать под руководством В.А. Дрёмова в Томском университете.

Аркадий Романович Ким родился 2 февраля 1946 г. в г. Ангрен Ташкентской области (Узбекистан). Научная деятельность А.Р. Кима началась в Томском университете. Впервые побывав на студенческой антропологической практике на р. Чулым в 1970 г., он уже с осени этого же года стал работать лаборантом Кабинета антропологии, а после окончания в 1974 г. исторического факультета Томского университета был зачислен в штат ПНИЛИАЭС ТГУ.



А.Р. Ким (1946–1993). Томск, 1982 г.

С 1975 г. А.Р. Ким включился в планомерные антропологические исследования коренного населения Западной Сибири, самостоятельно проводил полевые работы в Томской, Новосибирской, Омской, Кемеровской областях, Алтайском и Красноярском краях. Его исследования внесли существенный вклад в разработку вопросов систематики промежуточных монголоидно-европеоидных типов коренного населения Западной и Южной Сибири. Среди изученных им кумандинцев, шорцев и телеутов впервые выявлен своеобразный североалтайский антропологический вариант, выходящий за пределы вариаций уральской и южносибирской групп популяций и занимающий самостоятельное таксономическое положение. Исследованные А.Р. Кимом краниологические материалы по средневековому населению западносибирской лесостепи позволили ему обнаружить некоторые важные моменты происхождения антропологических комплексов, принявших участие в генезисе современных тюркоязычных народов Алтае-Саянского нагорья.

В 1988 г. А.Р. Ким переехал в г. Барнаул, столицу Алтайского края. В Алтайском университете он продолжил заниматься изучением антропологического состава населения Северного и Горного Алтая. При Музее археологии Алтайского университета был создан центр по обработке и хранению палеоантропологиче-

ских коллекций. В начале 1990-х годов при Алтайском университете был организован Институт гуманитарных исследований, в который А.Р. Ким был приглашен сначала заместителем директора по научной работе, а затем возглавил его в качестве директора. Будучи директором Института гуманитарных исследований, А.Р. Ким устанавливает тесное сотрудничество с антропологами ряда зарубежных стран — Монголии, Южной Кореи, Венгрии, США, в сотрудничестве с археологами существенно интенсифицирует сбор палеоантропологических материалов и их научную обработку. Однако внезапно и трагически жизнь А.Р. Кима оборвалась в г. Барнауле 6 мая 1993 г. [Рыкун, Боброва, 1998; Рыкун, 2001б].

При изучении проблем происхождения коренного населения Алтая А.Р. Ким организует сбор краниологических данных по шорцам, алтайцам, кумандинцам, телеутам, кызыльцам, а также по барабинской группе тоболо-иртышских татар, что позволило впервые охарактеризовать эти народы в антропологическом отношении.

С 1975 г. к антропологическим исследованиям в Томском университете подключается А.Н. Багашёв. Впервые еще студентом исторического факультета в 1975 г. побывав в составе антропологической экспедиции на р. Чулым (руководитель А.Р. Ким), он связал свою судьбу с антропологией. Первоначальная тема его исследований была посвящена характеру распределения дискретно-варьирующих признаков на черепах тюркоязычного населения Южной Сибири [Дрёмов и др., 1983; Багашёв, 1984]. Через 2 года после окончания исторического факультета в 1981 г. А.Н. Багашёв был зачислен в штат ПНИЛИАЭС ТГУ. Основной темой его исследований становится проблема происхождения тюркоязычного населения западносибирской лесостепи. С 1983 по 1987 г. А.Н. Багашёвым организованы антропологические экспедиции в Омскую и Тюменскую области, в результате которых был впервые собран оригинальный краниологический и остеологический материал по всем этнолингвистическим группам тоболо-иртышских татар — аялынской, коурдакской, саргатской, тюменской и тобольской. Новые материалы в совокупности со средневековыми палеоантропологическими данными из могильников Среднего Прииртышья легли в основу кандидатской диссертации [Багашёв, 1989] и монографии «Этническая антропология тоболо-иртышских татар» [1993а]. Одновременно осуществлялся сбор краниологических материалов по уграм Западной Сибири. Так, в 1987 г. впервые был получен краниологический материал по южным хантам [1991, 1999], в 1988 г. — по ивдельским манси [1999а, б].

Анатолий Николаевич Багашёв родился 28 июня 1957 г. в г. Березники Пермской области. После окончания средней школы в 1974 г. поступил на исторический факультет Томского государственного университета. В 1975 г. впервые участвовал в антропологической экспедиции под руководством А.Р. Кима на р. Чулым, в 1976–1977 гг. под его же руководством — в экспедициях в Горную Шорию.

После окончания исторического факультета в 1979–1981 гг. работал учителем в сельской школе пос. Самусь Томской области, а с августа 1981 г. по май 1990 г. — научным сотрудником Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете.

А.Н. Багашёв. Томск, 1982 г.

Под руководством В.А. Дрёмова в Кабинете антропологии ТГУ проводилась обработка краниологических и остеологических материалов, планировались направления научных изысканий. Пополнение источниковой базы поставило вопрос о подготовке обобщающей работы по антропологии коренного населения Западной Сибири. Начиная с 1984 г. коллектив антропологов в составе В.А. Дрёмова, А.Р. Кима и А.Н. Багашёва разработал план-проспект и приступил к написанию монографии по расогенезу коренного населения.

С 1990 г. А.Н. Багашёв работает в созданной лаборатории археологии и этнической антропологии Института проблем освоения Севера СО АН СССР (г. Тюмень). В данной лаборатории он руководил группой антропологов. За это время была организована полномасштабная обработка палеоантропологических материалов по эпохам каменного века и раннего железа, средним векам с территории Западной и Южной Сибири, а также сбор близких к современности данных по физической антропологии народов Северной Азии. По результатам работ изданы ряд обобщающих монографий и серия статей.

С 1999 по 2013 г. А.Н. Багашёв возглавлял созданную в Институте проблем освоения Севера СО РАН лабораторию антропологии и этнографии. В 2013 г. был создан сектор физической антропологии. С 2007 г. по настоящее время А.Н. Багашёв является директором Института проблем освоения Севера СО РАН.

Под его руководством подготовлен ряд кандидатских диссертаций по антропологии (М.П. Рыкун, Д.И. Ражев) и этнологии (Е.А. Волжанина, Е.Г. Чумак), им опубликовано более 110 научных работ, в том числе 8 монографий.

В этих работах на основе оригинальных палеоантропологических данных и близких к современности антропологических (краниологических) материалов, отражающих особенности расовой структуры и физического облика популяций, прослежены важнейшие этапы истории антропологических типов Северной Евразии, определен генезис расовых компонентов и уточнены пределы изменчивости палеопопуляций и современных угорских, самодийских, тюркских, монгольских групп в пространстве и во времени, реконструированы основные направления их этногенетических связей в различные исторические эпохи — камня, бронзы, раннего железа, средневековья и нового времени.

В монографии «Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа» [2000б] А.Н. Багашёвым рассмотрен антропологический состав населения эпохи неолита Западной и Южной Сибири, выявлены компоненты, происходящие с территории Передней и Средней Азии (кельтеминарская культура), Восточной Европы и Карелии (волосовская культура, Южный Олений остров), Восточной Сибири. Им установлено, что реконструируемая этногенетическая ситуация в эпоху бронзы характеризуется перемещением в Азиатскую часть России европеоидных племен андроновской культурной общности, связываемых в генезисе с протоевропейским (кроманьонским) населением Восточной Европы. Они в совокупности с афанасьевским европеоидным населением Алтая, протоморфным аборигенным низколицым монголоидным населением таежной полосы Западной

А.Н. Багашёв. Тюмень, 2010 г.

Сибири и классическими высоколицыми монголоидами Центральной Азии явились антропологической основой сложения многочисленных племен эпохи раннего железного века. В конце бронзового века реконструируется миграционный поток с территории Центральной Азии групп, носителей карасукских культурных традиций, в Среднюю Азию, Киргизию и Казахстан, где они стали компонентом генезиса ранних сакских племен, позднее опосредованно вошедших и в состав усуней. Данным импульсом объясняется появление монголоидной примеси у населения региона.

Впервые в антропологической структуре населения различных археологических культур эпохи раннего железа Западной Сибири А.Н. Багашёвым были обнаружены основные компоненты и показан их генезис. В формировании специфики популяций ранних кочевников степей и лесостепной полосы доминирующая роль принадлежала трем европеоидным компонентам — андроновским (федоровскому и алакульскому) и местному, сформировавшемуся в Хакасско-Минусинской котловине. В генезисе же северных западносибирских и горноалтайских групп приняли активное участие протоморфные таежные низколицые монголоиды и в меньшей степени центральноазиатского происхождения. К I тыс. до н.э. отнесена дифференциация протоморфного низколицего монголоидного комплекса на два варианта, оформившиеся в середине I тыс. н.э. в типы, характерные для современных обских угров и южных самодийцев.

А.Н. Багашёвым показана роль палеопопуляций раннего железа в генезисе современных уральских и тюрко-монгольских народов, которая была неодинаковой в северных таежных и более южных лесостепных и степных областях. Так, на юге повсеместно наблюдается ослабление этногенетических связей на грани почти полного разрыва, тогда как на севере между различными хронологическими срезами антропологического покрова связь прослеживается довольно отчетливо. На этом основании предложена концепция генезиса южных самодийцев, согласно которой антропологический тип, характерный для современных селькупов, уходит корнями в эпоху неолита, определяет физический тип населения кулайской культурной общности в раннем железе и средневековых популяций Среднего Приобья.

В работах, посвященных формированию современного населения Западной Сибири, А.Н. Багашёв не только вводит в научный оборот обширные краниологические источники (впервые публикуются краниологические материалы по тобо-ло-иртышским татарам, южным хантам, западным манси, сибирским тундровым ненцам), но и выявляет ряд важных закономерностей хронологической и географической изменчивости древнего и современного населения. Это позволило построить новую систематику антропологических типов Северной Евразии, определить временные рубежи и территории их сложения. Согласно материалам автора, на территории Западной Сибири в древности и современности повсеместно фиксируется антропологический комплекс, своеобразие которого отграничивает западносибирские популяции как от представителей европеоидной и монголоидной больших рас, так и от групп смешанного происхождения. Эта особенность обусловлена консервацией недифференцированных расовых черт в условиях геогра-

фической изоляции на ранних стадиях расообразования, и только на финальных этапах все более заметную роль приобретают метисационные процессы. Выделение народов, носителей данного комплекса признаков, в самостоятельную локальную расу или антропологическую формацию — западносибирскую — подразумевает существовавшее некогда их единство и сходство расообразующих факторов. Выделен особый — западносибирский — очаг расообразования на иерархическом уровне вторичного, который наряду с азиатскими континентальным и прибрежным входит в состав первичного восточного очага и выделяется из него в финале эпохи палеолита, когда еще существовал генетический мост между монголоидами Азии и Северной Америки. Дочерние очаги в составе западносибирского — северный, южный и ямало-енисейский — соотнесены соответственно с генезисом обских угров, южных самодийцев, кетов и северных самодийцев. Тюрков и финнов Поволжья, ранее объединяемых с народами Западной Сибири, предложено рассматривать в качестве восточного приуральского варианта североевропейской (балтийской) расы, а северных самодийцев и кетов — в качестве ямало-енисейского антропологического типа западносибирской антропологической формации. Новая систематика расовых общностей приводит уровень их изменчивости к сопоставимым значениям и по сравнению со всеми ранее предложенными классификациями в наибольшей степени коррелирует с этнолингвистической дифференциацией народов Северной Евразии, поэтому более адекватно отражает родственные связи между этносами и их исторические судьбы.

Данная концепция как инструмент познания сложных процессов этногенеза народов Северной Азии получила положительную оценку российских [Козинцев, Моисеев, 2001] и зарубежных [Courtaud, Bruzek, 2000; Turner, 2001] исследователей.

В 1990 г. А.Н. Багашёв перешел на работу в Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук и переехал в г. Тюмень. Здесь основное внимание было уделено изучению краниологических материалов эпохи раннего железа, а также продолжен сбор недостающих краниологических данных по народам Западной Сибири. В Институте проблем освоения Севера СО РАН (ИПОС СО РАН) А.Н. Багашёвым был организован центр по сбору, хранению и обработке антропологических материалов в лаборатории антропологии и этнографии. Обобщение обширных материалов по палеоантропологии Сибири вылилось в докторскую диссертацию [2000в] и ряд монографий [2000б, 2011]. Репрезентативность источника позволила А.Н. Багашёву внести существенный вклад в проблему происхождения древнего и современного населения Западной Сибири, выявить механизмы формирования популяций и установить их систематику в предложенной новой таксономической структуре антропологических типов Северной Евразии.

С 1989 г. к антропологическим исследованиям в Томском университете подключается М.П. Рыкун. Область ее научных интересов — физическая антропология и палеоантропология коренного населения Сибири. В качестве базовой ей исследуется тема «Антропологический состав и проблемы расогенеза населения Западной Сибири. Краниологические материалы Кабинета антропологии ТГУ». В рамках этой темы М.П. Рыкун разрабатывается несколько направлений, одним из важнейших является рассмотрение проблем происхождения древнего населения Алтая в эпоху раннего желез-

ного века. Обработав обширные палеоантропологические материалы раннего железного века с территории Верхнего Приобья, М.П. Рыкун впервые определила компонентный состав, антропологические особенности данного населения, проследила исторические корни и роль популяций каменской культуры в генезисе средневекового и современного населения Северного Алтая [1997, 1999, 2001а, 2002, 2005, 2011, 2012, 2013].

Другим направлением деятельности М.П. Рыкун является систематизация имеющихся и поступающих в Кабинет антропологии материалов. На основе краниологических коллекций начато создание компьютерного банка данных, который постоянно пополняется новыми материалами. Он позволяет автоматизировать работу исследователей при решении конкретных задач. Подготовка краниологической серии для статистической обработки — важная задача первого этапа для любого антрополога. При этом необходимо выбрать информацию по заданному набору признаков, определить их последовательность, разбить группу по полу и возрастной категории. При палеодемографических исследованиях первоочередная задача — отобрать детские и взрослые совокупности. Кроме того, банк позволяет оперативно отобрать информацию по конкретной культуре или по любому хронологическому отрезку времени [Рыкун, Кравченко и др., 2007; Рыкун и др., 2007, 2011, 2011а; Рыкун, Кравченко, 2008, 2014; Кравченко и др., 2013].

М.П. Рыкун. Томск, 2005 г.

Марина Петровна Рыкун родилась 28 сентября 1965 г. в г. Прокопьевске Кемеровской области в семье педагогов Бокша Петра Ивановича и Антонины Федоровны, которые окончили в 1955 г. факультет физического воспитания Томского педагогического института. Анатомию у них преподавал Н.С. Розов, основатель Кабинета антропологии Томского университета. С детских лет М.П. Рыкун слышала от родителей о великолепном преподавателе и человеке Николае Сергеевиче Розове, который в совершенстве знал анатомию человека и владел латинским языком.

В 1988 г. М.П. Рыкун окончила биолого-почвенный факультет Томского государственного университета по кафедре цитологии и генетики. Анатомию человека студентам биолого-почвенного факультета в 1983–1988 гг. преподавал Ксенц Степан Михайлович, ученик и соратник Н.С. Розова.

В 1989 г. М.П. Рыкун поступила на работу в ПНИЛИАЭС ТГУ, где в качестве лаборанта Кабинета антропологии начала заниматься палеоантропологией под руководством В.А. Дрёмова и сразу подключилась к работе над коллективной монографией «Расогенез коренного населения», вышедшей в рамках «Очерков культурогенеза народов Западной Сибири» [1998].

В 2005 г. М.П. Рыкун удалось восстановить официальный статус Кабинета антропологии (официально открыт приказом ректора от 5 мая 1958 г.) как отдельного подразделения Томского университета, где осуществляются не только хранение, но и научная обработка поступающих краниологических материалов с территории Северной Евразии.

В 2005 г. М.П. Рыкун защитила кандидатскую диссертацию в Институте этнологии и антропологии РАН по теме «Палеоантропология Верхнего Приобья в эпоху раннего железа (по данным краниологии)» [2005], руководитель А.Н. Багашёв. В ней дана антропологическая характеристика населения Верхнего Приобья в эпоху раннего железа, выявлены расовые компоненты, участвовавшие в формировании каменского населения, определены основные направления расогенетических связей каменского населения с популяциями сопредельных территорий.

Особое место уделено в диссертационной работе изучению травматических повреждений, зафиксированных на черепах представителей каменской культуры. На основании их морфологического описания проводится реконструкция ситуации нанесения травм и прогнозируются события, связанные с получением данных повреждений, что свидетельствует о напряженной социальной обстановке в районе верхней Оби в эпоху раннего железного века и косвенно могло быть связано с миграциями кулайского населения.

В 2013 г. М.П. Рыкун опубликовала авторскую монографию «Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменской культуры)», в которой «практически новый, закрывающий пробелы, вводимый в литературу материал характеризует население зауральской лесостепи и позволяет оценить роль этого населения в ходе формирования антропологического состава ранних кочевников, входящих в скифо-сибирский мир» [Герасимова, 2015].

М.П. Рыкун совместно с А.И. Бобровой на основе изучения половозрастного состава популяций и анализа маркеров физиологического стресса проведены исследования, посвященные проблемам палеодемографии и здоровью тискинской группы населения [Боброва, Рыкун, 2006, 2008, 2009; Рыкун, Боброва, 2007], подготовлена коллективная монография «Нарымское Приобье во II тысячелетии (X–XX вв.)». Антропологические материалы в контексте общих исследований стали основой для реконструкции особенностей биологической организации селькупов, помогли уточнить и скорректировать выводы по палеопопуляционным процессам и состоянию здоровья аборигенного населения Нарымского края на базе анализа маркеров физиологического стресса на протяжении XIV — первой половины XIX в. Полученные данные позволили реконструировать некоторые аспекты состояния здоровья средневекового населения лесной зоны Западной Сибири [Ражев и др., 2011; Рыкун, 2012а; Рыкун, Кравченко, 2014].

М.П. Рыкун уделяет внимание и изучению палеоэкологии древних обществ на основе палеоантропологических данных. Анализ маркеров физиологического стресса, визуально фиксируемых на черепах, создает базу для реконструкции социальной и биологической среды обитания древних популяций. Целью такого исследования было изучение с помощью краниологических материалов особенности биологической адаптации и показателей состояния здоровья населения афанасьевской культуры Горного Алтая и андроновской культуры Алтая эпохи средней бронзы [Тур, Ры-

кун, 2004, 2006, 2006а, б, 2007, 2007а, 2008, 2009, 2014; Рыкун, 2007, 2008б].

Немаловажное значение М.П. Рыкун уделяет изучению отдельных этапов истории антропологических исследований в Томском государственном университете, что неразрывно связано с биографическими данными томских антропологов [Рыкун, Боброва, 1998; Рыкун, 2001, 2001б, в, 2003, 2006, 2008, 2008а, 2010].

В деятельности М.П. Рыкун важной составляющей частью стала педагогическая работа, ею разработан ряд спецкурсов для бакалавров и магистров социальных антропологов, археологов исторического факультета.

В конце XX — начале XXI в. антропологические исследования в Западной Сибири широко шагнули за пределы стен Томского университета. Уже упоминалось, что в связи с переездом в 1990 г. А.Н. Багашёва в г. Тюмень начинается становление антропологического направления в Институте проблем освоения Севера. С 1980-х годов формируется антропологическое направление в Институте истории, филологии и философии СО РАН в г. Новосибирске (ныне Институт археологии и этнографии СО РАН) под руководством Т.А. Чикишевой, в Алтайском государственном университете (г. Барнаул), сначала под руководством А.Р. Кима, позднее под руководством С.С. Тур.

В Институте проблем освоения Севера СО РАН антропологические исследования сосредоточены в секторе физической антропологии, который прошел непростой путь становления, связанный со структурными изменениями и формированием профессионального кадрового состава. Острая необходимость изучения коренных этносов Западной Сибири, проблем их происхождения, этнической истории, традиционного жизнеобеспечения и антропологического состава обусловила развитие в Институте этнографических и антропологических исследований. Первоначально (с 1991 г.) изучение антропологии древнего и современного населения Северной Евразии выполнялось в структуре лаборатории археологии и этнической антропологии А.Н. Багашёвым. Однако осознанная необходимость усиления антропологического направления способствовала возникновению в 1999 г. самостоятельного структурного подразделения — лаборатории антропологии и этнографии. При изучении антропологического состава древнего и современного населения Северной Азии основной упор был сделан на разработку проблем его происхождения и этнической истории.

С 2001 г. к антропологическим работам подключается выпускник Тюменского университета А.Л. Антонов (работал в лаборатории до 2005 г.), основным направлением деятельности которого становится изучение русского старожильческого и средневекового коренного населения Среднего Прииртышья. Благодаря его исследованиям впервые было получено представление об особенностях краниологии русских старожилов Сибири на популяционном уровне [Багашёв, Антонов, 2004, 2010].

С 2003 г. в рамках основной научной тематики Института проблем освоения Севера СО РАН ведет исследования О.Е. Пошехонова, интерес которой сфокусирован на проблемах антропологии средневекового населе-

ния. Основное направление ее научных интересов связано с историей племен, проживавших на огромной территории лесостепной и таежной зон Западной Сибири с конца раннего железного века до современности. Объектом исследования является краниологический материал, предметом — процесс формирования средневекового населения как источник исторической информации.

Палеоантропология южных районов Западной Сибири в эпоху Великого переселения народов исследована О.Е. Пошехоновой по краниологическим материалам бакальского могильника Устюг-1. Проведено сопоставление особенностей морфологии выборки с имеющимися данными по популяциям раннего железного века, раннего и развитого средневековья этого и сопредельных регионов, определена степень их биологической связи. Зафиксировано доминирование в составе бакальской серии компонента, генетически связанного с западносибирским населением эпохи раннего железного века. Установлено, что к IV–VI вв. в древнем многокомпонентном субстрате бакальцев уже практически не фиксируется европеоидный морфотип, теперь он присутствует только в качестве небольшой примеси, а основной составляющей является западносибирский низколицый монголоидный комплекс. К IX–XIII вв. он уже полностью преобладает в структуре палеопопуляции, однако в тюркский период с востока происходит приток смешанного населения с центральноазиатской примесью. Небольшая доля этого южносибирского морфотипа фиксируется у поздних бакальцев. Суперстратный кушнаренковский компонент, который обнаружен благодаря археологическим материалам, в антропологической структуре бакальского населения не зафиксирован [Пошехонова и др., 2016].

Изучение краниологических материалов из могильников усть-ишимской археологической культуры эпохи средневековья с территории Прииртышья позволило О.Е. Пошехоновой проследить расогенез средневекового населения этого региона от V в. вплоть до современности. В результате установлено, что на обширной территории подтайги и южной тайги Западной Сибири в эпоху раннего и развитого средневековья проживало население, имеющее много общего с таежными племенами раннего железного века. Зафиксировано преобладание западносибирского субстрата, который определял специфику физического облика усть-ишимцев. Роль средневекового населения таежного Прииртышья в расогенезе тоболо-иртышских татар несомненна. То есть в XIII–XIV вв. н.э. на обширной территории Среднего Прииртышья произошла смена культуры и языка на тюркские, что не повлекло за собой изменения антропологического типа населения [Пошехонова, 2011].

Из среднетаежных районов Приобья О.Е. Пошехоновой исследованы четыре средневековые выборки черепов — из Сайгатинских могильников, из могильников с урочища Барсова Гора, Частухинского Урия и из могильника Усть-Балык. Полученные данные позволили предварительно охарактеризовать на популяционном уровне расогенетические процессы, проходившие на данной территории в это время. Эти материалы охваты-

вают достаточно большой хронологический промежуток (VI–XV, VIII–XV и X–XX вв.) и относятся к разным археологическим культурам. Установлено, что в составе антропологической структуры средневекового населения присутствовали два различных элемента с разным удельным весом. Основу составил комплекс, близкий по морфологическим характеристикам современным представителям уральской группы популяций. Формирование данного населения видимо следует связывать со временем раннего железного века и более древними эпохами. Второй элемент можно соотнести с палеопопуляциями, в антропологическом типе которых преобладают черты современных обь-иртышских групп. При этом основной механизм расообразования можно обозначить как медленное смешение в результате инфильтрации населения подтайги и южной тайги на среднетаежную территорию Западной Сибири начиная как минимум с I тыс. до н.э. Без сомнения, средневековое население приняло непосредственное участие в формировании типа восточных хантов, и уже в эпоху средних веков физический облик жителей этого района был приближен к современным популяциям [Пошехонова, 2006, 2010; Багашёв, Пошехонова, 2007; Пошехонова, Алексеева, 2015].

С 2013 г. О.Е. Пошехонова начинает исследование вопросов происхождения северных селькупов. До этого времени данные по антропологии тазовских селькупов совершенно отсутствовали, то же касается и археологических сведений. В результате раскопок могильника Кикки-Акки была получена представительная краниологическая коллекция XVII–XIX вв. хорошей сохранности. Было установлено, что население верховьев р. Таз в этот период по своему антропологическому типу было приближено к восточным хантам, для него были характерны низкий долихокранный череп, уплощенное среднеширокое и средневысокое мезопрозопное лицо, плоское переносье и малый угол выступания носа. Однако бесспорно присутствие в их антропологической структуре компонента, связанного в генезисе с южными селькупами, особенно из северной части ареала их обитания (р. Тым) [Пошехонова, 2015; Пошехонова и др., 2015].

В сферу научных интересов О.Е. Пошехоновой попали материалы раннеякутских погребений XVI–XVII вв. Исследована краниология трех индивидов из Сергеляхского и Атласовских захоронений. Результаты проведенного анализа позволили констатировать довольно высокое морфологическое сходство краниологической структуры черепов из Атласовских и Сергеляхского захоронений с популяциями центральноазиатского и байкальского антропологических типов североазиатской формации [Багашёв и др., 2016; Бравина и др., 2016].

Ольга Евгеньевна Пошехонова родилась 29 июня 1976 г. в г. Тюмени. В период с 1994 по 1998 г. училась на историческом факультете Тюменского государственного университета (кафедра источниковедения). С 1998 по 2001 г. работала в должности старшего лаборанта археологического музея Тюменского университета и младшего научного сотрудника Тюменского областного краеведческого музея. С 2001 по 2003 г. являлась младшим научным сотрудником лаборатории палеоэко-

логии человека Института проблем освоения Севера СО РАН. В этот период занималась вопросами культурогенеза древнего неолитического населения юга Западной Сибири, исследовала технологию производства керамической посуды неолитических племен. С 2003 г. по настоящее время работает в должности научного сотрудника лаборатории антропологии и этнографии ИПОС СО РАН и занимается проблемами формирования средневекового населения Западной Сибири.

Специализация — палеоантропология населения Западной Сибири, краниология, полевая антропология.

В настоящее время О.Е. Пошехонова завершает работу по обобщению средневековых палеоантропологических материалов из таежных областей Западной Сибири в кандидатской диссертации «Формирование средневекового населения Среднего Приобья и Прииртышья». Как специалист О.Е. Пошехонова участвует в профессиональном становлении А.В. Слепцовой.

О.Е. Пошехонова. Тюмень, 2010 г.

С 2009 г. антропологией в Институте проблем освоения Севера начинает заниматься Д.И. Ражев. Основным направлением его научных исследований является биоархеология (биоантропология) — установление по морфологическим признакам на антропологических останках исторических, поведенческих, биографических событий и процессов, происходивших в древнем социуме или случавшихся в жизни человека. В его исследованиях представлено несколько аспектов этого антропологического направления.

В рамках палеодемографического (социо-демографического) аспекта рассматриваются половозрастные характеристики палеоантропологических выборок бронзового, раннего железного веков, средневековья и нового времени. На этом основании реконструируется часть социума, представители которой погребены в конкретном могильнике, и определяются демографические характеристики этой группы.

В ходе изучения материалов бронзового века Южного Урала было выявлено, что среди синташтинских и андроновских памятников широко представлены могильники, для которых характерна очень большая доля погребенных в возрасте до 14 лет, а также наличие коллективных единовременных захоронений. В результате было обосновано предположение, что состав погребальных комплексов рассматриваемых археологических культур образуется в процессе привилегированного социального отбора, в сферу действия которого попадало исключительно большое количество детей. Связать и объяснить факты многочисленности детей, коллективных захоронений и социальную селективность смогла гипотеза о «сакральных»

эпидемиях. В соответствии с ней смерть большинства детей, погребаемых в курганах, наступала в результате вспышек инфекционного заболевания, источником которого являлось почитаемое животное — корова. Сакральность объекта и/или характер протекания эпизоотии могли стать веским основанием для почитания умерших детей. Соответствующим антропозоонозом мог быть ящур или близкая к нему болезнь [Ражев, Епимахов, 2004].

Исследование саргатской антропологической выборки раннего железного века Западной Сибири позволило реконструировать часть социума, представители которой с наибольшей вероятностью подлежали погребению под курганными сооружениями. Половозрастное соотношение в совокупности погребений под курганными насыпями характеризуется значительным преобладанием мужчин над женщинами, минимальной долей детей и людей пожилого возраста. Также отмечается малочисленность захоронений по сравнению с реконструируемым количеством умерших людей. Для объяснения этого своеобразия предложена «военно-правящая» модель формирования саргатской антропологической выборки. Согласно ей предполагается, что в курганных комплексах погребались люди, главным образом относящиеся к военно-правящей группе саргатского социума. Основным критерием для применения этого обряда к человеку было занятие им значительного военного и/или правящего положения. Таким образом, мужчины курганной выборки были либо разного уровня правителями, либо заслужившими уважения воинами. Социальные роли женщин рассматриваемой совокупности реконструируются более разнообразно. Они могли быть социальными лидерами, воинами(?) или оказаться в престижном захоронении в качестве протеже знатного патрона. Детский контингент выборки формировался в первую очередь по протекции [Ражев, Ковригин, 1999; Ражев, 2009].

Другой аспект биоантропологического исследования — травмы и патологии. Д.И. Ражевым анализировались как отдельные случаи травмированных костей, позволяющие воссоздать характерные биографические ситуации, так и групповые патологические показатели, дающие возможность реконструировать санитарные аспекты существования древних обществ.

Рассмотрение частоты краниальных поражений в палеовыборках позволило разбить древние коллективы по уровню боевого травматизма на три категории. К первой относятся общества, в погребениях которых пораженные черепа не превышают 3 %. Боевой травматизм затрагивает очень небольшую часть таких коллективов, очевидно, их представители в основном не участвовали в военных сражениях. Из рассмотренных серий в эту категорию попадает скифское и позднескифское население, оставившее грунтовые могильники. Во вторую категорию объединяются коллективы, в могильниках которых краниальные травмы отмечаются в пределах 3–10 % как на мужских (в основном), так и на женских черепах. Боевые поражения в этих случаях затрагивают значительную часть общества — десятки процентов. По всей видимости, это население регулярно втягивалось в

военные действия, причем выступая как агрессорами, так и жертвами. В данную категорию попадает большинство групп раннего железного века. Третью категорию составляют объединения, в чьих некрополях доля травмированных мужских черепов превосходит 10%-ный рубеж. Не вызывает сомнения, что все эти мужчины принимали активное участие в военных действиях и имели боевые раны. В эту категорию попадают хунну и поздние сарматы [Ражев, 2009; Razev, Sharapova, 2012].

Для средневекового населения таежной зоны повреждения были зафиксированы на 7 % черепов. У мужчин травмы наблюдаются в разы чаще, чем у женщин. Основное количество повреждений приходится на период раннего средневековья (VIII–XII вв.), для которого их относительное количество приближается к 12 %, затрагивая и мужчин, и женщин. В позднем средневековье уровень травматизма снижается до 1 % и ранения обнаруживаются только у мужчин [Ражев, Пошехонова, 2009; Ражев, 2013].

Проведенное исследование зубочелюстных патологий палеоантропологических выборок Западной Сибири позволило установить распространенность и динамику основных стоматологических болезней таежного населения в период с VIII до начала XX в. Были выявлены две принципиально разные структуры заболеваемости, сменившие одна другую в историческое время. Системообразующим элементом первой модели был травматический периодонтит, вызывающий разнообразные осложнения. От него в разной степени страдала значительная, возможно большая, часть населения. Его причиной было постоянное употребление жестких, травмоопасных продуктов, прежде всего сушеной рыбы. В наиболее выраженном виде эта модель представлена в выборках VIII–XII вв., она продолжала существовать и в разных группах коренных обитателей леса вплоть до XX в. Ключевой болезнью второй модели является кариес зубов. Ему сопутствуют шлейф осложнений — заболевания пародонта. Основной причиной, вызывающей это заболевание, стало потребление в значительных количествах легкоусвояемых углеводов, прежде всего сахара. Эта модель начинает проявляться в выборках XII–XVI вв. В наиболее ярком виде мы можем наблюдать ее в наши дни, когда пораженность кариесогенными заболеваниями охватывает практически все взрослое население Западной Сибири. Природно-климатические условия таежной зоны, насколько это удалось проследить в ходе исследования, не оказывали решающего влияния на распространение стоматологических заболеваний среди населения в историческое время [Ражев и др., 2011].

Исследование морфологических проявлений анемии в виде поротического гиперостоза позволило обнаружить ряд закономерностей проявления этого заболевания у средневекового населения Западной Сибири. Распространенность морфологических признаков в изучаемой совокупности указывает на то, что у большей части людей было хроническое слабо или средне выраженное малокровие. Основная роль в возникновении анемии принадлежала санитарному фактору. Его ведущим компонентом могла быть гельминтозная инвазия описторхами и широким лентецом, попадавшими в организм человека с рыбой. Фиксируемое на палеоантропологи-

ческом материале хронологическое увеличение анемичных признаков свидетельствует об усилении иммунного стресса у населения позднего средневековья. Этому способствовали ухудшение условий жизни вследствие повышения локальной плотности населения, привнесение инфекций при увеличении внешних контактов, возможный рост гельминтной зараженности рыбы [Ражев, 2016].

Д.И. Ражевым разрабатывается еще одно направление в рамках биоантропологии. Это реконструкция поведенческой активности по скелетным маркерам. Опираясь на места прикрепления мышц, степень изношенности суставов и другие признаки, восстанавливаются кинематические схемы человека и определяются типичные двигательные модели, присущие разным коллективам. Для осуществления таких реконструкций Д.И. Ражевым была предложена авторская система учета скелетно-двигательных маркеров, подробно изложенная в монографии, посвященной исследованию саргатского населения [2009].

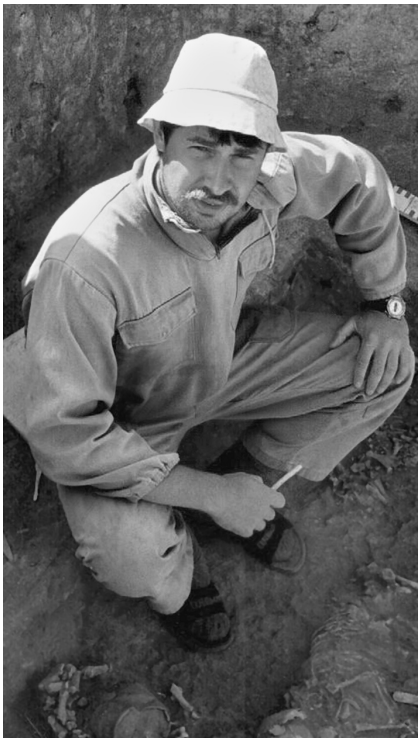
Исследование костных останков представителей кочевых и полукочевых культур позволило выделить специфический морфологический комплекс, соответствующий определенному типу деятельности — постоянному всадничеству [Ражев, 1996].

Анализ маркеров физической активности саргатского населения раннего железного века разделил мужскую и женскую части выборки на два достоверно различающихся морфотипа, условно названных «спокойный» и «активный». Мужчины «активного» морфотипа были вовлечены в дополнительную, по сравнению с представителями «спокойного» морфотипа, деятельность. Так как эта деятельность носила в основном силовой, а не скоростной характер, то едва ли она была связана с профессиональными военными действиями. Выявленные кинематические схемы женщин «активного» типа весьма сходны с кинематикой мужчин. Это позволяет полагать, что физическая активность женщин этой группы в существенной части соответствовала активности мужчин, включая езду на лошади [Ражев, 2009; Шарапова, Ражев, 2013].

Различные аспекты биоантропологического анализа подробно рассмотрены и обобщены в монографии Д.И. Ражева «Биоантропология саргатской общности» [2009]. Книга включает главы по социодемографии населения раннего железного века степных территорий Евразии, остеологической конституции и ее изменчивости, реконструкции двигательной активности и различным патологиям и травмам.

Дмитрий Иванович Ражев родился 20 апреля 1968 г. в г. Свердловске (современный Екатеринбург).

В 1985–1992 гг. обучался на биологическом факультете Уральского государственного университета. Специализировался на кафедре зоологии по теме археозоология под руководством П.А. Косинцева, тесное взаимодействие с которым сохранилось и в дальнейшей работе. На научное становление Д.И. Ражева большое влияние оказало знакомство с В.В. Короной, разрабатывавшим направление структурной морфологии.



Д.И. Ражев. Екатеринбург, 2007 г.

В качестве антрополога работал в научном центре «Аркаим» (г. Челябинск, 1994 г.). Затем перешел в археологическое подразделение Института истории и археологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург, 1994–2009 гг.). С 2009 г. сотрудник лаборатории антропологии и этнографии (в настоящее время сектора физической антропологии) Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень). Диссертационное исследование провел под руководством Л.Н. Коряковой и А.Н. Багашёва. В 2002 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Население лесостепи Западной Сибири раннего железного века: реконструкция антропологических особенностей» в Институте этнографии и антропологии РАН (Москва).

Специализация — палеоантропология населения Урала и Западной Сибири, биоархеология (биоантропология), полевая антропология.

После совместных экспедиционных работ с Патрисом Курто (Франция, Университет Бордо 1) Д.И. Ражев стал активно развивать направление полевой антропологии в Сибирском регионе (да и в России в целом). В его опубликованных работах по этой тематике анализируются конкретные случаи положения скелетных останков человека в погребении и дается реконструкция деталей погребального обряда и уложения тела в погребальную конструкцию. В некоторых случаях рассматриваются несколько вариантов возможных событий. Выявляются вторичные и отсроченные погребения. В разграбленных в древности многоярусных погребениях удалось определить процессы разрушения и восстановить последовательность погребений. Проведено теоретическое обобщение накопленного опыта и выявлены преднамеренные (чаще ритуальные) и естественные процессы, влияющие на итоговое положение костей в погребении [Ражев и др., 2005; Зайцева, Ражев, 2005, 2007; Ковригин, Ражев, 2007].

Д.И. Ражев принимал участие в изучении и организации комплексного исследования мумифицированных останков, обнаруженных в погребениях севера Западной Сибири [Зеленый Яр…, 2005; Багашёв и др., 2017], входил в состав исследовательской группы по изучению древнейших останков человека современного морфологического типа с территории Западной Сибири, датированных около 45 000 лет до н. д. [Fu et al., 2014; Keates et al., 2014; Viola et al., 2014].

Д.И. Ражев в качестве антрополога и позднее эксперта был вовлечен в работу по обнаружению и исследованию сокрытых останков детей последнего российского императора [Ерохин и др., 2008].

Как специалист Д.И. Ражев участвовал в профессиональном становлении Е.О. Святовой, Н.Г. Брюховой, С.М. Слепченко.

В 2010 г. приступает к антропологическим исследованиям Е.А. Алексеева, основной интерес которой связан с изучением возможностей мето-

да антропологической реконструкции лица по черепу, основоположником которого был профессор М.М. Герасимов. В течение нескольких лет она стажировалась у представителей российской школы антропологической реконструкции — С.А. Никитина, Р.М. Галеева.

Е.А. Алексеева. Тюмень, 2010 г.

Елена Алексеевна Алексеева родилась 16 апреля 1980 г. в с. Маевка Аламединского района Кыргызстана. С 2003 по 2008 г. обучалась в Институте педагогики, психологии и социального управления Тюменского государственного университета. С 2007 г. работала лаборантом лаборатории историко-культурных исследований Института проблем освоения Севера СО РАН. В 2013 г. Е.А. Алексеева окончила аспирантуру. В настоящее время является научным сотрудником сектора физической антропологии. Основное направление ее деятельности — пластическая и графическая реконструкция лица по черепу.

К настоящему моменту выполнено более 50 графических работ по реконструкции лиц, среди которых восстановлены портреты предков обских угров, западносибирских тюрков и самодийцев, населявших районы Притомья и Прикетья [Алексеева Е.А., 2013а; Пошехонова, Алексеева Е.А., 2015; Боброва, Алексеева Е.А., 2016], таежную зону Среднего Приобья и южно-таежного Прииртышья, районы Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, а также районы Казахстана, Якутии.

Также выполнены восемь скульптурных портретов, среди которых портрет Л.И. Брусницына — человека, разработавшего уникальную технологию добычи золота, внедрение которой в свое время привело к перевороту в золотодобывающей промышленности России (рис. 1) [Алексеева Е.А., 2013]; портрет женщины из погребения на территории святилища Усть-Полуй, датирующегося ранним железным веком (рис. 2) [Багашёв, Алексеева, 2012; Багашёв и др., 2015]; мужской портрет представителя кулун-атахской раннеякутской культуры XIV–XVI вв. (Якутия, г. Якутск) (рис. 3) [Багашёв и др., 2016]; портрет мумифицированного мужчины из уникального историко-культурного объекта у пос. Зеленый Яр (г. Салехард, ЯНАО Тюменской области), восстановление внешности которого было проведено с использованием компьютерной томографии и 3D-печати (рис. 4) [Слепченко, Алексеева, 2014; Багашёв и др., 2016]; мужской и женский портреты представителей северных селькупов (могильник Кикки-Акки, Красноселькупский район ЯНАО Тюменской области); мужской и женский портреты по черепам тазовских ненцев (XIX — начало XX в.) [Пошехонова и др., 2015].

Рис. 1. Л.И. Брусницын (1784/86–1857).

Рис. 2. Скульптурный портрет женщины из Усть-Полуя.

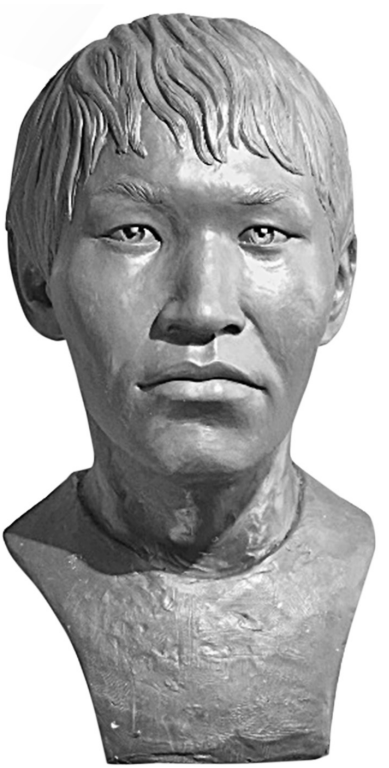


Рис. 3. Захоронение Атласовское 1. Реконструкция лица по черепу. Скульптурный портрет мужчины 20–25 лет.

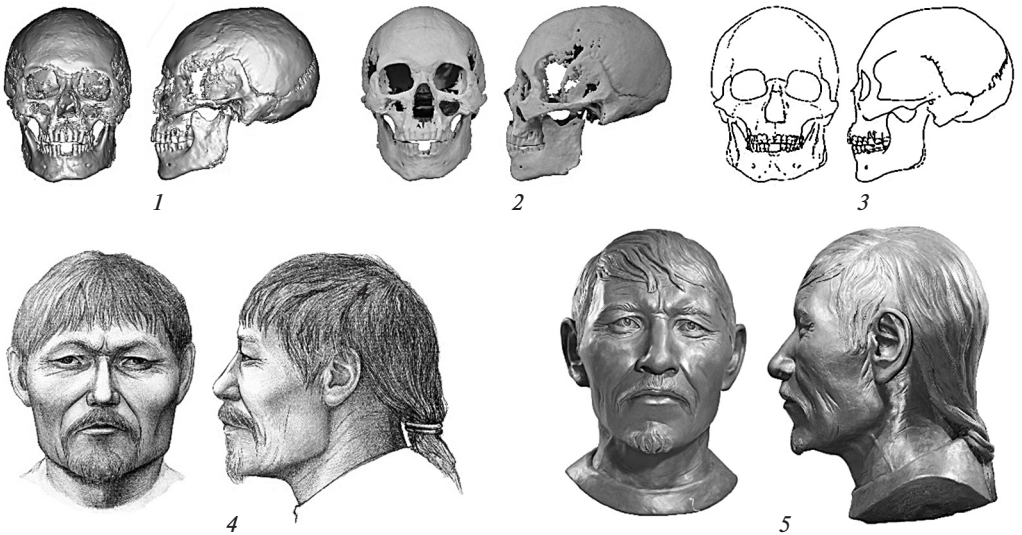


Рис. 4. Череп и реконструкция внешности мужчины из погребения 27 могильника Зеленый Яр.

1 — 3D-модель черепа; *2* — пластиковая копия черепа, распечатанная на 3D-принтере; *3* — обводы черепа; *4* — графический портрет; *5* — бюст.

С 2013 г. к антропологическим исследованиям в Институте проблем освоения Севера приступает С.М. Слепченко. Направления, являющиеся основными в его научной деятельности, — исследование древнего населения методами палеопатологии, археопаразитологии, физической антропологии, реконструкция социальных и биологических факторов среды в древних сообществах, медицина и манипуляции с человеческим телом в древности.

С.М. Слепченко планомерно проводит работы по археопаразитологическому исследованию территории Сибири. Им впервые в России проведен археопаразитологический анализ проб грунта из тазовой области погребенных на территории археологических памятников Российской Федерации. Получен ряд интересных результатов, позволивших более полно охарактеризовать структуру и традиции питания, санитарное состояние древнего и близкого к современности населения севера Западной Сибири и в ряде случаев установить преемственность в традициях питания древнего и современного населения этой территории [Slepchenko et al., 2016]. На данный момент С.М. Слепченко проводит большой объем работы по внедрению биологических методов в изучении древнего населения Сибири.

С.М. Слепченко является одним из авторов находки кости древнейшего анатомически современного человека с территории Северной Евразии, датированной 45 тыс. лет назад. С 2012 по 2014 г. он являлся активным членом крупного международного коллектива по исследованию «кости усть-ишимского человека». Итогом работы стала публикация данных в журнале «Nature» [Fu et al., 2014; Keates et al., 2014; Viola et al., 2014]. В настоящий

момент им в сотрудничестве с рядом ученых проводится дальнейшее всестороннее изучение «усть-ишимской кости» и поиск других свидетельств пребывания человека на территории Западной Сибири в палеолите.

Сергей Михайлович Слепченко родился 24 декабря 1979 г. в с. Бурное Жуалынского района Жамбылской области Казахстана.

В 2007 г. окончил Омскую государственную медицинскую академию, лечебный факультет. После окончания интернатуры по специальности «Хирургия» в 2008 г. работал врачом-хирургом в Больнице скорой медицинской помощи № 1 и Городской поликлинике № 11 Омска. В 2010 г. прошел стажировку в Научно-исследовательском институте и Музее антропологии им. Д.Н. Анучина при МГУ по освоению методов биоархеологической реконструкции (руководитель академик А.П. Бужилова).

С.М. Слепченко. Тюмень, 2013 г.

Другой аспект работы С.М. Слепченко — патологии, травмы и манипуляции с телом в древности. Им диагностированы и проанализированы случаи как отдельных заболеваний (в том числе редких), трепанации и некоторых других манипуляций с телом в древности. Дана характеристика состоянию здоровья, санитарной обстановке целых групп популяций. Палеопатологические работы С.М. Слепченко позволяют воссоздать некоторые биографические ситуации исследуемых древних индивидов, а также рассмотреть групповые патологические показатели, позволяющие реконструировать некоторые социальные и биологические стороны существования древних обществ. Ведется работа по реконструкции поведенческой активности по скелетным маркерам мышечной активности. В результате анализа мест прикрепления мышц, степени изношенности суставов и других признаков восстанавливаются кинематические схемы человека, определяются типичные двигательные модели, присущие разным коллективам.

С 2015 г. в Институте проблем освоения Севера СО РАН антропологической тематикой начинает заниматься А.В. Слепцова, будучи еще студенткой исторического факультета Тюменского госуниверситета.

Анастасия Викторовна Слепцова родилась 7 октября 1993 г. в с. Пятково Упоровского района Тюменской области.

В 2011 г. поступила в Тюменский государственный университет на направление «История». Окончила его в 2015 г., специализация — «Бакалавр истории». Параллельно получила специализацию «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». С 2015 г. обучается в магистратуре, тема магистерской работы «Население Притоболья эпохи Великого переселения народов (по краниологиче-

А.В. Слепцова. Тюмень, 2015 г.

ским и одонтологическим данным)». В августе 2015 г. прошла курсы повышения квалификации по программе «Палеоантропология» в Приволжском государственном университете. В настоящее время является лаборантом сектора физической антропологии ИПОС СО РАН.

Область научных интересов — краниология и одонтология древнего населения Западной Сибири, искусственная деформация черепа.

В исследуемых выборках эпохи Великого переселения народов черепа с искусственной деформацией встречаются довольно часто: 34,8 % в Ипкульском могильнике; 75 % в могильнике Устюг-1; 57,1 % в могильнике Ревда-5. Фиксируется сходство обычая деформации черепа у носителей саргатской общности (могильники Гаевский, Мурзинский, Абатский 3 и др. [Ражев, 2006, с. 86]). При сопоставлении видно, что деформация осуществлялась при помощи одинаковых деформирующих инструментов (эластичной повязки), а степень модификации мозговой коробки зачастую так же совпадала, что позволяет сделать вывод о преемственности традиции.

По представленным находкам вполне определенно можно говорить, что носителями традиции выступали не только мужчины, но и женщины, погребенные в курганах как с богатым, так и со скромным инвентарем. Следовательно, обряд деформации не был строго привязан ни к социальному рангу индивида, ни к половой или возрастной принадлежности, что, конечно, не исключает его приуроченности к какой-либо иной системе стратификации в обществе [Слепцова, 2014, 2015].

В рамках магистерской работы предполагается исследование нескольких раннесредневековых выборок с территории Притоболья, а именно остеологических материалов с могильников Устюг-1, Ипкульский, Козловский, Ревда-5. Выборки будут исследоваться по краниологической и одонтологической программам. Одонтологическая программа включает в себя фиксацию одонтоскопических признаков, в том числе маркеров архаики, одонтометрии и патологий зубной системы. Серии будут сопоставляться на широком сравнительном фоне выборок раннего железного века и средневековья Западной Сибири и сопредельных территорий при помощи современных статистических методов.

С декабря 2016 г. в Институте проблем освоения Севера СО РАН начинает работать в должности старшего научного сотрудника сектора физической антропологии К.Н. Солодовников. С 1997 г. он приступает к изучению проблем антропологии древнего населения Западной и Южной Сибири под руководством С.С. Тур в г. Барнауле. Сфера его научных ин-

тересов — палеоантропология Южной и Западной Сибири, краниология и археология эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. В 2006 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Население горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии». Имеет в активе более 30 научных публикаций. Проводимые К.Н. Солодовниковым исследования позволили выявить значительную роль миграционных процессов в формировании населения эпохи бронзы Южной и юга Западной Сибири. Им определено, что сложение антропологического покрова данного региона в эпоху бронзы связано в первую очередь с миграциями европеоидных групп разного происхождения из западных и часто весьма удаленных районов, а также с их взаимодействием с местными популяциями.

На основе изученных краниологических материалов подтверждена гипотеза о происхождении афанасьевской культуры в результате миграций значительных масс населения древних восточноевропейских скотоводческих культур, впервые принесших на территорию Сибири навыки производящего хозяйства и металлургию меди. Специфическое антропологическое сходство носителей афанасьевской культуры с населением культур энеолита — ранней бронзы степной полосы Восточной Европы прослежено на уровне не только суммарных серий афанасьевцев Горного Алтая и среднего Енисея, но и типологических, локально-территориальных групп, и даже на уровне отдельных индивидов [Солодовников, 2003, 2005а, 2009, 2010а]. По результатам последних исследований прослеживается максимальная морфологическая близость краниологических выборок афанасьевского населения Южной Сибири и сходных культурных типов Горного Алтая с группами ямного населения Волго-Уралья и их потомков в лице носителей полтавкинской культуры Поволжья [Солодовников и др., 2015; Хохлов и др., 2016]. Кроме того, в антропологическом составе населения энеолита — бронзы Горного Алтая на единичных женских черепах выявляется морфологический компонент, характеризующийся чертами автохтонного для Южной Сибири антропологического типа с несильно выраженными монголоидными особенностями [Солодовников и др., 2015а].

К.Н. Солодовников.

Константин Николаевич Солодовников родился 15 марта 1975 г. в г. Барнауле Алтайского края. В 1997 г. окончил исторический факультет Алтайского государственного университета, в 2002 г. — аспирантуру кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ. Со студенческих лет обучался палеоантропологии под руководством С.С. Тур на базе Кабинета антропологии Алтайского

государственного университета. Им подготовлена и издана серия статей, посвященных исследованию антропологического состава и происхождения населения различных культур эпохи бронзы Южной Сибири. В декабре 2016 г. переезжает в Тюмень. Работает старшим научным сотрудником сектора физической антропологии Института проблем освоения Севера СО РАН.

Изучены антропологические материалы археологических культур постафанасьевского времени Алтайского региона: елунинской предгорно-равнинного Алтая и прилегающих районов Северо-Восточного Казахстана, каракольской культуры Горного Алтая, принадлежащей к кругу культур окуневского типа Южной Сибири. В целом антропологический облик носителей этих культурных образований можно определять как метисный [Солодовников, Тур, 2003; Тур, Солодовников, 2005]. При этом доля пришлого европеоидного компонента больше в составе мужских серий, а женские характеризуются преимущественно расовыми особенностями местного для каждой территории населения неолита — энеолита. Таким образом, на антропологических материалах культур самусьско-сейминского времени Алтайского региона характер взаимоотношений пришлого и автохтонного населения реконструируется в основном как брачные связи мигрантов-мужчин с местными женщинами [Солодовников, 2006]. Установлены однотипность европеоидного компонента в составе населения елунинской и каракольской культур, а также его отличия от антропологического типа носителей афанасьевской культуры. Это позволяет предполагать следующую волну миграций европеоидного населения на территорию Алтайского региона в эпоху бронзы, с которой, вероятно, связано появление и других ярких культурных образований предандроновского времени Южной и юга Западной Сибири, объединяемых общим европеоидным компонентом. Территориальные истоки миграций этого населения находились в очень удаленных к западу районах [Солодовников, 2006, 2007].

Однако следы трансконтинентальных миграций прослеживаются и с востока на запад Евразии по материалам из могильника сейминско-турбинского типа Ростовка в Омском Прииртышье, повторно изученным К.Н. Солодовниковым совместно с М.П. Рыкун [Солодовников, Рыкун, 2013]. Исследованная серия черепов морфологически значительно отличается от синхронных и предшествующих групп древнего населения с территории не только Прииртышья, но и в целом равнинной части бассейнов Оби и Иртыша. Наиболее сходна она с автохтонными группами доафанасьевского и постафанасьевского времени Южной Сибири, а также с популяциями неолита — бронзы Восточной Сибири. Далее к западу черепа сходного морфологического облика найдены в могильнике, содержащем сейминско-турбинский инвентарь, Буланово I (могильник у горы Березовой) в Приуралье [Солодовников и др., 2016].

Также К.Н. Солодовниковым исследованы краниологические материалы андроновской (федоровской) культуры эпохи развитой бронзы с территории Алтая. Их сравнительная многочисленность позволила на базе

внутригруппового статистического анализа разных выборок черепов выявить основные антропологические компоненты в составе алтайских андроновцев (федоровцев) и наметить их генезис [Солодовников, 2005; Kiryushin, Solodovnikov, 2010]. Так, преобладающий в составе населения западносибирского ареала культуры андроновский вариант протоевропейского типа представляет собой пришлое население. Его генетические истоки находились к западу, вероятнее на территории Казахстана. Долихокранный относительно узколицый европеоидный морфологический компонент связывается по происхождению с группами населения самусько-сейминского времени территории Рудного Алтая и, возможно, еще более южных районов. Немногочисленный у андроновцев (федоровцев) лесостепного Алтая компонент с нерезко выраженными монголоидными чертами характеризуется краниологическими особенностями обь-иртышского антропологического типа западносибирской расы и происходит из северных районов подтаежной полосы Западной Сибири. Его появление фиксируется преимущественно в женской части алтайской популяции и объясняется брачными связями, вероятнее всего, с андроновцами (федоровцами) Барабинской лесостепи [Kiryushin, Solodovnikov, 2010]. Изучение краниологических материалов археологических культур андроновской общности с территории Казахстана, большинство из которых пока еще не опубликовано, привело к заключению о расово-генетической преемственности и европеоидной принадлежности населения Казахстана в эпоху бронзы, исходно западном (южноуральском или восточноевропейском) происхождении населения большинства культурных образований эпохи бронзы Северного, Центрального и Восточного Казахстана. Также подтверждается реальность антропологических различий населения алакульской и федоровской культур и его смешения на территории Центрального Казахстана [Солодовников и др., 2013].

Кроме того, исследованы краниологические материалы эпохи поздней бронзы с территории Западной Сибири и Казахстана [Солодовников, 2009а; Бейсенов, Солодовников, 2011; Солодовников, Рыкун, 2011], изучение которых позволило сделать ряд важных выводов относительно расогенеза древнего населения. В частности, о том, что формирование населения поздней бронзы Казахстана происходило не на федоровской, а, по-видимому, главным образом на алакульской антропологической основе [Солодовников и др., 2013].

В Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск) антропологические исследования выполняются под руководством Т.А. Чикишевой.

Чикишева Татьяна Алексеевна родилась 26 октября 1954 г. в г. Анжеро-Судженске Кемеровской области. В 1976 г. окончила биологический факультет Кемеровского государственного университета. В 1982 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук «Изучение связи антропологических особенностей населения с экологическими условиями среды (на примере Алтае-Саянского нагорья)». В 2010 г. защитила диссертацию на соис-

Т.А. Чикишева.

кание ученой степени доктора биологических наук «Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа».

Сфера ее интересов — динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железного века. Основные положения, к которым пришла Т.А. Чикишева в результате многолетних исследований, изучение палеоантропологических материалов существенно пополнили базу антропологических данных по южному региону Западной Сибири, были получены новые факты для усиления группы гипотез о протоморфности краниологических типов, составляющих основу его древнего населения. Эти данные достаточны для подтверждения их статуса в таксономической системе вариантов морфологического разнообразия древних и современных групп человечества [Чикишева, 2012].

С 1999 г. в секторе антропологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН антропологическими исследованиями начинает заниматься Д.В. Поздняков.

Поздняков Дмитрий Владимирович родился 25 апреля 1971 г. в г. Новосибирске. В 1996 г. окончил исторический факультет Алтайского государственного университета, в том же году поступил в аспирантуру. В течение 2001 г. проходил стажировку в Центре анатомии Университета г. Геттенген (ФРГ) в качестве стипендиата премии Карпинского 2000 г. В результате Д.В. Поздняков освоил комплекс методик по макро- и микроскопической диагностике палеоантропологических коллекций.

В 2004 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Антропологический состав населения Западной и Южной Сибири во второй половине I тыс. н.э. — первой половине II тыс. н.э.». Д.В. Поздняков является автором 2 монографий и более 30 статей. Сфера его научных интересов включает в себя краниометрические, остеометрические и палеодемографические исследовательские программы, палеопатологический анализ материала, а также статистические методы обработки па-

Д.В. Поздняков.

леоантропологических серий. В монографии «Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья» [2006] им обобщены антропологические материалы средних веков. На этом материале дается достаточно полное представление об антропологическом составе населения Западной и Южной Сибири, проводится сопоставление групп последовательно сменяющих друг друга этнокультурных общностей, освещается один из аспектов этногенеза средневековых популяций Сибири — взаимосвязь и преемственность населения тюркского и монгольского времени.

С 2007 г. в секторе антропологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН антропологическими исследованиями занимается А.В. Зубова. С 2016 г. она переезжает в Санкт-Петербург, где продолжает заниматься антропологической тематикой в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере). В 2008 г. А.В. Зубова защитила кандидатскую диссертацию по теме «Антропологический состав населения Западной Сибири в эпохи развитой и поздней бронзы». В рамках диссертации рассматривались краниологические, одонтологические, палеодемографические и палеопатологические характеристики носителей андроновской (федоровской), ирменской, еловской, корчажкинской и др. археологических культур.

Помимо круга вопросов, связанных с одонтологией древнего населения, А.В. Зубовой активно изучались вопросы посмертных манипуляций у населения Горного Алтая и Тувы эпохи раннего железного века (пазырыкская культура). Результатом стало написание раздела в учебно-методическом пособии по археологии насилия, посвященного проблеме скальпирования у носителей пазырыкской культуры [Зубова, Поздняков, 2010], а также статьи о проблеме мумификации погребенных у уюкско-саглынского населения Тувы [Зубова, 2009].

Зубова Алиса Владимировна родилась 24 декабря 1980 г. В 2004 г. окончила исторический факультет Новосибирского государственного педагогического университета. Параллельно с 2000 г. под руководством Т.А. Чикишевой обучалась антропологии на базе Института археологии и этнографии СО РАН. С 2004 по 2007 г. училась у нее же в аспирантуре.

Краниологические, одонтологические, палеодемографические и палеопатологические характеристики не только носителей андроновской (федоровской) культуры, но и населения периода развитой и поздней бронзы до сих пор остаются для А.В. Зубовой приоритетной темой, по которой написано более десяти статей и разделы в коллективной монографии [Молодин и др., 2006; Зубова и др., 2009].

А.В. Зубова. Новосибирск, 2008 г.

Однако в последнее время круг исследовательских интересов А.В. Зубовой расширился и включает в себя в целом изучение одонтологии древнего населения Евразии. Ею собрана обширная база одонтологических данных, включающая в себя около 200 одонтологических серий эпох неолита — раннего железного века, примерно треть из которых исследована непосредственно А.В. Зубовой. К их числу относятся уже упомянутые серии андроновского времени и эпохи поздней бронзы Западной Сибири (федоровская, алакульская, ирменская, еловская, корчажкинская, позднекротовская и др. культуры), выборки эпохи раннего железного века (саргатская, большереченская (каменская), кулайская, новочекинская культуры), западносибирского неолита и энеолита (кузнецко-алтайская, большемысская афанасьевская культуры). Также был собран значительный объем материалов с территории Казахстана (алакульская культура, серии усуньского времени), Европейской части России (льяловская, волосовская, ямная, катакомбная, срубная культуры). Исследованные А.В. Зубовой антропологические материалы обобщены в монографии «Население Западной Сибири во II тысячелетии до нашей эры» [2014]. В частности, показан антропологический состав носителей федоровской, ирменской, еловской, корчажкинской и пахомовской культур эпохи бронзы Западной Сибири на основании краниологических и одонтологических данных. Для каждой культуры определены основные направления динамики комплексов признаков, реконструируется генезис базовых компонентов их популяционной структуры.

В Алтайском государственном университете (г. Барнаул) с 1996 г. антропологические исследования выполняются под руководством С.С. Тур, которая является заведующей Кабинетом антропологии. Она занимается изучением древнего населения Алтая по данным краниометрии, краниоскопии, одонтологии, остеометрии и палеопатологии; является автором более 50 научных публикаций, в которых анализируются проблемы происхождения и этногенетических связей населения горного и лесостепного Алтая эпохи бронзы — раннего железа.

В работах С.С. Тур палеоэкологического направления анализируются маркеры эпизодического и кумулятивного стресса, показатели механического стресса и состояния здоровья зубочелюстной системы, травматические повреждения костей черепа и посткраниального скелета. При изучении кариеса, зубного камня, скорости стирания и наклона жевательной поверхности моляров, а также равномерности стирания передних и задних зубов были получены новые данные, характеризующие диету скотоводов Алтая эпохи бронзы — раннего железа. В популяциях афанасьевской, андроновской, пазырыкской, каменской и староалейской культур выявлены как общие черты, обусловленные единой скотоводческой основой хозяйства, так и различия, связанные с неодинаковыми природно-климатическими условиями и спецификой социально-экономической ситуации [Тур, 2006].

Светлана Семеновна Тур родилась 17 сентября 1954 г. Окончила в 1978 г. биологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по специальности «Антропология». В 1979–1995 гг. работала научным сотрудником в отделе археологии Института истории Национальной академии наук

Кыргызстана. В 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию «Население Кыргызстана сако-усуньского времени (по данным палеоантропологического исследования)» [1997].

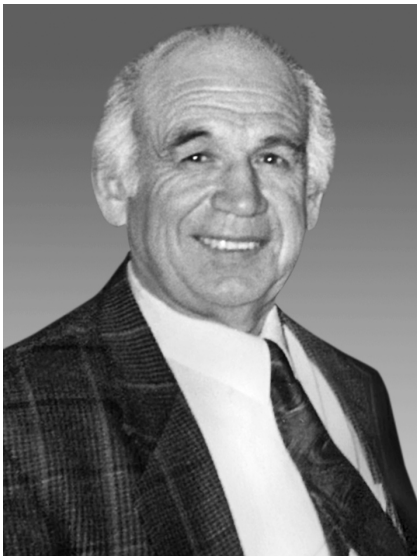
В статьях С.С. Тур анализируются проблемы происхождения и этногенетических связей населения горного и лесостепного Алтая эпохи бронзы — раннего железа. При обсуждении наиболее дискуссионных вопросов, касающихся происхождения популяций елунинской культуры, генетических взаимоотношений елунинцев и андроновцев, а также роли протоморфных сибирских монголоидов в формировании населения Алтая эпохи бронзы и раннего железа, С.С. Тур помимо краниометрических данных использует краниоскопические и одонтологические признаки [Тур, 1997а, 2001, 2003, 2005, 2009, 2011]. Наиболее важные результаты палеоэкологического изучения древнего населения Алтая опубликованы [Тур, 1996, 2005, 2008].

С.С. Тур.

В Кемерово изучение вопросов этнической одонтологии и историко-антропологические исследования состояния зубочелюстной системы осуществляются на кафедре ортопедической стоматологии Кемеровского государственного медицинского института (ныне университета). Исследования были начаты в 1965 г. Г.А. Кошкиным под руководством М.З. Миргазизова. Во время участия в археологических раскопках, проводимых археологами Кемеровского государственного университета под руководством А.И. Мартынова, Г.А. Кошкиным получен уникальный материал о характере патологии зубочелюстной системы у населения тагарской культуры VII–II вв. до н.э. [Миргазизов, Кошкин, 1965].

Обнаружено, что основные закономерности морфологического строения зубов и челюстей существенно не изменились, отмечается только некоторая соматическая грацилизация, четко проявившаяся при сравнении размеров нижней челюсти людей тагарской культуры и современного человека. У современного человека уменьшились длина, высота и ширина нижней челюсти, но периоды ее интенсивного роста не изменились. У древних жителей Южной Сибири были те же стоматологические заболевания, что и сейчас, но встречались они значительно реже. Например, распространенность кариеса постоянных зубов составляла всего 5,0 %, не встречено ни одного кариозного молочного зуба [Кошкин, 1971].

Марсель Закеевич Миргазизов родился 1 января 1935 г. в дер. Кинерь Арского района Татарской АССР в семье сельского учителя. После окончания стоматологического факультета Казанского медицинского института и клинической ординатуры был направлен в 1961 г. Минздравом Российской Федерации в Кемеров-



М.З. Миргазизов.

ский государственный медицинский институт на должность ассистента кафедры ортопедической стоматологии.

В 1966 г. М.З. Миргазизов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Значение рахита в возникновении зубочелюстных аномалий у детей». Затем его научные исследования были посвящены использованию математических методов и компьютерных технологий в стоматологии, итоги изучения обобщены в докторской диссертации «Принципы диагностики и планирования лечения зубочелюстных аномалий с использованием биометрических методов и обоснование их применения в ортодонтии», успешно защищенной в 1978 г.

Научно-исследовательская программа по применению сплавов на основе никелида титана продолжена им в Казанском государственном медицинском институте, где в 1991–2001 гг. он заведовал кафедрой ортопедической стоматологии, а затем в Москве на кафедре клинической стоматологии и имплантологии Института повышения квалификации. М.З. Миргазизовым опубликовано более 200 научных работ, в том числе монографии, учебники, руководства по ортопедической стоматологии. Под его руководством защищены 12 докторских и 35 кандидатских диссертаций.

Данные о морфологии жевательного аппарата, богатейшая краниологическая коллекция Томского государственного университета, сотрудничество с антропологами, археологами и этнографами позволили запланировать решение двух уже более сложных задач, связанных с проблемами стоматологии [Миргазизов, Кошкин, 1972].

Первая — установление параллели между эволюционными изменениями жевательного аппарата и аномалиями зубов, челюстей, другими стоматологическими заболеваниями, определение корреляций между отдельными параметрами зубочелюстной системы. Вторая задача — изучение генетических аспектов патогенеза зубочелюстных аномалий в северо-алтайской группе популяций [Миргазизов и др., 1998].

Геннадий Александрович Кошкин родился 27 сентября 1940 г. в с. Крапивино Кемеровской области. В 1965 г. окончил Кемеровский государственный медицинский институт. С 1966 по 1968 г. обучался в клинической ординатуре на кафедре ортопедической стоматологии Кемеровского медицинского института. С 1968 г. ассистент кафедры ортопедической стоматологии, с 1981 г. доцент этой же кафедры. С 1991 по 2014 г. работал заведующим кафедрой ортопедической стоматологии Кемеровской государственной медицинской академии. В 1971 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук по теме «Состояние зубов и челюстей древних жителей Южной Сибири (тагарская культура

VII–II вв. до н.э.)». Г.А. Кошкин впервые поднял и изучил проблему патологии зубочелюстной системы древних жителей Сибири по материалам археологических раскопок (бронзовый век VII–II вв. до н.э.). Он принимал непосредственное участие в раскопках в течение 5 лет. Полученные данные позволили ему подойти к решению вопросов современных стоматологических процессов с филогенетических позиций. Имеет 99 печатных работ, 5 изобретений, 4 патента. Умер Геннадий Александрович 22 июня 2015 г.

Г.А. Кошкин (1940–2015).

С 1972 г. историко-антропологические исследования в русле направления М.З. Миргазизова и Г.А. Кошкина продолжила, но уже с этнической направленностью, Л.Н. Смердина, изучавшая зубочелюстную систему ныне живущих и ранее живших на территории Беловского района Кемеровской области бачатских телеутов, относящихся в генетическом плане к изолятам [Смердина, 1978].

Генетический анализ популяции оказался возможным благодаря краниологической коллекции, собранной А.Р. Кимом (Томский государственный университет) в той же самой местности, где бачатские телеуты проживали в конце XIX — начале XX в. [Смердина и др., 1994].

Антропологическое изучение нескольких поколений одной народности с высоким инбридингом выявило значительную распространенность зубочелюстных аномалий (82,25 %). Благодаря изучению краниологического материала и клиническому исследованию современных бачатских телеутов удалось выяснить этиопатогенез скученности зубов; доказать наследование мезиодистальных размеров зубов, в том числе увеличенных (макродентию); определить корреляционные зависимости тех параметров зубных рядов, их сегментов, апикального базиса, которые обеспечивают функциональную гармонию зубочелюстной системы; выявить «генетический груз» в популяции бачатских телеутов — макродентию; сделать вывод, что наследование этого морфологического признака, изолированность популяции, ее малочисленность и резко выраженный инбридинг способствовали концентрации признака и как следствие — высокой распространенности зубочелюстных аномалий [Смердина, 1983].

Лидия Николаевна Смердина родилась 26 августа 1941 г. в с. Крапивино Кемеровской области. В 1963 г. окончила Кемеровский государственный медицинский институт. С 1963 по 1965 г. проходила обучение в клинической ординатуре на кафедре ортопедической стоматологии Кемеровского медицинского института, после окончания которой работает в Кемеровском государственном медицинском

Л.Н. Смердина.

университете на кафедре ортопедической стоматологии. В 1983 г. Л.Н. Смердина защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук по теме «Зубочелюстные аномалии у бачатских телеутов», а в 2001 г. — диссертацию на соискание ученой степени доктора медицинских наук по теме «Антропологическая направленность совершенствования методов диагностики и лечения больных с зубочелюстными аномалиями, деформациями и дефектами зубных рядов».

Основными направлениями научной работы Л.Н. Смердиной являются повышение качества диагностики и планирования ортодонтического и ортопедического лечения. Ею впервые применен метод этнического исследования зубочелюстной системы изолированной малой популяции, что позволило выявить особенности зубочелюстной системы, характерные для малой народности, установить механизм возникновения зубочелюстных аномалий, разработать необходимый метод профилактики и лечения.

Созданы нормативы основных параметров зубочелюстной системы с определением средних мезиодистальных размеров зубов, параметров зубных рядов, апикального базиса для европеоидов с ортогнатическим прикусом и интактными зубными рядами. Разработана методика прогнозирования мезиодистальных размеров зубов, ширины зубных рядов, ширины апикального базиса с помощью корреляционно-регрессионного анализа. Определено единство морфологии зубочелюстной системы и патогенеза дентального краудинга во всех этнических группах североалтайской популяции (шорцев, бачатских телеутов, кумандинцев, кызыльцев) — коренных народов юга Западной Сибири.

В научных работах Л.Н. Смердиной на собственном клиническом материале отражена необходимость антропологического подхода к ортодонтическому и ортопедическому лечению, предложены методологии лечения больных с зубочелюстными аномалиями, деформациями и дефектами зубных рядов, способствующие полноценному восстановлению морфологии, функции, эстетики, психоэмоционального равновесия пациента.

Результаты клинических наблюдений, клинико-научных исследований опубликованы в отечественных и зарубежных изданиях. Л.Н. Смердина имеет более 160 печатных работ, в том числе 2 монографии.

С 1993 г. к историко-антропологическим исследованиям подключилась Ю.Г. Смердина, изучавшая зубочелюстную систему северных хакасов, чулымских тюрков по краниологическим коллекциям, собранным Н.С. Розовым, В.А. Дрёмовым и А.Р. Кимом [Смердина Ю.Г., 1997], а затем — северных и южных шорцев (использованы раскопки В.А. Дрёмова 1976 г. и А.Р. Кима 1976–1977 гг., материал датируется концом XIX — началом XX в.), кумандинцев (раскопки В.А. Дрёмова 1977 и 1978 гг.; А.Р. Кима 1978 г.) и тубаларов (раскопки В.А. Дрёмова 1980–1982 гг.).

Ю.Г. Смердина.

Юлия Геннадьевна Смердина родилась 6 августа 1969 г. в г. Кемерово. В 1991 г. окончила Кемеровский государственный медицинский институт. С 1991 по 1993 г. проходила обучение в клинической ординатуре на кафедре ортопедической стоматологии Кемеровского медицинского института, с 1993 по 1996 г. обучалась в очной аспирантуре, после окончания которой работает в Кемеровском государственном медицинском университете на кафедре ортопедической стоматологии.

В 1997 г. Ю.Г. Смердина успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук по теме «Морфология зубочелюстной системы у коренных жителей Сибири (северных хакасов, чулымских тюрков)».

Основными направлениями научной работы Ю.Г. Смердиной являются повышение качества диагностики и планирования ортодонтического и ортопедического лечения. Ею продолжено изучение одного из приоритетных направлений кафедры ортопедической стоматологии КемГМУ — этнической ортодонтии, что позволило изучить состояние зубочелюстной системы у нескольких коренных народов Западной Сибири, составляющих североалтайскую группу популяций, разработать методы лечения и профилактики зубочелюстных аномалий.

Научная деятельность Ю.Г. Смердиной посвящена решению проблем профилактики и лечения зубочелюстных аномалий, деформаций, дефектов зубных рядов, челюстей и лица. Совместно с историками Томского и Кемеровского государственных университетов изучает этнические вопросы коренных и малочисленных народов Западной Сибири в области стоматологии. Имеет более 100 печатных работ, в том числе 1 монографию.

На краниологическом материале конца XIX — начала XX в. (коллекция Томского государственного университета) изучена морфология зубочелюстной системы у североалтайской группы популяций. В этих этнических группах, как и у бачатских телеутов, выявлена высокая частота и одинаковый характер зубочелюстных аномалий с высокой концентрацией аномалий положения зубов (дентального краудинга). Распространенность зубочелюстных аномалий составила: у северных хакасов — 80,56 %; чулымских тюрков — 69,35; северных и южных шорцев (данные приводятся суммарно, так как нет статистически значимых отличий между группами) — 66,1; кумандинцев — 77,14; тубаларов — 85,71 %. Этиопатогенетический механизм возникновения дентального краудинга у этих этнических групп также схож [Смердина Л.Н., Смердина Ю.Г., 1995, 1997, 1997а, 1998, 1999, 2000, 2006; Смердина Ю.Г., 1997а; Смердина Л.Н., 2001].

По результатам исследования краниологического материала, полученного с одной территории Юго-Западной Сибири, но относящегося к раз-

ным временным периодам, хорошо прослеживаются эволюционные изменения и их влияние на состояние зубочелюстной системы. В краниологическом материале представителей тагарской культуры, живших 2,5–3 тыс. лет назад, аномалии положения зубов обнаружены только в 6,8 % случаев. У современного человека они встречаются почти в 10 раз чаще.

Установленное эволюционное уменьшение размеров челюстей без существенных редукционных процессов в мезиодистальных размерах зубов объясняет значительное увеличение аномалий их положения. В этнических группах, для которых характерна макродентия, частота таких аномалий еще более увеличивается.

Собранные Л.Н. и Ю.Г. Смердиными антропологические данные позволили определить параметры, при которых формируется ортогнатический прикус [Смердина Л.Н., Смердина Ю.Г., 2006].

Для использования в практической деятельности врачей, ординаторов, студентов полученных данных изданы методические рекомендации «Морфометрия зубов и зубных рядов» [Смердина Л.Н., 1989], «Диагностика аномалий положения зубов с учетом этнических особенностей» [Миргазизов, Смердина, 1989], монография «Биологическая норма ортогнатического прикуса» [Смердина Л.Н., Смердина Ю.Г., 2006].

В 2005–2006 гг. Ю.Г. Смердина и К.Б. Запорожец провели повторное обследование бачатских телеутов, осуществив таким образом клиническое изучение изменений патологии зубочелюстной системы через 30 лет [Смердина Ю.Г. и др., 2009].

Для изучения распространенности основных стоматологических заболеваний проведено повторное изучение краниологической коллекции бачатских телеутов конца XIX — начала XX в. Выявлено, что распространенность кариеса и его осложнений составила 32,73 %; заболеваний пародонта — 78,18; прижизненной потери зубов — 47,27; вторичных деформаций зубочелюстной системы — 21,82; патологической стираемости — 14,55 % [Смердина Ю.Г., Смердина Л.Н., 2008, 2009].

В 2010 г. Ю.Г. Смердиной и М.П. Рыкун начато изучение краниологических коллекций с территории Кузнецкой котловины эпохи средневековья (раскопки М.Г. Елькина 1962 и 1971 гг. и А.М. Илюшина 2003–2007 гг.), изучена распространенность стоматологических заболеваний у населения этого региона, проведено сравнение с такими же показателями у бачатских телеутов, проживавших на данной территории в конце XIX — начале XX в.

Установлено, что у населения Кузнецкой котловины с эпохи раннего средневековья до нового времени отмечается увеличение распространенности кариеса зубов, заболеваний пародонта, прижизненной потери зубов, вторичных деформаций зубных рядов и снижение повышенной стираемости зубов почти в 3 раза. Распространенность кариеса и прижизненная потеря зубов у населения Кузнецкой котловины выше, чем у коренных жителей таежной зоны Западной Сибири, однако тенденции к увеличению данных показателей одинаковы.

Распространенность основных стоматологических заболеваний, характер зубочелюстных аномалий в эпоху раннего (VIII–X вв. н.э.) и развито-

го (XI–XIII вв. н.э.) средневековья, а также конца XIX — начала XX в. может дать современной стоматологии важную информацию для выяснения патогенетических аспектов патологии зубочелюстной системы [Смердина Ю.Г. и др., 2016].

Необходимо отметить, что 50-летние исследования кемеровских стоматологов подтверждают важность этого направления для функциональной и практической медицины. Проводимые ими исследования краниологического материала показали, что только с их помощью можно проследить эволюционные изменения зубочелюстной системы, установить генетическую взаимосвязь этнических групп, выявить «генетический груз» и определить влияние морфологических признаков на формирование зубочелюстной системы.

Очень значимо знание антропологии в практике стоматологов всех профилей, так как большинство патологий зубочелюстной системы (и наследственных, врожденных, и приобретенных) сопровождается нарушением антропологических параметров.

Знание основ антропологии с позиций стоматолога позволяет правильно диагностировать патологию и рационально лечить пациентов, восстанавливая функциональные и эстетические оптимальные показатели, а значить и улучшать качество жизни людей [Смердина Л.Н., 2001].

§ 4. Очерк истории антропологических типов

Краниологические материалы неолитического времени чрезвычайно скудны и происходят только из южной части Западной Сибири. В 1950–1960-е годы изучены единичные и фрагментарные палеоантропологические находки из Усть-Куренги и у с. Ордынского [Алексеев, 1961а], а также из погребений на Чудацкой Горе у г. Новокузнецка [Розов, 1956]. На основании этих данных было получено первое представление об антропологических особенностях неолитического населения и установлена расовая неоднородность его состава. Черепа из погребений на Чудацкой Горе и некоторые черепа из погребений у с. Ордынского европеоидного облика, но о влиянии монголоидных элементов на генезис неолитических популяций могут свидетельствовать морфологические особенности отдельных черепов [Алексеев, Гохман, 1984]. Однако по имевшимся в распоряжении исследователей материалам трудно было более или менее объективно судить о путях генезиса зафиксированных комплексов.

Введение в научный оборот первых серийных материалов из Усть-Иши и Иткуля [Дрёмов, 1973, 1980, 1981, 1986], происходящих с территории Верхнего Приобья, значительно расширило представления о характере изменчивости антропологических особенностей населения, позволив прийти к более обоснованным заключениям о происхождении ряда неолитических популяций. В частности, установлен факт смешения европеоидных и монголоидных популяций, причем монголоидный компонент связан в происхождении с неолитическим населением Восточной Сибири. Сложнее вырисовывался генезис европеоидного компонента; в его формировании приняли участие несколько расовых вариантов, один из которых

морфологически сближается с расовыми формами средиземноморского типа, другой — аналогичен протоевропеоидному типу в широком толковании этого термина [Дрёмов, 1980].

Монголоидный тип иного морфологического облика удалось зафиксировать на черепах из неолитических могильников Северной Барабы (Сопка 2 и Протока), европеоидный же компонент в составе данных популяций сближен с протоевропейским типом, распространенным в мезо-неолитическое время в Восточной Европе. Ряд морфологических особенностей барабинских черепов позволил высказать мысль о недифференцированности монголоидного компонента и связать его происхождение с населением внутренних таежных районов Западной Сибири [Полосьмак и др., 1989].

Черепа неолитического времени из погребений на Омской стоянке позволили расширить наши знания об особенностях антропологического типа местного населения. Они подтвердили вывод о сложном составе популяций этого времени и о принадлежности их к кругу форм протоевропейского типа [Багашёв, 2003а; Bagashev, 1994]. Межгрупповой анализ, в частности, позволил высказать некоторые суждения о характере и направлениях расогенетических связей данной группы, в которых, как в капле воды, отразилась сложность протекавших расогенетических процессов. Отмечена связь в первую очередь с неолитическим населением Восточной Европы и Карелии, опосредованно (видимо, через популяции типа Усть-Иша, Иткуль) прослежено влияние монголоидных элементов восточносибирской линии генезиса и расовых форм средиземноморского типа (через кельтеминарские группы). Слабо, но все-таки заметно влияние местного монголоидного варианта, морфологически близкого тому, что прослеживается по материалам из неолитических могильников Северной Барабы.

В монографии В.А. Дрёмова «Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы» [1997] суммированы данные по краниологии неолита южной части Западной Сибири. Опубликованы данные о черепах из могильников Лебеди 2, Васьково 4, Заречное 1 и ряде других единичных палеоантропологических находок. На основании их изучения автором сделаны важные выводы о формировании неолитического населения, в частности о том, что территория Верхнего Приобья в эпоху неолита не являлась самостоятельным очагом расообразования, а представляла собой территорию, на которой довольно интенсивно протекали метисационные процессы между европеоидными и монголоидными элементами различного происхождения.

В обобщающей работе Т.А. Чикишевой «Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа» [2012] рассматривается антропологический состав неолитических популяций и аргументируется концепция формирования и дифференциации всего населения на две большие антропологические формации.

В целом приходится отмечать, что, несмотря на полученные чрезвычайно важные и интересные результаты о расовом составе и структуре

неолитического населения Западной Сибири и механизмах его происхождения, многие вопросы требуют дальнейшего исследования. Как справедливо отмечено В.В. Бунаком [1956, 1980], этот период связан с ключевым этапом расообразования, возникновением устойчивых сочетаний антропологических признаков на определенных территориях и формированием основных расовых групп, в пределах которых в последующее время происходит становление антропологической структуры, сходной с современной. Это касается в первую очередь таежных районов Западной Сибири, об антропологии неолитических популяций которых мы пока не имеем конкретного представления и судим, опираясь только на косвенные данные. Но это требует пополнения источниковой базы. Специального рассмотрения требуют и вопросы внутри- и надпопуляционной структуры неолитического населения, его иерархии и выяснения роли неолитических групп в формировании физического облика населения более позднего времени.

В эпоху бронзы изучены уже довольно значительные, по сравнению с неолитом, краниологические серийные материалы, но также происходящие преимущественно из южной части Западной Сибири. Для этих районов палеоантропологические данные позволяют составить представление о развитии и смене антропологических типов на протяжении основных этапов бронзового века.

В доандроновское время в Западной Сибири фиксируются носители двух комплексов антропологических признаков. Для населения юга (елунинская, самусьская культуры) отмечен своеобразный тип, относящийся к европеоидам без малейших следов монголоидной примеси (резкая долихокрания, высокая черепная коробка, небольшие величины ширины и высоты лица) и не имеющий аналогий в предшествующее время [Дрёмов, 1997, с. 60–68]. Причем женские черепа несут следы примеси монголоидных элементов, что, по мнению В.А. Дрёмова, свидетельствует о недавней миграции нового европеоидного населения, в составе которого, как это обычно бывает среди мигрантов, преобладали мужчины [1997, с. 65]. Наибольшее морфологическое сходство с данным комплексом признаков обнаруживается за пределами Западной Сибири, в материалах тазабагъябской культуры и других могильников Средней Азии [Дрёмов, 1997, с. 68].

Иной тип, характерный для населения кротовской культуры, фиксируется в более северных областях. Его особенностями выступают мезокрания, широкий средневысокий лицевой скелет, высокое переносье в сочетании с небольшим углом выступания носовых костей [Дрёмов, 1990, 1997]. Состав кротовской популяции, несомненно, сложный. Обнаружены неоднородный европеоидный компонент и примесь монголоидных элементов, морфотип которых отличен от монголоидного типа населения Центральной Азии. При этом отмечается, что преобладающий европеоидный компонент кротовской выборки отличен от европеоидных мужских черепов Верхнего Приобья (елунино-самусь) [Дрёмов, 1997, с. 67].

В андроновское время на юге Западной Сибири, как и на территории Восточного Казахстана и Минусинской котловины, был распространен

антропологический тип, характерный для пастушеско-скотоводческих групп андроновской культуры. Краниологический материал, происходящий из могильников, оставленных данным населением, со всей очевидностью свидетельствует о неоднородности его антропологического состава. В западных областях ареала преобладает европеоидный вариант с такими особенностями, как мезо-долихокрания, высокий череп, лептоморфность резкопрофилированного лицевого скелета, характеристики которого получены при исследовании черепов из погребений алакульского и алакульско-федоровского (кожумбердинского) типа. Эти особенности свидетельствуют о средиземноморском компоненте в составе алакульских популяций, что заметно сближает их с населением срубной культуры Нижнего Поволжья [Гинзбург, 1962; Алексеев, 1967; Гинзбург, Трофимова, 1972; Дрёмов, 1997]. В восточной части ареала преобладает европеоидный тип с такими чертами, как мезо-брахикрания, эуриморфность лицевого скелета с несколько ослабленным горизонтальным профилем. Он характерен для черепов из погребений федоровского типа и наиболее полно соответствует характеристике андроновского варианта протоевропейского антропологического типа, данной Г.Ф. Дебецем [1948, с. 70–71]. Современное состояние источниковой базы по антропологии населения андроновской культуры позволяет утверждать, что между популяциями федоровцев и алакульцев существовали реальные расовые различия [Дрёмов, 1990; 1997, с. 81; Солодовников, 2005, 2006, 2009, 2010].

Краниологические материалы из могильников особого черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности, расположенных в подтаежной полосе Западной Сибири (Еловка 2 и Черноозерье 1), свидетельствуют о довольно тесном взаимодействии между населением лесостепи и тайги [Дрёмов, 1990, 1997]. Антропологический тип черноозерско-томского населения отличается от андроновского заметной примесью монголоидного компонента, генетически связываемого с низколицым монголоидным населением таежных районов Западной Сибири, а европеоидный компонент в значительной мере восходит к доандроновскому населению Томского Приобья и напоминает черепа афанасьевской культуры Южной Сибири и ямной Нижнего Поволжья [Дрёмов, 1990, с. 59–61; 1997, с. 98–121]. Данный антропологический тип обнаруживает наибольшее морфологическое сходство с типом доандроновской кротовской популяции [Дрёмов, 1990, с. 60; 1997, с. 119–121].

В позднебронзовое время европеоидный облик характерен для населения круга культур андроновской общности — еловской и черкаскульской, но небольшая примесь монголоидных элементов все же прослеживается [Дрёмов, 1990]. Серия еловских черепов, например, морфологически нейтральна, обнаруживает сходство как с северными, так и с южными андроновскими группами, что, видимо, отражает процесс их смешения [Дрёмов, 1990, с. 61; 1997, с. 137–142]. В составе населения черкаскульской культуры тоже прослеживается монголоидная примесь, в силу чего популяция занимает промежуточное положение между андроновскими и подтаежными группами [Дрёмов, 1997, с. 157].

Сходный в принципиальных чертах антропологический тип характерен для населения ирменской культуры. Выборки черепов из ирменских погребений в целом европеоидного облика, но имеется и небольшая монголоидная примесь. Антропологический состав ирменского населения сложен, чем определяется довольно обширный круг его расогенетических связей. Выявлено антропологическое сходство ирменских популяций и с населением подтаежной полосы доандроновского времени, и с собственно андроновским (федоровским), а также с населением окуневской, карасукской и черкаскульской культур, что, по мнению исследователей, свидетельствует о генетическом единстве большого пласта населения, оставившего памятники черкаскульской, ирменской и карасукской культур поздней бронзы, обусловленном европеоидным пластом, генетически связанным с андроновским (федоровским) населением [Акимова, 1968; Рыкушина, 1976, 1980, 2007; Шевченко, 1980, 1986; Рудь, 1981; Алексеев, Гохман, 1984; Молодин, Чикишева, 1988; Дрёмов, 1990, 1997; Бобров и др., 1993; Чикишева, 2000; и др.].

В целом достигнуты значительные результаты в выяснении структуры антропологического состава популяций различных культур на различных территориях, морфологическом определении основных компонентов состава, намечены генеральные пути их генезиса и зафиксированы пределы изменчивости антропологических особенностей. Состояние источниковой базы по антропологии населения бронзового века делает весьма перспективным применение современных методов многомерного статистического анализа для уточнения роли неолитических популяций в формировании расовых особенностей групп различных культур и территорий, а также степени их влияния на формирование антропологического облика населения последующих эпох.

В эпоху раннего железа заметно возрастает плотность населения, особенно в лесостепи Западной Сибири. Переход к кочевым формам ведения хозяйства усиливает подвижки населения, усложняется мозаика антропологических типов. Несмотря на то, что исследовано несколько сотен могильников раннего железа, содержавших большое число погребений, краниологический материал из них практически не привлекался для решения расогенетических проблем. В настоящее время лесостепное население различных археологических культур представлено палеоантропологическими данными, хотя и неравномерно, подавляющая их часть относится к населению культур саргатской общности и каменской культуре Алтая. Из таежных районов Западной Сибири краниологические материалы по-прежнему отсутствуют.

Первое представление об антропологических особенностях населения лесостепной полосы Западной Сибири базировалось на краниологических материалах из Усть-Тартасского могильника в Барабе, исследованного в 1895–1896 гг. С.М. Чугуновым. Большая часть погребений Усть-Тартасского могильника была отнесена им к сарматской эпохе, а несколько впускных — к тюрко-монгольскому времени. При описании антропологических находок С.М. Чугунов отметил массивность черепов и их европеоидное

строение [1898, 1899], особое внимание уделив черепу с явными следами искусственной деформации. Повторно черепа из Усть-Тартасского могильника измерил Г.Ф. Дебец, специально оговаривая, что датировки костяков представляют определенные трудности [1948, с. 149]. На основании изучения шести черепов из Усть-Тартаса и трех черепов из раскопок В.П. Левашёвой 1928 г. близ с. Саргатки на Иртыше Г.Ф. Дебец при расовой характеристике населения западносибирской лесостепи отметил, что черепа из Саргатки типично европеоидного облика и ближе всего стоят к андроновскому варианту протоевропейского типа. Черепа из Усть-Тартаса также европеоидные, но отличаются от саргатских более высоким лицом, менее выступающим носом и более высокими орбитами. Общее направление различий идет в сторону большей монголоидности усть-тартасских черепов. При сравнении с сарматами Поволжья и Приуралья усть-тартасские черепа сближаются с южным (брахикранным) типом и черепами Прохоровских курганов, но несколько более монголоидны, саргатские, скорее, могут быть связаны с андроновским вариантом, преобладающим в степях Саратовского Заволжья [Дебец, 1948, с. 148–151].

Таким образом, уже в первых работах, посвященных антропологии древних жителей лесостепи Западной Сибири, установлено, что по своему физическому типу люди, оставившие Усть-Тартасский и Саргатский могильники, принадлежали к большой европеоидной расе, при этом отмечено, что население в расовом отношении не являлось однородным.

В результате археологического изучения в 60-е годы XX столетия курганов раннего железа, особенно проводимого В.Ф. Генингом в Притоболье и Приишимье и В.А. Могильниковым в Прииртышье, в руки антропологов попал превосходный палеоантропологический материал, который был исследован М.С. Акимовой [1972]. В.А. Дрёмов заново измерил черепа из Усть-Тартасского могильника по современной программе, разбил их на хронологические группы, добавил к уже известным два новых — из раскопок Л.М. Плетнёвой 1963 г. и Т.Н. Троицкой 1966 г. [1979].

М.С. Акимовой изучены черепа из Прыговского, Воробьевского и Шадринского могильников в Приисетье, Абатского 1, Фоминцевского и Лихачевского в Приишимье и из могильников Прииртышья — Горная Бития, Богдановка 1, Коконовка 1 и Битые Горки. Малочисленность палеоантропологических находок из каждого могильника обусловила объединение их по территориальному принципу в три серии. Это не позволило выявить территориальную изменчивость антропологических признаков на популяционном уровне, однако на региональном некоторые тенденции проявились. Так, черепа из Приисетья характеризуются низким, широким и несколько уплощенным лицом, довольно высоким или средним переносьем при различной степени выступания носа. Для приишимских групп свойственны сочетание широкого и средневысокого лица, широкие и высокие орбиты, высокое переносье, средняя уплощенность лица и средние величины угла выступания носа. Прииртышская серия сходна по морфологии с приишимской, и вместе они представляют один антропологический тип. Для населения Приисетья, по сравнению с группами из При-

ишимья и Прииртышья, характерно большее присутствие монголоидного компонента. С двумя последними сериями весьма сходны черепа Усть-Тартасского могильника [Акимова, 1972, с. 150–152].

Отмечено также, что антропологический состав лесостепного населения сложен: при преобладании европеоидного компонента выявляется монголоидная примесь, что сближает данные западносибирские серии с черепами из погребений усуньского времени Казахстана. Европеоидный компонент вслед за Г.Ф. Дебецем связывается с племенами андроновской культуры. Его характерными чертами являются низкое и широкое лицо с сильной или умеренной профилировкой, низкие орбиты. Монголоидный же компонент возник задолго до гуннов, а поэтому не может быть южного происхождения, скорее всего, его следует связывать с монголоидным населением внутренних районов Западной Сибири [Акимова, 1972, с. 152, 155].

В.А. Дрёмов при анализе черепов из Усть-Тартасского могильника пришел к выводу, что из всех известных палеоантропологических материалов раннего железного века западносибирской лесостепи они являются наиболее европеоидными по строению и близки сериям с Иртыша и Ишима, а также черепам сарматов Приуралья и Нижнего Поволжья и саков Казахстана [1978, с. 178–180].

Предварительный анализ палеоантропологических материалов из погребений гороховской культуры также свидетельствует о многокомпонентности антропологического состава оставившего ее населения, но численность черепов невелика и генетические корни компонентов пока не ясны [Багашёв, 1996, с. 26–27]. Морфологическое строение скелета из погребения 3 могильника Куртугуз 1 (предположительно гороховского) не дает указаний на монголоидность облика погребенного человека [Ражев, 1998, с. 107–109]. Опубликованы измерения фрагментарных палеоантропологических находок из саргатских погребений могильника Гаевский 1, анализ которых позволил реконструировать пропорции тела нескольких индивидов и высказать предположение о принадлежности их к европеоидной расе [Курто, Ражев, 1997, с. 107].

Значительные палеоантропологические материалы из погребений каменской культуры на Алтае изучены и введены в научный оборот М.П. Рыкун [1997, 1999, 2001а, 2002, 2013]. Репрезентативность источника позволила подробно рассмотреть антропологический состав популяций, выявить ряд компонентов их структуры, очертить направления расогенетических связей и показать их морфологическое сходство с населением саргатской культуры, проследить отдельные этапы формирования антропологической специфики каменского населения.

Итоги краниологических исследований в целом могут быть сведены к следующему:

— установлена принадлежность лесостепного населения Западной Сибири и Северного Алтая раннего железа к большой европеоидной расе;

— выявлен факт многокомпонентности антропологического состава населения гороховской, саргатской и каменской культур;

— зафиксированы некоторые антропологические особенности территориальных групп.

Однако немногочисленность имевшихся в распоряжении исследователей палеоантропологических материалов по другим крупным этнокультурным образованиям, например по кулайской историко-культурной общности, объективно ограничила возможности их использования в реконструкции этногенетических процессов. Насущными задачами по-прежнему являются:

— определение границ индивидуальной изменчивости, а также характера изменчивости антропологических признаков и комплексов в географическом, популяционном, межгрупповом и хронологическом аспектах;

— антропологическая характеристика лесостепного населения на популяционном и надпопуляционном уровнях, изучение антропологического состава населения лесостепных культур, морфологическое описание расовых типов и комплексов, выявление характера и направлений их этногенетических связей и в целом происхождения.

В следующий исторический период — средние века — еще более усложняется структура антропологического состава населения Западной Сибири в результате перемещения различных племен и племенных объединений, известного как Великое переселение народов, что значительно изменило структуру антропологического покрова в степной и лесостепной зонах Западной Сибири по сравнению с предыдущими периодами. На антропологической структуре населения внутренних таежных районов Западной Сибири эти процессы отразились в гораздо меньшей степени. В эпоху средневековья в основном формировались те антропологические особенности, которые прослеживаются в составе современных народов.

На территории Западной Сибири краниологические материалы эпохи средневековья происходят преимущественно из могильников лесостепной зоны, значительно меньше их из южно-таежной полосы, а из средне- и северо-таежных областей они отсутствуют. Хорошо представлено краниологическими материалами население сросткинской культуры [Дебец, 1948; Алексеев, 1974а; Ким, 1987; Багашёв, 1988; Чикишева, Ким, 1988; Багашёв, Ким, 1998], племена которой этнически связываются с кимаками, точнее с кимако-кыпчаками [Могильников, 1981а; Савинов, 1984]. Опубликованы данные о серии черепов из погребений усть-ишимской культуры [Багашёв, 1988; Пошехонова, 2011], верхнеобской и релкинской [Дрёмов, 1967, 1975], а также материалы из таежной части Среднего Приобья [Багашёв и др., 2005; Пошехонова, 2006, 2010, 2011, 2011а; Багашёв, Пошехонова, 2007; Пошехонова и др., 2016].

Известные материалы в недостаточно полной степени отражают реально существовавшее в это время разнообразие антропологических типов, причем лишь на территории западносибирской лесостепи и южной тайги. Но судя даже по имеющимся данным, население Западной Сибири в средние века характеризуется значительным разнообразием. Отличительной чертой является заметное усиление степени выраженности монголоидных черт по сравнению с предшествующим периодом. В составе отдель-

ных сросткинских групп монголоидный компонент связан с популяциями центральноазиатского типа, а европеоидный — видимо, с местным населением эпохи раннего железа и даже, может быть, с европеоидным населением эпохи бронзы [Дебец, 1948; Алексеев, 1960б, 1963, 1974а; Ким, 1987; Багашёв, Ким, 1998].

В составе местного населения южно-таежной полосы Среднего Прииртышья, Среднего Приобья и Нижнего Притомья отмечается монголоидный компонент, отличный по морфотипу от центральноазиатского [Розов, Дрёмов, 1966; Дрёмов, 1967; Ким, 1987; Багашёв, 1988; Чикишева, Ким, 1988; Багашёв, Ким, 1998]. Для него характерны невысокая черепная коробка, широкое, но невысокое лицо, средневыступающее переносье и малый угол носа. В некоторых случаях отмечается процесс смешения между ними. Например, в краниологических материалах из Басандайского могильника фиксируются два морфологических типа. Черепа первого типа характеризуются низкой, мезо-брахикранной черепной коробкой, низким лицом и не сильно выступающим носом. Для черепов второго типа свойственны средняя высота черепа, широкое и высокое лицо, заметно выступающий нос [Дрёмов, 1979; Ким, 1987]. Если ближайшая аналогия первому типу имеется в материалах из южно-таежной полосы Среднего Прииртышья и Среднего Приобья, то второму — среди черепов из Кузнецкой котловины и Предгорного Алтая. В целом между населением лесостепной полосы и южно-таежной зоны Западной Сибири прослеживаются значительные различия.

В составе средневекового населения Западной и Южной Сибири вырисовывается несколько морфологических типов, приуроченных к определенным территориям: 1) брахикранный монголоидный, распространенный преимущественно в степных и горных районах юго-востока Южной Сибири; 2) мезокранный, более европеоидный, его ареал охватывал в основном лесостепную полосу Западной Сибири и частично степные районы Северо-Западного Алтая; 3) низколицый монголоидный, который по имеющимся материалам локализовался в южно-таежной полосе Обь-Иртышского междуречья, но, видимо, был распространен шире, охватывая и таежные районы Западной Сибири.

Некоторые локальные краниологические комплексы метисного происхождения имеют черты сходства сразу с несколькими основными типами. Это комплекс, фиксируемый в сериях из Кузнецкой котловины и Предгорного Алтая, в основе мезокранный, но с брахикранным компонентом. Тип же населения Нижнего Притомья сходен как с низколицым монголоидным, так и с мезокранным населением лесостепи.

Средневековое население Западной Сибири, таким образом, по своему физическому типу занимает промежуточное положение между европеоидной и монголоидной большими расами, краниологические особенности в северных и южных группах образуют, однако, своеобразные комплексы, генезис и механизм формирования которых различались. Основной расовый компонент в составе южно-таежных популяций генетически связан, скорее всего, с таежным низколицым монголоидным населением Запад-

ной Сибири, преобладающим фактором формирования которого являлось автохтонное развитие. В расообразовании же кимако-кыпчакских племен Южной Сибири и Алтая заметную роль сыграли метисационные процессы между местным европеоидным населением и монголоидами центральноазиатского происхождения [Багашёв, Ким, 1998].

Современный период истории антропологических типов не может быть освещен только с помощью палеоантропологических материалов, требуется привлечение результатов антропологических исследований среди современных народов Западной Сибири.

Исследование В.В. Бунаком финно-угорских народов в Поволжье и сопоставление их с данными С.И. Руденко позволили установить В.В. Бунаку сходство восточных (поволжско-приуральских) финнов с вогулами (манси) и остяками (хантами). Суммарный антропологический тип, наиболее отчетливо представленный у вогулов, Бунак предложил назвать уральским, а его более мезокефальный и высокоголовый волжский вариант, отмеченный у марийцев, — субуральским типом [Бунак, 1924, 1924а]. Кроме того, среди удмуртов отмечен брахикефальный и менее высоколицый тип, названный сублапоноидным [Bunak, 1932].

Г.Ф. Дебец, исследуя неолитические черепа Прибайкалья, выделил среди них особый тип, который был отмечен у современных тунгусов и получил название байкальского [1930]. Как считал в то время Г.Ф. Дебец, определенное сходство байкальского типа с уральским типом остяков и вогулов свидетельствует об их генетической связи. На этом основании он объединил байкальский, уральский и эскимосский типы в одну палеосибирскую расу, соглашаясь таким образом с западными исследователями. Мысль о родстве вогулов и остяков с байкальским типом разделяли и другие ученые [Бунак, 1934; Рогинский, 1934; Трофимова, 1947].

В 1924–1927 гг. группа сотрудников Института антропологии МГУ под руководством А.И. Ярхо провела обширные исследования коренного населения Алтае-Саянского нагорья. Полученные материалы легли в основу разработанной А.И. Ярхо новой классификации антропологических типов Сибири [1929, 1934, 1936, 1947]. Критически оценивая данные предшествующих исследователей о значительном распространении светлопигментированного элемента среди северных алтайцев, Ярхо, однако, установил четкие антропологические отличия северных алтайцев от южных алтайцев, тувинцев и казахов. Тогда же обнаружилось большое сходство северных алтайцев и шорцев с южными хакасами, особенно с бельтирами. Выделенный тип А.И. Ярхо назвал урало-алтайским и отметил его почти полную идентичность угорской расе И. Деникера и уральскому типу В.В. Бунака. В более чистом виде этот тип представлен у вогулов. Среди остяков урало-алтайский тип выступает смешанно с центральноазиатским типом. Последний характеризуется брахикефалией, более крупным и плоским лицом, слабовыступающим носом, частым эпикантусом, темной пигментацией и другими типично монголоидными признаками. Относя к центральноазиатскому типу самоедов (ненцев), Ярхо, в отличие от Руденко, отрицал их специфическое сходство с тувинцами. Кеты включены

вместе с казахами, киргизами и теленгетами в состав третьего — южносибирского — типа, который, по мнению А.И. Ярхо, сближается по описательным признакам с урало-алтайским типом, а по измерительным — с центральноазиатским.

Большой фактический материал, накопленный к концу 1940-х — началу 1950-х годов, привел к дальнейшему совершенствованию классификации антропологических типов Западной Сибири.

Г.Ф. Дебец, прослеживая в одном из заключительных разделов сводки по палеоантропологии основные этапы расообразования на территории СССР, выделил среди современного населения два смешанных типа: урало-лапоноидный и уральский. Первый объединяет три варианта: лапоноидный, сублапоноидный и субуральский; второй соответствует урало-алтайскому типу А.И. Ярхо. Енисейский тип, представленный у кетов и ненцев Северного Ямала, включен в число типов монголоидного расового ствола и рассматривался в качестве возможного монголоидного компонента урало-лапоноидного типа [Дебец, 1948, с. 311–318].

В работах Н.Н. Чебоксарова урало-лапоноидный и уральский типы объединены [1951]. С этого момента уральская раса как единая таксономическая категория неизменно фигурирует в работах других антропологов. Некоторые авторы условно присоединяют уральскую расу к монголоидному расовому стволу, другие — отстаивают ее самостоятельное систематическое положение между европеоидной и монголоидной большими расами. Уральский (угорский), лапоноидный, сублапоноидный, субуральский, енисейский, чулымский и некоторые другие локальные типы образуют варианты уральской расы [Дебец, 1951; Рогинский, Левин, 1955; Бунак, 1956; Розов, 1957]. Причем механизм формирования уральской расы вызвал оживленную дискуссию между различными исследователями. Одни [Бунак, 1956, 1958, 1965] отстаивают идею об изначальной недифференцированности и самостоятельном развитии признаков уральской расы, другие преобладающим фактором генезиса уральской расы считают процессы метисации между европеоидами и монголоидами [Дебец, 1956, 1968; Алексеев, 1961б].

П. Липтак [1950] и Н.С. Розов [1961] установили принадлежность к уральской расе юганских и васюганских хантов. На небольшом краниологическом материале В.П. Алексеев высказал предположение о примеси уральской расы у нганасан [1955], но изучение соматологических характеристик обнаружило значительное расовое своеобразие этой малочисленной самодийской народности и резкое отличие ее от западносибирских групп [Золотарёва, 1962; Аксянова и др., 1992].

К.Ю. Марк в 1955–1958 гг. осуществила обширные исследования всех живущих на территории СССР финно-угорских народов. Среди других групп изучены манси на р. Конде и Северной Сосьве и ханты близ с. Березово на нижней Оби. Собранный материал позволил высказать некоторые новые положения, касающиеся систематики и формирования отдельных типов уральской расы [Марк, 1974, 2000; Mark, 1970]. Ханты и манси отнесены к обскому типу уральской расы.

В.П. Алексеев опубликовал данные по четырем черепам с кетского кладбища на р. Подкаменная Тунгуска [1955]. Более представительная кетская серия (20 черепов) собрана в 1960 г. И.И. Гохманом в районе р. Елогуй. Установлено, что современные кеты краниологически имеют большое сходство с селькупами, ненцами, бельтирами и не выходят за пределы вариаций уральской расы [Гохман, 1963]. В 1965 и 1967 гг. И.И. Гохман возглавил комплексную экспедицию, проводившую антропологическое изучение кетов по широкой программе. Собраны материалы по соматологии, серологии и дерматоглифике, изучение которых позволило установить близость кетов к группам не только уральской, но и южносибирской расы, а также выявить ряд особенностей, сближающих кетов с южными монголоидами [Гохман, 1982; Давыдова, Жомова, 1982; Беневоленская, Башлай, 1982; Хить, 1982].

И.М. Золотарёва в 1961–1962 гг. собрала материал по соматологии и серологии самодийских народностей низовьев Енисея. Ей установлено отличие енисейских ненцев от более западных групп, а также что, с другой стороны, для энцев характерен более монголоидный тип по сравнению с ненцами [Золотарёва, 1974, 1975].

В 1968 г. Г.М. Давыдова провела исследование северных манси по антропометрической, серологической и одонтологической программам [1974–1976, 1986, 1989, 1992, 1997].

В 1968–1969 гг. сотрудники Института антропологии МГУ и отдела антропологии Института этнографии АН СССР по разнообразной программе обследовали около 300 лесных ненцев в пос. Тарко-Сале на р. Пур [Алексеева, 1970; Алексеев, 1971; Алексеева, Волков-Дубровин и др., 1972, 1973]. Г.А. Аксянова в 1973–1974 гг. собрала материал по соматологии и одонтологии ямальских и надымских ненцев, а также северных хантов и манси [1976, 1977, 1979, 1992, 2003, 2003а], в 1980 г. — по чулымским тюркам [1991].

В 1960-е годы вновь оживился интерес к вопросам систематики и происхождения уральской расы. Ю.Г. Рычков, проведя соматологическое обследование западных эвенков, подтвердил выводы Г.Ф. Дебеца и М.Г. Левина о их принадлежности к особому катангскому антропологическому варианту и сходстве с саяно-енисейским типом, представленным у тофаларов и тувинцев-тоджинцев [Дебец, 1951; Левин, 1954, 1958; Рычков, 1961]. По мнению Ю.Г. Рычкова, все они восходят к единому древнему типу, названному им среднесибирским, который является источником монголоидного компонента, участвовавшего в формировании уральской расы. Этот тип характеризовался чертами недифференцированности — ослабленной монголоидностью, низким лицом при сильной пигментированности волос и глаз. Признаки недифференцированного типа установила Г.М. Давыдова среди манси Северной Сосьвы и Ляпина [1976], В.П. Алексеев среди лесных ненцев [1971]. Г.А. Аксяновой предпринята попытка проследить конкретные пути формирования некоторых вариантов уральской расы при участии катангского (саяно-енисейского) типа [1976, 1992].

Планомерный сбор краниологических данных по разнообразным группам и подгруппам коренного населения Западной Сибири, осуществленный В.А. Дрёмовым, А.Р. Кимом и А.Н. Багашёвым [Ким, 1978, 1978а, 1984, 1987, 1990, 1998; Багашёв, 1984, 1987, 1989, 1990, 1990а, 1991, 1993а, 1999а, 2001–2003; Дрёмов, 1984, 1990а, 1991, 1991а, 1998а; Bagashev, Kim, 1994], позволил на новых материалах выявить морфологические комплексы, по которым различаются угорские и самодийские популяции [Дрёмов, 1984]. Описан своеобразный тип североалтайских популяций, что дало возможность рассматривать их в качестве самостоятельной таксономической единицы [Ким, 1987], в составе уральской расы выделен особый обь-иртышский антропологический вариант [Багашёв, 1993а].

В целом ряд кардинальных проблем, касающихся происхождения и систематики народов Западной Сибири, их антропологического состава и механизмов расообразования, был успешно решен в XX в. Расовые особенности некоторых групп (лесные ненцы, энцы, восточные манси, туруханско-тазовские селькупы) не отражены по краниологической программе. Постоянное включение все новых и новых промежуточных европеоидно-монголоидных популяций, различающихся в лингвистическом плане и по происхождению, в состав уральской расы сделало ее категорией чрезвычайно аморфной. Размах изменчивости признаков оказался настолько велик, что этим таксоном обозначено более формальное, нежели расогенетическое образование. Современное состояние источников по краниологии коренных народов позволяет вновь вернуться к решению проблем систематики населения Западной Сибири и механизмов его расообразования. Обширный корпус палеоантропологических находок в настоящее время дает возможность уточнить, а то и установить время формирования тех или иных сочетаний антропологических признаков, отмечаемых в составе современного населения, и проследить основные этапы формирования древних и современных антропологических типов.

Глава 2

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ КАМНЯ

§ 1. Антропологические находки позднеплейстоценового времени и достижения в изучении мезо-неолитического периода

Степень изученности антропологического покрова Западной Сибири в различные исторические периоды, его локальные особенности, популяционная структура и состав, воссоздаваемые на основе изучения краниологических материалов, напрямую зависят от количества палеоантропологических находок, относящихся к конкретной эпохе и охвата ими различных территорий.

Наиболее ранние антропологические данные, позволяющие пролить свет на происхождение древнего населения Западной Сибири, датируются преимущественно мезо-неолитическим временем (VI–IV тыс. до н.э.). Палеоантропологические находки позднеплейстоценового периода чрезвычайно редки. Значительная их часть связана с Алтаем. Сделанные там открытия внесли существенные коррективы в теорию происхождения человека современного вида, позволили реконструировать миграционные пути освоения Северной Азии [Деревянко, 2005, 2007, 2009, 2011].

Имеющееся до недавнего времени палеолитические данные по археологии и антропологии свидетельствовали о позднем освоении территории Западной Сибири, не ранее финальной стадии палеолита (20 000–10 000 лет назад). Однако случайно обнаруженный фрагмент бедренной кости в среднем течении Иртыша близ пос. Усть-Ишим Омской области позволил существенно удревнить время появления палеолитического человека в Западной Сибири.

Усть-ишимская находка, которая датируется 43–44 тыс. до н.э., принадлежала виду Homo sapiens sapiens. Исследование показало, что это кость самого древнего человека современного типа за пределами Африки и Ближнего Востока. Изучена и описана морфология кости из Усть-Ишима, определена ее принадлежность к человеку современного типа. Анализ стабильных изотопов показал значительную долю пресноводной рыбы в рационе этого человека, жившего на территории Западной Сибири около 45 000 лет тому назад.

Получен самый древний геном человека современного типа. Генетические данные подтвердили принадлежность индивидуума из Усть-Ишима к человеку современного типа, жившего до или во время разделения популяций на западную и восточную ветви. В изученном образце определен процент генетической информации неандертальского происхождения, который оказался немного большим (2,3 %), чем у современных евразийцев

(1,5–1,8 %). Геномные сегменты неандертальского происхождения у усть-ишимца значительно длиннее, чем у современных людей, что позволило сузить диапазон гибридизации человека и неандертальца с 37 000–80 000 до 50 000–60 000 лет. Удалось уточнить частоту и скорость аутосомных мутаций и мутаций в Y-хромосоме на сегмент в год, определить скорость и частоту мутаций в митохондриальной ДНК [Fu et al., 2014, p. 445–450; Keates et al., 2014; Viola et al., 2014].

В последующий исторический период — мезолит и неолит — количество исследованных палеоантропологических находок возрастает, однако происходят они только из южной части Западной Сибири. Основные достижения в пополнении источниковой базы неолитического времени описаны выше (гл. 1, § 4), а ниже приведены сведения о введенных в последнее время в научный оборот серийных краниологических материалах, в том числе данных по поздненеолитическому времени и ранней бронзе.

Изучены черепа из погребений эпохи неолита Барнаульского Приобья, что позволило составить представление об антропологическом облике древнего населения этого региона, а также выдвинуть гипотезу о существовании антропологической общности населения равнинных лесостепных областей Западной Сибири и восточных районов Восточной Европы эпохи камня и начала перехода к бронзовому веку [Солодовников, Тур, 2017]. Исследованы и введены в научный оборот значительные по численности краниологические материалы афанасьевской культуры Алтае-Саянского нагорья [Солодовников, 2003, 2005б, 2010]. На этой фактологической основе подтверждена гипотеза о происхождении афанасьевской культуры в результате миграций значительных масс населения древних восточноевропейских скотоводческих культур, впервые принесших на территорию Сибири навыки производящего хозяйства, металлургию меди и характеризующихся протоевропеоидным антропологическим типом. Специфическое антропологическое сходство носителей афанасьевской культуры с населением культур энеолита — ранней бронзы степной полосы Восточной Европы прослежено на уровне суммарных серий афанасьевцев Горного Алтая и среднего Енисея, типологических и локально-территориальных групп, а также на уровне отдельных индивидов [Солодовников, 2003, 2006, 2009а, 2010]. Выявлена наибольшая морфологическая близость краниологических серий афанасьевского населения Южной Сибири с группами ямного населения Волго-Уралья и их потомков в лице носителей полтавкинской культуры Поволжья, а также синхронного населения с промежуточной территории Казахстана [Солодовников, 2009а, 2010; Солодовников и др., 2015; Хохлов, Солодовников и др., 2016]. Кроме того, в антропологическом составе населения энеолита — бронзы Горного Алтая на женских черепах выявлен морфологический компонент, характеризующийся чертами автохтонного для Южной Сибири антропологического типа с некоторыми монголоидными особенностями [Солодовников, Рыкун, 2018].

Исследованы и введены в научный оборот антропологические материалы археологических культур постафанасьевского времени: елунинской пред-

горно-равнинного Алтая, Монгольского Алтая, прилегающих районов Северо-Восточного Казахстана, а также каракольской культуры Горного Алтая. В целом антропологический облик носителей этих культурных образований определяется как метисный [Тур, Солодовников, 2005; Солодовников, Тур, 2016]. При этом доля пришлого европеоидного компонента больше в составе мужских серий, а женские черепа характеризуются преимущественно расовыми особенностями местного для каждой территории населения неолита — энеолита. Установлены однотипность европеоидного компонента в составе населения елунинской и каракольской культур, а также его отличия от антропологического типа носителей афанасьевской культуры. Это позволяет предполагать следующую волну миграций европеоидного населения на территорию Южной и юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Ее территориальные истоки находились в удаленных районах западной части Евразийского континента [Солодовников, 2006, 2007].

Изучение черепов из могильника сейминско-турбинского типа Ростовка в Омском Прииртышье позволило обнаружить следы трансконтинентальной миграции и с востока на запад Евразии. Исследованная серия морфологически значительно отличается от синхронных и предшествующих групп неолита — ранней бронзы не только с территории Прииртышья, но и в целом равнинной лесостепной части бассейнов Оби и Иртыша, а также наиболее сходна с сериями, представляющими автохтонное население Южной и Восточной Сибири [Солодовников и др., 2016].

В целом эти исследования позволили выявить значительную роль миграционных процессов в формировании древнего населения Южной, Западной Сибири и Казахстана. Определено, что сложение антропологического покрова данного региона в эпоху неолита — бронзы связано в первую очередь с миграциями европеоидных групп разного происхождения из западных и часто весьма удаленных районов, а также с их взаимодействием с местными популяциями.

§ 2. Характеристика неолитических палеоантропологических находок из Омской стоянки и Шигирского торфяника

При археологических раскопках на Омской стоянке в 1987–1988 гг. Б.А. Кониковым были обнаружены три погребения эпохи неолита (возможно, раннего). Памятник расположен при впадении р. Замарайки в Иртыш близ г. Омска [Коников, 1994; 1996; 2012; 2016, с. 178–182]. Вскрыты две могилы на глубине 2 м от современной поверхности, частично перекрывавшие друг друга. Предварительное морфологическое описание находок опубликовано [Багашёв, 2003а; Bagashev, 1994].

Череп из погребения 2 удовлетворительной сохранности. Частично разрушена правая часть основания черепа и правая часть верхней челюсти. Полностью отсутствует носовая часть лицевого скелета. Череп не очень массивный, но с хорошо развитым рельефом надглазничной области, сос-

цевидные отростки средней величины, наружный затылочный бугор небольшой. По краниометрическим данным характеризуется большими величинами трех основных диаметров мозговой коробки, по черепному указателю — субдолихокранный, по высотно-продольному — ортокранный, по высотно-поперечному — метриокранный. Основание черепа средней длины и довольно большой ширины. Лобная кость короткая и широкая, уплощенная в продольном направлении и довольно профилированная в поперечном. По углам профиля лоб характеризуется как весьма наклонный. Затылок широкий (табл. 1).

Лицо средневысокое с большим скуловым диаметром и большой длиной основания, среднеширокое на уровне орбит и углов нижней челюсти, ортогнатное по общему углу лицевого профиля и указателю. Лицевой отдел на уровне орбит характеризуется умеренной профилированностью и относительно большей его уплощенностью в подносовой части. Клыковая ямка малая по глубине.

Орбиты средней высоты и ширины, мезоконхные по указателям. Высота носа небольшая при большой его ширине, нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Угол выступания носа большой.

Из посткраниального скелета сохранились левые плечевая, локтевая и лучевая (без эпифизов) кости, обе бедренные и большие берцовые (с частично разрушенными эпифизами) кости, диафиз левой малой берцовой кости и фрагменты тазовых костей. Плечевая кость характеризуется большой длиной и очень малой окружностью диафиза. Указатель прочности малой величины. Для локтевой кости характерна эуроления и малый указатель прочности. В целом указатели прочности свидетельствуют о выраженной грацильности длинных костей верхних конечностей (табл. 2).

Бедренная кость также характеризуется очень большой длиной и малой окружностью диафиза. Указатель прочности малой величины. Пилястр развит слабо (указатель пилястрии — 92,3 и 96,0). Сечение бедренной кости отличается гиперплатимерией. Для большой берцовой кости характерна большая окружность диафиза, указатель платикнемии свидетельствует о хорошей ее выраженности, что говорит о сильном сдавлении голени с боков, т.е. проявляется тенденция к «саблевидной» форме. В целом для длинных костей нижних конечностей, как и для верхних, характерна грацильность.

Длина тела, вычисленная по скелетным размерам (в среднем 164,4 см), почти совпадает с размером костяка при выборке погребения (164 см). По рубрикации Мартина подобная длина тела является большой. Таким образом, можно говорить о долихоморфном типе данного индивида.

Биологический возраст индивида по степени стертости жевательных поверхностей зубов и облитерации швов черепа составляет 20–25 лет. По строению черепа, форме длинных костей и особенностям строения таза пол с достаточной степенью точности определяется как женский.

Череп из погребения 3 хорошей сохранности. Повреждены нижняя часть правой височной кости и правая скуловая кость, разрушен скуловой отросток правой верхнечелюстной кости, частично повреждено переносье.

Таблица 1

Размеры и указатели черепов из неолитических погребений Омской стоянки и Шигирского торфяника

Признак, № по Мартину или условное обозначение	Омская стоянка				Шигирский торфяник		
	Погребение 2		Погребение 3	♂+«♂»	№ 1–840	№ 1–841	№ 1–848
	♀	«♂»	♂		♀	♂	♂
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Продольный диаметр (*g-op*)	183	192	188	190,0 (2)	176	173	—
1b. Продольный диаметр (*on-op*)	180	188	184	186,0 (2)	176	170	—
8. Поперечный диаметр	142	147	144	145,5 (2)	147	143	—
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	132	138	130	134,0 (2)	135	135	—
20. Высотный диаметр (*po-b*)	120	126	120	123,0 (2)	—	113	—
8:1. Черепной указатель	77,6	76,6	76,6	76,6 (2)	83,5	82,7	—
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	72,1	71,8	69,1	70,4 (2)	76,7	78,0	—
20:1. Высотно-продольный указатель от *po*.	65,6	65,6	63,8	64,7 (2)	—	65,3	—
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	93,0	93,9	90,3	92,1 (2)	91,8	94,4	—
20:8. Высотно-поперечный указатель от *po*.	84,5	85,7	83,3	84,5 (2)	—	79,0	—
25. Сагиттальная дуга	357	370	371	370,5 (2)	—	—	—
5. Длина основания черепа	97	102	102	102,2 (2)	101	104	—
11. Ширина основания черепа	127	133	125	129,0 (2)	—	122	—
11:8. Аурикулярно-поперечный указатель	89,4	90,5	86,8	88,6 (2)	—	85,3	—
9. Наименьшая ширина лба	97	100	97	98,5 (2)	101	97	—
10. Наибольшая ширина лба	118	123	120	121,5 (2)	126	123	—
9:8. Лобно-поперечный указатель	68,3	68,0	67,4	67,7 (2)	68,7	67,8	—
10:8. Коронально-поперечный указатель	83,1	83,7	83,3	83,5 (2)	85,7	86,0	—
9:10. Лобный указатель	82,2	81,3	80,8	81,0 (2)	80,2	78,9	—
26. Лобная дуга	118	123	125	124,0 (2)	—	—	—
29. Лобная хорда	104	108	111	109,5 (2)	109	106	—
Sub. Nβ. Высота изгиба лба	19,0	19,0	19,8	19,4 (2)	26,0	24,0	—
Sub. Nβ:29. Указатель выпуклости лба	18,3	17,6	17,8	17,7 (2)	23,9	22,6	—
Sub. 9. Высота лобной кости над наименьшей высотой	23,5	—	17,0	—	18,2	18,5	—
Указатель поперечного изгиба лба	24,2	—	17,5	—	18,0	19,1	—
Угол поперечного изгиба лба	128,3	128,3	141,4	134,8 (2)	140,4	138,2	—
32. Угол профиля лба от *n*.	77	77	74	75,5 (2)	—	83	—
GM/FH. Угол профиля лба от *g*.	68	68	64	66,0 (2)	—	74	—
Надпереносье (1–6)	4	—	4	—	2	5	—
Надбровные дуги (1–3)	2	—	2	—	—	—	—
27. Теменная дуга	119	124	128	126,0 (2)	—	—	—
30. Теменная хорда	111	116	117	119,0 (2)	—	—	—
30:27. Указатель изгиба темени	93,3	93,5	91,4	92,4 (2)	—	—	—
12. Ширина затылка	117	121	117	119,0 (2)	111	110	—
12:8. Затылочно-поперечный указатель	82,4	82,3	81,3	81,8 (2)	75,5	76,9	—
28. Затылочная дуга	120	124	118	121,0 (2)	—	—	—
28:27. Затылочно-теменной указатель	100,8	100,0	92,2	96,1 (2)	—	—	—
31. Затылочная хорда	96	99	99	99,0 (2)	—	—	—
31:28. Указатель изгиба затылка	80,0	79,8	83,9	81,8 (2)	—	—	—
h. Высота затылка	29,0	29,0	30,0	29,5 (2)	—	—	—
h:30. Указатель выпуклости затылка	30,2	30,2	30,3	30,2 (2)	—	—	—
26:25. Лобно-сагиттальный указатель	33,1	33,2	33,7	33,4 (2)	—	—	—
27:25. Теменно-сагиттальный указатель	33,3	33,5	34,5	34,0 (2)	—	—	—
28:25. Затылочно-сагиттальный указатель	33,6	33,5	31,8	32,6 (2)	—	—	—
7. Длина затылочного отверстия	—	—	38	38,0 (1)	—	—	—

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
16. Ширина затылочного отверстия	—	—	31	31,0 (1)	—	—	—
16:7. Указатель затылочного отверстия	—	—	81,6	81,6 (1)	—	—	—
Наружный затылочный бугор (0–5)	1	—	2	—	2	2	—
Сосцевидный отросток (1–3)	2	—	2	—	2	2	—
Форма черепа сверху	ov.	—	ov.	—	ov.	ov.	—
40. Длина основания лица	103	107	103	105,0 (2)	—	94	—
40:5. Указатель выступания лица	106,2	104,9	101,1	103,0 (2)	—	90,4	—
43. Верхняя ширина лица	100	104	115	109,5 (2)	112	117	—
46. Средняя ширина лица	98	103	109	106,0 (2)	—	95	—
45. Скуловой диаметр	130	139	133	136,0 (2)	—	133	—
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	91,5	94,6	92,4	93,5 (2)	—	93,0	—
9:45. Лобно-скуловой указатель	74,6	71,9	72,9	72,4 (2)	—	72,9	—
48. Верхняя высота лица	65	70	74	72,0 (2)	—	68	—
47. Полная высота лица	110	118	119	118,5 (2)	—	114	—
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	49,2	50,7	56,9	53,8 (2)	—	50,4	—
48:45. Верхний лицевой указатель	50,0	50,4	55,6	53,0 (2)	—	51,1	—
47:45. Общий лицевой указатель	84,6	84,9	89,5	87,2 (2)	—	85,7	—
72. Общий лицевой угол	87	87	80	83,5 (2)	—	88	—
73. Средний лицевой угол	88	88	82	85,0 (2)	—	91	—
74. Угол альвеолярной части	83	83	74	78,5 (2)	—	77,8	—
43(1). Биорбитальная ширина	92	96	107	104,5 (2)	102	99	—
Высота назиона над биорбитальной шириной	18,0	—	16,6	—	18,0	17,7	—
77. Назомалярный угол	137,3	137,3	145,5	141,4 (2)	141,1	140,6	—
zm'-zm'. Зигомаксиллярная ширина	96	—	108	—	—	98	—
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	20,7	—	25,3	—	—	20,4	—
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	133,3	133,3	129,8	131,5 (2)	—	134,8	—
∠zm':77. Указатель платипрозопии	97,1	97,1	89,2	93,2 (2)	—	95,9	—
51. Ширина орбиты от *mf.*	41	43	45	44,0 (2)	—	43	—
51a. Ширина орбиты от *d.*	39	41	41	41,0 (2)	—	40	—
52. Высота орбиты	34	34	33	33,5 (2)	—	30	—
52:51. Орбитный указатель от *mf.*	82,9	79,1	73,3	76,2 (2)	—	69,8	—
52:51a. Орбитный указатель от *d.*	87,2	82,9	80,5	81,7 (2)	—	75,0	—
55. Высота носа	50	53	54	53,5 (2)	—	51	—
54. Ширина носа	27	28	26	27,0 (2)	—	26	—
54:55. Носовой указатель	54,0	52,8	48,1	50,4 (2)	—	51,0	—
Форма нижнего края грушевидного отверстия	inf.	—	inf.	—	—	anth.	—
Передненосовая ость (1–5)	2	—	3	—	—	5	—
75. Угол наклона носовых костей	62	62	52	57,0 (2)	—	59	—
75(1). Угол выступания носа	25	25	28	26,5 (2)	—	29	—
SC. Симотическая ширина	—	—	10,2	10,2 (1)	—	8,3	—
SS. Симотическая высота	—	—	5,0	5,0 (1)	—	5,1	—
SS:SC. Симотический указатель	—	—	49,0	49,0 (1)	—	61,4	—
∠S. Симотический угол	—	—	91,1	91,1 (1)	—	78,3	—
MC. Максилло-фронтальная ширина	—	—	22,0	22,0 (1)	—	19,1	—
MS. Максилло-фронтальная высота	—	—	8,5	8,5 (1)	—	—	—
MS:MC. Максилло-фронтальный указатель	—	—	36,8	36,8 (1)	—	—	—
DC. Дакриальная ширина	—	—	25,0	25,0 (1)	—	21,7	—
DS. Дакриальная высота	—	—	12,6	12,6 (1)	—	12,6	—
DS:DC. Дакриальный указатель	—	—	50,4	50,4 (1)	—	58,1	—

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
∠D. Дакриальный угол	—	—	89,5	89,5 (1)	—	81,5	—
Ширина скуловой кости (по Bv)	48	—	60	—	—	—	—
Высота скуловой кости (по Bv)	9,3	—	15,3	—	—	—	—
Указатель изгиба скуловой кости	19,4	—	15,3	—	—	—	—
FC. Глубина клыковой ямки	2,9	3,2	3,8	3,5 (2)	—	5,8	—
60. Длина альвеолярной дуги	50	52	59	55,5 (2)	—	—	—
61. Ширина альвеолярной дуги	63	66	68	67,0 (2)	—	—	—
61:60. Альвеолярный указатель	126,0	126,9	115,3	121,1 (2)	—	—	—
62. Длина нёба	47	49	51	50,0 (2)	—	44	—
63. Ширина нёба	40	42	42	42,0 (2)	—	39	—
63:62. Нёбный указатель	85,1	85,7	82,4	84,0 (2)	—	88,6	—
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	92	97	110	103,5 (2)	114	104	117
68. Длина нижней челюсти от углов	78	82	90	86,0 (2)	80	73	78
65. Мыщелковая ширина	—	—	119	119,0 (1)	129	119	128
66. Угловая ширина	95	103	110	106,5 (2)	108	118	116
66:45. Челюстно-скуловой указатель	73,1	74,1	82,7	78,4 (2)	—	88,7	—
70. Высота ветви	59	65	64	64,5 (2)	53	65	65
71a. Наименьшая ширина ветви	36	39	39	39,0 (2)	34	31	34
67. Передняя ширина нижней челюсти	45	47	50	48,5 (2)	46	48	45
69. Высота симфиза	32	35	36	35,5 (2)	32	30	31
69(1). Высота тела нижней челюсти	30	33	33	33,0 (2)	31	30	31
69(3). Толщина тела нижней челюсти	11	12	14	13,0 (2)	11	13	12
69(3):69(1). Указатель толщины	36,7	36,4	42,4	39,4 (2)	34,5	43,3	38,7
79. Угол ветви нижней челюсти	108	108	110	109,0 (2)	129	118	119
∠C'. Угол выступания подбородка	76	76	73	74,5 (2)	65	60	71

Примечание. Здесь и далее в таблицах в круглых скобках указана численность наблюдений по каждому признаку. Обозначения: ov. — ovoides (овоид); inf. — infantilis; anth. — anthropina.

Симотические, дакриальные и максилло-фронтальные измерения частично осуществлены по реконструкции. Череп с развитым рельефом надглазничной области, сосцевидные отростки и наружный затылочный бугор средней величины. Для мозговой коробки характерны большие величины продольного и поперечного диаметров, малая высота от базиона и большая от порионов, по черепному указателю череп субдолихокранный, хамекранный по высотно-продольному и тапейнокранный по высотно-поперечному. Длина и ширина основания черепа средней величины. Лобная кость средней длины и ширины, уплощенная в продольном и поперечном направлениях. Профиль лба по величинам углов можно охарактеризовать как покатый. Затылок широкий (см. табл. 1).

Лицо высокое со средним скуловым диаметром, но очень широкое на уровне орбит, а также в средней части и на уровне углов нижней челюсти, мезогнатное по общему углу лицевого профиля и указателю и более прогнатное по углу альвеолярной части, по указателю — мезо-лептоморфного типа. В горизонтальной плоскости лицевой скелет характеризуется заметной уплощенностью на уровне орбит и относительно большей профилированностью в средней части. Клыковая ямка малая по глубине.

Орбиты очень широкие и низкие, хамеконхные по указателям, высота носа большая при средней его ширине, указатель свидетельствует о мезо-

Таблица 2

Размеры и указатели длинных костей из неолитических погребений Омской стоянки

Признак	Погребение 2, ♀		Погребение 3, ♂	
	Правая	Левая	Правая	Левая
1	2	3	4	5
Плечевая кость				
1. Наибольшая длина	—	322	353	355
2. Физиологическая длина	—	319	348	350
5. Наибольший диаметр середины диафиза	—	19	25	23
6. Наименьший диаметр середины диафиза	—	14	17	17
7. Наименьшая окружность диафиза	—	40	63	60
7а. Окружность середины диафиза	—	53	68	65
6:5. Указатель поперечного сечения	—	73,7	68,0	74,0
7:1. Указатель прочности	—	12,4	17,8	16,9
Лучевая кость				
1. Наибольшая длина	—	—	—	270
2. Физиологическая длина	—	—	—	257
4. Поперечный диаметр диафиза	—	13	—	17
5. Сагиттальный диаметр диафиза	—	11	—	12
3. Наименьшая окружность диафиза	—	34	—	42
5:4. Указатель поперечного сечения	—	84,6	—	70,6
3:2. Указатель прочности	—	—	—	16,3
Суммарная длина плечевой и лучевой костей	—	—	—	625
Локтевая кость				
1. Наибольшая длина	—	260	284	283
2. Физиологическая длина	—	232	255	256
11. Передне-задний диаметр	—	12	14	13
12. Поперечный диаметр	—	15	20	20
13. Верхний поперечный диаметр	13	14	22	21
14. Верхний дорзо-волярный диаметр	17	17	26	25
3. Наименьшая окружность диафиза	—	32	38	36
3:2. Указатель прочности	—	13,8	14,9	14,1
11:12. Указатель поперечного сечения	—	80,0	70,0	65,0
13:14. Указатель платолении	—	82,4	84,6	84,0
Ключица				
6. Окружность середины диафиза	—	—	36	35
Бедренная кость				
1. Наибольшая длина	458	463	500	513
2. Длина в естественном положении	453	459	497	508
21. Мыщелковая ширина	79	78	89	90
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	24	24	31	31
7. Поперечный диаметр середины диафиза	25	26	29	27
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	34	35	39	38
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	22	22	27	28
8. Окружность середины диафиза	75	77	90	88
8:2. Указатель массивности	16,6	16,8	18,1	17,3
6:7. Указатель пилястрии	96,0	92,3	103,4	114,8
10:9. Указатель платимерии	64,7	62,9	69,2	73,7
Большая берцовая кость				
1. Полная длина	—	—	399	407
2. Мыщелково-таранная длина	—	—	388	398

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
1a. Наибольшая длина	—	—	407	413
8. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	33	31	35	35
8a. Сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия	37	35	40	40
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	20	19	23	23
9a. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	22	21	25	24
10. Окружность на уровне середины диафиза	82	80	92	90
10b. Наименьшая окружность диафиза	72	70	83	82
9a:8a. Указатель платикнемии	59,0	60,0	62,5	60,0
10b:1. Указатель прочности	—	—	20.8	20,1
10:1. Указатель массивности	—	—	23,1	22,1
Суммарная длина бедренной и большой берцовой костей	—	—	896	915
Малая берцовая кость				
1. Наибольшая длина	—	—	—	393
4a. Наименьшая окружность диафиза	—	34	—	37
4a:1. Указатель прочности	—	—	—	9,4
Указатели				
Интермембральный	—	—	—	68,3
Берцово-бедренный	—	—	80,3	80,1
Луче-плечевой	—	—	—	76,1
Плече-бедренный	—	70,2	71,0	69,9
Луче-берцовый	—	—	—	66,3
Длина тела, см				
по Пирсон и Ли	161,7		175,0	
по Троттер и Глезеру	167,6		181,4	
по Дебецу	—		180,1	
по Бунаку	—		176,9	
в среднем	164,6		178,4	

ринии. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Носовые кости и переносье широкие и высокие, угол выступания носа большой.

Из костей скелета сохранились обе плечевые и локтевые, левая лучевая, ключицы (без суставных поверхностей), обе бедренные и большие берцовые, левая малая берцовая, тазовые. Плечевые и лучевая кости характеризуются большой длиной и очень малой окружностью диафиза. Указатель прочности средней величины. Для локтевых костей характерна эуроления. В целом указатели свидетельствуют о грацильном строении длинных костей верхних конечностей, а луче-плечевой указатель — о среднем соотношении между длиной предплечья по отношению к плечу (см. табл. 2).

Бедренные кости отличаются очень большой длиной и средней окружностью диафиза, указатель массивности малый. Пилястр развит хорошо. Сечение диафиза гиперплатимерично. Для большой берцовой кости характерны большая длина и окружность диафиза, указатель сечения свидетельствует о хорошо выраженной платикнемии, что говорит о значитель-

ном сдавлении голени с боков. В целом длинные кости нижних конечностей несколько более массивны по сравнению с верхними. Берцово-бедренный указатель свидетельствует о среднем соотношении между берцовым сегментом и бедром. Судя по указателям пропорций (интермембральному, плече-бедренному и луче-берцовому), данный индивид может быть отнесен к долихоморфному типу.

Длина тела по скелетным размерам составляет в среднем 178,4 см, по суммарной длине плечевой и лучевой костей — 180,0 см, по суммарной длине бедренной и большой берцовой костей — 178,0 см. По Мартину это большая высота. Длина скелета, измеренная при расчистке погребения, около 200 см. Биологический возраст данного индивида по комплексу признаков 25–30 лет, пол по морфологии черепа и строению таза мужской.

В квадрате 2В (IV штык) были обнаружены также два фрагмента теменных и два фрагмента затылочной кости, фрагмент правой ветви нижней челюсти с тремя постоянными молярами. Тело нижней челюсти довольно массивное, зубы крупные. Пол погребенного предположительно мужской. По степени стертости жевательных поверхностей зубов возраст может быть определен в 40–50 лет. Удалось измерить высоту тела нижней челюсти между первым и вторым молярами (36 мм) и толщину тела на этом же уровне (17 мм).

Сопоставление морфологических особенностей мужского и женского черепов показывает, что мужской имеет более низкую черепную коробку (по высотным диаметрам как от базиона, так и от порионов), более широкое лицо в верхней и средней частях, но менее широкое по скуловому диаметру, чуть более высокое. В целом мужской череп характеризуется более лептоморфным лицевым скелетом. По степени горизонтальной профилированности лица для мужского черепа характерны бóльшая уплощенность на уровне орбит, но меньшая в средней части, по вертикальной профилировке — более прогнатное строение. По остальным абсолютным размерам и пропорциям различия незначительные и разнонаправленные. На наш взгляд, отмеченные морфологические различия между мужским и женским черепами не носят качественного характера и оба они могут быть отнесены к одному антропологическому типу.

Данное обстоятельство и то, что при сравнительном межгрупповом анализе более объективно сопоставление средних показателей серий, когда индивидуальная изменчивость стабилизирована, позволило пойти по пути вычисления «мужских» размеров женского черепа, что осуществлялось умножением краниометрических характеристик женского черепа на средние значения коэффициентов полового диморфизма [Алексеев, Дебец, 1964]. Полученные данные суммированы с размерами мужского черепа. Дисгармоничных сочетаний морфологических признаков на черепах с Омской стоянки не наблюдается, можно лишь отметить сочетание довольно большой высоты черепной коробки, измеренной от порионов, со средней высотой, измеренной от базиона.

По строению носовой части лицевого скелета черепа выглядят явно европеоидными, но степень профилированности лица в горизонтальной

плоскости сближает их с монголоидными формами. Обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) [Дебец, 1968] составил 33,9, преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ) — 93,6, условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) — 31,2. Оба черепа с Омской стоянки, следовательно, могут быть охарактеризованы как европеоидные с небольшим налетом монголоидных черт.

При просмотре в 1992 г. в Екатеринбургском историко-краеведческом музее мезо-неолитических краниологических материалов из Шигирского торфяника удалось обнаружить несколько черепов, не описанных в литературе. У Г.Ф. Дебеца [1953] и М.М. Герасимова [1955] содержится описание двух черепов (мужского и женского) без нижних челюстей из Шигирского торфяника шигирской культуры. Мужской череп, по которому М.М. Герасимовым выполнена пластическая реконструкция, найден в Иннокентьевском разрезе Царево-Андреевской дистанции Миасского округа Оренбургской губернии, отнесен к шигирской культуре предположительно (№ 162, 1758). Женский череп, описанный Г.Ф. Дебецем [1953] (№ 32, 161, 1–842), обнаружен на Втором Кудринском прииске Шигирского торфяника Верх-Исетского округа Екатеринбургской губернии.

Новые черепа, как и упомянутые выше, почти черного цвета, сходной патинизации и минерализации, на них стоят шифры коллекции из Шигирского торфяника: № 1–840 — мозговая коробка женского черепа с нижней челюстью (взрослый); 1–841 — полный мужской череп с нижней челюстью (взрослый); 1–848 — мужская нижняя челюсть (взрослый).

Мужской череп (№ 1–841) массивный, с хорошо развитым рельефом, характеризуется субдолихокранной средневысокой мозговой коробкой. Лицо низкое при средней ширине, мезопрозопное, ортогнатное по общему лицевому углу. Величины назомалярного и зигомаксиллярного углов указывают на умеренную уплощенность лица. Орбиты широкие и низкие, хамеконхные по указателям. Носовые кости и переносье среднеширокие, высота их довольно большая. Угол выступания носа большой (см. табл. 1).

По структуре и строению переносья череп явно европеоидного облика, но степень горизонтальной профилированности лица сближает его со смешанными европеоидно-монголоидными вариантами (в современном представлении). Поэтому УЛС составил 31,8, ПФЦ — всего 87,8, а УДМЭ имеет даже отрицательное значение: –1,3.

В целом характеристика данного черепа во многом совпадает с описанием мужского черепа № 162 (1758). М.М. Герасимовым отмечено, что мужской череп обладает основными признаками европеоида с малой головой, очень низким маленьким лицом, уплощенными скуловыми костями, однако видны и черты легкой монголизации [1955, с. 413]. Для этого черепа, действительно, характерно слабое выступание носовых костей и переносья при большом угле выступания носа. В результате УЛС составил 65,1, ПФЦ — 90,1, УДМЭ — 48,3.

Женский череп (№ 1–840) без лицевого скелета, также массивный. Мозговая коробка очень широкая и высокая, брахикранная. Лоб очень

широкий. Лицо, видимо, тоже очень широкое, если судить по его верхней ширине и угловой ширине нижней челюсти. По горизонтали на уровне орбит лицо профилировано умеренно.

По опубликованным измерениям черепа № 161 (1–842) [Дебец, 1953] он может быть охарактеризован как европеоидный, но с уплощенным по горизонтали лицом (УЛС — 39,4; ПФЦ — 90,7; УДМЭ — 22,7). Морфологические различия между женскими черепами меньше, чем между мужскими.

Черепа из Шигирского торфяника объединяют широкая средневысокая черепная коробка, низкое средней ширины лицо, низкая хамеконхная орбита, большой угол выступания носовых костей, слабая профилировка лицевого скелета в горизонтальной плоскости, т.е. наблюдается сочетание явно европеоидного строения мозговой коробки, лица и переносья с мезогетеропрозопным типом горизонтальной профилированности лицевого скелета.

При установлении систематического положения черепов из погребений Омской стоянки в качестве сравнительных привлечены опубликованные краниологические данные, отражающие расовый состав населения Сибири и соседних территорий мезо-неолитического времени. Из западносибирских материалов особенный интерес представляет фрагмент неолитического черепа из Усть-Куренги [Алексеев, 1961а], территориально ближайшая к Омской стоянке находка. Несмотря на плохую сохранность, его краниометрические показатели практически не отличаются от данных по черепам Омской стоянки как по форме черепной коробки, так и по широтным размерам лба, высоте его изгиба, ширине основания черепа и затылка.

С территории Северной Барабы известно несколько черепов из неолитических погребений могильников Сопка 2 и Протока, довольно своеобразных в морфологическом отношении. Авторами отмечены некоторые противоречивые сочетания признаков — хорошо профилированный по горизонтали лицевой скелет в сочетании с малым углом выступания носовых костей и др., что позволило высказать мысль о недифференцированности антропологического типа данной палеопопуляции и сблизить ее с неолитическим европеоидным населением лесной полосы Северной Евразии [Полосьмак и др., 1989, с. 78–81, 91–92]. Еще более отчетливо подобный морфологический комплекс прослеживается на черепах из погребений могильника Заречное 1 [Дрёмов, 1997].

Несколько черепов с территории Новосибирского Приобья из Ордынского [Алексеев, 1961а] и Раздумья [Дрёмов, 1985] характеризуются в целом европеоидным строением с легкой монголизацией, как и черепа из могильников Лебеди 2 и Васьково 4 [Алексеев, Гохман, 1984; Дрёмов, 1985, 1997].

Из могильника Солонцы 5 в Верхнем Приобье, изученного Н.Ю. Кунгуровой, составилась краниологическая серия из четырех мужских и двух женских черепов. Анализ показал, что, возможно, мы имеем дело с группой родственников, о чем свидетельствует специфика в строении орбит и

нижних челюстей всех черепов [Кунгурова, Чикишева, 2002; Чикишева, 2012, с. 46–47]. В серии прослеживается влияние монголоидного компонента, тяготеющего к неолитическому населению Прибайкалья, но в целом выборка сближается с неолитическими черепами из Усть-Иши и Ордынского 1 [Чикишева, 2012, с. 47].

Широкую известность имеют неолитические материалы из могильников Верхнего Приобья Усть-Иша и Иткуль [Дрёмов, 1980]. В антропологическом типе оставившего данные могильники населения отмечен процесс смешения европеоидных вариантов, характерных для восточноевропейских неолитических групп, с монголоидными популяциями Восточной Сибири, прослеживаются также расогенетические связи с кельтеминарским населением Средней Азии [Дрёмов, 1973, 1980, 1981, 1986; Яблонский, 1986].

Из Восточной Сибири привлечены данные по краниологии населения серовского времени Прибайкалья — сборные серии черепов из могильников на Ангаре и в верховьях Лены [Мамонова, 1980]. Данное население характеризуется достаточно отчетливо выраженными монголоидными особенностями, складывающимися в устойчивый комплекс, прослеживаемый в составе монголоидных популяций центральноазиатского генезиса. Еще ярче монголоидные черты отмечаются на неолитических черепах из Забайкалья, в составе данной выборки обнаружены элементы, характерные для представителей байкальского типа североазиатской группы популяций [Гохман, 1980, с. 22–23]. Для обобщенного анализа они объединены в сборную серию ***неолит Восточной Сибири*** (табл. 3).

С территории Южного Приаралья привлекается серия черепов из погребений кельтеминарской культуры могильника Тумек-Кичиджик, исследованных Т.А. Трофимовой [1979] и Л.Т. Яблонским [1986, 1986а]. Отмечено, что население позднего этапа кельтеминарской культуры антропологически сближается с некоторыми мезолитическими и неолитическими группами Западной Европы, но одновременно черепа из Тумек-Кичиджика сближаются с кругом групп древних средиземноморских форм, что позволяет полагать участие средиземноморцев (в широком понимании этого термина) в формировании антропологической основы кельтеминарцев; при этом некоторые антропологические особенности серии могли возникнуть в результате контактов с монголоидным населением Южной Сибири [Яблонский, 1986, с. 118]. В составе сборной серии из Южной Туркмении [Гинзбург, Трофимова, 1972] черты, характерные для популяций средиземноморского типа, выражены достаточно отчетливо. Для обобщенного анализа они объединены в сборную серию ***неолит Туркмении*** (табл. 3).

В качестве сравнительных привлечены также краниологические данные, отражающие физические особенности европеоидного населения мезолита и неолита Украины, в генезисе которого основная роль отводится протоевропейскому компоненту [Дебец, 1948, 1955; Кондукторова, 1956а, 1973; Сурнина, 1961; Гохман, 1966]. Это серии черепов из мезолитических могильников Васильевка 1 [Кондукторова, 1973] и 3 [Гохман, 1966], неолитических могильников Васильевка 2 и Вовниги 2 [Гохман, 1966], Ни-

Таблица 3

Сравнительные данные по краниологии населения мезо-неолитического времени

№ по Мартину или условное обозначение	Омское Прииртышье		Барабинская лесостепь		Новосибирское Приобье		Кузнецкая котловина		Верхнее Приобье	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Продольный диаметр	193,3 (3)	183,0 (1)	186,9 (9)	181,0 (4)	185,2 (4)	178,7 (3)	187,4 (7)	180,0 (2)	190,0 (11)	182,8 (5)
8. Поперечный диаметр	146,3 (3)	142,0 (1)	141,1 (10)	137,2 (4)	139,3 (3)	138,7 (3)	143,3 (7)	136,0 (2)	146,1 (11)	143,5 (4)
17. Высотный диаметр	134,0 (2)	132,0 (1)	139,0 (6)	119,0 (1)	136,3 (3)	130,0 (2)	132,5 (4)	124,0 (1)	131,2 (10)	137,0 (2)
8:1. Черепной указатель	75,7 (3)	77,6 (1)	75,0 (8)	75,9 (4)	75,9 (3)	75,8 (2)	75,8 (7)	75,6 (2)	76,9 (11)	78,1 (4)
5. Длина основания черепа	102,0 (2)	97,0 (1)	106,3 (6)	94,5 (2)	102,0 (3)	98,3 (3)	103,0 (4)	97,0 (1)	102,2 (10)	103,0 (2)
9. Наименьшая ширина лба	98,7 (3)	97,0 (1)	97,4 (10)	93,2 (4)	94,2 (4)	94,0 (4)	97,9 (7)	93,5 (2)	94,9 (13)	90,3 (4)
32. Угол профиля лба	75,5 (2)	77,0 (1)	76,8 (8)	78,0 (3)	79,7 (3)	81,0 (3)	80,0 (5)	74,0 (1)	76,4 (11)	79,5 (2)
40. Длина основания лица	105,0 (2)	103,0 (1)	105,7 (6)	91,0 (1)	101,3 (3)	99,3 (3)	103,3 (3)	103,0 (1)	101,8 (9)	102,5 (2)
45. Скуловой диаметр	136,0 (2)	130,0 (1)	142,0 (6)	133,5 (4)	136,0 (3)	132,7 (3)	141,5 (6)	125,0 (2)	140,4 (12)	137,0 (3)
48. Верхняя высота лица	72,0 (2)	65,0 (1)	73,0 (9)	68,7 (3)	72,5 (4)	66,2 (4)	71,2 (6)	78,0 (1)	74,2 (12)	70,8 (3)
48:45. Верхний лицевой указатель	53,0 (2)	50,0 (1)	51,4 (6)	52,3 (3)	53,3 (3)	50,7 (3)	50,8 (5)	58,2 (1)	52,3 (11)	52,1 (3)
72. Общий лицевой угол	83,5 (2)	87,0 (1)	82,6 (7)	80,0 (4)	83,3 (3)	82,0 (3)	83,4 (5)	78,0 (1)	85,5 (11)	82,5 (2)
77. Назомалярный угол	141,4 (2)	137,3 (1)	139,8 (8)	140,5 (3)	144,4 (4)	147,3 (3)	146,9 (7)	142,0 (2)	142,8 (13)	147,5 (4)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	131,5 (2)	133,3 (1)	125,8 (3)	129,8 (2)	133,3 (3)	137,0 (3)	138,6 (4)	129,0 (1)	133,9 (10)	129,8 (3)
51. Ширина орбиты	44,0 (2)	41,0 (1)	45,8 (9)	43,0 (2)	46,3 (3)	43,0 (3)	47,0 (6)	44,0 (2)	43,9 (11)	46,6 (3)
52. Высота орбиты	33,5 (2)	34,0 (1)	32,9 (9)	34,0 (2)	33,8 (4)	33,5 (3)	33,5(6)	32,0 (2)	33,5 (11)	33,0 (3)
55. Высота носа	53,5 (2)	50,0 (1)	53,4 (9)	50,2 (3)	56,3 (3)	48,3 (4)	51,3 (6)	52,0 (1)	53,5 (12)	50,1 (3)
54. Ширина носа	27,0 (2)	27,0 (1)	25,4 (6)	24,0 (2)	26,0 (2)	24,3 (3)	25,3 (5)	23,6 (1)	24,5 (12)	24,7 (3)
75(1). Угол выступания носа	26,5 (1)	25,0 (1)	17,4 (5)	18,0 (2)	25,0 (2)	27,7 (3)	18,8 (5)	23,0 (1)	24,0 (11)	27,7 (3)
SC. Симотическая ширина	10,2 (1)	—	7,8 (7)	7,7 (4)	8,9 (2)	6,6 (3)	7,2 (7)	7,4 (1)	8,2 (13)	6,7 (4)
SS. Симотическая высота	5,0 (1)	—	3,6 (7)	3,6 (4)	4,8 (2)	2,6 (3)	3,5 (7)	—	3,8 (13)	3,1 (4)
DC. Дакриальная ширина	25,0 (1)	—	25,5 (3)	22,2 (4)	21,0 (2)	21,5 (3)	23,5 (5)	25,2 (1)	22,3 (12)	19,8 (3)
DS. Дакриальная высота	12,6 (1)	—	10,5 (3)	11,5 (4)	13,8 (2)	10,9 (3)	11,7 (5)	11,6 (1)	12,0 (12)	11,0 (3)

Продолжение табл. 3

№ по Мартину или условное обозначение	Минусинская котловина		Западная Сибирь суммарно		Кузнецкая котловина и Верхнее Приобье суммарно		Зауралье				Зауралье суммарно
							Шигирский торфяник		Грот Дождевой Камень	Бурановская пещера	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♂	♂
1	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
1. Продольный диаметр	186,4 (5)	175,3 (6)	187,4 (17)	180,0 (8)	190,3 (15)	182,8 (6)	171,0 (2)	170,5 (2)	177,0 (1)	182,0 (1)	175,2 (4)
8. Поперечный диаметр	151,0 (5)	145,2 (6)	140,9 (17)	137,4 (8)	145,3 (15)	142,2 (5)	136,5 (2)	143,5 (2)	137,0 (1)	137,0 (1)	136,8 (4)
17. Высотный диаметр	137,8 (4)	125,5 (6)	135,6 (12)	130,7 (3)	132,3 (12)	132,7 (3)	132,5 (2)	129,5 (2)	129,0 (1)	124,0 (1)	129,5 (4)
8:1. Черепной указатель	81,0 (5)	82,3 (6)	74,9 (15)	75,6 (7)	76,4 (15)	77,5 (5)	79,8 (2)	84,2 (2)	77,4 (1)	75,3 (1)	78,1 (4)
5. Длина основания черепа	100,8 (4)	95,5 (6)	103,6 (12)	97,2 (5)	103,0 (12)	101,0 (3)	98,5 (2)	97,5 (2)	100,0 (1)	99,0 (1)	99,0 (4)
9. Наименьшая ширина лба	100,6 (5)	94,7 (6)	96,6 (18)	93,1 (9)	96,4 (17)	91,0 (5)	93,5 (2)	94,0 (2)	96,8 (1)	96,0 (1)	95,0 (4)
32. Угол профиля лба	81,8 (4)	84,4 (6)	77,3 (14)	79,1 (7)	77,1 (14)	77,7 (3)	83,5 (2)	90 (1)	82,0 (1)	83,0 (1)	83,0 (4)
40. Длина основания лица	100,5 (4)	98,7 (6)	104,2 (12)	98,4 (5)	102,2 (10)	102,7 (3)	94,5 (2)	88 (1)	99,0 (1)	90,0 (1)	94,5 (4)
45. Скуловой диаметр	144,2 (5)	134,5 (6)	138,7 (12)	129,8 (8)	140,7 (15)	136,2 (4)	128,5 (2)	125 (1)	—	131,0 (1)	129,3 (3)
48. Верхняя высота лица	71,6 (5)	65,3 (6)	71,4 (16)	67,0 (8)	74,1 (16)	72,6 (4)	65,5 (2)	59 (1)	67,0 (1)	67,0 (1)	66,2 (4)
48:45. Верхний лицевой указатель	49,6 (5)	48,6 (6)	51,4 (12)	51,3 (7)	52,5 (14)	53,6 (4)	51,0 (2)	47,2 (1)	—	51,1 (1)	51,0 (3)
72. Общий лицевой угол	87,2 (4)	84,0 (6)	82,5 (13)	81,1 (8)	85,0 (14)	81,0 (3)	84,5 (2)	86 (1)	84,0 (1)	89,0 (1)	85,5 (4)
77. Назомалярный угол	146,2 (4)	149,7 (6)	141,7 (15)	142,6 (8)	143,9 (17)	146,8 (5)	143,8 (2)	144,0 (2)	139,6 (1)	140,0 (1)	141,8 (4)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	134,1 (5)	135,2 (6)	131,8 (10)	134,0 (6)	134,6 (12)	129,6 (4)	132,6 (2)	132 (1)	131,8 (1)	121,0 (1)	129,5 (4)
51. Ширина орбиты	45,4 (4)	40,8 (6)	45,8 (15)	42,6 (7)	45,0 (15)	46,4 (4)	42,5 (2)	42 (1)	44,5 (1)	41,0 (1)	42,6 (4)
52. Высота орбиты	34,8 (5)	32,4 (6)	33,1 (16)	33,2 (7)	33,7 (15)	33,2 (4)	30,0 (2)	33 (1)	28,4 (1)	34,0 (1)	30,6 (4)
55. Высота носа	51,6 (5)	46,7 (6)	53,1 (15)	49,2 (8)	53,4 (16)	50,5 (4)	48,5 (2)	45 (1)	47,7 (1)	49,0 (1)	48,4 (4)
54. Ширина носа	26,4 (5)	24,5 (6)	25,9 (11)	24,6 (6)	24,8 (15)	24,4 (4)	23,5 (2)	24 (1)	21,5 (1)	24,0 (1)	23,1 (4)
75(1). Угол выступания носа	26,0 (4)	20,8 (4)	19,3 (11)	23,8 (5)	24,0 (14)	26,5 (4)	28,0 (2)	28 (1)	36,0 (1)	28,0 (1)	30,0 (4)
SC Симотическая ширина	7,6 (4)	7,9 (3)	7,8 (12)	7,7 (4)	8,2 (17)	6,9 (5)	7,55 (2)	5,8 (1)	7,0 (1)	10,0 (1)	8,0 (4)
SS. Симотическая высота	3,4 (4)	2,7 (3)	3,7 (12)	3,6 (4)	3,9 (17)	3,1 (4)	3,40 (2)	4,1 (1)	4,6 (1)	3,8 (1)	3,8 (4)
DC. Дакриальная ширина	19,6 (3)	21,7 (3)	23,8 (9)	22,2 (4)	22,7 (15)	21,2 (4)	22,25 (2)	18,0 (1)	19,3 (1)	20,5 (1)	21,1 (4)
DS. Дакриальная высота	9,4 (3)	10,4 (3)	12,4 (9)	11,5 (4)	12,1 (15)	10,9 (4)	11,10 (2)	10,0 (1)	14,1 (1)	11,5 (1)	12,0 (4)

Продолжение табл. 3

№ по Мартину или условное обозначение	Мезолит и неолит Приуралья суммарно		Энеолит Прикамья суммарно		Неолит лесной полосы Восточной Европы суммарно		Энеолит лесостепного Поволжья суммарно (хвалынская культура)		Мезолит Украины суммарно	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
1. Продольный диаметр	186,8 (4)	184,0 (2)	189,6 (9)	174,4 (9)	184,4 (25)	175,8 (21)	187,1 (30)	179,9 (16)	194,9 (32)	182,8 (12)
8. Поперечный диаметр	141,8 (4)	136,0 (2)	145,4 (10)	138,2 (8)	142,9 (27)	140,3 (20)	138,0 (30)	136,2 (16)	135,5 (31)	130,1 (12)
17. Высотный диаметр	136,0 (3)	132,0 (1)	134,5 (4)	133,0 (1)	138,9 (18)	132,8 (19)	140,1 (15)	132,1 (7)	143,0 (13)	135,3 (3)
8:1. Черепной указатель	76,0 (4)	73,9 (2)	76,8 (8)	80,0 (6)	77,4 (23)	80,5 (16)	73,5 (28)	76,1 (16)	69,9 (31)	71,8 (12)
5. Длина основания черепа	100,7 (3)	103,0 (1)	103,5 (4)	93,0 (1)	104,7 (18)	96,6 (13)	104,8 (12)	101,0 (3)	113,6 (13)	98,7 (3)
9. Наименьшая ширина лба	93,8 (4)	92,8 (3)	99,1 (11)	92,7 (6)	96,4 (24)	95,6 (20)	98,3 (32)	95,3 (17)	97,2 (33)	93,1 (12)
32. Угол профиля лба	82,3 (3)	86,0 (2)	82,2 (4)	86,3 (3)	79,9 (15)	84,3 (13)	81,4 (24)	83,1 (10)	78,2 (27)	81,0 (10)
40. Длина основания лица	99,3 (3)	97,0 (1)	95,7 (3)	87,0 (1)	101,5 (16)	94,2 (13)	96,3 (12)	91,0 (1)	110,1 (9)	90,5 (2)
45. Скуловой диаметр	134,3 (3)	131,5 (2)	138,8 (7)	129,2 (5)	146,0 (19)	134,3 (14)	136,4 (22)	127,7 (11)	138,2 (32)	128,1 (11)
48. Верхняя высота лица	73,3 (3)	67,0 (1)	69,2 (6)	64,3 (5)	69,7 (19)	64,4 (14)	69,5 (21)	65,2 (12)	72,8 (29)	69,6 (9)
48:45. Верхний лицевой указатель	54,6 (3)	51,0 (1)	51,3 (4)	52,6 (2)	47,9 (19)	49,0 (13)	52,7 (12)	52,4 (1)	52,8 (28)	55,1 (9)
72. Общий лицевой угол	84,7 (3)	87,0 (1)	89,3 (3)	84,7 (3)	86,5 (15)	84,1 (14)	84,5 (22)	83,3 (7)	81,0 (21)	87,0 (6)
77. Назомалярный угол	145,2 (3)	142,0 (2)	139,7 (6)	142,6 (6)	140,6 (17)	143,6 (15)	138,0 (24)	138,8 (13)	137,6 (31)	140,1 (12)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	121,6 (3)	128,0 (1)	130,5 (4)	130,6 (5)	128,0 (16)	133,9 (12)	125,0 (26)	126,6 (12)	123,2 (19)	124,1 (7)
51. Ширина орбиты	43,4 (3)	42,6 (2)	44,5 (6)	42,8 (6)	43,7 (19)	42,3 (14)	43,6 (28)	42,0 (8)	43,4 (29)	41,9 (9)
52. Высота орбиты	32,2 (3)	29,4 (2)	30,7 (6)	31,8 (6)	31,9 (19)	32,0 (14)	31,2 (31)	30,6 (13)	32,9 (29)	32,9 (9)
55. Высота носа	52,2 (3)	49,5 (1)	52,0 (6)	47,1 (5)	52,4 (19)	47,4 (14)	51,0 (23)	46,6 (14)	54,0 (27)	52,7 (9)
54. Ширина носа	23,6 (3)	23,1 (2)	25,7 (6)	23,8 (4)	25,7 (19)	24,8 (14)	24,6 (21)	25,4 (15)	25,5 (21)	23,3 (9)
75(1). Угол выступания носа	31,0 (3)	12,0 (1)	26,3 (3)	23,0 (3)	29,6 (13)	29,0 (10)	30,6 (11)	26,7 (4)	34,6 (16)	31,0 (5)
SC. Симотическая ширина	6,6 (3)	7,9 (2)	9,7 (4)	7,6 (3)	9,2 (12)	8,8 (11)	8,2 (16)	8,2 (8)	9,1 (21)	8,8 (8)
SS. Симотическая высота	2,9 (3)	3,6 (2)	5,2 (3)	4,2 (2)	4,4 (13)	4,0 (11)	4,2 (14)	4,3 (6)	4,8 (20)	4,5 (8)
DC. Дакриальная ширина	21,1 (1)	21,0 (1)	24,8 (2)	—	20,5 (12)	21,3 (9)	25,9 (8)	17,0 (1)	23,7 (6)	23,0 (1)
DS. Дакриальная высота	12,2 (1)	—	13,6 (2)	—	11,0 (13)	9,7 (9)	11,7 (8)	10,2 (1)	11,9 (6)	11,8 (1)

Окончание табл. 3

№ по Мартину или условное обозначение	Неолит Украины суммарно		Мезолит и неолит Прибалтики суммарно		Мезо-неолит Карелии (Южный Олений остров)		Неолит Туркмении суммарно		Неолит Восточной Сибири суммарно	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42
1. Продольный диаметр	193,8 (119)	184,0 (65)	188,5 (61)	179,8 (17)	187,1 (18)	179,3 (12)	185,6 (5)	177,5 (4)	189,3 (49)	180,3 (26)
8. Поперечный диаметр	144,8 (130)	139,0 (69)	140,0 (65)	137,7 (17)	142,0 (17)	131,2 (12)	138,7 (6)	137,2 (6)	145,0 (47)	141,0 (25)
17. Высотный диаметр	146,0 (58)	139,1 (35)	141,3 (58)	135,4 (11)	138,1 (7)	122,5 (2)	130,2 (5)	137,2 (4)	132,2 (40)	126,6 (18)
8:1. Черепной указатель	74,7 (118)	75,5 (63)	74,3 (60)	76,8 (16)	76,1 (17)	73,3 (11)	75,1 (5)	76,0 (4)	76,4 (46)	78,2 (25)
5. Длина основания черепа	109,0 (53)	104,0 (32)	105,1 (51)	100,1 (11)	101,2 (5)	95,0 (1)	96,5 (4)	93,5 (2)	102,2 (39)	98,3 (18)
9. Наименьшая ширина лба	102,1 (117)	96,3 (68)	98,8 (63)	94,9 (18)	98,4 (22)	93,2 (13)	98,2 (6)	94,0 (4)	93,5 (49)	90,8 (26)
32. Угол профиля лба	81,1 (73)	83,5 (37)	81,2 (40)	85,2 (8)	78,4 (13)	79,8 (5)	83,0 (5)	81,7 (3)	79,6 (40)	81,4 (20)
40. Длина основания лица	104,8 (43)	98,6 (23)	101,1 (41)	96,0 (8)	97,4 (5)	98,0 (1)	94,0 (4)	92,0 (2)	101,4 (33)	98,1 (16)
45. Скуловой диаметр	146,9 (79)	136,3 (29)	139,0 (50)	131,3 (13)	142,8 (12)	133,3 (9)	128,7 (6)	128,0 (5)	141,2 (45)	132,0 (23)
48. Верхняя высота лица	73,8 (74)	68,9 (39)	70,1 (50)	65,3 (15)	71,3 (11)	65,5 (6)	69,7 (7)	67,3 (4)	74,3 (44)	70,4 (23)
48:45. Верхний лицевой указатель	50,3 (70)	50,8 (31)	50,8 (42)	50,4 (11)	49,7 (9)	51,1 (4)	55,2 (6)	53,1 (4)	52,6 (43)	53,7 (21)
72. Общий лицевой угол	84,1 (65)	84,0 (29)	83,7 (39)	81,8 (8)	85,3 (9)	84,5 (4)	82,7 (6)	83,0 (3)	86,3 (35)	85,8 (20)
77. Назомалярный угол	139,4 (71)	141,1 (35)	140,6 (46)	144,1 (13)	141,5 (16)	141,8 (6)	134,9 (7)	132,9 (4)	146,6 (43)	148,0 (25)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	126,3 (58)	125,9 (25)	126,9 (38)	129,4 (11)	127,8 (4)	129,6 (5)	127,0 (5)	124,6 (4)	138,9 (42)	137,6 (22)
51. Ширина орбиты	45,1 (81)	42,4 (38)	44,2 (57)	43,0 (15)	45,0 (14)	44,4 (5)	41,3 (7)	43,2 (5)	42,3 (42)	41,9 (23)
52. Высота орбиты	32,0 (83)	32,5 (38)	32,7 (56)	32,3 (15)	33,1 (14)	32,0 (6)	33,2 (7)	33,2 (5)	34,1 (43)	34,1 (24)
55. Высота носа	54,0 (75)	50,6 (36)	52,2 (50)	48,6 (16)	52,0 (12)	47,3 (6)	48,8 (7)	49,0 (4)	53,6 (42)	51,0 (23)
54. Ширина носа	26,5 (74)	24,8 (36)	25,2 (52)	23,3 (11)	25,8 (10)	23,5 (6)	24,5 (7)	24,1 (5)	25,7 (44)	25,0 (24)
75(1). Угол выступания носа	30,0 (46)	30,7 (10)	30,2 (37)	25,6 (8)	28,3 (6)	29,7 (3)	28,0 (5)	32,7 (3)	22,7 (30)	20,8 (15)
SC. Симотическая ширина	9,9 (63)	9,2 (19)	9,3 (41)	8,4 (14)	8,2 (17)	9,7 (7)	9,6 (5)	10,6 (4)	7,4 (43)	7,3 (19)
SS. Симотическая высота	5,1 (58)	4,3 (17)	4,8 (40)	4,0 (14)	4,1 (17)	5,0 (7)	5,14 (5)	4,6 (3)	3,0 (44)	2,5 (18)
DC. Дакриальная ширина	22,9 (37)	21,1 (7)	21,6 (36)	19,5 (12)	21,9 (7)	20,4 (1)	22,4 (1)	24,7 (2)	21,6 (37)	20,5 (14)
DS. Дакриальная высота	13,8 (30)	11,0 (7)	12,4 (36)	11,1 (12)	12,5 (7)	13,1 (1)	13,8 (1)	12,4 (1)	10,6 (37)	9,2 (14)

кольское 2 и Дереивка 1 [Зиневич, 1967]. Объединены они в серию ***мезолит Украины*** и выборку ***неолит Украины*** (табл. 3).

Мезо-неолитическое время Прибалтики представлено обширными краниологическими выборками из погребений различных хронологических периодов функционирования могильника Звейниеки — мезолит, ранний неолит, средний и поздний неолит, а также из могильников Нейниеки, Абора, Крейчи, Юркова [Денисова, 1975], серии хотя и европеоидного облика, но сложны по антропологическому составу. Объединены в сборную серию ***мезо-неолит Прибалтики*** (табл. 3).

Мезолит Карелии представлен серией черепов из могильника на Южном Оленьем острове [Якимов, 1960], используются данные с корректировками В.П. Алексеева и И.И. Гохмана [1984а]. Выборка в целом европеоидного типа, но отмечено и небольшое присутствие в ее составе монголоидной примеси, генетически связываемой с влиянием населения Сибири.

Территориальные группы лесной полосы Восточной Европы неолитического времени представлены сериями черепов из погребений верхневолжской культуры могильника Ивановское 7 и выборками из погребений льяловской и волосовской культур со стоянок Сахтыш, а также из могильников Караваиха, Володары, Панфилово, Молдон, Гавриловка [Алексеева, 1997, табл. 4, с. 34—41]. Верхневолжская и волосовская группы характеризуются европеоидным строением и морфологически сходны с мезо-неолитическими черепами могильников Украины и Прибалтики, тогда как льяловская серия имеет в своем составе примесь элементов, в морфологическом плане сходных с представителями лапоноидного типа и близких монголоидному компоненту оленеостровской популяции [Алексеева, 1997; Алексеева, Козловская, 1997]. Объединены в серию ***неолит лесной полосы Восточной Европы*** (табл. 3).

С территории Приуралья имеются пока только единичные находки, прежде всего это черепа мезолитического времени из Шигирского торфяника. Г.Ф. Дебецем [1953] и М.М. Герасимовым [1955] отмечено, что монголоидные черты изученных черепов свидетельствуют о широких расогенетических связях местных племен с населением Восточной Сибири, однако новые краниологические материалы в целом характеризуются европеоидным строением, хотя небольшая монголоидная примесь, несомненно, присутствует и доля ее не выше, чем, например, в составе выборки из Ордынского — Раздумья. Европеоидный облик характерен также для черепа из грота Дождевой Камень [Чикишева, 1991] и Бурановской пещеры [Дебец, 1953]. Они объединены в сборную серию ***мезо-неолит Зауралья*** (табл. 3).

Для обобщенного сравнительного анализа привлекаются также материалы мезо-неолитического и энеолитического времени с территории Приуралья и Поволжья. В сборную серию ***мезо-неолит Приуралья*** включены материалы из могильников Маяк, Лебяжинка 4, Давлетканово, Рассказань 3, Чекалино 4а и 4б [Хохлов, 2012] (табл. 3).

Сборная серия ***энеолит Прикамья*** включает материалы из могильников Меллятамак 3 и 5 [Яблонский, 1992], Пустая Морквашка, Ново-Мордово [Дебец, 1948], Мурзиха 2 [Хохлов, 2011] (табл. 3).

В сборную серию ***лесостепное Поволжье*** (***хвалынская культура***) объединены материалы из могильников Хвалынск 1 и 2, Хлопков Бугор, Лебяжинка 5, Съезженский и Гундоровский [Хохлов, 2010] (табл. 3).

§ 3. Проблемы происхождения мезо-неолитического населения

При сопоставлении мужских неолитических серий различными методами становится ясно, что от черепов из могильника Сопка 2 черепа с Омской стоянки отличаются по многим показателям, имея заметно более широкую и значительно более низкую мозговую коробку, меньшую дакриальную, но бóльшую симотическую высоту, значительно более выступающий над линией вертикального профиля лица нос, но в то же время заметно более уплощенный по горизонтали лицевой скелет. Примерно таковы же различия и с черепами из Протоки, но выражены они менее отчетливо. Наблюдаемые различия между омскими и барабинскими неолитическими материалами во многом обусловлены весьма специфической комбинацией морфологических признаков на черепах из могильников Сопка 2 и Протока [Полосьмак и др., 1989, с. 78–81], которая не имеет прямых аналогий в известных неолитических материалах (табл. 4).

А вот с европеоидной серией из Ордынского и Раздумья черепа Омской стоянки различаются в гораздо меньшей степени, будучи только менее высокими с более узкими лицом, орбитами и переносьем.

Невелики различия с выборками из могильников Солонцы 5, Усть-Иша и Иткуль: в целом омские черепа более высокие, с более узким и низким лицом, широкими носом и переносьем. Для верхнеобских черепов характерна большая степень выраженности монголоидных черт, особенно на черепах из могильника Усть-Иша (табл. 4).

Между омскими и уральскими неолитическими черепами достаточно отчетливо проявляется морфологическое сходство. Несмотря на то что череп из Бурановской пещеры почти по всем абсолютным размерам меньше, по пропорциям существенных различий почти нет. За счет сильнее профилированного по горизонтали лица бурановский череп выглядит более европеоидным. Еще сильнее европеоидные черты прослеживаются на черепе из грота Дождевой Камень, но в данном случае различия существенны. От шигирских омские черепа также отличаются преимущественно только большими абсолютными размерами, не расходясь по пропорциям. Немаловажен и тот факт, что для омских и шигирских черепов характерна общая особенность: европеоидное строение мозговой коробки, лица, носа и переносья сочетается со слабой горизонтальной профилированностью лица.

При сравнении черепов Омской стоянки с краниологическими данными по Восточной Сибири четко выявляются различия преимущественно по тем признакам, которые разграничивают европеоидные и монголоидные популяции. Для восточносибирских серий характерны в целом брахикранный и низкий череп, более широкое и намного сильнее уплощен-

Таблица 4

Краниологические данные мезо-неолитического времени с территории Западной Сибири и Алтая

№ по Мартину или условное обозначение	Омская стоянка		Усть-Куренга	Сопка 2		Протока		Ордынское, Раздумье		Заречное 1	
	♂	♀	♂	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Продольный диаметр	190,0 (2)	183 (1)	200,0 (1)	190,3 (3)	184,0 (2)	185,6 (5)	176 (1)	185,2 (4)	178,7 (3)	182,5 (2)	177 (1)
8. Поперечный диаметр	145,5 (2)	142 (1)	148,0 (1)	140,7 (4)	136,5 (2)	140,0 (5)	133 (1)	139,3 (3)	138,7 (3)	141,0 (2)	135 (1)
17. Высотный диаметр	134,0 (2)	132 (1)	—	142,0 (2)	—	137,0 (3)	—	136,3 (3)	130,0 (2)	127,5 (2)	—
8:1. Черепной указатель	76,6 (2)	77,6 (1)	74,0 (1)	73,0 (3)	74,2 (2)	75,0 (4)	75,6 (1)	75,9 (3)	75,8 (2)	74,9 (2)	76,3 (1)
5. Длина основания черепа	102,0 (2)	97 (1)	—	108,0 (2)	—	106,3 (3)	94 (1)	102,0 (3)	98,3 (3)	99,0 (2)	—
9. Наименьшая ширина лба	98,5 (2)	97 (1)	99,0 (1)	98,2 (3)	94,5 (2)	96,8 (6)	83 (1)	94,2 (4)	94,0 (4)	95,5 (2)	93 (1)
32. Угол профиля лба	75,5 (2)	77 (1)	—	75,0 (2)	78,0 (2)	76,2 (5)	78 (1)	79,7 (3)	81,0 (3)	80,5 (2)	—
40. Длина основания лица	105,0 (2)	103 (1)	—	108,0 (2)	—	105,3 (3)	91 (1)	101,3 (3)	99,3 (3)	102,0 (2)	—
45. Скуловой диаметр	136,0 (2)	130 (1)	—	138,0 (2)	133,5 (2)	144,0 (3)	127 (1)	136,0 (3)	132,7 (3)	138,0 (2)	116 (1)
48. Верхняя высота лица	72,0 (2)	65 (1)	—	73,7 (3)	70,5 (2)	71,2 (5)	65 (1)	72,5 (4)	66,2 (4)	65,5 (2)	—
48:45. Верхний лицевой указатель	53,0 (2)	50,0 (1)	—	53,1 (2)	52,8 (2)	49,6 (3)	51,2 (1)	53,3 (3)	50,7 (3)	47,6 (2)	—
72. Общий лицевой угол	83,5 (2)	87 (1)	—	79,5 (2)	78,5 (2)	82,2 (4)	78 (1)	83,3 (3)	82,0 (3)	83,5 (2)	—
77. Назомалярный угол	141,4 (2)	137,3 (1)	—	135,2 (3)	137,8 (2)	141,7 (4)	146,0 (1)	144,4 (4)	147,2 (3)	146,0 (2)	140 (1)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	131,5 (2)	133,3 (1)	—	127,9 (2)	126,9 (1)	121,7 (1)	132,7 (1)	133,3 (3)	137,0 (3)	139,0 (2)	—
51. Ширина орбиты	44,0 (2)	41 (1)	—	44,7 (2)	44,4 (1)	46,8 (6)	41,7 (1)	46,3 (3)	43,0 (3)	45,0 (2)	42 (1)
52. Высота орбиты	33,5 (2)	34 (1)	—	34,1 (3)	34,2 (1)	32,1 (5)	33,7 (1)	33,8 (4)	33,5 (3)	32,0 (2)	30 (1)
55. Высота носа	53,5 (2)	50 (1)	—	53,1 (3)	51,3 (2)	53,2 (5)	48 (1)	56,3 (3)	48,2 (4)	47,5 (2)	—
54. Ширина носа	27,0 (2)	27 (1)	—	25,6 (2)	26,8 (1)	26,0 (3)	21,1 (1)	26,0 (2)	24,3 (3)	24,8 (2)	—
75(1). Угол выступания носа	26,5 (2)	25 (1)	—	14,0 (2)	11,0 (1)	19,7 (3)	—	25,0 (2)	27,7 (3)	11,0 (2)	—
SC. Симотическая ширина	10,2 (1)	—	—	6,6 (2)	11,1 (1)	8,3 (5)	—	8,9 (2)	6,6 (3)	5,2 (2)	—
SS. Симотическая высота	5,0 (1)	—	—	3,3 (2)	5,8 (1)	3,7 (5)	—	4,75 (2)	2,8 (3)	2,6 (2)	—
DC. Дакриальная ширина	25,0 (1)	—	—	26,9 (1)	24,2 (1)	25,0 (3)	—	21,0 (2)	21,5 (3)	22,7 (2)	—
DS. Дакриальная высота	12,6 (1)	—	—	14,4 (1)	13,3 (1)	12,2 (3)	—	13,75 (2)	10,9 (3)	10,25 (2)	—

Окончание табл. 4

№ по Мартину или условное обозначение	Лебеди 2		Васьково 4	Солонцы 5		Усть-Иша		Иткуль	
	♂	♀	♂	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	13	14	15	16	17	18	19	20	21
1. Продольный диаметр	192,5 (2)	183 (1)	190,0 (2)	189,3 (3)	176,0 (2)	192,7 (3)	187 (1)	188,8 (5)	187,5 (2)
8. Поперечный диаметр	145,0 (2)	137 (1)	141,5 (2)	144,0 (3)	146,0 (2)	149,7 (3)	—	145,2 (5)	141,0 (2)
17. Высотный диаметр	137,0 (1)	124 (1)	138,0 (1)	133,3 (3)	138,0 (1)	134,5 (2)	—	128,7 (5)	136 (1)
8:1. Черепной указатель	75,4 (2)	74,9 (1)	74,5 (2)	76,1 (3)	82,9 (2)	77,7 (3)	71,7 (1)	76,9 (5)	75,1 (1)
5. Длина основания черепа	112,0 (1)	97 (1)	102,0 (1)	107,3 (3)	99,0 (1)	105,0 (2)	—	98,0 (5)	107 (1)
9. Наименьшая ширина лба	100,5 (2)	94 (1)	101,5 (2)	94,0 (4)	91,5 (2)	93,0 (4)	90 (1)	97,2 (5)	88 (1)
32. Угол профиля лба	77,0 (1)	74 (1)	81,0 (2)	77,8 (4)	82,0 (1)	74,0 (3)	—	76,8 (4)	77 (1)
40. Длина основания лица	—	103 (1)	106,0 (1)	103,3 (3)	103,0 (1)	102,5 (2)	—	100,2 (4)	102 (1)
45. Скуловой диаметр	143,0 (1)	134 (1)	141,0 (2)	141,0 (4)	150,0 (1)	144,3 (3)	127 (1)	137,6 (5)	134 (1)
48. Верхняя высота лица	72,5 (2)	78 (1)	75,5 (2)	71,3 (4)	67,0 (1)	77,2 (4)	73 (1)	74,0 (4)	72,5 (1)
48:45. Верхний лицевой указатель	51,7 (1)	58,2 (1)	53,5 (2)	50,5 (4)	44,70 (1)	53,1 (3)	57,5 (1)	53,6 (4)	54,1 (1)
72. Общий лицевой угол	76,0 (1)	78 (1)	87,0 (2)	86,0 (4)	80,0 (1)	88,3 (3)	—	82,8 (4)	85 (1)
77. Назомалярный угол	147,0 (2)	144 (1)	147,5 (2)	144,0 (4)	149,5 (2)	141,6 (4)	145 (1)	142,9 (5)	146 (1)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	—	129 (1)	138,5 (2)	130,6 (3)	133,5 (1)	134,7 (3)	126 (1)	135,8 (4)	130 (1)
51. Ширина орбиты	48,5 (2)	46 (1)	47,5 (2)	42,2 (3)	48,8 (1)	45,5 (4)	42 (1)	43,5 (4)	49 (1)
52. Высота орбиты	34,0 (2)	34 (1)	34,5 (2)	31,2 (3)	32,0 (1)	35,6 (4)	33 (1)	33,2 (4)	34 (1)
55. Высота носа	51,0 (2)	52 (1)	55,5 (2)	52,4 (4)	48,2 (1)	56,5 (4)	49 (1)	51,5 (4)	53 (1)
54. Ширина носа	25,2 (2)	23,6 (1)	26,7 (1)	24,9 (4)	27,0 (1)	24,5 (4)	23 (1)	24,2 (4)	24 (1)
75(1). Угол выступания носа	26,0 (1)	23 (1)	23,0 (2)	23,3 (4)	29,0 (1)	24,7 (3)	31 (1)	24,2 (4)	23 (1)
SC. Симотическая ширина	8,0 (2)	7,4 (1)	8,35 (2)	8,9 (4)	7,2 (1)	8,90 (4)	5,7 (1)	7,16 (5)	7,0 (2)
SS. Симотическая высота	4,5 (2)	—	3,85 (2)	3,4 (4)	3,6 (1)	4,85 (4)	3,5 (1)	3,34 (5)	2,7 (2)
DC. Дакриальная ширина	25,1 (1)	25,2 (1)	23,75 (2)	22,0 (4)	20,4 (1)	22,62 (4)	17,4 (1)	22,35 (4)	21,7 (1)
DS. Дакриальная высота	13,7 (1)	11,6 (1)	12,20 (2)	10,7 (4)	13,0 (1)	12,90 (4)	10,0 (1)	12,32 (4)	9,1 (1)

ное по горизонтали лицо, заметно менее высокое переносье и малый угол выступания носа.

Из восточноевропейских групп с омскими черепами по морфологии весьма сходна оленеостровская серия. Несколько большее расхождение наблюдается с мезо-неолитическими черепами из могильника Звейниеки и черепами из неолитических могильников Украины. Обобщенно фиксируемые различия с восточноевропейскими черепами обусловлены более европеоидным их строением. Для них, по сравнению с омскими, характерна более высокая и долихокранная мозговая коробка, узкое и профилированное, особенно в средней части, лицо, больший угол выступания носовых костей.

По пропорциям определенное сходство может быть отмечено и между черепами с Омской стоянки и из могильника Тумек-Кичиджик.

Характер общей изменчивости мезо-неолитических краниологических данных, представленных выборками из конкретных могильников, проанализирован с помощью многомерной статистики. Проведенный анализ свидетельствует, что наибольшие положительные нагрузки по I компоненте приходятся на скуловой и высотный диаметры, высоту лица, ширину носа и орбит, по II компоненте наибольшие положительные нагрузки падают на углы горизонтального профиля лица и переносья, черепной указатель, а отрицательные — на угол выступания носовых костей и высотный диаметр. Обе компоненты описывают 54,3 % общей дисперсии. Другими словами, максимальные положительные значения по I компоненте имеют выборки, в которых преобладают матуризованные черепа с высоким сводом, крупным лицом, широкими орбитами и широким грушевидным отверстием носа. Отчетливо этот комплекс признаков выражен на неолитических черепах днепро-донецкой культуры и на основной части западносибирских. Отрицательные значения свойственны грацильным невысоким черепам с узкими и низкими орбитами и лицом. Наиболее полно соответствуют этой характеристике некоторые черепа с территории Приуралья (Дождевой Камень) и черепа средиземноморского облика из Южной Туркмении. Черепа из Прибалтики, Восточной Сибири, Южного Приаралья, могильников Заречное и Иткуль характеризуются ослаблением общей массивности и занимают между крайними вариантами промежуточное положение.

Признаки II главной компоненты дифференцируют группы по степени выраженности европеоидных и монголоидных черт. Для невысоких черепов характерны тенденция к брахикрании, уплощенные по горизонтали лицевой скелет и переносье, слабое выступание носовых костей. Противоположные признаки свойственны удлиненным, более высоким черепам с резко профилированными в горизонтальной плоскости лицом и переносьем, значительным выступанием носовых костей. Из анализируемой совокупности наиболее европеоидными являются большая часть мезо-неолитических черепов из Украины и Прибалтики, черепа верхневолжской культуры Восточной Европы, из Южной Туркмении и грота Дождевой Камень. В сериях из Васильевки 2, оленеостровской, поздне-

неолитической из Звейниек и волосовской культуры Восточной Европы наблюдается общее ослабление степени выраженности европеоидных черт. Восточносибирские неолитические черепа (а также из Заречного) характеризуются монголоидным строением лица и переносья. Группы из Западной Сибири, Приуралья (Шигирский торфяник и Бурановская пещера), могильника Тумек-Кичиджик и с Сахтышских стоянок льяловской культуры занимают промежуточное положение между крайними вариантами (рис. 5).

Взаиморасположение исследуемых групп указывает на определенные тенденции в характере их дифференциации, которая идет по двум основным направлениям: массивность — грацильность и европеоидность — монголоидность, образующим разнообразные сочетания в территориальных выборках (рис. 5).

Этими же закономерностями определяется изменчивость неолитических серий Западной Сибири, основная часть которых (Ордынское, Лебеди, Сопка, Протока, Омская стоянка) обнаруживает явное тяготение к протоевропейским группам Украины, Прибалтики и Карелии, некоторые из них (Усть-Иша, Иткуль, Солонцы, Заречное, Васьково) схожи с монголоидными неолитическими популяциями Восточной Сибири. Группы первого типа образуют довольно компактное скопление, что говорит о внутреннем сходстве и невысокой изменчивости. В составе серий второго типа прослеживаются две монголоидные комбинации признаков (Усть-Иша и Васьково — монголоидные черты в сочетании с матуризованным строени-

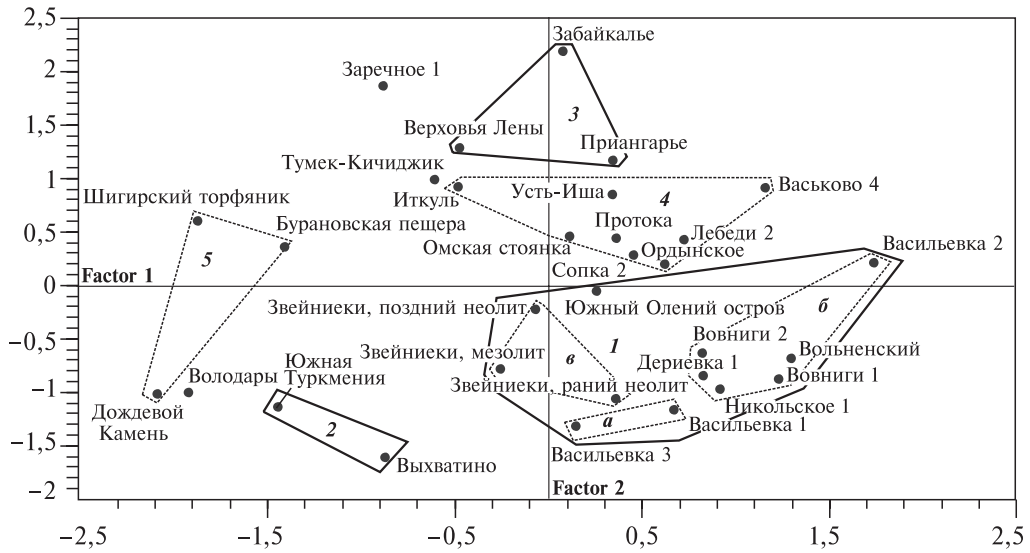


Рис. 5. Взаиморасположение мужских черепов из могильников мезо-неолитического времени.

1 — протоевропейский тип: а) мезолит Украины, б) неолит Украины, в) мезо-неолит Прибалтики; *2* — восточносредиземноморский тип; *3* — монголоидный тип, неолит Восточной Сибири; *4* — неолит Западной и Южной Сибири; *5* — мезо-неолит Приуралья.

ем черепа; Иткуль, Солонцы и Заречное — монголоидные особенности в сочетании с грацильностью), что обусловливает повышенную изменчивость многих признаков в данной совокупности. Своеобразие каждого из вариантов второго типа (иткульские черепа, в отличие от серии из Васьково и, в меньшей степени, от серии из Усть-Иши, характеризуются значительно менее высоким сводом, заметно более низким и узким лицом) позволяет предполагать, что в составе тех и других мы фиксируем различные по происхождению монголоидные антропологические компоненты. Особенности матуризованного комплекса признаков довольно полно соответствуют характеристикам восточносибирских неолитических популяций, что убедительно показано В.А. Дрёмовым применительно к материалам из Усть-Иши и Иткуля [1980, 1981, 1997]. Морфотип грацильного монголоидного компонента с такими особенностями, как среднеширокий низкий лицевой скелет и малая высота мозговой коробки, может быть поставлен в связь с аборигенным населением внутренних таежных районов Западной Сибири.

Уже отмечалось [Дрёмов, 1980, 1997; Яблонский, 1986], что тип иткульских черепов обнаруживает значительное сходство с черепами из поздних кельтеминарских погребений могильника Тумек-Кичиджик. Черепа с Омской стоянки также весьма близки по морфологии и к тем и к другим (рис. 5). В целом это служит указанием на то, что между неолитическими племенами севера Средней Азии и юга Западной Сибири существовали расогенетические контакты. Причем речь следует вести не об односторонних связях, а о взаимном влиянии, когда благодаря кельтеминарским племенам в антропологическом типе отдельных популяций юга Западной Сибири и Среднего Приуралья возникли особенности, свойственные носителям комплекса признаков средиземноморского облика (Иткуль, Дождевой Камень — отчетливо; Усть-Иша и Омская стоянка — менее отчетливо). При этом фиксируемая монголоидная примесь у кельтеминарского населения обусловлена проникновением в их состав, опосредованно, через верхнеобские популяции, расовых элементов, изначально связанных в происхождении с древнейшим монголоидным населением Центральной Азии.

Обобщение немногочисленных палеоантропологических находок по географическому и морфологическому принципам для выявления тех или иных закономерностей общей изменчивости — это так сказать взгляд «с высоты птичьего полета». Оно позволяет избежать случайностей, обусловленных недостатком эмпирических данных, в силу чего фиксируемые сочетания антропологических признаков могут не отражать реальных исторических комбинаций. Для более полной картины исследуются и мужские, и женские группы. Сформировано семь выборок: 1) ***Омское Прииртышье*** (Омская стоянка [Багашёв, 2003а; Bagashev, 1994] и Усть-Куренга [Алексеев, 1961а]); 2) ***Барабинская лесостепь*** (Сопка 2, Протока [Полосьмак и др., 1989] и Корчуган [Чикишева, 2012]); 3) ***Зауралье*** (Шигирский торфяник [Дебец, 1953; Герасимов, 1955; Багашёв, 2003а], Бурановская пещера [Дебец, 1953] и грот Дождевой Камень [Чикишева, 1991]); 4) ***Новосибирское***

Приобье (Ордынское [Алексеев, 1961а] и Раздумье [Дрёмов, 1985]); 5) ***Кузнецкая котловина*** (Заречное 1, Лебеди 2, Васьково 4 [Дрёмов, 1997]); 6) ***Верхнее Приобье*** (Усть-Иша, Иткуль [Дрёмов, 1980] и Солонцы 5 [Кунгурова, Чикишева, 2002; Чикишева, 2012]); 7) ***Минусинская котловина*** (Базаиха, Батени, Перевозное [Алексеев, 1961а], Красноярск [Алексеев, 1960а] и Долгое Озеро [Герасимова, 1964]) (см. табл. 3).

Результаты канонического анализа данной совокупности (табл. 5) показывают, что характер изменчивости по мужским и женским черепам в ряде случаев совпадает, но имеются и расхождения. По признакам первого вектора наибольшие нагрузки как по мужским, так и по женским группам приходятся на черепа с высокой и узкой мозговой коробкой с небольшой высотой лицевого скелета. По признакам второго вектора максимальные нагрузки падают на выборки, где преобладают черепа с более крупным лицевым скелетом, малой высотой переносья, но по мужским материалам — в сочетании с малым углом выступания носа, а по женским — наоборот, с большим углом выступания.

В целом мужские выборки дифференцируется по степени выраженности монголоидных черт, причем западносибирские серии располагаются между крайними вариантами: наиболее монголоидным (Минусинская котловина) и наиболее европеоидным (Зауралье) (рис. 6). Исключение составляет серия из Барабинской лесостепи, но выше уже отмечалось ее

Таблица 5

Величины нагрузок по первому и второму каноническим векторам (краниология мезолита и неолита Евразии)

№ по Мартину или условное обозначение	Первый канонический вектор				Второй канонический вектор			
	Вся совокупность		Сибирь		Вся совокупность		Сибирь	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	0,1590	0,1642	0,2026	–0,1148	0,1558	0,0515	0,2335	0,1514
8. Поперечный диаметр	–0,1527	–0,1583	**–0,4969**	**0,3043**	**0,4746**	**0,4536**	0,2861	–0,0406
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	**0,5798**	**0,6498**	**0,4509**	**0,4858**	0,2065	**0,4837**	0,2065	**0,4694**
45. Скуловой диаметр	0,1079	0,0834	0,1383	–0,0415	**0,5592**	–0,0671	**0,5469**	–0,1073
48. Верхняя высота лица	–0,1548	–0,1513	–0,0024	**–0,5552**	0,0306	–0,0802	0,0048	**0,3573**
77. Назомалярный угол	**–0,3592**	**–0,3751**	–0,1284	0,1233	0,1029	0,2081	0,0204	0,1028
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	–0,4464	–0,3992	–0,1373	0,0206	0,1160	0,1516	0,0589	–0,1124
51. Ширина орбиты от *mf.*	0,1165	–0,0531	**0,3800**	–0,0689	–0,1307	**–0,3734**	0,1568	**0,6062**
52. Высота орбиты	–0,1931	–0,0601	–0,2472	0,3151	–0,0825	0,1677	0,1423	–0,2900
75(1). Угол выступания носа	0,2321	**0,3290**	–0,2194	0,1849	–0,1472	–0,0704	**–0,5177**	**0,3190**
SS. Симотическая высота	0,2910	0,2735	0,0128	–0,0466	0,0289	–0,2445	**–0,3000**	–0,1503
DC. Дакриальная ширина	0,1038	–0,0017	**0,3731**	–0,3919	**–0,5377**	–0,1152	–0,0531	–0,0845
DS. Дакриальная высота	0,2261	0,0801	0,2475	–0,1967	0,1860	**–0,4845**	**–0,3351**	–0,0982
Собственные значения	51,199	23,173	1,490	12,699	21,072	12,501	7,415	11,284
% описываемой изменчивости	44,1	34,8	37,3	35,5	18,1	18,8	24,1	31,5

Примечание. Полужирным шрифтом выделены максимальные нагрузки.

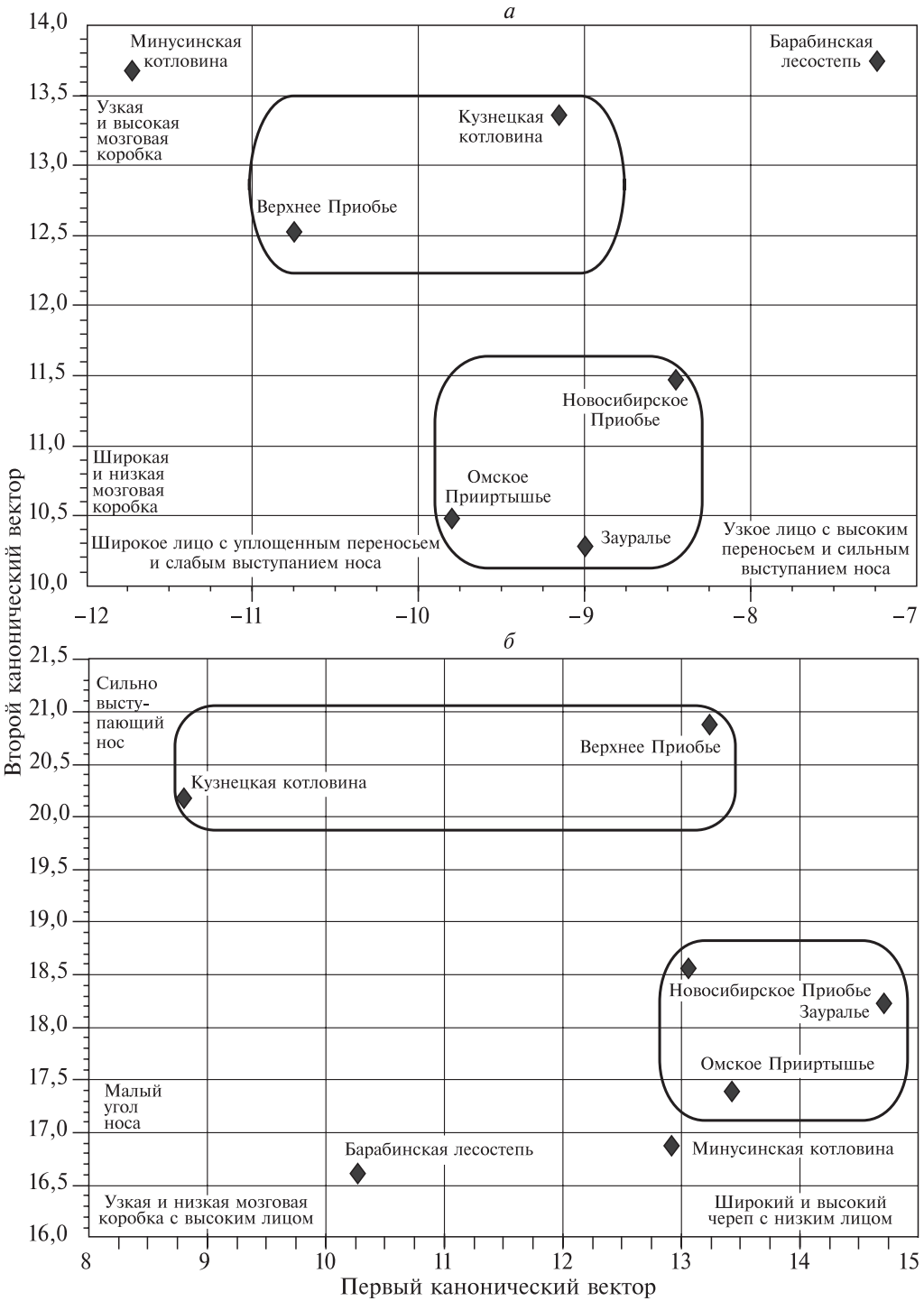


Рис. 6. Взаиморасположение мужских (*а*) и женских (*б*) неолитических групп Сибири.

своеобразие, не обнаруживающее сколько-нибудь близких аналогий. Отчетливо просматриваются морфологическое сходство между популяциями Кузнецкой котловины и Верхнего Приобья и явное тяготение их к сериям из Минусинской котловины. Данное наблюдение подтверждает вывод, сделанный исследователями, изучавшими этот материал, о наличии в их составе монголоидного компонента центральноазиатского генезиса [Алексеев, 1961а; Дрёмов, 1980, 1997; Алексеев, Гохман, 1984; Чикишева, 2012]. На другом полюсе графа сближаются черепа из могильников Омского Прииртышья и Новосибирского Приобья, для которых характерно наличие хорошо выраженных европеоидных черт (рис. 6). Применительно к этим группам также отмечено, что в их составе монголоидный компонент просматривается чрезвычайно слабо, в совокупности они явного европеоидного облика [Алексеев, 1961а; Дрёмов, 1985; Багашёв, 2003а].

Особенности взаиморасположения женских групп (рис. 6) заключаются в следующем: на фоне серий из Кузнецкой котловины и Верхнего Приобья, которым свойственно высокое лицо с сильно выступающим носом, противопоставляются, видимо, более монголоидные серии из могильников Западной Сибири и Минусинской котловины. Для них вырисовывается своеобразное сочетание признаков, особенно для серий из Барабинской лесостепи — это высокая и широкая мозговая коробка, но с низким лицевым скелетом и слабым выступанием носа к линии вертикального профиля лица. Данная особенность строения всех женских западносибирских черепов, возможно, **есть указание на сохранение в их составе некого протоморфного пласта местного генезиса в большем удельном весе, нежели в составе мужских групп**.

Сопоставление обобщенных мезо-неолитических данных Евразии с выборками по Западной и Восточной Сибири показало, что общий характер изменчивости мужских и женских групп идет в одном направлении. По признакам первого канонического вектора выборки дифференцируются в целом по степени выраженности европеоидных признаков и в обоих случаях разграничивают европейские и восточносибирские черепа. По признакам второго канонического вектора разграничение материалов идет по степени выраженности ширины мозговой коробки и лицевого скелета (табл. 6, рис. 7). Западносибирские неолитические выборки заняли в целом промежуточное положение между европеоидными и монголоидными черепами, в том числе между брахи- и долихокранными вариантами. При этом отмеченные выше морфологические особенности групп сохраняются: материалы из могильников Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины обнаруживают явное тяготении к восточносибирским данным, а собственно западносибирские — к европейским неолитическим черепам. Из особенностей взаиморасположения женских групп следует отметить большее тяготение черепов из Барабинской лесостепи к монголоидным сериям, а из верхнеобских могильников — к европеоидным формам.

На финальной стадии межгруппового анализа проведено сопоставление обобщенных евразийских мужских и женских мезо-неолитических материалов. В данном случае морфологически близкие серии из могиль-

Таблица 6

Величины нагрузок по первому и второму каноническим векторам (обобщенные данные по краниологии мезолита и неолита Евразии)

№ по Мартину или условное обозначение	Первый канонический вектор		Второй канонический вектор	
	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	0,1453	−0,0950	0,2909	**−0,4593**
8. Поперечный диаметр	−0,1774	0,3070	0,5744	−0,3114
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	**0,5558**	**−0,4909**	0,2288	**−0,4397**
45. Скуловой диаметр	0,0970	−0,0159	**0,5733**	−0,0270
48. Верхняя высота лица	−0,1927	0,1750	0,0294	−0,0470
77. Назомалярный угол	**−0,3912**	**0,5441**	0,1211	−0,0999
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	**−0,4673**	**0,3930**	0,0783	0,1734
51. Ширина орбиты от *mf.*	0,1530	−0,0872	−0,1404	**0,5203**
52. Высота орбиты	−0,2190	0,1243	−0,1353	−0,0742
75(1). Угол выступания носа	0,1806	−0,2214	−0,1082	0,0652
SS. Симотическая высота	**0,2982**	**−0,3005**	0,0201	0,2015
DC. Дакриальная ширина	0,0844	−0,0558	**−0,3637**	0,1948
DS. Дакриальная высота	0,1434	−0,0945	0,0181	**0,3110**
Собственные значения	53,63	23,48	20,47	8,81
% описываемой изменчивости	48,54	42,23	18,53	15,85

Примечание. Полужирным шрифтом выделены максимальные нагрузки.

ников Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины сведены в одну выборку — Верхнее Приобье, а из могильников Новосибирского Приобья, Барабинской лесостепи и Омского Прииртышья — в западносибирскую группу.

По результатам канонического анализа видно, что признаки первого вектора как в мужской, так и в женской совокупностях описывают одну и ту же изменчивость, правда в зеркальном отражении (см. табл. 6). Популяции дифференцируются по степени выраженности европеоидных (монголоидных) особенностей строения черепов, поэтому в крайних позициях располагаются с одной стороны европеоидные группы из Европы (мезо-неолитические выборки из Прибалтики и Украины), с другой — самые монголоидные в данной совокупности серии из Восточной Сибири и Минусинской котловины (рис. 8). С учетом дифференцирующих возможностей признаков второго канонического вектора, а это изменчивость по линии широтных характеристик мозговой коробки, отчетливо проявляется расхождение между западносибирской совокупностью черепов и выборкой из могильников Кузнецкой котловины и Верхнего Приобья. Основное отличие заключается в заметной примеси к последней группе монголоидного компонента центральноазиатского генезиса. В западносибирской выборке данная примесь едва фиксируется, основу ее составляет пласт европейского происхождения.

Антропологическую основу неолитического населения Западной Сибири составляет, следовательно, расовый компонент, генетически связанный с протоевропейским и широко распространенным в мезо-неолитическое время в Северной Евразии, особенно с тем вариантом, который нам известен по материалам из могильника на Южном Оленьем острове в

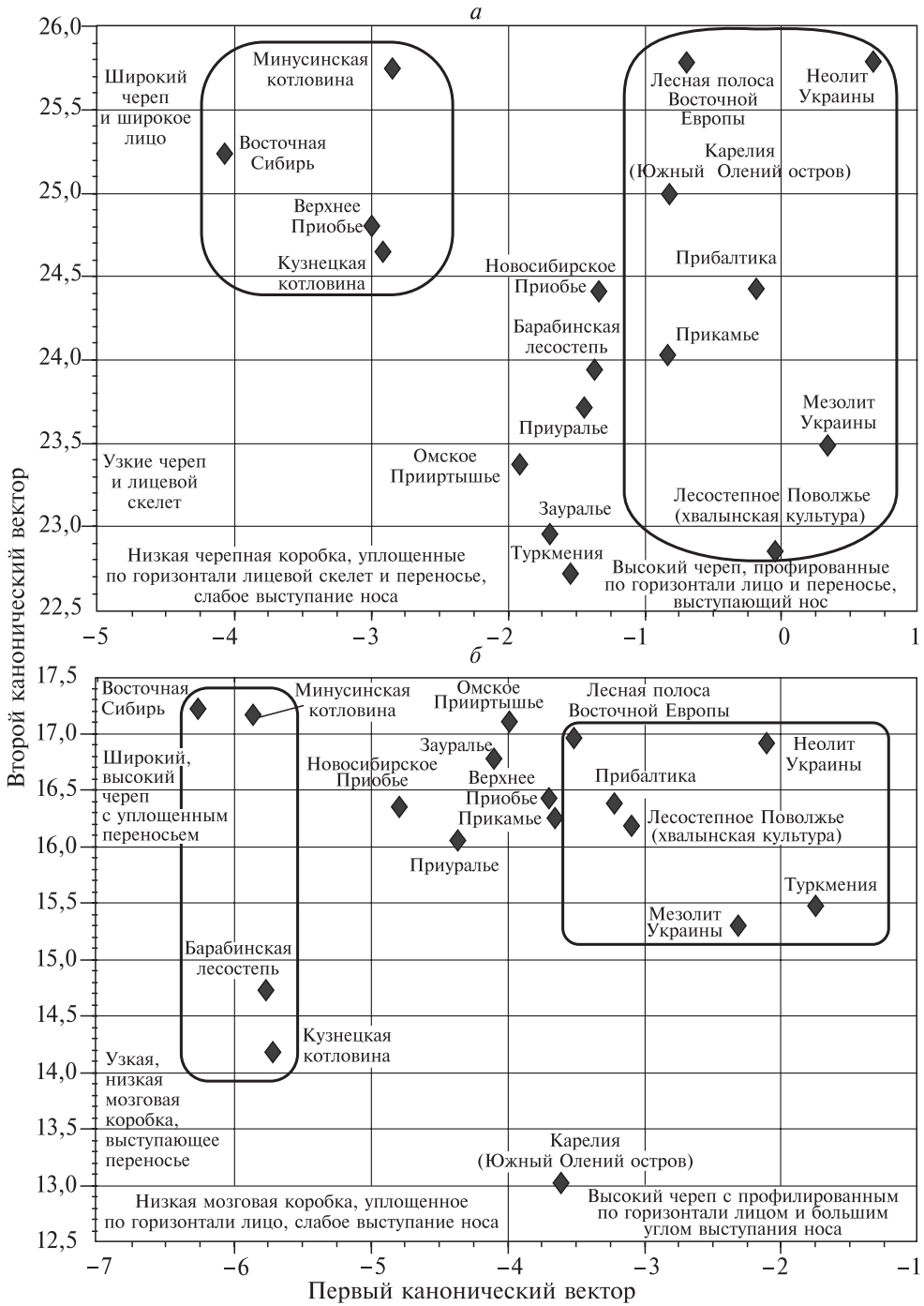


Рис. 7. Взаиморасположение мужских (*а*) и женских (*б*) неолитических групп Евразии.

Карелии. В то же время нельзя исключить небольшого влияния на антропологический тип мезо-неолитического населения Карелии, лесной полосы Восточной Европы, Приуралья и подтаежной полосы Западной Сибири популяций монголоидного облика. Причем если в Верхнем Приобье это влияние фиксируется вполне отчетливо и может быть связано с группами центральноазиатского генезиса [Дрёмов, 1980], то в Западной Сибири и Приуралье их влияние было значительно слабее и осуществлялось оно, видимо, опосредованно, через популяции Верхнего Приобья. В неолитических краниологических материалах с юга Западной Сибири (Сопка, Протока, Омская стоянка, Лебеди) наряду с этим нашло отражение и смешение местных неолитических групп протоевропейского типа с низколицыми таежными монголоидами, влияние которых улавливается и в антропологических особенностях населения льяловской культуры лесной полосы Восточной Европы [Алексеева Т.И., 1997] и мезолитического населения Карелии [Якимов, 1960].

Граница между ареалами европеоидных и монголоидных популяций в мезо-неолитическое время соприкасалась, возможно, с частичным перекрытием только на юге Западной Сибири, в частности в Верхнем Приобье. Часть европеоидного населения проникала и далее на восток, о чем свидетельствует европеоидная примесь в составе неолитического населения Восточной Сибири [Дебец, 1948; Алексеев, 1961а; Мамонова, 1973, 1980; Гохман, 1980]. Но и часть монголоидов расселялась в западном и южном направлениях. В результате контактов между ними в Верхнем Приобье формируются популяции, в антропологическом составе которых присутствует монголоидный компонент центральноазиатского происхождения (Усть-Иша, Иткуль, Васьково). Вероятнее всего, именно через подобные группы монголоидные элементы центральноазиатского типа проникли в состав кельтеминарского населения. Контакты с последним в свою очередь способствовали проникновению в некоторые западносибирские группы элементов средиземноморского типа. Более отчетливо влияние средиземноморцев прослеживается в Среднем Приуралье, однако, по имеющимся материалам, нет оснований придавать сколько-либо существенного значения контактам между приуральскими и западносибирскими группами.

В целом между восточноевропейскими и западносибирскими сериями протоевропейского типа наиболее значимые различия наблюдаются по линии ослабления на черепах последних степени выступания носовых костей (в среднем на западносибирских черепах первого типа — 22,2°, второго типа — 20,7°, мезо-неолита Украины — 31,45°, мезо-неолита Прибалтики и Карелии — 30,3°, неолита лесной полосы Восточной Европы — 29,9°), усиления горизонтальной уплощенности лицевого скелета на уровне орбит (соответственно 142,0°; 144,5°; 139,7°; 140,3°; 143°) и в средней части (соответственно 128,6°; 137,0°; 126,1°; 126,3°; 129,3°), а также по брахикефализации мозговой коробки (черепной указатель соответственно 75,2; 76,0; 73,4; 74,2; 76,5). Несомненно, это указывает на присутствие монголоидной примеси в составе западносибирского населения, однако па-

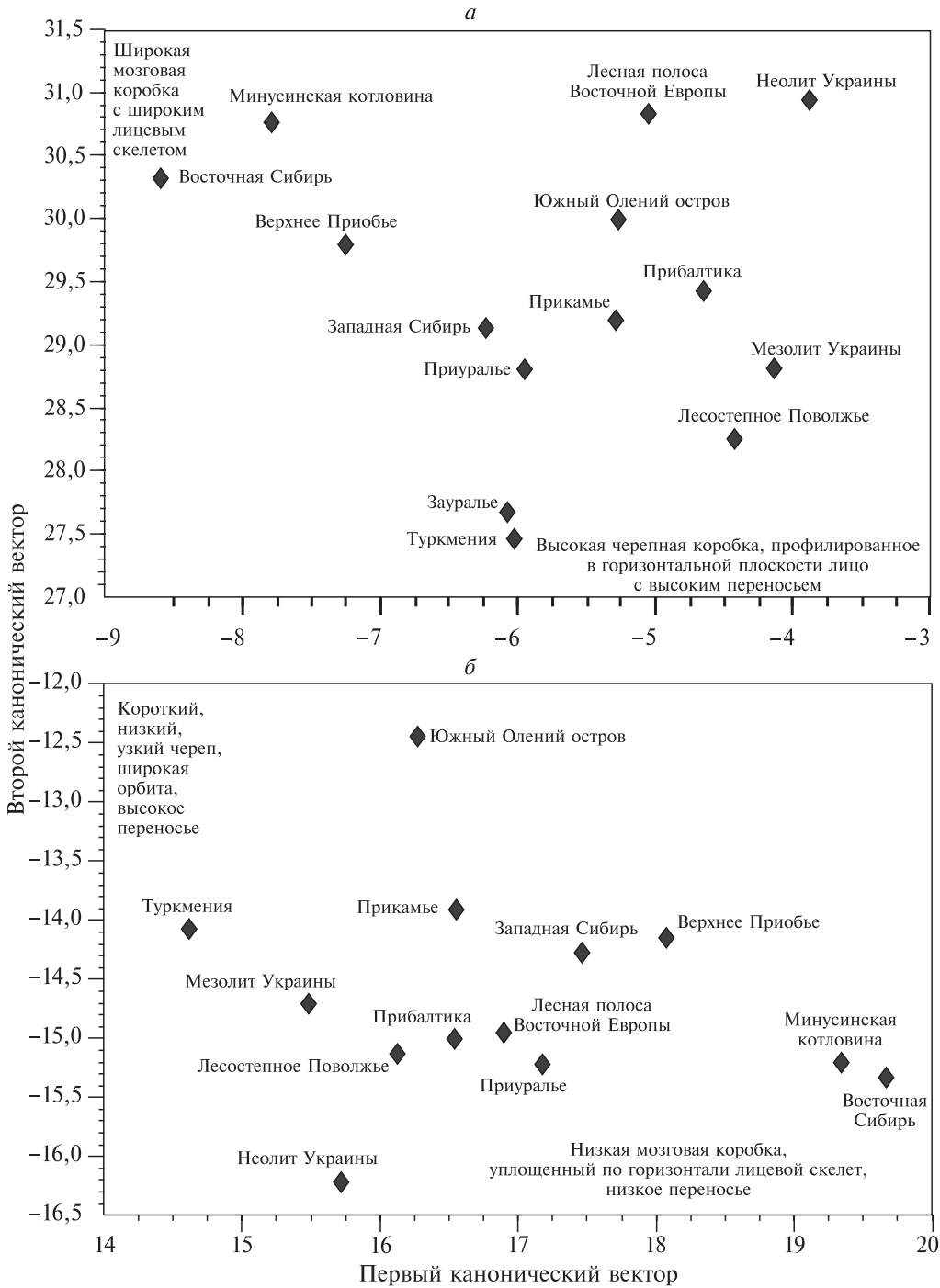


Рис. 8. Взаиморасположение мужских (*а*) и женских (*б*) неолитических групп Евразии на обобщенном уровне.

раллельно с этим не наблюдается уменьшения высоты переносья ни по дакриальным, ни по симотическим размерам (дакриальный и симотический углы на западносибирских черепах первого типа — 85,5° и 89,4°, второго — 87,7° и 91,0°, Украины — 81,8° и 88,0°, Прибалтики и Карелии — 83,0° и 88,6°, Восточной Европы — 89,2° и 96,8°). Наиболее отчетливо эта специфика в строении черепов наблюдается на материалах из могильников Северной Барабы Сопка 2 и Протока [Полосьмак и др., 1989]. Скорее всего, это связано именно с влиянием населения из внутренних таежных областей Западной Сибири. Но мы пока не имеем его краниометрических характеристик, позволяющих судить об его антропологическом типе. Однако на основании косвенных данных морфологическими чертами выступают малая высота умеренно профилированного в горизонтальной плоскости широкого лицевого скелета, слабое выступание носовых костей при средней высоте переносья.

В структуре Северной Евразии неолитическое население Западной Сибири является частью протоевропейского типа, но с определенными особенностями генезиса и спецификой физического облика. Поэтому уместно его рассматривать в качестве западносибирского варианта протоевропейского типа, состоящего из двух подвариантов — собственно западносибирского и верхнеобского.

Глава 3

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Результаты изучения антропологических материалов из неолитических могильников со всей очевидностью свидетельствуют о сложном антропологическом составе населения, обитавшего в это время в Северной Евразии. Сравнительный анализ неолитических серий с данными по населению следующей эпохи — бронзового века — поможет рассмотреть природу основных компонентов племен данного исторического периода, характер и направления их расогенетических связей. В целом эпоха бронзы на территории Западной Сибири охватывает время с конца III тыс. до н.э. (примерно XXI–XX вв. до н.э.) до начала I тыс. до н.э. (примерно VIII–VII вв. до н.э.).

§ 1. Материалы по краниологии популяций эпохи бронзы

Антропологические материалы этого исторического периода происходят из могильников различных археологических культур эпохи бронзы в Западной, Южной и Восточной Сибири, Казахстане, Средней Азии, Приуралье, Поволжье, на Украине и позволяют составить достаточно полное представление о характере распространения тех или иных антропологических типов на данных территориях, об особенностях физического облика населения, оставившего памятники разнообразных по облику и генезису культур.

С территории Западной Сибири доандроновского времени опубликованы материалы по населению кротовской культуры из могильника Сопка 2 [Дрёмов, 1990, с. 60–61; 1997, с. 66–68] и серия черепов, происходящих из елунинских погребений Верхнего Приобья [Солодовников, Тур, 2003, 2016]. Антропологический тип кротовцев характеризуется заметной примесью монголоидных элементов, а основной европеоидный компонент отличается от андроновского более длинной черепной коробкой и высоким лицом; тип елунинской выборки является европеоидным без малейших следов монголоидной примеси: долихокрания, высокая черепная коробка, резко профилированные лицевой скелет и переносье сближают эту группу с носителями комплекса антропологических признаков средиземноморского типа (табл. 7, 8).

Хорошо изучены антропологические особенности населения андроновской культуры в различных областях ее ареала. В восточных районах

Таблица 7

Сравнительные данные по краниологии населения эпохи бронзы (мужчины)

№ по Мартину или условное обозначение	Прибайкалье, глазковское время		Забайкалье, плиточные могилы	Афанасьевская культура			Окуневская культура	Карасукская культура	Кротовская культура	Елунинская культура
	Ангара	Лена		Минусинская котловина	Горный Алтай	Алтай				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Продольный диаметр	191,7 (21)	189,2 (18)	179,8 (7)	192,1 (18)	190,9 (34)	191,7 (16)	188,3 (80)	183,0 (130)	185,3 (56)	192,3 (11)
8. Поперечный диаметр	145,2 (29)	142,7 (18)	157,4 (7)	144,1 (16)	141,9 (32)	142,4 (16)	153,8 (77)	147,4 (128)	142,3 (54)	139,4 (12)
17. Высотный диаметр	131,8 (24)	132,1 (11)	130,0 (5)	132,6 (13)	139,5 (25)	140,2 (13)	133,2 (65)	133,0 (104)	135,6 (44)	137,3 (8)
8:1. Черепной указатель	75,8 (29)	75,5 (18)	87,2 (7)	75,3 (16)	74,4 (32)	74,4 (16)	81,5 (75)	81,0 (125)	76,9 (53)	72,3 (11)
5. Длина основания черепа	104,7 (23)	103,4 (12)	101,0 (5)	104,2 (11)	106,9 (25)	107,7 (13)	103,9 (64)	103,0 (105)	103,4 (43)	104,8 (8)
9. Наименьшая ширина лба	94,9 (29)	95,1 (13)	93,0 (7)	99,7 (21)	100,5 (38)	100,7 (19)	98,3 (88)	98,4 (141)	95,6 (77)	95,7 (11)
32. Угол профиля лба	76,4 (23)	78,5 (15)	78,8 (6)	75,1 (10)	80,8 (23)	81,6 (13)	80,9 (72)	81,7 (111)	78,5 (38)	78,6 (7)
40. Длина основания лица	102,8 (23)	103,0 (10)	100,3 (3)	99,8 (9)	102,2 (22)	104,1 (11)	103,6 (54)	101,0 (98)	104,1 (34)	100,6 (5)
45. Скуловой диаметр	142,4 (28)	138,9 (16)	144,0 (7)	138,4 (10)	139,2 (31)	141,6 (16)	143,8 (64)	139,7 (108)	138,9 (49)	133,9 (9)
48. Верхняя высота лица	74,9 (26)	74,6 (8)	73,7 (6)	71,8 (12)	70,5 (33)	71,7 (17)	73,0 (72)	73,4 (130)	71,5 (52)	73,9 (7)
48:45. Верхний лицевой указатель	52,7 (26)	53,7 (16)	51,4 (6)	52,3 (10)	51,1 (25)	50,9 (15)	51,1 (58)	51,7 (107)	51,4 (40)	55,3 (6)
72. Общий лицевой угол	86,5 (24)	84,9 (11)	85,8 (5)	86,1 (10)	85,0 (25)	84,4 (12)	85,7 (66)	86,4 (101)	81,9 (33)	86,2 (6)
77. Назомалярный угол	143,9 (26)	147,8 (13)	150,8 (7)	137,6 (10)	137,9 (29)	138,3 (10)	142,4 (73)	141,3 (117)	144,1 (69)	139,5 (11)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	136,6 (24)	137,7 (12)	143,8 (6)	128,7 (10)	127,6 (22)	128,0 (7)	131,8 (70)	130,8 (118)	131,8 (44)	130,3 (4)
51. Ширина орбиты	42,5 (23)	42,6 (9)	42,9 (7)	44,9 (9)	44,6 (24)	43,7 (7)	45,3 (84)	44,1 (126)	44,6 (58)	44,0 (8)
52. Высота орбиты	34,5 (26)	34,6 (14)	34,7 (7)	32,9 (13)	31,5 (33)	32,3 (16)	33,6 (86)	33,7 (134)	34,0 (56)	34,1 (8)
55. Высота носа	55,6 (27)	54,5 (15)	53,7 (7)	52,1 (12)	51,8 (31)	53,1 (15)	52,0 (78)	51,6 (133)	51,5 (54)	52,2 (7)
54. Ширина носа	26,2 (23)	25,3 (15)	26,1 (7)	26,1 (13)	26,4 (33)	27,1 (15)	25,9 (75)	25,8 (132)	25,5 (56)	25,8 (7)
75(1). Угол выступания носа	24,4 (21)	25,2 (12)	19,2 (6)	32,7 (10)	34,4 (22)	34,7 (11)	28,9 (66)	30,9 (100)	23,3 (29)	29,0 (5)
SC. Симотическая ширина	7,5 (24)	8,0 (12)	7,1 (7)	9,2 (9)	8,93 (21)	7,5 (7)	8,0 (72)	8,3 (118)	7,80 (50)	8,6 (8)
SS. Симотическая высота	3,7 (24)	3,6 (12)	2,7 (7)	5,5 (9)	5,17 (21)	4,5 (7)	4,2 (72)	4,5 (118)	4,09 (44)	3,75 (8)
DC. Дакриальная ширина	24,2 (18)	21,5 (10)	22,7 (7)	22,2 (7)	22,16 (19)	20,6 (7)	22,2 (61)	21,4 (86)	22,32 (41)	24,8 (6)
DS. Дакриальная высота	11,1 (18)	10,3 (10)	8,9 (7)	14,0 (7)	14,01 (19)	13,2 (7)	12,2 (61)	12,2 (86)	12,36 (36)	11,8 (6)

Продолжение табл. 7

№ по Мартину или условное обозначение	Андроновская культура									
	Федоровский вариант							Алакульский вариант		
	Северо-Восточный Казахстан	Сборная по Казахстану	Верхнее Приобье (Фирсово 14)	Рудный Алтай	Барнаульско-Новосибирское Приобье	Кузнецкая котловина	Минусинская котловина	Западный Казахстан	Сборная по Казахстану	Ермак 4
1	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
1. Продольный диаметр	184,6 (12)	183,1 (17)	189,8 (27)	188,2 (6)	184,7 (9)	181,3 (19)	186,4 (33)	188,0 (13)	185,9 (24)	180,8 (5)
8. Поперечный диаметр	142,6 (12)	143,1 (17)	139,6 (25)	140,8 (6)	142,8 (8)	139,7 (19)	144,5 (31)	138,3 (13)	142,5 (22)	139,2 (6)
17. Высотный диаметр	137,1 (8)	140,9 (9)	139,3 (20)	139,5 (6)	137,1 (8)	135,5 (17)	140,2 (30)	139,8 (5)	138,3 (14)	134,8 (5)
8:1. Черепной указатель	77,3 (12)	78,2 (17)	74,0 (25)	74,9 (6)	77,7 (8)	77,2 (19)	77,7 (31)	73,7 (14)	76,8 (22)	77,2 (5)
5. Длина основания черепа	105,6 (7)	104,4 (8)	107,2 (20)	108,0 (6)	104,1 (8)	105,1 (17)	106,6 (30)	109,0 (4)	105,6 (14)	101,0 (5)
9. Наименьшая ширина лба	98,6 (12)	98,8 (18)	95,9 (24)	93,8 (6)	97,3 (8)	95,8 (20)	100,7 (31)	96,7 (13)	98,2 (24)	99,0 (8)
32. Угол профиля лба	85,6 (10)	84,4 (12)	82,2 (25)	81,8 (6)	84,5 (8)	81,7 (16)	82,9 (26)	82,3 (6)	80,8 (16)	85,7 (6)
40. Длина основания лица	101,6 (7)	97,1 (6)	103,5 (19)	103,5 (6)	103,3 (8)	101,4 (17)	101,4 (28)	104,3 (3)	101,0 (12)	102,8 (5)
45. Скуловой диаметр	138,4 (11)	137,8 (10)	135,8 (25)	138,0 (6)	137,1 (7)	134,2 (16)	140,6 (28)	134,4 (9)	137,6 (15)	134,2 (6)
48. Верхняя высота лица	69,9 (12)	68,0 (15)	70,4 (24)	69,8 (6)	68,6 (8)	69,7 (20)	68,8 (29)	68,2 (8)	71,8 (20)	66,9 (7)
48:45. Верхний лицевой указатель	50,5 (11)	49,4 (10)	51,7 (22)	50,7 (6)	50,3 (7)	51,8 (16)	49,1 (28)	51,7 (8)	52,0 (12)	50,4 (6)
72. Общий лицевой угол	86,2 (10)	86,1 (10)	85,0 (22)	86,3 (6)	84,1 (7)	85,5 (16)	85,4 (25)	85,0 (6)	84,3 (11)	81,8 (5)
77. Назомалярный угол	140,2 (9)	139,1 (13)	136,5 (25)	136,9 (6)	139,1 (8)	136,4 (20)	137,5 (26)	134,4 (8)	138,5 (22)	139,0 (8)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	128,8 (8)	127,8 (9)	122,2 (22)	124,3 (6)	127,2 (5)	126,9 (19)	128,4 (26)	120,2 (6)	125,0 (14)	125,6 (8)
51. Ширина орбиты	44,4 (9)	43,8 (11)	43,7 (25)	44,5 (6)	43,4 (8)	43,7 (18)	44,3 (29)	41,6 (6)	43,9 (18)	43,9 (7)
52. Высота орбиты	32,1 (10)	32,0 (15)	31,4 (26)	31,6 (6)	32,3 (8)	31,8 (19)	32,0 (29)	32,3 (10)	32,3 (20)	32,2 (8)
55. Высота носа	52,3 (10)	49,8 (15)	51,2 (23)	50,1 (6)	49,8 (8)	50,6 (20)	50,4 (30)	50,8 (11)	53,3 (18)	47,6 (7)
54. Ширина носа	25,7 (10)	25,3 (13)	24,4 (23)	25,3 (7)	26,1 (9)	24,7 (19)	25,4 (29)	25,0 (8)	24,7 (16)	23,5 (8)
75(1). Угол выступания носа	30,7 (9)	31,1 (10)	37,4 (18)	35,3 (6)	28,6 (8)	28,8 (16)	33,4 (26)	32,8 (6)	30,1 (10)	26,5 (6)
SC. Симотическая ширина	9,75 (8)	9,1 (10)	9,13 (23)	8,5 (6)	8,0 (6)	8,6 (17)	8,84 (28)	9,1 (4)	8,9 (14)	8,32 (6)
SS. Симотическая высота	5,42 (9)	5,4 (11)	5,07 (23)	4,9 (6)	4,6 (6)	4,0 (17)	4,84 (27)	4,9 (4)	5,6 (11)	4,45 (6)
DC. Дакриальная ширина	23,15 (8)	21,6 (12)	22,6 (21)	22,4 (6)	22,1 (7)	22,4 (15)	23,90 (27)	24,4 (4)	22,4 (13)	22,77 (6)
DS. Дакриальная высота	13,42 (8)	13,2 (10)	14,0 (21)	14,4 (6)	14,1 (7)	13,1 (15)	13,86 (27)	15,2 (4)	14,0 (10)	12,48 (6)

Продолжение табл. 7

№ по Мартину или условное обозначение	Черноозерско-томский вариант андроновской общности		Еловская культура	Черкас-кульская культура	Ирменская культура			
	Черно-озерье 1	Еловка 2			Кузнецкая котловина	Верхнее Приобье	Томское Приобье	Бараба
1	22	23	24	25	26	27	28	29
1. Продольный диаметр	181,2 (11)	185,3 (26)	184,6 (9)	184,3 (16)	184,6 (27)	183,0 (25)	180,6 (12)	183,2 (9)
8. Поперечный диаметр	145,0 (11)	146,6 (19)	148,8 (5)	145,9 (16)	145,7 (18)	146,0 (22)	143,2 (10)	139,7 (7)
17. Высотный диаметр	131,6 (8)	135,1 (14)	136,3 (6)	133,4 (11)	134,6 (16)	134,1 (18)	135,0 (8)	130,6 (8)
8:1. Черепной указатель	80,1 (11)	79,9 (18)	80,8 (5)	79,2 (16)	79,7 (18)	80,3 (21)	79,4 (10)	76,7 (7)
5. Длина основания черепа	100,6 (8)	106,9 (13)	101,2 (6)	102,9 (11)	102,8 (17)	102,1 (16)	104,6 (8)	104,0 (8)
9. Наименьшая ширина лба	97,2 (15)	96,1 (47)	98,2 (8)	98,2 (13)	97,7 (27)	96,6 (34)	98,8 (10)	97,5 (11)
32. Угол профиля лба	78,0 (6)	78,7 (11)	79,5 (2)	82,3 (10)	81,4 (18)	82,9 (16)	81,8 (6)	82,4 (8)
40. Длина основания лица	100,2 (8)	103,7 (10)	105,2 (5)	99,9 (10)	102,2 (14)	102,5 (10)	102,8 (6)	103,1 (7)
45. Скуловой диаметр	143,3 (6)	140,4 (16)	139,7 (3)	139,2 (12)	138,5 (15)	139,2 (14)	139,0 (7)	135,7 (4)
48. Верхняя высота лица	70,7 (11)	70,2 (38)	70,2 (8)	73,6 (11)	71,8 (20)	70,0 (20)	70,2 (6)	68,1 (8)
48:45. Верхний лицевой указатель	50,0 (6)	49,4 (13)	49,8 (3)	52,3 (10)	51,7 (14)	50,3 (10)	50,9 (5)	49,5 (4)
72. Общий лицевой угол	85,0 (7)	84,5 (11)	86,0 (3)	85,9 (10)	86,7 (15)	84,8 (12)	85,0 (6)	85,1 (7)
77. Назомалярный угол	144,9 (13)	139,0 (46)	140,9 (7)	142,8 (12)	137,8 (24)	141,0 (24)	142,8 (8)	139,6 (9)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	133,3 (6)	133,6 (17)	132,5 (5)	132,3 (11)	125,6 (15)	133,4 (12)	130,6 (5)	127,8 (6)
51. Ширина орбиты	45,5 (11)	44,5 (35)	43,8 (8)	42,6 (12)	44,9 (15)	44,0 (21)	45,6 (7)	43,9 (10)
52. Высота орбиты	34,0 (10)	32,8 (42)	32,8 (9)	33,6 (12)	31,8 (15)	31,4 (21)	32,4 (8)	32,2 (9)
55. Высота носа	51,7 (11)	50,5 (37)	49,8 (8)	52,8 (12)	52,0 (19)	49,4 (19)	51,3 (6)	51,3 (8)
54. Ширина носа	26,2 (10)	25,6 (40)	25,2 (7)	24,7 (13)	24,7 (17)	25,5 (22)	25,7 (8)	25,4 (8)
75(1). Угол выступания носа	24,4 (7)	22,1 (23)	30,0 (5)	26,5 (10)	26,6 (15)	25,1 (13)	31,4 (5)	26,2 (5)
SC. Симотическая ширина	7,60 (12)	8,60 (40)	8,46 (9)	8,97 (11)	8,24 (17)	7,88 (24)	7,87 (11)	8,52 (9)
SS. Симотическая высота	4,16 (11)	4,38 (39)	4,94 (9)	5,04 (11)	4,27 (17)	4,63 (23)	4,70 (10)	5,14 (8)
DC. Дакриальная ширина	23,18 (9)	23,73 (24)	23,27 (7)	21,88 (11)	22,58 (9)	22,24 (19)	20,53 (7)	21,61 (9)
DS. Дакриальная высота	13,39 (7)	12,08 (23)	12,96 (7)	12,20 (11)	11,85 (8)	13,09 (19)	13,40 (7)	13,29 (8)

Окончание табл. 7

№ по Мартину или условное обозначение	Ямная культура			Катакомбная культура		Культура многоваликовой керамики	Срубная культура	
	Калмыкия	Астраханское правобережье	Степное Приднепровье	Калмыкия	Степное Приднепровье	Степное Приднепровье	Калмыкия	Степное Приднепровье
1	30	31	32	33	34	35	36	37
1. Продольный диаметр	184,1 (26)	186,1 (14)	193,2 (92)	188,7 (17)	187,2 (150)	193,8 (42)	194,9 (33)	192,9 (37)
8. Поперечный диаметр	148,4 (29)	150,5 (15)	140,3 (90)	138,9 (17)	142,7 (145)	135,0 (40)	140,2 (27)	136,6 (23)
17. Высотный диаметр	137,5 (18)	137,2 (9)	140,1 (43)	137,9 (12)	138,0 (80)	138,6 (16)	136,4 (15)	141,4 (7)
8:1. Черепной указатель	80,4 (26)	80,8 (14)	72,5 (82)	73,8 (17)	76,7 (138)	70,3 (37)	72,1 (26)	73,0 (22)
5. Длина основания черепа	106,3 (18)	107,7 (7)	108,5 (35)	106,5 (12)	105,6 (77)	106,8 (12)	109,4 (14)	110,4 (7)
9. Наименьшая ширина лба	99,8 (30)	99,8 (15)	99,5 (92)	98,2 (17)	99,0 (146)	98,8 (40)	99,5 (33)	96,6 (33)
32. Угол профиля лба	82,7 (27)	80,7 (10)	76,2 (43)	79,3 (15)	80,9 (90)	77,9 (17)	83,9 (18)	78,6 (7)
40. Длина основания лица	102,2 (17)	103,7 (7)	101,7 (26)	103,3 (12)	101,7 (66)	100,5 (14)	106,0 (11)	108,4 (5)
45. Скуловой диаметр	139,4 (28)	143,3 (15)	136,7 (59)	133,5 (15)	137,0 (117)	131,2 (28)	136,8 (19)	134,2 (10)
48. Верхняя высота лица	69,5 (29)	69,3 (13)	71,7 (66)	69,4 (18)	70,6 (123)	72,0 (30)	72,7 (17)	71,7 (15)
48:45. Верхний лицевой указатель	49,9 (28)	48,5 (13)	54,7 (50)	52,2 (15)	51,8 (99)	55,2 (22)	53,2 (19)	53,1 (9)
72. Общий лицевой угол	85,9 (26)	87,4 (8)	83,5 (43)	84,8 (15)	85,2 (83)	86,4 (14)	85,9 (17)	83,3 (16)
77. Назомалярный угол	138,6 (30)	136,8 (12)	135,9 (63)	137,2 (17)	137,9 (99)	133,9 (22)	139,0 (24)	136,6 (14)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	125,6 (27)	128,7 (13)	123,3 (49)	124,2 (15)	125,9 (91)	127,4 (15)	126,0 (19)	126,6 (9)
51. Ширина орбиты	43,8 (29)	44,3 (14)	43,6 (61)	43,6 (17)	42,9 (126)	43,2 (28)	44,2 (22)	42,6 (16)
52. Высота орбиты	31,6 (29)	30,7 (14)	32,4 (69)	31,6 (18)	31,8 (131)	33,8 (32)	32,1 (22)	32,8 (18)
55. Высота носа	50,3 (29)	50,3 (12)	51,5 (64)	51,0 (18)	51,3 (127)	51,7 (30)	52,4 (21)	51,6 (15)
54. Ширина носа	25,2 (29)	24,9 (15)	24,9 (69)	24,8 (18)	24,9 (126)	24,1 (28)	25,7 (22)	25,1 (14)
75(1). Угол выступания носа	35,0 (28)	36,3 (10)	33,8 (32)	34,6 (16)	35,4 (59)	35,2 (9)	33,6 (16)	35,7 (3)
SC. Симотическая ширина	8,34 (29)	9,0 (11)	8,52 (56)	9,4 (15)	9,36 (94)	8,88 (17)	8,6 (20)	8,18 (18)
SS. Симотическая высота	4,96 (29)	5,2 (10)	4,97 (56)	5,2 (15)	5,08 (94)	5,08 (17)	4,9 (19)	4,59 (18)
DC. Дакриальная ширина	22,1 (29)	22,0 (7)	22,2 (26)	21,9 (13)	21,9 (52)	19,10 (4)	21,7 (13)	21,9 (5)
DS. Дакриальная высота	13,7 (29)	13,2 (7)	13,1 (26)	13,3 (13)	12,9 (52)	13,40 (4)	14,2 (13)	13,6 (5)

Таблица 8

Сравнительные данные по краниологии населения эпохи бронзы (женщины)

№ по Мартину или условное обозначение	Прибайкалье, глазковское время		Забайкалье, плиточные могилы	Афанасьевская культура			Окуневская культура	Карасукская культура	Кротовская культура
	Ангара	Лена		Минусинская котловина	Горный Алтай	Алтай			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Продольный диаметр	184,9 (29)	184,5 (14)	178,8 (4)	180,4 (11)	183,6 (13)	182,8 (6)	180,2 (56)	173,2 (117)	177,2 (60)
8. Поперечный диаметр	139,1 (30)	139,4 (13)	142,0 (4)	135,8 (10)	137,1 (11)	138,2 (6)	149,0 (54)	143,4 (118)	137,9 (57)
17. Высотный диаметр	129,9 (19)	123,4 (9)	126,2 (4)	130,7 (7)	134,1 (9)	135,0 (5)	127,4 (45)	126,7 (100)	130,4 (38)
8:1. Черепной указатель	75,5 (28)	75,6 (12)	79,6 (4)	75,2 (10)	74,8 (11)	75,6 (6)	82,7 (51)	82,9 (117)	77,9 (55)
5. Длина основания черепа	100,9 (17)	98,4 (9)	97,2 (4)	101,1 (7)	103,6 (9)	103,6 (5)	98,3 (45)	98,6 (98)	98,2 (38)
9. Наименьшая ширина лба	92,7 (28)	91,2 (13)	89,2 (4)	96,9 (13)	96,7 (14)	98,6 (7)	95,6 (67)	96,1 (123)	92,4 (78)
32. Угол профиля лба	79,7 (21)	77,6 (12)	79,0 (4)	81,7 (9)	84,2 (9)	86,2 (5)	83,8 (43)	83,9 (98)	82,1 (33)
40. Длина основания лица	100,6 (18)	98,1 (7)	93,7 (3)	98,1 (7)	99,1 (8)	100,2 (5)	97,7 (41)	96,6 (90)	99,3 (27)
45. Скуловой диаметр	131,5 (24)	130,8 (14)	134,0 (4)	131,8 (10)	128,3 (13)	129,8 (6)	134,5 (47)	131,8 (99)	130,6 (43)
48. Верхняя высота лица	71,1 (26)	69,8 (13)	73,2 (4)	67,4 (9)	65,9 (11)	64,8 (6)	69,7 (59)	68,0 (102)	67,1 (42)
48:45. Верхний лицевой указатель	54,1 (24)	53,4 (12)	54,7 (4)	50,6 (9)	51,2 (10)	50,0 (6)	51,8 (45)	52,0 (91)	51,8 (34)
72. Общий лицевой угол	84,9 (19)	84,0 (9)	87,0 (3)	84,7 (4)	84,3 (9)	83,8 (5)	85,2 (39)	85,5 (90)	81,5 (29)
77. Назомалярный угол	145,3 (24)	147,9 (9)	149,6 (4)	137,0 (6)	136,5 (10)	134,7 (3)	143,4 (58)	142,3 (97)	144,9 (66)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	136,4 (22)	135,4 (8)	139,0 (4)	129,0 (3)	124,5 (8)	129,7 (3)	132,8 (53)	130,1 (95)	131,7 (37)
51. Ширина орбиты	41,1 (20)	40,5 (10)	40,5 (4)	44,3 (4)	43,1 (8)	46,5 (2)	43,2 (62)	42,1 (99)	43,1 (47)
52. Высота орбиты	33,9 (25)	33,7 (12)	33,0 (4)	33,1 (5)	30,5 (13)	31,1 (7)	33,7 (62)	32,9 (110)	32,9 (46)
55. Высота носа	51,5 (26)	50,7 (11)	52,8 (4)	49,5 (8)	48,1 (15)	47,8 (6)	49,1 (62)	48,4 (108)	48,3 (43)
54. Ширина носа	24,7 (26)	23,3 (11)	26,2 (4)	25,6 (8)	25,0 (10)	25,4 (5)	25,0 (60)	24,6 (109)	24,4 (48)
75(1). Угол выступания носа	19,4 (18)	19,2 (6)	21,5 (2)	28,4 (8)	30,9 (7)	32,0 (3)	24,9 (45)	26,7 (85)	18,7 (28)
SC. Симотическая ширина	7,1 (20)	8,5 (10)	6,5 (3)	8,6 (6)	8,0 (7)	7,7 (2)	8,0 (55)	8,5 (88)	7,4 (50)
SS. Симотическая высота	2,6 (20)	3,6 (10)	2,4 (2)	4,7 (6)	5,1 (6)	4,4 (2)	3,5 (54)	4,0 (88)	3,4 (44)
DC. Дакриальная ширина	20,8 (17)	19,6 (8)	23,6 (2)	20,4 (3)	20,1 (9)	19,0 (2)	21,6 (49)	21,1 (77)	21,0 (41)
DS. Дакриальная высота	9,7 (17)	10,9 (8)	7,9 (2)	12,2 (3)	13,1 (9)	12,8 (2)	10,7 (48)	11,3 (77)	11,5 (34)

Продолжение табл. 8

№ по Мартину или условное обозначение	Елунинская культура	Андроновская культура							
		Федоровский вариант						Алакульский вариант	
		Северо-Восточный Казахстан	Верхнее Приобье (Фирсово 14)	Рудный Алтай	Барнаульско-Новосибирское Приобье	Кузнецкая котловина	Минусинская котловина	Западный Казахстан	Ермак 4
1	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1. Продольный диаметр	184,0 (7)	175,9 (15)	178,7 (14)	174,3 (14)	177,4 (9)	175,6 (17)	177,5 (17)	179,2 (16)	173,6 (5)
8. Поперечный диаметр	136,7 (6)	138,2 (15)	136,6 (13)	134,7 (14)	140,6 (9)	138,2 (16)	141,8 (15)	133,9 (16)	130,6 (5)
17. Высотный диаметр	127,8 (6)	130,2 (8)	132,7 (13)	130,7 (9)	135,3 (7)	131,0 (16)	132,1 (15)	132,0 (9)	128,3 (3)
8:1. Черепной указатель	73,5 (5)	78,3 (15)	76,6 (13)	77,4 (14)	79,3 (9)	78,8 (16)	80,2 (15)	75,0 (17)	75,2 (5)
5. Длина основания черепа	100,8 (6)	97,3 (8)	100,8 (12)	99,1 (9)	100,4 (7)	100,5 (16)	98,9 (15)	101,6 (9)	97,7 (3)
9. Наименьшая ширина лба	93,6 (9)	94,9 (15)	94,1 (14)	92,8 (15)	97,6 (10)	93,1 (17)	96,6 (18)	94,5 (17)	91,4 (5)
32. Угол профиля лба	78,3 (4)	86,9 (12)	84,0 (14)	84,2 (11)	87,7 (6)	84,4 (15)	86,6 (14)	83,3 (6)	78,0 (2)
40. Длина основания лица	99,4 (5)	95,7 (8)	98,8 (12)	95,5 (8)	98,8 (6)	99,3 (16)	95,6 (13)	96,8 (5)	94,0 (2)
45. Скуловой диаметр	131,1 (4)	127,0 (10)	128,3 (14)	125,0 (11)	129,8 (6)	128,4 (14)	129,6 (14)	129,0 (15)	124,0 (3)
48. Верхняя высота лица	70,5 (8)	66,4 (13)	67,1 (14)	66,6 (12)	65,9 (7)	67,3 (18)	67,7 (18)	68,1 (13)	63,8 (4)
48:45. Верхний лицевой указатель	54,1 (4)	52,7 (10)	52,3 (14)	53,6 (10)	50,9 (6)	52,7 (14)	51,7 (14)	53,5 (12)	51,6 (3)
72. Общий лицевой угол	85,0 (4)	83,5 (10)	84,1 (14)	84,6 (11)	86,7 (6)	84,2 (14)	85,4 (13)	84,8 (6)	82,5 (2)
77. Назомалярный угол	140,8 (11)	139,9 (10)	137,3 (14)	140,1 (15)	138,7 (9)	137,8 (17)	140,0 (14)	136,8 (10)	137,2 (5)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	129,9 (5)	127,8 (11)	124,9 (12)	126,6 (10)	125,1 (6)	126,2 (16)	126,5 (13)	124,5 (6)	125,7 (3)
51. Ширина орбиты	42,5 (6)	41,3 (11)	42,5 (13)	41,9 (12)	43,0 (6)	42,1 (17)	42,6 (13)	42,5 (7)	41,0 (5)
52. Высота орбиты	34,0 (6)	31,6 (13)	32,4 (14)	32,9 (12)	32,8 (6)	32,1 (18)	32,7 (16)	32,7 (13)	31,6 (5)
55. Высота носа	51,2 (8)	47,9 (14)	48,1 (14)	49,1 (12)	48,7 (7)	48,9 (18)	48,6 (18)	49,1 (12)	47,0 (4)
54. Ширина носа	25,0 (7)	25,1 (14)	24,2 (13)	23,5 (12)	24,7 (6)	23,7 (17)	23,8 (18)	24,0 (11)	22,2 (4)
75(1). Угол выступания носа	21,3 (6)	24,5 (9)	30,4 (11)	28,0 (11)	22,6 (5)	24,5 (15)	27,9 (14)	28,1 (8)	28,2 (4)
SC. Симотическая ширина	9,0 (7)	8,9 (9)	8,54 (11)	8,2 (11)	9,1 (8)	8,0 (15)	7,9 (14)	9,0 (6)	6,4 (4)
SS. Симотическая высота	3,7 (7)	4,1 (9)	4,63 (11)	4,3 (11)	4,6 (8)	3,9 (15)	4,1 (14)	4,1 (6)	3,6 (4)
DC. Дакриальная ширина	23,25 (6)	20,7 (9)	21,3 (10)	21,3 (11)	21,4 (7)	21,2 (12)	20,3 (13)	22,0 (5)	16,6 (4)
DS. Дакриальная высота	10,6 (6)	11,2 (9)	11,9 (10)	11,9 (10)	12,2 (7)	12,0 (12)	12,1 (13)	12,5 (5)	12,1 (4)

Продолжение табл. 8

№ по Мартину или условное обозначение	Черноозерско-томский вариант андроновской общности		Еловская культура	Черкаскульская культура	Ирменская культура		
	Черноозерье 1	Еловка 2			Кузнецкая котловина	Верхнее Приобье	Бараба
1	20	21	22	23	24	25	26
1. Продольный диаметр	179,2 (14)	178,8 (26)	173,0 (12)	175,0 (3)	175,5 (34)	173,1 (17)	172,2 (12)
8. Поперечный диаметр	143,5 (12)	137,2 (17)	139,4 (9)	138,8 (4)	141,3 (19)	139,2 (12)	138,2 (10)
17. Высотный диаметр	126,6 (5)	130,9 (14)	128,2 (8)	129,3 (3)	131,0 (19)	129,1 (8)	128,9 (10)
8:1. Черепной указатель	80,5 (11)	77,9 (16)	81,7 (9)	79,4 (3)	81,1 (18)	80,4 (11)	80,1 (10)
5. Длина основания черепа	97,4 (5)	100,4 (10)	96,2 (6)	97,7 (3)	97,4 (20)	96,6 (8)	97,2 (10)
9. Наименьшая ширина лба	96,2 (16)	92,5 (35)	93,1 (18)	94,8 (5)	95,4 (29)	93,8 (16)	91,9 (10)
32. Угол профиля лба	76,5 (2)	83,0 (8)	83,3 (3)	82,0 (1)	83,7 (12)	84,7 (7)	82,6 (7)
40. Длина основания лица	102,0 (2)	100,6 (8)	93,7 (3)	93,0 (2)	95,3 (14)	94,0 (5)	94,8 (6)
45. Скуловой диаметр	131,2 (4)	129,7 (14)	129,3 (3)	126,2 (4)	131,2 (12)	127,1 (7)	128,7 (3)
48. Верхняя высота лица	67,0 (4)	65,3 (26)	66,2 (5)	69,0 (5)	69,0 (20)	66,1 (12)	66,2 (6)
48:45. Верхний лицевой указатель	52,5 (2)	50,3 (11)	49,7 (3)	55,3 (4)	52,2 (10)	51,2 (6)	51,3 (3)
72. Общий лицевой угол	80,5 (2)	81,5 (8)	79,7 (3)	89,0 (1)	85,1 (13)	84,7 (7)	83,6 (5)
77. Назомалярный угол	144,8 (16)	140,3 (30)	142,2 (17)	142,0 (4)	139,6 (25)	144,9 (15)	141,7 (9)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	127,8 (2)	128,7 (12)	126,9 (4)	124,7 (2)	127,7 (17)	129,1 (7)	128,8 (3)
51. Ширина орбиты	43,4 (8)	42,8 (26)	42,5 (12)	40,6 (5)	42,5 (12)	42,0 (12)	42,2 (8)
52. Высота орбиты	33,8 (6)	33,5 (28)	32,8 (12)	31,8 (5)	32,6 (12)	32,3 (13)	33,0 (8)
55. Высота носа	50,2 (4)	47,0 (26)	46,0 (6)	51,2 (4)	50,8 (17)	48,2 (12)	49,7 (7)
54. Ширина носа	24,3 (4)	24,6 (35)	24,5 (9)	24,4 (4)	23,5 (21)	24,4 (11)	23,7 (6)
75(1). Угол выступания носа	25,7 (3)	20,9 (12)	18,6 (5)	25,0 (1)	22,7 (9)	26,4 (7)	23,5 (4)
SC. Симотическая ширина	7,8 (13)	7,6 (22)	7,6 (14)	9,1 (3)	8,1 (17)	8,1 (14)	8,3 (8)
SS. Симотическая высота	4,4 (11)	3,7 (20)	3,5 (12)	3,5 (3)	3,7 (16)	3,9 (13)	4,3 (8)
DC. Дакриальная ширина	20,6 (8)	21,8 (18)	20,9 (8)	20,9 (1)	22,1 (16)	21,2 (7)	20,0 (7)
DS. Дакриальная высота	11,9 (7)	11,5 (16)	10,6 (8)	10,0 (1)	11,2 (13)	11,8 (7)	11,7 (7)

Окончание табл. 8

№ по Мартину или условное обозначение	Ямная культура			Катакомбная культура		Культура многоваликовой керамики	Срубная культура	
	Калмыкия	Астраханское правобережье	Степное Приднепровье	Калмыкия	Степное Приднепровье	Степное Приднепровье	Калмыкия	Степное Приднепровье
1	27	28	29	30	31	32	33	34
1. Продольный диаметр	172,0 (4)	183,7 (7)	181,8 (35)	181,7 (4)	177,1 (68)	181,8 (15)	181,9 (23)	182,8 (17)
8. Поперечный диаметр	146,0 (4)	141,9 (7)	137,2 (30)	133,5 (4)	139,7 (67)	133,0 (14)	136,1 (23)	133,2 (14)
17. Высотный диаметр	134,7 (3)	134,7 (4)	134,2 (17)	132,0 (3)	131,5 (40)	129,3 (6)	130,9 (17)	129,7 (3)
8:1. Черепной указатель	84,8 (4)	77,3 (7)	75,2 (30)	73,5 (4)	80,9 (67)	73,4 (14)	74,8 (23)	74,0 (12)
5. Длина основания черепа	100,0 (3)	101,2 (4)	101,5 (16)	99,0 (3)	99,6 (35)	102,6 (7)	101,8 (17)	99,8 (5)
9. Наименьшая ширина лба	96,0 (4)	97,6 (8)	95,8 (29)	95,2 (4)	96,3 (69)	94,3 (14)	93,8 (23)	95,2 (13)
32. Угол профиля лба	84,7 (4)	81,6 (8)	83,4 (14)	83,0 (4)	82,6 (49)	83,3 (4)	83,7 (15)	83,8 (5)
40. Длина основания лица	95,3 (3)	98,2 (4)	99,3 (10)	96,0 (3)	96,1 (31)	94,6 (5)	97,7 (13)	98,0 (3)
45. Скуловой диаметр	134,7 (4)	133,7 (7)	126,3 (19)	123,7 (4)	128,7 (53)	123,0 (9)	127,6 (19)	119,3 (9)
48. Верхняя высота лица	67,0 (4)	67,7 (7)	67,5 (17)	65,5 (4)	67,3 (53)	68,2 (9)	65,7 (17)	65,0 (7)
48:45. Верхний лицевой указатель	49,7 (4)	50,4 (6)	53,2 (15)	52,9 (4)	52,0 (41)	54,7 (7)	51,6 (17)	55,4 (5)
72. Общий лицевой угол	87,5 (4)	84,6 (7)	83,3 (15)	84,5 (4)	83,6 (40)	86,5 (4)	85,7 (14)	82,2 (5)
77. Назомалярный угол	143,2 (4)	137,0 (7)	137,6 (14)	142,9 (4)	139,1 (52)	139,1 (7)	137,7 (11)	140,1 (7)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	129,2 (3)	128,9 (5)	121,8 (15)	122,8 (4)	126,6 (39)	128,8 (4)	125,5 (11)	126,0 (6)
51. Ширина орбиты	43,5 (4)	42,9 (7)	41,2 (16)	42,5 (4)	41,6 (55)	10,3 (10)	41,6 (17)	41,8 (6)
52. Высота орбиты	32,2 (4)	31,4 (8)	31,8 (21)	33,0 (4)	32,1 (60)	31,8 (9)	32,2 (17)	32,4 (7)
55. Высота носа	48,7 (4)	47,4 (7)	49,2 (17)	47,7 (4)	47,8 (55)	49,2 (11)	49,5 (17)	47,9 (7)
54. Ширина носа	25,5 (4)	24,5 (6)	23,5 (18)	23,5 (4)	23,8 (53)	23,3 (11)	24,5 (17)	23,1 (7)
75(1). Угол выступания носа	30,7 (4)	27,7 (6)	30,0 (7)	27,0 (3)	31,5 (33)	24,0 (2)	29,7 (13)	25,8 (4)
SC. Симотическая ширина	6,9 (4)	10,8 (6)	8,3 (12)	7,1 (3)	7,6 (45)	8,1 (7)	8,2 (9)	7,4 (6)
SS. Симотическая высота	4,7 (4)	4,7 (6)	4,5 (12)	4,1 (3)	4,1 (45)	4,4 (6)	4,2 (9)	3,1 (6)
DC. Дакриальная ширина	20,5 (4)	23,3 (5)	20,3 (4)	19,7 (3)	21,6 (24)	21,3 (5)	19,6 (7)	20,7 (2)
DS. Дакриальная высота	11,6 (4)	12,6 (5)	12,1 (4)	12,1 (3)	12,3 (24)	12,7 (5)	11,9 (7)	11,7 (2)

краниологические материалы происходят преимущественно из могильников федоровского типа. Это серия из могильников Минусинской котловины, в которую включены черепа, изученные Г.Ф. Дебецем [1948], В.П. Алексеевым [1961а], Г.В.Рыкушиной [1976], В.А. Дрёмовым [1997], они суммарно опубликованы В.А. Дрёмовым [1990]; серия из могильника Фирсово 14 с территории Верхнего Приобья [Солодовников, 2005]; сборная серия из могильников с территории Рудного Алтая [Кирюшин, Солодовников, 2010]; сборная серия из могильников Новосибирско-Барнаульского Приобья [Кирюшин, Солодовников, 2010]; сборная серия из могильников Кузнецкой котловины [Чикишева, 2012]; сборная серия из могильников Северного, Центрального и Восточного Казахстана [Алексеев, 1967], суммированная по индивидуальным данным В.А. Дрёмовым [1990]; сборная серия из федоровских могильников Казахстана [Солодовников и др., 2013]. Андроновские могильники алакульского типа сосредоточены преимущественно в западных областях ареала культуры, но встречаются и в Западной Сибири. В основном из алакульских погребений происходят черепа из могильника Ермак 4 в Омском Прииртышье [Сотникова, 1988, с. 77–78], описанные В.А. Дрёмовым [1997, табл. 16, 17, с. 82–85]. В сборной серии из Западного Казахстана сосредоточены также черепа из алакульских и алакульско-федоровских (кожумбердинских) могильников [Гинзбург, 1962; Алексеев, 1967; Гинзбург, Трофимова, 1972]. Сборная серия из алакульских могильников Казахстана изучена В.А. Дрёмовым [1997, табл. 15, с. 79–80]. Сформирована также еще одна сборная серия из алакульских погребений Казахстана [Солодовников и др., 2013]. Современное состояние источниковой базы по антропологии населения андроновской культуры позволяет говорить, что между популяциями федоровцев и алакульцев существовали реальные различия [Дрёмов, 1997, с. 81]. Если тип федоровских групп в полной мере соответствует определению Г.Ф. Дебеца для андроновского варианта протоевропейского антропологического типа — широкое и низкое лицо, мезо-брахикранная форма средневысокого черепа [1948, с. 70–71], то алакульские черепа отличаются большей высотой черепной коробки, долихокранией, лептоморфным строением лицевого скелета, резкой горизонтальной профилированностью лица. Эти особенности свидетельствуют о средиземноморском компоненте в составе алакульских популяций, что заметно сближает их с населением срубной культуры Нижнего Поволжья [Гинзбург, 1962; Алексеев, 1967; Гинзбург, Трофимова, 1972; Дрёмов, 1997].

К особому черноозерско-томскому варианту андроновской культурной общности относятся черепа из погребений могильников Еловка 2 и Черноозерье 1 [Дрёмов, 1990]. Серия из могильника Еловка 2 отличается от андроновских заметной примесью монголоидного компонента, генетически связываемого с низколицым монголоидным населением таежных районов Западной Сибири, а европеоидный компонент в значительной мере восходит к доандроновскому населению Томского Приобья и напоминает черепа афанасьевской культуры Южной Сибири и ямной Нижнего Поволжья [Дрёмов, 1990, с. 59–61; 1997, с. 98–121]. Серия из могильника Черноозерье 1 также неоднородна и имеет в своем составе ощутимый

монголоидный компонент. В целом обе выборки обнаруживаю генетическую связь не только между собой, но и с доандроновским населением кротовской культуры [Дрёмов, 1990, с. 60; 1997, с. 119–121].

К кругу культур андроновской общности относятся черепа из погребений еловской и черкаскульской культур. Серия еловских черепов [Дрёмов, 1990] европеоидного облика, но небольшая примесь монголоидных элементов все же прослеживается, в силу чего серия морфологически нейтральна, обнаруживает сходство как с северными, так и с южными андроновскими группами, что, видимо, отражает процесс их смешения друг с другом [Дрёмов, 1990, с. 61; 1997, с. 137–142]. В черкаскульскую серию включены суммированные В.А. Дрёмовым [1997, табл. 39, с. 153–154] небольшие выборки черепов из могильников Тартышевский 1 [Акимова, 1968], Красногорский [Шевченко, 1980], Такталачук [Рудь, 1981] и Березки 5г [Дрёмов, 1997]. В составе серии также прослеживается монголоидная примесь, в силу чего она в целом занимает промежуточное положение между андроновскими и подтаежными группами [Дрёмов, 1997, с. 157]. Отмечено, что черкаскульские черепа близки по морфологии карасукским и ирменским, это, по мнению исследователей, свидетельствует о генетическом единстве большого пласта населения, оставившего памятники черкаскульской, ирменской и карасукской культур поздней бронзы [Шевченко, 1980, с. 178–191; Рудь, 1981, с. 92; Дрёмов, 1990, 1997].

Эпоха поздней бронзы Западной Сибири представлена довольно обширными краниологическими материалами из могильников ирменской культуры. Это серии черепов из Барабы (Преображенка 3) [Молодин, Чикишева, 1988], Кузнецкой котловины (Журавлево) [Бобров и др., 1993], сборные серии из могильников Верхнего [Дрёмов, 1997, табл. 27] и Томского [Дрёмов, 1997, табл. 30] Приобья. Серии ирменских черепов европеоидные, но прослеживается и небольшая монголоидная примесь. Антропологический состав ирменского населения сложен, чем определяется довольно обширный круг его расогенетических связей. Выявлено антропологическое сходство ирменских популяций и с населением доандроновского времени, и с собственно андроновским (федоровским), а также с населением окуневской, карасукской и черкаскульской культур [Молодин, Чикишева, 1988; Дрёмов, 1990, 1997; Бобров и др., 1993].

Из Восточной Сибири известны данные по краниологии населения глазковского времени (ранняя бронза) Прибайкалья (с Ангары и Лены) [Мамонова, 1973], характеризующегося достаточно отчетливо выраженными монголоидными особенностями, складывающимися в комплекс, прослеживаемый в составе монголоидных популяций центральноазиатского типа с элементами байкальского [Мамонова, 1973, с. 26–28]. Еще резче монголоидные черты фиксируются на черепах поздней бронзы из плиточных могил Забайкалья, отнесенных к байкальскому типу североазиатской расы, уже сформировавшемуся в неолите, а генетическое родство и в значительной мере общность происхождения населения, представленного памятниками неолита и поздней бронзы, не вызывают сомнений [Гохман, 1980, с. 22–23].

Территориальные группы населения афанасьевской культуры представлены сериями черепов из Минусинской котловины [Алексеев, 1961, 1961а], Горного Алтая [Дрёмов, 1997] и Алтая [Алексеев, 1961, 1961а]. В целом для него характерен ярко выраженный европеоидный тип (сочетание долихокранной массивной черепной коробки с широким и невысоким лицом), во многом аналогичный типу населения ямной культуры Поволжья и Украины [Дебец, 1948, с. 64–67; Алексеев, Гохман, 1984, с. 35].

Для населения более южных районов Минусинской котловины, оставившего памятники окуневской культуры, свойственен иной антропологический тип, особенностями которого являются брахикрания и заметная примесь монголоидных элементов [Алексеев, 1961а, с. 127–129; Дебец, 1980, с. 7–8]. Из погребений окуневской культуры исследован значительный материал, сгруппированный в четыре серии — из могильников долины р. Уйбат, могильников Верхний Аскиз 1, Черновая, сборная группа тасхазинского типа, а также суммарная окуневская серия [Громов, 1997]. Их краниологический анализ позволил сделать вывод о том, что население окуневской культуры есть результат смешения групп разного происхождения. Это местное население (типа Усть-Иши и Иткуля), родственное монголоидным неолитическим группам Прибайкалья, и европеоидные популяции, часть которых, видимо, южного происхождения (кельтеминарцы), часть — западного (ямники и ямно-катакомбники Калмыкии) [Громов, 1997, с. 308–316].

Население карасукской культуры представлено сборной серией из Хакасско-Минусинской котловины [Рыкушина, 1980, 2007]. Хотя между группами из южных и северных областей ареала карасукских памятников и прослеживаются некоторые различия, в целом несомненна принадлежность их к одному антропологическому типу [Рыкушина, 1976, 1980, 2007; Громов, 1996]. Карасукская серия характеризуется европеоидностью, но с уплощенным в горизонтальной плоскости широким лицевым скелетом [Рыкушина, 1980, с. 48–50]. Некоторые аналогии брахикранному европеоидному типу карасукцев прослеживаются в Средней Азии среди брахикранных европеоидных групп, объединяемых под названием памиро-ферганской расы или расы Среднеазиатского междуречья [Алексеев, 1961а; Алексеев, Гохман, 1984]. Не отрицается генетическая связь населения карасукской культуры и популяций окуневской и андроновской (федоровского варианта) культур [Дебец, 1948; Алексеев, 1961а; Громов, 1997; Рыкушина, 2007].

В качестве сравнительных привлечены также краниологические данные, отражающие физические особенности европеоидного населения эпохи бронзы Нижнего Поволжья и Украины, в генезисе которого участвовали протоевропейские и средиземноморские компоненты. Это материалы из погребений ямной (Калмыкия, Астраханское правобережье [Шевченко, 1986] и степное Приднепровье [Круц, 1984]), катакомбной (Калмыкия [Шевченко, 1986] и степное Приднепровье [Круц, 1984]) культур, культуры многоваликовой керамики [Круц, 1984] и срубной (Калмыкия [Шевченко, 1986], степное Приднепровье [Круц, 1984]).

§ 2. Некоторые проблемы формирования населения бронзового века

Общая изменчивость мужских и женских серий эпохи бронзы, как показал канонический анализ, свидетельствует о том, что по основным краниологическим параметрам характер изменчивости подчиняется единой закономерности (табл. 9, рис. 9, 10), по признакам первого и второго векторов группы дифференцируются по форме черепа и степени выраженности монголоидных особенностей.

Наиболее отчетливо монголоидные черты выражены в восточносибирских группах глазковского времени эпохи бронзы, в заметно меньшей пропорции примесь монголоидных элементов фиксируется в составе групп черноозерско-томского варианта андроновской общности, окуневской, карасукской, черкаскульской и ирменской культур.

Европеоидное строение свойственно сериям черепов из погребений ямной, катакомбной и срубной культур Украины и Поволжья. Из сибирских выборок подобное строение может быть отмечено на черепах из афанасьевских погребений доандроновской бронзы (рис. 9, 10). Особенности взаиморасположения выборок указывают на неоднородность состава андроновцев. У локализованных в более западных областях монголоидной примеси нет, однако серии, происходящие из восточной части ареала андроновцев, имеют в своем составе монголоидный компонент. Аналогичная закономерность изменчивости характерна также для афанасьевских и ирменских групп. Отмеченная особенность обусловлена наличием в составе

Таблица 9

Величины нагрузок по первому и второму каноническим векторам (краниология эпохи бронзы Евразии)

№ по Мартину или условное обозначение	Первый канонический вектор				Второй канонический вектор			
	Локальные группы		Обобщенные выборки		Локальные группы		Обобщенные выборки	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	**−0,3180**	−0,0600	−0,0756	0,0802	**0,4400**	**−0,5741**	**0,5657**	**−0,4865**
8. Поперечный диаметр	**0,5977**	**0,5686**	**0,2920**	0,2496	**−0,4808**	**0,5489**	**−0,4906**	**0,7254**
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	**−0,3247**	**−0,3864**	**−0,3572**	**−0,3703**	−0,1879	0,0577	−0,0088	0,0494
45. Скуловой диаметр	0,2293	0,2143	0,2656	0,1188	−0,0618	0,1639	−0,1951	**0,2954**
48. Верхняя высота лица	0,1961	0,2054	0,2144	0,2002	0,1916	0,0311	0,1565	0,1241
77. Назомалярный угол	**0,3276**	**0,4306**	**0,4052**	**0,5218**	**0,3278**	**−0,3443**	0,2684	−0,0966
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	0,2741	**0,2981**	**0,3898**	**0,2946**	**0,2945**	−0,1959	0,1702	−0,0609
51. Ширина орбиты от *mf.*	0,1078	−0,0908	−0,0447	**−0,3115**	−0,1905	0,1452	**−0,4122**	0,1564
52. Высота орбиты	0,1160	0,1470	0,2156	0,1974	**0,3653**	−0,1392	0,1661	−0,1210
75(1). Угол выступания носа	**−0,2936**	−0,2345	**−0,3946**	**−0,3784**	−0,2345	**0,3012**	0,2249	0,0466
SS. Симотическая высота	−0,1547	−0,1850	−0,2191	−0,2175	−0,1895	0,1949	−0,1067	0,1764
DC. Дакриальная ширина	−0,0104	−0,0075	0,0078	0,0388	0,0096	0,0625	−0,0397	0,2144
DS. Дакриальная высота	−0,1652	−0,2057	**−0,3109**	−0,2300	−0,2108	0,0889	−0,1207	−0,0216
Собственные значения	40,57	20,36	124,98	110,29	20,27	15,19	49,51	47,22
% описываемой изменчивости	43,0	34,4	49,3	46,7	21,5	25,7	19,5	20,0

Примечание. Полужирным шрифтом выделены максимальные нагрузки.

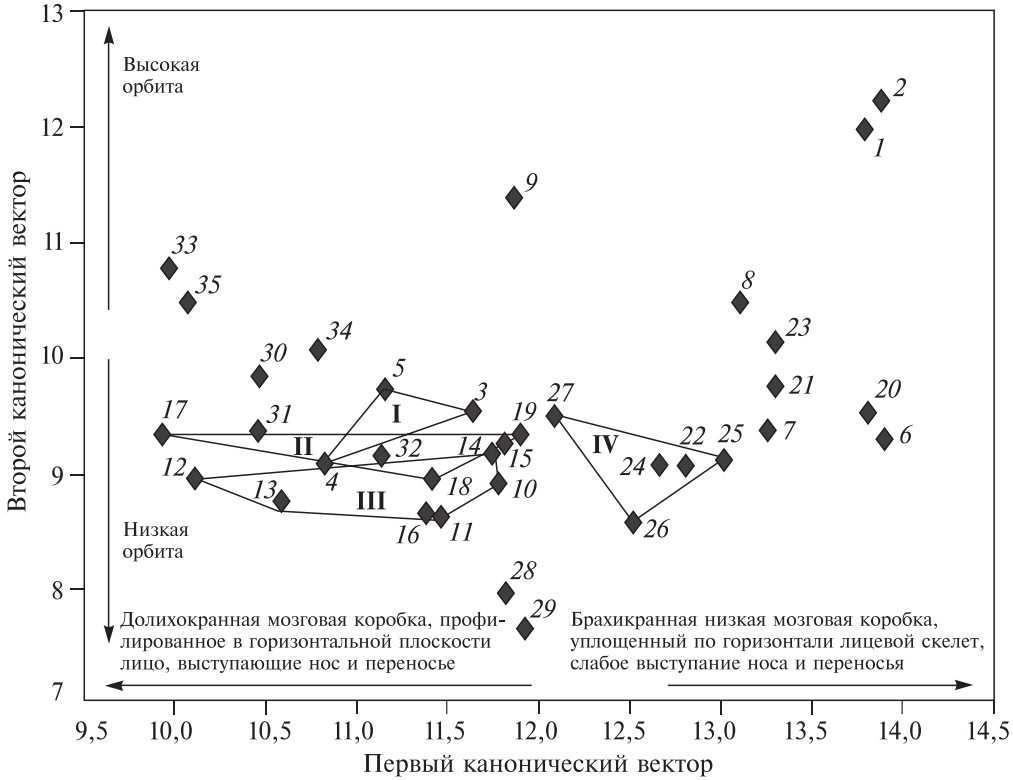


Рис. 9. Взаиморасположение мужских выборок эпохи бронзы Западной Сибири и Северной Евразии в корреляционном поле первого и второго канонических векторов.

I — афанасьевская культура; II — андроновская культура, алакульский вариант; III — андроновская культура, федоровский вариант; IV — ирменская культура; *1* — Прибайкалье, глазковское время (Ангара); *2* — Прибайкалье, глазковское время (Лена); *3* — афанасьевская культура (Минусинская котловина); *4* — афанасьевская культура (Горный Алтай); *5* — афанасьевская культура (Алтай); *6* — окуневская культура; *7* — карасукская культура; *8* — кротовская культура; *9* — елунинская культура; *10* — андроновская культура, федоровский вариант (Северо-Восточный Казахстан); *11* — андроновская культура, федоровский вариант (сборная по Казахстану); *12* — андроновская культура, федоровский вариант (Верхнее Приобье, могильник Фирсово 14); *13* — андроновская культура, федоровский вариант (Рудный Алтай); *14* — андроновская культура, федоровский вариант (Барнаульско-Новосибирское Приобье); *15* — андроновская культура, федоровский вариант (Кузнецкая котловина); *16* — андроновская культура, федоровский вариант (Минусинская котловина); *17* — андроновская культура, алакульский вариант (Западный Казахстан); *18* — андроновская культура, алакульский вариант (сборная по Казахстану); *19* — андроновская культура, алакульский вариант (могильник Ермак 4); *20* — черноозерско-томский вариант андроновской общности (могильник Черноозерье 1); *21* — черноозерско-томский вариант андроновской общности (могильник Еловка 2); *22* — еловская культура; *23* — черкаскульская культура; *24* — ирменская культура (Кузнецкая котловина); *25* — ирменская культура (Верхнее Приобье); *26* — ирменская культура (Томское Приобье); *27* — ирменская культура (Бараба); *28* — ямная культура (Калмыкия); *29* — ямная культура (Астраханское правобережье); *30* — ямная культура (степное Приднепровье); *31* — катакомбная культура (Калмыкия); *32* — катакомбная культура (степное Приднепровье); *33* — культура многоваликовой керамики (степное Приднепровье); *34* — срубная культура (Калмыкия); *35* — срубная культура (степное Приднепровье).

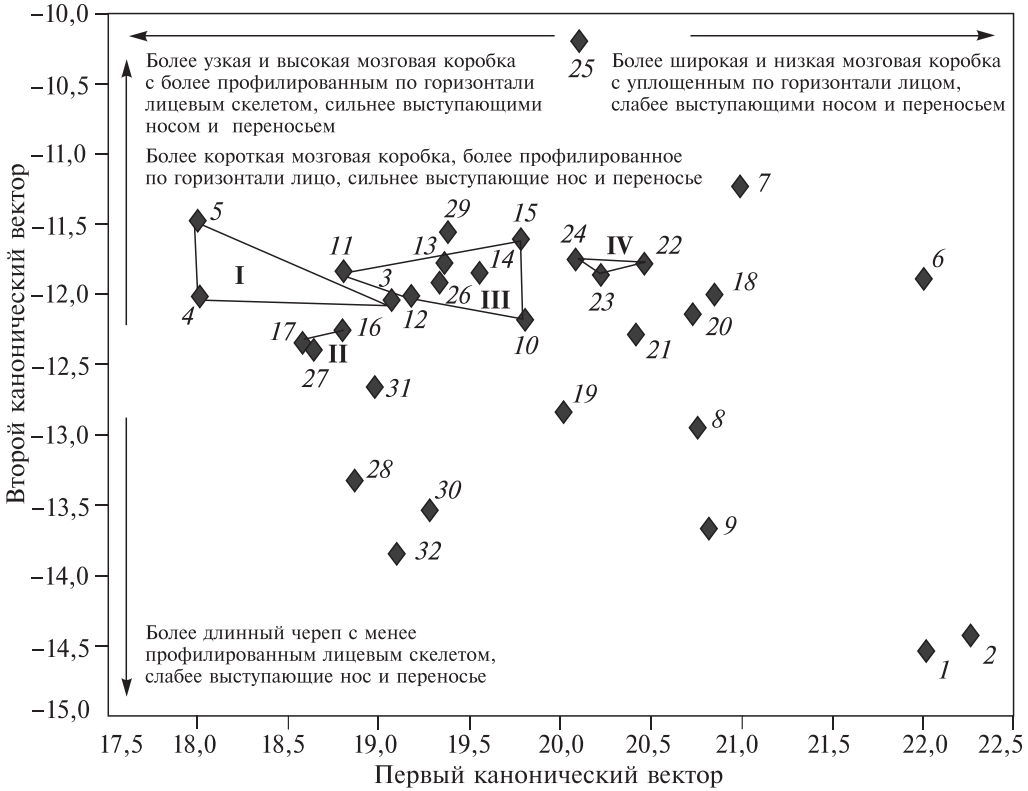


Рис. 10. Взаиморасположение женских выборок эпохи бронзы Западной Сибири и Северной Евразии в корреляционном поле первого и второго канонических векторов.

I — афанасьевская культура; II — андроновская культура, алакульский вариант; III — андроновская культура, федоровский вариант; IV — ирменская культура; *1* — Прибайкалье, глазковское время (Ангара); *2* — Прибайкалье, глазковское время (Лена); *3* — афанасьевская культура (Минусинская котловина); *4* — афанасьевская культура (Горный Алтай); *5* — афанасьевская культура (Алтай); *6* — окуневская культура; *7* — карасукская культура; *8* — кротовская культура; *9* — елунинская культура; *10* — андроновская культура, федоровский вариант (Северо-Восточный Казахстан); *11* — андроновская культура, федоровский вариант (Верхнее Приобье, могильник Фирсово 14); *12* — андроновская культура, федоровский вариант (Рудный Алтай); *13* — андроновская культура, федоровский вариант (Барнаульско-Новосибирское Приобье); *14* — андроновская культура, федоровский вариант (Кузнецкая котловина); *15* — андроновская культура, федоровский вариант (Минусинская котловина); *16* — андроновская культура, алакульский вариант (Западный Казахстан); *17* — андроновская культура, алакульский вариант (могильник Ермак 4); *18* — черноозерско-томский вариант андроновской общности (могильник Черноозерье 1); *19* — черноозерско-томский вариант андроновской общности (могильник Еловка 2); *20* — еловская культура; *21* — черкаскульская культура; *22* — ирменская культура (Кузнецкая котловина); *23* — ирменская культура (Верхнее Приобье); *24* — ирменская культура (Бараба); *25* — ямная культура (Калмыкия); *26* — ямная культура (Астраханское правобережье); *27* — ямная культура (степное Приднепровье); *28* — катакомбная культура (Калмыкия); *29* — катакомбная культура (степное Приднепровье); *30* — культура многоваликовой керамики (степное Приднепровье); *31* — срубная культура (Калмыкия); *32* — срубная культура (степное Приднепровье).

ряда выборок монголоидной примеси. Следует отметить, что монголоидный компонент в краниологической структуре популяций эпохи бронзы неоднороден. Вырисовываются две монголоидные комбинации признаков: одна характеризуется низкой мозговой коробкой, брахикранией и брахимофным строением уплощенного в горизонтальной плоскости лицевого скелета, другая — мезокранией, большей высотой мозговой коробки, широким, но заметно более низким и менее уплощенным лицевым скелетом. Первый комплекс как компонент отчетливо прослеживается в составе елунинской группы и отчасти в составе кротовцев (рис. 9, 10) и может быть связан в происхождении с монголоидами Центральной Азии. Второй комплекс определяет специфику антропологических особенностей окуневцев, карасукцев, а также черкаскульцев, групп черноозерско-томского варианта и еловцев в Западной Сибири, частично и кротовцев.

Этот монголоидный компонент в различном удельном весе фиксируется и в составе ирменских выборок, за исключением серии из Барабы, а также в андроновских сериях Западной Сибири, особенно из могильника Ермак 4 в Омском Прииртышье.

Многомерный анализ мужских и женских серий мезо-неолитического времени и эпохи бронзы на обобщенном уровне (см. табл. 4, 10) показал, что характер изменчивости обобщенных и локальных исследуемых групп полностью совпадает (см. табл. 9). Расположение анализируемых групп в корреляционном поле первого и второго канонических векторов демонстрирует особенности их дифференциации (рис. 11). Максимальная степень выраженности монголоидных черт характерна для восточносибирских популяций глазковского времени, а «самыми европеоидными» являются черепа из погребений срубной культуры. Зеркально дифференцируются группы по признакам второго канонического вектора: в мужской совокупности максимальные нагрузки приходятся на долихокранные, а в женской — на брахикранные серии. Интересно расположение елунинской выборки: если по мужским черепам она обнаруживает сходство со срубниками, то по женским проявляется сходство с монголоидами глазковского времени (рис. 12). Видимо, в данном случае фиксируется тот этап формирования населения елунинской культуры, когда мужчины вступали в брачные отношения с женщинами иного антропологического типа, а это происходит, как правило, при миграциях на новую территорию, когда в структуре мигрантов преобладает мужская часть племени, восполняющая брачных партнеров за счет местного населения.

Особенности дифференциации европеоидных групп эпохи бронзы указывают на наибольшее морфологической сходство афанасьевцев с населением ямной культуры, андроновцев-федоровцев с катакомбниками, а андроновцев-алакульцев со срубниками (более отчетливо по женским черепам). Андроновцы алакульского и федоровского типов, имея сложный антропологический состав, вследствие чего и высокую изменчивость, в целом различаются не сильно, хотя морфологические особенности формируются в устойчивые комплексы, что указывает на различия в генезисе их европеоидных компонентов.

Таблица 10

Обобщенные невзвешенные краниологические данные эпохи бронзы из Западной Сибири и с сопредельных территорий

№ по Мартину или условное обозначение	Прибайкалье, глазковское время		Афанасьевская культура		Андроновская культура, федоровский вариант		Андроновская культура, алакульский вариант		Черноозерско-томский вариант андроновской общности	
	♂, 2 выборки	♀, 2 выборки	♂, 3 выборки	♀, 3 выборки	♂, 7 выборок	♀, 6 выборок	♂, 3 выборки	♀, 2 выборки	♂, 2 выборки	♀, 2 выборки
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Продольный диаметр	190,45	184,70	191,57	182,27	185,44	176,57	184,90	176,40	183,25	179,00
8. Поперечный диаметр	143,95	139,25	142,80	137,03	141,87	138,35	140,00	132,25	145,80	140,35
17. Высотный диаметр	131,95	126,65	137,43	133,27	138,51	132,00	137,63	130,15	133,35	128,75
8:1. Черепной указатель	75,65	75,55	74,70	75,20	76,71	78,43	75,90	75,10	80,00	79,20
5. Длина основания черепа	104,05	99,65	106,27	102,77	105,86	99,50	105,20	99,65	103,75	98,90
9. Наименьшая ширина лба	95,00	91,95	100,30	97,40	97,27	94,85	97,97	92,95	96,65	94,35
32. Угол профиля лба	77,45	78,65	79,17	84,03	83,30	85,63	82,93	80,65	78,35	79,75
40. Длина основания лица	102,90	99,35	102,03	99,13	101,69	97,28	102,70	95,40	101,95	101,30
45. Скуловой диаметр	140,65	131,15	139,73	129,97	137,41	128,02	135,40	126,50	141,85	130,45
48. Верхняя высота лица	74,75	70,45	71,33	66,03	69,31	66,83	68,97	65,95	70,45	66,15
48:45. Верхний лицевой указатель	53,20	53,75	51,43	50,60	50,50	52,32	51,37	52,55	49,70	51,40
72. Общий лицевой угол	85,70	84,45	85,17	84,27	85,51	84,75	83,70	83,65	84,75	81,00
77. Назомалярный угол	145,85	146,60	137,93	136,07	137,96	138,97	137,30	137,00	141,95	142,55
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	137,15	135,90	128,10	127,73	126,51	126,18	123,60	125,10	133,45	128,25
51. Ширина орбиты	42,55	40,80	44,40	44,63	43,97	42,23	43,13	41,75	45,00	43,10
52. Высота орбиты	34,55	33,80	32,23	31,57	31,89	32,42	32,27	32,15	33,40	33,65
55. Высота носа	55,05	51,10	52,33	48,47	50,60	48,55	50,57	48,05	51,10	48,60
54. Ширина носа	25,75	24,00	26,53	25,33	25,27	24,17	24,40	23,10	25,90	24,45
75(1). Угол выступания носа	24,80	19,30	33,93	30,43	32,19	26,32	29,80	28,15	23,25	23,30
SC. Симотическая ширина	7,75	7,80	8,54	8,10	8,85	8,44	8,77	7,70	8,10	7,70
SS. Симотическая высота	3,65	3,10	5,06	4,73	4,89	4,27	4,98	3,85	4,27	4,05
DC. Дакриальная ширина	22,85	20,20	21,65	19,83	22,59	21,18	23,19	19,30	23,45	21,20
DS. Дакриальная высота	10,70	10,30	13,74	12,70	13,73	11,88	13,89	12,30	12,74	11,70

Окончание табл. 10

№ по Мартину или условное обозначение	Ирменская культура		Ямная культура		Катакомбная культура		Срубная культура	
	♂, 4 выборки	♀, 3 выборки	♂, 3 выборки	♀, 3 выборки	♂, 2 выборки	♀, 2 выборки	♂, 2 выборки	♀, 2 выборки
1	12	13	14	15	16	17	18	19
1. Продольный диаметр	182,85	173,60	187,80	179,17	187,95	179,40	193,90	182,35
8. Поперечный диаметр	143,65	139,57	146,40	141,70	140,80	136,60	138,40	134,65
17. Высотный диаметр	133,57	129,67	138,27	134,53	137,95	131,75	138,90	130,30
8:1. Черепной указатель	79,02	80,53	77,90	79,10	75,25	77,20	72,55	74,40
5. Длина основания черепа	103,37	97,07	107,50	100,80	106,05	99,30	109,90	100,80
9. Наименьшая ширина лба	97,65	93,70	99,70	96,47	98,60	95,75	98,05	94,50
32. Угол профиля лба	82,12	83,67	79,87	83,23	80,10	82,80	81,25	83,75
40. Длина основания лица	102,65	94,70	102,53	97,60	102,50	96,05	107,20	97,85
45. Скуловой диаметр	138,10	129,00	139,80	131,57	135,25	126,20	135,50	123,45
48. Верхняя высота лица	70,02	67,10	70,17	67,40	70,00	66,40	72,20	65,35
48:45. Верхний лицевой указатель	50,60	51,57	51,03	51,10	52,00	52,45	53,15	53,50
72. Общий лицевой угол	85,40	84,47	85,60	85,13	85,00	84,05	84,60	83,95
77. Назомалярный угол	140,30	142,07	137,10	139,27	137,55	141,00	137,80	138,90
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	129,35	128,5	125,87	126,63	125,05	124,70	126,30	125,75
51. Ширина орбиты	44,60	42,23	43,90	42,53	43,25	42,05	43,40	41,70
52. Высота орбиты	31,95	32,63	31,57	31,80	31,70	32,55	32,45	32,30
55. Высота носа	51,00	49,57	50,70	48,43	51,15	47,75	52,00	48,70
54. Ширина носа	25,32	23,87	25,00	24,50	24,85	23,65	25,40	23,80
75(1). Угол выступания носа	27,32	24,20	35,03	29,47	35,00	29,25	34,65	27,75
SC. Симотическая ширина	8,13	8,17	8,62	8,67	9,38	7,35	8,39	7,80
SS. Симотическая высота	4,68	3,97	5,04	4,63	5,14	4,10	4,75	3,65
DC. Дакриальная ширина	21,74	21,10	22,10	21,37	21,90	20,65	21,80	20,15
DS. Дакриальная высота	12,91	11,57	13,33	12,10	13,10	12,20	13,90	11,80

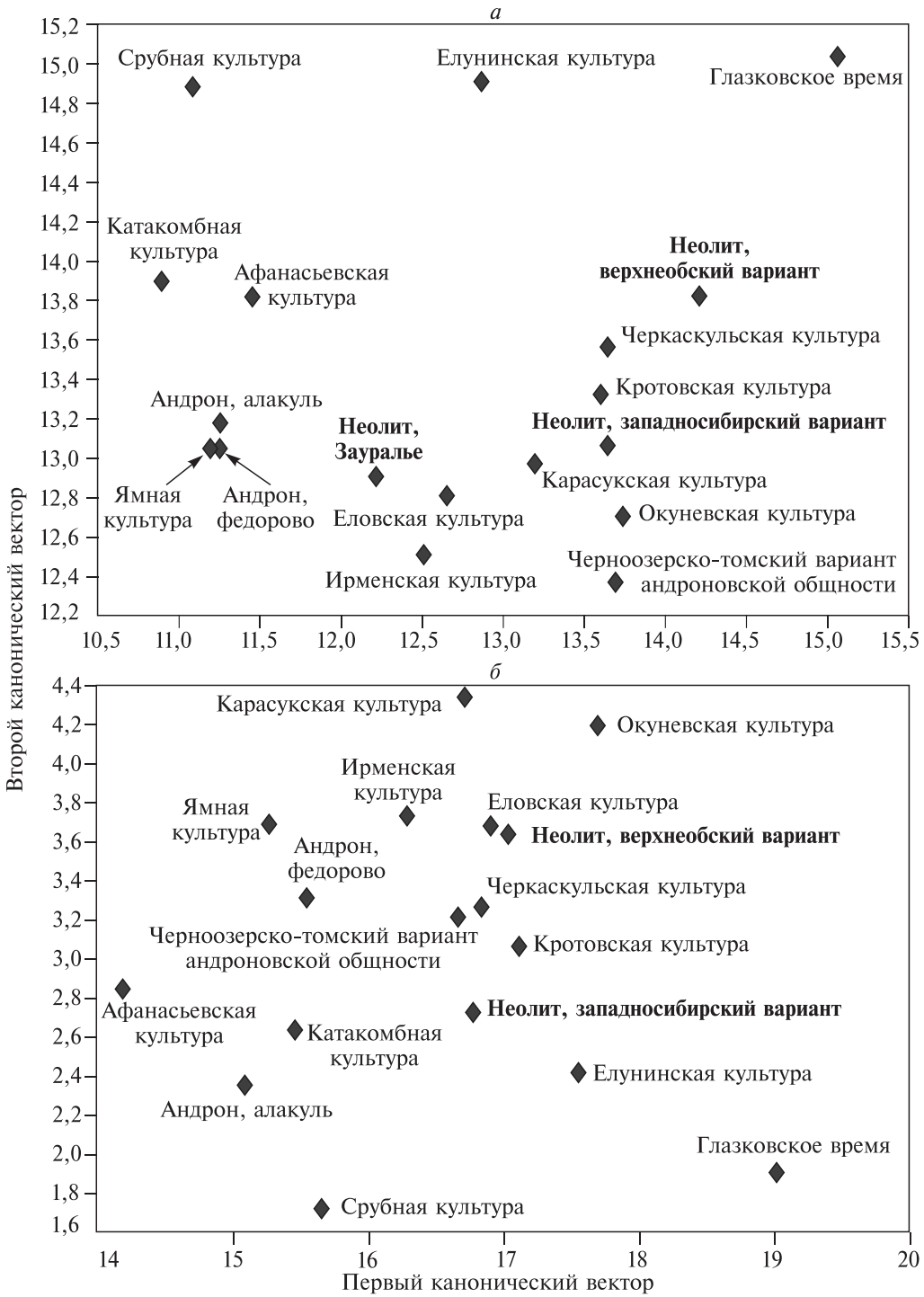
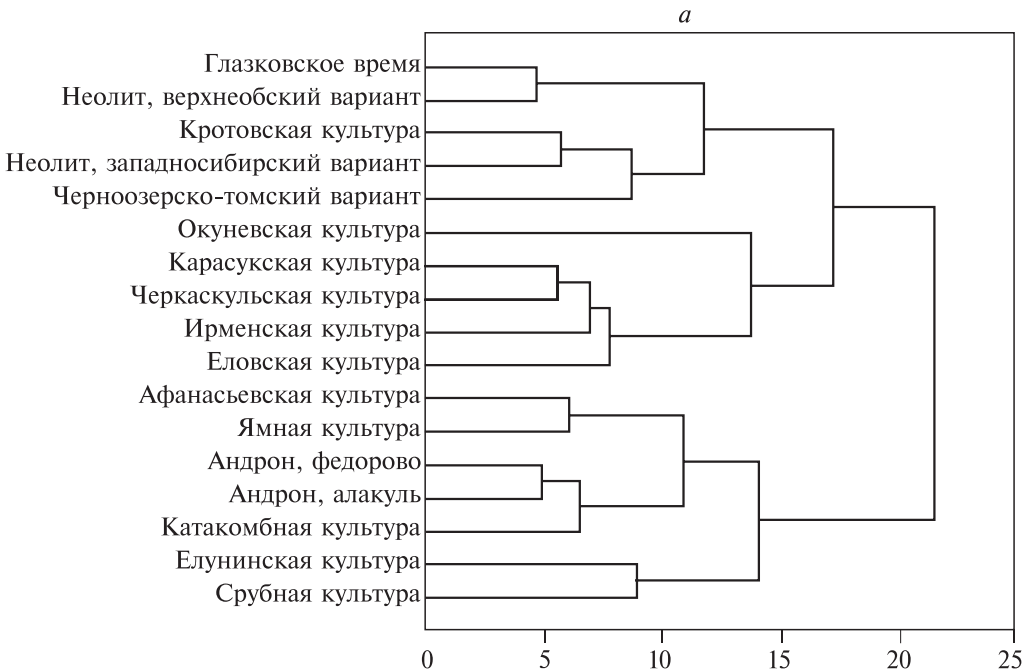


Рис. 11. Взаиморасположение мужских (*а*) и женских (*б*) обобщенных выборок эпох неолита и бронзы в корреляционном поле первого и второго канонических векторов.



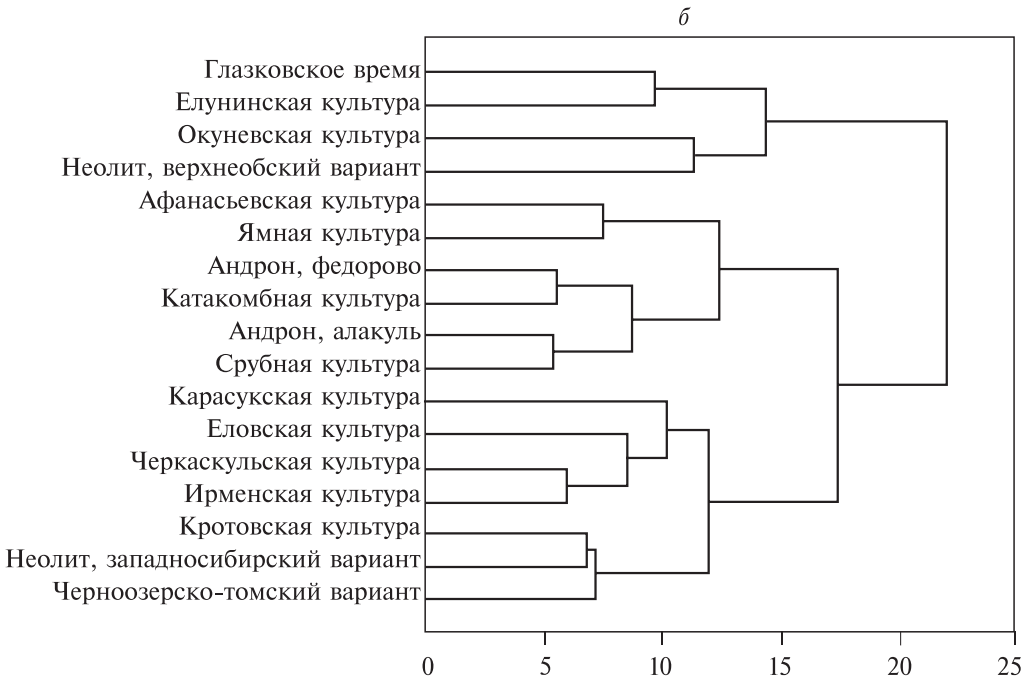


Рис. 12. Кластеризация мужских (*а*) и женских (*б*) обобщенных групп эпох неолита и бронзы.

При сопоставлении серий эпохи неолита с группами бронзового века следует обратить особое внимание на значительное морфологическое сходство неолитических групп, особенно объединенных в собственно западносибирский вариант, с кротовской серией доандроновской бронзы и с черепами из погребений черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности (Еловка 2 и Черноозерье 1), что указывает на преемственность антропологического типа неолитического и части доандроновского населения Западной Сибири. В составе данных групп, как неолитических [Зах, Багашёв, 1998], так и эпохи бронзы [Дрёмов, 1997], отмечено присутствие примеси монголоидных элементов. Причем данный монголоидный компонент морфологически однотипный — невысокий череп, среднеширокое и низкое лицо, малый угол выступания носовых костей при средней высоте переносья, о чем свидетельствуют краниометрические характеристики серии монголоидных черепов из могильника Еловка 2 [Дрёмов, 1997]. Объединяющим моментом выступает и морфологическое сходство между европеоидными основами данной совокупности серий. В.А. Дрёмовым отмечено, что европеоидный компонент в кротовской, еловской и черноозерской сериях неоднороден. Один из них — преобладающий, может быть связан с андроновским (федоровским) населением, другой характеризуется особенностями, несколько отличающими его от типа федоровских черепов (более удлиненная форма мозговой коробки, более высокий, но менее широкий лицевой скелет), что указывает на связь в его происхождении с западными областями, в частности с алакульскими племенами и более ранним населением ямной культуры [Дрёмов, 1990, 1997]. Видимо, поэтому некоторые неолитические группы обнаруживают небольшие морфологические различия не только с выборками из могильников доандроновского периода, но и с сериями андроновского времени и отдельными выборками из поздних бронзовых (ирменских) могильников.

Европеоидная основа неолитических групп верхнеобского варианта также выступает в качестве фактора, морфологически сближающего данные серии (особенно из могильника Иткуль) с серией кротовских черепов и группами черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности. Но монголоидная примесь в составе неолитических серий верхнеобского варианта иного генезиса, нежели в западносибирских группах, да и удельный вес ее заметно выше, поэтому морфологически они обнаруживают тяготение не только к неолитическим восточносибирским популяциям глазковского периода, естественно, расхождения возрастают с европеоидными выборками эпохи бронзы Западной Сибири.

Другое немаловажное наблюдение касается особенностей антропологического типа андроновских (федоровских и алакульских) популяций. Характерный для них морфотип вряд ли может иметь корни в неолитических популяциях юга Западной Сибири. Некоторое сходство обусловлено, скорее всего, наличием в их составе общего древнего палеоевропеоидного субстрата.

Морфологический тип ирменских и черкаскульских популяций занимает промежуточное положение между типом неолитических, кротовских

и черноозерско-томских черепов, с одной стороны, и типом андроновских (федоровских) серий — с другой. Данное наблюдение может служить указанием на то, что облик ирменских черепов во многом сформировался в результате смешения их друг с другом.

Сложность реконструкции формирования антропологических особенностей групп эпох неолита и бронзы на территории Западной Сибири обусловлена принадлежностью их к кругу европеоидных популяций, различия между которыми в силу недостаточности источника зафиксировать намного сложнее, чем между монголоидными выборками. Однако привлечение для этих целей женских материалов позволяет сделать предварительный вывод о том, что население афанасьвской культуры более тесно связано в происхождении с ямными популяциями, западные андроновцы (алакульцы) — с популяциями срубной культуры, а восточные андроновские племена (федоровцы) — с населением катакомбной культуры.

Что касается монголоидного компонента в составе европеоидных групп неолита и бронзы, то они однозначно различного генезиса. С одной стороны, речь идет о влиянии центральноазиатских классических монголоидов Восточной Сибири, с другой — несомненно влияние и низколицых таежных монголоидов Западной Сибири.

Глава 4

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В начале I тысячелетия до новой эры население евразийских степей начинает использовать железо при изготовлении орудий труда и оружия, параллельно происходит становление подвижного скотоводческого хозяйства, при котором бóльшая часть населения вовлекается в периодические перекочевки. В степном поясе повсеместно формируются новые культуры, ознаменовавшие начало новой исторической эпохи — раннего железного века, или эпохи ранних кочевников, которая охватывает время приблизительно с VII–VI вв. до н.э. по IV–V вв. н.э.

Новые культуры, при своеобразии каждой, образуют определенное единство, во многом обусловленное сходной средой обитания, близким уровнем социально-экономического развития, высокой мобильностью населения и рядом других факторов. Это сходство между культурами маркируется в исторической науке понятием «скифо-сибирский мир» («скифо-сибирское единство», «скифо-сибирская общность»). В I тыс. до н.э. возникают крупные племенные объединения, культурное и политическое влияние которых сказывается даже на самых отдаленных соседях. Не остались в стороне от этих крупных исторических явлений и племена, населявшие степные пространства Северной Евразии.

Зауральско-западносибирская лесостепь представляет собой почти идеальную равнину и простирается от восточных склонов Урала до междуречья Иртыша и Оби, включая среднее течение р. Оми, примерно на 1500 км и до 400 км с севера на юг. Географические особенности — удаленность от океанов, открытость для холодного арктического воздуха, Уральские и Алтайские горы на периферии — определяют континентальность климата. Растительный покров отличается ярко выраженной географической зональностью и мозаичностью растительных сообществ: лесов, болот, лугов и степей. Флора исторически связана со среднеазиатскими, а не со среднеевропейскими видами, чему способствовали Уральские горы [Советский Союз, 1971, с. 26–27; Корякова, Сергеев, 1986, с. 90–92].

Переход западносибирских лесостепных племен к новым формам хозяйства во многом связан с изменением природно-климатических условий и оптимальным приспособлением к ним. Позднесуббореальное похолодание сопровождалось увеличением влажности [Шнитников, 1957; Хотинский, 1977; Косарев, 1984], что создавало благоприятные условия для скотоводства. Возможности для занятия земледелием были ограничены по

причине засух, поздних заморозков весной и ранних осенью. На рубеже II и I тыс. до н.э. приходится и резкое усиление (скачок) в заболачивании западносибирской тайги [Львов, 1979, с. 18].

Как и в евразийских степях, экономические новации ведут здесь к распаду родовых отношений и возникновению новых социальных структур. Скот становится одной из форм накопления богатства, что усиливает имущественную и социальную дифференциацию. Благодаря своей мобильности скот превращается в легко отчуждаемое богатство. К началу железного века формируются оптимальные виды и типы вооружения, что вместе с кочеванием обеспечивает преимущество в охране своего и угоне чужого скота [Клейн, 1980, с. 33].

Спецификой исторического развития лесостепного населения Западной Сибири является более длительное, по сравнению с западными и южными областями, господство бронзовых орудий труда и оружия, обусловленное наличием сырьевой базы с налаженной добычей руды для выплавки бронзы, а в связи с удаленностью от древних цивилизаций весьма живучими оказываются традиции производства бронзовых изделий. Отставало по времени и становление подвижного скотоводства, которое повсеместно распространяется в лесостепи лишь к V в. до н.э. [Корякова, 1988, с. 147–148].

§ 1. Материалы по краниологии популяций раннего железа

Могильники раннего железного века в лесостепной полосе Западной Сибири концентрируются в бассейнах основных рек, пересекающих ее в меридиональном направлении (Тобола, Ишима, Иртыша), образуя естественно сложившиеся микрорайоны, в пределах которых выявляются некоторые особенности в погребальной обрядности и датировках памятников. Выделены основные географические территории: Притоболье (включая лесостепное Зауралье), Приишимье, Прииртышье, Бараба, северное Новосибирское Приобье.

По мнению основных исследователей древностей лесостепи — В.А. Могильникова, Л.Н. Коряковой, Н.П. Матвеевой, Л.И. Погодина, Н.В. Полосьмак и др., этногенетические процессы на юге Западно-Сибирской равнины в эпоху раннего железа определялись историческим развитием большой группы племен, обитавших в этих местах почти тысячу лет и оставивших многочисленные свидетельства в виде археологических объектов, объединяемых понятием «саргатская культура». Племена саргатской культуры, территория обитания которых являлась северной периферией ареала степных кочевников «скифо-сибирского мира», не стояли в стороне от крупных исторических событий, их развитие в основных тенденциях определялось сходными закономерностями. Несмотря на это, саргатская культура весьма своеобразна, в ней отмечен ряд специфических черт, особенности истории во многом детерминированы местными условиями и внутренней логикой развития. С V — начала IV в. до н.э. до II–III вв. н.э. саргатская

культура функционировала как самостоятельная система и характеризовалась относительно монолитной территорией и непрерывностью развития.

Периодизация саргатской общности разработана подробно, хронологические рамки этапов ее развития практически являются моделью для остальных культур западносибирской лесостепи, население которых находилось в сфере влияния саргатских племен. Датировки и выделение небольших по времени периодов в истории саргатской культуры небесспорны, но в установлении основных этапов исследователи единодушны (за исключением нижней и верхней границ) [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988, 1997; Могильников, 1992; Матвеева, 1993а, 1994]. В каждом из регионов отмечены некоторые особенности в хронологии этапов саргатской и других культур, речь о которых пойдет далее в соответствующих разделах. Так, выделяются: *I этап*, раннесаргатский, V–III вв. до н.э., формирование культуры; *II этап*, саргатский, II в. до н.э. — II в. н.э., стабилизация, расцвет, максимальное единообразие культуры; *III этап*, позднесаргатский, III — начало V в. н.э., дезинтеграция культуры, распад на локальные образования.

Эта схема укрупнена по хронологическим отрезкам, но для целей антропологического исследования является оптимальной, ибо краниологический материал пока еще не настолько велик, чтобы его можно было разбить по непродолжительным периодам на более или менее репрезентативные выборки. Да и сама датировка погребений, основанная на аналогиях, часто определяется в довольно широких пределах.

Из ***лесостепного Зауралья и Притоболья*** краниологические находки происходят из погребений гороховской и саргатской культур. Ареал памятников гороховской культуры охватывает верхнюю и среднюю Исеть, средний Тобол. Их появление на этой территории датируется V — началом IV в. до н.э. и не фиксируется позже II–I вв. н.э. [Сальников, 1947, 1966, 1967; Стоянов, 1970, 1973]. Исследовано около 50 гороховских погребений, но большинство их разграблено, палеоантропологический материал скуден [Багашёв, 1996] (табл. 11). Выборка неоднородна, в ее составе могут быть отмечены два европеоидных комплекса антропологических признаков:

1) мезо-брахикранный средневысокий череп с широким и невысоким лицом, лептоморфным носом, хорошо профилированным в горизонтальной плоскости переносьем и в подносовой части лицом, но уплощенным на уровне орбит, с большим углом выступания носа. На черепах этого типа наблюдается примесь монголоидного компонента, для которого характерны брахикрания, большая высота мозговой коробки и крупное лицо;

2) мезо-долихокранный средневысокий череп с узкими и высокими лицом и носом, резко профилированными по горизонтали переносьем и лицом, сильным выступанием носовых костей.

Из курганов саргатской культуры в Притоболье и Приисетье исследована выборка из 12 могильников (табл. 11). Интересно отметить некоторые морфологические различия между мужскими и женскими черепами. В частности, если в составе женской выборки отчетливо улавливается

монголоидная примесь, то на мужских черепах она не прослеживается. Монголоидный компонент, наблюдаемый в составе женской части серии, также неоднороден, что отчетливо видно на индивидуальном уровне. Он фиксируется в двух комбинациях признаков: монголоидные особенности в сочетании с массивностью черепа (брахикрания, высокоголовость, широкое и высокое лицо, мало-средневыступающие переносье и носовые кости) и монголоидные черты в комплексе с грацильным строением черепа (мезо-долихокрания, очень низкие череп и лицо при средней их ширине, слабое выступание носовых костей при средней высоте переносья, равномерно уплощенное в горизонтали лицо, а также ряд промежуточных между крайними вариантами форм).

В составе среднеисетской выборки, таким образом, выделяются три основные морфологические комбинации признаков:

1) европеоидная в сочетании с брахикранным средневысоким черепом, с широким и низким лицом, которое в горизонтальной плоскости профилировано дисгармонично (резко на уровне зигомаксиллярных точек, слабо на уровне орбит). Является основной в мужской группе и сопоставима с европеоидным широколицым компонентом гороховской серии. Наряду с этим отмечается незначительное присутствие долихокранного узколицего европеоидного комплекса;

2) монголоидная в сочетании с крупными размерами брахикранного черепа, широким и высоким лицом. Сопоставима с подобной же в составе гороховской выборки;

3) монголоидная в сочетании с грацильным строением долихокранного низкого черепа со среднешироким и низким лицом.

Из курганов на нижней Исети происходят фрагментарные палеоантропологические находки, погребения датируются в широких пределах (IV в. до н.э. — II в. н.э.), но преимущественно в рамках саргатского этапа (табл. 11). Особенности морфологии нижнеисетских черепов во многом сходны со строением среднеисетских, особенно мужских, где основным компонентом является европеоидная комбинация в сочетании с мезо-брахикранным средневысоким черепом, широким и низким лицом.

Территориальная близость, однокультурность и относительная синхронность, отсутствие четких морфологических различий между черепами из саргатских погребений на средней и нижней Исети, совпадающий характер специфики тех и других не выступают препятствием при объединении их в одну серию — исетскую. При этом следует отметить, что морфологические особенности мужских и женских черепов в основном сохраняются. При отсутствии принципиального различия по размерам и пропорциям женские черепа характеризуются относительно более высокими лицом, носом и орбитами, наличием устойчивой тенденции к альвеолярному прогнатизму, менее высоким переносьем и меньшим углом выступания носовых костей, более уплощенным по горизонтали в средней части лицом. Поэтому если на мужских черепах прослеживается весьма незначительная примесь монголоидных элементов, то по морфологическим особенностям женской части группы эта примесь фиксируется отчетливее.

Таблица 11

Средние размеры и указатели черепов из погребений раннего железного века Приисетья и Притоболья

№ по Мартину или условное обозначение	Гороховская культура				Саргатская культура													
					Приисетье													
					Курганская область				Тюменская область				Все Приисетье суммарно					
	♂		♀		♂		♀		♂		♀		♂			♀		
	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1. Продольный диаметр	186,0	4	176,5	2	180,4	8	172,5	8	184,0	3	173,6	4	181,4	11	8,4	172,9	12	8,2
8. Поперечный диаметр	145,2	4	150,0	3	146,6	9	140,4	10	148,5	3	136,0	3	147,0	12	4,8	139,4	13	7,7
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	133,7	3	134,0	2	134,0	4	127,8	6	135,0	1	126,5	2	134,2	5	6,8	127,5	8	5,3
20. Высотный диаметр (*po-b*)	115,5	4	116,0	2	118,7	6	112,3	6	—	—	111,5	2	118,7	6	6,2	112,1	8	5,4
8:1. Черепной указатель	78,3	4	83,6	2	81,4	8	82,8	7	81,0	3	80,5	3	81,3	11	5,1	82,1	10	6,8
17:1. Высотно-продольный указатель	76,8	2	76,2	2	75,0	4	73,7	6	75,8	1	72,3	2	75,2	5	4,7	73,3	8	5,2
17:8. Высотно-поперечный указатель	96,9	2	91,2	2	90,7	4	89,5	5	87,4	1	93,6	2	90,0	5	3,7	90,7	7	5,5
5. Длина основания черепа	98,7	3	103,0	2	104,7	4	95,8	6	—	—	97,0	2	104,7	4	4,8	96,1	8	2,6
11. Ширина основания черепа	133,0	4	125,7	3	131,3	6	124,5	6	141,0	1	116,5	2	132,7	7	5,4	122,5	8	5,4
9. Наименьшая ширина лба	94,2	5	95,5	2	99,3	9	96,0	9	99,6	5	94,0	4	99,4	14	4,6	95,4	13	4,1
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	141,3	2	136,7	2	135,9	5	138,7	5	139,5	4	138,9	4	137,5	9	4,6	138,8	9	3,7
32. Угол профиля лба от *n*.	79,5	4	85,5	2	81,8	5	81,1	7	—	—	87,0	1	81,8	5	4,3	81,9	8	7,8
40. Длина основания лица	97,7	3	98,0	2	100,3	3	93,6	5	—	—	95,0	1	100,3	3	1,4	93,8	6	4,6
40:5. Указатель выступания лица	99,0	3	95,1	2	96,5	3	97,9	5	—	—	96,9	1	96,5	3	1,8	97,7	6	3,2
43. Верхняя ширина лица	108,0	5	104,5	2	110,7	7	107,0	8	112,0	4	103,0	4	111,2	11	4,1	105,7	12	3,0
46. Средняя ширина лица	98,5	2	92,0	2	93,7	3	95,3	6	100,0	3	92,0	1	96,8	6	4,2	94,9	7	2,5
45. Скуловой диаметр	142,5	4	129,5	2	137,8	4	132,0	8	139,0	2	122,0	2	138,2	6	5,2	130,0	10	5,2
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	97,8	3	87,9	2	93,2	4	94,3	7	91,9	2	90,3	2	92,8	6	1,9	93,4	9	5,1
48. Верхняя высота лица	69,0	4	70,0	2	68,2	5	67,6	7	68,0	4	61,0	1	68,1	9	4,0	66,7	8	5,5

47. Полная высота лица	114,7	4	116,0	2	114,0	4	109,9	7	115,0	3	105,0	1	114,4	7	5,7	109,2	8	10,4
48:45. Верхний лицевой указатель	48,4	4	54,6	2	50,0	3	51,4	7	52,6	1	49,2	1	50,6	4	2,2	51,1	8	4,5
72. Общий лицевой угол	83,0	4	85,0	2	85,2	4	84,7	7	—	—	87,0	1	85,2	4	3,3	85,0	8	2,7
73. Средний лицевой угол	84,8	4	87,0	2	85,3	4	87,9	7	—	—	89,0	1	85,3	4	4,6	88,0	8	3,4
74. Угол альвеолярной части	77,1	4	79,0	2	82,8	3	74,3	7	—	—	79,2	1	82,8	3	—	74,9	8	8,1
77. Назомалярный угол	145,1	4	141,0	2	144,0	9	144,7	8	142,1	4	143,8	3	143,4	13	6,0	144,4	11	3,1
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	131,0	3	128,0	2	124,5	3	133,8	6	135,5	2	127,9	1	128,9	5	7,8	133,0	7	3,4
51. Ширина орбиты от *mf.*	43,1	4	44,5	2	44,4	6	42,7	8	46,7	5	42,0	1	45,4	11	2,5	42,6	9	1,6
52. Высота орбиты	31,7	4	33,0	2	31,8	6	33,1	8	31,1	4	34,0	1	31,5	10	1,9	33,2	9	2,3
52:51. Орбитный указатель	73,7	4	74,2	2	71,8	6	77,7	8	66,5	4	81,0	1	69,7	10	5,8	78,1	9	5,3
55. Высота носа	52,0	4	51,5	2	50,6	5	49,0	7	50,2	4	47,0	1	50,4	9	2,6	48,8	8	2,7
54. Ширина носа	24,3	3	23,0	3	25,8	5	24,7	7	25,2	4	22,0	1	25,6	9	1,6	24,4	8	1,6
54:55. Носовой указатель	45,9	3	43,8	2	51,0	5	50,5	7	53,8	3	46,8	1	52,0	8	2,9	50,0	8	2,8
75(1). Угол выступания носа	27,3	4	29,5	2	31,5	2	19,3	6	26,0	2	23,0	1	28,8	4	6,6	19,9	7	4,8
SC. Симотическая ширина	7,08	5	8,70	3	9,90	5	7,78	6	9,53	3	8,90	1	9,76	8	2,7	7,94	7	1,0
SS. Симотическая высота	4,02	5	4,47	3	4,62	5	3,13	6	4,00	3	4,30	1	4,39	8	1,4	3,30	7	1,2
SS:SC. Симотический указатель	57,0	5	51,6	3	47,2	5	39,1	6	42,7	3	48,3	1	45,5	8	11,2	40,4	7	16,2
∠S. Симотический угол	83,6	5	88,8	3	94,9	5	104,9	6	99,9	3	92,0	1	96,8	8	13,9	103,0	7	19,8
DC. Дакриальная ширина	20,78	4	20,23	3	22,28	5	20,68	5	23,03	3	19,80	1	22,56	8	2,8	20,53	6	1,3
DS. Дакриальная высота	13,43	4	11,33	3	13,12	5	10,70	5	12,23	3	10,00	1	12,79	8	1,8	10,58	6	0,7
DS:DC. Дакриальный указатель	64,6	4	56,4	3	60,5	5	52,0	5	53,1	3	50,5	1	57,7	8	12,4	51,7	6	5,0
∠D. Дакриальный угол	75,5	4	84,1	3	80,8	5	88,1	5	87,0	3	89,4	1	83,1	8	11,9	88,3	6	5,2
FC. Глубина клыковой ямки	6,43	3	3,50	2	5,24	5	2,77	7	3,67	3	3,40	1	4,65	8	1,2	2,85	8	1,7
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	113,2	4	106,0	2	107,2	4	103,0	5	113,0	2	104,7	3	107,5	6	8,1	103,6	8	5,4
68. Длина нижней челюсти от углов	84,8	4	75,3	3	84,0	4	78,6	5	84,5	2	78,3	3	84,2	6	6,3	78,5	8	3,7
65. Мыщелковая ширина	131,0	3	121,0	2	128,0	3	114,8	4	128,0	1	115,7	3	128,0	4	5,9	115,1	7	6,1
66. Угловая ширина	115,7	3	97,8	4	105,7	3	96,2	5	107,0	1	98,7	3	106,0	4	7,8	97,1	8	5,4
79. Угол ветви нижней челюсти	121,8	4	117,3	3	118,2	4	120,4	5	115,0	2	123,0	4	117,2	6	7,7	121,6	9	7,7
∠C'. Угол выступания подбородка	68,0	4	69,2	4	66,0	5	69,8	6	64,0	3	69,5	2	65,3	8	6,4	69,7	8	5,0

Продолжение табл. 11

№ по Мартину или условное обозначение	Саргатская культура																	
	Притоболье																	
	Тютрино				Савиново				Мыс и Ипкуль				Тютрино и Савиново					
	♂		♀		♂		♀		♂		♀		♂			♀		
	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37
1. Продольный диаметр	183,6	5	173,5	4	184,8	6	174,0	1	175,5	2	169,5	4	184,3	11	6,1	173,6	5	6,8
8. Поперечный диаметр	147,2	5	141,5	4	150,6	5	143,0	1	145,5	2	135,8	5	148,9	10	6,1	141,8	5	2,4
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	136,0	4	125,0	1	139,3	3	—	—	124,0	1	125,0	3	137,4	7	4,1	125,0	1	—
20. Высотный диаметр (*po-b*)	118,2	5	111,3	3	120,7	3	108,0	1	110,0	1	109,3	3	119,1	8	3,5	110,5	4	3,5
8:1. Черепной указатель	80,3	5	81,7	4	81,1	5	82,2	1	82,9	2	80,4	4	80,7	10	3,3	81,8	5	3,7
17:1. Высотно-продольный указатель	73,2	4	72,7	1	76,0	3	—	—	66,7	1	75,0	3	74,4	7	3,2	72,7	1	—
17:8. Высотно-поперечный указатель	92,1	4	90,6	1	94,1	3	—	—	81,6	1	90,7	3	93,0	7	4,3	90,6	1	—
5. Длина основания черепа	103,0	4	—	—	108,0	2	—	—	101,5	2	96,0	2	104,7	6	5,1	—	—	—
11. Ширина основания черепа	132,4	5	127,5	4	128,7	3	122,0	1	134,5	2	121,7	3	131,0	8	6,0	126,4	5	5,0
9. Наименьшая ширина лба	100,1	7	94,7	4	101,0	5	93,0	2	97,0	2	92,0	6	100,5	12	5,2	94,2	6	3,1
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	142,2	5	136,7	4	141,1	5	142,9	2	146,5	1	143,6	4	141,6	10	3,4	138,8	6	6,3
32. Угол профиля лба от *n*.	77,5	2	80,0	2	83,0	2	73,0	1	77,0	1	82,0	2	80,2	4	6,4	77,7	3	5,7
40. Длина основания лица	103,5	2	—	—	103,0	2	—	—	102,0	1	94,5	2	103,2	4	2,6	—	—	—
40:5. Указатель выступания лица	98,1	2	—	—	95,3	2	—	—	99,0	1	98,4	2	96,7	4	2,2	—	—	—
43. Верхняя ширина лица	112,7	6	104,0	4	110,2	5	109,0	1	106,5	2	103,5	4	111,5	11	6,5	105,0	5	2,9
46. Средняя ширина лица	102,0	2	94,5	2	100,5	2	97,0	1	—	—	90,3	3	101,2	4	1,0	95,3	3	2,9
45. Скуловой диаметр	139,4	5	126,7	3	137,7	3	132,0	1	139,5	2	128,5	2	138,8	8	6,2	128,0	4	3,7
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	94,7	5	90,0	3	92,9	3	92,3	1	95,8	2	91,7	2	94,0	8	4,6	90,6	4	1,9
48. Верхняя высота лица	77,3	3	65,5	2	69,5	4	69,0	1	79,0	1	68,0	3	72,9	7	5,7	66,7	3	3,2
47. Полная высота лица	126,0	2	110,0	2	121,0	1	—	—	125,0	1	114,7	3	124,3	3	5,8	110,0	2	—
48:45. Верхний лицевой указатель	54,6	3	51,1	2	50,7	3	52,3	1	53,4	1	52,5	2	52,6	6	4,0	51,5	3	1,3

72. Общий лицевой угол	86,0	2	87,0	2	88,0	2	85,0	1	83,0	1	85,5	2	87,0	4	1,6	86,3	3	1,5
73. Средний лицевой угол	88,5	2	89,0	2	89,0	2	87,0	1	85,0	1	88,0	2	88,8	4	1,0	88,3	3	1,5
74. Угол альвеолярной части	79,0	2	81,0	2	84,5	2	79,0	1	77,9	1	78,2	2	81,8	4	3,9	80,4	3	1,4
77. Назомалярный угол	145,0	5	138,5	3	147,6	5	146,3	2	137,5	2	146,2	4	146,3	10	5,6	141,6	5	5,5
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	137,5	2	132,2	2	134,9	2	132,2	1	—	—	127,8	2	136,2	4	3,5	132,2	3	2,6
51. Ширина орбиты от *mf.*	45,0	4	43,0	3	45,7	3	44,0	1	51,0	1	43,5	4	45,3	7	2,5	43,2	4	0,5
52. Высота орбиты	33,5	4	33,0	3	33,0	3	35,0	1	36,0	1	32,2	4	33,3	7	1,0	33,5	4	1,3
52:51. Орбитный указатель	74,7	4	76,7	3	72,3	3	79,5	1	70,6	1	74,2	4	73,7	7	4,4	77,4	4	2,4
55. Высота носа	55,5	2	47,5	2	51,2	4	50,0	1	55,0	1	50,0	3	52,7	6	2,9	48,3	3	2,9
54. Ширина носа	26,0	3	23,5	2	25,0	4	23,0	1	29,0	1	23,7	3	25,4	7	1,7	23,3	3	0,6
54:55. Носовой указатель	47,8	2	49,5	2	48,8	4	46,0	1	52,7	1	48,2	3	48,4	6	3,5	48,4	3	2,6
75(1). Угол выступания носа	20,0	2	25,0	2	24,0	2	—	—	21,0	1	21,7	3	22,0	4	4,3	25,0	2	—
SC. Симотическая ширина	6,57	3	8,85	2	7,76	5	6,00	1	7,00	1	8,07	4	7,31	8	1,4	7,90	3	2,8
SS. Симотическая высота	3,67	3	4,55	2	3,82	5	3,30	1	3,00	1	3,60	4	3,76	8	0,9	4,13	3	0,9
SS:SC. Симотический указатель	56,4	3	53,5	2	48,6	5	55,0	1	42,9	1	44,6	4	51,6	8	8,5	54,0	3	8,6
∠S. Симотический угол	83,5	3	86,8	2	92,2	5	84,5	1	98,8	1	96,9	4	89,0	8	9,8	86,1	3	9,3
DC. Дакриальная ширина	23,80	3	24,6	1	22,35	2	—	—	21,2	1	21,02	4	23,22	5	1,4	24,6	1	—
DS. Дакриальная высота	11,93	3	10,9	1	13,40	2	—	—	11,3	1	10,05	4	12,52	5	1,4	10,9	1	—
DS:DC. Дакриальный указатель	50,1	3	44,3	1	60,1	2	—	—	53,3	1	47,6	4	54,1	5	7,2	44,3	1	—
∠D. Дакриальный угол	90,1	3	96,9	1	79,6	2	—	—	83,6	1	93,5	4	85,9	5	7,6	96,9	1	—
FC. Глубина клыковой ямки	5,95	2	3,50	2	5,00	2	3,80	1	—	—	3,95	2	5,48	4	1,0	3,60	3	0,4
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	106,7	4	101,3	3	107,5	4	104,5	2	96,0	1	104,3	3	107,1	8	8,3	102,6	5	3,5
68. Длина нижней челюсти от углов	84,2	4	78,7	3	81,2	4	80,5	2	78,0	2	81,0	3	82,8	8	5,3	79,4	5	2,9
65. Мыщелковая ширина	123,7	3	114,0	2	125,0	1	126,0	1	112,0	1	110,0	2	124,0	4	7,6	118,0	3	7,0
66. Угловая ширина	104,2	4	96,7	3	109,5	2	105,5	2	98,5	2	92,0	2	106,0	6	3,4	100,2	5	10,8
79. Угол ветви нижней челюсти	115,5	6	120,0	3	121,5	4	115,5	2	114,5	2	115,7	3	117,9	10	6,8	118,2	5	3,4
∠C'. Угол выступания подбородка	69,6	5	60,3	3	68,7	3	67,5	2	75,5	2	68,0	2	69,2	8	5,1	63,2	5	6,9

Окончание табл. 11

№ по Мартину или условное обозначение	Саргатская культура											
	Все Притоболье суммарно						Все Приисетье и Притоболье суммарно					
	♂			♀			♂			♀		
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49
1. Продольный диаметр	182,9	13	7,8	171,8	9	7,5	182,2	24	7,9	172,4	21	7,7
8. Поперечный диаметр	148,3	12	6,3	138,8	10	4,6	147,7	24	5,5	139,1	23	6,4
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	135,7	8	6,1	125,0	4	3,3	135,2	13	6,1	126,7	12	4,7
20. Высотный диаметр (*po-b*)	118,1	9	4,5	110,0	7	3,5	118,3	15	5,0	111,1	15	4,5
8:1. Черепной указатель	81,1	12	3,2	81,2	9	4,2	81,2	23	4,1	81,7	19	5,6
17:1. Высотно-продольный указатель	73,4	8	4,0	74,4	4	3,7	74,1	13	4,2	73,7	12	4,6
17:8. Высотно-поперечный указатель	91,5	8	5,6	90,7	4	3,9	91,0	13	4,9	90,7	11	4,8
5. Длина основания черепа	103,9	8	4,6	96,0	2	—	104,2	12	4,3	96,1	10	2,3
11. Ширина основания черепа	131,7	10	6,8	124,6	8	4,7	132,1	17	6,5	123,6	16	5,0
9. Наименьшая ширина лба	100,0	14	5,5	93,1	12	4,6	99,8	29	4,9	94,3	25	4,4
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	142,1	11	4,0	140,7	10	6,3	140,0	20	4,8	139,8	19	5,2
32. Угол профиля лба от *n*.	79,6	5	5,7	79,4	5	4,9	80,7	10	4,9	80,9	13	6,7
40. Длина основания лица	103,0	5	2,3	94,5	2	—	102,0	8	4,8	94,0	8	4,1
40:5. Указатель выступания лица	97,2	5	2,2	98,4	2	—	96,9	8	3,4	97,9	8	2,9
43. Верхняя ширина лица	110,8	13	7,2	104,3	9	2,6	111,0	24	5,8	105,1	21	2,9
46. Средняя ширина лица	101,2	4	1,0	92,8	6	5,2	98,6	10	3,9	93,9	13	4,0
45. Скуловой диаметр	138,9	10	6,8	128,2	6	3,0	138,6	16	6,1	129,3	16	4,5
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	94,4	10	4,2	91,0	6	1,6	93,8	16	3,5	92,5	15	4,1
48. Верхняя высота лица	73,6	8	5,7	67,3	6	2,3	70,7	17	5,5	67,0	14	4,3
47. Полная высота лица	124,5	4	4,7	112,8	5	4,8	118,1	11	7,2	110,6	13	8,6
48:45. Верхний лицевой указатель	52,7	7	3,7	51,9	5	1,3	52,0	11	3,3	51,4	13	3,6

72. Общий лицевой угол	86,2	5	2,3	86,0	5	1,2	85,8	9	2,6	85,4	13	2,3
73. Средний лицевой угол	88,0	5	1,9	88,2	5	1,3	86,8	9	3,4	88,1	13	2,7
74. Угол альвеолярной части	81,0	5	3,8	79,5	5	3,7	81,7	8	3,6	76,7	13	7,0
77. Назомалярный угол	144,9	12	6,5	143,7	9	5,9	144,1	25	6,2	144,1	20	4,5
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	136,2	4	3,5	130,5	5	4,0	132,2	9	7,0	131,9	12	3,7
51. Ширина орбиты от *mf.*	46,0	8	3,1	43,4	8	1,4	45,7	19	2,7	43,0	17	1,5
52. Высота орбиты	33,6	8	1,3	32,9	8	1,6	32,5	18	1,9	33,1	17	1,9
52:51. Орбитный указатель	73,3	8	4,2	75,8	8	3,7	71,3	18	5,4	77,0	17	4,6
55. Высота носа	53,0	7	2,8	49,2	6	2,3	51,6	16	2,9	48,9	14	2,5
54. Ширина носа	25,9	8	2,0	23,5	6	0,8	25,7	17	1,8	24,0	14	1,3
54:55. Носовой указатель	49,1	7	3,6	48,3	6	1,8	50,6	15	3,5	49,3	14	2,5
75(1). Угол выступания носа	21,8	5	3,8	23,0	5	4,0	24,9	9	6,1	21,2	12	4,6
SC. Симотическая ширина	7,28	9	1,3	8,00	7	1,7	8,45	17	2,4	7,97	14	1,3
SS. Симотическая высота	3,68	9	0,9	3,83	7	0,7	4,01	17	1,2	3,56	14	1,0
SS:SC. Симотический указатель	50,6	9	8,5	48,7	7	8,4	48,2	17	9,9	44,5	14	13,1
∠S. Симотический угол	90,1	9	9,7	92,2	7	9,8	93,2	17	12,0	97,6	14	16,0
DC. Дакриальная ширина	22,88	6	1,5	21,74	5	2,4	22,70	14	2,2	21,08	11	1,9
DS. Дакриальная высота	12,32	6	1,4	10,22	5	2,0	12,59	14	1,6	10,42	11	1,4
DS:DC. Дакриальный указатель	54,0	6	6,5	47,0	5	8,0	56,1	14	10,1	49,6	11	6,7
∠D. Дакриальный угол	85,6	6	6,9	94,2	5	9,3	84,2	14	9,8	90,7	11	7,6
FC. Глубина клыковой ямки	5,47	4	1,0	3,74	5	0,8	4,92	12	1,2	3,19	13	1,4
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	105,9	9	8,6	103,2	8	3,1	107,2	15	8,0	103,4	16	4,3
68. Длина нижней челюсти от углов	81,8	10	5,3	80,0	8	4,2	82,7	16	5,6	79,2	16	3,9
65. Мыщелковая ширина	121,6	5	8,5	114,8	5	8,7	124,4	9	7,8	115,0	12	6,9
66. Угловая ширина	104,1	8	4,9	97,9	7	9,7	104,7	12	5,7	97,5	15	7,4
79. Угол ветви нижней челюсти	117,3	12	6,5	117,2	8	7,0	117,3	18	6,7	119,5	17	7,5
∠C'. Угол выступания подбородка	70,5	10	5,4	64,6	7	7,0	68,2	18	6,3	67,3	15	6,4

Савиновские и Тютринские курганы среднего Тобола хронологически вписываются в рамки саргатского этапа, хотя погребения из этих могильников разновременны. Так, в Савиновском могильнике часть погребений датируется II–I вв. до н.э., другая группа относится к I–II вв. н.э. [Матвеев, Матвеева, 1991, с. 48–49; Матвеева, 1993а]. В Тютринском могильнике погребения в курганах 6–10 датируются III–II вв. до н.э., в курганах 1–5 — I–III вв. н.э. [Матвеев, Матвеева, 1985; 1991а, с. 131–138; Матвеева, 1993а, с. 50, 154–155]. По археологическим данным хронологические группы погребений типологически практически не различаются и, видимо, оставлены одним и тем же населением [Матвеева, 1985, с. 77]. Обе группы курганов расположены в 1,5 км друг от друга.

Для мужских черепов из Савиновских курганов характерна мезо-брахикранная форма с большой высотой мозговой коробки, по пропорциям они орто-гипсикранные. Лицо широкое, средневысокое, уплощенное по горизонтали на обоих уровнях, в вертикальной плоскости — ортогнатное. Переносье средней высоты по симотическим размерам и большой — по дакриальным, довольно профилированное при слабом выступании носовых костей. Черепа из Тютринских курганов сходны с савиновскими по абсолютным размерам и пропорциям. Женские черепа из обоих могильников, судя даже по имеющимся неполным данным, также почти не различаются и в целом того же морфологического облика, что и мужские.

Особенностью строения черепов из Савиновских и Тютринских курганов является сочетание выступающего и профилированного в горизонтальной плоскости переносья с относительно более уплощенным лицом и меньшим выступанием носовых костей. Это свидетельствует о присутствии монголоидного компонента, более ощутимого в мужской части серии, особенно из Тютринского могильника, для которого характерны крупное уплощенное лицо и слабое выступание носовых костей, крупный брахикранный высокий череп.

Другой морфологический комплекс, четче прослеживаемый в женской и слабее фиксируемый в мужской группах, характеризуется хорошо профилированным, широким, средневысоким лицом, выступающими носовыми костями и переносьем, мезо-брахикранной среневысокой мозговой коробкой.

В целом можно отметить две основные морфологические комбинации признаков на черепах из Савиново и Тютрино:

1) европеоидный комплекс с широким и невысоким лицом, средневысокой мезо-брахикранной мозговой коробкой;

2) монголоидный комплекс с крупными размерами брахикранного черепа и лица. Его удельный вес выше всего в составе мужской выборки из Тютрино.

Несмотря на некоторые особенности антропологического типа людей, погребенных в Савиновских и Тютринских курганах (обусловленные во многом малочисленностью палеоантропологических находок), морфологическое сходство между ними, особенно в характерных сочетаниях важнейших признаков, служит веским аргументом для суждения о тесной гене-

тической связи между ними. Помимо этого, территориальная близость обеих курганных групп, синхронность в совершении большей части захоронений, сходство в погребальной обрядности и сопровождающем погребения инвентаре [Матвеева, 1985, 1993а; Матвеев, Матвеева, 1991, 1991а, 1996] позволяют с достаточной долей уверенности говорить, что Савиновские и Тютринские курганы оставлены близкородственными группами саргатского населения и представляют, скорее всего, один могильник. Поэтому есть основания для объединения палеоантропологических находок с данных территорий в одну серию — среднетобольскую, которую можно рассматривать в качестве палеопопуляции (табл. 11).

Мысовский и Ипкульский могильники Нижнего Притоболья являются пока самыми северными в ареале саргатских памятников. Из погребений этих могильников получены фрагментарные палеоантропологические находки, которые датируются относительно других саргатских могильников Притоболья более поздним временем: Мысовской — I в. до н.э. — II в. н.э. [Буслова и др., 1989], Ипкульский — III–V вв. н.э. [Корякова и др., 1988].

Несмотря на малочисленность краниометрических наблюдений, видно, что черепа из обоих могильников морфологически не являются однотипными. Так, на мужском черепе из Мысовского могильника монголоидное строение лицевого скелета сочетается с крупными размерами лица, широким лбом, но малой высотой мозговой коробки. А вот на женском черепе из этого же могильника отмечается комплекс признаков, который складывается в европеоидную комбинацию в сочетании с высоким сводом, высоким и среднешироким лицом.

На черепах из Ипкульского могильника также фиксируются как европеоидные, так и монголоидные комбинации признаков, в последнем случае сочетающиеся с низким черепом, низким и среднешироким лицом.

В составе мужской части серии удельный вес монголоидного компонента наибольший по сравнению с другими саргатскими группами Притоболья. В составе женской серии он примерно такого же уровня, как и в других женских группах. Поэтому женские черепа нижнего Тобола морфологически мало отличаются от женских саргатских выборок Приисетья и среднего Тобола.

Как и в других саргатских выборках Притоболья, по палеоантропологическим материалам нижнего Тобола наблюдается несколько морфологических комбинаций, в частности европеоидная в двух вариантах (с высоким черепом, высоким и нешироким лицом; со средневысоким черепом, широким и низким лицом) и монголоидная, также в двух вариантах (с крупным высоким черепом, широким и высоким лицом; с низким черепом, среднешироким и низким лицом).

Анализ характера индивидуальной изменчивости в тоболо-исетской выборке показал реальность существования в ее составе вполне определенных морфологических комплексов. Во-первых, выделились черепа гармоничного монголоидного облика с высокой мозговой коробкой, широким, высоким, плоским по горизонтали лицом, невысоким переносьем и

слабым выступанием носовых костей. Для получения краниометрических данных, максимально рельефно характеризующих это скопление, суммированы измерения трех черепов, наиболее полно отражающие этот морфотип. Подобная процедура проведена и для получения средних показателей других скоплений, речь о которых пойдет ниже. Во-вторых, были выделены черепа также монголоидного облика, но с малой высотой свода, низким и среднешироким лицом. В-третьих, черепа европеоидного облика, для которых характерны средняя высота, высокое переносье и большой угол выступания носа, широкое и невысокое лицо, несколько сильнее уплощенное на уровне орбит, чем в средней части, но в целом довольно профилированное. В-четвертых, европеоидные черепа, для которых свойственны большая высота свода, лица и носа при более или менее узком лице и общей тенденции к долихокрании.

Имеющиеся краниологические материалы из гороховских и саргатских погребений Притоболья не позволяют говорить о специфике либо тех, либо других. Территориальные закономерности индивидуальной изменчивости в силу этих же причин прослеживаются недостаточно определенно. Все же среди гороховских черепов не встречается грацильных монголоидных форм, но они явно преобладают в среднеисетской группе, тогда как в среднетобольской выборке наибольший удельный вес составляют черепа массивного монголоидного типа.

Анализ палеоантропологических данных на межгрупповом уровне, в совокупность которых добавлены средние арифметические характеристики выделенных четырех морфотипов (табл. 12), говорит о правомерности по-

Таблица 12

Краниометрические характеристики морфологических типов из Притоболья по палеоантропологическим данным (мужские и пересчитанные на мужские женские черепа)

Признак	Европеоидные типы		Монголоидные типы	
	Низколицый	Высоколицый	Низколицый	Высоколицый
8:1. Черепной указатель	80,9 (3)	78,4 (3)	85,1 (4)	81,5 (3)
17. Высота черепа	129,3 (3)	135,1 (3)	130,9 (4)	139,8 (3)
9. Наименьшая ширина лба	97,4 (3)	95,6 (3)	93,1 (4)	100,8 (3)
45. Скуловой диаметр	132,7 (3)	134,1 (3)	140,2 (4)	146,4 (3)
48. Верхняя высота лица	65,5 (3)	75,8 (3)	69,9 (4)	76,1 (3)
55. Высота носа	48,5 (3)	55,1 (3)	50,7 (4)	53,3 (3)
54. Ширина носа	23,6 (3)	24,3 (3)	25,1 (4)	26,3 (3)
51. Ширина орбиты от *mf.*	44,5 (3)	46,6 (3)	44,3 (4)	46,6 (3)
52. Высота орбиты	32,8 (3)	33,5 (3)	32,2 (4)	33,4 (3)
(∠D + ∠S):2. Горизонтальный профиль переносья	87,5 (3)	79,7 (3)	103,8 (4)	90,2 (3)
77. Назомалярный угол	139,3 (3)	140,4 (3)	147,3 (4)	145,6 (3)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	126,5 (3)	127,3 (3)	134,0 (4)	136,5 (3)
75(1). Угол выступания носа	28,3 (3)	27,7 (3)	21,5 (4)	23,0 (3)
УЛС	18,1	20,4	72,6	62,6
ПФЦ	90,0	92,0	95,0	94,2
УДМЭ	0,0	7,7	82,2	66,8

добной группировки и указывает на удельный вес тех или иных морфологических комплексов в антропологическом составе территориальных выборок.

Антропологическую основу населения гороховской археологической культуры составляет низколицый европеоидный компонент, в качестве механической примеси фиксируется и высоколицый европеоидный. В генезисе гороховского населения монголоиды сыграли, судя по имеющимся материалам, весьма незначительную роль. Структура саргатского населения Притоболья сложнее. В его формировании влияние высоколицего европеоидного компонента прослеживается слабо, причем если и фиксируется, то преимущественно в виде небольшой примеси на биологическом уровне, в основном наблюдается сочетание низколицего европеоидного компонента и двух монголоидных вариантов в различных пропорциях. Обращает на себя внимание тот факт, что удельный вес морфологических компонентов варьирует в составе мужской и женской частей населения в различных географических районах Притоболья. Например, если в составе мужчин средней Исети четче прослеживается низколицый европеоидный компонент, то в составе женщин — низколицый монголоидный; на нижней Исети — наоборот; мужская группа среднего Тобола сближается с высоколицыми монголоидными вариантами, а женская — с европеоидными выборками из Приисетья.

Подобная ситуация может быть обусловлена тем, что в анализируемых палеоантропологических материалах нашел отражение тот момент образования популяций, когда смешение разнородных в антропологическом отношении элементов еще не привело к нивелировке специфики каждого из них. В пользу такого суждения свидетельствует и нейтральность морфологического типа женских черепов из погребений нижнего Тобола, хронологически самых поздних (III–V вв. н.э.).

Из ***лесостепного Приишимья*** краниологические находки происходят из погребений саргатской и кашинской культур.

Ареал памятников саргатской культуры охватывает преимущественно лесостепную полосу в пределах среднего и нижнего Ишима. Их появление на этой территории датируется около V в. до н.э., а исчезают они в долине Ишима к IV в. н.э. [Генинг, Голдина, 1969; Генинг, Корякова, 1984; Корякова, 1988; Могильников, 1992; Матвеева, 1994]. Палеоантропологический материал происходит из погребений могильников Фоминцево, Абатский 1 и 3, Кокуй 3, Вавилон, Лихачево, Ир, Равнец, Кош-Карагай 2, которые в целом датируются в широких пределах: V в. до н.э. — IV в. н.э. Однако подавляющая часть исследуемых палеоантропологических находок происходит из погребений II в. до н.э. — III в. н.э., т.е. среднего, собственно саргатского этапа эволюции культуры. Краниологические материалы сгруппированы в три серии по могильникам (Фоминцево, Абатский 1, Абатский 3) и в одну сборную (табл. 13).

Фоминцевский могильник. Погребения могильника датируются II в. до н.э. — II в. н.э. [Генинг, Голдина, 1969], хронологически и типологически близки остальным саргатским погребениям Приишимья.

Таблица 13

Средние размеры и указатели черепов из погребений раннего железного века Приишимья

№ по Мартину или условное обозначение	Саргатская культура																
	Абатский 1											Абатский 3					
	I в. до н.э. — I в. н.э.					I–III вв. н.э.			Суммарно								
	♂			♀		Только ♂			♂			♂			♀		
	$\bar{x}$	n	s	$\bar{x}$	n	$\bar{x}$	n	s	$\bar{x}$	n	s	$\bar{x}$	n	s	$\bar{x}$	n	s
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1. Продольный диаметр	181,4	8	7,2	176,0	2	187,7	6	11,0	184,1	14	9,2	181,8	8	5,7	175,8	4	4,2
8. Поперечный диаметр	144,6	7	4,7	144,5	2	147,7	6	6,3	146,0	13	5,5	147,5	8	5,5	139,3	6	3,4
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	134,2	5	4,7	134,0	1	139,0	4	9,0	136,3	9	6,9	138,2	6	7,8	124,0	2	—
20. Высотный диаметр (*po-b*)	115,7	7	3,8	118,0	1	119,0	5	5,4	117,1	12	4,6	119,9	7	3,4	113,8	5	2,6
8:1. Черепной указатель	79,8	7	3,3	82,1	2	78,9	6	5,5	79,4	13	4,3	81,2	8	4,2	80,1	4	2,0
17:1. Высотно-продольный указатель	74,6	5	1,7	76,1	1	76,8	4	3,9	75,6	9	2,9	75,2	6	4,2	70,3	2	—
17:8. Высотно-поперечный указатель	93,9	5	4,1	90,5	1	94,5	4	7,8	94,2	9	5,6	93,9	6	8,2	87,4	2	—
5. Длина основания черепа	102,4	5	4,3	96,0	1	107,3	3	6,5	104,2	8	5,4	105,7	6	4,1	98,5	2	—
11. Ширина основания черепа	131,6	7	3,4	135,0	1	135,2	5	3,1	133,1	12	3,6	131,9	7	4,5	126,0	5	2,8
9. Наименьшая ширина лба	97,8	8	6,7	98,0	2	101,0	5	3,4	99,0	13	5,7	101,4	8	2,3	96,3	7	3,9
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	134,8	1	—	—	—	141,1	5	1,9	140,0	6	3,1	139,7	8	4,2	139,6	6	5,9
32. Угол профиля лба от *n*.	80,8	8	4,7	84,0	1	81,5	4	4,4	81,0	12	4,5	83,3	7	5,9	82,8	4	5,3
40. Длина основания лица	97,2	5	4,5	89,0	1	103,7	4	3,8	100,1	9	5,2	101,7	6	4,4	96,0	2	—
40:5. Указатель выступания лица	94,9	5	3,2	92,7	1	97,0	3	4,4	95,7	8	3,5	96,2	6	2,4	97,5	2	—
43. Верхняя ширина лица	109,1	9	4,3	110,0	1	114,0	6	3,0	111,1	15	4,4	110,9	8	3,8	107,4	9	4,1
46. Средняя ширина лица	98,9	8	6,0	98,5	2	101,8	5	6,8	100,0	13	6,2	102,6	5	8,6	96,1	7	3,1
45. Скуловой диаметр	138,8	8	5,3	137,0	1	144,0	6	4,1	141,0	14	5,4	141,5	6	3,8	130,0	7	4,2
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	95,7	7	3,3	92,6	1	97,4	5	3,7	96,4	12	3,4	95,9	6	3,9	93,9	4	5,1
48. Верхняя высота лица	72,9	8	2,9	68,0	2	71,8	5	4,2	72,5	13	3,4	71,0	8	4,9	69,2	8	3,7
47. Полная высота лица	121,3	6	7,7	108,0	1	118,5	4	7,1	120,2	10	7,2	115,5	6	6,3	113,4	5	5,0

48:45. Верхний лицевой указатель	52,5	7	1,6	47,4	1	49,6	4	2,8	51,4	11	2,5	49,4	6	3,6	52,3	6	3,0
72. Общий лицевой угол	87,1	8	3,9	89,0	1	86,6	5	3,9	86,9	13	3,7	86,2	6	1,9	86,0	5	2,9
73. Средний лицевой угол	89,1	8	3,6	91,0	1	88,7	4	4,1	89,0	12	3,6	87,3	6	2,3	88,0	5	3,9
74. Угол альвеолярной части	81,2	8	5,5	81,0	1	80,2	4	7,5	80,9	12	5,9	82,8	6	1,6	80,0	5	1,2
77. Назомалярный угол	144,5	7	3,9	142,1	1	143,9	5	3,6	144,3	12	3,6	144,1	8	2,1	144,4	8	2,8
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	131,3	8	6,1	132,0	2	131,5	5	6,5	131,4	13	6,0	131,0	4	4,7	134,5	7	3,5
51. Ширина орбиты от *mf.*	45,0	7	2,5	43,4	1	47,2	6	1,2	46,0	13	2,3	47,1	9	2,5	45,5	8	1,5
52. Высота орбиты	33,9	8	2,1	35,3	1	34,0	6	2,2	33,9	14	2,0	33,6	9	2,1	33,2	8	2,7
52:51. Орбитный указатель	75,1	7	4,2	77,4	1	72,1	6	5,5	73,7	13	4,9	71,3	9	3,0	73,1	8	6,0
55. Высота носа	52,2	8	2,4	51,0	2	50,6	5	1,8	51,6	13	2,3	50,9	8	4,0	48,9	8	4,0
54. Ширина носа	25,9	9	1,7	27,8	3	25,4	5	2,1	25,7	14	1,8	25,2	8	1,2	25,1	7	2,0
54:55. Носовой указатель	50,0	8	3,4	55,5	2	50,4	4	2,8	50,1	12	3,1	50,2	7	3,2	50,4	7	4,5
75(1). Угол выступания носа	27,6	7	4,6	30,0	1	29,6	5	2,6	28,4	12	3,9	27,8	6	5,8	21,7	6	4,5
SC. Симотическая ширина	7,74	7	1,3	6,8	1	7,55	4	1,2	7,67	11	1,2	7,60	6	1,2	8,13	7	2,4
SS. Симотическая высота	4,09	7	0,7	3,0	1	5,10	4	0,9	4,45	11	0,9	4,73	6	1,2	3,44	7	0,7
SS:SC. Симотический указатель	52,5	7	7,6	44,1	1	68,7	4	15,0	58,4	11	13,0	62,2	6	11,7	44,2	7	11,9
∠S. Симотический угол	87,0	7	8,7	97,2	1	73,5	4	10,7	82,1	11	11,3	78,5	6	10,1	98,5	7	14,5
DC. Дакриальная ширина	21,01	7	1,5	22,2	1	20,40	4	1,5	20,79	11	1,5	22,18	6	2,7	22,15	6	2,8
DS. Дакриальная высота	11,83	7	1,6	11,2	1	13,65	4	1,4	12,49	11	1,7	13,32	6	1,7	10,32	6	0,8
DS:DC. Дакриальный указатель	55,7	7	6,6	50,9	1	67,3	4	9,5	59,9	11	9,3	60,7	6	10,8	47,0	6	5,4
∠D. Дакриальный угол	83,7	7	7,2	89,5	1	73,8	4	7,7	80,1	11	8,6	79,8	6	9,1	93,8	6	6,8
FC. Глубина клыковой ямки	4,83	9	1,6	4,50	2	5,00	7	2,0	4,91	16	1,6	4,64	8	1,1	3,36	7	1,5
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	107,8	4	7,6	107,0	3	108,9	8	6,5	108,5	12	6,6	109,4	7	3,7	105,3	6	4,3
68. Длина нижней челюсти от углов	85,5	4	5,7	81,8	4	84,4	8	4,2	84,7	12	4,5	84,6	7	4,9	80,0	6	6,6
65. Мыщелковая ширина	126,0	2	—	123,3	3	128,7	6	5,9	128,0	8	5,3	125,5	6	6,1	119,2	6	6,8
66. Угловая ширина	103,0	4	7,3	102,2	4	110,2	8	5,3	107,8	12	6,7	110,9	7	8,6	104,0	6	8,8
79. Угол ветви нижней челюсти	117,0	4	5,2	114,7	3	115,8	8	5,9	116,2	12	5,5	118,0	7	5,8	119,2	6	7,0
∠C'. Угол выступания подбородка	67,5	2	—	67,0	4	67,6	8	5,8	67,6	10	6,5	66,8	8	7,9	65,0	5	5,8

Окончание табл. 13

№ по Мартину или условное обозначение	Саргатская культура														Кашинская культура			
	Фоминцево				Сборная по Приишимью				Все Приишимье суммарно						Абатский 3			
	♂		♀		♂		♀		♂			♀			♂		♀	
	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*
1	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36
1. Продольный диаметр	185,0	5	176,3	3	183,2	8	175,0	2	183,5	35	7,3	175,8	11	4,3	179,8	5	173,5	2
8. Поперечный диаметр	143,4	5	141,7	3	144,0	5	138,0	2	145,6	31	5,1	140,5	13	5,1	143,2	5	136,0	2
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	136,7	3	132,5	2	135,0	1	—	—	136,9	19	6,7	129,4	5	5,0	136,0	2	137,0	2
20. Высотный диаметр (*po-b*)	118,2	5	114,5	2	116,8	4	114,0	1	117,9	28	3,8	114,4	9	2,3	119,0	2	116,5	2
8:1. Черепной указатель	77,6	5	80,4	3	78,2	5	79,0	2	79,4	31	4,1	80,3	11	3,2	79,9	5	78,6	2
17:1. Высотно-продольный указатель	72,3	3	76,2	2	73,4	1	—	—	74,8	19	3,5	73,8	5	3,2	74,5	2	79,1	2
17:8. Высотно-поперечный указатель	95,8	3	95,6	2	91,3	1	—	—	94,3	19	6,1	91,3	5	6,0	92,2	2	100,7	2
5. Длина основания черепа	105,3	3	100,5	2	106,0	1	—	—	105,0	18	4,3	98,8	5	3,1	102,0	2	99,0	2
11. Ширина основания черепа	130,2	5	128,5	2	132,6	5	122,0	1	132,2	29	4,7	127,1	9	4,1	134,0	2	123,5	2
9. Наименьшая ширина лба	101,6	5	90,7	3	98,7	7	96,3	3	99,9	33	4,7	95,4	15	4,5	102,0	7	99,0	2
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	—	—	—	—	135,3	4	137,0	3	138,8	18	4,1	138,7	9	4,9	142,3	7	129,2	2
32. Угол профиля лба от *n*.	80,2	5	83,0	2	85,3	3	—	—	81,9	27	5,1	83,0	7	3,8	84,0	2	83,5	2
40. Длина основания лица	100,0	3	97,5	2	103,0	1	—	—	100,7	19	4,7	95,2	5	5,3	107,0	2	95,0	2
40:5. Указатель выступания лица	94,9	3	96,9	2	97,2	1	—	—	95,8	18	3,0	96,3	5	2,7	104,9	2	96,0	2
43. Верхняя ширина лица	111,2	5	104,7	3	109,1	7	104,0	3	110,7	35	4,1	106,4	16	3,7	112,0	7	107,5	2
46. Средняя ширина лица	100,4	5	94,5	2	99,8	6	—	—	100,5	29	6,6	96,3	11	3,7	102,0	3	95,5	2
45. Скуловой диаметр	140,0	5	132,0	2	137,8	5	126,0	1	140,4	30	4,7	130,6	11	4,2	143,0	2	129,5	2
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	97,6	5	89,8	2	95,7	5	91,3	1	96,4	28	3,2	92,4	8	3,8	97,0	2	95,2	2
48. Верхняя высота лица	71,4	5	65,7	3	66,6	5	72,0	1	71,0	31	4,3	68,5	14	3,5	71,2	5	66,5	2
47. Полная высота лица	122,0	4	113,0	1	112,5	4	—	—	118,0	24	7,3	112,6	7	4,6	113,3	3	110,0	1
48:45. Верхний лицевой указатель	51,0	5	48,8	2	48,2	4	—	—	50,4	26	2,9	51,0	9	3,1	49,0	2	51,3	2

72. Общий лицевой угол	87,2	5	85,5	2	85,7	3	—	—	86,7	27	3,1	86,2	8	3,1	80,0	2	84,5	2
73. Средний лицевой угол	90,0	5	88,5	2	87,3	3	—	—	88,6	26	3,1	88,5	8	4,3	80,0	2	85,0	2
74. Угол альвеолярной части	79,6	5	75,0	2	80,7	3	—	—	81,1	26	4,7	78,9	8	3,4	76,5	2	82,5	2
77. Назомалярный угол	140,0	5	144,7	3	141,7	6	140,4	1	143,0	31	4,3	144,0	13	2,7	148,5	7	138,8	2
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	131,3	5	131,8	2	133,1	4	—	—	131,6	26	5,2	133,6	11	4,2	133,1	2	128,8	2
51. Ширина орбиты от *mf.*	44,5	5	43,0	3	46,2	6	49,0	1	46,1	33	2,3	45,0	13	2,0	44,6	5	43,7	3
52. Высота орбиты	33,7	5	32,7	3	32,6	6	35,0	1	33,6	34	1,9	33,6	14	2,3	33,0	5	32,7	3
52:51. Орбитный указатель	76,0	5	76,1	3	70,4	6	71,4	1	72,8	33	4,4	74,0	13	5,0	73,9	5	74,9	3
55. Высота носа	50,8	5	48,0	3	48,8	5	50,0	1	50,8	31	2,8	49,1	14	3,4	51,8	5	51,0	2
54. Ширина носа	25,0	5	25,9	3	25,1	6	25,0	1	25,4	33	1,6	25,9	14	2,2	25,9	7	24,0	2
54:55. Носовой указатель	49,3	5	54,1	3	52,3	5	50,0	1	50,4	29	3,6	52,0	13	4,8	50,2	5	47,2	2
75(1). Угол выступания носа	26,8	5	26,0	1	25,6	5	14,0	1	27,5	28	4,1	22,2	13	5,5	28,7	3	23,5	2
SC. Симотическая ширина	7,40	5	7,25	2	8,60	5	9,30	2	7,78	27	1,1	8,07	12	2,0	7,50	5	9,75	2
SS. Симотическая высота	3,68	5	2,80	2	4,70	5	3,65	2	4,42	27	1,0	3,33	12	0,8	4,20	5	5,20	2
SS:SC. Симотический указатель	49,5	5	39,4	2	54,9	5	38,4	2	57,0	27	13,0	42,4	12	10,4	55,7	5	53,3	2
∠S. Симотический угол	93,0	5	103,9	2	85,5	5	106,4	2	84,0	27	12,8	100,6	12	13,4	85,1	5	86,5	2
DC. Дакриальная ширина	21,30	5	19,80	2	20,72	4	19,8	1	21,20	26	2,0	21,45	10	2,5	20,53	3	19,50	2
DS. Дакриальная высота	12,30	5	12,30	2	11,32	4	9,0	1	12,47	26	1,5	10,67	10	1,3	12,93	3	12,25	2
DS:DC. Дакриальный указатель	58,4	5	61,9	2	55,0	4	45,5	1	59,1	26	8,9	50,2	10	7,6	63,3	3	62,8	2
∠D. Дакриальный угол	81,5	5	77,8	2	85,1	4	95,5	1	81,0	26	8,2	90,3	10	8,5	77,3	3	77,1	2
FC. Глубина клыковой ямки	4,32	5	4,60	3	5,12	4	1,2	1	4,78	33	1,6	3,65	13	1,6	3,94	5	2,90	2
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	113,7	3	104,5	2	101,2	6	100,5	2	107,7	28	6,6	104,8	13	5,8	108,2	6	96,0	1
68. Длина нижней челюсти от углов	83,7	3	77,0	2	79,5	6	78,5	2	83,5	28	4,6	79,9	14	4,7	85,0	6	72,0	1
65. Мыщелковая ширина	123,3	3	121,0	1	126,0	3	113,5	2	126,2	20	5,7	119,4	12	5,9	129,2	4	—	—
66. Угловая ширина	107,7	3	106,0	1	108,0	6	97,3	3	108,6	28	6,9	102,2	14	7,2	111,8	6	99,0	1
79. Угол ветви нижней челюсти	120,0	3	122,5	2	113,6	7	119,0	3	116,4	29	5,4	118,6	14	5,7	115,5	6	120,0	1
∠C'. Угол выступания подбородка	62,0	3	64,0	2	71,8	6	72,5	2	67,7	27	6,9	66,6	13	5,5	68,0	6	62,0	2

Для мужских и женских черепов характерна мезокранная форма, большие величины продольного и поперечного диаметров сочетаются с большой высотой свода. Лицо довольно широкое, средневысокое, хорошо профилированное. В строении переносья наблюдается сочетание средней его ширины с большой высотой, поэтому в горизонтальной плоскости переносье выглядит весьма профилированным, угол выступания носовых костей большой.

В плане индивидуальной диагностики мужские и женские черепа различаются слабо и их характеристики в целом соответствуют групповой, но серию трудно признать гомогенной. В составе фоминцевской выборки могут быть отмечены в примерно паритетной пропорции два европеоидных комплекса антропологических признаков:

1) мезо-брахикранный средневысокий череп с широким, невысоким, хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом, выступающим переносьем и большим углом выступания носа;

2) мезо-долихокранный высокий череп со среднеширокими, высокими лицом и носом, профилированными по горизонтали переносьем и лицом, сильным выступанием носовых костей.

Нельзя исключить и примеси в данной серии различающихся в морфологическом отношении монголоидных компонентов, весьма незначительных в составе мужской части группы (высокий череп, крупное и уплощенное лицо, широкий лоб) и более заметных в женской (низкий череп, среднеширокое и низкое лицо, узкий лоб).

Могильник Абатский 1. Исследовано пять курганов этого могильника. Погребения из курганов 1, 2 и 4 датируются относительно других более ранним временем — I в. до н.э. — I в. н.э., погребения из курганов 3 и 5 — I–II вв. н.э. [Мошкова, Генинг, 1972; Матвеева, 1993, 1994], но в целом хронологически обе группы вписываются в рамки саргатского этапа.

Черепа из этого могильника мало отличаются по морфологии от черепов из Фоминцевского могильника. В выборке из могильника Абатский 1 преобладают черепа европеоидного облика. Однако европеоидные черты складываются в несколько различные комбинации. Например, на отдельных черепах европеоидное строение лицевого скелета и переносья в комплексе с большим углом выступания носа сочетается в одних случаях с небольшой высотой мозговой коробки, невысоким лицом при значительной его ширине, а в других — с большой высотой свода, высоким, нешироким или даже узким лицом.

Черепов монголоидного облика среди абатской 1 группы не наблюдается, но примесь монголоидного компонента хорошо фиксируется. Присутствие монголоидных черт выражается в усилении горизонтальной уплощенности переносья и лицевого скелета на обоих уровнях, но угол выступания носа с данным комплексом корреляционно не связан. В целом антропологический тип ранних и поздних черепов из могильника Абатский 1 весьма сходен, поздние черепа лишь по абсолютным размерам крупнее и имеют более профилированное по горизонтали переносье.

Отмечаются две основные комбинации признаков в строении черепов из могильника Абатский 1:

1) европеоидный комплекс с широким и невысоким лицом, средневысокой мезо-брахикранной мозговой коробкой;

2) европеоидный комплекс со среднешироким или узким высоким лицом, высокой мезо-долихокранной мозговой коробкой.

Можно отметить наличие небольшой монголоидной примеси на черепах обоих типов, что выражается в усилении горизонтальной уплощенности лица и переносья, но не затрагивает степени выступания носовых костей.

Несмотря на некоторые особенности физического типа людей, погребенных в могильнике Абатский 1 в I в. до н.э. и позднее, в I–II вв. н.э., значительное морфологическое сходство между сериями, особенно в характерных сочетаниях важнейших признаков, служит свидетельством тесных родственных связях между ними. Некоторая разновременность погребений не выступает препятствием для объединения ранних и поздних черепов в одну палеоантропологическую выборку, которую можно рассматривать в качестве палеопопуляции.

Могильник Абатский 3. Расположен в 9–10 км от могильника Абатский 1. Исследовано шесть курганов, саргатские погребения из них датируются II–IV вв. н.э. [Матвеева, 1994, с. 96–100], т.е. данный могильник функционировал преимущественно в пределах позднего саргатского этапа.

Мужские и женские черепа сходны по основным размерам и пропорциям. Следует отметить, однако, что в женской группе относительно у́же и выше лицо, менее высокое и профилированное переносье, слабее выступают носовые кости. Именно этот комплекс признаков несколько усиливает степень выраженности монголоидных черт женской части выборки. По морфологии черепа данной выборки во многом сходны с черепами из могильника Абатский 1, особенно мужские. Основным антропологическим комплексом также выступает европеоидная комбинация в двух вариантах: 1) в сочетании с мезо-брахикранным средневысоким черепом, широким и низким лицом; 2) в сочетании с мезо-долихокранным высоким черепом, среднешироким и высоким лицом. Удельный вес последнего компонента чуть выше.

В мужской и женской группах встречаются черепа гармоничного монголоидного облика, для которых характерны низкий свод, среднеширокое низкое лицо, слабопрофилированное в горизонтальной плоскости невысокое переносье и малый угол выступания носа. В отдельных случаях уплощенность лицевого скелета сопровождается большой высотой мозговой коробки, широким и высоким лицом. Следует отметить невысокий уровень корреляции между уплощенностью лица и переносья, с одной стороны, и степенью выступания носовых костей — с другой, свойственный и черепам из могильника Абатский 1.

В антропологическом составе серии из могильника Абатский 3, таким образом, прослеживаются в основном три морфологические комбинации

признаков, причем если по мужским черепам проявляется весьма незначительная примесь монголоидных элементов, то в составе женской группы эта примесь фиксируется более отчетливо:

1) европеоидная в сочетании с мезо-долихокранной высокой мозговой коробкой, среднешироким и высоким лицом, отчетливее прослеживается в строении мужских черепов;

2) европеоидная в сочетании с мезо-брахикранной невысокой мозговой коробкой, широким и невысоким лицом, фиксируется как компонент в составе мужской и женской частей серии;

3) монголоидная в сочетании с брахикранной низкой мозговой коробкой, широким и низким лицом, отчетливее наблюдается преимущественно по женским черепам.

Сборная серия. Из нескольких саргатских курганов Приишимья (Лихачево, Кош-Карагай 2, Ир, Равнец, Вавилон, Кокуй 3), расположенных компактно в Абатском районе Тюменской области, получены единичные палеоантропологические находки, которые сгруппированы по территориальному принципу. Погребения датируются в пределах саргатского этапа: III в. до н.э. — II в. н.э. [Мошкова, Генинг, 1972; Косинская, 1974; Генинг, Корякова, 1984; Матвеева, 1994].

Особенности морфологии черепов сборной серии во многом близки ранним черепам из могильника Абатский 1, где основным компонентом является европеоидная комбинация в сочетании с мезо-брахикранным средневысоким черепом, широким и низким лицом. Однако в сборной выборке фиксируется больший удельный вес монголоидной примеси, о чем свидетельствуют менее высокое переносье, слабее выступающие носовые кости. Судя по морфологии мужских черепов из Вавилона, монголоидное строение лица сочетается с малой его высотой и небольшой шириной, средним выступанием носовых костей и в целом с невысокой грацильной долихокранной мозговой коробкой.

В целом отмечаются две основные комбинации признаков в строении черепов сборной группы:

1) европеоидный комплекс с широким и невысоким лицом, низкой орбитой, средневысокой мезо-брахикранной мозговой коробкой;

2) монголоидное строение лицевого скелета в сочетании со средним выступанием носовых костей, нешироким и низким лицом, невысокой долихокранной мозговой коробкой.

В раннем железном веке в подтаежном Тоболо-Ишимье фиксируются памятники кашинского типа. Кашинская археологическая культура, по мнению исследователей, формировалась на основе местных традиций под сильным воздействием саргатских племен и существовала довольно длительное время, приблизительно с IV в. до н.э. до IV–V в. н.э. [Викторова, 1967; Викторова, Кернер, 1988; Матвеева, 1994]. В могильнике Абатский 3 в кургане 2 обнаружены два одиночных и пять коллективных захоронений, типологически отнесенных к погребениям кашинского типа и датируемых IV–V вв. н.э., т.е. временем перехода от эпохи раннего железа к средневековью [Матвеева, 1994, с. 130–142]. По способу погребения и со-

провождающему инвентарю данные захоронения сближаются с поздними кулайскими некрополями, а также с раннесредневековыми памятниками [Матвеева, 1994, с. 137–139].

Мужские черепа характеризуются мезокранной формой мозговой коробки, средние величины продольного и поперечного диаметров сочетаются с большой высотой свода (табл. 13). Лицо очень широкое и невысокое. В строении переносья наблюдается сочетание небольшой его ширины с большой высотой, поэтому в горизонтальной плоскости переносье выглядит хорошо профилированным. Угол выступания носовых костей большой.

Как видно, краниологический тип мужских черепов обладает европеоидным строением, но при этом наблюдается уменьшение общей горизонтальной профилированности лицевого скелета, что может свидетельствовать о присутствии незначительной монголоидной примеси.

Женские черепа по морфологии принципиально не отличаются от мужских, но характеризуются относительно более высоким сводом, нешироким лицом, а также заметно более высоким переносьем и профилированным по горизонтали лицевым скелетом, поэтому они имеют более гармоничное европеоидное строение, что не дает оснований говорить о присутствии в их составе монголоидной примеси.

Таким образом, в составе кашинской выборки фиксируется в качестве преобладающего европеоидный комплекс антропологических признаков, для которого свойственен мезокранный высокий череп с широким невысоким лицом, профилированным в горизонтальной плоскости переносьем и большим углом выступания носа.

Анализ особенностей индивидуальной изменчивости палеоантропологических материалов из могильников долины Ишима позволяет говорить о наличии нескольких компонентов в их составе. Это группа черепов с высокой мозговой коробкой, широким, высоким, плоским по горизонтали лицом и невысоким переносьем, широкой орбитой. Часть черепов с уплощенными лицом и переносьем, но с небольшой высотой свода, низким и среднешироким лицом, более узкими орбитами. Также выделяется группа мезо-долихикранных черепов европеоидного облика, для которых характерны средняя высота, высокое переносье, среднеширокое, низкое, хорошо профилированное лицо. Наконец, группа европеоидных черепов, для которых свойственны большая высота свода, лица и носа при более широком лице и орбите, общей тенденции к долихокрании. Краниометрические характеристики выделенных компонентов представлены в табл. 14.

Характер изменчивости черепов из саргатских и кашинских погребений Приишимья не дает оснований говорить о своеобразии либо тех, либо других, но среди кашинских черепов не встречается европеоидных форм с небольшой высотой мозговой коробки и низким лицом, что, видимо, и определяет их специфику. Горизонтальная уплощенность лицевого скелета мужских кашинских черепов, по остальным показателям явно европеоидных, обуславливает стойкую тенденцию их тяготения к монголоидным вариантам.

Таблица 14

Краниометрические характеристики морфологических типов из Приишимья по палеоантропологическим данным (мужские и пересчитанные на мужские женские черепа)

Признак	Европеоидные типы		Монголоидные типы	
	Низколицый	Высоколицый	Низколицый	Высоколицый
8:1. Черепной указатель	78,0 (3)	77,9 (3)	81,2 (3)	79,8 (3)
17. Высота черепа	133,6 (3)	143,1 (3)	134,2 (3)	136,2 (3)
9. Наименьшая ширина лба	94,4 (3)	101,9 (3)	96,8 (3)	105,3 (3)
45. Скуловой диаметр	134,8 (3)	141,9 (3)	138,2 (3)	146,0 (3)
48. Верхняя высота лица	69,0 (3)	71,1 (3)	65,8 (3)	75,5 (3)
55. Высота носа	50,0 (3)	52,6 (3)	47,4 (3)	53,2 (3)
54. Ширина носа	24,7 (3)	25,2 (3)	25,1 (3)	27,0 (3)
51. Ширина орбиты от *mf.*	42,6 (3)	47,5 (3)	44,1 (3)	48,2 (3)
52. Высота орбиты	32,2 (3)	33,9 (3)	32,8 (3)	34,5 (3)
(∠D + ∠S):2. Горизонтальный профиль переносья	79,4 (3)	75,1 (3)	92,4 (3)	91,2 (3)
77. Назомалярный угол	138,5 (3)	141,1 (3)	146,2 (3)	145,5 (3)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	127,0 (3)	128,2 (3)	137,2 (3)	137,9 (3)
75(1). Угол выступания носа	29,4 (3)	27,6 (3)	27,2 (3)	26,2 (3)
УЛС	16,8	25,6	58,9	54,8
ПФЦ	91,1	89,7	91,6	92,7
УДМЭ	0,0	1,6	49,2	50,2

Межгрупповой популяционный анализ палеоантропологических данных, включающий метрические характеристики описанных выше компонентов, демонстрирует морфологическую специфику территориальных выборок и удельный вес в их составе тех или иных комплексов. Антропологическую основу населения саргатской и кашинской археологических культур Приишимья составляет европеоидный компонент. В отличие от Притоболья, в Приишимье намного слабее фиксируется механическая примесь монголоидных элементов. Это выражается в том, что показатели горизонтальной уплощенности лица и переносья не связаны корреляционно с углом выступания носовых костей ни на индивидуальном, ни на групповом уровнях, поэтому в одних случаях довольно плоское лицо сопровождается большим углом выступания носа, а в других, наоборот — слабое выступание носовых костей сочетается с резко профилированным в горизонтальной плоскости лицом и высоким переносьем. На этом основании можно полагать, что монголоидный компонент в составе саргатского и кашинского населения Приишимья присутствует в качестве примеси на биологическом уровне.

Однако ни европеоидная основа, ни монголоидный компонент не являются однородными. В составе европеоидного пласта проявляются два комплекса. Один из них характеризуется высоким мезо-долихокранным черепом, высоким, среднешироким, хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом, высоким и узким переносьем, большим углом выступания носовых костей. Вполне отчетливо данный компонент фиксируется в составе женской кашинской группы и среди мужских черепов могильников Абатский 1 (поздних) и 3. Этот же европеоидный компо-

нент, но с примесью монголоидных особенностей является характерным для кашинских мужских и женских (ранних) черепов могильника Абатский 1. Для второго типа свойственны мезо-брахикранная форма невысокого черепа, низкое лицо, профилированное в средней части, но относительно более уплощенное в верхней части, широкое и высокое переносье, большой угол выступания носовых костей. Он отчетливо просматривается среди мужских черепов из Фоминцево; в составе сборной группы, мужских черепов (ранних) из Абатского 1 и женских черепов из Фоминцево преобладает этот же компонент, но черепа данных групп несут на себе примесь монголоидных черт. Женская выборка из могильника Абатский 3 морфологически срединна между европеоидными типами и характеризуется наибольшим среди анализируемых групп удельным весом монголоидной примеси.

Следует отметить, что все саргатские женские выборки характеризуются по сравнению с мужским и более монголоидным строением. Монголоидный компонент в морфологическом отношении, видимо, неоднороден. По имеющимся материалам проявляется (хотя и слабо) корреляционная зависимость степени уплощенности лицевого скелета и величин фациоцеребральных соотношений с высотой мозговой коробки, высотой лица и носа, шириной лба. Другими словами, монголоидное строение лицевого скелета и черепа в целом в одном случае связано с грацильной структурой невысоких черепов, в другом — с массивной структурой высоких черепов. Обе вышеописанные комбинации признаков сочетаются с брахикранной формой черепа и большой шириной лица. Но фиксируется и сочетание признаков первого типа с долихокранной формой мозговой коробки и среднешироким лицом.

При сравнении саргатских групп в хронологическом аспекте проявляются некоторые интересные тенденции. Если в составе ранней (I в. до н.э. — начало I в. н.э.) серии из могильника Абатский 1 четче фиксируется присутствие европеоидного компонента с невысокими черепом и лицом, низкими орбитами, то в поздней группе (I–II вв. н.э.) этого же могильника для европеоидного компонента характерны высокий череп, более широкое лицо, широкие и высокие орбиты. Выборка из могильника Абатский 3 (II–IV вв. н.э.) занимает в морфологическом отношении промежуточное положение между двумя первыми. На основании данного наблюдения можно полагать, что население, оставившее могильник Абатский 1, в антропологическом плане еще гетерогенно, низкоголовый европеоидный компонент предшествует по времени европеоидному компоненту с высокой головой, но антропологический состав населения, оставившего некрополь Абатский 3, выглядит уже достаточно однородным.

Для морфологического типа женской части саргатского населения, по материалам Абатских могильников, характерны отчетливее выраженные монголоидные особенности, которые со временем проступают еще рельефнее. Однако строение женских черепов из погребений кашинской культуры (IV–V вв. н.э.) не дает оснований говорить о монголоидной примеси.

Образование популяций саргатской культуры Приишимья, таким образом, протекало преимущественно на основе европеоидного пласта, в составе которого фиксируются два антропологических компонента, каждый из которых характеризуется морфологическим своеобразием и, скорее всего, особым путем генезиса. Во II–I вв. до н.э. в саргатском населении наблюдается преобладание низкоголового компонента, в I–II вв. н.э. несколько возрастает удельный вес высокоголовых форм, различия между которыми к III–IV вв. н.э. нивелируются.

Хорошо прослеживается, преимущественно в виде примеси на биологическом уровне, влияние на антропологический облик саргатских популяций монголоидного населения. По имеющимся материалам, структура монголоидного компонента вырисовывается как неоднородная. Одна из комбинаций состоит, видимо, из двух морфологических вариантов — грацильных низкоголовых долихокранного и брахикранного, для другой характерна массивность строения высокого черепа.

Между антропологическими типами саргатского и кашинского населения Приишимья нет принципиальных различий, можно говорить о родстве между ними. В генезисе населения кашинской культуры участвовали те же европеоидные компоненты, что и в формировании саргатских групп Приишимья, аналогична и монголоидная примесь.

Из ***лесостепной полосы Прииртышья*** краниологические находки происходят только из курганов саргатской культуры. Здесь обнаружены как наиболее ранние, так и наиболее поздние памятники. Судя по скоплению крупных курганов и поселений, а также по богатству обнаруженного инвентаря, именно на Иртыше локализовались самые сильные, главенствующие роды или племена саргатского этнического образования, а плотность населения была наивысшей по сравнению с другими микрорайонами распространения саргатских памятников [Могильников, 1992, с. 293, 296–297].

Саргатские могильники и курганы располагаются в пределах лесостепной полосы среднего течения Иртыша, их появление датируется VI–V вв. до н.э., а исчезновение — III–IV в. н.э. [Генинг и др., 1970; Корякова, 1979, 1988; Труфанов, 1986; Погодин, 1991, 1992; Погодин, Труфанов, 1991; Матющенко, Татаурова, 1997]. Серийный палеоантропологический материал происходит из могильников Стрижево (1, 2), Исаковка (1, 3), Бещаул (2–4), Богданово (1–3), черепа из могильников Горная Бития и Красноярка объединены, Коконовка (1–3), а единичные краниологические находки из могильников Окунево 2, Карташево 2, Сидоровка 1, Сибирская Саргатка 1, Саргатка и Новооболонь сгруппированы в сборную серию (табл. 15).

Стрижево. Погребения курганной группы Стрижево 2 датируются автором раскопок Л.И. Погодиным III–II вв. до н.э., Стрижево 1 — III–V вв. н.э., т.е. вторая курганная группа функционировала преимущественно в рамках саргатского, а первая — позднесаргатского периода развития культуры, причем со значительным временным разрывом. Поэтому краниологические материалы из обеих курганных групп интересно рассмотреть по отдельности, несмотря на малую численность наблюдений.

Антропологический тип ранних и поздних черепов из Стрижевского могильника в целом сходен. По их строению можно отметить две основные европеоидные комбинации признаков. Одна в комплексе с низким лицом, средневысокой мезо-брахикранной мозговой коробкой, другая в сочетании с высоким лицом, высокой мезо-долихокранной мозговой коробкой. Отчетливо фиксируется примесь монголоидного компонента, для которого характерны широкое и низкое лицо и невысокая мезо-брахикранная мозговая коробка. Расхождение между ранними и поздними черепами обусловлено различным удельным весом данного монголоидного компонента.

Исаковка. Расположен близ могильника Стрижево. Исследованы две курганные группы. Погребения могильника Исаковка 3 датируются концом III — началом I в. до н.э. [Погодин, Труфанов, 1991, с. 125], преимущественно в пределах саргатского этапа. Курганная группа Исаковка 1 функционировала позднее — во II–IV вв. н.э. [Погодин, 1991, с. 22], в рамках позднесаргатского этапа.

Особенности морфологии поздних и ранних черепов во многом совпадают, особенно женских. Поздние мужские черепа имеют менее высокую и более широкую мозговую коробку, более высокое лицо, чуть менее высокое переносье и меньший угол выступания носовых костей, что в целом свидетельствует о примеси монголоидного компонента в составе поздней группы, но весьма незначительной. Это говорит о той же тенденции, что проявляется и при анализе краниологических материалов из Стрижево: с течением времени происходит увеличение удельного веса монголоидных элементов.

Позднюю группу из Исаковки 1 трудно характеризовать как однородную, в ней присутствуют различающиеся по морфологии черепа. В целом европеоидное строение черепа в одних случаях сочетается с малой высотой лица и мезо-брахикранной формой мозговой коробки, в других — с большой высотой лица и мезо-долихокранной формой черепа. Низколицый европеоидный комплекс аналогичен тому, что фиксируется в составе группы из Исаковки 3 (ранней), высоколицый — сходен с тем, что прослеживается в составе выборки из Стрижево 2 (поздней).

В серии из Исаковки 1 встречаются черепа монголоидного облика, но в одних случаях брахикрания, уплощенность лицевого скелета и слабое выступание носовых костей связаны с малой высотой широкого лица, в других — с большой высотой лица.

Антропологический тип людей, погребенных в могильнике Исаковка 3, в целом можно охарактеризовать как европеоидный без примеси монголоидных элементов, особенностями которого являются низкое и широкое лицо, низкие и широкие орбиты, средняя высота мезо-брахикранной мозговой коробки. Краниологические особенности серии из могильника Исаковский 1 также свидетельствуют о принадлежности погребенных здесь людей к европеоидным популяциям. Однако европеоидные признаки образуют в основном две морфологические комбинации: 1) в сочетании с мезо-долихокранной высокой мозговой коробкой, среднешироким и высоким лицом; 2) в комплексе с мезо-брахикранной невысокой

Таблица 15

Средние размеры и указатели черепов из саргатских погребений раннего железного века Прииртышья

№ по Мартину или условное обозначение	Стрижево 2 (III–II вв. до н.э.)					Стрижево 1 (III–V вв. н.э.)					Стрижево 2 и 1 суммарно					
	♂			♀		♂			♀		♂			♀		
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1. Продольный диаметр	188,7	8	8,9	177,0	2	187,5	6	6,4	177,5	2	188,2	14	7,7	177,2	4	1,0
8. Поперечный диаметр	144,7	8	5,3	136,5	2	148,2	6	8,1	142,0	2	146,2	14	6,6	139,2	4	3,8
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	134,9	7	7,4	129,5	2	134,8	5	5,0	131,5	2	134,8	12	6,2	130,5	4	3,3
20. Высотный диаметр (*po-b*)	115,9	7	6,9	107,5	2	117,2	6	4,8	113,5	2	116,5	13	5,8	110,5	4	3,5
8:1. Черепной указатель	76,8	8	3,1	77,1	2	79,1	6	5,6	80,0	2	77,8	14	4,3	78,5	4	1,9
17:1. Высотно-продольный указатель	72,5	7	3,8	73,1	2	72,4	5	3,4	74,0	2	72,5	12	3,4	73,6	4	1,6
17:8. Высотно-поперечный указатель	93,4	7	4,9	94,8	2	90,1	5	5,0	92,6	2	92,1	12	5,0	93,7	4	2,6
5. Длина основания черепа	104,6	7	3,9	96,0	1	105,4	5	4,3	98,5	2	104,9	12	3,9	97,7	3	1,5
11. Ширина основания черепа	129,1	7	4,9	125,0	2	131,8	6	6,6	125,0	2	130,4	13	5,6	125,0	4	3,5
9. Наименьшая ширина лба	99,1	9	5,5	96,0	2	99,3	6	5,2	96,2	4	99,2	15	5,2	96,2	6	3,0
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	137,5	8	3,7	135,3	2	138,4	6	5,9	140,2	4	137,9	14	4,6	138,6	6	4,8
32. Угол профиля лба от *n*.	79,8	6	6,3	78,0	2	80,2	6	3,8	85,5	2	80,0	12	4,9	81,7	4	4,8
40. Длина основания лица	100,6	5	6,0	97,0	1	101,8	5	2,6	96,0	2	101,2	10	4,4	96,3	3	1,2
40:5. Указатель выступания лица	97,6	5	4,2	101,0	1	96,7	5	3,0	97,4	2	97,1	10	3,5	98,6	3	2,1
43. Верхняя ширина лица	109,8	9	3,5	107,3	3	111,0	6	4,8	106,0	4	110,3	15	4,0	106,6	7	2,7
46. Средняя ширина лица	100,0	8	2,7	93,0	4	100,0	5	7,2	91,0	2	100,0	13	4,6	92,3	6	2,9
45. Скуловой диаметр	138,7	8	6,4	134,0	2	139,7	6	6,3	132,5	2	139,1	14	6,2	133,2	4	2,4
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	95,9	8	4,1	98,1	2	94,3	6	2,3	93,3	2	95,2	14	3,4	95,7	4	2,8
48. Верхняя высота лица	69,2	8	5,9	69,3	3	72,6	5	3,9	71,5	2	70,5	13	5,3	70,2	5	2,2
47. Полная высота лица	115,7	3	-	121,0	1	121,0	4	6,4	113,0	1	118,7	7	8,0	117,0	2	—
48:45. Верхний лицевой указатель	50,4	7	5,1	54,1	1	51,4	5	3,4	53,9	2	50,8	12	4,3	54,0	3	0,7

72. Общий лицевой угол	86,0	5	4,0	85,5	2	88,0	5	2,1	85,0	2	87,0	10	3,2	85,2	4	1,5
73. Средний лицевой угол	88,4	5	4,4	86,0	1	91,8	5	2,8	87,0	1	90,1	10	3,9	86,5	2	—
74. Угол альвеолярной части	77,6	5	6,2	80,0	1	77,4	5	4,4	75,0	1	77,5	10	5,1	77,5	2	—
77. Назомалярный угол	141,8	8	4,1	141,1	2	142,7	6	5,0	142,4	4	142,2	14	4,3	142,0	6	5,2
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	131,4	6	5,6	132,1	2	137,1	5	3,3	134,3	1	134,0	11	5,4	132,9	3	5,8
51. Ширина орбиты от *mf.*	44,7	8	1,8	43,7	3	46,0	4	3,2	42,5	2	45,2	12	2,3	43,2	5	1,6
52. Высота орбиты	33,6	8	1,8	34,2	4	33,2	5	1,3	35,0	2	33,5	13	1,6	34,5	6	2,3
52:51. Орбитный указатель	75,2	8	3,8	75,6	3	72,5	4	4,8	82,3	2	74,3	12	4,2	78,3	5	4,3
55. Высота носа	51,6	8	3,7	50,0	3	52,2	5	2,7	52,0	2	51,8	13	3,2	50,8	5	2,2
54. Ширина носа	25,0	7	1,5	24,3	3	26,2	5	1,6	24,3	3	25,5	12	1,6	24,3	6	1,2
54:55. Носовой указатель	47,9	7	3,0	48,7	3	50,2	5	2,2	47,1	2	48,9	12	2,9	48,1	5	2,6
75(1). Угол выступания носа	24,7	6	5,8	21,7	3	23,0	5	7,3	28,5	2	23,9	11	6,3	24,4	5	5,2
SC. Симотическая ширина	8,19	8	1,6	7,50	3	7,65	4	0,9	8,60	3	8,01	12	1,4	8,05	6	1,3
SS. Симотическая высота	4,60	8	0,9	2,73	3	3,33	4	0,5	3,73	3	4,18	12	1,0	3,23	6	0,7
SS:SC. Симотический указатель	57,5	8	14,1	36,7	3	44,4	4	11,5	43,6	3	53,1	12	14,3	40,1	6	4,2
∠S. Симотический угол	83,6	8	13,5	107,5	3	98,0	4	13,3	97,8	3	88,4	12	14,7	102,6	6	5,9
DC. Дакриальная ширина	21,71	7	1,8	20,50	3	21,68	4	3,7	20,50	2	21,70	11	2,4	20,50	5	2,1
DS. Дакриальная высота	12,13	7	1,7	10,90	3	11,80	4	1,4	11,70	2	12,01	11	1,6	11,22	5	1,3
DS:DC. Дакриальный указатель	56,2	7	9,7	53,2	3	55,0	4	6,8	57,2	2	55,8	11	8,4	54,8	5	4,0
∠D. Дакриальный угол	84,1	7	9,4	86,6	3	84,9	4	6,9	82,3	2	84,3	11	8,2	84,9	5	4,2
FC. Глубина клыковой ямки	4,25	8	1,4	5,30	3	4,82	5	0,9	4,00	2	4,47	13	1,2	4,78	5	1,6
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	111,5	4	5,1	103,7	4	106,2	5	2,5	110,5	2	108,6	9	4,5	106,0	6	5,5
68. Длина нижней челюсти от углов	87,2	4	5,2	79,0	4	81,6	5	2,7	81,0	3	84,1	9	4,8	79,9	7	5,5
65. Мыщелковая ширина	118,2	4	4,4	114,5	4	123,0	5	9,2	118,5	2	120,9	9	7,5	115,8	6	3,7
66. Угловая ширина	102,5	4	5,3	102,7	4	106,6	5	8,9	95,3	3	104,8	9	7,4	99,6	7	7,6
79. Угол ветви нижней челюсти	116,0	4	3,2	118,8	6	115,4	5	2,6	122,5	2	115,7	9	2,7	119,7	8	5,1
∠C'. Угол выступания подбородка	69,5	4	6,2	72,0	4	73,6	5	6,4	58,0	3	71,8	9	6,3	66,0	7	8,0

Продолжение табл. 15

№ по Мартину или условное обозначение	Исаковка 3 (III–II вв. до н.э.)				Исаковка 1 (III–V вв. н.э.)						Исаковка 1 и 3 суммарно					
	♂		♀		♂			♀			♂			♀		
	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
1. Продольный диаметр	185,7	3	178,0	1	185,9	12	10,0	170,8	10	7,2	185,9	15	9,9	171,4	11	7,2
8. Поперечный диаметр	141,7	3	145,0	1	146,9	12	5,0	139,6	10	6,0	145,9	15	5,3	140,1	11	5,9
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	142,5	2	128,0	1	134,9	8	6,2	131,6	9	5,7	134,6	10	6,4	131,2	10	5,5
20. Высотный диаметр (*po-b*)	118,3	3	114,0	1	116,2	9	4,7	113,1	10	4,5	116,7	12	4,5	113,2	11	4,3
8:1. Черепной указатель	76,6	3	81,5	1	79,5	11	3,7	81,8	10	4,3	78,9	14	4,5	81,8	11	4,0
17:1. Высотно-продольный указатель	75,6	2	71,9	1	72,7	8	2,9	77,5	9	1,7	73,3	10	3,2	76,9	10	2,4
17:8. Высотно-поперечный указатель	100,9	2	88,3	1	91,8	8	3,7	94,8	9	6,0	93,6	10	5,5	94,1	10	6,0
5. Длина основания черепа	109,0	2	102,0	1	104,6	8	3,5	98,8	9	6,2	105,5	10	3,7	99,1	10	5,9
11. Ширина основания черепа	134,5	4	131,0	2	128,7	10	8,5	122,4	10	7,3	130,4	14	8,2	123,8	12	7,5
9. Наименьшая ширина лба	101,7	4	96,3	3	101,3	14	7,3	92,9	11	4,7	101,4	18	6,5	93,6	14	4,7
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	135,9	4	136,3	3	138,6	13	6,5	139,3	11	5,8	137,9	17	6,2	138,7	14	5,6
32. Угол профиля лба от *n*.	80,0	2	—	—	77,6	7	5,6	83,1	9	4,9	78,1	9	5,0	83,1	9	4,9
40. Длина основания лица	104,0	2	—	—	101,0	8	3,9	96,6	7	5,5	101,6	10	3,7	96,6	7	5,5
40:5. Указатель выступания лица	95,5	2	—	—	96,5	8	2,0	97,3	7	3,7	96,3	10	2,5	97,3	7	3,7
43. Верхняя ширина лица	113,0	4	108,5	2	112,9	13	5,8	102,4	11	3,8	112,9	17	5,1	103,3	13	4,2
46. Средняя ширина лица	103,0	2	—	—	101,3	10	4,1	93,2	10	5,1	101,6	12	3,8	93,2	10	5,1
45. Скуловой диаметр	142,5	2	133,5	2	139,1	10	6,7	126,5	10	7,5	139,7	12	6,4	127,7	12	7,4
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	100,7	2	91,0	1	94,9	10	2,6	90,6	10	4,0	95,9	12	3,3	90,6	11	3,8
48. Верхняя высота лица	67,3	3	68,0	1	71,5	12	5,1	65,0	10	5,7	70,7	15	4,9	65,3	11	5,5
47. Полная высота лица	113,0	2	111,0	1	119,3	6	7,3	107,4	5	4,5	117,7	8	7,0	108,0	6	4,3
48:45. Верхний лицевой указатель	47,4	2	50,4	1	51,6	9	5,2	51,1	9	4,1	50,8	11	5,1	51,0	10	3,9

72. Общий лицевой угол	86,0	2	—	—	86,1	8	2,4	85,0	8	3,0	86,1	10	2,8	85,0	8	3,0
73. Средний лицевой угол	87,0	2	—	—	88,0	8	2,7	87,4	8	3,2	87,8	10	2,8	87,4	8	3,2
74. Угол альвеолярной части	81,5	2	—	—	80,4	8	4,8	78,0	8	3,5	80,6	10	5,9	78,0	8	3,5
77. Назомалярный угол	139,8	4	141,4	3	139,8	11	6,7	143,1	10	5,7	139,8	15	7,1	142,7	13	5,1
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	128,4	2	130,4	1	130,4	10	4,2	132,9	10	4,3	130,1	12	3,9	132,7	11	4,1
51. Ширина орбиты от *mf.*	45,0	3	38,0	1	44,8	12	3,5	42,3	10	2,5	44,9	15	3,2	41,9	11	2,7
52. Высота орбиты	33,3	3	33,0	1	32,3	12	2,3	32,2	10	1,8	32,5	15	2,4	32,3	11	1,7
52:51. Орбитный указатель	74,5	3	86,8	1	72,3	12	5,4	76,3	10	5,6	72,7	15	6,4	77,3	11	6,2
55. Высота носа	52,0	3	48,0	1	51,9	12	2,4	47,4	10	2,9	51,9	15	2,2	47,4	11	2,7
54. Ширина носа	25,0	2	25,0	2	25,5	13	1,4	23,9	10	1,9	25,4	15	1,7	24,1	12	1,9
54:55. Носовой указатель	47,5	2	47,9	1	49,0	12	2,5	50,5	10	3,7	48,8	14	2,9	50,2	11	3,6
75(1). Угол выступания носа	30,0	2	—	—	26,5	10	5,1	23,8	9	6,5	27,1	12	5,0	23,8	9	6,5
SC. Симотическая ширина	7,45	2	11,0	1	9,26	11	2,3	8,14	8	1,7	8,98	13	2,2	8,46	9	1,9
SS. Симотическая высота	4,95	2	3,8	1	4,86	11	1,2	3,56	8	1,1	4,88	13	1,1	3,59	9	1,1
SS:SC. Симотический указатель	66,9	2	34,5	1	53,2	11	10,0	43,4	8	9,7	55,3	13	11,1	42,4	9	9,5
∠S. Симотический угол	74,1	2	110,7	1	87,4	11	9,9	99,1	8	12,7	85,3	13	10,7	100,4	9	12,5
DC. Дакриальная ширина	21,00	2	—	—	22,61	10	3,0	20,39	8	2,6	22,34	12	2,9	20,39	8	2,6
DS. Дакриальная высота	13,50	2	—	—	12,72	10	1,7	11,55	8	2,5	12,85	12	1,6	11,55	8	2,5
DS:DC. Дакриальный указатель	64,6	2	—	—	56,5	10	6,0	56,6	8	9,9	57,9	12	6,6	56,6	8	9,9
∠D. Дакриальный угол	75,5	2	—	—	83,3	10	5,9	83,7	8	10,2	82,0	12	6,3	83,7	8	10,2
FC. Глубина клыковой ямки	4,00	2	—	—	4,58	9	1,0	3,87	11	1,8	4,47	11	1,3	3,87	11	1,8
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	106,7	3	101,0	1	108,5	12	7,3	102,7	8	5,3	108,1	15	7,8	102,6	9	5,0
68. Длина нижней челюсти от углов	84,7	3	79,0	1	80,5	11	4,8	77,1	8	5,6	81,4	14	5,2	77,3	9	5,3
65. Мыщелковая ширина	129,0	3	120,0	1	120,6	10	8,5	112,8	6	4,8	122,5	13	8,3	113,9	7	5,2
66. Угловая ширина	110,0	3	102,0	1	103,6	11	11,4	95,8	6	6,2	105,0	14	10,6	96,7	7	6,1
79. Угол ветви нижней челюсти	117,7	3	123,0	1	122,4	11	3,4	120,4	8	5,7	121,4	14	3,9	120,7	9	5,4
∠C'. Угол выступания подбородка	64,7	3	68,0	2	68,9	11	8,0	68,8	6	6,7	68,0	14	7,5	68,6	8	5,7

Продолжение табл. 15

№ по Мартину или условное обозначение	Бещаул 2–4 (III в. до н.э. — II в. н.э.)					Богданово 1 (IV в. до н.э. — I в. н.э.)						Горная Бития и Красноярские курганы (III в. до н.э. — I в. н.э.)				
	♂			♀		♂			♀			♂			♀	
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*
1	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49
1. Продольный диаметр	180,4	8	8,9	173,3	3	184,2	10	5,5	170,5	8	7,8	183,5	10	6,4	170,7	3
8. Поперечный диаметр	142,9	9	2,8	138,0	3	146,2	10	7,8	139,5	6	6,3	145,6	10	5,3	144,0	3
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	131,6	9	3,6	123,0	1	137,3	7	3,5	131,6	7	5,7	133,3	8	6,1	130,0	2
20. Высотный диаметр (*po-b*)	114,5	10	4,3	113,0	2	118,2	9	3,7	111,7	4	4,2	114,4	7	3,9	111,7	3
8:1. Черепной указатель	79,5	8	3,6	79,6	3	79,2	10	5,1	81,9	6	5,4	79,4	10	4,2	84,5	3
17:1. Высотно-продольный указатель	72,1	7	3,8	72,8	1	74,6	7	2,3	76,8	7	3,9	72,7	8	4,2	77,1	2
17:8. Высотно-поперечный указатель	91,9	8	2,4	93,2	1	92,8	7	4,6	95,5	5	4,9	92,7	8	4,6	88,1	2
5. Длина основания черепа	103,0	7	2,0	84,0	1	102,6	7	3,1	95,0	5	9,9	102,4	8	6,8	94,0	2
11. Ширина основания черепа	127,7	10	4,0	123,0	2	128,3	9	6,0	122,0	4	4,1	128,9	8	4,3	129,0	3
9. Наименьшая ширина лба	96,1	9	3,1	99,0	2	100,5	10	3,2	94,4	12	3,1	97,6	10	5,9	93,3	3
Sub. Nβ:29. Указатель выпуклости лба	138,2	9	3,6	132,2	2	142,6	6	8,0	140,5	12	5,0	136,5	3	0,4	144,6	1
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	82,4	7	3,8	85,0	1	82,7	9	3,9	82,2	4	4,4	84,2	8	5,5	86,0	2
32. Угол профиля лба от *n*.	99,3	8	3,4	82,0	1	97,7	6	5,0	93,0	5	9,1	100,9	8	6,6	93,5	2
40. Длина основания лица	95,9	7	4,0	97,6	1	96,1	6	6,1	98,2	5	3,8	97,8	8	2,4	99,7	2
40:5. Указатель выступания лица	106,4	9	4,2	108,0	2	111,0	10	3,9	104,5	10	2,4	110,1	9	3,7	107,5	2
43. Верхняя ширина лица	98,9	8	3,5	95,0	1	97,3	6	4,5	92,2	6	4,7	101,8	9	4,8	97,0	1
46. Средняя ширина лица	135,3	10	4,5	133,0	1	138,4	9	6,9	125,6	7	5,1	139,6	8	4,5	134,0	2
45. Скуловой диаметр	94,7	9	1,9	100,8	1	94,9	9	5,6	89,9	5	1,8	97,1	8	3,2	90,8	2
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	70,4	9	2,9	66,0	1	68,9	7	2,0	65,4	9	3,8	72,2	9	3,6	68,5	2
48. Верхняя высота лица	115,6	7	6,2	111,0	1	113,8	5	4,3	108,3	6	5,8	117,0	7	3,6	111,0	2
47. Полная высота лица	51,9	8	2,8	49,6	1	49,2	7	2,3	51,8	7	3,5	51,2	8	2,9	51,1	2

48:45. Верхний лицевой указатель	89,5	6	5,0	84,0	1	84,3	7	5,6	84,2	4	3,8	85,6	8	1,6	83,0	2
72. Общий лицевой угол	92,1	6	4,4	86,0	1	86,1	8	5,3	86,2	4	4,0	88,4	7	2,7	84,5	2
73. Средний лицевой угол	83,8	6	6,8	77,0	1	78,9	7	6,1	78,5	4	5,1	77,4	7	5,3	78,5	2
74. Угол альвеолярной части	143,7	9	5,2	143,0	2	143,3	10	6,8	146,8	11	6,7	142,3	10	4,8	146,9	3
77. Назомалярный угол	131,0	7	1,7	142,8	1	131,1	6	7,0	132,3	6	4,0	132,7	9	3,3	131,0	1
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	44,4	11	2,2	41,5	2	44,5	10	2,1	43,8	9	1,7	44,1	9	2,6	—	—
51. Ширина орбиты от *mf.*	31,8	11	1,4	32,0	2	31,8	10	2,1	31,3	9	1,9	32,1	9	1,1	34,8	2
52. Высота орбиты	71,9	11	4,4	77,1	2	71,6	10	3,7	71,7	9	5,2	73,2	9	4,7	—	—
52:51. Орбитный указатель	51,9	10	1,7	49,0	1	49,4	8	1,8	48,0	9	3,0	52,8	9	2,5	48,5	2
55. Высота носа	24,7	10	1,8	25,0	1	25,5	10	2,0	24,3	9	1,1	24,9	9	1,7	24,0	2
54. Ширина носа	47,5	9	3,2	51,0	1	51,2	7	4,1	50,8	9	1,8	47,3	9	4,4	49,4	2
54:55. Носовой указатель	28,2	6	3,9	20,0	1	29,5	6	3,3	22,6	7	3,8	27,6	8	4,8	25,0	1
75(1). Угол выступания носа	8,07	8	2,3	9,50	2	8,04	9	2,7	7,85	10	1,0	7,47	9	0,8	7,50	2
SC. Симотическая ширина	4,29	8	1,1	3,55	2	4,08	9	1,0	3,52	10	0,7	3,79	9	1,0	4,20	2
SS. Симотическая высота	54,2	8	9,7	37,3	2	53,8	9	17,6	45,3	10	9,8	49,2	9	12,1	56,0	2
SS:SC. Симотический указатель	86,3	8	10,4	106,6	2	88,3	9	15,3	96,7	10	12,1	90,7	9	13,4	83,7	2
∠S. Симотический угол	20,33	7	1,2	20,50	1	20,82	8	2,4	19,89	8	1,5	20,76	9	1,1	20,15	2
DC. Дакриальная ширина	12,46	7	1,5	9,90	1	12,56	8	1,3	11,09	8	2,0	11,83	9	1,4	11,30	2
DS. Дакриальная высота	61,5	7	8,5	48,3	1	60,8	8	7,1	55,9	8	10,1	57,0	9	6,2	56,1	2
DS:DC. Дакриальный указатель	78,8	7	7,5	92,0	1	79,2	8	6,6	84,5	8	10,0	82,8	9	6,2	83,4	2
∠D. Дакриальный угол	4,16	9	1,6	3,50	1	4,50	9	1,6	3,62	9	1,5	4,22	9	1,2	5,70	1
FC. Глубина клыковой ямки	104,4	7	6,9	98,1	7	107,3	9	5,4	101,9	7	3,8	107,7	6	2,7	98,3	3
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	81,1	8	4,8	76,6	7	84,4	9	5,4	78,9	8	4,1	81,4	7	3,6	78,7	3
68. Длина нижней челюсти от углов	118,5	6	5,5	113,2	4	119,3	7	4,6	114,7	7	5,5	122,8	5	3,8	119,0	3
65. Мыщелковая ширина	104,5	6	8,9	98,2	6	104,6	8	7,4	94,7	7	2,8	106,6	7	5,8	103,7	3
66. Угловая ширина	118,3	7	4,0	116,3	7	115,6	9	6,2	118,9	8	4,6	119,3	6	3,3	113,7	3
79. Угол ветви нижней челюсти	72,9	7	4,5	71,2	4	67,7	9	4,2	67,7	6	5,6	68,4	7	3,4	71,0	3

Окончание табл. 15

№ по Мартину или условное обозначение	Коконовка 1–3 (II–IV вв. н.э.)						Сборная по Прииртышью (III в. до н.э. — II в. н.э.)					Все Прииртышье суммарно					
	♂			♀			♂			♀		♂			♀		
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66
1. Продольный диаметр	188,2	5	10,4	164,3	3	—	185,6	8	6,3	179,0	1	185,3	70	8,0	171,6	33	6,8
8. Поперечный диаметр	147,4	5	2,6	146,3	3	—	143,9	7	6,9	147,3	3	145,5	70	5,7	141,3	33	5,8
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	137,5	2	—	128,7	3	—	137,5	2	—	124,0	1	134,9	50	5,5	130,3	28	5,1
20. Высотный диаметр (*po-b*)	114,0	4	5,4	113,3	3	—	114,5	2	—	—	—	116,0	57	4,7	112,4	27	3,9
8:1. Черепной указатель	79,5	4	5,9	89,2	3	—	77,2	7	4,8	83,2	1	78,7	67	4,4	82,2	31	4,8
17:1. Высотно-продольный указатель	72,7	2	—	78,3	3	—	73,3	2	—	69,3	1	73,0	48	3,4	76,2	28	3,3
17:8. Высотно-поперечный указатель	92,9	2	—	87,9	3	—	90,1	2	—	83,2	1	92,5	49	4,3	92,7	26	5,4
5. Длина основания черепа	105,0	2	—	91,7	3	—	104,5	2	—	96,0	1	104,0	48	4,1	96,1	25	6,8
11. Ширина основания черепа	133,2	4	3,8	127,5	2	—	129,3	3	—	—	—	129,6	61	6,0	124,5	27	5,8
9. Наименьшая ширина лба	98,5	6	2,9	95,3	10	3,7	97,3	11	5,0	96,8	5	99,0	79	5,2	94,9	52	3,7
Sub. Nβ:29. Указатель выпуклости лба	22,9	5	1,8	22,5	8	1,9	21,2	8	1,9	23,2	2	22,2	75	2,4	22,9	45	2,5
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	140,4	5	9,2	141,0	9	4,7	142,2	6	7,3	140,9	4	139,0	60	6,0	139,6	48	5,2
32. Угол профиля лба от *n*.	81,7	3	—	85,0	3	—	78,6	5	3,5	90,0	1	81,1	53	4,8	83,6	24	4,8
40. Длина основания лица	105,0	2	—	88,7	3	—	97,5	2	—	102,0	1	100,4	46	4,6	93,9	22	6,6
40:5. Указатель выступания лица	100,1	2	—	96,7	3	—	93,3	2	—	106,1	1	96,7	45	3,6	98,2	22	3,7
43. Верхняя ширина лица	110,6	5	2,7	104,8	9	3,9	110,0	6	4,2	107,2	4	110,5	71	4,5	105,0	47	3,6
46. Средняя ширина лица	98,5	4	6,5	98,7	4	5,7	98,7	3	—	95,0	2	100,0	55	4,4	93,9	30	4,7
45. Скуловой диаметр	140,0	4	3,6	134,3	3	—	140,6	5	6,4	138,0	1	138,8	62	5,7	129,5	30	6,4
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	94,6	4	1,3	91,8	3	—	97,4	5	2,5	92,6	1	95,6	61	3,4	91,9	27	3,9
48. Верхняя высота лица	66,6	5	2,4	65,7	6	4,9	69,0	7	4,4	65,7	3	70,1	65	4,2	66,3	37	4,4
47. Полная высота лица	113,5	4	6,2	111,0	2	—	114,0	4	5,0	114,0	1	116,2	42	5,9	110,0	20	5,5

48:45. Верхний лицевой указатель	47,9	4	2,1	49,6	3	—	49,2	5	5,2	47,1	1	50,5	55	3,9	51,2	27	3,3
72. Общий лицевой угол	85,0	3	—	86,0	3	—	88,2	5	5,4	87,0	1	86,5	49	4,0	84,9	23	2,6
73. Средний лицевой угол	87,3	3	—	88,7	3	—	88,3	3	—	—	—	88,5	47	4,2	86,9	20	3,0
74. Угол альвеолярной части	78,0	3	—	78,0	3	—	81,3	3	—	—	—	79,5	46	5,8	78,0	20	3,4
77. Назомалярный угол	141,8	5	8,1	146,9	10	2,6	143,1	7	7,4	144,9	5	142,1	70	6,0	144,8	50	5,2
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	134,6	4	4,1	141,6	3	—	129,9	3	—	136,4	2	131,9	52	4,8	134,2	27	5,0
51. Ширина орбиты от *mf.*	45,2	6	1,5	42,6	5	2,2	46,7	6	3,1	44,5	2	44,9	69	2,5	42,8	34	2,2
52. Высота орбиты	33,0	6	1,7	32,4	6	2,8	31,8	9	3,4	32,7	3	32,4	73	2,1	32,6	39	2,3
52:51. Орбитный указатель	73,1	6	3,0	77,9	5	7,1	68,5	6	6,5	76,4	2	72,4	69	5,0	76,0	34	5,8
55. Высота носа	48,6	5	1,1	48,0	6	5,1	51,0	7	2,3	49,0	3	51,4	67	2,6	48,3	37	3,1
54. Ширина носа	24,6	5	1,5	23,3	6	1,2	26,7	8	0,9	25,2	4	25,4	69	1,7	24,2	40	1,5
54:55. Носовой указатель	50,7	5	4,0	48,2	5	4,5	52,7	7	1,9	53,0	3	49,3	63	3,6	50,0	36	3,1
75(1). Угол выступания носа	26,7	3	—	26,5	4	4,7	30,1	7	4,9	18,0	1	27,3	53	5,2	23,7	28	5,1
SC. Симотическая ширина	8,07	4	2,2	7,56	7	1,3	8,13	8	1,8	5,77	3	8,17	63	1,9	7,87	39	1,6
SS. Симотическая высота	4,27	4	0,5	3,30	7	0,6	4,98	8	1,2	2,90	3	4,37	63	1,1	3,44	39	0,8
SS:SC. Симотический указатель	55,6	4	13,2	44,0	7	7,1	62,4	8	16,0	51,6	3	54,6	63	13,4	44,2	39	8,7
∠S. Симотический угол	85,4	4	15,4	97,9	7	8,3	79,5	8	16,0	88,9	3	86,5	63	13,3	97,9	39	10,8
DC. Дакриальная ширина	21,55	4	2,1	18,78	6	1,7	20,85	6	1,1	21,00	2	21,29	57	2,2	20,01	32	1,9
DS. Дакриальная высота	13,62	4	1,6	10,97	6	1,7	13,15	6	1,6	9,10	2	12,52	57	1,5	11,05	32	1,8
DS:DC. Дакриальный указатель	64,2	4	13,7	59,3	6	13,5	63,2	6	8,5	43,5	2	59,2	57	8,1	55,5	32	9,6
∠D. Дакриальный угол	77,0	4	11,5	81,7	6	12,7	77,2	6	7,3	98,1	2	80,9	57	7,5	84,9	32	9,6
FC. Глубина клыковой ямки	5,17	4	1,0	4,66	5	1,7	4,48	6	1,5	3,83	3	4,44	61	1,3	4,09	35	1,6
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	105,7	3	—	104,9	7	4,8	107,3	9	7,6	103,5	2	107,3	58	6,2	102,3	41	5,2
68. Длина нижней челюсти от углов	83,0	4	9,3	78,0	7	6,1	81,2	11	6,2	82,3	3	82,3	62	5,4	78,4	44	4,9
65. Мыщелковая ширина	121,0	2	—	117,8	5	5,1	133,5	6	8,6	143,0	1	122,6	48	7,9	116,3	33	7,4
66. Угловая ширина	108,7	3	—	99,8	6	5,5	113,3	9	10,0	107,0	2	106,6	56	8,8	98,7	38	6,7
79. Угол ветви нижней челюсти	112,7	3	—	117,4	8	2,8	114,8	10	6,7	119,5	2	117,4	58	5,3	118,4	45	5,3
∠C'. Угол выступания подбородка	72,5	4	5,0	61,2	5	4,5	69,7	9	8,2	69,3	3	69,7	59	6,2	67,5	36	6,3

мозговой коробкой, широким и невысоким лицом. Оба компонента фиксируются примерно в паритетном соотношении.

По материалам поздней группы прослеживается незначительная примесь монголоидных элементов, более отчетливо выраженная на черепах женской части выборки. В морфологическом плане монголоидный компонент представлен двумя комбинациями: 1) в комплексе с высокой брахикранной мозговой коробкой, широким и высоким лицом; 2) в сочетании с мезо-брахикранной невысокой мозговой коробкой, широким и низким лицом. Низколицый монголоидный компонент отчетливее наблюдается в составе женской группы, высоколицый комплекс — в составе мужской выборки.

Бещаул. Расположен близ могильников Стрижево и Исаковка. Автором раскопок Л.И. Погодиным погребения из кургана Бещаул 2 датируются II в. до н.э. — I в. н.э., Бещаул 3 — I в. до н.э. — I в. н.э., Бещаул 4 — I в. до н.э. — началом II в. н.э. Малочисленность находок, хронологическая близость и типологическое сходство погребений обусловили их объединение в одну серию, которая хронологически в целом вписывается в рамки саргатского этапа.

В плане индивидуальной диагностики мужские и женские черепа различаются слабо. Морфологические особенности отдельных черепов, да и всей серии (невысокий череп, широкие и низкие орбиты, профилированное переносье и большой угол выступания носа в сочетании с уплощенным по горизонтали лицом), указывают на примесь монголоидных элементов.

Для европеоидного компонента свойственна средняя высота мезо-брахикранной мозговой коробки, низкое и среднеширокое лицо. Европеоидных черепов с высоким лицом не встречается, но нельзя исключить незначительной примеси данного комплекса.

Монголоидный компонент, несмотря на малочисленность наблюдений, нельзя признать однородным. Для одного комплекса характерны мезо-долихокранная форма невысокого черепа, низкое и среднеширокое лицо (четче фиксируется на мужских черепах), для другого — брахикранная форма высокого черепа, широкое и высокое лицо (четче проявляется на женских черепах).

Антропологический тип бещаульской популяции может быть охарактеризован, таким образом, как европеоидный, но с заметной примесью монголоидного компонента, который прослеживается в двух морфологических вариантах.

Богданово. Погребения курганной группы Богданово 3 датируются V–III вв. до н.э., Богданово 1 и 2 — III в. до н.э. — I в. н.э. [Могильников, 1972а; 1972б, с. 144; 1992]. Малочисленность и фрагментарность палеоантропологических находок из Богданово 3 не позволяют более или менее объективно рассмотреть расовые особенности ранней группы, однако, судя по имеющимся материалам, ранние черепа морфологически принципиально не отличаются от остальных. Поэтому все находки сгруппированы в одну серию, которая хронологически охватывает раннесаргатский этап и первую половину саргатского этапа.

Морфологические особенности черепов богдановской серии во многом сходны с рассмотренными выше, особенно из Исаковского могильника. Спецификой их структуры является сочетание европеоидного строения с уплощенным в горизонтальной плоскости широким и невысоким лицом. В группе из Богданово не встречаются черепа монголоидного типа, но небольшая примесь монголоидного компонента, для которого, видимо, характерны брахикранная форма невысокого черепа, широкое и низкое лицо, прослеживается. Фиксируется также примесь монголоидного комплекса, которому свойственно узкое и низкое лицо в сочетании с долихокранией и низкой мозговой коробкой.

Население, оставившее Богдановский могильник, по антропологическому типу является европеоидным с незначительной монголоидной примесью, которая более отчетливо наблюдается на женских черепах. Европеоидную основу мужских и женских черепов составляет компонент со следующими морфологическими особенностями: мезо-брахикранная средневысокая мозговая коробка, широкое и невысокое лицо, широкие и низкие орбиты. Монголоидный компонент отмечается в двух основных комбинациях признаков: 1) в комплексе со средневысокой мезо-брахикранной мозговой коробкой, широким и низким лицом; 2) в сочетании с невысокой долихокранной мозговой коробкой, нешироким и низким лицом и средней высотой переносья.

Горная Бития и Красноярка. Оба могильника расположены недалеко друг от друга и датируются III–II вв. до н.э. [Акимова, 1972; Корякова, 1979, 1981; Могильников, 1992]. Небольшое количество находок в каждом из них, типологическое сходство погребений, территориальная и хронологическая близость послужили основанием для объединения краниологических материалов. Вся серия вписывается преимущественно в раннесаргатский этап функционирования культуры.

Морфологически серия из Горной Битии и Красноярки мало отличается от остальных саргатских групп. Ее особенностью является несколько более высокое лицо. В целом она может быть отнесена к кругу европеоидных форм. На индивидуальном уровне черепа резко не различаются, однако преобладают те, на которых наблюдается сочетание мезо-долихокранной высокой мозговой коробки с крупными размерами лица, в ряде других случаев мезо-брахикранная форма невысокого черепа выступает в комплексе с низким и широким лицом. Как и на других саргатских черепах, наблюдается ослабление степени горизонтальной профилировки лица, отдельным черепам свойственны брахикрания, небольшая высота свода, низкое и широкое, слабопрофилированное лицо, средневыступающее переносье при малом угле носа, что служит указанием на примесь монголоидных элементов.

Таким образом, выборку из Горной Битии и Красноярки можно охарактеризовать как европеоидную с монголоидной примесью. Европеоидный компонент прослеживается в двух комбинациях: 1) с высоким и среднешироким лицом, мезо-долихокранной высокой мозговой коробкой; 2) с низким и широким лицом и невысоким мезо-брахикранным черепом. Для

монголоидного компонента свойственны брахикрания, небольшая высота мозговой коробки, широкое низкое лицо.

Коконовка. Могильник расположен в южной части ареала саргатских памятников в Прииртышье. Первоначально Коконовский могильник датировался III–I вв. до н.э. [Могильников, 1972а, б], но исследования А.Я. Труфанова [1986] свидетельствуют о более позднем времени его функционирования: в пределах позднесаргатского периода (II–IV вв. н.э.). Плохая сохранность и малочисленность краниологических материалов из курганных групп Коконовка 1, 2 и 3 обусловили их группировку в одну серию.

Во многом из-за малой численности наблюдений отмечается ряд расхождений между мужскими и женскими черепами. В частности, женские черепа имеют более брахикранную форму, меньшую высоту свода, но более высокое лицо. По остальным важным размерам и пропорциям они различаются не принципиально. Как и по другим саргатским сериям, женские черепа из Коконовки имеют более монголоидное строение, нежели мужские, в основном за счет сильнее уплощенных по горизонтали лица и переносья. Учитывая эти факторы, мужские и женские черепа имеют те же морфологические характеристики, что и другие саргатские серии из Прииртышья. Некоторые особенности морфологии черепов коконовской серии, по сравнению с рассмотренными выше черепами, сводятся к наибольшей ширине уплощенного по горизонтали лица.

Таким образом, антропологический тип людей, погребенных в Коконовском могильнике, может быть определен как европеоидный с незначительной монголоидной примесью, которая ярче проявляется в строении женских черепов. Европеоидную основу мужских и женских черепов составляет компонент с такими морфологическими чертами, как мезо-брахикранная средневысокая мозговая коробка, широкое и невысокое лицо, широкие и низкие орбиты. Монголоидный компонент, по-видимому, присутствует в двух вариантах: 1) невысокая мезо-брахикранная мозговая коробка и широкое низкое лицо; 2) высокий череп в сочетании с крупными размерами лицевого скелета.

Сборная серия. Из ряда саргатских курганов Прииртышья получены единичные палеоантропологические находки, которые сгруппированы по территориальному принципу (Окунево 2, Карташево 2, Сидоровка 1, Новооболонь, Саргатка, Сибирская Саргатка 1). Погребения датируются в широких пределах: III в. до н.э. — IV в. н.э. [Могильников, 1972б, 1992; Матющенко, Татаурова, 1997].

Строение мужских черепов сборной серии мало отличается от других саргатских групп Прииртышья. Особенно от тех, в составе которых слабее всего фиксируется примесь монголоидных элементов.

Основным антропологическим компонентом сборной серии является европеоидная комбинация в сочетании с мезокранным средневысоким черепом, широким и низким лицом. Однако на черепе из Сидоровки 1 фиксируется и другая комбинация (долихокрания, высокий свод, узкое высокое лицо, высокие орбиты), которая в других саргатских сериях про-

слеживается только в виде небольшой примеси на биологическом уровне. Присутствие незначительной монголоидной примеси определяется, если данный признак может служить индикатором такой примеси, только ослабленной профилированностью лица на уровне орбит.

Если судить по особенностям морфологии женских черепов, монголоидный компонент характеризуется брахикранией, малой высотой свода черепа, широким, средневысоким, уплощенным по горизонтали лицом, среднепрофилированным переносьем и слабым выступанием носовых костей.

Можно говорить о двух европеоидных (в комплексе с широким и низким лицом, низкими орбитами, средневысокой мезокранной мозговой коробкой; в сочетании с узким и высоким лицом, высокими орбитами, высоким долихокранным черепом) и монголоидной (широкое и невысокое лицо, низкий брахикранный череп, средневысокое переносье) комбинациях признаков в строении черепов сборной группы.

Особенности изменчивости краниологических материалов из Прииртышья позволяют выделить четыре основных компонента: первый — мезобрахикранные черепа с высоким и плоским лицом, высокими носом и орбитами, невысоким переносьем и небольшим углом выступания носа; второй — также мезо-брахикранные черепа с уплощенными лицом и переносьем, малым углом выступания носа, но с низкими лицом, носом и орбитами (эти морфологические варианты монголоидного типа различаются лишь по высотным характеристикам лицевого скелета); третий — мезокранные черепа европеоидного облика с высоким переносьем, низкими орбитами и носом, низким, хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом и большим углом выступания носа; четвертый — также европеоидные, но долихокранные черепа с высокими лицом, носом и орбитами (табл. 16, 17).

На некоторых черепах признаки складываются в морфологические комплексы, являющиеся промежуточными вариантами между основными типами. Так, среди монголоидных присутствуют черепа долихокранной формы с низким, но менее широким и уплощенным лицом. В совокупности низколицых европеоидных форм заметную долю составляют невысокие черепа с ослабленным горизонтальным профилем лицевого скелета (табл. 16).

В совокупности мужских и женских черепов из саргатских погребений Прииртышья выделяется ряд сходных морфологических комплексов, которые сближает одновременное проявление некоторых особенностей. Например, по женским материалам слабее, чем по мужским, фиксируется присутствие низколицего европеоидного типа, причем он прослеживается как смешанный с низколицым монголоидным комплексом. Практически все данные по памятникам, за исключением Стрижево 1, свидетельствуют о том, что в строении женских черепов ряд монголоидных признаков выражен сильнее, чем у мужских.

При анализе материалов на межгрупповом уровне корреляционные связи между признаками, дифференцирующими мужские серии по линии

Таблица 16

Краниометрические характеристики морфологических типов из Прииртышья по палеоантропологическим данным (мужские черепа)

Признак	Европеоидные типы			Монголоидные типы		
	Высокое лицо	Низкое лицо	Низкое и уплощенное лицо	Высокое лицо	Низкое лицо	Низкое лицо и долихокрания
8:1. Черепной указатель	72,4 (5)	78,3 (5)	80,3 (5)	81,1 (4)	82,6 (4)	75,8 (4)
17. Высота черепа	138,4 (5)	135,8 (5)	132,8 (5)	130,5 (4)	131,0 (4)	131,5 (4)
9. Наименьшая ширина лба	103,0 (5)	100,0 (5)	100,0 (5)	95,7 (4)	101,7 (4)	96,0 (4)
45. Скуловой диаметр	136,6 (5)	139,4 (5)	141,6 (5)	137,2 (4)	140,8 (4)	136,7 (4)
48. Верхняя высота лица	73,4 (5)	66,6 (5)	66,6 (5)	75,8 (4)	68,5 (4)	68,5 (4)
55. Высота носа	53,6 (5)	50,2 (5)	49,2 (5)	55,5 (4)	49,0 (4)	51,2 (4)
54. Ширина носа	25,0 (5)	24,6 (5)	25,1 (5)	26,2 (4)	25,0 (4)	25,0 (4)
51. Ширина орбиты от *mf.*	47,6 (5)	45,4 (5)	46,7 (5)	44,4 (4)	44,3 (4)	44,2 (4)
52. Высота орбиты	35,0 (5)	32,0 (5)	32,9 (5)	32,8 (4)	32,9 (4)	32,4 (4)
(∠D + ∠S):2. Горизонтальный профиль переносья	81,4 (5)	78,3 (5)	79,0 (5)	81,1 (4)	88,9 (4)	84,9 (4)
77. Назомалярный угол	133,8 (5)	133,7 (5)	145,3 (5)	145,5 (4)	142,0 (4)	140,9 (4)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	126,9 (5)	129,4 (5)	131,8 (5)	133,8 (4)	134,9 (4)	131,4 (4)
75(1). Угол выступания носа	29,2 (5)	32,2 (5)	29,4 (5)	22,2 (4)	20,2 (4)	20,5 (4)
УЛС	6,2	5,6	38,6	64,8	51,2	72,0
ПФЦ	88,7	90,5	91,9	95,4	93,3	92,3
УДМЭ	0,0	0,0	27,7	75,5	49,3	67,6

Таблица 17

Краниометрические характеристики морфологических типов из Прииртышья по палеоантропологическим данным (женские черепа)

Признак	Европеоидные типы		Монголоидные типы	
	Высокое лицо	Низкое и уплощенное лицо	Высокое лицо	Низкое лицо
8:1. Черепной указатель	80,0 (3)	88,3 (3)	83,5 (3)	80,4 (3)
17. Высота черепа	134,3 (3)	134,3 (3)	127,0 (3)	128,0 (3)
9. Наименьшая ширина лба	97,0 (3)	91,0 (3)	97,7 (3)	92,7 (3)
45. Скуловой диаметр	133,0 (3)	128,7 (3)	132,0 (3)	128,0 (3)
48. Верхняя высота лица	71,0 (3)	66,0 (3)	70,3 (3)	61,7 (3)
55. Высота носа	50,3 (3)	47,3 (3)	49,3 (3)	45,3 (3)
54. Ширина носа	24,7 (3)	23,0 (3)	23,7 (3)	22,7 (3)
51. Ширина орбиты от *mf.*	44,0 (3)	42,3 (3)	44,0 (3)	43,0 (3)
52. Высота орбиты	34,3 (3)	32,0 (3)	34,2 (3)	32,7 (3)
(∠D + ∠S):2. Горизонтальный профиль переносья	80,0 (3)	87,4 (3)	98,0 (3)	99,5 (3)
77. Назомалярный угол	138,8 (3)	148,9 (3)	140,6 (3)	147,7 (3)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	130,4 (3)	135,1 (3)	135,3 (3)	137,6 (3)
75(1). Угол выступания носа	30,7 (3)	27,0 (3)	18,7 (3)	16,3 (3)
УЛС	1,5	49,1	51,8	77,4
ПФЦ	93,2	91,7	93,6	91,0
УДМЭ	0,0	38,6	51,5	67,0

европеоидность/монголоидность, нарушены незначительно. Изменчивость выборок по этим показателям прямолинейна и указывает на долю монголоидной примеси в их составе. Практически не прослеживается примесь монголоидных элементов в сборной серии из Исаковки 3; в сериях из Исаковки 1, Богдановки, Бещаула и Стрижево 2 доля монголоидного компонента возрастает и максимально прослеживается в составе групп из Стрижево 1, Горной Битии/Красноярки и Коконовки.

Антропологическую специфику сборной серии (особенно бещаульской) во многом определяет высоколицый монголоидный компонент, удельный вес которого максимален в этих группах. В составе серий из Коконовки, Богдановки и Исаковки фиксируются в основном два компонента — низколицый европеоидный с уплощенным по горизонтали лицом (видимо, метисный) и низколицый монголоидный. В группах из Стрижево и Горной Битии/Красноярки отчетливее всего проявляется высоколицый европеоидный компонент. Однако если в составе Горной Битии/Красноярки помимо этого заметную долю составляет низколицый европеоидный вариант с уплощенным лицом, то в составе Стрижево улавливается примесь высоколицего монголоидного комплекса.

В хронологическом аспекте четких закономерностей изменчивости антропологических типов саргатских популяций не просматривается, речь может идти лишь о тенденциях. В составе ранних групп обычно преобладает низколицый европеоидный компонент с примесью низколицых монголоидных элементов, которая с течением времени постепенно нарастает. Не исключено, что мы имеет дело с процессом восстановления исходного антропологического типа саргатских популяций, когда метисные формы начинают преобладать.

Таким образом, в генезисе популяций саргатской культуры Прииртышья доминирующая роль должна быть отведена населению европеоидного типа, в составе которого фиксируются два антропологических компонента, характеризующихся достаточно четким морфологическим своеобразием и, видимо, различным происхождением. На ранней стадии формирования (V–II вв. до н.э.) специфику физического типа саргатских популяций определял низколицый мезо-брахикранный вариант. В этот период достаточно отчетливо прослеживается (уже в виде не только биологической, но и механической примеси) влияние (более видимое по женским частям выборок) на антропологический облик саргатских популяций монголоидного населения, в краниологическом отношении характеризуемого брахикранией, низкой мозговой коробкой, широким и низким лицом.

Позднее в составе саргатских популяций наблюдается незначительное увеличение доли европеоидного компонента другого антропологического облика с такими характерными чертами, как высокое и неширокое лицо, высокий мезо-долихокранный череп. Параллельно с этим прослеживается дальнейшее увеличение удельного веса низколицего монголоидного варианта, но одновременно фиксируется и иная монголоидная примесь, по имеющимся материалам, наблюдаемая в двух морфологических комбина-

циях: для одной характерны грацильный низкий долихокранный череп и низкое неширокое лицо, для другой — массивный высокий брахикранный череп, высокое широкое лицо.

Из ***Барабинской лесостепи*** краниологические находки происходят из погребений саргатской и каменской (большереченской) археологических культур, из северных лесных областей — из погребений новочекинской культуры.

В саргатской культуре на территории Барабы и в ее развитии прослежен ряд особенностей, обусловленных местной спецификой, в частности географическим положением, культурным окружением и ориентацией связей местного населения. В отличие от других районов распространения саргатских памятников, в Барабе они исчезают довольно рано и не фиксируются позже I в. н.э. В формировании и развитии саргатской культуры Барабы выделяются четыре этапа: 1) VI–V вв. до н.э., возникновение и сложение, не представлен краниологическими материалами; 2) V–III вв. до н.э., окончательное становление, могильники Усть-Тартас и Абрамово 4; 3) III–I вв. до н.э., стабилизация, могильник Марково 1; 4) I в. до н.э. — I в. н.э., завершение функционирования, могильники Венгерово 1, 7 и Старый Сад 1 [Полосьмак, 1987, с. 91–97].

Краниометрические характеристики сформированных серий представлены в табл. 18.

Усть-Тартас. Черепа из погребений этого могильника неоднократно анализировались исследователями, начиная с автора первых раскопок С.М. Чугунова [1898, 1899]. С.М. Чугунов при описании черепов обратил внимание на их европеоидное строение, дав особо подробную характеристику черепам со следами искусственной деформации. Г.Ф. Дебец отметил, что усть-тартасские черепа нельзя однозначно отнести либо к европеоидной, либо к монголоидным расам и в целом серия носит неопределенный промежуточный характер, сближаясь по морфологии с черепами Прохоровских курганов [1948, с. 148–151]. В.П. Алексеев, расширив краниометрическую программу за счет определения углов горизонтального профиля лицевого скелета, также пришел к выводу о промежуточном морфологическом типе усть-тартасских черепов [1961а]. В.А. Дрёмов, суммировав все находки и дав их краниометрическое описание по полной программе, констатировал, что серия в целом сближается с черепами сарматов Приуралья и Нижнего Поволжья и что ее краниологической особенностью является уплощенность лицевого скелета по горизонтали при общем европеоидном строении [1978, с. 178–181]. Археологические материалы Усть-Тартасского могильника позволяют относить его к кругу памятников саргатской культуры [Полосьмак, 1987]. К опубликованным данным [Дрёмов, 1978, табл. 3, с. 170–176] добавлены измерения двух мужских черепов из раскопок Н.В. Полосьмак в 1979 г.

Мужские и женские черепа однотипны, для них характерна мезо-брахикранная форма со средней высотой мозговой коробки. Лицо средней ширины и высоты, по углам горизонтального профиля оно уплощено в

средней части и более профилировано на уровне орбит, переносье широкое и высокое, хорошо профилированное при большом угле выступания носовых костей над линией лицевого профиля.

На индивидуальном уровне между черепами довольно слабо, но проявляются некоторые различия. В одних случаях европеоидное строение лицевого скелета и мозговой коробки сочетается с повышенной высотой неширокого умеренно профилированного в горизонтальной плоскости лица, в других — уплощенность лицевого скелета скоррелирована с большой его шириной и малой высотой. Строение усть-тартасских черепов свидетельствует о принадлежности их к европеоидному типу. Черепов явно монголоидного облика в данной группе не наблюдается, но о примеси монголоидного компонента говорят степень уплощенности лицевого скелета, особенно в средней части, повышенная во всей выборке, и малый угол выступания носа на некоторых черепах.

Таким образом, в совокупности усть-тартасских черепов можно выделить две основные европеоидные комбинации признаков: 1) неширокое, высокое, умеренно профилированное по горизонтали лицо и мезо-долихокранная средневысокая мозговая коробка; 2) широкий, низкий, уплощенный лицевой скелет и мезо-брахикранный невысокий череп. В составе серии преобладает первый компонент, примесь монголоидных элементов фиксируется преимущественно на черепах второго типа. Характерной особенностью краниологической структуры усть-тартасских черепов является небольшая ширина уплощенного по горизонтали лицевого скелета.

Абрамово 4. Курганы и погребения могильника разновременные, часть из них отнесена к саргатским и датируется V–III вв. до н.э. По некоторым особенностям погребального обряда курганы из Абрамово сближаются с саргатским погребениям Притоболья, а не Прииртышья [Полосьмак, 1981, с. 81–82; 1987, с. 93–94].

Для мужских и женских черепов характерна мезокранная форма средневысокой мозговой коробки. В целом серия из Абрамово может быть охарактеризована как европеоидная, особенностью которой выступает большая ширина слабопрофилированного лицевого скелета. Выборку трудно определить как однородную, черепа различаются по ширине и высоте лицевого скелета. В составе серии преобладает морфологический вариант, которому свойственно широкое и невысокое лицо и который сближается с широколицым европеоидным компонентом серии из Усть-Тартаса. Для другого комплекса характерно менее широкое, но высокое лицо, он сходен с комплексом, который определяет антропологический тип усть-тартасской группы.

Таким образом, антропологический тип погребенных в могильнике Абрамово 4 людей является европеоидным. Его характерные особенности: невысокое, широкое, умеренно профилированное лицо, низкие и широкие орбиты, средняя высота мезо-брахикранной мозговой коробки. Наряду с данным комплексом признаков, преобладающим в серии, улавливается присутствие в составе абрамовской группы компонента иного морфологи-

Таблица 18

Средние размеры и указатели черепов из погребений раннего железного века Барабы и Новосибирского Приобья

№ по Мартину или условное обозначение	Саргатская культура									
	Усть-Тартас (конец V — III в. до н.э.)					Абрамово 4 (конец V — III в. до н.э.)				
	♂			♀		♂			♀	
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Продольный диаметр	179,6	7	4,9	173,0	3	187,2	4	4,6	178,0	3
8. Поперечный диаметр	144,0	7	4,4	136,0	3	147,0	4	3,2	134,0	3
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	131,8	6	5,2	131,3	3	135,7	4	2,2	125,0	1
20. Высотный диаметр (*po-b*)	113,4	5	5,2	106,0	1	116,5	4	4,4	110,0	1
8:1. Черепной указатель	80,2	7	3,6	78,6	3	78,6	4	3,6	75,3	3
17:1. Высотно-продольный указатель	73,9	6	3,1	75,9	3	72,5	4	2,1	71,4	1
17:8. Высотно-поперечный указатель	90,7	6	3,5	93,7	3	92,4	4	3,0	88,7	1
5. Длина основания черепа	100,8	6	5,0	98,0	3	105,7	4	5,7	103,0	1
11. Ширина основания черепа	129,0	6	4,5	124,3	3	132,6	5	3,6	129,0	1
9. Наименьшая ширина лба	97,8	6	4,8	94,3	3	99,4	5	7,0	93,8	4
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	142,4	2	—	—	—	137,3	5	5,3	136,7	4
32. Угол профиля лба от *n*.	80,7	6	7,1	84,0	1	79,8	4	7,9	81,0	1
40. Длина основания лица	98,0	6	4,0	95,0	3	106,5	4	8,7	—	—
40:5. Указатель выступания лица	97,3	6	3,6	97,0	3	100,6	4	4,3	—	—
43. Верхняя ширина лица	107,7	6	3,6	103,0	3	112,6	5	4,5	105,2	4
46. Средняя ширина лица	99,0	5	6,4	92,0	1	102,0	4	2,6	95,0	1
45. Скуловой диаметр	136,0	6	1,8	127,7	3	140,2	5	3,1	137,0	1
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	93,6	6	1,9	94,0	3	94,8	4	3,7	97,2	1
48. Верхняя высота лица	70,2	6	4,3	67,0	3	70,6	5	4,0	—	—
47. Полная высота лица	116,3	3	4,7	114,5	2	116,0	4	8,6	—	—

48:45. Верхний лицевой указатель	51,6	6	3,0	52,5	3	50,4	5	3,2	—	—
72. Общий лицевой угол	86,0	6	2,6	89,0	1	83,0	3	1,7	—	—
73. Средний лицевой угол	89,2	5	1,9	92,0	1	85,0	3	0,1	—	—
74. Угол альвеолярной части	80,2	5	5,1	78,0	1	78,3	3	5,9	—	—
77. Назомалярный угол	140,6	5	4,0	139,6	3	139,7	5	3,8	140,7	4
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	136,2	5	2,8	134,8	1	131,9	4	4,0	136,4	1
51. Ширина орбиты от *mf.*	43,0	5	1,2	41,8	2	45,4	5	0,9	45,0	1
52. Высота орбиты	34,7	6	1,9	33,0	3	32,0	5	1,9	30,0	1
52:51. Орбитный указатель	82,1	5	3,8	81,5	2	70,5	5	4,3	66,7	1
55. Высота носа	49,7	6	2,9	50,5	2	49,4	5	4,5	48,0	1
54. Ширина носа	25,0	6	1,5	26,0	3	26,2	4	2,1	25,0	1
54:55. Носовой указатель	50,5	6	3,9	52,5	2	51,7	4	5,5	52,1	1
75(1). Угол выступания носа	29,0	6	5,6	27,0	2	30,5	4	6,0	—	—
SC. Симотическая ширина	9,92	5	1,2	9,93	3	9,23	4	1,3	7,75	2
SS. Симотическая высота	4,70	5	0,6	4,93	3	5,55	4	0,9	4,10	2
SS:SC. Симотический указатель	47,7	5	6,1	49,6	3	60,8	4	11,2	53,7	2
∠S. Симотический угол	93,1	5	7,6	91,2	3	79,7	4	9,9	86,4	2
DC. Дакриальная ширина	22,45	6	1,9	23,9	3	23,63	4	3,7	21,0	1
DS. Дакриальная высота	12,38	5	1,1	11,80	2	14,0	4	1,9	13,5	1
DS:DC. Дакриальный указатель	56,0	5	3,2	53,1	2	60,6	4	14,1	64,3	1
∠D. Дакриальный угол	83,6	5	3,2	86,8	2	80,3	4	13,0	75,7	1
FC. Глубина клыковой ямки	5,18	5	1,2	5,90	2	3,74	5	1,9	2,90	2
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	108,5	2	—	—	—	111,2	5	5,5	98,0	3
68. Длина нижней челюсти от углов	82,5	2	—	—	—	86,8	5	2,9	77,3	3
65. Мыщелковая ширина	116,5	2	—	—	—	120,0	4	6,1	124,0	2
66. Угловая ширина	102,7	3	—	96,0	1	105,4	5	6,1	101,0	3
79. Угол ветви нижней челюсти	122,7	2	—	—	—	114,4	5	5,9	115,3	3
∠C'. Угол выступания подбородка	66,0	2	—	—	—	76,7	3	7,5	67,7	3

Продолжение табл. 18

№ по Мартину или условное обозначение	Саргатская культура												
	Марково 1 (III–II вв. до н.э.)					Венгерово 1 и 7, Старый Сад (I в. до н.э. — I в. н.э.)		Вся Бараба суммарно					
	♂			♀		Только ♂		♂			♀		
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
1. Продольный диаметр	181,6	8	6,0	171,2	5	187,0	1	182,3	20	5,8	173,6	11	4,5
8. Поперечный диаметр	149,3	7	4,7	146,0	3	143,0	2	146,4	20	4,8	138,7	9	8,4
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	133,0	5	3,5	126,0	3	140,0	1	133,7	16	4,3	128,1	7	4,7
20. Высотный диаметр (*po-b*)	115,2	6	3,1	111,0	3	119,0	1	115,2	16	4,1	109,8	5	3,3
8:1. Черепной указатель	82,5	7	4,5	84,4	3	78,6	1	80,6	19	4,0	79,5	9	5,6
17:1. Высотно-продольный указатель	72,7	5	3,0	72,8	3	74,9	1	73,2	16	2,6	73,9	7	2,1
17:8. Высотно-поперечный указатель	88,8	5	5,2	86,5	3	95,2	1	90,8	16	4,1	89,9	7	4,8
5. Длина основания черепа	102,0	5	5,1	97,3	3	109,3	3	103,7	18	5,6	98,4	7	2,6
11. Ширина основания черепа	134,7	6	3,1	127,3	3	134,0	2	132,3	19	4,2	126,3	7	5,6
9. Наименьшая ширина лба	99,7	8	2,8	95,8	6	101,5	2	99,3	21	4,7	94,8	13	4,7
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	137,6	8	7,2	139,8	2	146,4	1	138,7	16	6,3	137,7	6	4,8
32. Угол профиля лба от *n*.	85,7	4	3,2	87,7	3	79,0	1	81,7	15	6,3	85,6	5	3,5
40. Длина основания лица	99,8	4	3,3	101,7	3	105,7	3	101,8	17	6,9	98,3	6	5,8
40:5. Указатель выступания лица	98,1	4	2,8	104,4	3	96,6	3	98,1	17	4,2	100,7	6	5,3
43. Верхняя ширина лица	110,2	8	3,4	104,7	6	110,7	4	110,2	23	4,3	104,5	13	3,0
46. Средняя ширина лица	100,5	4	3,8	101,3	3	102,7	3	100,8	16	4,4	98,2	5	4,7
45. Скуловой диаметр	142,2	5	3,8	131,0	3	143,7	3	139,9	19	4,0	130,4	7	5,5
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	94,9	5	3,1	89,7	3	97,3	1	94,5	16	2,7	92,6	7	3,5
48. Верхняя высота лица	69,8	4	2,6	64,8	4	70,7	4	70,3	19	3,3	65,7	7	2,9
47. Полная высота лица	115,3	3	3,5	107,5	2	121,3	3	117,1	13	5,6	111,0	4	6,7

48:45. Верхний лицевой указатель	49,6	4	1,8	49,5	3	50,1	3	50,6	18	2,6	51,0	6	4,0
72. Общий лицевой угол	87,0	3	1,0	83,7	3	86,3	3	85,7	15	3,1	85,0	4	4,1
73. Средний лицевой угол	89,0	3	1,7	86,0	3	87,7	3	87,9	14	3,1	87,5	4	3,7
74. Угол альвеолярной части	81,0	3	2,6	76,7	3	82,7	3	80,5	14	4,5	77,0	4	6,6
77. Назомалярный угол	142,6	8	7,7	147,4	5	140,8	4	141,2	22	5,6	143,2	12	5,7
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	137,4	4	2,0	138,0	3	131,4	4	134,4	17	4,3	137,1	5	4,0
51. Ширина орбиты от *mf.*	44,4	5	2,7	42,5	4	46,0	3	44,6	18	2,0	42,6	7	1,5
52. Высота орбиты	32,8	5	1,5	30,8	4	31,7	3	33,0	19	2,1	31,5	8	1,8
52:51. Орбитный указатель	74,0	5	3,5	71,2	4	69,0	3	74,4	18	6,5	73,5	7	6,5
55. Высота носа	50,2	4	2,2	48,0	4	51,2	4	50,0	19	3,0	48,7	7	1,9
54. Ширина носа	27,7	4	1,7	24,0	3	25,0	4	25,9	18	2,0	25,0	7	1,5
54:55. Носовой указатель	55,2	4	2,7	50,0	3	49,0	4	51,5	18	4,6	51,2	6	2,5
75(1). Угол выступания носа	18,7	3	1,5	13,5	2	24,5	2	26,7	15	6,4	20,3	4	10,2
SC. Симотическая ширина	8,16	7	2,6	6,00	3	5,27	3	8,39	19	2,4	7,91	8	2,4
SS. Симотическая высота	3,55	6	0,9	2,70	3	3,30	2	4,33	17	1,1	3,89	8	1,4
SS:SC. Симотический указатель	46,4	6	6,5	42,5	3	59,0	2	51,7	17	9,7	48,0	8	9,4
∠S. Симотический угол	94,6	6	7,9	96,3	3	81,0	2	89,1	17	10,2	91,9	8	8,9
DC. Дакриальная ширина	23,67	6	2,2	22,20	3	20,53	3	22,78	19	2,6	22,76	7	2,8
DS. Дакриальная высота	11,12	6	1,2	9,00	3	13,20	2	12,41	17	1,7	10,68	6	2,7
DS:DC. Дакриальный указатель	47,4	6	7,1	40,2	3	69,2	2	55,6	17	10,5	48,5	6	12,2
∠D. Дакриальный угол	93,6	6	8,6	103,3	3	71,7	2	85,0	17	10,7	93,2	6	14,8
FC. Глубина клыковой ямки	4,63	4	1,9	4,77	3	4,57	4	4,52	18	1,8	4,56	7	2,0
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	110,6	5	3,0	101,0	4	111,7	4	110,8	16	5,2	99,7	7	4,1
68. Длина нижней челюсти от углов	85,2	5	2,8	78,2	4	86,2	4	85,6	16	3,8	77,9	7	6,1
65. Мыщелковая ширина	126,0	4	5,5	118,3	3	119,7	3	121,2	13	6,1	120,6	5	9,0
66. Угловая ширина	108,2	6	9,8	99,3	4	116,5	4	108,3	18	8,5	99,5	8	6,3
79. Угол ветви нижней челюсти	116,2	5	6,8	120,7	4	119,0	4	117,2	16	6,6	118,4	7	8,8
∠C'. Угол выступания подбородка	66,0	4	5,9	73,6	5	66,5	4	68,6	13	6,8	71,4	8	6,1

Окончание табл. 18

№ по Мартину или условное обозначение	Новочекинская культура				Каменская (большереченская) культура				Новосибирский вариант кулайской культуры				
	Новочекино 2, Бергуль 1 (V–IV вв. до н.э.)				Здвинск 1 и 2, Осинцево 3 (V–II вв. до н.э.)				Каменный Мыс (III–II вв. до н.э.)				
	♂		♀		♂		♀		♂			♀	
	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*
1	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37
1. Продольный диаметр	182,0	2	179,0	1	179,0	2	162,0	1	180,8	6	6,8	174,7	3
8. Поперечный диаметр	145,5	2	142,0	1	152,5	2	149,0	2	144,6	7	3,4	134,7	3
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	135,0	1	128,0	1	134,0	1	—	—	135,2	6	5,1	127,0	3
20. Высотный диаметр (*po-b*)	116,0	1	107,0	1	122,0	1	109,0	1	115,0	6	4,2	107,7	3
8:1. Черепной указатель	79,9	2	80,7	1	85,2	2	95,1	1	81,5	5	3,7	75,9	2
17:1. Высотно-продольный указатель	71,4	1	72,7	1	76,1	1	—	—	74,9	5	4,2	72,8	2
17:8. Высотно-поперечный указатель	88,2	1	90,1	1	87,0	1	—	—	92,8	6	2,9	92,3	2
5. Длина основания черепа	106,0	1	105,0	1	100,0	1	—	—	101,5	4	3,7	95,7	3
11. Ширина основания черепа	136,0	1	127,0	1	133,0	1	140,0	1	131,1	7	2,5	117,3	3
9. Наименьшая ширина лба	99,7	3	89,0	1	101,0	4	89,5	2	97,2	10	3,4	90,0	5
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	142,1	3	147,4	1	142,2	4	150,6	2	—	—	—	—	—
32. Угол профиля лба от *n*.	86,0	1	80,0	1	86,0	1	80,5	2	82,5	2	—	—	—
40. Длина основания лица	110,0	1	112,0	1	98,0	1	—	—	99,0	3	1,0	100,0	1
40:5. Указатель выступания лица	103,8	1	106,7	1	98,0	1	—	—	96,2	3	3,5	108,7	1
43. Верхняя ширина лица	112,7	3	105,0	1	114,0	4	106,5	2	108,3	8	3,2	99,0	4
46. Средняя ширина лица	103,0	2	102,0	1	—	—	95,0	2	99,3	4	3,3	87,0	1
45. Скуловой диаметр	139,0	1	134,0	1	145,5	2	140,0	2	141,6	5	3,5	—	—
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	90,8	1	94,4	1	95,4	2	94,0	2	97,1	5	3,3	—	—
48. Верхняя высота лица	71,5	2	66,0	1	74,0	1	70,5	2	68,6	8	2,6	62,0	1
47. Полная высота лица	123,0	1	—	—	124,0	1	117,5	2	113,0	2	—	101,0	1
48:45. Верхний лицевой указатель	51,8	1	49,3	1	49,0	1	50,4	2	48,4	3	1,2	—	—

72. Общий лицевой угол	83,0	1	80,0	1	90,0	1	85,5	2	88,0	2	—	—	—
73. Средний лицевой угол	83,0	1	82,0	1	90,0	1	86,0	2	93,0	1	—	—	—
74. Угол альвеолярной части	83,0	1	73,0	1	90,0	1	84,0	2	82,0	1	—	—	—
77. Назомалярный угол	143,6	3	144,7	1	145,9	4	148,8	2	143,5	7	3,6	147,7	5
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	137,5	2	137,4	1	142,1	1	129,4	2	138,0	4	6,7	130,5	1
51. Ширина орбиты от *mf.*	44,3	3	42,0	1	48,0	1	42,5	2	44,0	9	1,1	40,0	1
52. Высота орбиты	32,7	3	28,0	1	37,0	1	33,0	2	33,4	8	1,3	28,5	1
52:51. Орбитный указатель	73,7	3	66,7	1	77,1	1	77,6	2	75,7	8	2,7	71,2	1
55. Высота носа	52,5	2	50,0	1	50,0	1	49,5	2	51,0	8	2,7	44,0	1
54. Ширина носа	26,0	2	27,0	1	27,0	1	23,5	2	24,2	11	1,3	23,7	3
54:55. Носовой указатель	49,6	2	54,0	1	54,0	1	47,5	2	47,4	8	2,5	54,6	1
75(1). Угол выступания носа	29,0	1	14,0	1	32,0	1	17,0	1	18,0	2	—	22,0	1
SC. Симотическая ширина	9,20	2	7,3	1	10,0	1	5,75	2	7,90	7	1,9	6,96	5
SS. Симотическая высота	4,85	2	2,7	1	3,6	1	3,20	2	3,25	4	0,6	2,98	4
SS:SC. Симотический указатель	56,3	2	37,0	1	36,0	1	55,0	2	49,2	4	2,6	44,4	4
∠S. Симотический угол	84,2	2	107,0	1	108,5	1	84,8	2	90,8	4	3,1	97,6	4
DC. Дакриальная ширина	25,0	1	24,0	1	21,7	1	19,05	2	21,81	7	1,2	19,65	2
DS. Дакриальная высота	11,3	1	10,2	1	10,8	1	9,05	2	12,53	3	0,8	11,2	1
DS:DC. Дакриальный указатель	45,2	1	42,5	1	49,8	1	47,6	2	59,8	3	4,7	62,2	1
∠D. Дакриальный угол	95,8	1	99,3	1	90,3	1	93,3	2	79,9	3	4,5	77,6	1
FC. Глубина клыковой ямки	4,10	2	3,2	1	3,85	2	6,45	2	4,84	9	1,4	4,35	2
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	108,5	2	—	—	109,7	4	109,0	2	103,3	7	4,6	100,0	2
68. Длина нижней челюсти от углов	85,0	2	—	—	84,3	4	82,5	2	79,9	9	4,9	83,0	2
65. Мыщелковая ширина	126,0	1	—	—	131,0	2	128,0	1	120,0	5	11,4	118,5	2
66. Угловая ширина	99,5	2	—	—	107,5	2	98,0	1	106,3	10	5,6	101,7	3
79. Угол ветви нижней челюсти	115,5	2	—	—	119,5	4	116,0	2	112,9	7	2,7	113,3	3
∠C'. Угол выступания подбородка	77,0	2	—	—	69,5	4	67,5	2	69,7	11	3,7	74,3	3

ческого типа, отличительные черты которого следующие: неширокое и высокое лицо, мезо-долихокранная форма черепа. Прослеживается также незначительная примесь монголоидного компонента, особенностью морфотипа которого является, видимо, небольшая высота черепа и лица.

Марково 1. Могильник расположен близ Абрамовского, его погребения датируются II–I вв. до н.э. По специфике сопровождающего погребения инвентаря и обрядности различия между этими могильниками невелики [Полосьмак, 1987, с. 94].

Внутри серии черепа различаются слабо (в том числе мужская и женская части выборки), а их характеристики в целом соответствуют групповой. Морфологические особенности отдельных черепов, да и всей серии (невысокий брахикранный череп, широкое, невысокое, уплощенное по горизонтали лицо, среднепрофилированное переносье и малый угол выступания носа), ставят данную выборку в ряд промежуточных между европеоидными и монголоидными вариантами.

Особенностями монголоидного компонента являются небольшая высота мозговой коробки при брахикранной форме, низкие и широкие лицо и орбиты, средневыступающее переносье. Для европеоидного компонента свойственны средняя высота мезо-брахикранной мозговой коробки, низкие и широкие лицо и орбиты. Соответственно, оба компонента могут быть поставлены в связь с морфологическими вариантами, выделяемыми в составе серии черепов из могильника Абрамово 4.

Венгерово 1, 7 и Старый Сад 1. Могильники расположены недалеко друг от друга, их погребения характеризуют заключительный этап функционирования саргатской культуры в Барабинской лесостепи и датируются I в. до н.э. — I в. н.э. [Полосьмак, 1987, с. 94–95]. Малочисленность и фрагментарность палеоантропологических находок из Венгерово и Старого Сада, типологическая, хронологическая и географическая близость погребений обусловили группировку черепов в одну, только мужскую серию, морфологические особенности которой во многом сходны с рассмотренными выше черепами из саргатских погребений могильника Абрамово 4. Их специфика определяется повышенной высотой мозговой коробки и несколько более лептоморфным строением лицевого скелета. В целом черепа имеют европеоидный облик, но небольшой угол выступания носа, средняя величина симотической высоты и несколько увеличенные углы горизонтальной профилировки лицевого скелета свидетельствуют о монголоидной примеси. Европеоидную основу выборки составляет компонент со следующими чертами: мезокранная средневысокая мозговая коробка, широкое и невысокое лицо, широкие и низкие орбиты.

Антропологический состав саргатского населения Барабинской лесостепи, как свидетельствует анализ краниологических материалов, сложен. Прослеживаются преимущественно три расовых компонента, удельный вес которых различен в территориальных выборках, что и определяет их специфику: 1) европеоидный вариант с лептоморфным лицом, высоким мезодолихокранным черепом; 2) европеоидный вариант с эуриморфным лицом, невысоким мезо-брахикранным черепом; 3) монголоидный вариант с эури-

морфным лицом, низким брахикранным черепом, средневыступающим переносьем.

Основной ареал памятников каменской (большереченской) культуры охватывает лесостепное Приобье, но незначительное их количество отмечено и в южных областях Барабы. Палеоантропологический материал происходит из могильников Осинцево 3, Здвинск 1 и 2, датируемых V–III вв. до н.э. и относящихся к кругу памятников бийского этапа развития большереченской культуры [Полосьмак, 1987, с. 101–104]. Принадлежность памятников раннего железа лесостепного Верхнего Приобья либо к бийскому и березовскому этапам большереченской культуры, либо к каменской культуре дискуссионна. При этом отмечается, что в каменской (большереченской) культуре велико влияние культур степных племен, а подавляющая часть каменского населения считается пришлой [Уманский, 1980а; Троицкая, 1981, 1994; Троицкая, Бородовский, 1994; Могильников, 1997], что не противоречит результатам исследования краниологических материалов из различных могильников каменской культуры [Рыкун, 1997, 1999, 2002, 2013].

Краниологические материалы из погребений каменской (большереченской) культуры малочисленны и фрагментарны. С учетом данного обстоятельства мужские и женские черепа могут быть охарактеризованы как брахикранные со средней высотой мозговой коробки. В горизонтальной плоскости лицевой скелет профилирован слабо, переносье средней высоты, умеренно профилированное по горизонтали, угол выступания носовых костей большой. Черепа европеоидного облика, особенности их строения — большая ширина слабопрофилированного в горизонтальной плоскости лица, широкие орбиты. Пониженная высота переносья указывает на примесь монголоидных элементов, что сближает эту группу с саргатскими популяциями Барабы, особенно по материалам из могильника Абрамово 4.

Памятники новочекинской культуры открыты преимущественно на севере Барабы. Могильников известно немного, это Новочекино 2 и Бергуль. Палеоантропологический материал из них невелик (четыре мужских и один женский череп), но представляет значительный интерес для выяснения характера связей лесостепных и северных лесных групп населения раннего железного века. Оба могильника датируются V–III вв. до н.э. и по особенностям материальной культуры и погребальной обрядности обнаруживают сходство с культурами таежного населения Западной Сибири [Полосьмак, 1987, с. 91, 104–108]. По особенностям строения мужские черепа могут быть отнесены к кругу европеоидных форм с заметной монголоидной примесью, женский череп по основным размерам и пропорциям, включая своеобразную форму переносья, сходен с мужскими, однако монголоидность строения лицевого скелета у них выражена предельно отчетливо.

Европеоидный компонент обладает следующими чертами: мезо-брахикранная форма средневысокого черепа, мезо-эуриморфное слабопрофилированное лицо, хамеконхия. Как видно, основной европеоидный компонент новочекинской группы морфологически сближается с широколицым европеоидным комплексом, фиксируемым в составе практически всех рассмотренных выше барабинских выборок.

Монголоидные особенности женского черепа и монголоидного компонента в составе мужской группы однотипны: это брахикрания, небольшая высота свода, низкое и широкое лицо, средневыступающее переносье при малом угле носа и уплощенном по горизонтали лицевом скелете. Данный морфологический вариант сходен с монголоидным комплексом, отмеченным в составе раннежелезных серий Барабы, особенно по материалам из могильника Марково.

В ***северной части Новосибирского Приобья*** исследован могильник Каменный Мыс, погребения из которого отнесены к новосибирскому варианту кулайской культуры. Основной ареал памятников кулайской культуры — лесная полоса Среднего Приобья (преимущественно Нарымское Приобье), время существования — IV–III вв. до н.э. — IV–V вв. н.э. [Чиндина, 1984, с. 99; 1991]. Из классических кулайских могильников краниологические материалы пока отсутствуют (в силу чрезвычайно плохой сохранности). Северная часть Новосибирского Приобья, судя по известным археологическим памятникам, является южной периферией распространения кулайских древностей. Здесь Т.Н. Троицкой исследован могильник Каменный Мыс, ряд погребений которого датируется III–II вв. до н.э. и отнесен к кулайской культуре [1979]. Особенности погребальной обрядности и сопровождающего погребения инвентаря свидетельствуют о том, что в материалах некрополя нашло отражение слияние элементов кулайской и большереченской (каменской) культур, поэтому Каменный Мыс отнесен к кругу памятников особого новосибирского варианта кулайской культуры [Троицкая, 1979, 1981, 1994].

Сохранность костных материалов из погребений могильника Каменный Мыс плохая, поэтому, несмотря на большое количество исследованных черепов, численность наблюдений в сериях невелика. Между мужскими и женскими черепами виден ряд морфологических различий. Женские черепа, в частности, имеют более долихокранную форму, меньшую высоту свода, лица, носа и в целом у́же практически по всем широтным размерам, в том числе лицевого скелета. Однако общий морфологический облик мужских и женских черепов свидетельствует о принадлежности их к одному типу, а наблюдаемые расхождения обусловлены, скорее всего, малочисленностью выборки.

Для черепов характерна мезо-брахикранная форма при средней высоте мозговой коробки. Лицо широкое и невысокое, переносье средней ширины, высокое и хорошо профилированное на уровне дакриальных точек, но заметно ниже и площе по симотическим размерам. При этом угол выступания носовых костей довольно малой величины. В целом морфологические особенности черепов говорят о том, что выборка представляет собой вариант, во многом промежуточный между европеоидными и монголоидными формами.

Европеоидные особенности группы характеризуются, вероятнее всего, такими чертами, как мезокрания, средняя высота черепа, широкий эуриморфный умеренно профилированный по горизонтали ортогнатный лицевой скелет. Морфологические особенности монголоидной комбинации

сводятся к следующему: невысокий брахикранный череп, широкое и низкое лицо, средневысокое переносье и слабое выступание носовых костей.

Обе морфологические комбинации, наблюдаемые в составе каменномысской серии, во многом сближаются с отмеченными выше эуриморфными европеоидным и монголоидным расовыми вариантами в антропологическом составе населения Барабы различных археологических культур, особенно с теми, что фиксируются в составе усть-тартасской, новочекинской и марковской групп.

Кулайская популяция, оставившая могильник Каменный Мыс, в антропологическом плане может быть определена как метисная. Антропологические особенности популяции определяются в основном двумя компонентами — эуриморфным европеоидным и низколицым монголоидным, доля последнего в ее составе несколько преобладает.

При анализе характера индивидуальной изменчивости краниологических материалов из Барабы проявились некоторые закономерности. Обращает на себя внимание тот факт, что в плане исторической корреляции связи между признаками, определяющими принадлежность того или иного индивида либо к европеоидному, либо к монголоидному типу, нарушены, поэтому в анализируемой совокупности нет гармоничных европеоидных и монголоидных форм, все они несут на себе следы метисации.

Таким образом, на черепах из саргатских могильников Барабы признаки складываются в разнообразные морфологические комплексы, являющиеся промежуточными вариантами как внутри европеоидных и монголоидных типов, так и между ними в целом. Это указывает, скорее всего, на высокую интенсивность метисационных процессов в Барабе, однако не достигших еще той стадии, когда происходит нивелировка резкой дисгармонии в корреляции между основными дифференцирующими признаками.

Межгрупповое сопоставление палеоантропологических материалов из Барабинской лесостепи выявляет дисгармонию в корреляционных связях признаков, дифференцирующих серии по линии европеоидность/монголоидность, что говорит о различиях в антропологическом составе анализируемых выборок.

Менее всего монголоидная примесь прослеживается в составе саргатской серии из могильника Абрамово 4, характерными чертами которой являются высокая мезокранная черепная коробка, широкое, невысокое, хорошо профилированное по горизонтали лицо, высокое переносье и сильное выступание носовых костей. Эти же морфологические особенности определяют тип выборки из Венгерово/Старого Сада, но в этой группе понижен угол выступания носа. Данная европеоидная комбинация характерна и для новочекинской и каменской (большереченской) серий, но в их составе примесь монголоидных элементов фиксируется вполне определенно, что выражается в общей уплощенности лицевого скелета, более округлой форме черепа и уменьшении его высоты. Максимальная примесь аналогичного монголоидного компонента наблюдается в выборках из могильников Каменный Мыс (кулайского) и Марково 1 (саргатско-

го). Несколько иной европеоидный тип характерен для серии из Усть-Тартаса: невысокая, более брахикранная черепная коробка, менее широкое лицо, сильное выступание носовых костей при относительно слабее профилированном в горизонтальной плоскости лицевом скелете и пониженной высоте переносья. Ослабление горизонтального профиля лица и переносья связано с влиянием вышеописанного монголоидного компонента. Вполне возможно, что понижение высоты мозговой коробки и увеличение черепного указателя также обусловлены этим фактором. А общее уменьшение ширины лицевого скелета усть-тартасских черепов есть отражение присутствия в составе данной популяции незначительного европеоидного лептоморфного комплекса.

Сопоставление антропологической структуры мужских и женских выборок из Барабы говорит как о принципиальном сходстве состава тех и других, так и о единстве основных тенденций их формообразования. Анализ внутри- и межгрупповой изменчивости указывает на ту стадию метисационных процессов между различными в физическом отношении группами людей, когда еще не происходит нивелировка антропологической специфики каждой.

В образовании популяций саргатской культуры доминирующая роль должна быть отведена группам населения европеоидного типа, но различных его вариантов. Фиксируются преимущественно два европеоидных компонента, характеризующиеся достаточно четким морфологическим своеобразием. В антропологическом составе саргатских популяций преобладает комплекс со следующими краниологическими характеристиками: мезобрахикрания, средневысокий череп, широкое и низкое лицо, нередко с ослабленным горизонтальным профилем, ортогнатия. Наряду с этим фиксируется, особенно отчетливо по материалам из могильника Усть-Тартас, присутствие европеоидного компонента с такими чертами, как высокий мезо-долихокранный череп, высокий, неширокий, хорошо профилированный в горизонтальной плоскости лицевой скелет. На раннем этапе саргатской культуры (V–III вв. до н.э.) прослеживается влияние на антропологический облик популяций монголоидного населения, в краниологическом отношении низкоголового, брахикранного, с широким низким лицом, слабовыступающим носом, но со средневысоким переносьем. Позднее (в III–I вв. до н.э.) в составе саргатских популяций наблюдается существенное увеличение удельного веса данного компонента (Марково 1).

Антропологическую специфику новочекинской и кулайской популяций определяет низколицый монголоидный тип, удельный вес которого выше среди кулайцев. По морфологии он не отличается от монголоидного компонента саргатских выборок. Некоторые европеоидные черты новочекинской и кулайской групп обусловлены влиянием на их облик брахикранного эуриморфного европеоидного варианта, также в целом характерного для саргатского населения Барабы. Поэтому антропологический состав и особенности морфологии новочекинской и кулайской популяций по ряду параметров близки структуре некоторых саргатских групп, особенно синхронных (Марково 1).

Сложным вырисовывается антропологический состав каменского населения Барабы. Европеоидный компонент морфологически близок брахикранному широколицему варианту саргатских популяций, а монголоидный — видимо, неоднороден. Насколько позволяют материалы, можно говорить о двух морфологических комбинациях: для одной характерны низкий брахикранный череп и низкое и широкое лицо (аналогичен монголоидному типу в составе населения различных культур Барабы и северной части Новосибирского Приобья), для другой — массивный, более высокий, брахикранный череп, более высокое лицо.

В хронологическом аспекте не улавливаются закономерности изменчивости антропологических типов в Барабе, проявляется лишь тенденция, характерная для саргатских популяций в целом: в составе ранних групп обычно преобладает мезо-брахикранный широколицый европеоидный компонент с незначительной примесью низколицых монголоидных элементов, доля которой с течением времени возрастает.

§ 2. Антропологический состав и закономерности изменчивости популяций раннего железа

Рассмотренные выше краниологические материалы из могильников различных археологических культур раннего железа достаточно полно отражают антропологические особенности населения, обитавшего тогда в лесостепи Западной Сибири. Объем данных по саргатской культуре позволяет на популяционном уровне рассмотреть характер изменчивости расовых признаков в пространстве, а также на протяжении значительного отрезка времени, примерно с середины I тыс. до н.э. по III–IV вв. н.э.

2.1. Локальные особенности

Для всех мужских и женских саргатских черепов характерными морфологическими особенностями являются мезо-брахикранная форма при средней высоте мозговой коробки; большая ширина лицевого скелета при относительно небольшой его высоте; очень широкие и низкие орбиты; высокое переносье, сочетающееся со средним углом выступания носовых костей и пониженной профилированностью лица в горизонтальной плоскости (табл. 19).

Женские черепа по структуре мало отличаются от мужских, некоторая специфика их морфотипа сводится в итоге к следующему: они имеют более брахикранную форму, чуть меньшие высоту переносья и угол выступания носовых костей, более уплощенный по горизонтали лицевой скелет.

Сопоставление локальных серий между собой и с обобщенными данными по всей саргатской выборке позволяет выявить как типичные, так и отличающиеся от основной массы саргатского населения группы. Крупные локальные выборки по саргатскому населению основных микрорай-

Таблица 19

Средние размеры и указатели черепов из могильников саргатской культуры Западной Сибири

Признак, № по Мартину или условное обозначение	♂				♀			
	n	$\bar{x}$	min—max	*s*	*n*	$\bar{x}$	min—max	*s*
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Продольный диаметр	149	184,0	165–207	7,6	76	172,7	157–186	6,6
8. Поперечный диаметр	145	146,0	134–163	5,4	78	140,2	126–156	6,2
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	98	135,1	123–148	5,6	52	129,1	121–144	5,1
20. Высотный диаметр (*po-b*)	116	116,6	106–125	4,5	56	112,2	103–121	4,0
8:1. Черепной указатель	140	79,5	68,3–88,6	4,3	70	81,4	70,7–98,1	4,9
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	96	73,6	65,0–81,8	3,4	52	75,1	68,5–83,7	3,6
20:1. Высотно-продольный указатель от *po*.	114	63,6	56,3–69,7	3,0	55	64,9	57,9–74,4	2,9
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	97	92,4	78,6–105,9	4,8	49	91,7	81,3–106,7	5,2
20:8. Высотно-поперечный указатель от *po*.	115	80,0	71,7–90,4	3,5	54	79,6	73,5–89,6	3,4
5. Длина основания черепа	97	104,0	91–114	4,5	47	96,7	83–112	5,3
11. Ширина основания черепа	126	130,9	113–143	5,6	59	124,9	108–135	5,4
9. Наименьшая ширина лба	162	99,4	86–113	5,0	105	94,8	84–104	4,1
10. Наибольшая ширина лба	141	122,6	107–136	5,7	88	117,5	106–127	4,8
9:8. Лобно-поперечный указатель	132	68,1	61,1–76,6	3,5	72	67,5	57,1–76,2	4,1
9:10. Лобный указатель	132	81,1	71,1–91,7	4,1	83	80,7	71,2–90,6	4,0
Sub. 9. Высота лобной кости над наименьшей шириной	114	18,7	11,0–28,0	3,1	82	17,6	11,2–24,5	2,7
Угол поперечного изгиба лба	114	139,1	127,3–154,4	5,5	82	139,4	126,9–150,5	5,1
32. Угол профиля лба от *n*.	105	81,3	68–93	5,1	49	83,0	68–95	5,2
GM/FH. Угол профиля лба от *g*.	102	71,7	59–84	5,3	48	75,6	60–85	5,5
12. Ширина затылка	144	113,5	102–129	4,9	78	109,2	96–121	4,8
40. Длина основания лица	91	101,1	91–118	5,3	41	94,8	82–107	6,0
40:5. Указатель выступания лица	89	97,0	87,7–108,7	3,7	41	98,3	91,7–107,2	3,8
43. Верхняя ширина лица	153	110,6	98–122	4,6	97	105,2	98–114	3,4
46. Средняя ширина лица	110	100,1	89–116	5,0	59	94,7	83–106	4,5
45. Скуловой диаметр	127	139,3	126–150	5,3	64	129,8	110–139	5,4
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	121	95,4	86,4–106,5	3,4	57	92,2	84,6–102,4	3,8
9:45. Лобно-скуловой указатель	118	71,4	62,9–81,5	3,6	61	72,7	64,7–80,7	3,7
48. Верхняя высота лица	132	70,4	58–82	4,3	72	66,8	57–77	4,1
47. Полная высота лица	90	117,1	100–131	6,4	44	110,7	99–127	6,4
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	89	52,2	45,6–63,7	4,0	44	51,3	43,8–58,9	3,4
48:45. Верхний лицевой указатель	110	50,6	43,1–60,3	3,4	55	51,2	44,9–59,2	3,3
72. Общий лицевой угол	100	86,4	76–98	3,5	48	85,3	80–90	2,7
73. Средний лицевой угол	96	88,3	78–99	3,7	45	87,6	82–94	3,2
74. Угол альвеолярной части	94	80,3	69–93	5,2	45	77,7	57–85	4,9
43(1). Биорбитальная ширина	150	102,7	93–116	4,2	95	98,2	90–106	3,3
Высота назиона над биорбитальной шириной	148	17,5	10,5–28,0	2,9	95	15,8	11,0–20,8	2,4
Высота назиона над биорбитальной шириной	148	17,5	10,5–28,0	2,9	95	15,8	11,0–20,8	2,4
77. Назомалярный угол	148	142,5	128,5–156,3	5,7	95	144,3	134,4–154,6	4,8
zm'-zm'. Зигомаксиллярная ширина	104	99,8	89–116	5,1	55	93,9	81–105	4,6
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	104	22,1	17,5–28,3	2,6	55	20,0	14,2–25,0	2,2

Окончание табл. 19

1	2	3	4	5	6	7	8	9
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	104	132,3	119,5–141,2	5,0	55	133,8	124,2–144,1	4,6
51. Ширина орбиты от *mf.*	139	45,2	39–52	2,5	71	43,2	38–49	2,1
51a. Ширина орбиты от *d.*	127	41,8	37–48	1,9	65	40,1	35–43	1,6
52. Высота орбиты	144	32,8	26–38	2,1	78	32,7	29–38	2,2
52:51. Орбитный указатель от *mf.*	138	72,6	61,9–87,2	5,1	71	75,6	63,0–86,8	5,5
52:51a. Орбитный указатель от *d.*	127	78,5	65–93,7	5,3	65	81,4	70,7–92,5	5,5
55. Высота носа	133	51,1	43–57	2,7	72	48,6	41–56	2,9
54. Ширина носа	137	25,5	22–30	1,7	75	24,6	22–30	1,7
54:55. Носовой указатель	125	50,0	41,5–58,8	3,8	69	50,3	42,9–60,4	3,4
75. Угол наклона носовых костей	96	59,3	45–74	6,4	43	62,8	50–75	6,4
75(1). Угол выступания носа	105	27,1	14–37	5,2	53	22,6	12–35	5,5
SC. Симотическая ширина	126	8,15	3,6–14,0	1,9	73	7,93	3,4–13,0	1,7
SS. Симотическая высота	124	4,33	2,0–6,8	1,1	73	3,50	1,7–6,2	0,9
SS:SC. Симотический указатель	124	53,8	28,6–96,2	12,6	73	44,4	21,2–64,4	9,9
∠S. Симотический угол	124	87,2	55,0–120,5	12,8	73	97,7	75,6–126,2	12,2
50. Межглазничная ширина	127	19,20	13,5–27,0	2,3	67	18,21	14,0–26,0	2,1
DC. Дакриальная ширина	116	21,69	17,2–27,5	2,3	60	20,77	16,5–27,0	2,3
DS. Дакриальная высота	114	12,50	8,4–16,6	1,5	59	10,83	6,2–15,6	1,8
DS:DC. Дакриальный указатель	114	58,3	37,1–82,6	8,9	59	52,8	33,5–78,3	9,4
∠D. Дакриальный угол	114	82,0	62,4–106,9	8,5	59	87,8	65,1–112,3	10,0
FC. Глубина клыковой ямки	124	4,59	1,5–7,8	1,4	68	3,88	0,2–7,3	1,6
62. Длина нёба	98	47,0	39–54	3,1	51	44,2	41–49	2,0
63. Ширина нёба	108	41,5	34–53	3,2	56	39,5	32–47	2,8
63:62. Нёбный указатель	88	88,5	71,1–123,3	8,5	45	90,5	77,1–100,0	6,1
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	117	107,9	91–121	6,4	77	102,7	92–120	5,1
68. Длина нижней челюсти от углов	122	83,0	70–96	5,1	81	78,8	66–89	4,7
65. Мыщелковая ширина	90	123,4	106–147	7,3	62	117,0	102–143	7,2
66. Угловая ширина	114	107,2	83–136	8,0	75	99,2	86–118	7,0
70. Высота ветви	120	62,7	50–88	6,4	83	56,4	41–69	5,4
71a. Наименьшая ширина ветви	137	36,6	31–43	2,5	96	34,6	29–41	2,6
67. Передняя ширина нижней челюсти	126	47,6	36–62	3,1	82	46,4	42–54	2,7
79. Угол ветви нижней челюсти	121	117,1	99–130	5,7	83	118,7	106–135	6,1
∠C'. Угол выступания подбородка	117	68,9	53–84	6,4	72	67,7	52–81	6,2
УЛС	39,3 ± 0,15				47,4 ± 0,28			
ПФЦ	91,8 ± 0,08				92,5 ± 0,12			
УДМЭ	28,1				39,7			

онов в антропологическом отношении очень близки и отражают лишь незначительные особенности одного физического типа.

Особенная близость обнаруживается между саргатским населением Прииртышья и Приишимья, группы Притоболья и Барабы характеризуются некоторым своеобразием. В наибольшей степени обобщенному саргатскому антропологическому варианту соответствуют популяции Прииртышья, затем Приишимья и Притоболья, население Барабы обнаруживает незначительную специфику. На популяционном уровне прослеживается аналогичная картина, но наблюдается повышенная межгрупповая изменчивость, что обусловлено преимущественно объемом серий: чем крупнее по численности группа, тем меньше она отличается от усредненных характеристик. Изменчивость в мужской и женской совокупностях групп

идет в одном направлении и связана с увеличением/уменьшением удельного веса монголоидного компонента.

Краниологические типы, выделенные на индивидуальном уровне, в морфологическом отношении не обнаруживают принципиальных различий между собой, характер их изменчивости совпадает с общими тенденциями изменчивости саргатских материалов, а связи между признаками не противоречат нормальной корреляции, что свидетельствует о том, что мы имеем дело с более или менее гармоничными европеоидными и монголоидными комбинациями, внутри которых различия определяются высотой мозговой коробки, шириной лба, размерами лицевого скелета и орбит (табл. 20, 21). Не обнаруживается и принципиальных расхождений между морфотипами, выделенными на локальных уровнях. Следовательно, зафиксированные комбинации являются не абстрактными категориями, а достаточно реальными антропологическими компонентами, определяющими в итоге морфологическую специфику как локальных популяций саргатского населения, так и приуроченных к географическим микрорайонам групп популяций. Сопоставление серий с краниологическими типами, с одной стороны, достаточно эффективно демонстрирует особенности антропологического состава локальных саргатских групп, т.е. какой из мор-

Таблица 20

Краниометрические характеристики морфологических типов Западной Сибири по палеоантропологическим данным (невзвешенные средние по мужским и пересчитанным на мужские женским черепам)

Признак	Европеоидные типы			Монголоидные типы		
	Низкое лицо (3 группы)	Высокое лицо (4 группы)	Низкое, уплощенное лицо (2 группы)	Низкое лицо (4 группы)	Высокое лицо (4 группы)	Низкое лицо и долихокрания (1 группа)
8:1. Черепной указатель	79,1	77,1	84,0	82,3	81,5	75,8
17. Высота черепа	132,9	139,3	136,7	132,5	134,9	131,5
9. Наименьшая ширина лба	97,3	100,1	97,0	96,8	100,7	96,0
45. Скуловой диаметр	135,6	138,8	139,8	139,1	142,8	136,7
48. Верхняя высота лица	67,0	74,2	68,8	67,6	75,8	68,5
55. Высота носа	49,6	53,7	49,7	48,8	53,6	51,2
54. Ширина носа	24,3	25,0	24,5	24,7	26,0	25,0
51. Ширина орбиты от *mf.*	44,2	46,9	45,3	44,4	46,2	44,2
52. Высота орбиты	32,3	34,2	32,5	32,7	33,8	32,4
∠D. Дакриальный угол	79,5	77,2	77,9	90,9	87,9	86,6
∠S. Симотический угол	85,6	83,7	88,6	101,0	97,1	83,2
(∠D + ∠S):2. Горизонтальный профиль переносья	82,6	80,4	83,2	96,0	92,5	84,9
SS. Симотическая высота	4,80	5,27	4,43	3,55	3,95	3,80
DC. Дакриальная ширина	21,31	22,24	19,32	21,78	22,00	21,10
DS. Дакриальная высота	13,11	14,31	12,30	11,15	11,70	11,20
72. Общий лицевой угол	86,0	86,1	85,0	85,3	86,5	84,3
77. Назомалярный угол	137,2	138,5	147,1	145,8	144,3	140,9
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	127,6	128,2	133,5	135,9	135,9	131,4
75(1). Угол выступания носа	30,0	29,8	30,2	22,3	23,5	20,5
УЛС	13,4	11,8	47,0	66,8	58,4	60,9

Таблица 21

Краниометрические характеристики морфологических типов, выделенных в совокупности материалов раннего железного века Западной Сибири

№ по Мартину или условное обозначение	Европеоидные комбинации						Монголоидные комбинации								
	Высокое лицо			Низкое лицо			Высокое лицо			Низкое лицо			Долихокрания		
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Мужчины															
1. Продольный диаметр	188,1	12	9,1	182,2	19	5,6	186,1	9	4,3	179,2	5	5,3	189,7	3	8,5
8. Поперечный диаметр	145,3	13	3,9	146,4	18	5,1	146,3	8	6,5	151,0	5	2,8	144,3	3	6,5
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	136,2	10	5,7	135,2	17	5,4	137,5	8	6,4	133,0	4	1,4	134,7	3	4,2
8:1. Черепной указатель	77,3	12	3,6	80,3	18	3,3	78,4	8	3,0	84,2	5	2,4	76,1	3	1,3
5. Длина основания черепа	105,3	11	4,2	103,1	17	4,0	104,5	8	3,2	102,0	3	2,6	105,0	3	3,6
9. Наименьшая ширина лба	100,1	13	6,1	97,0	19	4,7	101,6	9	4,2	102,4	5	4,8	100,3	3	5,5
32. Угол профиля лба от *n*.	79,3	12	5,1	81,2	18	5,9	80,9	9	5,5	85,3	3	1,5	83,0	2	—
40. Длина основания лица	101,9	11	6,2	100,1	16	4,3	100,6	8	3,7	103,5	2	—	100,0	3	3,6
45. Скуловой диаметр	137,7	12	4,5	141,3	18	4,7	141,9	8	3,3	141,8	5	5,4	135,7	3	6,6
48. Верхняя высота лица	74,9	12	3,6	67,9	19	2,3	75,7	9	2,4	67,6	5	3,2	69,7	3	1,1
48:45. Верхний лицевой указатель	53,5	13	3,0	48,1	18	1,8	53,4	8	1,6	47,7	5	3,6	51,4	3	2,3
72. Общий лицевой угол	86,9	12	2,4	86,4	17	4,6	86,2	9	1,8	85,5	2	—	88,5	2	—
77. Назомалярный угол	138,3	11	3,7	143,3	18	3,8	144,5	9	5,3	142,7	5	4,5	142,9	3	5,5
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	130,9	11	5,1	132,6	17	4,5	135,0	8	3,9	137,0	2	—	131,4	3	3,1
51. Ширина орбиты от *mf*.	45,2	12	2,2	45,2	18	1,9	46,1	9	3,0	46,8	5	2,6	44,5	2	—
52. Высота орбиты	32,7	12	1,8	32,5	19	1,9	33,7	9	2,2	32,8	5	2,0	33,1	3	1,2
55. Высота носа	52,8	13	2,7	50,5	19	3,2	53,1	9	1,5	48,5	4	1,3	50,3	3	0,6
54. Ширина носа	25,8	13	1,4	25,8	18	1,9	26,4	9	2,0	25,3	3	1,1	24,1	3	1,2
75(1). Угол выступания носа	29,5	13	4,1	29,2	18	2,9	22,7	9	3,7	21,0	5	2,0	20,0	2	—
SC. Симотическая ширина	8,5	13	2,2	8,1	17	1,6	7,1	9	1,0	7,3	5	2,4	7,0	1	—
SS. Симотическая высота	4,4	12	0,9	4,7	17	0,9	3,1	9	0,7	3,1	5	0,8	2,0	1	—
DC. Дакриальная ширина	22,5	13	2,4	21,7	18	2,0	21,9	8	1,8	22,4	5	2,9	20,6	1	—
DS. Дакриальная высота	13,0	13	1,8	12,7	17	1,4	11,4	8	1,6	10,9	5	1,1	12,0	1	—
Женщины															
1. Продольный диаметр	177,3	10	5,7	171,2	9	7,4	176,5	2	—	169,8	15	5,0	178,4	7	2,7
8. Поперечный диаметр	140,2	9	3,2	145,9	9	4,1	144,0	2	—	141,3	15	6,2	136,6	7	3,7
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	131,9	9	4,9	133,1	9	2,5	135,0	3	2,6	126,5	15	3,6	131,3	7	7,3
8:1. Черепной указатель	78,9	9	2,3	85,4	9	5,1	81,6	2	—	83,3	15	5,1	76,6	7	2,2
5. Длина основания черепа	100,2	8	2,3	96,2	6	4,3	101,0	2	—	94,6	13	4,3	102,7	6	5,5
9. Наименьшая ширина лба	96,5	10	4,0	93,4	9	5,2	96,5	4	1,7	95,0	15	4,1	94,1	7	4,7
32. Угол профиля лба от *n*.	82,3	10	4,0	85,9	8	3,3	82,5	2	—	82,6	15	4,5	79,6	5	3,0
40. Длина основания лица	96,4	8	3,2	93,2	6	6,1	97,5	2	—	92,8	13	5,0	100,5	6	3,6
45. Скуловой диаметр	128,1	9	4,8	133,3	9	5,3	134,0	2	—	131,3	15	3,2	128,3	6	5,9
48. Верхняя высота лица	70,7	9	3,8	65,7	9	3,7	72,5	4	0,6	65,0	15	2,5	66,5	6	4,7
48:45. Верхний лицевой указатель	54,3	10	3,6	49,3	9	2,3	54,1	2	—	49,5	15	2,3	52,1	5	2,8
72. Общий лицевой угол	85,5	10	1,9	85,1	8	2,9	86,0	2	—	85,8	15	1,8	84,2	5	4,4
77. Назомалярный угол	138,7	9	3,6	145,2	9	4,7	144,2	4	4,8	146,3	15	3,0	143,4	7	5,1
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	130,5	10	4,7	133,3	9	5,2	133,6	2	—	135,8	15	4,9	132,6	4	5,5
51. Ширина орбиты от *mf*.	43,7	10	1,8	43,1	9	2,2	47,0	3	1,7	43,3	15	1,5	43,8	6	1,3
52. Высота орбиты	34,1	10	1,7	33,1	9	1,9	33,8	4	1,5	32,4	15	2,1	31,5	7	1,5
55. Высота носа	50,8	10	2,4	47,4	9	3,2	50,8	4	2,2	47,9	15	1,8	47,8	5	3,1

Окончание табл. 21

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
54. Ширина носа	24,0	10	1,6	24,1	9	2,5	24,8	4	1,3	24,1	14	1,6	25,4	6	2,2
75(1). Угол выступания носа	26,7	9	3,5	27,7	9	3,1	19,3	3	5,5	18,5	15	3,6	19,6	5	4,0
SC. Симотическая ширина	8,9	9	1,3	8,3	9	1,6	8,0	3	0,5	7,9	15	2,0	7,8	7	1,7
SS. Симотическая высота	4,5	9	0,8	3,7	9	1,0	3,2	3	1,1	3,0	15	0,7	3,6	7	0,7
DC. Дакриальная ширина	21,0	9	2,0	19,8	9	2,4	20,5	3	0,8	20,7	15	2,3	21,1	6	1,8
DS. Дакриальная высота	12,0	9	1,2	11,7	9	1,9	10,4	3	1,2	9,6	15	1,3	11,4	6	1,0

фотипов определяет антропологические особенности каждой конкретной популяции и какова доля того или иного компонента в составе выборок, с другой — указывает на степень расогенетической связи между палеопопуляциями различных культур раннего железа. Для целей межгруппового анализа на локальном уровне получены также краниометрические характеристики морфотипов, основанные на суммировании индивидуальных данных отдельно по мужским и женским черепам (табл. 21).

Выше уже отмечалось, что выборки черепов из основных микрорайонов распространения памятников саргатской культуры, сгруппированные по территориальному принципу, морфологически различаются слабо и вряд ли имеются веские основания сомневаться в их тесном родстве и сходстве механизмов их формирования. Следовательно, однообразие в культуре саргатских племен в значительной мере может быть соотнесено с их антропологическим единством. Однако как в территориальных вариантах саргатской культуры выделяются некоторые особенности [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; Могильников, 1992; Матвеева, 1993а, 1994], так и в антропологическом составе и типах локальных групп населения прослеживаются специфические черты. Это обусловлено неодинаковым удельным весом компонентов, принимавших участие в их формировании, а заметные морфологические расхождения между компонентами указывают, видимо, на различия в их происхождении.

Сопоставление локальных выборок из могильников Западной Сибири эпохи раннего железа между собой, а также с краниологическими типами, выделенными на индивидуальном уровне, указывает на долю удельного веса в структуре локальных серий того или иного антропологического компонента. Соответственно, на основании данных наблюдений мы получаем картину особенностей формирования и антропологического состава населения западносибирской лесостепи в этот исторический период.

По характеру нагрузок на признаки в данной совокупности серий видны основные закономерности общей изменчивости (табл. 22). Признаками первого канонического вектора серии дифференцируются по степени выраженности европеоидных особенностей, в результате максимально расходятся монголоидные и европеоидные морфотипы, а локальные саргатские выборки располагаются между крайними вариантами (рис. 13).

Результаты сопоставления всех серий показывают, что наибольшее морфологическое и таксономическое сходство обнаруживается между саргатским населением Прииртышья и Приишимья. Сближающим фактором

Таблица 22

Величины нагрузок по первому и второму каноническим векторам в мужской и женской совокупностях локальных серий и морфологических типов раннего железа Западной Сибири

№ по Мартину или условное обозначение	Первый канонический вектор				Второй канонический вектор			
	Локальные группы		Обобщенные выборки		Локальные группы		Обобщенные выборки	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	–0,0227	–0,0038	–0,2602	**–0,4076**	–0,1575	–0,0533	0,1913	0,1908
8. Поперечный диаметр	–0,0639	0,0969	**0,6526**	**0,4116**	**0,3351**	**0,5455**	0,0979	**0,4294**
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	0,0856	**0,5681**	0,1525	0,1948	–0,0017	–0,0216	–0,0651	**–0,3249**
45. Скуловой диаметр	0,0223	**–0,3534**	0,1612	**0,3452**	–0,2912	–0,3362	–0,1127	–0,1863
48. Верхняя высота лица	–0,0879	0,2471	–0,0950	0,0030	0,1830	0,1871	–0,2619	**–0,3105**
77. Назомалярный угол	–0,0208	–0,2027	**0,3147**	0,2506	–0,0881	0,2155	–0,1162	0,2149
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	**–0,3267**	–0,1777	0,2814	**0,3474**	0,1735	–0,0227	–0,1423	–0,0948
51. Ширина орбиты от *mf.*	0,0873	0,2046	**0,4468**	**0,4778**	**0,6821**	**0,4064**	0,1607	0,0902
52. Высота орбиты	–0,1443	0,2718	–0,1076	–0,2344	–0,0788	0,0641	–0,0518	–0,2778
75(1). Угол выступания носа	**0,5813**	**0,3833**	–0,1818	–0,1578	–0,0088	–0,2185	**0,5296**	0,2990
SS. Симотическая высота	**0,5817**	0,2400	0,0523	–0,0403	0,1846	–0,1862	0,5002	**0,3206**
DC. Дакриальная ширина	0,0300	0,0476	–0,1201	–0,0262	**0,3913**	0,1172	–0,0887	–0,2346
DS. Дакриальная высота	**0,4087**	0,2944	0,0925	–0,1158	–0,2190	**–0,4887**	**0,5172**	**0,3934**
Собственные значения	12,2	15,5	62,6	54,2	6,1	11,3	44,4	37,3
% описываемой изменчивости	30,2	25,9	31,8	30,8	15,1	18,9	22,5	21,2

Примечание. Полужирным шрифтом выделены максимальные нагрузки.

выступает наименьшее среди саргатских групп присутствие в их составе монголоидных элементов, а расхождение обусловлено различным удельным весом высоко- и низколицего европеоидных компонентов. В составе населения Приишимья несколько выше доля высоколицего варианта, среди населения Прииртышья — низколицего. Популяции Притоболья и Барабы в свою очередь сближают единая европеоидная основа (низколицый вариант) и примерно одинаковая в пропорциональном отношении примесь монголоидного компонента, который, однако, морфологически разнотипен: в составе населения Барабы несколько выше доля низколицего варианта, в составе населения Притоболья — высоколицего. По особенностям погребальной обрядности и сопровождающему погребения инвентарю могильники Барабы более сходны с саргатскими погребениями Притоболья, а не территориально ближайшего Прииртышья [Полосьмак, 1981, с. 81–82; 1987, с. 93–94].

В западносибирской лесостепи Прииртышье и Приишимье могут рассматриваться в качестве территорий, на которых проживали племена, чей антропологический облик в наименьшей степени деформирован метисационными процессами, а физический тип максимально соответствует обобщенным характеристикам всего саргатского населения. На антропологический тип населения Притоболья и Барабинской лесостепи большее влияние оказали популяции иного физического облика (в данном случае монголоидные). По сведениям археологии Барабе и Притоболью отводится роль

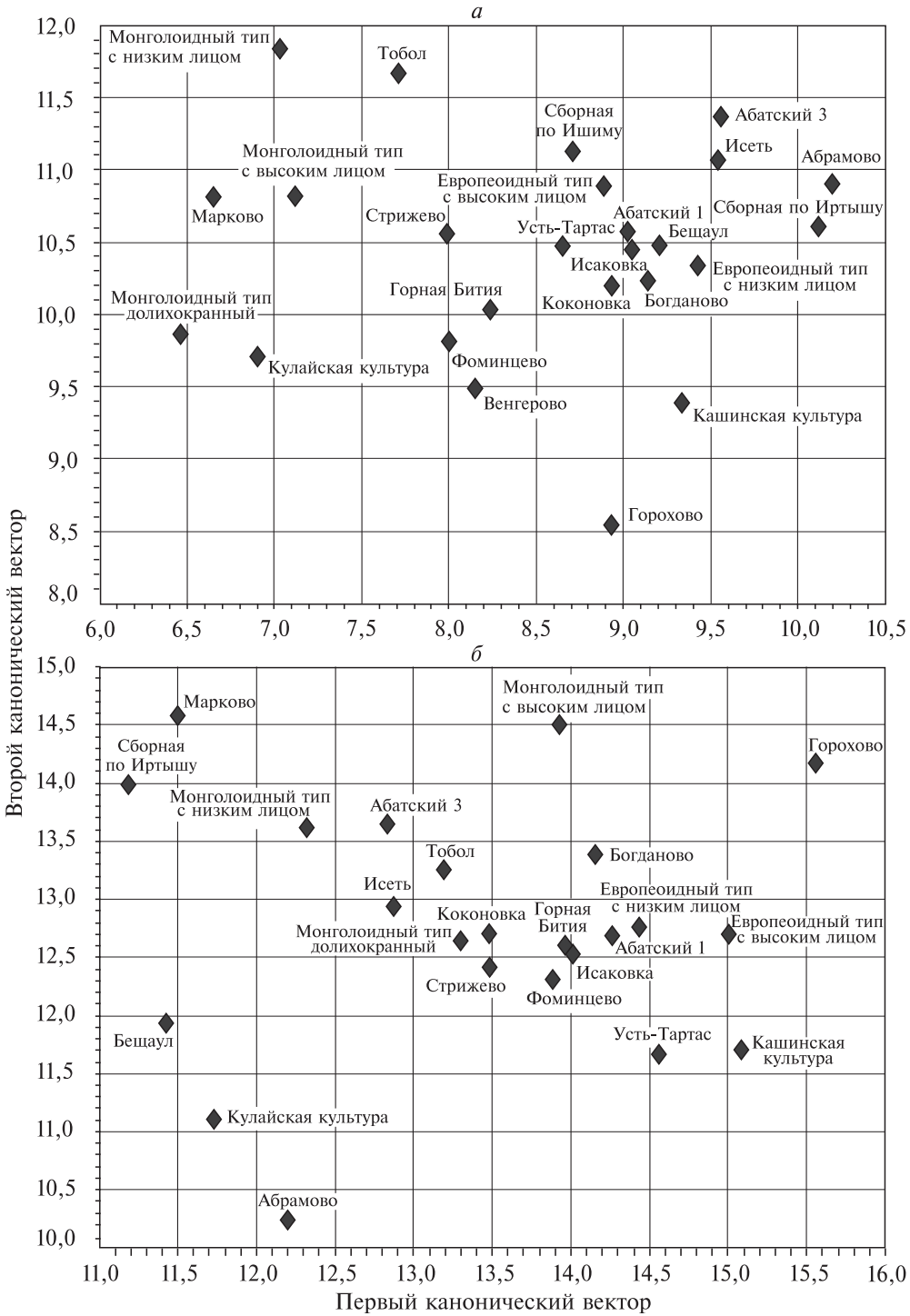


Рис. 13. Взаиморасположение локальных выборок (*а* — мужских, *б* — женских) из могильников раннего железа Западной Сибири в корреляционном поле первого и второго канонических векторов.

периферий в ареале саргатской культуры [Полосьмак, 1987; Матвеева, 1993а], что косвенно подтверждается и антропологическими данными.

В силу незначительной численности краниологических материалов по другим культурам раннего железного века, трудно однозначно охарактеризовать расогенетические связи между популяциями, обитавшими в это время в западносибирской лесостепи. Однако направления этих связей вырисовываются вполне определенно. Так, по антропологическим особенностям черепа из могильников каменской (большереченской) культуры Барабы обнаруживают сходство с черепами из саргатских погребений. Как отмечено Н.В. Полосьмак, особенность каменской (большереченской) культуры в Барабе определяется тесным соприкосновением с культурой саргатской, чем обусловлена близость погребальных комплексов этих культур, а детали ее погребального обряда очень близки, если не тождественны, погребальному обряду саргатской культуры [Полосьмак, 1987, с. 50–51]. Население каменской культуры Верхнего Приобья в целом также обнаруживает значительное сходство с племенами саргатской культуры [Рыкун, 2013]. Таким образом, между людьми, обитавшими в эпоху раннего железа в Барабе и оставившими могильники саргатского и каменского типов, не прослеживается принципиальных антропологических различий.

Черепа из новочекинских погребений Барабы наиболее сходны по морфологии с краниологическими данными по саргатскому населению Западной Сибири, особенно Барабы и Притоболья. Сближающими факторами выступают однотипность европеоидной основы (широкое, невысокое, уплощенное по горизонтали лицо) и заметная примесь монголоидного компонента, который выявляется в двух вариантах. Один характеризуется высоким лицом, что сближает новочекинские черепа с материалами из саргатских могильников среднего Тобола, другой обладает низким лицом и обуславливает их тяготение к группам, в составе которых низколицый монголоидный компонент фиксируется наиболее отчетливо, в данном случае к черепам из саргатских погребений могильника Марково 1 и из кулайских погребений могильника Каменный Мыс. В формировании антропологического типа населения новочекинской культуры доминирующая роль должна быть отведена эуриморфному европеоидному расовому компоненту, преобладающему в составе саргатских популяций, при активном участии монголоидных элементов, скорее всего, через непосредственные контакты с каменскими (монголоидный компонент с высоким лицом) и кулайскими (монголоидный компонент с низким лицом) племенами. Как видно, в антропологическом составе новочекинского населения нашли отражение его культурные контакты с саргатскими, каменскими (большереченскими) и кулайскими племенами, фиксируемые по археологическим источникам [Чиндина, 1984, с. 21; Полосьмак, 1987, с. 104–108]. Следовательно, можно говорить как о культурном, так и о биологическом взаимодействии между популяциями данного этнокультурного круга.

Серия черепов из погребений гороховской культуры обнаруживает сходство с теми саргатскими выборками, в составе которых преобладает низколицый европеоидный компонент (Горная Бития/Красноярка и в це-

лом группы Иртыша), причем в гороховской группе он прослеживается максимально отчетливо. Этот же комплекс определяет и антропологическую специфику черепов из кашинских погребений могильника Абатский 3. Сближает гороховские и кашинские черепа и такая морфологическая особенность, как уплощенный в горизонтальной плоскости лицевой скелет. Но если в составе гороховской серии фиксируется незначительная примесь грацильных низколицых монголоидов, иногда просто механическая, то в составе кашинской группы монголоидный компонент характеризуется массивностью и высоким лицом.

Краниологические данные показывают, таким образом, что между населением гороховской и кашинской культур не выявляются принципиальные различия. Для того и другого характерен физический тип, широко распространенный и преобладающий среди саргатских популяций, да и в целом среди населения лесостепной полосы Западной Сибири раннего железного века.

Черепа из кулайских погребений морфологически отличаются от основного массива серий из могильников лесостепи. Сходство обнаруживается только с теми саргатскими группами, в составе которых монголоидная примесь достигает максимального уровня: средний Тобол, Стрижево 1 и Марково. Но если в этих группах монголоидные элементы выступают как примесь, то в кулайской выборке, наоборот, основу составляет монголоидный пласт, а примесью является европеоидный компонент. Морфологические особенности типа кулайской выборки достаточно полно соответствуют характеристикам обобщенного монголоидного типа с низким лицом. В целом антропологический тип кулайского населения существенно отличается от облика людей культур лесостепной полосы, расогенетически они связаны опосредованно. Это обусловлено как проникновением в среду кулайцев европеоидных элементов (эуриморфный лицевой скелет), могущими быть родственными и саргатским, и каменским популяциям, так и тем, что часть монголоидной примеси (грацильность и низкое лицо) в составе лесостепных групп связана в происхождении с жителями внутренних таежных областей Западной Сибири, в том числе с населением кулайской культуры.

2.2. Хронологическая изменчивость

Для выявления динамики антропологической изменчивости саргатских палеопопуляций во времени серии сгруппированы по хронологии функционирования могильников. В преобладающем большинстве случаев датировки некрополей, базирующиеся на типологических критериях, даются авторами раскопок в широких пределах. Поэтому между временными границами хронологических выборок есть трансгрессия, однако, несмотря на данную условность, некоторые основные тенденции изменчивости улавливаются. Серии сгруппированы по трем периодам функционирования саргатской культуры: начальный этап — IV — начало II в. до н.э. (могильники Стрижево 2, Горная Бития/Красноярка, Исаковка 3, Усть-

Тартас, Абрамово); средний — конец II в. до н.э. — начало II в. н.э. (сборные по Исети, Тоболу, Ишиму и Иртышу, могильники Абатский 1, Фоминцево, Бещаул, Богданово, Марково); финальный этап — конец II — IV в. н.э. (могильники Абатский 3, Стрижево 1, Исаковка 1, Коконовка, Венгерово/Старый Сад) (табл. 23).

Сравнительный анализ показал, что антропологический тип населения саргатской культуры с течением времени изменялся незначительно и в целом формообразовательный процесс во времени реконструируется по мужским и женским материалам в едином ключе.

В антропологическом составе населения раннего этапа развития саргатской культуры (IV–II вв. до н.э.) преобладает европеоидный компонент с низким и широким лицом, особенно в Прииртышье, но в меньшей степени в Притоболье. Однако уже на рубеже эр в составе саргатских популяций хорошо прослеживается (и по мужским, и по женским материалам) скачкообразное увеличение удельного веса монголоидных элементов, с такой особенностью морфологии, как низкое лицо. Данное сочетание антропологических особенностей определяет тип населения саргатской культуры во всем ареале ее существования. В последующее время (II–IV вв.

Таблица 23

Краниологические данные по населению саргатской культуры, сгруппированные по хронологии

№ по Мартину или условное обозначение	IV — начало II в. до н.э.		Конец II в. до н.э. — начало II в. н.э.		Конец II — IV в. н.э.	
	♂ (5 серий)	♀ (5 серий)	♂ (9 серий)	♀ (8 серий)	♂ (5 серий)	♀ (4 серии)
1. Продольный диаметр	184,9	175,3	183,2	173,9	186,1	172,1
8. Поперечный диаметр	144,6	139,1	145,7	141,9	146,6	141,8
17. Высотный диаметр	135,6	128,8	135,3	128,0	137,1	129,0
8:1. Черепной указатель	78,3	79,4	79,6	81,9	79,6	82,8
5. Длина основания черепа	104,5	98,6	104,0	95,1	106,0	96,9
9. Наименьшая ширина лба	99,1	94,7	99,1	95,4	100,4	95,2
32. Угол профиля лба	80,9	82,3	81,9	84,2	80,4	84,1
40. Длина основания лица	102,0	95,3	100,1	94,2	103,0	94,3
45. Скуловой диаметр	139,4	133,2	139,2	131,9	140,8	130,8
48. Верхняя высота лица	69,9	68,2	70,0	66,2	70,5	67,8
72. Общий лицевой угол	85,2	85,8	86,7	85,6	86,3	85,5
77. Назомалярный угол	140,8	141,9	143,0	144,6	141,8	144,2
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	132,1	132,9	132,3	134,6	132,9	135,8
51. Ширина орбиты	44,4	42,3	45,3	43,1	45,8	43,2
52. Высота орбиты	33,1	33,0	32,6	32,6	32,8	33,2
55. Высота носа	51,1	49,0	50,8	48,9	51,0	49,1
54. Ширина носа	25,2	24,5	25,8	25,0	25,3	24,2
75(1). Угол выступания носа	28,4	24,6	26,4	21,6	25,7	25,1
SS. Симотическая высота	4,72	3,95	4,20	3,20	4,10	3,51
S. Симотический угол	84,2	92,2	88,5	98,1	86,0	98,3
DC. Дакриальная ширина	21,91	21,39	21,55	20,98	21,71	20,46
DS. Дакриальная высота	12,77	11,87	12,28	10,42	12,93	11,13
D. Дакриальный угол	81,3	83,1	82,7	91,0	79,3	85,4
УЛС	30,8	33,0	42,7	53,8	41,3	44,2
ПФЦ	91,8	93,8	91,4	93,4	91,5	92,9
УДМЭ	18,4	31,3	29,9	52,7	28,8	39,2

н.э.) соотношение между европеоидным и монголоидным компонентами практически не меняется, не происходит и в целом каких-либо заметных изменений в антропологическом типе населения саргатской культуры.

§ 3. Направления родственных связей западносибирских популяций раннего железа в асинхронном аспекте

Переход от эпохи бронзы к раннему железному веку в евразийских степях повсеместно сопровождался формированием новых культур, которые при своеобразии каждой обладали рядом общих черт и образуют определенное культурное единство. Особенности физического облика ранних кочевников отражают краниологические материалы из могильников, оставленных скифами, саками, савроматами, сарматами, усунями и племенами, не имеющими этнонимов. Памятники последних локализуются преимущественно в восточной части «скифо-сибирского мира» — в Западной, Южной и Восточной Сибири вплоть до Монголии. Они объединяются исследователями в ряд археологических культур. Сопоставление антропологических материалов по населению западносибирской лесостепи раннего железа с примерно синхронными данными позволит выявить направления этногенетических связей западносибирских популяций и определить их место в системе антропологических типов степного пояса Евразии, а при сопоставлении с материалами предшествующего времени даст возможность пролить свет на генезис основных компонентов их антропологического состава.

Памятники скифской культуры в отчетливо выраженной форме фиксируются с VII по III в. до н.э. Краниологические материалы происходят из ряда могильников степей Причерноморья (Нижнее Поднепровье) [Кондукторова, 1972], могильников Николаевка [Великанова, 1975] и Никополь [Зиневич, 1967]. Серии черепов классических скифов морфологически однотипны и характеризуются европеоидным строением при долихокрании, средней высоте мозговой коробки, нешироком мезопрозопном лице. Антропологические особенности классических скифов аналогичны типу населения причерноморских степей предшествующего времени или очень близких им племен срубной культуры Нижнего Поволжья [Кондукторова, 1972, с. 21–22].

В конце III в. до н.э. скифы вытесняются под давлением сарматов в Крым, в степях Причерноморья широко распространяются сарматские древности. В скифских памятниках III в. до н.э. — I в. н.э. прослеживается заметное влияние культуры сарматов. Однако черепа поздних скифов, происходящие из могильников Николаевка — Казацкое [Кондукторова, 1979], Золотая Балка [Кондукторова, 1971, 1972], Неаполь скифский [Кондукторова, 1964, 1972], Заветное [Зиневич, 1971], сохраняют значительное сходство с черепами классических скифов. Сарматские элементы в морфологическом облике поздних скифских черепов фиксируются очень

слабо, что выражается в небольшом увеличении ширины лица и мозговой коробки [Кондукторова, 1972, с. 52–54].

По краниологии населения сарматской культуры к настоящему времени накоплены обширные материалы. Племена самого раннего этапа функционирования культуры (VII–IV вв. до н.э.) — савроматы — представлены сборными сериями черепов с территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [Балабанова, 1998], а также Западного Казахстана [Гинзбург, Трофимова, 1972]. Тип савроматов характеризуется в целом европеоидным строением. Отмечается сложность их расового состава. Предками савроматов считаются племена различных культур эпохи бронзы: срубной, андроновской, катакомбной, причем доля этих компонентов различна в территориальных группах. Отмечено сходство в морфологии между черепами савроматов и черепами из погребений предгорного Алтая скифского времени [Фирштейн, 1961, с. 80–81].

Сарматы — племена более поздних этапов функционирования сарматской культуры (прохоровского, IV–II вв. до н.э.; сусловского, I в. до н.э. — начало II в. н.э.; шиповского, II–IV вв. н.э.), представлены сборными краниологическими материалами из могильников Поволжья и Приуралья раннего и среднего периодов [Балабанова, 1998], поздний этап представлен серией черепов из Абганеровского могильника [Балабанова, Цыганова, 1997]. Антропологический тип сарматов во многом сходен с типом савроматов, они генетически тесно связаны, хотя отмечены и некоторые различия [Кондукторова, 1956, 1962; Фирштейн, 1961; Акимова, 1968; Тот, Фирштейн, 1970; Гинзбург, Трофимова, 1972; Багашёв, 1997]. Характерными особенностями сарматских черепов являются средневысокая мезокранная мозговая коробка, почти широкое, средневысокое, умеренно профилированное в горизонтальной плоскости лицо, сильно выступающие нос и переносье. Как и савроматы, сарматы имеют сложный антропологический состав, прослеживаются компоненты, связанные со срубными, андроновскими племенами, удельный вес которых варьирует в территориальных группах. На рубеже эр в составе сарматов фиксируется монголоидная примесь, которая постепенно увеличивается, а ее появление связывается с влиянием усуней и сибирских монголоидов [Тот, Фирштейн, 1970, с. 146–147].

Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана, оставившие памятники сакского типа, представлены материалами из могильников Южного Приаралья раннесакского времени Сакар-Чага [Яблонский, 1996], Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая [Яблонский, 1996] (черепа из двух последних могильников морфологически близки и относятся к единому краниологическому варианту [Яблонский, 1996, с. 54], используется суммарная выборка). Серии из могильников раннесакского времени Юго-Восточного Приаралья Тагискен и Уйгарак [Итина, Яблонский, 1997] используются раздельно, а также суммарно [Гинзбург, Трофимова, 1972]. Позднесакским временем датируются погребения из могильников Юго-Восточного Приаралья Чирик-Рабат и Асар, используется суммарная серия [Гинзбург, Трофимова, 1972]. Привлечены также сборные серии из могильников сак-

ского типа с территории Памира, Киргизии (Тянь-Шань и Алай) и Казахстана [Гинзбург, Трофимова, 1972]. Несмотря на ряд сходных черт в культуре, расовый тип племен сакского времени отличается высоким полиморфизмом. Зафиксированы комбинации, имеющие аналогии в составе срубников и андроновцев, скифов и тагарцев, морфологически сходные с представителями носителей признаков различных вариантов средиземноморского, протоевропейского типов и типа Среднеазиатского междуречья, при этом в составе многих выборок прослеживается монголоидная примесь, происхождение которой связывается с влиянием монголоидов центральноазиатского и западносибирского происхождения [Гинзбург, Трофимова, 1972; Яблонский, 1996, 1999; Итина, Яблонский, 1997; Тур, 1997].

Кочевое население Средней Азии и Казахстана II в. до н.э. — III в. н.э. этнически связывается с усуньскими племенами, культура которых родственна сакской. В качестве сравнительных привлечены краниологические материалы усуньского времени, которые происходят из могильников Западной Туркмении [Гинзбург, Трофимова, 1972], Таджикистана (Арук-Тау и Тулхар поздний) [Кияткина, 1961, 1968, 1976], Киргизии [Гинзбург, Трофимова, 1972], Южного (Семиречье) и Восточного (Прииртышье) Казахстана [Исмагулов, 1970]. Более позднего времени краниологические материалы из могильников кенкольской культуры Киргизии (II–V вв. н.э.) [Гинзбург, Трофимова, 1972], тесно связанной с усуньской. Для усуньских групп, как и для сакских, характерен высокий полиморфизм. Преобладает брахикранный умеренно широколицый европеоидный вариант, характерный для расы Среднеазиатского междуречья, а также ряд переходных форм к андроновскому и некоторым средиземноморским типам. Повсеместно фиксируется небольшая монголоидная примесь, и в целом отмечается расогенетическая связь усуньских племен с населением предшествующего сакского времени. Выявляются некоторые закономерности территориальной изменчивости: в западных группах отчетливее проступают черты различных вариантов средиземноморского типа, в казахстанских — андроновского [Исмагулов, 1970; Гинзбург, Трофимова, 1972; Трофимова, 1974; Кияткина, 1976; Алексеев, Гохман, 1984; Тур, 1997].

Из лесостепной части Северного Алтая известны материалы из могильника второй половины I тыс. до н.э. каменской (большереченской) культуры Масляха [Рыкун, 2013]. Население каменской культуры обитало в непосредственной близости от саргатских племен, в культуре тех и других фиксируется много общего [Полосьмак, 1987; Могильников, 1997; Матвеева, 1998]. Для каменской популяции характерен европеоидный тип с отчетливо выраженной примесью монголоидных элементов, связанных в происхождении с населением как таежной полосы Западной Сибири, так и Центральной Азии; европеоидный компонент обладает сходством с типом андроновцев-федоровцев [Рыкун, 1997, 1999, 2002, 2013].

Скифским временем датируются черепа из могильников предгорного Алтая [Алексеев, 1958], обладающие европеоидным строением близким мезо-брахикранному варианту и этим отличающиеся от синхронных черепов из пазырыкских курганов Горного Алтая [Алексеев, 1958], в структуре

которых фиксируется влияние центральноазиатских монголоидов [Алексеев, Гохман, 1984]. В составе серии гунно-сарматского времени из курганов лесостепного Алтая прослеживается влияние западносибирских монголоидов [Алексеев, 1958, с. 49].

В настоящее время хорошо изучены антропологические особенности населения, оставившего пазырыкские курганы. В целом оно европеоидного облика, однако вполне отчетливо прослеживается примесь как центральноазиатских, так и сибирских монголоидов [Чикишева, 2012].

Из Минусинской котловины известны обширные краниологические материалы, отражающие расовые особенности населения VII–III вв. до н.э., оставившего памятники тагарской культуры [Козинцев, 1977]. Тип тагарцев с течением времени мало меняется, территориальная изменчивость также незначительна. Европеоидный тип тагарских популяций близок протоевропейскому, монголоидная примесь практически не фиксируется, сходство обнаруживает с типом афанасьевских и андроновских (федоровских) групп [Козинцев, 1977, с. 67–68]. Сборная серия переходного тагаро-таштыкского времени морфологически мало отличается от тагарских выборок, но несколько увеличивается удельный вес монголоидной примеси [Алексеев, Гохман, 1984]. Еще выше доля монголоидной примеси в составе населения таштыкской культуры памятника Минусы [Алексеев, Гохман, 1984], но монголоидные элементы генетически могут быть связаны не с племенами гуннского союза, а с населением лесостепного Алтая и Западной Сибири [Алексеев, Гохман, 1984, с. 69].

Население Тувы скифского времени представлено сборной серией черепов [Алексеев, 1962], последующего (гунно-сарматского) периода — краниологической серией из могильника Кокэль [Алексеев, Гохман, 1970]. Выборки сложные по составу, в основе своей европеоидные. Европеоидный пласт сопоставим с мезо-брахикранным вариантом протоевропейского типа и обладает сходством с афанасьевскими и андроновскими (федоровскими) черепами. Монголоидная примесь незначительна в скифское время и чуть выше в гуннскую эпоху, видимо, неоднородна. Наряду с низколицыми вариантами, удельный вес которых выше в скифскую эпоху, фиксируется присутствие центральноазиатских элементов, доля которых выше в гуннский период [Алексеев, 1960а, 1962, 1984; Алексеев, Гохман, 1970, 1984].

Небольшая серия черепов из различных могильников Южного Забайкалья и Северной Монголии конца I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. характеризует расовые особенности гуннов [Алексеев, Гохман, 1984]. Их антропологический тип отнесен к монголоидной расе, палеосибирскому варианту, не исключена небольшая примесь европеоидного компонента. Отмечено сходство типа гуннов с монголоидным населением Забайкалья эпохи бронзы [Мамонова, 1974, с. 227–228; Гохман, 1980, с. 33–34].

Из лесостепной полосы Приуралья (Волго-Камье) раннего железа происходят краниологические материалы из Тетюшского могильника ананьинской культуры [Ефимова, 1981]. Преобладают в серии европеоидный мезокранный и узколицый компонент, связанный с населением этой тер-

ритории эпохи бронзы, и низколицый брахикранный монголоидный компонент, сходный с типом западносибирского населения [Ефимова, 1981, 1991]. Позднее (V–III вв. до н.э.) на основе ананьинской формируются караабызская и пьяноборская культуры. Краниологические материалы из Биктимировского [Акимова, 1968], Шиповского и Охлебнинского [Ефимова, 1981] караабызских могильников взвешенно суммированы (табл. 24, 25). Серии в целом близки между собой, имеют европеоидный облик с незначительной монголоидной примесью, возможно влияние пришлого компонента с востока [Акимова, 1968; Ефимова, 1981, 1991]. Близки антропологическому типу караабызских и черепа из пьяноборских могильников — Камышлы-Тамак [Акимова, 1968], Кушулево [Ефимова, 1981] и Старый Чекмак [Фаттахов, 1981]. Они также взвешенно объединены, но в материалах этих могильников, в отличие от караабызских, пришлый компонент не фиксируется. В целом ядро ананьинской культурной общности составили местные племена эпохи бронзы, на базе которых позднее формируется население рубежа эр, а морфологический тип населения пьяноборской культуры явился основой в сложении антропологических особенностей не только народов пермской ветви финно-угорской языковой семьи, но отчасти и тюркоязычного населения Поволжья и Приуралья [Акимова, 1968; Ефимова, 1981, 1991]. Сводка синхронных привлекаемых для сравнения краниологических данных представлена в табл. 24 и 25.

Обсуждение проблем расогенеза населения лесостепных культур раннего железа и происхождения основных компонентов его антропологического состава невозможно без привлечения для сравнительного анализа краниологических материалов предшествующего времени эпохи бронзы.

Сопоставление серий раннего железа Западной Сибири с группами бронзового века показало, что саргатские выборки из могильников средней и нижней Исети наибольшее таксономическое сходство обнаруживают с ирменскими сериями, особенно из могильников Томского и Верхнего Приобья. Невелики различия с андроновской серией Верхнего Приобья, а также с окуневскими и с карасукской серией. Обращает на себя внимание тот факт, что если мужские саргатские группы Приисетья в целом сближаются с ирменскими, то женские, в составе которых отчетливее проявляется примесь монголоидных элементов, ближе к окуневским выборкам. Мужские черепа из саргатских погребений среднего и нижнего Тобола сходны по строению с северными сериями черноозерско-томского варианта андроновской общности, обнаруживая особенную близость с монголоидным компонентом могильника Еловский 2. Женские черепа с Тобола, как и исетские, проявляют общую тенденцию сходства с окуневскими, карасукскими и ирменскими сериями. Суммарная притобольская выборка менее всего отличается от черноозерско-томских серий андроновской общности, более сближаясь с ее монголоидным компонентом, нежели с европеоидным. Невелики в целом различия с ирменскими, карасукскими и окуневскими группами. С андроновскими (федоровскими) сериями различия возрастают, особенно для черепов из алакульских могильников, однако с кротовской группой доандроновского времени расхождение заметно меньше. Не обна-

Таблица 24

Сравнительные данные по краниологии населения эпохи раннего железа (мужчины)

№ по Мартину или условное обозначение	Скифы							Савроматы	
	Ранние, VII–III вв. до н.э.			Поздние, III в. до н.э. — I в. н.э.				VII–IV вв. до н.э.	
	Степи Причерноморья	Николаевка	Никополь	Николаевка — Казацкое	Золотая Балка	Неаполь скифский	Заветное	Нижнее Поволжье и Приуралье	Западный Казахстан
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Продольный диаметр	186,9 (28)	187,0 (18)	188,5 (16)	185,6 (66)	184,8 (23)	185,4 (65)	185,5 (23)	183,1 (39)	185,7 (15)
8. Поперечный диаметр	140,5 (27)	139,5 (18)	139,8 (15)	139,8 (66)	139,2 (24)	139,5 (62)	140,2 (24)	147,0 (41)	143,6 (15)
17. Высотный диаметр	134,1 (18)	134,7 (14)	136,1 (9)	133,9 (62)	134,6 (17)	135,7 (41)	132,0 (13)	133,8 (33)	134,8 (11)
8:1. Черепной указатель	75,3 (27)	74,7 (18)	74,8 (15)	75,4 (66)	75,2 (23)	75,4 (62)	75,5 (23)	80,3 (39)	77,3 (15)
5. Длина основания черепа	104,2 (18)	101,6 (15)	103,1 (9)	101,0 (59)	100,4 (17)	102,2 (35)	101,4 (13)	103,4 (30)	106,1 (11)
9. Наименьшая ширина лба	97,7 (30)	97,1 (19)	98,5 (13)	96,6 (69)	95,0 (23)	96,2 (60)	98,8 (23)	98,6 (43)	100,6 (15)
32. Угол профиля лба	81,7 (20)	80,1 (15)	85,2 (8)	83,6 (63)	81,7 (20)	83,8 (42)	82,3 (11)	82,5 (37)	82,3 (14)
40. Длина основания лица	97,7 (15)	96,1 (15)	97,5 (8)	96,6 (58)	96,2 (14)	97,2 (23)	99,5 (10)	99,8 (26)	101,0 (11)
45. Скуловой диаметр	135,5 (25)	133,3 (15)	135,1 (10)	133,1 (65)	132,9 (23)	133,1 (50)	133,7 (13)	137,7 (43)	137,9 (14)
48. Верхняя высота лица	72,1 (26)	71,7 (18)	71,2 (11)	71,6 (68)	69,7 (21)	71,3 (53)	72,4 (19)	72,0 (41)	70,8 (15)
48:45. Верхний лицевой указатель	54,0 (23)	53,8 (15)	52,7 (10)	53,8 (65)	52,5 (21)	53,6 (44)	54,2 (13)	52,3 (40)	51,3 (14)
72. Общий лицевой угол	85,3 (21)	87,7 (15)	85,5 (8)	85,6 (61)	85,5 (18)	84,6 (34)	84,4 (12)	87,4 (37)	84,4 (13)
77. Назомалярный угол	137,3 (20)	135,4 (17)	140,7 (4)	137,2 (64)	136,7 (20)	137,6 (51)	139,5 (13)	140,4 (41)	140,7 (15)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	128,1 (17)	125,5 (14)	130,0 (3)	125,5 (64)	124,0 (18)	124,6 (33)	127,5 (13)	130,0 (36)	129,3 (14)
51. Ширина орбиты	42,5 (19)	41,7 (15)	41,6 (5)	41,3 (68)	41,3 (21)	40,7 (54)	42,5 (17)	44,2 (40)	44,9 (7)
52. Высота орбиты	33,3 (28)	32,6 (16)	32,5 (12)	32,9 (68)	32,9 (21)	32,9 (57)	33,3 (18)	33,2 (41)	34,3 (7)
55. Высота носа	51,8 (25)	51,5 (18)	50,0 (10)	51,5 (67)	50,0 (20)	50,7 (51)	51,8 (18)	51,7 (41)	50,9 (7)
54. Ширина носа	25,2 (25)	25,2 (16)	24,3 (9)	24,8 (68)	24,9 (19)	24,8 (52)	25,4 (17)	25,2 (41)	25,5 (7)
75(1). Угол выступания носа	32,7 (21)	31,8 (12)	35,6 (10)	32,4 (50)	32,8 (12)	29,8 (27)	32,6 (9)	30,4 (34)	30,5 (12)
SC. Симотическая ширина	9,02 (19)	9,9 (13)	8,8 (5)	8,52 (60)	8,13 (15)	8,91 (44)	9,8 (14)	7,9 (35)	9,1 (7)
SS. Симотическая высота	5,03 (19)	6,1 (13)	4,5 (5)	4,65 (60)	4,26 (15)	4,29 (44)	4,7 (14)	4,6 (35)	4,5 (7)
DC. Дакриальная ширина	22,25 (11)	21,2 (13)	20,8 (3)	22,51 (37)	23,24 (7)	22,44 (12)	22,2 (13)	21,2 (31)	20,8 (6)
DS. Дакриальная высота	12,53 (11)	14,0 (13)	12,0 (3)	12,94 (38)	13,76 (7)	12,48 (12)	12,7 (13)	12,8 (31)	12,5 (6)

Продолжение табл. 24

№ по Мартину или условное обозначение	Сарматы				Саки					
	Нижнее Поволжье и Южное Приуралье		Украина	Западный Казахстан	Южное и Юго-Восточное Приаралье			Казахстан	Памир	Киргизия
	II–I вв. до н.э.	I в. н.э. — первая половина II в. н.э.	II в. до н.э. — II в. н.э.	II в. до н.э. — II в. н.э.	Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая	Тагискен и Уйгарак	Чирик-Рабат и Асар			
					VII–V вв. до н.э.	VII–V вв. до н.э.	IV–II вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.
1	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1. Продольный диаметр	183,1 (147)	183,6 (103)	184,2 (21)	185,6 (26)	192,3 (10)	183,5 (13)	180,3 (18)	181,2 (26)	190,4 (48)	180,1 (21)
8. Поперечный диаметр	145,6 (144)	144,6 (102)	146,5 (22)	145,9 (25)	140,6 (8)	147,4 (13)	148,1 (18)	144,7 (25)	133,6 (48)	140,6 (23)
17. Высотный диаметр	132,7 (104)	133,8 (67)	133,8 (12)	132,7 (10)	143,1 (8)	139,0 (5)	132,5 (16)	131,6 (20)	133,6 (39)	133,3 (19)
8:1. Черепной указатель	79,9 (140)	79,0 (102)	79,5 (21)	78,9 (25)	73,95 (7)	80,5 (13)	82,4 (18)	80,2 (25)	70,0 (48)	78,6 (21)
5. Длина основания черепа	103,3 (101)	100,7 (64)	100,1 (12)	104,1 (10)	107,9 (8)	107,4 (5)	100,8 (16)	102,1 (20)	104,8 (38)	102,4 (20)
9. Наименьшая ширина лба	98,0 (156)	97,6 (106)	96,6 (22)	99,6 (26)	100,2 (9)	98,2 (14)	100,7 (18)	99,6 (30)	93,8 (42)	95,2 (28)
32. Угол профиля лба	83,8 (128)	82,1 (82)	83,7 (18)	84,0 (19)	84,4 (7)	80,7 (7)	83,4 (13)	80,5 (23)	78,5 (38)	81,5 (17)
40. Длина основания лица	99,0 (95)	96,0 (61)	96,5 (12)	100,7 (10)	100,1 (8)	99,8 (5)	98,6 (13)	98,6 (20)	100,0 (35)	97,5 (26)
45. Скуловой диаметр	135,9 (130)	135,2 (95)	136,8 (18)	138,2 (24)	139,4 (7)	141,8 (11)	136,7 (16)	138,8 (31)	129,2 (40)	135,5 (26)
48. Верхняя высота лица	70,4 (150)	70,2 (98)	71,3 (19)	71,5 (26)	73,7 (12)	75,6 (11)	71,6 (16)	71,4 (31)	74,8 (42)	70,8 (22)
48:45. Верхний лицевой указатель	51,8 (130)	51,9 (95)	52,1 (18)	51,7 (24)	51,5 (7)	53,3 (11)	52,4 (16)	51,5 (31)	57,9 (40)	52,3 (22)
72. Общий лицевой угол	87,3 (128)	85,6 (78)	84,8 (18)	85,9 (21)	88,7 (7)	87,6 (7)	86,6 (14)	84,7 (24)	84,5 (34)	85,6 (18)
77. Назомалярный угол	140,1 (156)	141,4 (102)	139,6 (19)	140,2 (26)	138,1 (9)	142,1 (10)	141,7 (15)	141,8 (25)	138,6 (37)	142,5 (22)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	130,2 (144)	130,4 (94)	129,9 (18)	131,4 (23)	128,1 (8)	135,3 (8)	132,1 (11)	129,8 (26)	126,5 (34)	129,5 (23)
51. Ширина орбиты	43,5 (150)	43,0 (93)	42,1 (19)	44,2 (24)	44,2 (11)	45,1 (11)	43,4 (17)	43,1 (30)	42,5 (32)	42,2 (23)
52. Высота орбиты	33,1 (153)	33,0 (97)	32,8 (20)	33,2 (24)	32,8 (12)	34,1 (11)	33,7 (17)	33,1 (31)	34,4 (44)	33,6 (25)
55. Высота носа	50,9 (153)	50,8 (98)	51,9 (19)	53,0 (24)	54,5 (12)	54,3 (11)	52,9 (16)	51,4 (31)	54,0 (45)	52,0 (25)
54. Ширина носа	24,8 (154)	24,6 (98)	25,4 (19)	26,3 (23)	25,7 (11)	26,9 (11)	26,1 (15)	26,0 (31)	24,5 (45)	25,5 (26)
75(1). Угол выступания носа	30,8 (123)	30,7 (72)	30,1 (15)	31,4 (18)	33,9 (10)	26,7 (6)	28,3 (8)	29,5 (25)	34,3 (40)	30,5 (15)
SC. Симотическая ширина	8,5 (130)	8,2 (83)	8,11 (16)	8,71 (21)	8,2 (10)	8,44 (9)	8,73 (11)	9,32 (27)	8,1 (44)	8,3 (23)
SS. Симотическая высота	4,6 (125)	4,5 (78)	4,25 (16)	4,64 (21)	5,7 (10)	4,24 (9)	4,81 (11)	4,58 (26)	4,9 (43)	4,6 (23)
DC. Дакриальная ширина	21,4 (116)	20,4 (72)	21,62 (12)	21,5 (18)	21,1 (5)	22,0 (6)	21,5 (12)	21,7 (23)	20,6 (35)	20,7 (22)
DC. Дакриальная ширина	12,8 (112)	13,1 (70)	12,68 (12)	13,5 (18)	13,8 (5)	12,9 (6)	13,3 (12)	12,7 (21)	13,0 (34)	12,7 (22)

Продолжение табл. 24

№ по Мартину или условное обозначение	Усуньское время					Кенкольская культура	Каменская культура	Скифское время		Пазырыкская культура
	Западная Туркмения	Южное Приаралье	Таджикистан	Киргизия	Казахстан	Киргизия	Северный Алтай	Предгорный Алтай	Горный Алтай	Горный Алтай
	Первые века н.э.	I–IV вв. н.э.	II в. до н.э. — I в. н.э.	II в. до н.э. — III в. н.э.	IV в. до н.э. — I в. н.э.	II–V вв. н.э.	III–I вв. до н.э.	V–IV вв. до н.э.		Конец VI — начало II в. до н.э.
1	21	22	23	24	25	26	27	28		29
1. Продольный диаметр	185,8 (26)	182,4 (20)	184,0 (23)	179,1 (38)	181,9 (42)	177,9 (68)	180,2 (136)	182,1 (9)	183,8 (8)	182,2 (53)
8. Поперечный диаметр	146,1 (27)	144,0 (22)	144,6 (24)	145,7 (39)	146,3 (42)	142,2 (62)	146,1 (145)	145,0 (8)	147,3 (8)	143,6 (48)
17. Высотный диаметр	140,4 (14)	137,4 (22)	140,1 (21)	132,8 (29)	136,8 (27)	136,0 (64)	133,5 (95)	135,8 (8)	134,4 (7)	135,0 (44)
8:1. Черепной указатель	78,9 (26)	78,8 (20)	78,5 (22)	81,2 (37)	80,6 (42)	79,8 (62)	81,3 (117)	79,9 (8)	80,2 (8)	79,1 (46)
5. Длина основания черепа	106,2 (14)	101,3 (19)	104,4 (19)	101,7 (30)	103,1 (29)	102,2 (72)	102,1 (81)	104,5 (8)	103,8 (6)	105,1 (44)
9. Наименьшая ширина лба	100,1 (27)	99,3 (21)	99,0 (24)	96,6 (43)	98,4 (46)	96,1 (78)	97,5 (192)	98,0 (9)	96,9 (8)	95,8 (53)
32. Угол профиля лба	81,1 (18)	84,7 (20)	82,7 (13)	83,5 (37)	82,5 (41)	80,1 (55)	81,8 (92)	81,3 (7)	82,4 (7)	81,6 (39)
40. Длина основания лица	104,2 (10)	96,6 (20)	98,9 (15)	98,9 (26)	99,1 (29)	98,0 (68)	99,2 (68)	103,8 (5)	98,8 (6)	100,1 (39)
45. Скуловой диаметр	139,5 (26)	135,9 (19)	136,8 (23)	136,3 (41)	139,4 (46)	136,7 (75)	138,3 (117)	139,4 (8)	141,9 (7)	139,1 (40)
48. Верхняя высота лица	71,5 (21)	71,8 (20)	70,0 (21)	71,4 (38)	73,3 (47)	73,3 (73)	70,7 (148)	70,5 (6)	73,7 (7)	74,6 (49)
48:45. Верхний лицевой указатель	51,6 (21)	53,0 (18)	50,9 (20)	52,2 (35)	52,9 (45)	53,6 (72)	51,0 (98)	50,4 (5)	52,1 (7)	53,6 (40)
72. Общий лицевой угол	83,4 (10)	86,9 (20)	85,9 (13)	86,0 (35)	86,9 (42)	85,9 (68)	85,1 (90)	84,4 (5)	86,4 (7)	88,8 (40)
77. Назомалярный угол	139,3 (26)	140,2 (20)	138,8 (18)	143,4 (30)	143,0 (43)	140,5 (73)	144,0 (162)	139,0 (5)	147,0 (8)	141,0 (47)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	129,2 (16)	127,5 (21)	130,4 (18)	131,4 (35)	130,4 (44)	130,8 (58)	132,0 (130)	130,5 (4)	136,5 (8)	130,6 (44)
51. Ширина орбиты	43,0 (24)	42,5 (20)	42,4 (22)	43,4 (33)	43,1 (44)	42,5 (82)	43,6 (151)	42,0 (7)	42,9 (7)	43,6 (44)
52. Высота орбиты	32,8 (24)	32,2 (22)	32,2 (22)	33,7 (44)	33,6 (47)	34,4 (75)	32,9 (171)	31,6 (7)	34,6 (7)	34,0 (44)
55. Высота носа	52,4 (18)	52,6 (18)	51,2 (20)	52,1 (45)	51,5 (47)	52,8 (80)	51,5 (148)	51,4 (7)	53,1 (7)	53,9 (48)
54. Ширина носа	26,2 (18)	25,5 (22)	25,2 (20)	25,6 (44)	25,5 (47)	25,5 (79)	24,9 (158)	25,7 (7)	26,9 (7)	25,7 (50)
75(1). Угол выступания носа	26,0 (8)	30,1 (18)	32,0 (15)	27,9 (30)	28,0 (43)	26,2 (56)	26,5 (100)	26,7 (5)	25,3 (6)	25,7 (40)
SC. Симотическая ширина	10,2 (16)	8,56 (20)	9,8 (8)	8,5 (32)	8,69 (41)	8,5 (82)	8,02 (131)	7,4 (5)	8,0 (7)	8,39 (49)
SS. Симотическая высота	5,2 (14)	5,0 (20)	4,9 (19)	4,1 (32)	4,38 (41)	3,8 (82)	3,96 (125)	4,0 (5)	4,4 (7)	4,17 (47)
DC. Дакриальная ширина	23,3 (14)	20,8 (17)	21,2 (7)	20,9 (28)	21,3 (39)	21,8 (76)	21,75 (108)	21,0 (5)	22,2 (6)	21,92 (39)
DS. Дакриальная высота	13,9 (12)	13,3 (17)	13,6 (6)	12,3 (29)	12,2 (39)	11,7 (77)	11,21 (103)	12,5 (5)	11,9 (6)	11,49 (37)

Окончание табл. 24

№ по Мартину или условное обозначение	Гунно-сарматское время	Тагарская культура	Тагаро-таштык	Таштыкская культура	Скифское время	Гунно-сарматское время	Хунну	Анань-инская культура (только мужчины)	Караа-бызская культура (только мужчины)	Пьяно-борская культура (только мужчины)
	Предгорный Алтай	Минусинская котловина			Тува		Забайкалье	Волго-Камье		
	II в. до н.э. — III в. н.э.	VII–III вв. до н.э.	III–I вв. до н.э.	I в. до н.э. — V в. н.э.	V–III вв. до н.э.	II в. до н.э. — II в. н.э.	Первая половина I тыс. н.э.	VII–III вв. до н.э.	IV–I вв. до н.э.	I в. до н.э. — II в. н.э.
1	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39
1. Продольный диаметр	182,8 (21)	186,9 (319)	187,3 (53)	186,5 (15)	185,0 (28)	185,0 (119)	186,6 (23)	182,8 (6)	182,5 (22)	188,4 (46)
8. Поперечный диаметр	147,8 (21)	140,6 (293)	140,7 (51)	137,9 (17)	144,5 (28)	145,3 (103)	144,4 (23)	145,0 (4)	139,6 (24)	136,4 (41)
17. Высотный диаметр	138,4 (16)	135,9 (256)	133,5 (41)	131,9 (15)	131,2 (19)	135,3 (87)	132,2 (18)	136,0 (3)	133,6 (16)	136,9 (35)
8:1. Черепной указатель	80,7 (20)	75,3 (285)	75,3 (51)	74,0 (15)	78,1 (27)	79,1 (97)	77,5 (22)	80,8 (4)	76,5 (22)	72,7 (40)
5. Длина основания черепа	103,4 (15)	105,0 (258)	103,0 (39)	103,5 (16)	101,7 (18)	102,1 (85)	101,0 (17)	104,0 (3)	101,3 (16)	104,4 (32)
9. Наименьшая ширина лба	96,3 (19)	98,8 (346)	99,0 (57)	98,8 (20)	96,7 (32)	95,8 (146)	93,8 (26)	97,7 (6)	97,8 (23)	97,3 (55)
32. Угол профиля лба	82,6 (18)	82,3 (252)	81,3 (44)	84,2 (16)	81,8 (18)	81,8 (113)	77,3 (20)	84,3 (3)	81,1 (22)	84,4 (38)
40. Длина основания лица	99,2 (13)	101,7 (223)	99,2 (39)	101,6 (14)	100,1 (14)	99,6 (79)	101,2 (16)	96,0 (3)	96,5 (13)	98,0 (29)
45. Скуловой диаметр	139,5 (19)	137,6 (224)	136,4 (42)	134,0 (18)	136,6 (21)	139,5 (124)	140,7 (22)	133,6 (5)	133,3 (24)	134,8 (44)
48. Верхняя высота лица	71,8 (19)	71,8 (290)	73,8 (53)	70,7 (17)	72,0 (26)	75,4 (150)	76,7 (24)	71,0 (5)	70,8 (25)	71,0 (45)
48:45. Верхний лицевой указатель	51,3 (17)	52,3 (208)	54,1 (47)	52,9 (15)	52,7 (20)	54,4 (121)	54,6 (20)	53,1 (5)	53,1 (23)	52,7 (42)
72. Общий лицевой угол	86,0 (17)	85,1 (241)	86,0 (46)	84,2 (16)	84,8 (16)	86,0 (111)	84,2 (19)	86,0 (2)	85,9 (21)	86,4 (33)
77. Назомалярный угол	146,3 (9)	140,3 (275)	138,7 (55)	138,4 (20)	142,8 (29)	143,3 (145)	147,4 (23)	143,5 (6)	140,2 (22)	139,6 (50)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	133,0 (7)	128,7 (275)	126,8 (51)	128,9 (19)	129,6 (17)	134,1 (140)	136,2 (23)	133,3 (6)	129,8 (22)	127,3 (38)
51. Ширина орбиты	42,2 (20)	43,4 (273)	42,9 (54)	42,9 (20)	42,2 (23)	43,1 (149)	42,9 (22)	43,3 (6)	42,5 (22)	43,0 (47)
52. Высота орбиты	33,4 (20)	32,8 (301)	33,4 (54)	33,1 (19)	33,1 (25)	34,3 (149)	35,3 (22)	33,3 (5)	32,6 (23)	32,4 (47)
55. Высота носа	52,4 (20)	51,6 (311)	52,9 (54)	49,9 (20)	52,0 (25)	54,2 (152)	54,1 (22)	52,3 (6)	51,8 (24)	51,2 (49)
54. Ширина носа	26,2 (20)	24,9 (304)	24,7 (52)	26,0 (20)	25,1 (26)	25,4 (155)	26,6 (26)	23,9 (6)	24,9 (24)	24,9 (44)
75(1). Угол выступания носа	29,1 (17)	30,5 (234)	28,0 (45)	28,8 (18)	25,9 (18)	24,8 (123)	22,9 (21)	25,4 (5)	27,5 (17)	24,0 (33)
SC. Симотическая ширина	9,4 (10)	8,66 (280)	8,8 (57)	9,2 (21)	8,2 (27)	8,2 (134)	7,9 (24)	8,1 (4)	8,33 (20)	8,18 (47)
SS. Симотическая высота	4,9 (10)	4,54 (279)	4,2 (57)	4,7 (21)	4,0 (27)	3,8 (134)	3,0 (24)	4,0 (4)	3,48 (19)	3,67 (47)
DC. Дакриальная ширина	21,0 (9)	21,28 (257)	22,7 (45)	22,8 (19)	20,1 (24)	22,9 (113)	23,1 (19)	21,9 (4)	21,67 (12)	22,40 (29)
DC. Дакриальная ширина	11,7 (9)	12,44 (253)	11,8 (45)	12,4 (19)	11,5 (24)	10,6 (113)	9,1 (19)	12,2 (4)	11,22 (12)	11,95 (29)

Таблица 25

Сравнительные данные по краниологии населения эпохи раннего железа (женщины)

№ по Мартину или условное обозначение	Скифы							Савроматы	
	Ранние, VII–III вв. до н.э.			Поздние, III в. до н.э. — I в. н.э.				VII–IV вв. до н.э.	
	Степи Причерноморья	Николаевка	Никополь	Николаевка — Казацкое	Золотая Балка	Неаполь скифский	Заветное	Нижнее Поволжье и Приуралье	Западный Казахстан
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Продольный диаметр	178,7 (20)	180,9 (18)	178,9 (11)	176,3 (57)	176,8 (37)	177,4 (24)	179,4 (22)	176,6 (16)	174,8 (13)
8. Поперечный диаметр	134,6 (20)	136,7 (18)	133,6 (11)	136,1 (57)	136,2 (38)	135,2 (24)	135,2 (23)	139,5 (15)	136,5 (12)
17. Высотный диаметр	127,8 (11)	129,7 (10)	128,6 (8)	127,8 (56)	128,4 (34)	130,9 (22)	135,2 (15)	128,1 (14)	126,5 (8)
8:1. Черепной указатель	74,8 (20)	75,6 (18)	74,8 (11)	77,2 (57)	77,0 (39)	76,3 (24)	75,1 (22)	80,5 (15)	77,5 (12)
5. Длина основания черепа	99,1 (9)	96,7 (10)	95,5 (7)	94,6 (54)	95,9 (31)	95,5 (19)	98,8 (13)	98,4 (13)	96,7 (8)
9. Наименьшая ширина лба	93,7 (22)	94,8 (18)	92,6 (11)	93,8 (60)	93,5 (37)	94,5 (25)	94,3 (23)	94,5 (17)	92,6 (13)
32. Угол профиля лба	83,1 (15)	82,9 (9)	84,1 (7)	85,4 (49)	85,2 (29)	87,4 (16)	84,0 (12)	86,6 (13)	83,3 (10)
40. Длина основания лица	91,9 (8)	92,7 (7)	91,9 (6)	89,7 (47)	91,2 (25)	90,5 (16)	93,8 (12)	97,2 (13)	93,9 (8)
45. Скуловой диаметр	124,4 (17)	125,0 (11)	123,3 (7)	124,8 (56)	124,3 (35)	125,7 (23)	125,8 (18)	125,6 (15)	125,7 (11)
48. Верхняя высота лица	66,7 (17)	67,2 (12)	66,8 (7)	67,7 (57)	66,4 (32)	67,1 (22)	68,7 (19)	67,1 (15)	67,2 (13)
48:45. Верхний лицевой указатель	53,6 (17)	53,8 (11)	54,2 (7)	54,2 (56)	53,4 (32)	53,4 (22)	54,6 (18)	53,4 (15)	53,5 (11)
72. Общий лицевой угол	84,2 (15)	84,6 (7)	84,2 (7)	85,5 (46)	84,7 (25)	85,6 (17)	84,2 (14)	85,8 (12)	87,3 (9)
77. Назомалярный угол	136,1 (10)	139,5 (10)	140,0 (1)	138,0 (50)	137,4 (30)	138,9 (21)	139,8 (15)	143,5 (16)	141,0 (10)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	126,4 (9)	127,3 (8)	132,0 (1)	126,8 (48)	124,6 (21)	125,3 (18)	129,1 (16)	128,0 (13)	126,7 (9)
51. Ширина орбиты	40,2 (10)	40,3 (11)	39,0 (3)	40,1 (55)	40,0 (31)	39,8 (21)	40,3 (19)	41,3 (15)	41,4 (8)
52. Высота орбиты	33,1 (17)	33,3 (11)	33,7 (8)	32,9 (55)	32,8 (31)	32,6 (21)	32,3 (20)	31,9 (15)	32,6 (8)
55. Высота носа	49,9 (18)	49,5 (12)	49,5 (8)	48,9 (56)	48,5 (30)	48,6 (22)	48,5 (19)	47,3 (15)	47,8 (8)
54. Ширина носа	24,2 (18)	23,8 (11)	23,5 (8)	24,2 (53)	23,8 (27)	23,6 (22)	24,3 (19)	23,9 (15)	23,4 (8)
75(1). Угол выступания носа	26,1 (13)	25,5 (6)	25,3 (6)	29,5 (32)	27,2 (19)	25,8 (14)	28,0 (9)	28,0 (11)	28,3 (7)
SC. Симотическая ширина	8,7 (9)	9,3 (6)	6,5 (1)	8,25 (47)	8,91 (25)	9,11 (19)	9,8 (17)	8,1 (13)	7,4 (5)
SS. Симотическая высота	3,83 (9)	4,5 (6)	4,0 (1)	3,94 (47)	3,86 (25)	3,92 (19)	4,1 (17)	4,0 (12)	4,0 (5)
DC. Дакриальная ширина	21,96 (7)	20,6 (6)	18,0 (1)	21,59 (28)	21,54 (9)	20,5 (6)	22,6 (17)	19,5 (10)	18,7 (4)
DS. Дакриальная высота	11,31 (7)	12,5 (6)	12,5 (1)	11,92 (28)	12,07 (9)	11,15 (6)	11,5 (17)	11,5 (10)	11,4 (4)

Продолжение табл. 25

№ по Мартину или условное обозначение	Сарматы				Саки					
	Нижнее Поволжье и Южное Приуралье		Украина	Западный Казахстан	Южное и Юго-Восточное Приаралье			Казахстан	Памир	Киргизия
					Тумек-Кичиджик	Тагискен и Уйгарак	Чирик-Рабат и Асар			
	II–I вв. до н.э.	I в. н.э. — первая половина II в. н.э.	II в. до н.э. — II в. н.э.	II в. до н.э. — II в. н.э.	VII–V вв. до н.э.	VII–V вв. до н.э.	IV–II вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.
1	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1. Продольный диаметр	175,7 (93)	176,4 (47)	177,5 (11)	174,7 (13)	176,8 (5)	177,9 (7)	171,8 (13)	174,5 (20)	180,6 (39)	176,3 (15)
8. Поперечный диаметр	142,8 (90)	141,6 (46)	144,4 (11)	142,5 (11)	140,8 (5)	137,7 (7)	142,0 (13)	140,5 (19)	131,3 (36)	136,7 (16)
17. Высотный диаметр	128,1 (67)	125,9 (26)	125,0 (5)	125,5 (11)	131,3 (4)	127,2 (4)	127,0 (11)	125,6 (14)	129,8 (29)	128,4 (14)
8:1. Черепной указатель	81,2 (88)	80,4 (46)	81,4 (11)	81,6 (11)	79,1 (4)	77,5 (3)	82,7 (13)	80,9 (19)	72,4 (36)	77,4 (15)
5. Длина основания черепа	98,0 (66)	96,9 (26)	96,1 (6)	96,2 (11)	97,0 (4)	94,2 (4)	95,1 (10)	98,0 (14)	96,8 (28)	98,2 (12)
9. Наименьшая ширина лба	95,8 (98)	95,8 (51)	96,8 (13)	95,7 (16)	94,3 (6)	97,6 (7)	97,0 (13)	93,6 (20)	94,2 (37)	94,8 (17)
32. Угол профиля лба	85,6 (80)	84,3 (42)	84,2 (12)	84,9 (10)	84,2 (5)	84,0 (4)	85,5 99)	82,2 (19)	82,2 (24)	86,7 (13)
40. Длина основания лица	94,9 (64)	93,2 (42)	91,2 (5)	92,5 (11)	93,5 (4)	91,7 (4)	91,6 (9)	97,5 (13)	94,2 (26)	93,3 (11)
45. Скуловой диаметр	129,3 (87)	129,2 (39)	129,6 (9)	130,1 (14)	123,6 (5)	129,0 (4)	127,1 (10)	129,6 (22)	122,2 (33)	126,6 (18)
48. Верхняя высота лица	66,5 (93)	67,4 (47)	67,5 (12)	68,4 (15)	65,0 (6)	72,4 (5)	67,4 (10)	70,0 (21))	70,4 (34)	68,2 (15)
48:45. Верхний лицевой указатель	51,4 (87)	52,2 (34)	52,1 (9)	52,6 (14)	52,6 (5)	56,1 (4)	53,0 (10)	53,7 (20	57,6 (33)	53,9 (15)
72. Общий лицевой угол	86,4 (74)	85,6 (42)	85,1 (11)	87,5 (10)	84,5 (4)	86,3 (4)	85,6 (9)	84,1 (18)	84,4 (20)	84,6 (11)
77. Назомалярный угол	141,4 (96)	140,1 (50)	137,8 (12)	143,0 (15)	140,0 (6)	144,2 (4)	141,0 (10)	140,7 (20)	139,8 (31)	144,9 (16)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	131,0 (87)	130,1 (42)	131,6 (10)	133,6 (12)	126,7 (5)	130,8 (4)	129,2 (8)	130,4 (20)	127,4 (27)	128,1 (13)
51. Ширина орбиты	42,4 (90)	41,9 (46)	40,4 (14)	41,9 (14)	38,8 (6)	42,6 (5)	40,7 910)	42,4 (21)	40,6 (38)	40,6 (15)
52. Высота орбиты	33,1 (95)	33,2 (47)	32,9 (13)	33,4 (14)	32,0 (6)	33,4 (5)	33,4 (11)	34,0 (22)	33,5 (38)	33,6 (18)
55. Высота носа	48,7 (93)	50,1 (48)	49,3 (13)	50,7 (15)	47,9 (6)	54,0 (5)	49,1 (10)	50,4 (21)	50,5 (36)	49,9 (16)
54. Ширина носа	24,1 (94)	24,0 (47)	23,6 (12)	24,5 (15)	24,2 (6)	25,4 (5)	25,5 (10)	24,9 (21)	24,0 (36)	24,7 (16)
75(1). Угол выступания носа	25,8 (71)	27,2 (40)	27,7 (10)	27,3 (9)	24,3 (4)	22,0 (4)	25,9 (8)	24,5 (18)	31,4 (25)	23,8 (10)
SC. Симотическая ширина	8,6 (82)	8,9 (44)	8,34 (11)	8,5 (12)	10,0 (5)	7,62 (4)	9,44 (10)	9,02 (15)	8,6 (33)	8,2 (13)
SS. Симотическая высота	4,3 (82)	4,3 (44)	4,36 (11)	3,7 (12)	3,4 (5)	3,8 (4)	4,42 (10)	4,28 (14)	4,3 (32)	3,4 (13)
DC. Дакриальная ширина	19,9 (74)	21,0 (35)	21,40 (7)	20,4 (12)	22,1 (3)	21,9 (3)	21,2 (10)	20,6 (15)	21,1 (28)	21,0 (11)
DS. Дакриальная высота	11,7 (74)	11,9 (34)	12,40 (7)	11,3 (12)	8,0 (3)	11,3 (2)	13,3 (10)	11,8 (14)	12,1 (27)	11,0 (11)

Продолжение табл. 25

№ по Мартину или условное обозначение	Усуни					Кенкольская культура	Каменская культура	Скифское время	
	Западная Туркмения	Южное Приаралье	Таджикистан	Киргизия	Казахстан	Киргизия	Северный Алтай	Предгорный Алтай	Горный Алтай
	Первые века н.э.	I–IV вв. н.э.	II в. до н.э. — I в. н.э.	II в. до н.э. — III в. н.э.	IV в. до н.э. — I в. н.э.	II–V вв. н.э.	III–I вв. до н.э.	V–IV вв. до н.э.	
1	21	22	23	24	25	26	27	28	29
1. Продольный диаметр	176,3 (29)	173,6 (22)	172,0 (20)	171,2 (18)	172,4 (37)	168,1 (45)	173,1 (86)	173,8 (4)	173,0 (3)
8. Поперечный диаметр	139,5 (30)	141,8 (22)	140,9 (20)	140,6 (18)	140,1 (40)	133,6 (42)	140,1 (91)	139,8 (4)	137,7 (3)
17. Высотный диаметр	131,0 (20)	131,0 (20)	131,6 (14)	127,3 (14)	130,7 (22)	131,4 (39)	128,8 (67)	131,0 (4)	130,0 (2)
8:1. Черепной указатель	79,4 (29)	81,7 (22)	82,0 (20)	82,1(17)	81,1 (37)	79,4 (42)	81,1 (82)	80,2 (4)	79,7 (3)
5. Длина основания черепа	96,6 (21)	97,2 (19)	98,0 (13)	95,3 (14)	96,9 (21)	96,7 (43)	97,2 (62)	99,5 (4)	101,0 (2)
9. Наименьшая ширина лба	95,0 (34)	95,0 (22)	95,7 (18)	93,2 (19)	94,6 (39)	92,7 (50)	94,0 (126)	96,8 (4)	95,0 (3)
32. Угол профиля лба	83,5 (17)	86,8 (19)	82,0 (12)	85,8 (18)	86,8 (35)	76,6 (36)	83,6 (75)	83,8 (4)	83,0 (2)
40. Длина основания лица	93,2 (17)	94,1 (17)	94,1 (14)	93,9 (10)	91,2 (20)	93,8 (37)	95,3 (57)	98,0 (4)	95,0 (2)
45. Скуловой диаметр	131,5 (34)	127,0 (18)	129,8 (21)	127,0 (19)	128,8 (42)	127,0 (44)	129,8 (76)	133,3 (4)	130,5 (2)
48. Верхняя высота лица	69,1 (29)	68,7 (18)	67,2 (20)	68,7 (14)	67,5 (45)	69,9 (46)	67,6 (109)	67,0 (4)	67,5 (2)
48:45. Верхний лицевой указатель	52,3 (28)	54,1 (18)	51,9 (19)	54,0 (14)	52,2 (41)	55,2 (43)	52,5 (68)	50,3 (4)	51,8 (2)
72. Общий лицевой угол	84,2 (14)	84,7 (17)	84,4 (13)	86,5 (16)	85,8 (35)	85,9 (40)	84,4 (68)	84,0 (4)	87,0 (2)
77. Назомалярный угол	141,9 (32)	140,8 (17)	141,6 (18)	144,5 (14)	143,3 (36)	139,6 946)	144,5 (162)	141,0 (1)	145,2 (2)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	131,7 (22)	128,5 (16)	130,1 (17)	133,2 (16)	131,8 (40)	130,3 (40)	131,0 (91)	—	129,0 (2)
51. Ширина орбиты	41,4 (32)	41,5 (21)	41,4 (20)	40,7 (15)	41,7 (43)	41,0 (51)	41,8 (117)	42,0 (4)	40,3 (2)
52. Высота орбиты	33,1 (32)	32,4 (21)	32,1 (21)	33,3 (19)	32,8 (44)	34,5 (48)	32,3 (121)	33,5 (2)	33,3 (2)
55. Высота носа	50,5 (29)	50,0 (18)	48,8 (20)	49,5 (18)	49,2 (45)	50,9 (50)	49,0 (113)	49,3 (4)	50,5 (2)
54. Ширина носа	23,9 (28)	24,3 (18)	24,8 (22)	25,2 (17)	25,1 (45)	24,9 (50)	23,9 (114)	24,8 (4)	24,0 (2)
75(1). Угол выступания носа	24,9 (8)	26,7 (15)	28,4 (8)	21,4 (15)	24,1 (33)	23,1 (39)	23,8 (79)	26,5 (2)	26,5 (2)
SC. Симотическая ширина	8,8 (15)	9,1 (16)	8,5 (4)	7,6 (13)	8,95 (37)	8,6 (49)	8,04 (104)	5,0 (1)	8,5 (2)
SS. Симотическая высота	4,4 (13)	4,8 (16)	3,9 (4)	3,2 (13)	4,03 (37)	3,1 (49)	3,74 (101)	2,4 (1)	5,3 (2)
DC. Дакриальная ширина	21,0 (14)	19,6 (15)	20,5 (5)	20,0 (12)	20,8 (31)	21,6 (48)	20,9 (95)	17,5 (1)	21,8 (2)
DS. Дакриальная высота	12,3 (11)	12,0 (15)	11,8 (5)	10,4 (12)	10,9 (31)	10,5 (48)	10,5 (91)	10,7 (1)	11,6 (2)

Окончание табл. 25

№ по Мартину или условное обозначение	Пазырыкская культура	Гунно-сарматское время	Тагарская культура	Тагароташтык	Таштыкская культура	Скифское время	Гунно-сарматское время	Хунну
	Горный Алтай	Предгорный Алтай	Минусинская котловина			Тува		Забайкалье
	Конец VI — начало II в. до н.э.	II в. до н.э. — III в. н.э.	VII–III вв. до н.э.	III–I вв. до н.э.	I в. до н.э. — V в. н.э.	V–III вв. до н.э.	II в. до н.э. — II в. н.э.	Первая половина I тыс. н.э.
1	30	31	32	33	34	35	36	37
1. Продольный диаметр	173,8 (54)	176,0 (20)	179,0 (247)	180,7 (41)	177,7 (31)	177,8 (23)	177,8 (49)	181,8 (15)
8. Поперечный диаметр	138,0 (53)	138,9 (20)	135,0 (223)	133,7 (38)	137,2 (34)	140,1 (24)	141,4 (49)	139,3 (13)
17. Высотный диаметр	129,9 (47)	131,7 (17)	130,1 (205)	127,1 (28)	128,0 (29)	129,2 (21)	130,6 (31)	125,2 (13)
8:1. Черепной указатель	79,7 (53)	79,0 (20)	75,5 (216)	74,1 (28)	77,3 (30)	78,9 (23)	79,7 (34)	77,1 (13)
5. Длина основания черепа	98,9 (46)	98,2 (17)	100,3 (201)	98,7 (26)	98,1 (29)	97,0 (21)	97,4 (31)	96,7 (13)
9. Наименьшая ширина лба	93,3 (52)	94,4 (20)	95,8 (264)	93,8 (45)	96,0 (45)	93,7 (27)	93,2 (62)	89,9 (17)
32. Угол профиля лба	85,0 (41)	84,9 (15)	83,8 (211)	83,5 (36)	83,1 (33)	84,3 (18)	86,3 (43)	79,0 (2)
40. Длина основания лица	93,9 (36)	95,2 (20)	98,6 (172)	97,7 (24)	97,2 (26)	96,3 (18)	95,7 (29)	95,9 (11)
45. Скуловой диаметр	128,9 (41)	128,6 (16)	128,4 (192)	125,9 (33)	129,6 (34)	130,0 (20)	129,1 (51)	130,5 (16)
48. Верхняя высота лица	68,6 (45)	67,3 (19)	68,6 (218)	68,7 (39)	69,9 (38)	68,0 (24)	71,9 (65)	71,0 (19)
48:45. Верхний лицевой указатель	53,2 (40)	52,5 (16)	53,8 (171)	54,7 (32)	53,8 (31)	52,3 (20)	55,5 (47)	55,0 (14)
72. Общий лицевой угол	88,4 (37)	86,0 (15)	83,9 (189)	83,5 (33)	84,1 (32)	84,1 (18)	86,0 (41)	84,4 (12)
77. Назомалярный угол	142,2 (48)	139,0 (4)	140,5 (216)	140,1 (42)	141,6 (42)	145,7 (22)	144,8 (58)	148,3 (18)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	133,8 (40)	130,5 (4)	128,2 (207)	127,1 (40)	128,2 (35)	132,4 (18)	132,5 (57)	137,5 (17)
51. Ширина орбиты	41,9 (44)	40,8 (19)	42,1 (227)	41,1 (38)	41,4 (39)	41,2 (22)	41,5 (60)	41,1 (19)
52. Высота орбиты	33,2 (44)	31,9 (19)	32,9 (249)	33,1 (39)	33,7 (40)	32,6 (22)	33,7 (61)	33,9 (16)
55. Высота носа	49,3 (46)	49,1 (18)	49,4 (248)	49,2 (41)	49,2 (41)	49,5 (24)	51,6 (66)	51,3 (20)
54. Ширина носа	24,6 (48)	25,5 (17)	24,2 (242)	24,5 (38)	24,7 (41)	25,0 (22)	24,2 (68)	26,6 (19)
75(1). Угол выступания носа	24,3 (49)	20,7 (15)	26,3 (185)	23,7 (32)	24,8 (33)	22,1 (21)	21,7 (58)	15,7 (16)
SC. Симотическая ширина	8,71 (47)	9,9 (4)	8,46 (230)	8,1 (41)	8,6 (43)	8,1 (22)	8,1 (61)	7,7 (19)
SS. Симотическая высота	3,67 (47)	4,3 (4)	3,92 (226)	3,4 (41)	4,1 (43)	3,3 (22)	2,8 (61)	2,6 (19)
DC. Дакриальная ширина	20,59 (43)	21,6 (4)	20,55 (199)	21,5 (35)	20,9 (39)	21,0 (19)	21,0 (42)	22,6 (14)
DS. Дакриальная высота	10,63 (43)	11,4 (4)	11,19 (196)	10,3 (35)	10,5 (39)	10,2 (39)	10,7 (42)	7,7 (14)

руживается сходство с европеоидными выборками из могильников ямной, катакомбной и срубной культур, равно как и с монголоидными популяциями Прибайкалья и Забайкалья. Однако необходимо отметить, что среднетобольская саргатская группа, в составе которой сильнее, чем в других, проявляется примесь высоколицего монголоидного компонента, менее остальных расходится с глазковскими сериями Прибайкалья.

Мужские черепа из могильника Абатский 1 весьма сходны с окуневскими и карасукскими группами, а также с ирменскими черепами из погребений Томского Приобья. Несколько бóльшие различия наблюдаются с черкаскульской группой и выборкой из могильника Черноозерье 1. Примерно такой же круг сходных серий эпохи бронзы вырисовывается и при сравнении с ними мужских черепов из Абатского 3, Фоминцевского могильника и сборной группы по Ишиму. Женские серии, особенно крупные по численности, в целом обнаруживают наибольшее сходство с теми же группами, что и мужские. Правда, стоят ближе к окуневским черепам, чем к карасукским, и сильнее мужских отличаются от ирменских серий. В отличие от притобольских, приишимские выборки заметнее отличаются от андроновских групп, как федоровских, так и алакульских.

По саргатским материалам из Прииртышья наблюдаются сходные тенденции, хотя есть и особенности. Тип ранней серии из могильника Стрижево близок в целом типу ирменских, еловских и черкаскульских черепов, а также черноозерско-томским группам андроновской общности. Невелики различия данной выборки с кротовскими, окуневскими и с андроновскими черепами из федоровских могильников Северо-Восточного Казахстана. Несколько различные направления сходства проявляются при сравнении ранних (практически без монголоидной примеси) и поздних (с монголоидной примесью) черепов из Исаковки. Ранние черепа близки только андроновским (федоровским) сериям из Минусинской котловины и Северо-Восточного Казахстана, тогда как поздние, также несильно отличаясь от федоровских групп, большее сходство показывают с ирменскими, еловскими, черкаскульскими выборками, серией андроновской общности из могильника Еловка 2, особенно с ее европеоидным компонентом. Такой же круг морфологически сходных серий наблюдается при сравнении выборок из могильников Бещаул, Богдановка, Горная Бития/Красноярка с краниологическими данными эпохи бронзы, причем черепа из Горной Битии/Красноярки обнаруживают особенную близость с черепами из окуневских и карасукских погребений Минусинской котловины. Коконовская серия морфологически сходна преимущественно только с черепами из еловско-ирменских погребений Верхнего и Томского Приобья. В целом выборки из саргатских могильников Прииртышья наибольшее сходство показывают с популяциями окуневской, карасукской, еловской и ирменской культур. Невелики различия мужских черепов из Прииртышья с черкаскульской группой и сериями черноозерско-томского и федоровского типов андроновского времени; женские же группы, более монголизированного облика, с черепами данного культурного круга не обнаруживают особенного сходства.

Серия усть-тартасских черепов из Барабинской лесостепи морфологически сближается с выборками по еловской, карасукской и черкаскульской культурам. А вот саргатские черепа из могильника Абрамово обнаруживают сходство как с кругом еловско-ирменских серий, так и с андроновскими из могильников федоровского типа, в том числе с серией из алакульского (с федоровскими элементами) могильника Ермак 4. Отсутствие монголоидной примеси на черепах из Абрамово определяет их расхождение с типом окуневских и карасукских групп, но одновременно сближает с афанасьевскими сериями из Минусинской котловины и Горного Алтая и черепами ямников Калмыкии. Черепа из Марково в силу значительной монголоидной примеси не обнаруживают сходства с европеоидными группами эпохи бронзы, но проявляют особенную близость с монголоидным компонентом серии из могильника Еловка 2. В целом мужские саргатские группы Барабы в морфологическом плане сходны как с окуневскими и карасукскими сериями из Минусинской котловины, так и с еловско-ирменскими Западной Сибири и с выборкой из черкаскульских погребений. Невелики различия также с черноозерско-томскими сериями андроновской общности и андроновскими черепами из могильников Верхнего Приобья. Женские черепа сходны с более узким кругом групп, в основном с краниологическими выборками из могильников окуневской культуры.

Подводя итог результатам сравнения по сумме признаков саргатских групп с сериями предшествующего времени, можно отчетливо очертить круг как морфологически сходных, так и отличающихся от них выборок. Мужские и женские саргатские черепа в наименьшей степени отличаются от окуневских и карасукских групп Минусы и ирменских серий Западной Сибири. Особо следует отметить сходство в морфологии саргатских и кротовских черепов. Примечательно при этом, что саргатские и кротовские женские черепа различаются между собой меньше, чем мужские. С группами андроновского времени мужские и женские черепа обнаруживают несколько различную степень сходства. Если мужские группы в целом сближаются с андроновскими сериями Верхнего Приобья и Северо-Восточного Казахстана, а также с сериями андроновской культурной общности из могильников Еловка 2 (примерно в одинаковой мере не только с европеоидным, но и с монголоидным компонентами) и Черноозерье 1, то женские саргатские черепа особого сходства с ними не обнаруживают. Аналогичная картина наблюдается и при сопоставлении саргатских черепов с материалами по еловской и черкаскульской культурам: между саргатскими, с одной стороны, и еловскими и черкаскульскими, с другой, мужскими черепами различия невелики, но возрастают они при сравнении женских выборок. Между саргатскими сериями и краниологическими материалами из могильников степной бронзы Нижнего Поволжья и Украины прослеживаются существенные морфологические различия.

Серия черепов из гороховских погребений морфологически специфична в силу малочисленности наблюдений, поэтому речь может идти лишь об относительном ее сходстве с тем или иным кругом групп бронзового

века. Но даже при этом видно, что бóльшую близость с мужской гороховской выборкой обнаруживают те же группы, которые сближаются с саргатскими сериями: это окунево, кротово, северный андрон (Черноозерье 1), ирмень и черкаскуль. Женские черепа наиболее близки по морфологии андроновским сериям из федоровских могильников и ирменским — из Барабы и Кузнецкой котловины.

Краниологический тип мужских кашинских черепов еще более специфичен — яркая европеоидность в сочетании с очень слабо профилированным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом. В силу этого ему в совокупности привлекаемых для сравнения групп аналогий нет, хотя в относительном масштабе наименьшие расхождения наблюдаются между кашинской серией и материалами по окуневской и ирменской культурам. На женских кашинских черепах монголоидная примесь прослеживается весьма слабо и для них характерно (также относительное) сближение с черепами из федоровских и федоровско-алакульских могильников андроновской культуры и отчасти из афанасьевских и ямных погребений.

Новочекинская серия, в составе которой присутствуют европеоидный и монголоидный компоненты, проявляет тенденцию к сближению с окуневскими черепами, а также менее всего расходится с глазковскими группами из Прибайкалья. Одновременно невелики различия новочекинских черепов, особенно мужских, с монголоидным компонентом и в целом с серией из могильника Еловский 2, а также с черепами из еловско-ирменских погребений Томского и Верхнего Приобья.

Монголоидному типу кулайских черепов в анализируемой совокупности групп эпохи бронзы аналогий не найдено. Важно отметить, что с монголоидным компонентом серии из могильника Еловский 2 он обнаруживает наименьшие морфологические различия.

Сопоставление саргатских материалов, сгруппированных по времени функционирования могильников, и выделенных в их составе краниологических типов с данными по населению предшествующего времени дало небезынтересные результаты.

Как уже отмечалось, для погребенных в ранних саргатских могильниках IV–II вв. до н.э. характерна минимальная монголоидная примесь. Ранние группы обнаруживают наибольшее морфологическое сходство с андроновскими (федоровскими) популяциями, но серии среднего этапа (II в. до н.э. — II в. н.э) и особенно финала (II–IV вв. н.э.) развития саргатской культуры от них уже отличаются. Типу ранних мужских и женских саргатских черепов близок также тип черепов из ирменских погребений. Причем саргатские популяции последующего времени сохраняют черты сходства с населением ирменской культуры.

Между ранней мужской саргатской выборкой и серией из погребений еловской культуры, как и с серией черкаскульских черепов, не отмечается четкой морфологической границы, но она прослеживается по женским материалам. С течением времени между саргатскими черепами, с одной стороны, еловскими и черкаскульскими, с другой, расхождение постепенно увеличивается.

Саргатские группы среднего этапа функционирования культуры, в составе которых по сравнению с предыдущим временем возрастает примесь монголоидных элементов, в морфологическом отношении менее всего отстоят от краниологических серий из могильников окуневской и, с несколько бóльшими различиями, карасукской культур Минусинской котловины. Следует отметить, что краниологический тип и ранних, и поздних саргатских черепов, в особенности женских, также не обнаруживает принципиальных расхождений с типом окуневских и карасукских серий. Хронологическая тенденция такова: различия между саргатскими (рубежа эр) и окуневскими мужскими и женскими группами меньше, чем с группами IV–II вв. до н.э. По материалам II–IV вв. н.э. уровень сходства среди женских саргатских и окуневских выборок не меняется, но возрастает до первоначального между мужскими сериями.

Европеоидный краниологический тип с низким лицом морфологически мало отличается от андроновского типа, характерного для федоровских групп, обнаруживая при этом значительное сходство с черепами из еловских и ирменских погребений. Прослеживается также связь данного компонента с афанасьевскими черепами Минусинской котловины и черепами из могильников ямной культуры Калмыкии.

Европеоидный тип с высоким лицом также не сильно отличается от афанасьевской серии Минусы, андроновской (федоровской) Северо-Восточного Казахстана и ирменской серии Верхнего Приобья. Однако при сравнении с материалами по населению эпохи бронзы Нижнего Поволжья он обнаруживает сходство не с ямниками, а со срубниками. Высоколицый компонент менее отличен, по сравнению с низколицым, от популяций, в составе которых отмечаются элементы, характерные для носителей комплекса признаков средиземноморского типа (Кокча 3).

Монголоидный краниологический тип с низким лицом не имеет аналогий в европеоидных сериях эпохи бронзы, но несомненно, что он того же морфологического облика, что и монголоидные черепа в серии из могильника Еловка 2 и в целом серия из могильника Черноозерье 1, относимые к северному варианту андроновской культурной общности.

Монголоидный вариант, выделенный в саргатских материалах, обладающий крупным лицевым скелетом, морфологически сближается с теми группами, в составе которых заметную долю составляет примесь монголоидных элементов центральноазиатского типа (серии из могильников окуневской культуры), связанного в генезисе с населением глазковской культуры ранней бронзы Прибайкалья.

Характер общей изменчивости материалов по саргатской культуре и данных из могильников эпохи бронзы, усредненных невзвешенно по культурной принадлежности, демонстрирует их морфологические особенности и степень сходства. Они дифференцируются в первую очередь по присутствию или отсутствию монголоидной примеси, а внутри скоплений монголоидных и европеоидных групп — по высоте лицевого скелета (рис. 14).

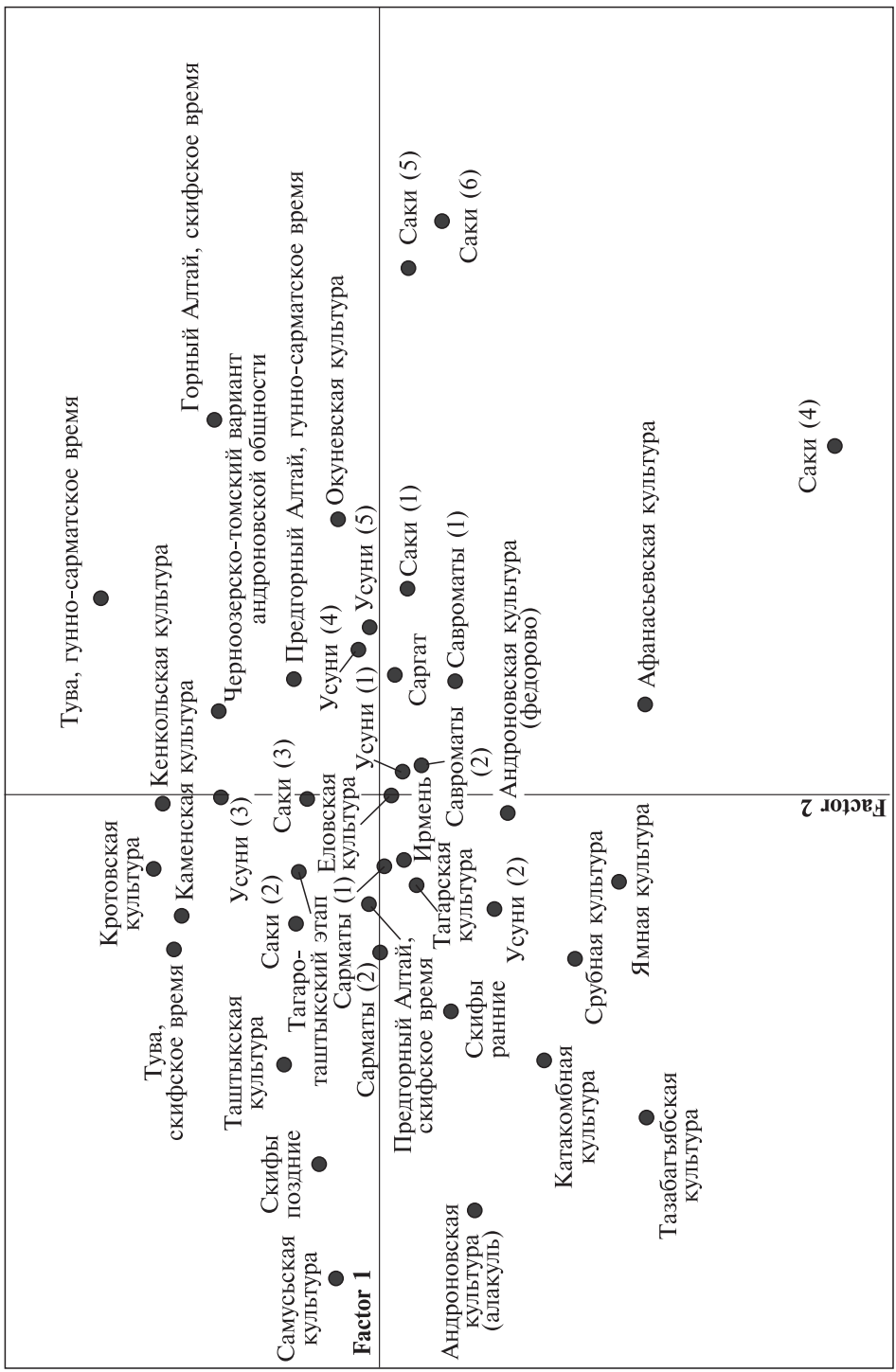


Рис. 14. Взаиморасположение мужских палеопопуляций эпохи бронзы и раннего железного века.
На схеме в круглых скобках указано количество выборок.

Так, группируются в совокупность серии наиболее монголоидного облика, характерными чертами которого являются низкая брахикранная мозговая коробка и высокое лицо. Отчетливее всего этот комплекс наблюдается в составе серии глазковского времени Прибайкалья. Как уже отмечалось, он во многом соответствует характеристикам центральноазиатского антропологического типа. Присутствие данного компонента хорошо прослеживается в составе краниологических серий из окуневских могильников, слабее — в составе карасукской и черкаскульской серий и в саргатских палеопопуляциях Тобола и Ишима. Сходные тенденции вырисовываются и при анализе женских материалов. Монголоидный компонент с высоким лицом преобладает в составе глазковской серии, хорошо прослеживается в черкаскульской выборке, заметно слабее фиксируется в саргатских материалах Тобола и на черепах из ирменских могильников, но не оказывает существенного влияния на морфологический тип окуневских и карасукских женских черепов.

В особую совокупность также концентрируются группы с монголоидной примесью, которая по своей морфологии другого типа. Ее отличительными чертами являются: малая высота чуть более узкого и менее ортогнатного лицевого скелета, низкие орбиты. Среди исследуемых материалов в «чистом виде» данный комплекс не встречается, но его морфологический тип практически не отличается от черепов монголоидного облика из могильника Еловка 2, расположенного в северной части ареала памятников черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности, возникновение которых генетически связывается с таежным монголоидным населением Западной Сибири, и от выделенного в саргатских краниологических материалах монголоидного типа с низким лицом, и от черепов из кулайского могильника Каменный Мыс. По мужским материалам этот компонент отчетливее всего прослеживается в составе кротовской группы, сериях из могильников Еловка 2 и Черноозерье 1, саргатских выборках, особенно из Барабы. Несколько слабее фиксируется присутствие данного компонента в сериях из могильников ирменской и еловской культур. Во многом аналогичная картина складывается по женским материалам. Присутствие монголоидного компонента с низким лицом отчетливо наблюдается в составе еловской и черноозерско-томских групп, слабее — в составе кротовской и карасукской серий, во всех саргатских (за исключением выборки с Тобола), а вот по особенностям морфологии женских черепов из ирменских погребений влияние низколицых монголоидов едва улавливается.

В отдельные совокупности сосредоточились серии черепов европеоидного облика без примеси монголоидных элементов, дифференцирующиеся между собой преимущественно по высотным характеристикам лицевого скелета. Для популяций афанасьевцев, а также срубников и близкого им населения культуры многоваликовой керамики характерен более узкий и высокий лицевой скелет. Близки черепа андроновцев из алакульских могильников с серией из погребений тазабагъябской культуры, в составе которой отмечается смешение средиземноморских и срубно-андроновских

элементов [Трофимова, 1961; Гинзбург, Трофимова, 1972; Виноградов и др., 1986]. Андроновский компонент, несомненно, алакульского типа, так как для андроновцев-федоровцев характерна заметно меньшая высота лицевого скелета при большей его ширине.

Обобщая результаты сопоставления различными методами материалов раннего железа с данными по населению эпохи бронзы степного пояса Евразии, можно сделать ряд выводов о генезисе расовых компонентов, принявших участие в формировании антропологического типа племен, обитавших в лесостепи Западной Сибири.

Несомненно, что монголоидная примесь в саргатских популяциях имеет различное происхождение. Монголоидный компонент с высоким лицевым скелетом и брахикранией (его морфологические черты наиболее полно соотносятся с особенностями центральноазиатских монголоидов) может быть связан с населением Восточной Сибири. Механизм проникновения его в состав западносибирского населения на имеющихся материалах не реконструируется однозначно, но определенно можно сказать, что процесс этот не носил одномоментного характера, а был значительно растянут во времени. Данный антропологический вариант инфильтрировался постепенно с населением, оставившим памятники различных археологических культур как в Восточной, так и Южной Сибири. Морфологически сходная монголоидная примесь фиксируется в составе неолитического населения Западной Сибири [Дрёмов, 1973, 1980, 1981, 1997; Bagashev, 1994; Багашёв, 1994, 2003а; Зах, Багашёв, 1998], населения окуневской [Алексеев, 1961а; Дебец, 1980; Громов, 1996, 1997], карасукской [Рыкушина, 1976, 1980, 2007] и черкаскульской [Шевченко, 1980, 1986; Рудь, 1981; Дрёмов, 1997] культур эпохи бронзы. Влияние монголоидов центральноазиатского облика улавливается и в некоторых группах ирменского населения, особенно в Томском Приобье [Дрёмов, 1967, 1997].

До сих пор отсутствуют серийные краниологические материалы из могильников таежной полосы Западной Сибири, отражающие физические особенности населения бронзового века. Однако можно судить о них хотя бы на основании косвенных данных, привлекая краниометрические характеристики. Черепа из неолитических могильников Северной Барабы позволяют считать, что по крайней мере в III тыс. до н.э. для населения внутренних районов Западной Сибири характерен монголоидный облик, особенностями которого являются низкий эуриморфный лицевой скелет и в целом ряд противоречивых, с точки зрения исторической корреляции, сочетаний признаков, указывающих на недифференцированность его морфотипа [Полосьмак и др., 1989]. Как было показано выше, подобный компонент прослеживается в составе и других неолитических серий: Омская стоянка, Ордынское — Радумье, Лебеди 2. В принципиальных чертах подобный морфологический комплекс фиксируется на черепах монголоидного типа, выделенных В.А. Дрёмовым в серии из могильника Еловка 2 [1997] и в серии из могильника Черноозерье 1 [1990]. Проведенный сравнительный анализ показал, что значительная примесь низколицего монголоидного компонента наблюдается и у населения кротовской культуры

доандроновского времени, а также в составе выборок из могильников окуневской и карасукской культур. Существенный отпечаток примесь данного компонента накладывает на антропологический тип населения поздней бронзы, оставившего памятники еловской и ирменской культур [Дрёмов, 1967, 1997; Молодин, Чикишева, 1988; Бобров и др., 1993].

Низколицый монголоидный вариант определяет специфику краниологического типа черепов из кулайского могильника раннего железа Каменный Мыс. Он отчетливо фиксируется у саргатских групп, особенно проживавших в Барабинской лесостепи, о чем однозначно свидетельствует морфологический облик черепов, выделенных в их составе. Значительное морфологическое сходство (особенно в своеобразных сочетаниях краниологических признаков), наблюдаемое между саргатским низколицым монголоидным компонентом и кулайскими черепами, позволяет достаточно уверенно говорить об общности их происхождения. Генезис этого компонента уходит корнями, как свидетельствуют материалы, в неолит. В эпоху бронзы он выступает в качестве значительной примеси в составе населения кротовской культуры и в северных популяциях черноозерско-томской андроновской культурной общности, но слабо фиксируется в составе андроновцев-федоровцев и полностью отсутствует у андроновцев-алакульцев. В позднебронзовое время низколицые монголоиды составляют заметную долю антропологического состава еловских и ирменских популяций. Проникали они и в восточные районы, смешиваясь с населением окуневской и карасукской культур. Присутствие данного комплекса следует рассматривать в качестве одного из основных факторов, определяющих морфологическое сходство кротовских, черноозерско-томских и еловско-ирменских популяций как между собой, так и в целом с саргатским населением. Его появление в составе лесостепных групп раннего железа обусловлено преимущественно влиянием синхронных племен кулайской культуры, связанных посредством низколицего монголоидного компонента с населением западносибирских культур бронзового века.

Европеоидная основа населения лесостепных культур раннего железа также не однородна. Составляющие ее компоненты морфологически различаются достаточно, чтобы говорить о различных путях их происхождения. Один из компонентов (высокий череп и высокое мезо-лептоморфное строение лицевого скелета), удельный вес которого в составе саргатских популяций в целом невелик, имеет некоторый параллелизм с типом черепов из елунинско-самусьско-окуневских погребений Верхнего Приобья. При этом большее сходство он обнаруживает с европеоидным компонентом окуневских и карасукских групп Минусинской котловины и выборки из ирменских погребений Верхнего Приобья, сближаясь в свою очередь с типом черепов их могильников афанасьевской и ямной культур. В целом возможен допуск незначительного его влияния на генезис населения южной части Западной Сибири более позднего времени, в том числе саргатского.

Европеоидный компонент в составе лесостепного населения раннего железного века, характеризующийся эуриморфным строением лицевого

скелета и мезо-брахикранной средневысокой мозговой коробкой, выступает в качестве расовой основы популяций саргатской, гороховской и кашинской культур, отчетливо фиксируется в новочекинской группе и слабее — в кулайской. Проведенный сравнительный анализ со всей определенностью позволяет утверждать, что генетически он может быть связан с андроновскими племенами федоровского типа, что подтверждает выводы Г.Ф. Дебеца [1948] и М.С. Акимовой [1972] о родстве населения саргатской культуры с племенами палеоевропейского типа предшествующего времени. Андроновский (федоровский) компонент является одним из основных в составе населения ирменской и еловской культур, значителен его удельный вес и в кротовской выборке, можно полагать его незначительное присутствие также в составе населения тазабагъябской культуры Южного Приаралья. В целом еловские, ирменские и саргатские (Иртыш) популяции отличаются от андроновцев федоровского типа в основном лишь заметной примесью низколицего монголоидного компонента, доля которого еще выше в составе кротовских, черноозерско-томских и саргатских (Бараба) групп. Следует отметить, что вряд ли есть основания говорить о том, что европеоидный компонент кротовской выборки, а тем более европеоидный компонент серии из могильника Еловский 2, принципиально отличны от андроновского (федоровского) типа и должны быть связаны в генезисе с афанасьевцами [Дрёмов, 1990, 1997]. Скорее всего, речь можно вести об опосредованном влиянии афанасьевско-ямных элементов на формирование кротовских и черноозерско-томских популяций.

Таким образом, отчетливо прослеживаются генетические связи между популяциями лесостепной полосы Западной Сибири с населением предшествующего времени. Речь, разумеется, идет о родственной связи между антропологическими компонентами, принявшими заметное участие в формировании населения железного и бронзового веков, а также неолитических групп юга Западной Сибири, ибо и те и другие имеют сложный состав. Доминирующую роль в формировании антропологического облика саргатских, ирменских, черноозерско-томских и кротовских групп сыграли два пласта: европеоидный, генетически связанный с андроновским (федоровским) населением, и монголоидный, родственный населению внутренних таежных областей Западной Сибири. Применительно к эпохе бронзы это наблюдение хорошо корреспондирует с данными археологии [Молодин, 1985], более или менее отчетливо прослеживается также связь между ирменской и саргатской культурами, хотя в основном по археологическим материалам Барабы [Молодин, Колонцов, 1984; Полосьмак, 1987].

Менее существенная роль в формировании физического типа лесостепных групп раннего железа может быть отведена европеоидному компоненту другого генезиса, связанному с племенами культур срубно-андроновского (алакульского) типа.

В генезисе населения окуневской и карасукской культур немаловажное значение сыграли монголоиды центральноазиатского типа, родственные глазковским группам, меньшее — таежные низколицые монголоиды, а также европеоидные племена афанасьевской культуры.

Отмечаемый широкий круг групп различных культур эпохи бронзы, имеющих черты морфологического сходства как между собой, так и с популяциями лесостепи Западной Сибири раннего железа, не является бесспорным свидетельством существования между ними родства, а указывает на общность происхождения компонентов, принявших участие в формировании племен тех или иных культур: чем выше доля родственных компонентов, тем отчетливее обнаруживается сходство, и наоборот. В формировании населения южной части Западной Сибири в эпоху бронзы определенное место, несомненно, должно быть отведено метисационным процессам, которые связаны с перемещением людей, что находит свое отражение в материальной культуре и позволяет реконструировать миграции древних коллективов (обзор проблем и литературы см.: [Косарев, 1974, 1981, 1984, 1987, 1987а–д]). Немаловажное значение должно быть отведено автохтонности в развитии древних популяций, о чем свидетельствует однотипность антропологического покрова конкретных географических районов, сохраняющаяся на протяжении длительных периодов исторического развития при сменах археологических культур на этих же территориях. Поэтому представляется, что роль миграций в этногенетических процессах, протекавших в эпоху бронзы на юге Западной Сибири и реконструируемых на основе археологических источников, несколько преувеличена.

§ 4. Направления родственных связей западносибирских популяций раннего железа в синхронном аспекте

Для реконструкции основных направлений связей лесостепных племен Западной Сибири раннего железа с населением сопредельных территорий материалы сопоставлялись в синхронном аспекте.

Саргатские черепа из могильников Притоболья не обнаруживают особого сходства с привлекаемыми для сравнения группами, более или менее отчетливо выявляется западное направление связей, в основном с ранними кочевниками Поволжья и Приуралья середины I тыс. до н.э. Элементы морфологического сходства отмечаются также с серией раннесакского времени из могильников Тагискен и Уйгарак. С другой стороны, наблюдается сближение саргатских серий по морфологии с теми выборками, в составе которых присутствует примесь монголоидных элементов центральноазиатского происхождения — из могильника каменской культуры Масляха, усуньскими с территории Киргизии и Казахстана.

Саргатские серии из Приишимья близки черепам из савроматских и ранних сарматских могильников Поволжья, Приуралья и Казахстана. Более отчетливо, чем по притобольским материалам, наблюдается сходство с черепами из ранне- и позднесакских могильников Юго-Восточного Приаралья, а также с серией раннесакского времени из могильника Южного Приаралья Сакар-Чага. Невелики различия и со сборными сакскими сериями Киргизии и Казахстана. Одновременно морфологическое сходство

саргатские серии из Приишимья обнаруживают с рядом усуньских групп (Киргизия, Казахстан), а также с черепами из тагарских могильников Минусы. Причем степень сходства ранних и поздних саргатских черепов различна с перечисленными выше сериями: ранние стоят ближе к кругу савромато-сарматских и сако-усуньских групп, обнаруживая сходство при этом и с выборками из Тувы скифского и гунно-сарматского времени, а поздние (могильники Абатский 1 и 3), в составе которых зафиксирована примесь низколицых монголоидных элементов, отличаются от них в большей степени.

По саргатским материалам из могильников Прииртышья наблюдается во многом сходная картина, но выявляется и ряд особенностей. В частности, европеоидный тип ранней выборки из Исаковки 3 отличен от типа как савромато-сарматских и сако-усуньских, так и скифских групп, но сближается с типом населения тагарской культуры. Поздняя же серия из Исаковки 1, а также из Богдановки и Горной Битии/Красноярки морфологически сходна с черепами из савроматских и ранне-средних сарматских могильников, а также с сакскими и усуньскими сериями Киргизии и Казахстана, но сохраняет при этом сходство и с тагарскими черепами. Как и в предыдущем случае, может быть отмечено сходство между антропологическим типом саргатских выборок со строением черепов из могильников сакского типа (ранних и поздних) Юго-Восточного и Южного (Сакар-Чага) Приаралья, а также из сакских могильников Киргизии и Казахстана (и это несмотря на сильный полиморфизм сакских групп!). Незначительны расхождения между саргатскими черепами и черепами из тагарских могильников, погребений предгорного Алтая и Тувы скифского времени.

Саргатские группы Барабинской лесостепи в целом также сближаются в первую очередь с савроматскими сериями из Западного Казахстана, Поволжья и Приуралья, а также с выборками раннего и среднего этапов сарматской культуры. Невелики различия барабинских саргатских выборок с ранними (Тагискен и Уйгарак) и поздними (Чирик-Рабат и Асар) сакскими популяциями Юго-Восточного Приаралья, саками и усунями Казахстана, серией из предгорного Алтая скифского времени, а также с ананьинской и караабызской группами. Однако подобный круг сходных групп характерен преимущественно для европеоидных серий (Усть-Тартас), в то время как более монголоидные (Марково) не обнаруживают с ними такого заметного сходства.

Для всей саргатской выборки круг морфологически сходных серий вырисовывается во многом тот же, что и для локальных серий. Наименьшие различия фиксируются с савроматскими и сарматскими (кроме поздней) группами, ранними и поздними саками Юго-Восточного Приаралья, саками Казахстана, усунями Киргизии и Казахстана. В их составе более или менее весом классический андроновский (федоровского типа) компонент. Несколько бóльшие расхождения наблюдаются с тагарскими материалами, черепами из могильников предгорного Алтая и Тувы скифского времени, а также из погребений ананьинской и караабызской культур Восточной Европы. Различия резко возрастают между саргатскими и теми

группами, антропологический тип которых определяют различные средиземноморские элементы (саки Памира), а также теми, в составе которых преобладают монголоидные черты центральноазиатского происхождения (Горный Алтай).

Саргатские черепа, сгруппированные по хронологии, имеют различный характер сходства с привлекаемыми для сравнения группами. Так, антропологический тип выборок из могильников раннего периода функционирования культуры (с минимальной примесью монголоидных элементов) более всего сближается с типом савроматских групп из Западного Казахстана, Поволжья и Приуралья и с типом черепов из могильников Поволжья и Приуралья раннего и среднего периодов развития сарматской культуры. Чуть выше различия между ранними саргатскими и сакскими черепами из Казахстана и Киргизии, хотя в целом они невелики, а также с позднесакскими черепами из могильников Чирик-Рабат и Асар в Юго-Восточном Приаралье, еще выше — с усунями. Заметное сходство ранняя саргатская выборка обнаруживает с черепами из погребений тагарской культуры и могильников предгорного Алтая и Тувы скифского времени.

Для саргатских групп рубежа эр (в их составе по сравнению с предыдущим периодом возрастает удельный вес антропологически разнородной монголоидной примеси) характерны усиление специфики и как следствие рост различий с означенными выше сравнительными сериями. Эта тенденция сохраняется, даже незначительно усиливается на финальном этапе существования саргатской культуры. При этом отмечается небольшое, но повсеместное уменьшение морфологических различий черепов среднего этапа саргатской культуры с выборками, в составе которых присутствует монголоидная примесь центральноазиатского типа — особенно со сборной ранней сакской серией из могильников Тагискен и Уйгарак Юго-Восточного Приаралья и в меньшей степени с усуньскими сериями Киргизии и Казахстана, Горного Алтая скифского времени, черепами из могильников гунно-сарматского времени Алтая и Тувы. Незначительно, но также уменьшились различия с хунну.

Поздние саргатские выборки морфологически еще чуть дальше отстоят от европеоидных серий как без монголоидной примеси, так и с монголоидным компонентом центральноазиатского типа, хотя уровень монголоидности средних и поздних групп примерно одинаков. Это вызвано тем, что удельный вес монголоидного компонента центральноазиатского типа в составе населения саргатской культуры в начале I тыс. н.э. несколько снижается, но одновременно пропорционально возрастает доля низколицых монголоидных элементов, близких по морфологическому облику черепам из кулайского могильника Каменный Мыс.

Сопоставление краниологических типов, выделенных в составе лесостепного населения Западной Сибири, с группами раннего железа показывает, что европеоидный тип с низким лицом обнаруживает наибольшее сходство с савроматскими и сарматскими (кроме поздних) черепами, невелики различия также с отдельными сакскими (Казахстан) и усуньскими (Таджикистан) сериями. Европеоидный тип с высоким лицом в морфологическом плане весьма близок типу черепов из тагарских могильников

Минусы, проявляя при этом определенное сходство с серией савроматских черепов из Казахстана. Близких аналогий монголоидному типу с низким лицом в данной совокупности сравнительных материалов, как и следовало ожидать, не обнаруживается, а вот монголоидный краниологический вариант с высоким лицом, морфологические характеристики которого во многом соответствуют центральноазиатскому типу североазиатской группы популяций, имеет элементы сходства с черепами ранних саков Юго-Восточного Приаралья (суммарная серия из Тагискена и Уйгарака) и в целом с черепами из могильников Горного Алтая скифского и Тувы гунно-сарматского периодов.

Морфологические особенности гороховской серии позволяют очертить круг близких ей групп раннего железа в относительном масштабе. Однако и при этом видно, что наибольшее сходство с ней обнаруживают те же серии, которые мало отличаются от саргатских черепов. Это средние сарматские (Поволжье и Приуралье), сакские (Киргизия и Казахстан) и усуньские (Киргизия) группы, а также выборки из могильников предгорного Алтая и Тувы скифского времени.

Краниологический тип кашинских черепов также характеризуется значительной спецификой (европеоидность в сочетании с плоским по горизонтали лицом), которая является, как было показано выше, следствием малочисленности выборки. В силу этого среди сравнительных материалов ему не обнаруживается прямых аналогий. В относительном же масштабе наименьшие расхождения наблюдаются с теми европеоидными сериями, в составе которых присутствует андроновский (федоровский) пласт.

Для серии черепов из погребений новочекинской культуры, в которой фиксируются как минимум два низколицых антропологических варианта (европеоидный и монголоидный), не выявляется морфологически близких выборок, но обнаруживается довольно устойчивое ее тяготение к отдельным европеоидным палеопопуляциям (каменская культура, саки Казахстана), краниологическая структура которых сходна с европеоидным компонентом новочекинской группы.

В анализируемой совокупности сравнительных материалов не прослеживается близких аналогий типу черепов кулайской серии (монголоидность в сочетании с низким лицевым скелетом), а доля европеоидного компонента в ее составе невелика, так что это не оказывает сколь-либо заметного влияния на характер и направления расогенетических связей кулайской палеопопуляции.

Общая изменчивость краниологических материалов из западносибирской лесостепи и сравнительных данных Северной Евразии, а также особенности их взаиморасположения позволяют очертить совокупности наиболее сходных палеопопуляций. В особое скопление сконцентрировались выборки с заметной монголоидной примесью, морфологическая специфика которой гармонична с точки зрения исторической корреляции и характеризуется брахикранией, высоким, широким, плоским лицевым скелетом, небольшим углом выступания носовых костей и невысоким переносьем. Эта морфологическая комбинация без труда идентифицируется с антропологическими особенностями монголоидов Северной Азии, в част-

ности с центральноазиатским типом, широко распространенным в Восточной Сибири в древности и современности, и может быть связана с ним в своем генезисе. Именно в это скопление групп попадает и морфотип монголоидного облика с высоким лицом, выделенный в составе лесостепного населения Западной Сибири раннего железа. Явственно данный комплекс выражен в составе населения Горного Алтая скифского времени (пазырыкская культура) и населения Тувы гунно-сарматского периода, прослеживается его влияние на облик населения предгорного Алтая скифского времени, что неоднократно отмечалось исследователями [Дебец, 1948; Алексеев, 1958; Алексеев, Гохман, 1984]. Скорее всего, именно подобный краниологический вариант может быть отмечен как примесь в составе сакарчагинской популяции ранних саков Южного Приаралья и тагискенско-уйгаракской раннесакской выборки Юго-Восточного Приаралья, монголоидная примесь в составе которых также зафиксирована [Гинзбург, Трофимова, 1972; Алексеев, Гохман, 1984; Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997] (рис. 15).

Особую группу составляют серии европеоидного облика, а также характеризующиеся мезо-брахикранией, невысокой мозговой коробкой, широким, низким (эуриморфным) лицевым скелетом, низкими орбитами, но с примесью варьирующего в пропорциональном отношении монголоидного компонента, что выражается в слабой профилировке по горизонтали лица, небольшом угле выступания носовых костей, но в сочетании с относительно более высоким переносьем. Данное сочетание морфологических черт является специфической особенностью антропологического типа населения западносибирских культур раннего железного века — саргатской, гороховской, кашинской и кулайской, а также каменской культуры Северного Алтая. Сходная комбинация признаков характерна также для населения ананьинской культуры и отдельных популяций саков (Казахстан) и усуней (Киргизия). В целом особенности данного морфотипа отграничивают лесостепные популяции Западной Сибири и отмеченные выше от привлеченных для сравнительного анализа выборок эпохи раннего железа с сопредельных территорий. Своеобразие западносибирских групп во многом обусловлено примесью низколицых монголоидных элементов, связанных в происхождении с населением внутренних таежных областей Западной Сибири, воздействие которого на генезис популяций южной части Западной Сибири прослеживается по крайней мере с неолитического времени, однако, как видно, его влияние не может быть ограничено только этой территорией.

Обособленное скопление составили серии черепов европеоидного облика без монголоидной примеси либо с весьма незначительной ее долей. Они дифференцируются в первую очередь по высотным размерам лицевого скелета и всего черепа, а также по форме черепа и ширине лица, поэтому данная совокупность состоит как бы из двух микроскоплений.

Первое — серии черепов с пониженной высотой свода, низкими лицом и носом, низкими орбитами; причем для черепов из погребений скифского времени предгорного Алтая, ранних и средних сарматских,

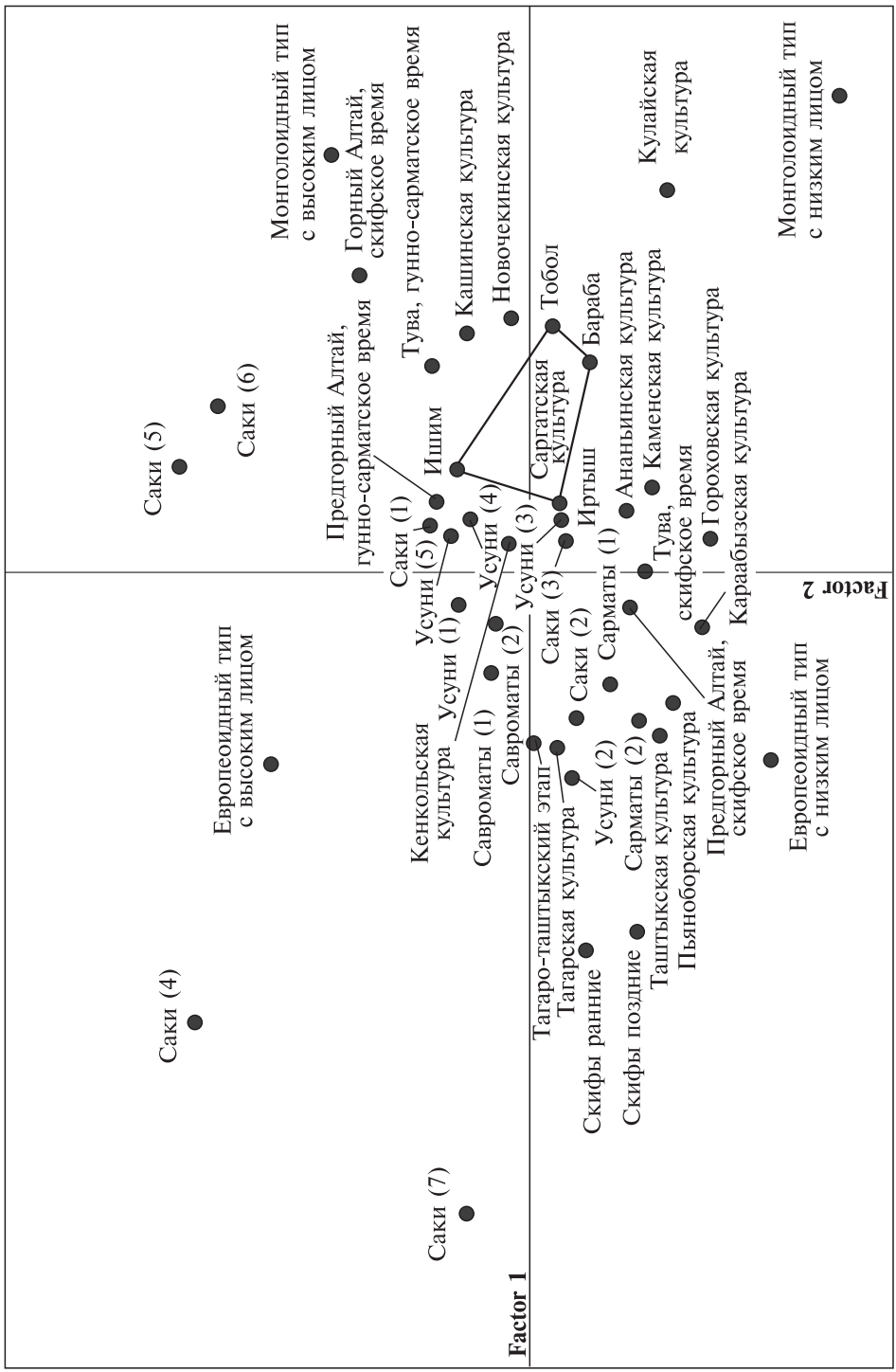


Рис. 15. Взаиморасположение палеопопуляций эпохи раннего железа (мужские черепа).

На схеме в круглых скобках указано количество выборок.

некоторых сакских (Киргизия) и усуньских (Таджикистан), тагарских, тагаро-таштыкских и таштыкских групп в целом свойственна бóльшая ширина лица, чем для черепов из скифских курганов. В целом сочетание европеоидного типа с таким комплексом признаков, как мезокрания, средняя высота мозговой коробки, широкое, низкое (эуриморфное), не резко профилированное в горизонтальной плоскости лицо, образует комбинацию, происхождение которой может быть связано с населением андроновской (федоровской) культуры эпохи бронзы. Роль андроновского компонента в формировании тагарцев [Козинцев, 1977], населения предгорного Алтая скифского времени [Дебец, 1948; Алексеев, 1958], ряда восточных групп ранних кочевников Приуралья сарматского времени [Дебец, 1948; Фирштейн, 1961; Кондукторова, 1962; Акимова, 1968; Тот, Фирштейн, 1970], саков Киргизии [Гинзбург, 1963б; Гинзбург, Трофимова, 1972; Тур, 1997] и усуней Казахстана [Исмагулов, 1970; Гинзбург, Трофимова, 1972; Гохман, 1973] также неоднократно отмечалась исследователями.

Особенностями выборок в составе второго микроскопления являются мезо-долихокрания, повышенная высота свода черепа и узкое строение хорошо профилированного в горизонтальной плоскости лицевого скелета, высокое переносье и большой угол выступания носовых костей. В морфологическом плане данная характеристика во многом соответствует антропологическим типам тех популяций, которые связываются обычно с различными вариантами средиземноморского облика. В анализируемой совокупности групп вышеприведенным характеристикам более всего соответствует серия черепов из погребений сакского времени Памира, краниологический тип которой отнесен к совокупности средиземноморских форм [Гинзбург, Трофимова, 1972; Тур, 1997]. Отмеченный в материалах раннесакского времени из могильников Южного Приаралья Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая долихокранный матуризованный краниологический тип [Яблонский, 1996] по ряду позиций также сближается с высоколицым европеоидным морфотипом, зафиксированным в составе населения западносибирской лесостепи раннего железа.

Результаты сравнительного анализа в целом свидетельствуют, что население западносибирской лесостепи раннего железа характеризуется определенным своеобразием, которое во многом обусловлено влиянием таежных низколицых монголоидных элементов. При этом более или менее отчетливо очерчивается круг морфологически близких западносибирским выборкам групп. Но также вырисовывается совокупность серий эпохи бронзы, мало отличающихся по своей краниологии от материалов из могильников лесостепных культур раннего железа.

Качественная оценка различий между выборками из могильников эпохи бронзы и раннего железа показывает наиболее близкородственные между собой скопления палеопопуляций. Во-первых, это серии с гармоничным монголоидным комплексом центральноазиатского облика, предельно отчетливо выраженным на черепах из пазырыкских курганов Горного Алтая и из погребений гунно-сарматского времени Тувы. В качестве примеси данный вариант может быть отмечен в составе некоторых других

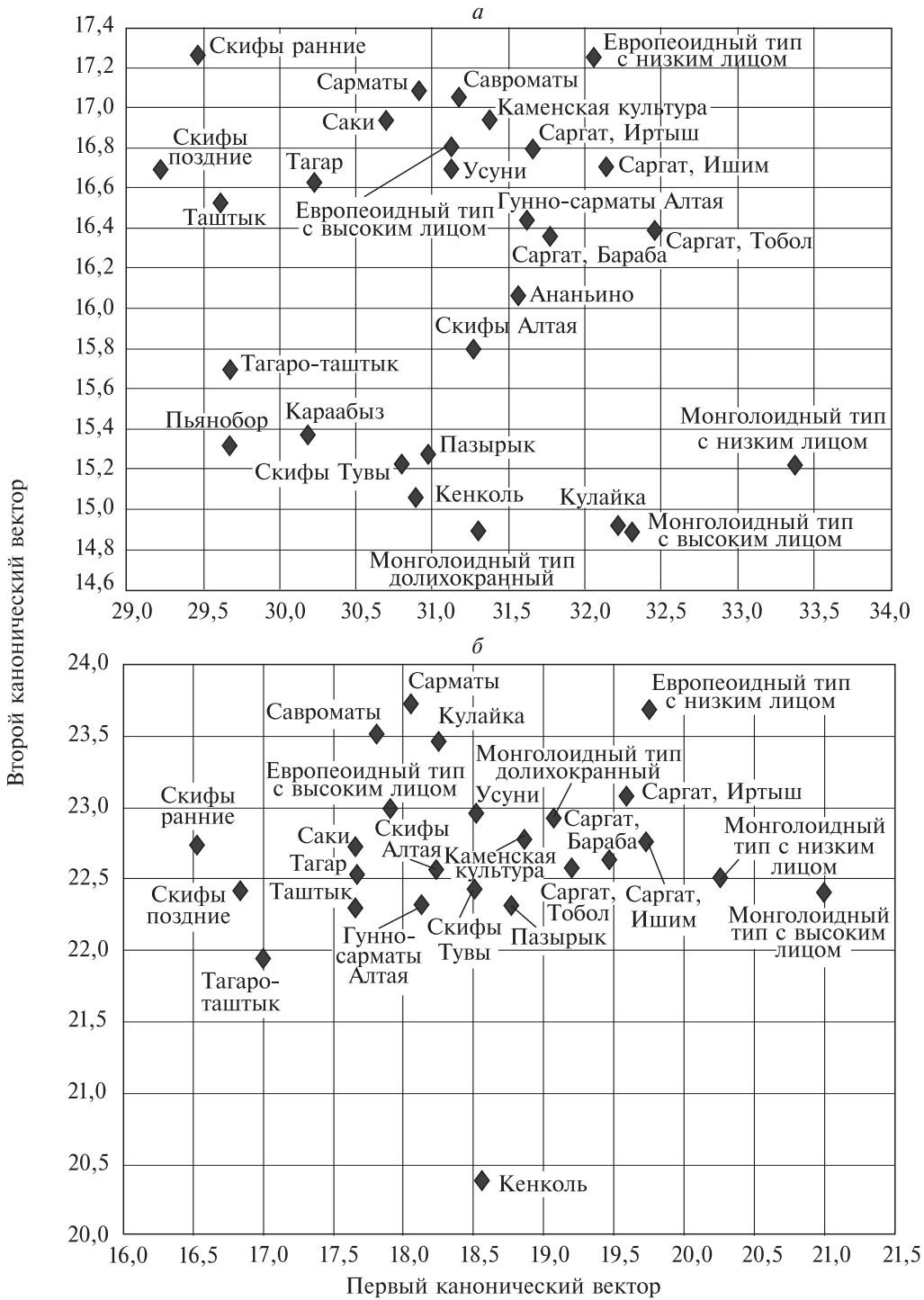


Рис. 16. Взаиморасположение обобщенных выборок (*а* — мужские, *б* — женские) эпохи раннего железа Северной Евразии.

групп раннего железа, а также в составе черноозерско-томской выборки андроновской культурной общности, окуневской, карасукской и черкаскульской краниологических серий эпохи бронзы.

Во-вторых, это группы с такими чертами, как долихокрания, повышенная высота свода, узкий, резко профилированный по горизонтали лицевой скелет, высокое переносье и наибольший в данной совокупности групп угол выступания носовых костей. Данная комбинация признаков типична преимущественно для европеоидных серий эпохи бронзы, в составе которых монголоидная примесь не отмечалась, — ямники, катакомбники, срубники, тазабагъяб, алакуль.

В-третьих, это выборки с характерными особенностями краниологического типа саргатского населения (мезо-брахикрания, эуриморфный уплощенный по горизонтали лицевой скелет, высокое переносье в сочетании со средним углом выступания носовых костей); они имеют аналогии морфотипу населения ряда культур эпохи бронзы Западной и Восточной Сибири, Приуралья — еловской, карасукской, окуневской, черкаскульской, а также антропологическому типу ряда других популяций эпохи бронзы — ирменским, кротовским, черноозерско-томским, которые отличаются менее уплощенным лицевым скелетом и большим углом выступания носа. Европеоидный пласт этих серий в генетическом плане связывается с популяциями андроновского (федоровского) типа [Рыкушина, 1976, 1980; Шевченко, 1980; Рудь, 1981; Молодин, Чикишева, 1988; Дрёмов, 1990, 1997; Бобров и др., 1993; Громов, 1996]. Андроновский (федоровский) компонент, как отмечено выше, морфологически мало отличается от той европеоидной комбинации, которая наблюдается в некоторых сакских группах (Чирик-Рабат и Асар, в меньшей степени Тагискен-Уйгарак и Сакар-Чага), усуньских и савроматских.

Таким образом, для лесостепного населения саргатской общности Западной Сибири раннего железа вырисовываются два наиболее устойчивых направления расогенетических связей — с ранними и поздними сакскими популяциями Южного и Юго-Восточного Приаралья и ранними кочевниками Приуралья и Поволжья, оставившими памятники савроматского типа, а также раннего и среднего сарматских периодов. Менее отчетливо проявляется направление связей с населением предгорного Алтая и Тувы скифского времени. Взаимодействие с населением кулайской культуры было также постоянным и осуществлялось посредством постоянной антропологической диффузии. Характер взаиморасположения обобщенных данных наглядно это демонстрирует (рис. 16).

§ 5. Надпопуляционные общности евразийской степной полосы в эпоху раннего железа

Природа морфологического сходства между черепами из могильников саргатской общности, вышеупомянутых сакских и савромато-сарматских довольно сложна, вырисовывается несколько аспектов, позволяющих это

интерпретировать, поэтому многопланово реконструируются и этногенетические связи между ними.

Это в первую очередь общность генетического корня одного из европеоидных компонентов сакских, сарматских и саргатских популяций, уходящего к андроновскому (федоровскому) населению эпохи бронзы. Как известно, перемещение тех или иных групп людей в относительно однородной антропологической среде не всегда находит свое отражение в краниологии, что создает определенные сложности при реконструкции расогенетических процессов. Если в культуре локальных образований к началу эпохи железа уже формируются некоторые относительно устойчивые специфические традиции, то в антропологическом составе того или иного населения, имевшего в эпоху бронзы общих предков, особенности еще недостаточно стабильны. Здесь закономерность такова: чем репрезентативнее краниологический материал, тем отчетливее проступают антропологические особенности популяции (группы популяций), тем реальнее в этногенезе та или иная комбинация антропологических признаков. Наоборот, при малой численности выборок, по которым характеризуется физический тип носителей той или иной культуры, мы сталкиваемся скорее с особенностями индивидуальной, а не популяционной изменчивости, в реальности которой всегда есть сомнения. Современное состояние источниковой базы позволяет акцентировать внимание на отдельных, уже устойчивых особенностях физического облика локальных групп популяций, обитавших в Северной Евразии. В целом можно выделить несколько вполне определенных комплексов, характеризующихся спецификой морфотипа и приуроченных к конкретным территориям. Для понимания общей этногенетической ситуации в степном поясе Евразии в эпоху раннего железа важным представляется установление надпопуляционной структуры населения, элементарные единицы которой (группы популяций) представляют собой наследственных носителей определенных комбинаций биологических черт.

В Западной Сибири в начале раннего железа продолжается инфильтрация в состав лесостепных племен таежных низколицых монголоидных элементов, поэтому для местных популяций становятся характерными чертами более брахикранная форма черепа и бóльшая эуриморфность лицевого скелета, который приобретает большую уплощенность по горизонтали, менее высокое переносье и небольшой угол выступания носовых костей. При этом не исключено, что происхождение горизонтальной уплощенности лицевого скелета не обязательно может быть связано с монголоидным влиянием, а обусловлено большой шириной лица при относительно высоких положениях назиона и субспинале, в результате чего величины назомалярного и зигомаксиллярного углов принимают повышенные значения и создают впечатление ослабления горизонтального профиля лицевого скелета.

В Поволжье и Приуралье в переходное от бронзы к железу время, видимо, в результате продолжающегося смешения андроновских (федоровских) и срубно-алакульских групп, позднее — савроматских и скифских

для антропологического типа местных популяций характерными становятся более удлиненная форма мозговой коробки, чуть более высокий и заметно более узкий лицевой скелет, хорошо профилированный в горизонтальной плоскости, высокое переносье при большом угле выступания носовых костей. Именно по этим же показателям проходит линия, дифференцирующая андроновские (федоровские) и отдельные сарматские группы. В позднее сарматское время метисационные процессы приобретают более широкие масштабы, что ведет к еще более заметной долихокефализации, увеличению высоты черепа, усилению лептоморфности лицевого скелета, о чем свидетельствует краниологический тип поздней сарматской серии из Абганеровского могильника, правда, весьма незначительной по численности [Балабанова, Цыганова, 1997; Балабанова, 1998].

Другим моментом, частично обусловливающим наблюдаемое морфологическое сходство между саргатскими выборками, черепами ранних кочевников Поволжья середины — второй половины I тыс. до н.э. и типом отдельных ранних сакских популяций Южного (Сакар-Чага) и Юго-Восточного Приаралья (Такискен-Уйгарак), типом поздней сакской группы Юго-Восточного Приаралья (Чирик-Рабат и Асар), а также черепами из могильников сакского типа Киргизии и Казахстана, краниологическими особенностями каменской палеопопуляции Северного Алтая и выборок скифского времени из могильников предгорного Алтая, является наличие примеси монголоидных элементов [Дебец, 1948; Алексеев, 1958; Исмагулов, 1970; Гинзбург, Трофимова, 1972; Яблонский, 1996; Тур, 1996; Итина, Яблонский, 1997; Алексеев, Гохман, 1984; Рыкун, 2013]. Удельный вес монголоидного компонента естественно варьирует в локальных выборках, в морфологическом отношении он не является однородным. Анализ состава популяций саргатской общности позволяет говорить о трех морфотипах монголоидного облика. Низколицый мезо-брахикранный вариант, связанный в происхождении с аборигенным таежным населением Западной Сибири, определяет антропологическую специфику популяций кулайской культуры, в меньшей степени — новочекинской. Его присутствие отчетливо прослеживается в составе населения саргатской и каменской культур, групп предгорного Алтая и, видимо, Тувы скифского времени, а также в составе ранних кочевников Приуралья савроматского времени. Низколицый долихокранный вариант фиксируется только в составе населения саргатской общности. А вот монголоидный вариант с крупным лицевым скелетом, морфологически близкий популяциям центральноазиатского типа, может рассматриваться в качестве компонента, принявшего заметное участие в формировании антропологического облика некоторых сакских популяций Приаралья (Сакар-Чага, Тагискен, Уйгарак, Чирик-Рабат), Киргизии и Казахстана, ряда усуньских групп (Киргизия, Казахстан), населения кенкольской культуры, популяций Горного Алтая скифского времени, предгорного Алтая и Тувы гунно-сарматского периода. В составе выборок саргатской общности данный вариант более или менее отчетливо прослеживается в тобольской и ишимской территориальных группах, в других же — весьма слабо. Поэтому не случайно краниологи-

ческие серии раннего сакского времени из могильников Сакар-Чага, Тагискен и Уйгарак, а также позднесакского времени Чирик-Рабат обнаруживают поразительное сходство с высоколицым монголоидным компонентом, выделенным в составе западносибирских материалов раннего железа, который связан в происхождении с населением Восточной Сибири предшествующего времени, в том числе с племенами окуневской и карасукской культур эпохи бронзы.

В.П. Алексеевым в составе скифо-сакских племен выделено несколько разных по происхождению антропологически своеобразных вариантов: причерноморский (скифы в узком смысле слова), памирский (сакские популяции памирских степей), енисейский (тагарские группы), а также амударьинский (материалы из могильников Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая из Южного Приаралья) и казахстано-алтайский (Сырдарья, Восточный Казахстан и Алтай) [Мартынов, Алексеев, 1986, с. 58–59]. Возросшие материалы (за счет раннесакских погребений могильника Сакар-Чага, Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая) показывают, что в составе местного населения раннесакского времени в Южном Приаралье намечаются два резко отличающихся антропологических варианта: один — близкий «протоевропейскому», Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая; второй — укладывающийся в параметры краниологических особенностей расы Среднеазиатского междуречья, но отличающийся монголоидной примесью, особенно отчетливо выраженной в женской серии [Яблонский, 1996, с. 57]. Также трудно согласиться с объединением в казахстано-алтайский вариант различных в морфологическом отношении выборок из могильников Сырдарьи, Восточного Казахстана и Горного Алтая (пазырык). К тому же не определено положение популяций из Киргизии, Северного Казахстана, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, лесостепи Западной Сибири и северных предгорий Алтая. Причем классификационная структура может быть расширена не только географически, но и хронологически, и охватывать более широкий временной период, обозначаемый обычно как скифо-сарматское время.

Межгрупповой анализ материалов скифо-сарматского времени подтверждает реальность ряда выделенных В.П. Алексеевым локальных групп популяций (причерноморской, памирской и енисейской). Специфическая комбинация признаков, представленная в материалах могильников Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая, с большой долей уверенности позволяет говорить о самостоятельном происхождении этого варианта [Мартынов, Алексеев, 1986, с. 60; Яблонский, 1996]. Однако локализация его, видимо, не так широка, поэтому лучше обозначить его не как амударьинский, а как предложено Л.Т. Яблонским — присарыкамышский [1996]. Как было показано выше, между ранней сакской сакар-чагинской популяцией Южного Приаралья, ранними (Тагискен, Уйгарак) и поздними (Чирик-Рабат) саками Юго-Восточного Приаралья, Киргизии, Восточного Казахстана, а также ранними кочевниками Северного Казахстана, Поволжья и Приуралья, а также группами саргатской общности Западной Сибири и населением каменской культуры Северного Алтая да и в целом населением предгор-

ного Алтая и Тувы скифского времени проявляется определенное морфологическое сходство, вызванное общим генезисом европеоидного эуриморфного (андрон федоровского типа) компонента и единством происхождения высоколицей монголоидной примеси центральноазиатского типа. Вполне допустимо рассматривать их как общность популяций одной линии генезиса в широкой трактовке этого понятия. В данной общности, разумеется, следует выделять ряд локальных групп популяций, внутренняя специфика которых определяется особенностями генезиса их антропологического облика и формирования антропологического состава, которые также структурированы на более низком иерархическом уровне.

В частности, население западносибирской лесостепи и Северного Алтая (гороховская, саргатская, каменская культуры), а также предгорного Алтая и Тувы скифского времени характеризуется общим сходством и обладает определенной спецификой морфотипа, вызванной присутствием в их составе примеси низколицых монголоидных элементов. Целесообразно объединить данный круг популяций в **западносибирскую группу**.

Антропологическое своеобразие населения Горного Алтая (пазырыкская культура) и частично Тувы, обусловленное заметным влиянием монголоидов центральноазиатского происхождения, позволяет выделить особую **горноалтайскую группу популяций**.

В антропологическом составе ранних кочевых племен Нижнего Поволжья и Приуралья савромато-сарматского периода примесь монголоидного компонента наименьшая. Их можно рассматривать в качестве **поволжско-приуральской группы популяций**.

Современное состояние источниковой базы позволяет объединить в **казахстано-киргизскую группу популяций** ряд выборок из могильников сакского типа раннего (Сакар-Чага, Тагискен, Уйгарак) и позднего (Чирик-Рабат) периодов развития сакской культуры Приаралья (нижнесырдарьинский вариант по Л.Т. Яблонскому [1996]), Киргизии и Северо-Восточного Казахстана.

В антропологической классификации населения «скифского мира», таким образом, можно различать ряд локальных антропологических вариантов (или надпопуляционных общностей): ***причерноморский***, ***памирский***, ***присарыкамышский***, ***енисейский***, а в совокупности популяций с территории Приаралья, Северо-Восточного Казахстана, Киргизии, Поволжья, Приуралья, Западной Сибири и Алтая — ***казахстано-киргизский***, ***поволжско-приуральский***, ***западносибирский и горноалтайский***.

§ 6. О миграционных потоках в эпоху раннего железа

Имеющиеся в настоящее время краниологические данные свидетельствуют о возможности проникновения монголоидных элементов центральноазиатского происхождения в этническую среду, населявшую некоторые районы Южного и Юго-Восточного Приаралья, Киргизию и Восточный Казахстан, видимо, только в конце переходного от поздней бронзы к ран-

нему железу периода, так как пока не прослеживается их присутствие в более раннее время, а уже в раннесакское время черты данной комбинации признаков отмечаются в материалах могильников Сакар-Чага [Яблонский, 1996], Тагискен и Уйгарак [Гинзбург, Трофимова, 1972; Алексеев, Гохман, 1984; Итина, Яблонский, 1997], на сакских черепах из могильников Киргизии [Гинзбург, Трофимова, 1972; Тур, 1997] и Восточного Казахстана [Исмагулов, 1970; Гинзбург, Трофимова, 1972]. Однако не в «чистом виде». Данный монголоидный компонент присутствовал, скорее всего, в составе определенных общностей в целом европеоидного облика. Раннесакские черепа с территории Юго-Восточного Приаралья и Киргизии обнаруживают сходство довольно высокого уровня изо всех известных материалов эпохи бронзы Южной и Восточной Сибири только с карасукскими сериями [Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997; Тур, 1997]. Саргатские черепа также морфологически близки карасукским, и, как было показано выше, это обусловлено единством генезиса эуриморфных европеоидных и высоколицых монголоидных компонентов их состава. Это подтверждает тезис Л.Т. Яблонского [1996, 1997, 1999] о восточном расовом импульсе в период перехода от бронзы к железу на севере Средней Азии и в Киргизии группы племен из Восточной Сибири, антропологический тип которых более всего сходен с типом населения карасукской культуры Минусинской котловины и которые приняли в первой половине I тыс. до н.э. деятельное участие в генезисе популяций, оставивших ряд могильников сакского типа. Следует отметить, что контакты, например, приаральского и западносибирского населения имеют давние корни, они фиксируются уже в эпоху неолита [Дрёмов, 1980, 1997; Виноградов и др., 1986; Bagashev, 1994].

Таким образом, основные направления синхронных расогенетических связей населения саргатской общности Западной Сибири разноплановы. Это западное направление, мир ранних кочевников Приуралья середины I тыс. до н.э. и мир ранних сакских популяций Южного и Юго-Восточного Приаралья VII–V вв. до н.э. В диахронном аспекте популяции саргатской общности расогенетические связи обнаруживают с населением эпохи поздней бронзы ряда культур андроновской (федоровской) линии развития. Но если на севере Средней Азии уже в VII в. до н.э. отмечаются памятники раннего сакского типа, а в Приуралье в VI в. до н.э. — памятники ранних кочевников, то в лесостепи Западной Сибири в VII–VI вв. до н.э. преобладают разнообразные древности, завершающие андроновскую линию развития культур поздней бронзы. Другое отличие состоит в том, что современные краниологические данные не фиксируют связь раннесакских популяций казахстано-киргизской группы с населением предшествующего времени этих территорий, в Западной Сибири же вполне определенно можно говорить о сохранении расогенетических связей населения саргатской общности с популяциями предшествующего времени. Поэтому логично предполагать, что антропологическое сходство между западносибирской, поволжско-приуральской и казахстано-киргизскими группами первично, а этнокультурное сходство между сакской, сарматской и саргатской культурами — вторично, когда небольшие кол-

лективы ранних кочевников севера Средней Азии, носителей передовых и более эффективных культурных традиций, в совокупности с благоприятными природно-климатическими условиями и высокой подвижностью, вызванной переходом к кочевым формам ведения хозяйства, могли способствовать повсеместному и быстрому их распространению в западносибирской лесостепи в V–IV вв. до н.э.

По археологическим данным отмечено, что материальная культура и погребальная обрядность начального периода функционирования саргатской общности характеризуются отчетливо выраженными чертами, присущими ранним кочевникам Приуралья савроматского времени, до этого отсутствовавшими [Корякова, 1979, 1988, 1997; Матвеева, 1993а, 1994; Матющенко, Татаурова, 1997], появление которых связывается с проникновением в западносибирскую лесостепь из Приуралья кочевых племен. Нашло ли это отражение в исследуемых краниологических материалах? Как известно, перемещение населения в антропологически однородной среде не даст ответа на этот вопрос. Однако, как показал анализ антропологических данных, к середине I тыс. до н.э. наблюдается незначительная концентрация биологических особенностей как в среде ранних кочевников Приуралья, так и в среде лесостепного западносибирского населения, вызванная метисационными процессами, протекавшими в эпоху бронзы и в переходное от бронзы к железу время. Так как различия в антропологических типах уже стабильны, но невелики, поэтому трудно оценить масштабы перемещения населения. Действительно, строение черепов из ранних могильников саргатской общности весьма сходно с типом савроматских серий. При этом не происходит разрыва генетических связей между западносибирскими лесостепными популяциями раннего железа и населением предшествующего времени, причем более четко наблюдаемых по женским частям выборок. Динамика изменчивости монголоидной примеси, очень слабой в составе ранних саргатских популяций, что увеличивает морфологическое расхождение между ними и выборками эпохи бронзы, но заметно возрастающей позднее, позволяет считать, что приток пришлого населения, в составе которого, видимо, мужчины преобладали, имел место, не был растянут во времени, был более или менее существенным только в период сложения саргатской общности и практически прекратился на следующих этапах ее функционирования. Необходимо отметить, что удельный вес европеоидного компонента, родственного савроматским популяциям, выше в составе населения гороховской культуры, нежели в составе саргатских групп. Местное население нельзя признать малочисленным, ибо уже к среднему этапу саргатской культуры физические особенности, характерные для пришлых групп, почти не фиксируются, формируется сходный в принципиальных чертах антропологический тип, свойственный саргатским племенам всей западносибирской лесостепи, но в морфологическом облике женских черепов по-прежнему более отчетливо выражены монголоидные особенности.

Согласно археологическим данным, в саргатской культуре наблюдается достаточно много сакских элементов, причем сильнее влияние тех сакских

черт, которые характерны преимущественно для населения Приаралья [Могильников, 1980, 1981, 1981а, 1992, 1997; Полосьмак, 1987; Корякова, 1988, 1997; Матвеева, 1993а, 1994]. Однако территориальные группы саков, объединяемые культурными традициями, в антропологическом отношении обладают чрезвычайно высоким полиморфизмом. Поэтому с конкретными территориальными сакскими группами наблюдается различная степень сходства. В этом плане саргатским популяциям ближе всего саки нижнесырдарьинского типа Приаралья, несколько дальше от них — саки Киргизии и Восточного Казахстана, максимально отстоят саки Памира. С другой стороны, в археологических и антропологических материалах нашло отражение довольно тесное культурное и генетическое взаимодействие между саками Приаралья и ранними кочевниками Южного Урала [Смирнов, 1964; Вишневская, Итина, 1971; Мошкова, 1974; Пшеничнюк, 1983; Яблонский, 1996, 1997; Итина, Яблонский, 1997], а через них сакские культурные элементы могли проникать в лесостепь Западной Сибири. Нельзя исключать, конечно, и эпизодические миграции кочевников позднесакского времени из Приаралья в Западную Сибирь и наоборот.

Исследованные материалы позволяют говорить о том, что миграционная интенсивность ранних кочевых групп не была одинаковой в разные географические области западносибирской лесостепи и Северного Алтая. Некоторые антропологические особенности локальных групп саргатского населения указывают на то, что доля пришлого эуриморфного европеоидного компонента выше в Приишимье и Прииртышье, чем в Притоболье и Барабе, и свидетельствуют о более интенсивном проникновении ранних номадов именно на Иртыш и Ишим. Уже отсюда происходит распространение новых для западносибирской лесостепи культурных традиций и погребальной обрядности, возможно, и лингвистических новаций. Отсутствие резких различий в физическом типе пришлых и местных популяций выступало, как представляется, дополнительным фактором, наряду с другими (благоприятные для ведения кочевых и полукочевых форм хозяйства природно-климатические условия) ускоряющим процесс распространения новой культуры.

На территорию Северного Алтая проникновение ранних кочевых групп происходило, как свидетельствуют данные археологии, из другого географического региона. Согласно им, в материалах каменской культуры отчетливо проявляются элементы этнокультурного влияния населения Киргизии сакского времени, воздействие сарматов фиксируется слабее [Могильников, 1997]. Антропологический тип и направление генетических связей палеопопуляций каменской культуры [Рыкун, 2013] корреспондируют с археологическими наблюдениями, в генезисе населения каменской культуры немаловажную роль сыграла, видимо, непосредственная миграция сакских племен с территории Киргизии и Восточного Казахстана в середине I тыс. до н.э. Позднее, во второй половине I тыс. до н.э., усиливается взаимодействие между саргатскими и каменскими популяциями, которое происходило более или менее постоянно и осуществлялось посредством культурной и антропологической диффузии. Благодаря этому

опосредованным путем в археологические культуры Северного Алтая и антропологический состав их населения могли проникать сарматские элементы, что также нашло отражение в антропологических особенностях краниологических материалов из погребений каменской культуры и в сериях из других могильников скифского времени предгорного Алтая [Дебец, 1948; Алексеев, 1958; Фирштейн, 1961; Тот, Фирштейн, 1970; Дрёмов, 1970; Багашёв, 1997; Рыкун, 1997, 1999, 2013]. Процессы инфильтрации не были односторонними, в саргатскую среду проникали этнокультурные элементы с Северного Алтая (каменская культура), а с ними и сакские.

Отражают ли краниологические материалы антропологические особенности всех групп стратифицированного населения саргатской культуры? Однозначного ответа пока нет. На основании косвенных данных, если полагать, в частности, что пришлые группы людей, стоящие на более высокой ступени социально-экономического развития, составляли преимущественно верхний слой общества, а рядовыми членами были в основном представители местного населения, то из анализа морфологических особенностей хронологических выборок должно следовать, что местное население представлено палеоантропологическими находками раннего этапа саргатской культуры в меньшей степени, чем пришлое. Пока мы не имеем представления о характере погребальной обрядности переходного от бронзы к железу периода. Возможно, еще некоторое время местные жители продолжали хоронить своих умерших по неизвестному традиционному обряду. Подтверждением может служить тот факт, что ранние краниологические материалы обнаруживают меньшее сходство с данными по населению культур поздней бронзы, нежели более поздние. Однако на среднем и позднем этапах функционирования саргатской культуры происходит не только культурная [Корякова, 1988], но и антропологическая гомогенизация. Всех умерших начинают хоронить вместе, скачкообразно увеличивается доля монголоидного компонента. Строение черепов из погребений рубежа эр и начала I тыс. н.э. вновь приобретает те характерные особенности, которые свойственны и черепам из могильников Западной Сибири позднего бронзового времени.

Таким образом, европеоидный компонент с эуриморфным строением лицевого скелета следует признать основным в генезисе населения саргатской общности. Он и аналогичный компонент антропологического состава ранних кочевников Приуралья савромато-сарматского времени, некоторых сакских групп нижнесырдарьинского типа Приаралья, Восточного Казахстана и Киргизии имеют единую основу, родственную андроновским (федоровским) племенам эпохи бронзы.

Существенно меньшая роль в формировании антропологического облика населения лесостепи Западной Сибири может быть отведена мезодолихокранному европеоидному компоненту с лептоморфным строением лицевого скелета. Его морфологические особенности во многом аналогичны краниологическому типу популяций тагарской культуры, который в свою очередь связан в происхождении с местным населением предшест-

вующего времени, оставившим памятники афанасьевской культуры [Дебец, 1948; Алексеев, 1975; Козинцев, 1977]. Инфильтрация европеоидных элементов этой линии генезиса на территорию лесостепной полосы Западной Сибири и на Северный Алтай происходила преимущественно уже в эпоху бронзы, так как прослеживается в составе групп самусьской и андроновской (федоровской) культур. В саргатских выборках данный компонент виден отчетливее в ранних группах, в последующих проявляется в виде небольшой примеси.

Невелика в расогенезе лесостепного населения раннего железа Западной Сибири и роль монголоидного компонента центральноазиатского происхождения. Он фиксируется в Западной Сибири уже в эпоху неолита, отмечена примесь центральноазиатских черт на черепах из лесостепного Прииртышья [Bagashev, 1994; Багашёв, 1994, 2003а], Новосибирского Приобья [Алексеев, 1961а; Дрёмов, 1985, 1997], а в составе групп Верхнего Приобья он составляет заметную долю [Дрёмов, 1980]. В эпоху бронзы усиливается смешение европеоидных групп (родственных андроновскому населению федоровского типа, в меньшей степени, возможно, и элементам афанасьевской линии генезиса) с центральноазиатскими монголоидными, особенно в Минусинской котловине, как компонент центральноазиатские элементы отмечаются в составе окуневских и карасукских популяций [Дебец, 1948; Рыкушина, 1976, 1980; Громов, 1997], с представителями которых данный антропологический комплекс продолжает инфильтрироваться в среду западносибирского населения, проникая в переходный от бронзы к железу период также на территорию севера Средней Азии и в Киргизию.

Несколько слов необходимо сказать о роли низколицых таежных западносибирских монголоидов в формировании населения различных культур раннего железа. Изученные и известные материалы позволяют говорить о том, что их влияние на формирование антропологической специфики населения южной части Западной Сибири можно проследить пока только с неолитического времени. Это краниологические находки из неолитических могильников Северной Барабы, морфотип которых характеризуется рядом недифференцированных черт, свойственных современным низколицым монголоидам [Полосьмак и др., 1989]. Отчетливо примесь данного компонента проступает в составе выборок эпохи бронзы, особенно из могильников северной части лесостепи и южной тайги — кротовские погребения могильников Сопка 2, Еловка 2, Черноозерье 1 андроновской культурной общности [Дрёмов, 1990]. Выделенный в составе еловской 2 серии краниологический тип [Дрёмов, 1997] практически не отличается от серии из могильника кулайской культуры Каменный Мыс. Компонент серии из могильника Еловка 2 и кулайские черепа в свою очередь морфологически мало отличаются от низколицего монголоидного краниологического типа, отмеченного в материалах раннего железа, и того компонента, который прослеживается по неолитическим материалам в составе западносибирского варианта протоевропеоидного типа. Именно

примесь низколицего монголоидного компонента в составе ряда популяций неолита, эпохи бронзы и в составе населения раннего железа определяет их морфологическое своеобразие и служит достаточно надежным индикатором степени родственных отношений. Не прекращается инфильтрация низколицых монголоидов, генетически связанных с населением кулайской культуры, в лесостепь Западной Сибири и в эпоху раннего железа, особенно в северные районы Барабы [Чиндина, 1984; Полосьмак, 1987]. Не исключено проникновение этих элементов и в Приуралье, в частности некоторый параллелизм низколицему монголоидному типу обнаруживается в краниологических материалах из погребений ананьинской культуры.

Глава 5

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В IV — начале V в. н.э. в западносибирской лесостепи резко уменьшается количество археологических памятников, оставленных саргатскими племенами, в том числе могильников. Ухудшение климатических условий, наряду с политическими событиями, положило начало упадку саргатской общности.

Сложно реконструируется в археологии судьба этого многочисленного населения. Предполагается, что часть наиболее богатых и воинственных родов ушла на запад, другая — осела на границе лесостепи и тайги, постепенно смешавшись с местными группами и став одним из компонентов генезиса некоторых современных народов [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; Могильников, 1992; Матвеева, 1993б, 1994].

Антропологические данные позволяют конкретно рассмотреть роль населения раннего железа в формировании физического облика средневековых популяций. Преимущественно краниологические материалы происходят из позднесредневековых могильников южной части Западной Сибири, раннесредневековых исследовано пока мало. Нужно отметить, что в первые десятилетия XXI в. в научный оборот были впервые введены данные о значительных коллекциях из средневековых могильников таежной части Западной Сибири (Сайгатино, Барсова Гора, Усть-Балык и др.). Несмотря на еще имеющиеся лакуны, значение их велико, ибо в эпоху средневековья в основном формируются те антропологические черты, которые можно проследить в составе современных народов различных этнолингвистических общностей.

Перемещение племен и племенных объединений, известное как Великое переселение народов, достаточно сильно изменило структуру антропологического покрова в степной и лесостепной зонах Северной Евразии по сравнению с предыдущими периодами (неолит, бронза, раннее железо), что неизбежно привело к разрыву или ослаблению генетических связей между асинхронными группами популяций, которые не всегда поддаются реконструкции из-за малочисленности материалов из средневековых могильников. На антропологической структуре населения внутренних таежных районов Северной Евразии эти процессы отразились в гораздо меньшей степени.

§ 1. Краниологические данные об антропологических особенностях средневековых популяций

С территории Зауралья краниологические материалы конца I — начала II тыс. н.э. получены в результате раскопок ряда памятников в районе оз. Аргази Аргаяшского района Челябинской облати. Это могильники Байрамгулово 1 (раскопки В.Т. Петрина, 1976 г., материалы хранятся в Кабинете антропологии Томского университета (КА ТГУ), инв. № 1821, 1822, 1824–1826), Перевозный 9 (раскопки В.Т. Петрина, 1975 г., КА ТГУ, инв. № 1839, 1842, 1844, 3105–3106), Сигаево 3а (раскопки В.Т. Петрина, 1975 г., КА ТГУ, инв. № 1845, 1847, 1848, 1850), Березки 5д (раскопки Л.А. Дрябиной, 1976 г., КА ТГУ, инв. № 1829, 1830, 1851), а также небольшая коллекция из могильника Исетское 13а, расположенного на оз. Исеть близ г. Екатеринбурга (раскопки В.Т. Петрина, 1978 г., КА ТГУ, инв. № 3076–3078). Материалы объединены в сборную серию (публикуется впервые), для черепов которой характерна мезокранная форма при средневысокой черепной коробке. Умеренная ширина лица сочетается с небольшой его высотой. Горизонтальная профилированность лица умеренная, угол выступания носа средней величины, но в сочетании с высоким переносьем как по симотическим, так и по дакриальным размерам. В целом строение черепов имеет особенности, которые позволяют характеризовать серию как европеоидную с небольшой примесью монголоидных элементов (табл. 26).

Краниологические материалы эпохи средневековья из могильников Среднего Прииртышья получены в результате раскопок могильников не только в южно-таежной, но и в лесостепной зонах.

В южно-таежном Прииртышье это могильники Малая Бича, Малая Тебендя, Кип [Багашёв, 1988]. К опубликованным данным добавлены новые материалы из могильников Иванов Мыс, Паново, Масарлы, Нугай, городища Долговское, которые опубликованы О.Е. Пошехоновой [2011]. Указанные памятники отнесены к усть-ишимской археологической культуре (IX–XII вв. н.э.), которая генетически связывается либо непосредственно с потчевашской культурой [Коников, 1982, 1993; Коников, Шван, 1983], либо с ее усть-ишимским вариантом [Молодин и др., 1988, с. 169] (табл. 26).

Первой половиной — серединой II тыс. н.э. в целом датируются погребения из Красноярского археологического комплекса, расположенного в Усть-Ишимском районе Омской области. Изучены 83 погребенных, для анализа сформирована серия из 21 мужского и 21 женского черепов [Пошехонова, 2011а]. Для них характерны суббрахикрания при низком своде, мезопрозопное и уплощенное по горизонтали лицо, средневысокое переносье со средним выступанием носовых костей (табл. 26). Судя по морфологическому строению, выборка занимает промежуточное положение между монголоидными и европеоидными вариантами, тяготея в сторону последних. Анализ межгрупповой изменчивости показал, что южно-таежное население первой половины — середины II тыс. н.э. имеет генетиче-

Таблица 26

Сравнительные данные по краниологии населения эпохи средневековья

№ по Мартину или условное обозначение	Приуралье							Зауралье	
	Кочевники Северной Башкирии	Ломоватовская культура		Поломская культура		Замараевский могильник		Конец I – середина II тыс. н.э.*	
	IX–X вв. н.э	IV–VIII вв. н.э.		V–IX вв. н.э.		XII–XIII вв. н.э.			
	Только ♂	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Продольный диаметр	186,8 (9)	183,1 (12)	175,8 (5)	186,9 (30)	175,1 (18)	186,3 (9)	173,7 (10)	181,7 (12)	169,3 (4)
8. Поперечный диаметр	149,6 (9)	142,7 (13)	138,1 (7)	141,0 (29)	136,5 (18)	145,4 (9)	140,2 (9)	143,9 (12)	138,3 (4)
17. Высотный диаметр	135,8 (8)	131,9 (8)	126,8 (5)	137,7 (18)	127,9 (10)	132,1 (8)	124,9 (8)	132,1 (11)	126,0 (4)
8:1. Черепной указатель	80,2 (9)	78,4 (11)	79,8 (5)	75,3 (26)	77,9 (18)	78,1 (9)	80,7 (8)	79,3 (12)	81,7 (4)
5. Длина основания черепа	105,5 (8)	102,9 (9)	98,2 (5)	105,0 (17)	96,9 (11)	102,3 (8)	95,6 (7)	100,8 (11)	96,8 (4)
9. Наименьшая ширина лба	101,6 (9)	96,7 (14)	94,8 (9)	97,1 (32)	91,8 (19)	94,3 (9)	91,6 (11)	98,6 (13)	91,0 (4)
32. Угол профиля лба	79,9 (9)	83,6 (13)	87,7 (6)	82,7 (25)	83,1 (14)	83,9 (8)	84,6 (7)	80,4 (9)	81,7 (4)
40. Длина основания лица	101,0 (7)	97,3 (8)	90,3 (6)	97,9 (13)	93,8 (9)	97,0 (7)	94,3 (7)	99,8 (10)	96,0 (4)
45. Скуловой диаметр	145,7 (9)	134,2 (14)	126,3 (7)	132,8 (27)	124,5 (14)	140,0 (6)	133,0 (5)	136,2 (12)	126,7 (4)
48. Верхняя высота лица	72,5 (8)	68,6 (16)	66,3 (9)	71,3 (31)	67,3 (16)	70,2 (9)	67,3 (10)	69,3 (12)	66,2 (4)
72. Общий лицевой угол	88,0 (7)	85,9 (13)	86,6 (5)	87,5 (21)	85,9 (14)	87,6 (8)	85,4 (7)	85,4 (9)	84,5 (4)
77. Назомалярный угол	141,4 (9)	141,3 (14)	142,2 (8)	138,7 (33)	140,1 (17)	144,2 (10)	146,9 (8)	143,2 (13)	144,1 (4)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	135,4 (8)	130,4 (15)	131,8 (7)	126,9 (26)	130,2 (11)	136,4 (7)	130,2 (4)	133,5 (10)	131,9 (4)
51. Ширина орбиты	44,5 (9)	42,7 (14)	41,4 (9)	42,3 (28)	40,9 (15)	44,4 (8)	42,8 (7)	44,8 (13)	43,5 (4)
52. Высота орбиты	31,8 (9)	32,7 (16)	32,7 (9)	32,4 (33)	32,2 (16)	33,3 (8)	33,6 (7)	32,9 (13)	33,6 (4)
55. Высота носа	53,3 (8)	50,6 (17)	50,1 (8)	51,7 (30)	49,0 (16)	52,4 (8)	51,6 (7)	50,6 (12)	48,2 (4)
54. Ширина носа	26,5 (8)	25,7 (16)	25,1 (8)	26,4 (31)	25,2 (16)	25,7 (6)	25,2 (6)	25,5 (11)	25,5 (4)
75(1). Угол выступания носа	27,4 (5)	26,4 (10)	21,3 (7)	28,7 (21)	24,3 (12)	25,1 (7)	22,8 (6)	23,4 (10)	20,5 (4)
SC. Симотическая ширина	9,4 (6)	8,8 (14)	9,3 (9)	9,4 (24)	9,4 (13)	9,0 (8)	7,2 (5)	7,8 (12)	7,2 (4)
SS. Симотическая высота	5,3 (6)	4,3 (14)	3,5 (9)	4,4 (24)	3,9 (13)	4,0 (8)	2,7 (5)	4,3 (12)	3,0 (4)
DC. Дакриальная ширина	22,3 (5)	22,4 (10)	20,8 (6)	22,0 (22)	21,6 (14)	21,5 (8)	19,9 (6)	22,1 (10)	20,3 (4)
DS. Дакриальная высота	12,7 (5)	11,6 (10)	10,0 (6)	12,6 (22)	11,2 (14)	11,4 (8)	9,6 (6)	12,4 (10)	9,9 (4)

Продолжение табл. 26

№ по Мартину или условное обозначение	Южно-таежное Прииртышье				Лесостепное Прииртышье				Сургутское Приобье	
	Усть-ишимская культура		Начало — середина II тыс. н.э.		Конец I — начало II тыс. н.э.		Середина II тыс. н.э.*		Барсова Гора	
	IX–XIII вв. н.э.								VIII–XV вв. н.э.	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1. Продольный диаметр	179,4 (34)	167,5 (14)	177,9 (15)	173,4 (17)	185,0 (9)	169,3 (3)	181,4 (11)	169,7 (9)	182,7 (9)	171,0 (10)
8. Поперечный диаметр	142,6 (31)	135,3 (13)	143,9 (15)	138,3 (17)	148,0 (9)	148,3 (3)	147,0 (12)	140,8 (10)	138,3 (10)	135,8 (9)
17. Высотный диаметр	133,8 (27)	127,3 (11)	130,8 (12)	126,6 (14)	138,2 (8)	137,0 (2)	132,9 (11)	123,7 (9)	128,6 (8)	127,8 (8)
8:1. Черепной указатель	79,4 (29)	80,6 (12)	81,1 (15)	79,8 (17)	80,0 (9)	87,7 (3)	79,2 (11)	82,7 (9)	74,9 (7)	78,2 (7)
5. Длина основания черепа	102,4 (23)	97,3 (11)	102,9 (12)	97,2 (12)	105,0 (8)	95,5 (2)	101,7 (11)	94,2 (9)	96,3 (6)	97,0 (5)
9. Наименьшая ширина лба	95,7 (35)	92,5 (14)	93,9 (17)	89,9 (18)	94,0 (10)	93,0 (3)	98,3 (12)	92,2 (10)	96,6 (9)	91,6 (8)
32. Угол профиля лба	80,7 (11)	83,8 (4)	78,2 (11)	81,7 (9)	81,9 (8)	87,0 (2)	81,2 (11)	82,1 (7)	76,0 (2)	82,0 (2)
40. Длина основания лица	98,1 (15)	96,7 (9)	106,6 (11)	94,5 (10)	104,4 (8)	94,0 (1)	99,5 (11)	96,1 (7)	97,0 (3)	95,0 (2)
45. Скуловой диаметр	138,4 (22)	127,4 (9)	137,8 (13)	128,9 (13)	139,9 (8)	133,0 (2)	138,2 (12)	128,7 (9)	136,8 (5)	124,0 (1)
48. Верхняя высота лица	69,6 (23)	65,8 (12)	72,7 (15)	66,7 (14)	75,6 (8)	71,0 (2)	69,6 (11)	65,7 (7)	68,8 (9)	65,7 (3)
72. Общий лицевой угол	85,9 (9)	86,0 (5)	80,8 (11)	85,1 (9)	87,2 (8)	88,0 (2)	85,3 (11)	83,3 (7)	85,0 (2)	84,5 (2)
77. Назомалярный угол	144,6 (33)	145,6 (13)	146,5 (17)	145,5 (16)	147,7 (10)	151,1 (3)	144,3 (11)	144,9 (9)	142,8 (6)	144,0 (5)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	135,5 (12)	133,2 (6)	130,7 (14)	134,3 (11)	134,8 (7)	131,1 (2)	134,8 (11)	134,5 (7)	128,5 (2)	—
51. Ширина орбиты	43,6 (26)	42,1 (12)	43,7 (15)	41,7 (15)	44,4 (8)	42,5 (2)	44,2 (11)	42,2 (9)	43,0 (9)	42,1 (9)
52. Высота орбиты	32,9 (26)	33,0 (11)	33,8 (15)	33,5 (14)	33,4 (8)	34,5 (2)	33,5 (11)	33,8 (9)	33,2 (9)	33,4 (10)
55. Высота носа	51,6 (22)	49,8 (12)	53,2 (15)	49,6 (14)	54,1 (8)	51,5 (2)	49,8 (11)	47,3 (7)	50,2 (8)	47,6 (5)
54. Ширина носа	25,0 (27)	25,0 (14)	26,2 (15)	24,8 (12)	26,3 (8)	22,5 (2)	25,4 (11)	24,8 (7)	24,2 (9)	23,5 (4)
75(1). Угол выступания носа	22,0 (19)	18,4 (10)	23,3 (15)	20,8 (10)	23,2 (8)	26,0 (1)	19,7 (11)	19,9 (7)	29,7 (3)	21,0 (4)
SC. Симотическая ширина	7,4 (28)	7,2 (12)	8,0 (16)	7,3 (16)	7,79 (10)	4,9 (1)	7,1 (10)	6,6 (8)	8,6 (7)	6,4 (8)
SS. Симотическая высота	3,6 (28)	3,1 (12)	3,6 (16)	2,7 (16)	3,20 (10)	2,3 (1)	3,1 (10)	2,6 (8)	4,2 (7)	2,5 (8)
DC. Дакриальная ширина	21,1 (20)	20,2 (11)	21,1 (14)	21,1 (14)	21,07 (9)	20,2 (1)	21,9 (10)	19,5 (5)	22,8 (7)	21,7 (6)
DS. Дакриальная высота	11,0 (20)	10,3 (11)	11,0 (13)	9,4 (14)	10,92 (9)	10,1 (1)	10,5 (10)	8,5 (5)	10,8 (6)	9,4 (6)

Продолжение табл. 26

№ по Мартину или условное обозначение	Сургутское Приобье						Нарымское Приобье				
	Сайгатино				Усть-Балык		Алдыган	Тискино			
	VI–XI вв. н.э.		X–XV вв. н.э.		Середина II тыс. н.э.		XI–XIII вв. н.э.	XII–XIV вв. н.э.		XIV–XVII вв. н.э.	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	Только ♂	♂	♀	♂	♀
1	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
1. Продольный диаметр	175,1 (18)	167,1 (8)	174,9 (18)	169,0 (18)	172,8 (21)	171,1 (10)	182,5 (4)	180,3 (16)	169,9 (14)	180,7 (15)	170,1 (19)
8. Поперечный диаметр	143,1 (17)	137,0 (8)	145,8 (17)	139,1 (16)	140,4 (18)	139,5 (8)	147,3 (4)	142,6 (17)	138,6 (15)	145,0 (16)	137,7 (19)
17. Высотный диаметр	125,6 (15)	124,0 (9)	130,6 (19)	122,4 (14)	125,9 (14)	121,0 (10)	134,6 (5)	133,8 (16)	128,8 (12)	133,2 (16)	126,0 (15)
8:1. Черепной указатель	81,7 (14)	80,6 (7)	83,3 (14)	81,4 (14)	81,5 (15)	82,7 (8)	82,7 (3)	79,2 (16)	81,9 (14)	80,2 (15)	81,5 (19)
5. Длина основания черепа	97,8 (13)	91,0 (5)	98,5 (15)	94,6 (14)	94,7 (13)	96,3 (9)	100,8 (4)	102,1 (14)	97,5 911)	103,2 (13)	96,1 (15)
9. Наименьшая ширина лба	96,9 (17)	92,6 (5)	95,4 (18)	92,9 (11)	95,2 (12)	93,4 (5)	96,5 (4)	99,1 (19)	93,7 (24)	97,7 (19)	93,2 (29)
32. Угол профиля лба	80,0 (5)	—	84,1 (8)	84,3 (6)	79,6 (7)	83,0 (4)	83,5 (2)	82,0 (10)	85,1 (7)	82,6 (11)	84,1 (9)
40. Длина основания лица	97,9 (7)	90,3 (3)	96,3 (11)	93,9 (10)	98,9 (11)	97,3 (6)	98,0 (3)	102,4 (11)	99,6 (7)	101,1 (10)	96,5 (11)
45. Скуловой диаметр	136,6 (9)	134,5 (2)	134,4 (11)	125,7 (7)	133,6 (9)	124,0 (5)	141,0 (5)	139,1 (15)	130,5 (11)	138,5 (15)	131,4 (13)
48. Верхняя высота лица	68,8 (12)	60,7 (3)	69,1 (15)	63,0 (12)	68,3 (11)	64,8 (5)	68,0 (3)	70,2 (16)	63,5 (11)	69,5 (15)	65,0 (18)
72. Общий лицевой угол	85,8 (5)	84,0 (1)	86,3 (9)	86,8 (4)	83,9 (7)	83,0 (4)	84,5 (2)	85,7 (10)	83,1 (7)	86,1 (9)	86,1 (9)
77. Назомалярный угол	143,1 (10)	138,9 (2)	141,7 (10)	140,7 (5)	144,7 (10)	143,5 (5)	148,5 (3)	145,4 (16)	145,2 (18)	145,5 (15)	146,8 (26)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	132,0 (6)	124,4 (2)	133,7 (5)	126,1 (2)	130,0 (6)	130,7 (3)	133,1 (1)	133,6 (15)	134,9 (7)	135,3 (10)	136,3 (14)
51. Ширина орбиты	42,3 (14)	42,3 (3)	42,7 (15)	42,0 (10)	42,5 (12)	40,8 (8)	43,7 (4)	45,5 (17)	41,9 (13)	44,7 (17)	43,5 (20)
52. Высота орбиты	34,3 (13)	33,5 (4)	33,9 (16)	33,4 (9)	33,0 (9)	33,1 (7)	34,1 (4)	33,9 (17)	31,8 (12)	33,4 (16)	33,2 (21)
55. Высота носа	50,2 (14)	48,3 (4)	49,6 (16)	46,8 (12)	50,9 (12)	48,0 (5)	50,3 (3)	52,4 (16)	48,0 (11)	51,2 (15)	49,1 (19)
54. Ширина носа	24,6 (14)	25,6 (5)	24,9 (16)	24,6 (9)	25,3 (11)	25,6 (5)	25,0 (3)	26,3 (19)	25,5 (14)	26,0 (16)	25,4 (21)
75(1). Угол выступания носа	21,6 (7)	22,5 (2)	18,4 (5)	18,7 (3)	16,4 (9)	11,2 (4)	17,5 (2)	18,9 (15)	13,7 (7)	18,0 (10)	16,7 (12)
SC. Симотическая ширина	8,1 (12)	6,6 (7)	7,6 (15)	6,7 (9)	6,9 (12)	8,2 (7)	7,7 (4)	8,4 (19)	7,8 (17)	7,8 (15)	7,8 (24)
SS. Симотическая высота	3,1 (12)	1,8 (7)	3,0 (15)	1,9 (9)	2,5 (12)	2,0 (7)	3,0 (4)	3,5 (19)	2,6 (17)	3,0 (15)	2,8 (24)
DC. Дакриальная ширина	23,5 (15)	20,9 (5)	22,0 (11)	21,7 (5)	22,5 (12)	23,1 (5)	22,1 (3)	21,9 (17)	20,8 (10)	21,6 (9)	19,9 (19)
DS. Дакриальная высота	10,7 (5)	9,4 (5)	9,6 (11)	9,5 (5)	10,9 (12)	9,3 (5)	10,4 (3)	11,3 (17)	9,0 (10)	10,7 (9)	9,3 (19)

Продолжение табл. 26

№ по Мартину или условное обозначение	Нарымское Приобье						Нижнее Притомье			
	Лукьяновский и Максимоярский могильники среднего течения р. Кети		Бедеревский Бор, могильник в среднем течении р. Тым		Молчаново, релкинская культура		Астраханцево		Басандайка*	
	Середина II тыс. н.э.		X–XV вв. н.э.		VI–X вв. н.э.		XIII–XIV вв. н.э.		IX–XIV вв. н.э.	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41
1. Продольный диаметр	176,1 (18)	167,4 (9)	175,6 (10)	167,8 (5)	176,6 (5)	169,3 (10)	181,5 (24)	171,3 (20)	181,8 (8)	168,0 (4)
8. Поперечный диаметр	145,2 (18)	138,0 (9)	142,7 (9)	138,8 (6)	143,8 (5)	136,3 (9)	146,3 (27)	140,6 (18)	142,8 (8)	144,0 (4)
17. Высотный диаметр	133,2 (16)	124,9 (9)	125,6 (8)	128,6 (5)	131,9 (4)	127, 3 (6)	133,2 (25)	126,3 (20)	132,5 (6)	127,7 (3)
8:1. Черепной указатель	82,5 (18)	82,5 (9)	81,6 (9)	82,9 (4)	81,5 (5)	80,5 (9)	81,1 (24)	82,2 (18)	78,3 (8)	85,3 (3)
5. Длина основания черепа	101,9 (16)	97,9 (9)	97,8 (5)	97,5 (4)	101,5 (4)	94,5 (6)	101,6 (25)	96,0 (20)	103,7 (5)	101,0 (3)
9. Наименьшая ширина лба	96,8 (19)	93,0 (9)	97,0 (11)	96,7 (3)	97,2 (6)	93,1 (11)	95,0 (40)	91,8 (26)	96,7 (9)	94,0 (7)
32. Угол профиля лба	77,4 (14)	80,8 (9)	80,0 (2)	79,5 (2)	81,2 (2)	84,2 (7)	81,3 (27)	83,7 (20)	82,6 (7)	83,2 (4)
40. Длина основания лица	100,4 (14)	97,9 (9)	95,5 (4)	92,3 (3)	97,3 (3)	94,0 (6)	99,8 (20)	93,9 (19)	105,6 (5)	98,7 (3)
45. Скуловой диаметр	141,3 (18)	131,2 (9)	142,0 (5)	135,3 (3)	143,5 (2)	129,0 (7)	141,3 (27)	130,2 (17)	143,6 (5)	133,3 (3)
48. Верхняя высота лица	69,5 (15)	63,4 (9)	65,0 (6)	67,8 (5)	74,2 (5)	65,9 (9)	72,3 (39)	67,0 (26)	72,1 (9)	64,9 (7)
72. Общий лицевой угол	83,2 (14)	82,1 (7)	83,0 (1)	87,0 (2)	88,5 (2)	85,6 (7)	86,5 (25)	86,3 (19)	85,6 (7)	86,5 (4)
77. Назомалярный угол	144,6 (17)	145,1 (9)	145,8 (6)	145,7 (2)	143,8 (4)	145,9 (11)	143,7 (40)	145,0 (25)	142,7 (8)	142,8 (6)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	136,6 (13)	132,2 (6)	140,9 (2)	139,6 (2)	134,8 (4)	132,5 (9)	132,9 (31)	132,8 (22)	132,1 (7)	134,7 (3)
51. Ширина орбиты	44,2 (17)	42,7 (9)	42,8 (6)	41,8 (6)	44,5 (4)	41,5 (10)	43,8 (43)	41,8 (26)	44,1 (9)	42,4 (6)
52. Высота орбиты	34,3 (16)	33,8 (9)	34,6 (5)	33,8 (5)	36,2 (4)	33,4 (8)	34,7 (43)	33,8 (26)	34,7 (8)	34,5 (6)
55. Высота носа	51,0 (15)	48,3 (9)	50,1 (7)	49,8 (5)	53,6 (5)	48,3 (9)	52,7 (40)	49,6 (26)	52,6 (9)	48,6 (7)
54. Ширина носа	24,6 (16)	24,0 (9)	25,4 (5)	24,8 (5)	25,1 (4)	23,9 (9)	25,9 (34)	25,1 (26)	25,7 (9)	25,9 (7)
75(1). Угол выступания носа	17,7 (15)	15,1 (7)	14,0 (1)	21,0 (3)	19,0 (2)	17,4 (8)	21,0 (33)	17,7 (23)	22,6 (7)	18,7 (6)
SC. Симотическая ширина	7,8 (15)	7,6 (7)	7,1 (5)	8,5 (4)	8,4 (5)	7,1 11)	7,9 (39)	6,9 (25)	8,5 (10)	8,5 (8)
SS. Симотическая высота	3,2 (15)	3,0 97)	2,7 (5)	3,0 (4)	3,8 (5)	2,5 (11)	3,5 (37)	2,8 (25)	3,9 (10)	3,1 (8)
DC. Дакриальная ширина	21,8 (15)	20,2 (7)	21,3 (4)	19,9 (4)	22,2 (4)	20,6 (11)	21,1 (36)	19,8 (25)	22,1 (8)	21,1 (5)
DS. Дакриальная высота	10,8 (15)	9,0 (7)	9,0 (4)	9,3 (4)	10,8 (4)	9,3 (11)	10,6 (35)	9,9 (25)	11,8 (8)	10,0 (5)

Продолжение табл. 26

№ по Мартину или условное обозначение	Новосибирское Приобье		Барабинская лесостепь						Верхнее Приобье	
	Сборная серия из могильников на протоке Оби Уени		Заречно-Убинское 1		Сопка 2		Чулым 2, Большие Луки, Третье Отделение		Сборная серия	
	2-я половина I тыс. н.э. — начало II тыс. н.э.		1-я половина II тыс. н.э.		Начало II тыс. н.э.		IX–XI вв. н.э.		Тюркское время, IX–XI вв. н.э.	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51
1. Продольный диаметр	177,5 (12)	169,5 (7)	182,6 (30)	172,4 (19)	181,6 (9)	170,6 (8)	177,3 (7)	172,4 (7)	180,3 (8)	171,2 (11)
8. Поперечный диаметр	145,3 (11)	140,2 (8)	144,7 (29)	138,3 (21)	143,9 (8)	135,5 (8)	148,2 (6)	140,7 (7)	142,3 (8)	140,6 (10)
17. Высотный диаметр	131,2 (10)	130,3 (6)	134,6 (25)	128,0 (18)	135,7 (6)	126,8 (4)	132,5 (6)	130,2 (6)	134,0 (7)	127,7 (8)
8:1. Черепной указатель	81,7 (11)	83,0 (7)	79,4 (30)	80,6 (19)	79,8 (8)	79,4 (7)	83,6 (6)	81,4 (6)	79,0 (8)	82,1 (10)
5. Длина основания черепа	101,5 (10)	95,8 (6)	101,7 (25)	97,6 (17)	100,6 (5)	96,5 (4)	101,5 (6)	98,7 (6)	103,5 (8)	95,9 (8)
9. Наименьшая ширина лба	96,1 (18)	90,7 (10)	96,1 (32)	93,4 (20)	96,2 (10)	91,1 (10)	99,4 (10)	93,3 (10)	94,2 (13)	96,1 (14)
32. Угол профиля лба	81,8 (8)	83,0 (5)	83,0 (27)	84,5 (18)	85,4 (5)	82,6 (6)	80,8 (6)	83,8 (6)	85,0 (8)	85,9 (11)
40. Длина основания лица	101,2 (12)	92,3 (7)	98,3 (23)	94,8 (14)	98,3 (4)	92,7 (3)	96,5 (6)	97,2 (6)	97,8 (6)	93,6 (7)
45. Скуловой диаметр	139,3 (10)	130,0 (8)	141,9 (26)	130,5 (13)	139,5 (6)	130,2 (5)	143,4 (8)	130,7 (7)	139,9 (8)	132,1 (9)
48. Верхняя высота лица	70,3 (17)	65,5 (10)	72,4 (30)	68,4 (17)	70,2 (6)	68,7 (5)	73,7 (8)	69,9 (8)	71,4 (14)	67,9 (14)
72. Общий лицевой угол	83,5 (7)	84,6 (5)	87,0 (25)	87,2 (16)	86,8 (5)	87,2 (5)	87,4 (5)	87,2 (5)	87,7 (7)	87,1 (11)
77. Назомалярный угол	144,5 (12)	146,1 (9)	144,3 (32)	144,1 (20)	145,5 (9)	146,1 (9)	142,3 (10)	146,9 (7)	146,2 (14)	146,0 (14)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	132,2 (9)	132,9 (6)	136,3 (29)	133,6 (19)	134,2 (5)	133,0 (5)	129,1 (7)	135,9 (7)	135,2 (11)	136,2 913)
51. Ширина орбиты	43,7 (17)	41,9 (9)	44,7 (29)	43,0 (19)	43,0 (7)	42,4 (7)	44,4 (8)	41,4 (7)	44,6 (12)	43,2 (12)
52. Высота орбиты	32,6 (17)	32,7 (9)	33,7 (30)	33,8 (18)	32,1 (7)	32,3 (6)	34,4 (8)	33,5 (8)	33,4 (12)	33,9 (13)
55. Высота носа	51,8 (18)	49,2 (10)	53,2 (31)	50,9 (19)	52,0 (6)	50,3 (6)	54,2 (8)	51,0 (7)	52,1 (14)	50,2 (14)
54. Ширина носа	24,9 (19)	24,8 (10)	26,1 (30)	24,4 (19)	25,6 (7)	25,0 (6)	26,1 (8)	24,2 (7)	24,9 (14)	24,4 (13)
75(1). Угол выступания носа	21,0 (10)	19,1 (7)	23,4 (23)	21,2 (10)	22,4 (5)	20,0 (4)	28,2 (4)	22,6 (5)	23,0 (7)	23,4 (10)
SC. Симотическая ширина	8,1 (20)	7,6 (11)	7,6 (29)	7,6 (16)	7,8 (8)	7,9 (7)	8,5 (7)	7,7 (5)	7,9 (12)	8,4 (13)
SS. Симотическая высота	4,0 (20)	2,9 (9)	3,3 (28)	2,9 (14)	3,3 (8)	3,0 (7)	4,5 (6)	3,3 (5)	3,6 (12)	3,6 (12)
DC. Дакриальная ширина	22,6 (15)	20,9 (9)	20,6 (20)	18,6 (11)	23,3 (5)	21,7 (6)	21,9 (7)	20,3 (6)	21,2 (9)	19,9 (12)
DS. Дакриальная высота	10,9 (15)	10,0 (8)	10,7 (20)	10,4 (10)	10,4 (5)	10,5 (5)	11,6 (6)	9,4 (5)	10,7 (9)	10,6 (12)

Продолжение табл. 26

№ по Мартину или условное обозначение	Верхнее Приобье						Кузнецкая котловина			
	Телеутский Взвоз 1		Санаторный 1		Ташара-карьер 2		Ур-Бедари, сросткинская культура		Торопово 1, сросткинская культура	
	1-я половина II тыс. н.э.						VIII–X вв. н.э.		XI–XIII вв. н.э.	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61
1. Продольный диаметр	182,5 (4)	169,3 (3)	180,6 (11)	177,0 (12)	183,3 (5)	174,7 (6)	181,3 (40)	176,2 (24)	180,7 (11)	171,1 (7)
8. Поперечный диаметр	151,0 (4)	140,7 (3)	145,3 (10)	138,8 (11)	141,1 (5)	141,2 (6)	148,1 (45)	140,7 (24)	142,4 (11)	138,4 (7)
17. Высотный диаметр	132,8 (4)	123,3 (3)	136,3 (8)	133,6 (9)	141,3 (5)	134,3 (6)	135,9 (34)	131,7 (18)	132,7 (11)	125,6 (7)
8:1. Черепной указатель	82,8 (4)	83,1 (3)	79,8 (10)	80,7 (10)	77,0 (5)	80,8 (6)	81,6 (39)	79,9 (24)	78,9 (11)	81,1 (7)
5. Длина основания черепа	101,5 (4)	92,7 (3)	102,0 (8)	102,2 (9)	103,4 (5)	99,1 (6)	102,9 (34)	98,3 (18)	101,2 (11)	95,4 (8)
9. Наименьшая ширина лба	94,9 (5)	93,0 (3)	94,2 (15)	91,8 (16)	95,0 (7)	92,8 (8)	97,3 (48)	92,9 (29)	92,4 (13)	93,9 (10)
32. Угол профиля лба	80,7 (4)	87,0 (3)	84,0 (8)	83,5 (11)	85,8 (5)	90,8 (6)	84,7 (34)	88,1 (20)	84,9 (12)	85,6 (8)
40. Длина основания лица	97,5 (4)	92,1 (3)	97,1 (8)	97,4 (9)	99,6 (4)	95,3 (4)	98,8 (31)	95,6 (18)	98,2 (9)	91,7 (6)
45. Скуловой диаметр	142,1 (4)	129,5 (3)	140,9 (9)	130,1 (12)	141,0 (5)	131,6 (4)	141,4 (43)	130,2 (22)	140,1 (12)	132,6 (7)
48. Верхняя высота лица	78,3 (5)	74,2 (3)	73,5 (19)	70,4 (17)	69,8 (6)	65,9 (7)	73,7 (45)	69,5 (27)	71,4 (12)	69,6 (7)
72. Общий лицевой угол	90,2 (4)	88,3 (3)	87,5 (8)	88,0 (11)	84,5 (4)	87,0 (5)	87,5 (35)	86,4 (20)	89,3 (9)	88,9 (8)
77. Назомалярный угол	146,6 (5)	145,7 (3)	145,8 (18)	141,1 (18)	147,2 (7)	146,6 (7)	146,5 (46)	145,3 (29)	145,3 (14)	145,6 (10)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	134,7 (5)	135,4 (3)	134,8 (17)	131,2 (14)	133,2 (5)	129,7 (3)	135,4 (42)	133,8 (22)	134,6 (13)	138,5 (8)
51. Ширина орбиты	44,2 (5)	42,2 (3)	44,0 (19)	43,3 (19)	44,7 (6)	42,6 (5)	44,1 (21)	42,1 (28)	44,0 (13)	43,8 (8)
52. Высота орбиты	35,2 (5)	33,1 (3)	33,3 (17)	33,4 (16)	33,4 (6)	33,1 (5)	33,4 (45)	33,4 (28)	32,5 (14)	33,7 (9)
55. Высота носа	55,3 (5)	52,3 (3)	52,9 (19)	50,7 (18)	52,1 (6)	48,2 (8)	54,1 (45)	50,6 (28)	50,7 (14)	50,8 (9)
54. Ширина носа	27,5 (6)	25,0 (3)	24,5 (19)	24,4 (17)	25,6 (6)	23,5 (8)	26,3 (47)	24,8 (26)	24,6 (13)	24,4 (9)
75(1). Угол выступания носа	23,7 (3)	19,7 (3)	24,1 (18)	20,3 (16)	24,8 (5)	17,3 (4)	24,8 (41)	21,6 (26)	28,1 (8)	22,0 (6)
SC. Симотическая ширина	7,9 (5)	7,2 (3)	8,1 (19)	8,5 (16)	8,3 (6)	7,5 (8)	7,1 (44)	7,3 (27)	8,4 (11)	7,9 (9)
SS. Симотическая высота	3,3 (5)	2,0 (3)	3,4 (19)	3,4 (16)	3,4 (6)	2,1 (7)	3,4 (44)	3,1 (27)	3,9 (11)	3,3 (9)
DC. Дакриальная ширина	22,8 (5)	20,0 (2)	22,0 (14)	20,0 (14)	22,1 (5)	20,3 (5)	20,7 (42)	19,5 (27)	20,8 (10)	19,7 (9)
DS. Дакриальная высота	10,0 (5)	9,5 (2)	10,8 (14)	10,8 (14)	10,6 (5)	9,4 (5)	11,0 (42)	10,0 (27)	11,1 (10)	10,5 (9)

Окончание табл. 26

№ по Мартину или условное обозначение	Предгорный Алтай				Горный Алтай					
	Сборная серия, сросткинская культура		Гилево, сросткинская культура		Сборная серия [Алексеев, 1958]		Сборная серия [Поздняков, 2006]		Сборная серия	
	VIII–X вв. н.э.				VII–X вв. н.э., тюркское время				1-я половина II тыс. н.э.	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71
1. Продольный диаметр	185,6 (24)	173,8 (9)	178,1 (10)	174,9 (10)	182,1 (16)	174,6 (11)	179,7 (14)	172,9 (12)	181,3 (6)	167,5 (2)
8. Поперечный диаметр	144,1 (25)	135,9 (9)	146,5 (11)	145,2 (11)	150,1 (16)	143,5 (11)	145,6 (15)	141,6 (11)	148,2 (6)	147,0 (2)
17. Высотный диаметр	136,9 (20)	133,3 (7)	133,4 (9)	124,5 (4)	131,2 (13)	127,3 (7)	132,5 (14)	127,0 (11)	126,7 (6)	125,0 (2)
8:1. Черепной указатель	78,2 (24)	808 (9)	82,4 (10)	82,7 (9)	82,5 (16)	82,5 (11)	80,8 (13)	82,4 (11)	81,8 (6)	87,9 (2)
5. Длина основания черепа	104,5 (20)	97,9 (7)	99,8 (9)	98,0 (3)	100,2 (13)	97,0 (7)	102,0 (13)	97,6 (11)	98,8 (6)	95,0 (1)
9. Наименьшая ширина лба	96,5 (25)	94,6 (9)	93,9 (11)	94,3 (12)	96,2 (18)	92,4 (10)	94,9 (14)	90,7 (13)	97,2 (6)	90,3 (3)
32. Угол профиля лба	83,8 (22)	83,9 (8)	83,9 (10)	85,5 (8)	81,2 (15)	82,2 (7)	79,6 (14)	81,2 (12)	84,7 (7)	85,0 (1)
40. Длина основания лица	99,7 (17)	93,7 (6)	93,8 (9)	94,7 (3)	97,8 (12)	94,5 (6)	97,0 (12)	92,1 (9)	98,5 (5)	95,0 (1)
45. Скуловой диаметр	140,4 (23)	130,8 (8)	140,2 (10)	137,0 (10)	141,4 (15)	136,1 (9)	137,8 (13)	131,0 (11)	142,8 (5)	132,5 (2)
48. Верхняя высота лица	72,6 (22)	69,1 (8)	73,2 (12)	71,0 (13)	75,1 (16)	69,8 (8)	76,6 (14)	70,6 (10)	73,5 (6)	75,3 (3)
72. Общий лицевой угол	87,0 (21)	86,4 (8)	89,0 (8)	88,6 (8)	87,0 (14)	88,0 (7)	87,8 (13)	87,6 (8)	87,0 (6)	88,0 (1)
77. Назомалярный угол	144,2 (21)	144,0 (7)	146,4 (12)	143,4 (13)	146,2 (14)	145,0 (7)	144,8 (14)	149,4 (13)	147,2 (6)	151,3 (3)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	135,6 (19)	134,3 (7)	135,9 (10)	133,3 (10)	135,6 (11)	136,2 (5)	140,5 (14)	140,0 (12)	135,7 (5)	138,4 (3)
51. Ширина орбиты	42,7 (24)	41,3 (9)	43,8 (12)	43,7 (12)	42,4 (17)	41,2 (8)	43,2 (15)	42,2 (13)	43,4 (6)	41,0 (4)
52. Высота орбиты	33,4 (24)	33,3 (8)	34,7 (12)	35,1 (13)	34,4 (17)	34,2 (8)	35,2 (15)	34,0 (13)	34,2 (6)	34,2 (4)
55. Высота носа	52,9 (24)	50,6 (8)	54,3 (12)	52,6 (14)	54,7 (17)	51,3 (7)	54,8 (14)	51,1 (13)	53,6 (7)	54,8 (3)
54. Ширина носа	25,6 (24)	24,6 (8)	25,6 (12)	25,2 (12)	25,5 (17)	26,9 (7)	24,8 (14)	25,2 (13)	25,5 (7)	25,5 (3)
75(1). Угол выступания носа	25,1 (21)	21,4 (7)	20,3 (6)	21,3 (6)	25,3 (15)	20,3 (7)	22,8 (12)	19,8 (5)	25,6 (5)	18,0 (2)
SC. Симотическая ширина	7,4 (21)	7,3 (7)	7,4 (10)	8,5 (11)	7,2 (14)	8,1 (7)	8,1 (15)	7,1 (12)	7,8 (7)	8,8 (2)
SS. Симотическая высота	3,2 (21)	3,0 (7)	3,6 (10)	3,8 (10)	3,9 (14)	3,8 (7)	3,4 (15)	2,8 (12)	2,7 (7)	2,6 (2)
DC. Дакриальная ширина	22,4 (20)	18,8 (6)	21,0 (9)	18,7 (9)	21,1 (11)	20,7 (7)	23,2 (13)	21,4 (10)	22,5 (7)	20,8 (2)
DS. Дакриальная высота	12,9 (20)	10,4 (6)	9,9 (9)	10,2 (9)	10,6 (11)	9,8 (7)	10,2 (13)	9,9 (10)	9,3 (7)	8,5 (2)

* Данные публикуются впервые.

скую связь с предшествующими усть-ишимскими племенами, а также с группами лесостепного Прииртышья середины II тыс. н.э. и в целом с кругом обь-иртышских популяций [Пошехонова, 2011а, с. 163–164].

Из лесостепной части Среднего Прииртышья имеется также сборная серия черепов из могильников рубежа I–II тыс. н.э. Такмык, Мурлинка и Евгащино [Чикишева, Ким, 1988], в которую добавлены два мужских черепа из могильников Алексеевка и Инберень 10 [Багашёв, 1988]. В это время в лесостепи Обь-Иртышского междуречья существовал один из вариантов сросткинской культуры [Могильников, 1981а; Савинов, 1984]. Черепа серии массивные, крупные, суббрахикранные. Лицо широкое и высокое, слабо профилировано в горизонтальной плоскости. Уплощенность переносья и угол выступания носовых костей средние (табл. 26).

Из могильников лесостепной полосы Прииртышья середины II тыс. н.э. (Окунево 3, Муромцевский район Омской области, раскопки Б.А. Коникова, 1977 г.; Окунево 4, там же, раскопки В.А. Могильникова, 1972 г.; Старологиново, там же, раскопки В.А. Могильникова, 1978 г.; Краснозерки и Мурлинское городище, Тарский район Омской области, раскопки В.И. Матющенко, 1962 г.) получена сборная выборка [Багашёв, 1988]. В 1985 г. В.И. Матющенко продолжил раскопки могильника Окунево 3, в результате которых был получен новый краниологический материал (КА ТГУ, инв. № 5006–5008, 5011, 5012). В Институте и Музее антропологии при МГУ хранится также череп из могильника Окунево 3, полученный при раскопках В.А. Могильникова в 1961 г. (МГУ, инв. № 238 6/1). Все погребения датируются XIV–XVI вв. н.э. В результате суммирования всех данных сформирована серия, краниометрические характеристики которой публикуются впервые (табл. 26). Для нее характерна суббрахикрания при невысокой черепной коробке. Умеренная ширина лица сочетается с небольшой его высотой. Горизонтальная профилированность лица умеренная, угол выступания носа малый, высота переносья небольшая. В строении черепов данной серии, как и южно-таежной рубежа I–II тыс. н.э., сочетаются монголоидные признаки с малой высотой лица.

При сопоставлении синхронных групп из южно-таежного и лесостепного Прииртышья видно, что в строении тех и других проявляются особенности, позволяющие говорить, что на рубеже I–II тыс. н.э. в лесостепи и в южно-таежной полосе Прииртышья проживало население, различающееся в антропологическом отношении. Из характера связей вытекает, что лесостепные популяции рубежа тысячелетий родственны кимако-кыпчакским группам сросткинской культуры, а южно-таежные конца I — середины II тыс. и лесостепные середины II тыс. обнаруживают связь с племенами Среднего Приобья, оставившими памятники кулайской и релкинской культур [Чиндина, 1984, 1991; Багашёв, 1988, 2000].

Интересные данные получены из раннесредневекового (IV–VI вв. н.э.) могильника Устюг 1 в Притоболье. Составленная краниологическая серия достаточна по численности, однако подавляющая часть черепов носит следы искусственной деформации мозговой коробки, в силу чего не удалось пока получить полную краниометрическую характеристику выборки. По

имеющимся данным, для черепов из Устюга характерны мезопрозопный и среднепрофилированный в горизонтальной плоскости лицевой скелет, выступающее переносье, но в сочетании со слабым углом носовых костей к линии вертикального профиля лица. По степени уплощенности лица серия сближается с европеоидными формами, однако заметна и примесь монголоидных элементов. Сравнительный анализ выявил морфологическое сходство выборки из Устюга 1 с населением этой территории более раннего времени (правда, только по особенностям строения лицевого скелета), в частности с племенами саргатской культуры. При этом отмечается и заметная примесь монголоидного компонента, характеризующегося небольшой высотой лица, особенно в составе женской части серии [Пошехонова и др., 2016]. Однако накопление палеоантропологических материалов продолжается, возможно, численность выборки будет увеличена и можно будет ее использовать по полной краниометрической программе.

До недавнего времени приходилось с сожалением констатировать, что таежная зона Западной Сибири в эпоху средневековья оставалась «белым пятном» на антропологической карте. Сейчас этот пробел в значительной мере ликвидирован за счет опубликованных серийных материалов из могильников Сургутского Приобья — Усть-Балык, Сайгатино, Барсова Гора.

Погребения из могильника Усть-Балык (Нефтеюганский район Ханты-Мансийского автономного округа) датируются в широком диапазоне (конец I — середина II тыс. н.э., а несколько погребений датируются второй половиной II тыс. н.э.), однако плохая сохранность костного материала пока не позволяет рассмотреть выборку с учетом хронологии. В целом составилась серия из 30 мужских и 11 женских черепов. Для усть-балыкских черепов характерна суббрахикранная форма при очень малой высоте свода. Лицевой скелет мезопрозной пропорции, относительно низкий, довольно уплощен по горизонтали на уровне орбит, но более профилирован в подносовой части. Переносье выступает умеренно, носовые кости отличаются слабым выступанием. По комплексу признаков серия промежуточна между европеоидными и монголоидными формами с тяготением в сторону последних (табл. 26) [Пошехонова, 2006].

Несмотря на разновременность погребений, внутригрупповой анализ свидетельствует о гомогенности выборки, что говорит об устойчивости ее антропологических особенностей на протяжении всего периода функционирования могильника. В целом для усть-балыкской группы морфологически наиболее близки средневековые популяции Томско-Нарымского Приобья (Тискино, чулымцы), однако нельзя не отметить и определенной ее расогенетической связи с выборками, в составе которых отмечается компонент, характерный для современных обских угров (васюганские ханты) [Пошехонова, 2006, с. 140].

В Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа исследованы Сайгатинские могильники (1, 3–6), различающиеся по времени функционирования в период с III по XV вв. н.э. Несмотря на плохую сохранность палеоантропологического материала, его удалось сгруппиро-

вать в две хронологические выборки — раннюю (VI–XI вв. н.э.) и позднюю (X–XV вв. н.э.) [Багашёв, Пошехонова, 2007, табл. 1].

В морфологическом отношении между ними не наблюдается существенных различий, характерными чертами являются низкая суббрахикранная черепная коробка, лицевой скелет эурипрозопной пропорции со средней степенью профилированности в горизонтальной плоскости, невысокое переносье, сочетающееся с очень малым углом выступания носовых костей (табл. 26).

Анализ внутригрупповой изменчивости указывает на сложность сайгатинской выборки. Выявлены два компонента ее структуры: мезокранный и брахикранный, причем в составе первого прослеживаются два варианта: местный западносибирский и уральский, в составе второго — центральноазиатский и южносибирский. В целом можно отметить, что в формировании антропологического облика сайгатинской популяции приняли участие различные элементы. В первую очередь это группы обь-иртышского типа, связанные в своем генезисе с южносамодийской линией развития. Несомненно заметное влияние на сложение сайгатинской группы и населения с чертами уральского типа, обусловливающими специфику антропологического типа обских угров [Багашёв, Пошехонова, 2007, с. 91].

Полученный из могильников на Барсовой Горе близ г. Сургута (Барсовский 1 и 4) палеоантропологический материал, наряду с Сайгатино и Усть-Балыком, позволяет уже на популяционном уровне охарактеризовать средневековое население Сургутского Приобья. Погребения Барсовских могильников датируются VII–XV вв. Сформирована серия из 24 и 19 женских черепов. В целом для них характерны низкий, мезо-долихокранный череп, низкое, мезопрозопное, уплощенное по горизонтали лицо, средняя высота переносья в сочетании с малым углом выступания носа (табл. 26). Внутри- и межгрупповой анализ показал, что основу краниологической структуры барсовской выборки составил комплекс, близкий по морфологии представителям уральской группы популяций, связанных с угорской линией генезиса. Прослеживается также участие в ее сложении обь-иртышских групп, сопряженных с южносамодийской линией развития [Пошехонова, 2010].

Между локальными выборками из Сургутского Приобья не наблюдается принципиальных различий, можно отметить лишь, что для барсовской группы характерны тенденция к долихокрании, меньшая ширина лица и более европеоидное строение носовой области. Из современных популяций морфологический тип населения Сургутского Приобья сильнее всего сближается с типом, характерным для восточных хантов, особенно с Васюгана. Но в составе васюганских хантов отмечена значительная примесь южносамодийских элементов [Дрёмов, 1984]. Следовательно, формирование средневекового населения этого района обусловлено постепенным смешением в течение почти тысячи лет антропологических элементов обь-иртышского и уральского облика. Причем если во второй половине I — первой трети II тыс. н.э. преобладали особенности первой группы популя-

ций, то позднее стали превалировать особенности обских угров, что во второй половине II тыс. н.э. привело к формированию антропологического облика проживающих здесь восточных хантов [Пошехонова, 2006, 2010; Багашёв, Пошехонова, 2007].

Самый ранний средневековый могильник в Нарымском Приобье — Рёлка у с. Молчаново на Оби. По археологическим данным, Молчановский могильник датируется VI–X вв. н.э., в культурном отношении он отнесен к релкинской (или древнеселькупской) культуре. Краниологический материал из него опубликован В.А. Дрёмовым [1967] (табл. 26). Сравнительный анализ показал морфологическую близость молчановской популяции с позднесредневековым и современным населением Томско-Нарымского Приобья, в наибольшей степени с нарымскими селькупами. В отличие от населения более южных районов, в частности известного по материалам из могильников Уени (протока Оби) в Новосибирской области, в молчановской группе не наблюдается южносибирского и центральноазиатского влияния [Розов, Дрёмов, 1966; Дрёмов, 1967, 1975].

В 1993–1998 гг. Я.А. Яковлевым и А.И. Бобровой исследован ряд погребений могильника Алдыган в Нарымском Приобье (левый берег р. Чаи, Колпашевский район Томской области), датируемых XI–XIII вв. н.э. В связи с немногочисленностью краниометрических наблюдений размеры женских черепов были пересчитаны с помощью коэффициентов полового диморфизма [Алексеев, Дебец, 1964] и объединены с мужскими в одну серию. Полученная таким образом выборка также малочисленна, но все же позволяет получить представление о физическом типе средневекового населения таежной полосы Западной Сибири.

Для черепов из могильника Алдыган характерна брахикранная форма мозговой коробки при средней ее высоте. Лицо широкое в верхней, средней и нижней частях, но низкое, эурипрозопное по пропорциям. В горизонтальной плоскости лицо весьма слабо профилировано, особенно на уровне орбит. Носовые кости средней ширины, невысокие, симотический указатель и угол свидетельствуют об их уплощенности. Переносье шире и выше, относительно носовых костей более профилированное. Угол выступания носа очень малой величины (табл. 26).

По степени уплощенности лицевого скелета и фацио-церебральным пропорциям черепа из могильника Алдыган занимают промежуточное положение между европеоидными и монголоидными вариантами. Особенностями их краниологической структуры является сочетание очень слабо выступающих носовых костей и уплощенного по горизонтали лица, особенно на уровне орбит, со средневыступающим переносьем и эурипрозопной формой лицевого скелета [Багашёв, 2001].

Помимо этого, в Нарымском Приобье исследован ряд других средневековых могильников: Тискино, Бедеревский Бор, Лукьяновский и Максимоярский.

Тискинский могильник (левый берег Оби, Колпашевский район Томской области) функционировал с XI–XII по XIX — начало XX в. н.э. Раскопки памятника проводились Л.А. Чиндиной в 1972 и 1977 гг. и

А.И. Бобровой в 1978–1981 гг. По особенностям погребального обряда и сопровождающему погребения инвентарю выделена группа захоронений XII–XIV вв. [Чиндина, 1975; Боброва, 1980, 1982, 1994].

Для черепов из погребений раннего этапа функционирования могильника Тискино характерна мезо-брахикранная форма мозговой коробки при средней ее высоте. Лицо широкое по всем параметрам, в том числе на уровне углов нижней челюсти, но невысокое. В горизонтальной плоскости лицо весьма слабо профилировано, особенно на уровне орбит. Носовые кости средней ширины, невысокие, величины симотического указателя и угла свидетельствуют об их уплощенности. Переносье шире и выше, относительно носовых костей более профилированное. Угол выступания носовых костей малой величины (табл. 26).

Для черепов из погребений среднего и позднего этапа функционирования могильника Тискино в целом характерны вышеозначенные морфологические черты (табл. 40, 41). Все они настолько близки между собой, что не возникает сомнений относительно их генетического единства и непрерывности связи между поколениями в течение всего II тыс. н.э. Эта линия развития завершается в современное время. Ее типичными представителями являются современные нарымские селькупы [Багашёв, 2001].

Погребения Лукьяновского и Максимоярского могильников (среднее течение р. Кети, Верхнекетский район Томской области) датируются серединой II тыс. н.э. По этнографическим данным, это самый восточный ареал современных нарымских селькупов, и судя по данным археологии, могильники оставлены непосредственными их предками. Сборная серия из этих могильников характеризуется брахикранией при средней высоте свода, широким, невысоким, довольно уплощенным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом, невысоким переносьем, углом выступания носа малой величины (табл. 26, 42). Обобщенно выборку можно отнести к смешанным европеоидно-монголоидным формам, но с явным преобладанием монголоидного компонента. Характер межгрупповой изменчивости свидетельствует, что серия из могильников средней Кети не отклоняется ни в сторону уральских, ни в сторону южносибирских популяций, обнаруживая значительную близость к группам Нарымского Приобья, причем занимает в их совокупности срединное положение. Это наблюдение говорит о том, что мы фиксируем физический тип, который является типичным для средневекового и современного коренного населения Нарымского Приобья [Багашёв, 2002].

В бассейне среднего течения р. Тым Н.М. Зиняковым в 1974 г., А.И. Бобровой в 1989–1991 гг. и Н.В. Березовской в 1991–1992 гг. исследована группа могильников в урочище Бедеревский Бор (Каргасокский район Томской области). Погребения могильников Бедеревский Бор 1–3 датируются X–XVIII вв. Объем полученного антропологического материала позволил разбить его на две хронологические группы: раннюю (X–XV вв.) и позднюю (XV–XVIII вв.). Материалы хранятся в КА ТГУ (инв. № 1737, 4674–4691, 4693–4696, 4698–4701, 4974–4980, 4982, 4983, 4987, 4988, 4991, 4993–4995). Особенностями строения черепов ранней группы (да и позд-

ней тоже) являются суббрахикранная форма низкой мозговой коробки, эурипрозопная пропорция низкого, уплощенного по горизонтали лицевого скелета, средневыступающее переносье в сочетании с очень малым углом носа к вертикальному профилю лица (краниометрические характеристики серии публикуются впервые) (табл. 26, 43, 44). Монголоидные особенности в этой группе выражены в такой же степени, как и в прикетской. Наибольшее морфологическое сходство серия из Бедеревского Бора обнаруживает со всеми известными выборками из средневековых и близких к современности могильников Нарымского Приобья, вариабельность ее антропологических черт не выходит ни по каким показателям за пределы изменчивости популяций этого региона.

С территории Нижнего Притомья (Томское Приобье) средневековые краниологические материалы происходят из могильников Басандайка (IX–XIV вв. н.э.) и Астраханцево (XIII–XIV вв. н.э.).

Серия из погребений Басандайского могильника неоднократно изучалась [Розов, 1947; Дрёмов, 1979], позднее в выборку были включены два черепа из раскопок Л.М. Плетнёвой 1976 г. [Ким, 1987; Чикишева, Ким, 1988]. Исследователями отмечены неоднородность выборки, один тип, характеризующийся низким брахикранным черепом, эуриморфным слабопрофилированным по горизонтали лицом, уплощенным переносьем и небольшим углом выступания носа. Данный комплекс характерен для всей женской части выборки. А вот другой компонент отличается от первого массивностью, мезо-долихокранией, широким и высоким лицом, довольно значительным выступанием носовых костей. Первый комплекс связывается с местным автохтонным населением, а второй — с населением Предгорного Алтая и Кузнецкой котловины сросткинской культуры [Дрёмов, 1979, с. 19–20; Чикишева, Ким, 1988, с. 146].

В 1986 г. Л.М. Плетнёва продолжила археологические работы на Басандайке, в результате чего был получен новый палеоантропологический материал (четыре мужских и один женский череп, КА ТГУ, инв. № 4069–4073), который объединен с ранее опубликованным. В итоге сформирована новая серия из десяти мужских и восьми женских черепов (публикуется впервые, табл. 26). Характеристики женской части серии практически не изменились, а вот мужские черепа отличаются более высокой мозговой коробкой, лицо у них шире и выше, выше переносье, но уменьшился угол выступания носовых костей. Судя по этим изменениям, должны усилиться связи басандайской популяции с населением сросткинской культуры Алтая и Кузнецкой котловины.

Из могильника Астраханцево (Шегарский район Томской области) сформирована представительная серия из 44 мужских и 27 женских черепов, для которых характерны брахикрания при средней высоте свода, широкое, средневысокое, умеренно профилированное по горизонтали лицо, переносье средней ширины и высоты при малой величине угла выступания носа. По своим особенностям астраханцевская группа может быть отнесена к кругу смешанных европеоидно-монголоидных форм (табл. 26) [Багашёв, 2003].

Антропологический состав астраханцевской популяции сложен, в ее структуре можно выделить как минимум два компонента. Преобладающую долю составляет комплекс, связанный в происхождении с тюркоязычными народами Южной Сибири и Казахстана (группа популяций алтае-саянского варианта южносибирской расы). Другой вариант характеризуется комплексом признаков, свойственных для аборигенного дотюркского населения Томского Приобья, что сближает выборку с чулымскими тюрками и нарымскими селькупами (группа популяций томско-нарымского варианта обь-иртышского антропологического типа западносибирской формации) [Багашёв, 2003].

С территории Новосибирского Приобья краниологические материалы происходят из могильников второй половины I — начала II тыс. н.э., исследованных на протоке Оби Уени. Анализ сборной серии (могильники Красный Яр, Умна, Юрт-Акбалык, Топово) [Дрёмов, 1967, 1975], с одной стороны, показал ее сходство с черепами из могильника Молчаново на Оби, с другой — выявил ее тяготение к популяциям, в составе которых заметна примесь южносибирских элементов. Причем автор особенно отмечает, что и уеньская, и молчановская палеопопуляции связаны с самодийским, а не с угорским этногенезом [Дрёмов, 1967]. Значительная часть черепов носит следы искусственной деформации мозговой капсулы, что характерно для многих палеоантропологических находок из раннесредневековых могильников Западной Сибири (Устюг 1 в Притоболье, Окунево 7 в Среднем Прииртышье и др.), поэтому краниометрические наблюдения ограничены только неискажаемыми деформацией размерами.

После публикации В.А. Дрёмова археологическое изучение уникального микрорайона было продолжено. Протока Оби Уень тянется более чем на 90 км вдоль ее левого берега и омывает высокую надпойменную террасу Оби, обрыв которой изобилует археологическими памятниками. В результате продолжившихся работ был обнаружен новый материал, существенно увеличивший количество палеоантропологических находок.

Из могильника Красный Яр получено пять черепов. Раскопки проведены Т.Н. Троицкой в 1970 г. (материалы хранятся в КА ТГУ, инв. № 1153), А.В. Матвеевым в 1978–1979 гг. (КА ТГУ, инв. № 2207–2209, 2491). Из могильника Березовый Остров получен один череп (раскопки Т.Н. Троицкой, 1968 г., КА ТГУ, инв. № 1147), из могильника Юрт-Акбалык 4 — один череп (раскопки Т.Н. Троицкой, 1976 г., КА ТГУ, инв. № 1811), из могильника Высокий Борок — семь черепов (раскопки А.А. Адамова, 1986–1987 гг., КА ТГУ, инв. № 4104–4106, 4109, 5439–5441). Расположенный чуть южнее на берегу Оби могильник Седова Заимка 2, исследованный В.Д. Романцовой в 1979 г., датируется началом II тыс. н.э. Обнаруженный антропологический материал (два целых черепа и три фрагментированных, КА ТГУ, инв. № 2213, 2555–2558) целесообразно рассматривать в составе сборной серии из могильников Новосибирского Приобья второй половины I — начала II тыс. н.э.

Таким образом, к серии, опубликованной В.А. Дрёмовым [1967, 1975], в общей сложности добавлено десять мужских и девять женских черепов.

Для них характерны брахикранная форма при небольшой высоте свода, широкий, средневысокий, слабо профилированный по горизонтали лицевой скелет, средневысокое переносье в сочетании с малым углом выступания носа. Предыдущая характеристика выборки как сочетающая европеоидные и монголоидные черты сохраняется, при этом произошло небольшое уменьшение высоты черепа и ширины лица (табл. 26).

Для всех краниологических выборок Новосибирского и Нарымского Приобья характерными чертами являются отчетливо выраженные монголоидные черты, сочетающиеся с малой высотой лицевого скелета, средневысоким черепом и мезо-брахикранией. Их происхождение связывается исследователями с самодийской линией генезиса, но не с угорской [Розов, Дрёмов, 1966; Дрёмов, 1967; Ким, 1987; Чикишева, Ким, 1988; Багашёв, 1988; Багашёв, Ким, 1998]. По материалам из Басандайки улавливается примесь родственных племенам сросткинской культуры элементов южного происхождения [Ким, 1987; Багашёв, 1993а], обусловленная начавшимся процессом тюркизации местного населения, хорошо прослеживаемая в археологических материалах многочисленных средневековых памятников Томского Приобья [Плетнёва, 1984, 1990, 1997].

В качестве сравнительных краниологических данных привлекается ряд серий из могильников конца I — начала II тыс. н.э. Барабинской лесостепи — Заречное и Убинское 1, Сопка 2 (табл. 26), а также сборная серия из могильников Верхнего Приобья тюркского времени (IX–XI вв. н.э.) (табл. 26) [Поздняков, 2006] и материалы из датируемых более поздним временем могильников Телеутский Взвоз 1, Санаторный 1 и Ташара-карьер 2 (первая половина II тыс. н.э.) (табл. 26) [Поздняков, 2006].

Из южной части Западной Сибири, Предгорного Алтая и Кузнецкой котловины привлекаются для сравнительного анализа краниологические материалы из могильников, относимых к кругу памятников сросткинской археологической культуры, представлены почти все ее территориальные варианты (табл. 26):

а) Предгорный Алтай, серия из могильников Сростки и Красноярское (VII–X вв. н.э.) [Дебец, 1948; Алексеев, 1958], бийский вариант;
б) Северо-Западный Алтай, могильник Гилево (VIII–X вв. н.э.) [Чикишева, Ким, 1988], западно-алтайский вариант;
в) Кузнецкая котловина, могильник Ур-Бедари (VIII–X вв. н.э.) [Алексеев, 1974а] и Торопово 1 (XI–XIII вв. н.э.) [Поздняков, 2006], кемеровский вариант;
г) Барнаульско-Каменский район Верхнего Приобья, могильники Камень 2 и Кармацкий (VIII–X вв. н.э.) [Чикишева, Ким, 1988], барнаульский вариант;
д) Барабинская лесостепь, могильники Усть-Тартас, Третье Отделение, Чулым 2, Большие Луки (IX–X вв. н.э.) [Чикишева, Ким, 1988], новосибирский вариант.

В ареал сросткинской культуры входили, видимо, могильник Замараевка в лесостепном Приуралье (XII–XIII вв. н.э.) [Дебец, 1948; Алексеев, 1971а] и могильники из лесостепного Прииртышья конца I — начала II тыс. н.э.

По имеющимся материалам, население сросткинской культуры не являлось однородным. Выделяются два основных морфологических типа, различающихся по доле монголоидного компонента. Один из них характеризуется чертами, происхождение которых может быть связано с монголоидами центральноазиатского происхождения. Область его распространения охватывает степные и горные районы юго-востока Южной Сибири. Другой тип, более европеоидный, распространен преимущественно в степной полосе Северо-Западного Алтая и в лесостепи Западной Сибири и Приуралья. Европеоидный компонент антропологического состава населения сросткинской культуры, отличительными чертами которого является высокое, широкое, резко профилированное в горизонтальной плоскости лицо, генетически связан с населением эпохи бронзы Южной Сибири и Минусинской котловины [Алексеев, 1963, 1974а; Чикишева, Ким, 1988; Алексеев, Мамонова, 1988; Багашёв, 1988; Багашёв, Ким, 1998]. Среди племен сросткинской культуры преобладающим типом хозяйства было скотоводство полуоседлого характера, сами племена этнически связываются с кимаками, точнее кимако-кыпчаками [Могильников, 1981а; Савинов, 1984].

С кимакскими и кимако-кыпчакскими племенами связываются также поздние кочевники Северного Казахстана. С данной территории происходят сборные серии из кимакских могильников Кустанайского Притоболья VIII–X вв. н.э. [Гинзбург, 1963а] и кимако-кыпчакских могильников Павлодарского и Восточно-Казахстанского Прииртышья VIII–XII вв. н.э. [Исмагулов, 1970]. В составе казахстанских кимако-кыпчакских групп, как и западносибирских, заметную долю составляет монголоидный компонент центральноазиатского происхождения. Наряду с ним фиксируется европеоидный тип, характеризующийся крупными размерами лица, и европеоидный компонент с низким, широким лицом. Последний связывается с андроновским населением. Синтез данных компонентов дает в итоге морфологический комплекс, характерный для популяций южносибирской группы популяций [Гинзбург, 1963а; Исмагулов, 1970; Гохман, 1973; Алексеев, Гохман, 1984].

С территории Горного Алтая краниологические материалы происходят из различных небольших могильников тюркского времени VII–X вв. н.э. Эти материалы объединены в две сборные серии В.П. Алексеевым [1958] и Д.В. Поздняковым [2006], также есть сборная серия первой половины II тыс. н.э. [Поздняков, 2006] (табл. 26). Своеобразие данных выборок определяют монголоидные черты центральноазиатского типа.

Интерес при рассмотрении проблем сложения средневекового западносибирского населения представляют краниологические материалы из Восточной Европы, особенно данные по антропологии населения ломоватовской и поломской культур Волго-Камья [Алексеев, 1969] и Северной Башкирии [Акимова, 1968]. М.С. Акимовой отмечено, что морфологические особенности ломоватовских черепов могут быть частично объяснены, если допустить проникновение из Западной Сибири того типа, который фиксируется на черепах из Усть-Тартасского могильника Барабы [1968].

С территории Западной Европы, в частности Венгрии, хотя и имеются довольно значительные средневековые материалы, но краниометрические данные опубликованы по сокращенной программе, включающей в основном показатели уплощенности лицевого скелета [Тот, Фирштейн, 1970].

§ 2. Проблемы формирования средневекового населения Западной Сибири

Для выявления общих закономерностей изменчивости средневековые мужские и женские выборки проанализированы с помощью канонического анализа. Наибольшие нагрузки в мужской совокупности по признакам первого канонического вектора приходятся на долихокранные черепа с высоким сводом в сочетании с низкой орбитой, высоким переносьем и большим углом выступания носовых костей (табл. 27).

Это комплекс явных европеоидных особенностей, которые наиболее отчетливо проявляются в составе всех приуральских групп, а также групп Зауралья рубежа I–II тыс. н.э. (рис. 17, *а*). В ослабленном виде, но, видимо, все же в качестве преобладающего данный комплекс прослеживается в сросткинских популяциях (включая лесостепное Прииртышье рубежа I–II тыс. н.э.). Антропологические особенности другой совокупности вы-

Таблица 27

Величины нагрузок по первому и второму каноническим векторам в мужской и женской совокупностях локальных средневековых серий и обобщенные данные по группам раннего железа Западной Сибири

№ по Мартину или условное обозначение	Первый канонический вектор				Второй канонический вектор			
	Локальные средневековые группы		Обобщенные данные по средневековью и по выборкам раннего железа		Локальные средневековые группы		Обобщенные данные по средневековью и по выборкам раннего железа	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	**0,4165**	0,1157	**0,3162**	**0,3738**	0,0552	–0,1249	0,1041	0,0418
8. Поперечный диаметр	–0,0421	0,1821	–0,1959	**–0,3032**	**0,4761**	0,1544	0,0734	**0,4581**
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	**0,3014**	0,2049	0,1316	0,0594	0,1702	0,0669	–0,0788	0,2875
45. Скуловой диаметр	–0,2160	–0,0394	**–0,3193**	–0,1557	0,1522	**0,7975**	–0,1130	–0,1627
48. Верхняя высота лица	0,0789	**0,5512**	–0,1057	–0,1583	**0,5821**	–0,1507	**0,6168**	**0,6041**
77. Назомалярный угол	–0,0216	**0,3688**	–0,2699	**–0,3353**	**0,3155**	–0,0530	0,1722	0,2061
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	–0,0660	**0,4427**	–0,2153	–0,2131	**0,4112**	0,0938	–0,0352	0,2677
51. Ширина орбиты от *mf.*	0,0195	–0,0500	0,0212	–0,0810	–0,0177	–0,1384	**–0,4609**	0,0113
52. Высота орбиты	**–0,3513**	–0,1654	–0,2082	–0,1658	–0,0495	0,1489	–0,0113	0,0035
75(1). Угол выступания носа	**0,5512**	**0,3377**	**0,4824**	**0,4245**	0,1014	0,0221	**0,4971**	**0,3671**
SS. Симотическая высота	**0,3112**	0,2162	**0,3465**	**0,3576**	–0,1364	0,1024	–0,1282	0,1303
DC. Дакриальная ширина	–0,0501	–0,1522	–0,0226	–0,0018	–0,2054	**–0,4768**	–0,0206	0,0158
DS. Дакриальная высота	**0,3862**	0,2456	**0,4635**	**0,4644**	–0,1920	–0,0786	–0,2773	0,2191
Собственные значения	116,9	132,8	130,5	97,5	65,5	67,9	45,0	75,6
% описываемой изменчивости	30,1	30,7	40,7	26,7	16,8	15,7	14,0	20,7

Примечание. Полужирным шрифтом выделены максимальные нагрузки.

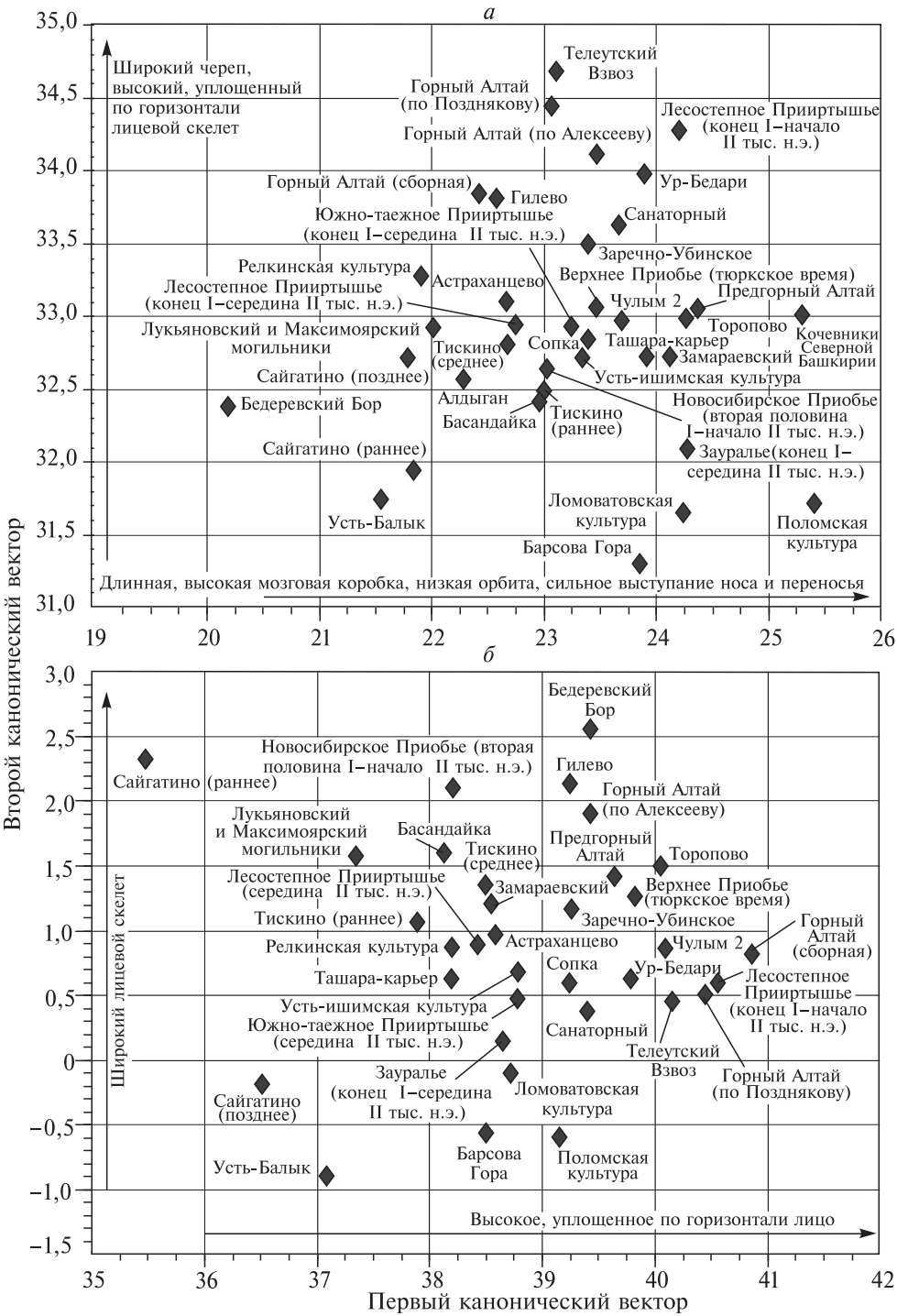


Рис. 17. Взаиморасположение локальных средневековых групп в корреляционном поле первого и второго канонических векторов (*а* — мужские черепа, *б* — женские).

борок определяет комплекс признаков с такими характеристиками, как низкий, умеренно профилированный по горизонтали лицевой скелет, невысокое переносье с малым углом выступания носа. Наиболее соответствуют этим морфологическим чертам средневековые популяции Сургутского и Нарымского Приобья. В качестве преобладающей данная комбинация признаков свойственна также группам Нижнего Притомья, южно-таежного Прииртышья (в том числе усть-ишимским) и Новосибирского Приобья второй половины I — начала II тыс. н.э. Широкий череп с высоким, уплощенным по горизонтали лицом (комплекс признаков второго канонического вектора) определяет антропологические особенности наиболее монголоидных в анализируемой совокупности популяций Горного Алтая второй половины I тыс. и более позднего времени — первой половины II тыс. н.э. (особенно серии из могильника Телеутский Взвоз) (рис. 17, *а*).

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что антропологическое своеобразие популяций обусловлено сочетанием с различным удельным весом европеоидного и монголоидного компонентов. Монголоидный вариант не является однородным, можно выделить следующие комбинации:

1. Невысокий свод черепа, низкое, умеренно профилированное по горизонтали, широкое лицо со средневысоким переносьем и малым углом носа (комбинация типична для средневековых популяций Сургутского и Нарымского Приобья). Однако и в ней проявляется дивергенция, обусловленная различиями в форме черепа, она может быть дифференцирована по форме черепа — для серий из могильников Сургутского Приобья свойственна тенденция к долихокрании с меньшей высотой черепа, к менее широкому лицу. Именно это выступает разделителем между уральскими и томско-нарымскими группами, другими словами, между обскими уграми и южными самодийцами.

2. Широкий, высокий череп брахикранной формы с высоким, уплощенным по горизонтали лицом и умеренно выступающим носом (комбинация прослеживается в горноалтайских выборках и части сросткинских — Телеутский Взвоз, Ур-Бедари, Гилево). В составе других сросткинских групп степной полосы Северо-Западного Алтая и лесостепи Западной Сибири и Приуралья, а также Северного Алтая ее доля ниже, но выше удельный вес европеоидного компонента.

Сочетание данных монголоидных комбинаций с примесью европеоидного компонента характерно для населения Нижнего Притомья, частично Барабы и Среднего Прииртышья (рис. 17, *а*).

В совокупности женских групп выявляются несколько иные закономерности межгрупповой изменчивости. Следует иметь в виду, что численность женских частей серий невелика, иногда два-три черепа, чем, скорее всего, это явление и обусловлено. Так, по признакам первого канонического вектора наибольшие нагрузки падают на серии, где преобладают черепа с очень широким и уплощенным лицевым скелетом, но в сочетании с повышенным углом выступания носа, а второй вектор разграничивает группы только по ширине лица (табл. 27). Однако характер взаимо-

расположения выборок во многом соответствует особенностям дифференциации мужских черепов (рис. 17, *б*). При этом не исключено, что более высокая мозаичность рассеивания женских групп связана с меньшим удельным весом в их составе монголоидного компонента центральноазиатского генезиса. Интересно, что женские серии Среднего Приобья, как и мужские, распадаются на скопления из могильников Сургутского и Нарымского Приобья.

О степени сходства/различия между средневековыми популяциями представление может быть получено при анализе расстояний Махалонобиса — Рао между ними и особенностей взаимосвязи. Так, и по мужским, и по женским материалам обособились популяции Сургутского Приобья и выборки с максимальным удельным весом центральноазиатского монголоидного компонента. Особенности кластеризации средневековых групп Томско-Нарымского Приобья свидетельствуют об относительной гомогенности населения этого региона. Несомненно и антропологическое сходство между различными локальными популяциями сроскинской культуры. Изменчивость обусловлена варьированием в их составе южно-, западносибирских, центральноазиатских и европеоидных элементов. Вполне отчетливо влияние кимако-кыпчакских племен прослеживается в формообразовании населения усть-ишимской культуры Среднего Прииртышья (рис. 18, 19).

Сопоставление материалов раннего железа и средних веков показало, что антропологическая структура населения лесостепи Западной Сибири в эпоху средневековья, по сравнению с предыдущим периодом, существенно изменилась, но в северной лесной полосе осталась во многом прежней.

Саргатские выборки из Притоболья, в составе которых, по сравнению с сериями из других микрорайонов, наибольший удельный вес составляет центральноазиатский компонент, обнаруживают тяготение к тем группам, в составе которых также присутствует данный комплекс: Ур-Бедари (Кузнецкая котловина) [Алексеев, 1974а] и Гилево (Северо-Западный Алтай) [Чикишева, Ким, 1988]. Есть определенное сходство саргатских черепов с серией черепов из Замараевских курганов (Приуралье), в целом европеоидных по строению, обладающих широким, невысоким, слабо профилированным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом. Однако наибольшее морфологическое сходство черепа из саргатских могильников Притоболья обнаруживают с сериями из северных таежных областей, происходящими из погребений усть-ишимской культуры, могильников Уени (Новосибирское Приобье), а также с ранними черепами из Тискинского могильника. Морфологические особенности данных таежных выборок (невысокий, мезо-брахикранный череп, широкий, низкий, уплощенный лицевой скелет, средняя высота переносья при небольшом угле выступания носовых костей) имеют, как было показано выше, глубокую древность. Аналогичный компонент, несомненно, общего происхождения, фиксируется и в составе саргатского населения. Фактором, влияющим на сходство между саргатскими и средневековыми таежными популяциями, выступает также однотипность европеоидного, обладающего эуриморфным

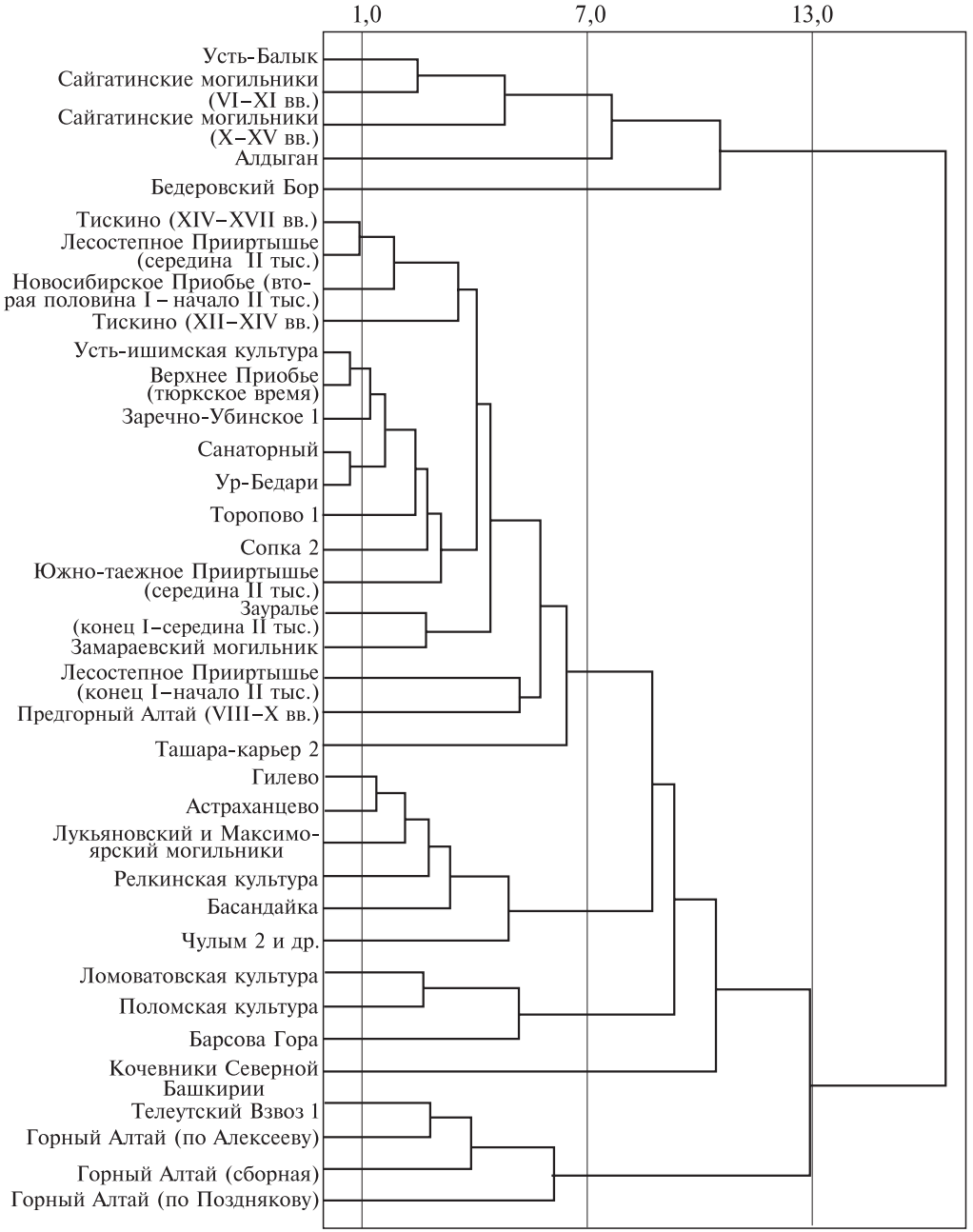


Рис. 18. Дендрограмма, иллюстрирующая связи между мужскими средневековыми популяциями на основе расстояний Махалонобиса — Рао.

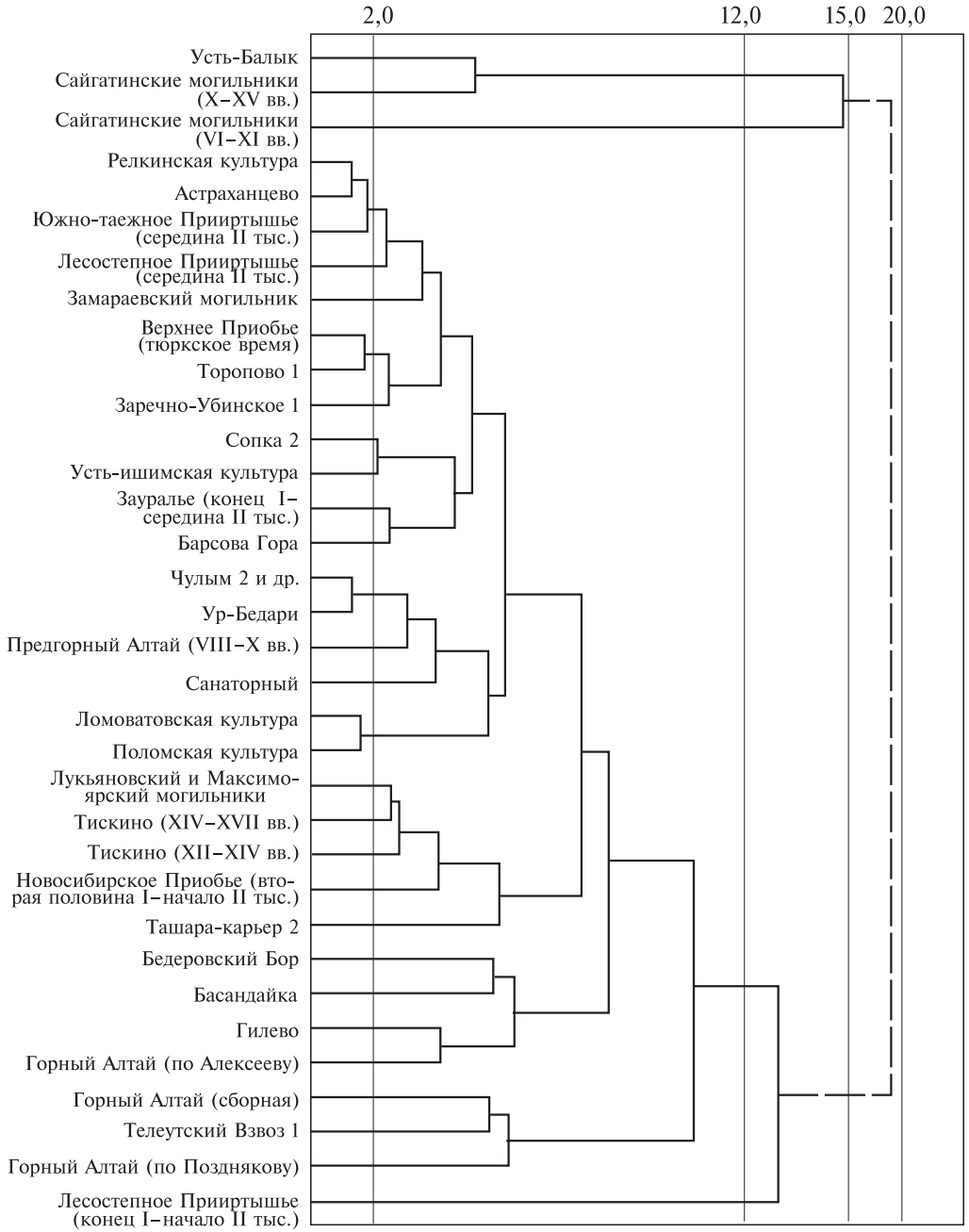


Рис. 19. Дендрограмма, иллюстрирующая связи между женскими средневековыми популяциями на основе расстояний Махалонобиса — Рао.

строением умеренно профилированного лица комплекса в составе тех и других. Из всей совокупности привлеченных для сравнения групп подобный европеоидный тип характерен в наибольшей степени для черепов из погребений ломоватовской культуры Прикамья.

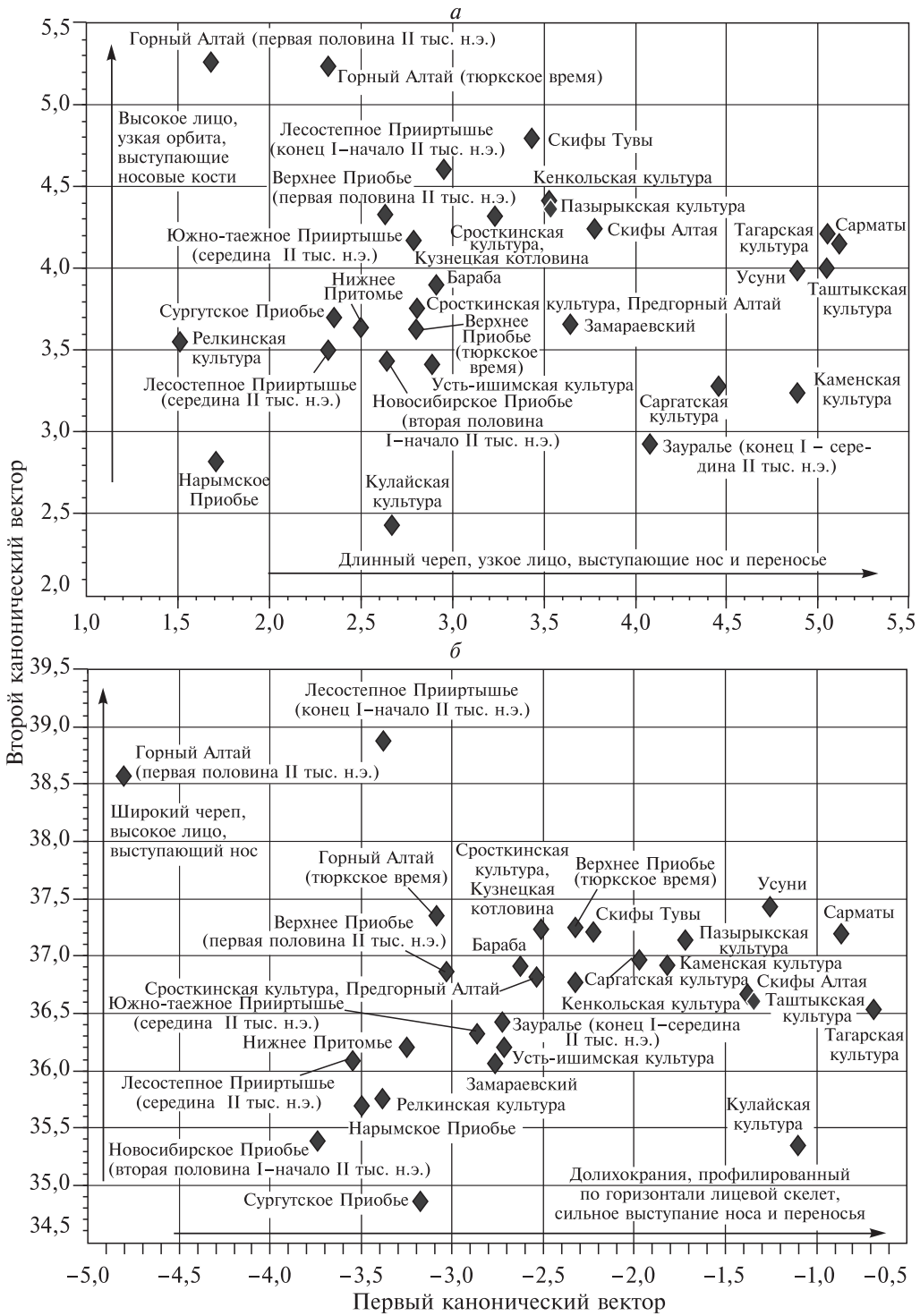
Саргатские серии из Приишимья и Прииртышья, в составе которых доля монголоидного компонента менее значительна, обнаруживают большее расхождение с таежными западносибирскими выборками, сближаясь при этом со средневековыми группами Прикамья (ломоватово), Приуралья и Барабинской лесостепи, в основе европеоидного типа с небольшой примесью монголоидных элементов. Саргатские серии из могильников Барабы морфологически также не сильно отличаются от перечисленных выше европеоидных выборок. Но имеющийся в их составе низколицый монголоидный компонент обусловливает тенденцию к сближению с некоторыми сериями из таежной полосы Западной Сибири (усть-ишимская культура).

В целом саргатские черепа, особенно из курганов раннего периода функционирования культуры, морфологически наиболее сходны с европеоидными черепами из погребений ломоватовской культуры Прикамья, а также с группами из Приуралья и Зауралья. Факторами, обусловливающими сходство, выступают однотипность эуриморфного европеоидного компонента и небольшая примесь монголоидных элементов.

Черепа из кулайских погребений по своему строению наиболее близки черепам средневековых нарымских селькупов (Алдыган, Тискино) и черепам из усть-ишимских погребений южно-таежного Прииртышья. В данном случае сходство определяет присутствующий в составе тех и других монголоидный комплекс со средневысоким, мезо-брахикранным черепом, низким лицом, средневыступающими переносьем и носовыми костями. В составе данных выборок присутствует также европеоидная примесь, причем особенностями европеоидного компонента в этом случае выступают одни и те же черты: средняя высота мезо-брахикранного черепа, широкое и низкое лицо, высокое переносье и средний угол выступания носовых костей.

Сопоставление обобщенных данных по средневековым группам и выборкам эпохи раннего железа показало, что в анализируемой совокупности серий проявляются определенные закономерности изменчивости. По признакам первого канонического вектора (мужские и женские материалы) наибольшие нагрузки приходятся на долихокранные черепа с узким, профилированным по горизонтали лицом, выступающими носом и переносьем (табл. 27, рис. 20). Поэтому выборки дифференцируются по принципу наибольшей европеоидности и монголоидности. С учетом признаков второго канонического вектора группы дифференцируются преимущественно по высоте лица. В целом взаиморасположение анализируемых групп достаточно наглядно подтверждает тезис о том, что степень участия населения раннего железа в формировании антропологических особенностей средневековых популяций Западной Сибири была невелика.

Все же следует отметить, что в юго-западной части Западной Сибири более или менее заметно присутствие антропологических элементов эпохи


а
Второй канонический вектор
Горный Алтай (первая половина II тыс. н.э.)
Горный Алтай (тюркское время)
Высокое лицо, узкая орбита, выступающие носовые кости
Лесостепное Прииртышье (конец I–начало II тыс. н.э.)
Скифы Тувы
Верхнее Приобье (первая половина II тыс. н.э.)
Кенкольская культура
Пазырыкская культура
Южно-таежное Прииртышье (середина II тыс. н.э.)
Сросткинская культура, Кузнецкая котловина
Скифы Алтая
Тагарская культура
Сарматы
Усуни
Таштыкская культура
Нижнее Притомье
Бараба
Сросткинская культура, Предгорный Алтай
Сургутское Приобье
Верхнее Приобье (тюркское время)
Замараевский
Релкинская культура
Лесостепное Прииртышье (середина II тыс. н.э.)
Усть-ишимская культура
Новосибирское Приобье (вторая половина I–начало II тыс. н.э.)
Саргатская культура
Каменская культура
Зауралье (конец I – середина II тыс. н.э.)
Нарымское Приобье
Кулайская культура
Длинный череп, узкое лицо, выступающие нос и переносье
б
Первый канонический вектор
Лесостепное Прииртышье (конец I–начало II тыс. н.э.)
Горный Алтай (первая половина II тыс. н.э.)
Широкий череп, высокое лицо, выступающий нос
Горный Алтай (тюркское время)
Сросткинская культура, Кузнецкая котловина
Верхнее Приобье (тюркское время)
Усуни
Верхнее Приобье (первая половина II тыс. н.э.)
Скифы Тувы
Сарматы
Пазырыкская культура
Бараба
Каменская культура
Сросткинская культура, Предгорный Алтай
Саргатская культура
Скифы Алтая
Южно-таежное Прииртышье (середина II тыс. н.э.)
Кенкольская культура
Таштыкская культура
Зауралье (конец I–середина II тыс. н.э.)
Нижнее Притомье
Тагарская культура
Усть-ишимская культура
Лесостепное Прииртышье (середина II тыс. н.э.)
Замараевский
Релкинская культура
Кулайская культура
Нарымское Приобье
Новосибирское Приобье (вторая половина I–начало II тыс. н.э.)
Долихокрания, профилированный по горизонтали лицевой скелет, сильное выступание носа и переносья
Сургутское Приобье

раннего железа в составе европеоидных групп Приуралья и Зауралья, а также в популяционной структуре населения сросткинской культуры Южной Сибири и Алтая (рис. 20–22).

Применительно к населению северных таежных областей Западной Сибири можно констатировать хронологическую стабильность генофондов поколений по крайней мере в течение I и II тыс. н.э. Наблюдаемые различия по комплексу признаков между населением северной и южной частей Среднего Приобья свидетельствуют о начавшемся в I тыс. н.э. процессе расхождения линий расообразования популяций обь-иртышского и уральского антропологических типов западносибирской формации.

В Томско-Нарымском Приобье также наблюдается расхождение в формообразовании. Если на территории Нарымского Приобья отмечается хронологическая стабильность антропологического покрова, то в Томском Приобье с середины I тыс. н.э. фиксируется заметный приток населения иного физического типа, которое идентифицируется вполне определенно с кимако-кыпчаками и связано с процессом тюркизации не только Нижнего Притомья, но и Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи. К середине II тыс. н.э. приток южного населения практически прекращается, и мы фиксируем в сложившемся виде тот антропологический тип, который характерен для томско-чулымских и тоболо-барабинских тюрков. В составе популяций Нарымского Приобья эта примесь незначительна, у населения Причулымья и Нижнего Притомья она выше, а в структуре групп Барабы и среднего Иртыша прослеживается достаточно отчетливо. Таким образом, во II тыс. н.э. формируются различия между томско-нарымской и тоболо-барабинской группами популяций обь-иртышского антропологического типа.

Сопоставление средневековых материалов с краниологическими типами, выделенными в составе населения раннего железа, показывает, что европеоидные типы раннего железа не имеют прямых аналогий среди средневековых популяций. Это свидетельствует о слабом влиянии лесостепных племен раннего железного века на формирование антропологической специфики населения Западной Сибири последующего времени. Напротив, монголоидные краниологические типы демонстрируют (особенно при сравнении женских материалов) сохранение преемственности между популяциями различных хронологических уровней.

Так, высоколицый монголоидный компонент центральноазиатского облика имеет сходство с типом лесостепного населения Среднего Прииртышья конца I — начала II тыс. н.э., аналогичен он монголоидным элементам в серии из могильника Ур-Бедари в Кузнецкой котловине. Его присутствие в качестве компонента прослеживается в составе популяций Томского Приобья, а также в усть-ишимской и тискинской сериях (рис. 21, 22).

Рис. 20. Взаиморасположение обобщенных средневековых выборок и групп раннего железа в корреляционном поле первого и второго канонических векторов (*а* — мужские черепа, *б* — женские).

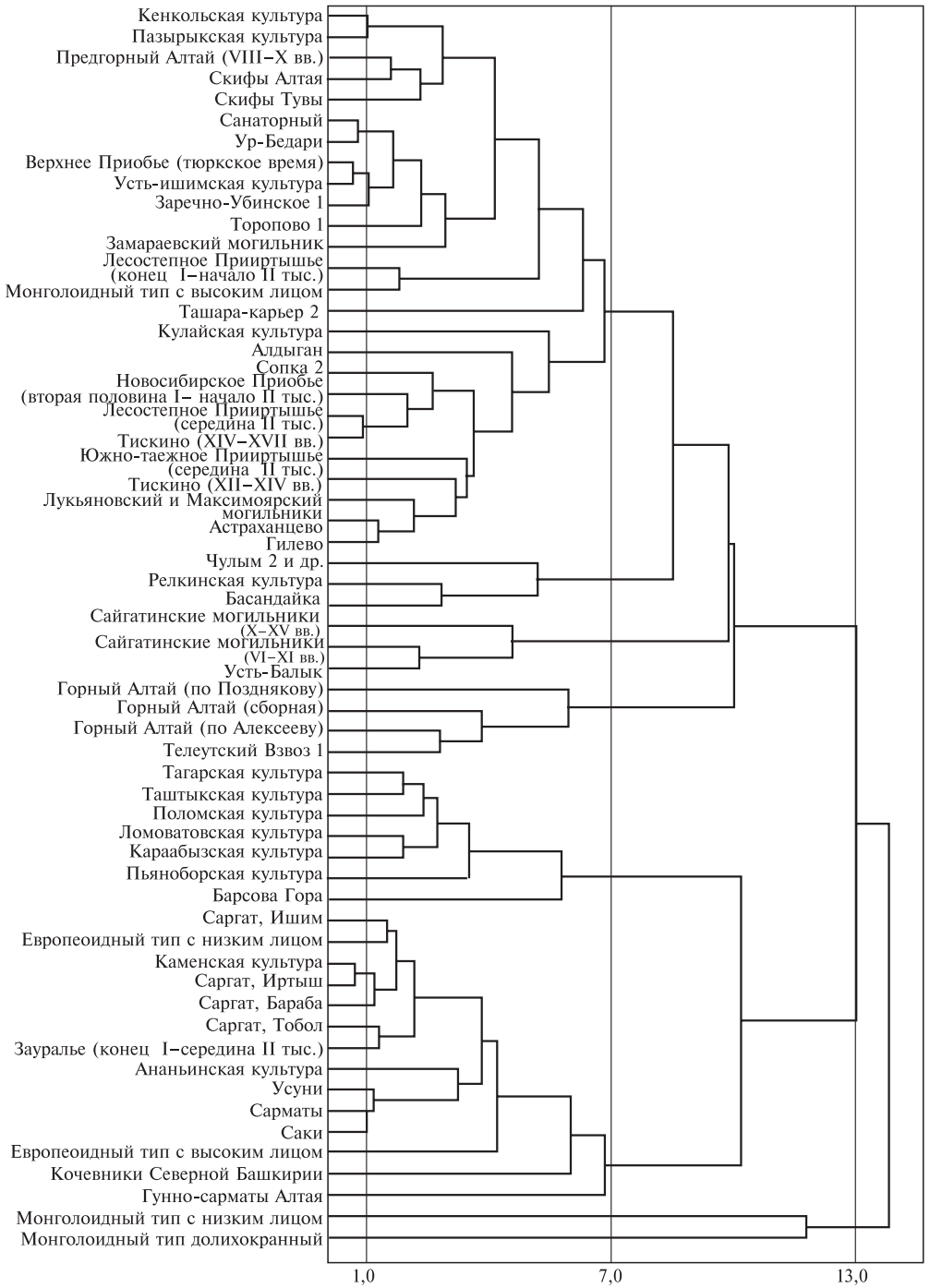


Рис. 21. Дендрограмма, иллюстрирующая связи между мужскими популяциями на основе расстояний Махалонобиса — Рао (раннее железо и средние века).

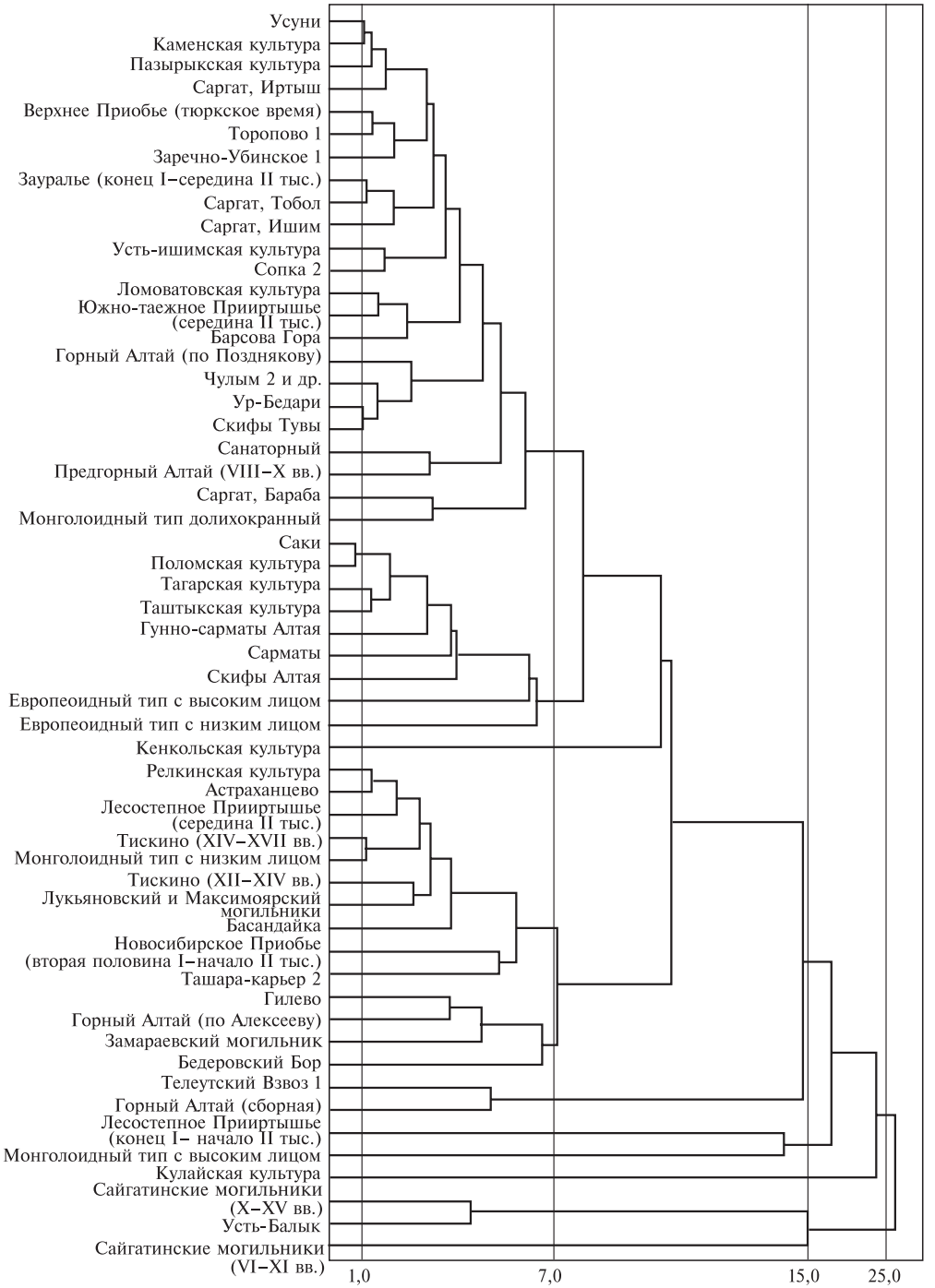


Рис. 22. Дендрограмма, иллюстрирующая связи между женскими популяциями на основе расстояний Махалонобиса — Рао (раннее железо и средние века).

Мезо-брахикранный низколицый компонент по морфологии сходен с черепами из могильников усть-ишимской и финала большереченской культур, равно как и с древнеселькупскими группами. Долихокранный низколицый вариант также имеет ряд общих черт с усть-ишимской выборкой и выборкой из могильников на Уени, но одновременно обнаруживает сходство с черепами из погребений Замараевского могильника и с черепами из ломоватовских могильников.

Общие тенденции изменчивости средневековых групп и серий раннего железа, а также характер их взаиморасположения показывают, что выборки дифференцируются в целом по высотным характеристикам лицевого скелета и степени его уплощенности. Отдельную совокупность составили группы, в которых заметную долю составляет компонент с такими характерными чертами, как брахикрания, невысокий череп, широкое, высокое, слабопрофилированное лицо, низкое переносье и слабое выступание носовых костей, т.е. с комплексом, свойственным монголоидным популяциям центральноазиатского типа. Это серии черепов из могильников Северо-Западного и Горного Алтая, Кузнецкой котловины, лесостепного Прииртышья и некоторых других, происходящих из курганов сросткинской культуры. Как менее значительный компонент данный краниологический тип, несомненно, присутствует в составе средневекового населения Среднего (Тискино, Молчаново) и Томского (Басандайка) Приобья. В структуре популяций раннего железного века, как это уже было отмечено, подобный расовый комплекс в качестве примеси фиксируется в саргатских материалах из могильников Притоболья.

В отдельное скопление группируются серии черепов также с монголоидными чертами, но их отличительными особенностями являются малая высота лица и носа при относительно более узком лицевом скелете, мезобрахикранная форма мозговой коробки. Наиболее отчетливо данная комбинация признаков наблюдается в серии черепов из курганов южно-таежного Прииртышья рубежа I–II тыс. н.э. (усть-ишимская культура), Новосибирского Приобья второй половины I тыс. н.э. (фоминский этап большереченской культуры), а также в позднесредневековых материалах из погребений лесостепного Прииртышья и курганов Нарымского Приобья (Тискино, Алдыган). Как заметный компонент низколицый монголоидный тип отмечается в материалах из Замараевского (Приуралье) и Басандайского (Нижнее Притомье) могильников. Его не представляет труда соотнести с тем низколицым монголоидным типом, который широко распространен среди современного тюркского и самодийского населения южной части Западной Сибири (нарымские селькупы, чулымские тюрки, томские и отчасти тоболо-иртышские татары). Из выборок раннего железного века почти полностью его характеристике соответствует краниологический тип черепов из кулайского могильника Каменный Мыс. Среди саргатских выборок наиболее заметно примесь данного компонента фиксируется в материалах из курганов Барабинской лесостепи. Можно говорить о небольшой монголоидной примеси в серии из погребений ломоватовской культуры Прикамья, однако в ее составе монголоидная примесь, скорее

всего, иного происхождения. При ряде сходных элементов строения с мезо-брахикранным вариантом отличительной чертой морфологии данного комплекса является долихокранная форма мозговой коробки. Выше отмечалось, что между населением Сургутского и Нарымского Приобья в средние века, особенно в развитом и позднем периоде, проявляется дивергенция по ряду морфологических черт. Для серий из могильников Сургутского Приобья свойственны тенденции к долихокрании, понижению свода черепа, уменьшению ширины лицевого скелета, т.е. те особенности, которые в позднем средневековье и в близкое к современности время представлены только у обских угров.

Обособленно концентрируются серии из курганов западносибирской лесостепи эпохи раннего железа и выборка европеоидных черепов из погребений поломской культуры Прикамья. Все они европеоидного облика с эуриморфным строением умеренно профилированного в горизонтальной плоскости лицевого скелета. Как было показано выше, происхождение этого комплекса признаков в составе групп западносибирской лесостепи раннего железа достаточно надежно может быть связано с доандроновским (кротовским) населением Западной Сибири и племенами андроновской (федоровской) культуры эпохи бронзы, антропологический пласт в составе поломских популяций — только с андроновскими (федоровскими). В составе западносибирских средневековых групп эуриморфный европеоидный компонент (напомним, определяющий антропологическую специфику лесостепных племен саргатской общности) прослеживается лишь в качестве небольшой примеси, что не позволяет говорить о сколь-либо значительной его роли в их формировании.

Таким образом, антропологические данные свидетельствуют о том, что в целом европеоидное население лесостепи Западной Сибири эпохи раннего железа не оказало заметного влияния на генезис населения лесостепи и южно-таежной полосы, обитавшего здесь в эпоху средневековья. Общее изменение структуры антропологического покрова лесостепной полосы, вызванное в середине I тыс. н.э. перемещением племен, втянутых в процесс Великого переселения народов, привело к разрыву расогенетических связей между асинхронными популяциями на данной территории. Интересно отметить, что отдельные элементы влияния нашли свое отражение в антропологических материалах, обусловлены они, однако, не столько биологическим, сколько этнокультурным воздействием. Речь идет о сохранении обычая искусственной деформации черепа у некоторых раннесредневековых групп населения, оставивших ряд могильников в Новосибирском Приобье на р. Уень — Умна, Юрт-Акбалык, Красный Яр [Дрёмов, 1967, 1975, 1977], в Омском Прииртышье на р. Таре — Окунево 7, Усть-Тарский (данные автора), в Притоболье — Устюг 1 [Пошехонова и др., 2016]. Причем деформация приобретает гипертрофированные формы, резко отличные от классических образцов, встречаемых среди краниологических материалов, например, из саргатских погребений. Хотя частота встречаемости искусственно деформированных черепов в саргатских курганах (в подавляющем большинстве случаев кольцевого типа) невелика,

все же следует отметить, что в погребениях раннего этапа функционирования культуры они встречаются чаще, чем в средний период, и практически отсутствуют на финальном этапе. Но вновь обычай изменения формы головы отмечается в раннем средневековье. Идея придать голове причудливую форму и таким образом выделиться среди других довольно часто заимствуется иноэтничными группами без соответствующих технологических знаний. Самостоятельное воплощение идеи может значительно отличаться от первоисточника в силу неполноты полученной информации, которая важна, ибо для людей, не знакомых с обычаями искусственного деформирования головы, последствия сильного и длительного сдавливания черепа ребенка, особенно отдаленные по времени последствия этого, не являются сколь-либо очевидными. Самостоятельная же выработка знаний о приемах и методах деформации, ее последствиях для здоровья и интеллектуальной деятельности является процессом длительным и совершается в ходе естественной практики [Тур, 1996, с. 241–242].

В таежной полосе Западной Сибири в средние века генетическая ситуация сохраняет стабильность, что наглядно демонстрируется результатами антропологического исследования. Краниологический тип черепов из кулайских погребений, а также аналогичные ему компоненты в составе новочекинской серии и всех саргатских выборок, равно как и родственный им низколицый монголоидный компонент в составе кротовской серии могильника Сопка 2 и серии из могильника Еловка 2 эпохи бронзы, а также компонент антропологической структуры неолитических групп собственно западносибирского типа практически не меняются с течением времени, ибо этот же морфотип характерен для средневековых популяций южно-таежного Прииртышья (усть-ишимская культура) и Нарымского Приобья (древние селькупы). Видимо, подобная ситуация имела место и в северной части Западной Сибири.

Глава 6

СОВРЕМЕННОЕ КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Современное аборигенное население Северной Евразии относится к различным этнолингвистическим образованиям. В традиционной культуре здесь представлены разнообразные хозяйственно-культурные типы. Аборигенные племена говорят на различных диалектах северо- (ненцы, энцы, нганасаны) и южносамодийского (селькупы) языков, финно-угорском (коми, ханты и манси), тюркском (сибирские татары, хакасы, северные и южные алтайцы), кетском и палеоазиатском языках. С точки зрения традиционной материальной культуры — это племена, ведущие как присваивающее (охотники, рыболовы и собиратели), так и производящее (скотоводы и земледельцы) хозяйство. Насколько разнообразны их культура и природно-климатические условия обитания, настолько велики и антропологические различия между ними, что в целом свидетельствует о различных путях их этногенеза. Конечно, антропология освещает лишь одну из сторон их происхождения — историю формирования физического облика этих племен (в прошлом бесписьменных), но вкупе с данными языкознания, этнографии, археологии, топонимики и других наук реконструкция их этногенеза приобретает более полный и объективный характер.

§ 1. Материалы по краниологии современных популяций

1.1. Тюрки Западно-Сибирской равнины

Одна из самых крупных тюркоязычных групп Западной Сибири наряду с барабинскими и томско-чулымскими тюрками — ***тоболо-иртышские татары***. По этнолингвистическим данным, в их составе выделяются четыре основные подгруппы, различающиеся между собой некоторыми особенностями в языке и культуре. Это *тюменские*, *тобольские*, *коурдакско-саргатские* и *аялынско-туралинские татары* [Тумашева, 1977; Валеев, 1980; Томилов, 1981; Тумашева, Ахметова, 1983].

Прочно вошло в антропологическую литературу положение, основанное на соматологических материалах, о принадлежности тоболо-иртышских татар к кругу уральских популяций с «чулымским», южносибирским и центральноазиатским компонентами в составе отдельных территориальных групп [Трофимова, 1947].

Тюменские татары проживают в западных областях ареала тоболо-иртышских татар, где в ходе исторического развития они соприкасались

с различными народами, такими как манси, башкиры и др. Среди тобо-ло-иртышских татар тюменские считаются одними из самых ранних тюр-коязычных жителей этих мест, с которыми связано первое государственное образование сибирских татар — Тюменское ханство, сложившееся в XVI в. [Бояршинова, 1960]. До этого, по историко-этнографическим сведениям, здесь жили угорские (мансийские) племена, позднее подвергшиеся тюркскому влиянию [Долгих, 1960]. Представлена данная группа краниологическими материалами из могильника XVIII–XIX вв. Юртобор [Багашёв, 1993а] (табл. 28). В конце XIX в. Юртобор (старое название — Боровые Юрты) административно относился к Кречетинской инородческой волости Тюменского округа Тобольской губернии. Согласно переписи 1897 г., в Юртоборе проживали в основном коренные сибирские татары и несколько выходцев из Средней Азии (так называемые сибирские бухарцы) [Патканов, 1911, с. 106].

Черепа тюменских татар характеризуются средними величинами продольного и поперечного диаметров, черепной указатель у них на границе мезо-субдолихокрании. Высота черепа малая, лицо средневысокое, широкое у мужских и более узкое у женских черепов. Величины назомалярного и зигомаксиллярного углов показывают умеренную уплощенность лица. Носовые кости и переносье среднеширокие, высота их средней величины, угол выступания носа малый.

Тобольские татары проживают примерно в центральных областях расселения тобо-ло-иртышских татар. Они составляли основное ядро населения Сибирского ханства в XVI в. Эта группа представлена черепами из могильника XIX в. Островной [Багашёв, 1993а]. В XVIII–XIX вв. в Островных юртах проживали только коренные сибирские татары [Патканов, 1911, с. 17]. Черепа этой серии морфологически сходны с черепами тюменской группы, однако для них характерно значительно более узкое, чуть менее низкое и менее уплощенное в подносовой части лицо, более выступающее по дакриальной высоте переносье и больший угол выступания носа (табл. 28).

Коурдакско-саргатские татары проживают юго-восточнее тобольских, в таежных районах среднего течения Иртыша. В их составе выделяются две этнографические подгруппы — саргатская и коурдакская (курдакская) [Томилов, 1981].

Коурдакская группа представлена черепами из могильника XIX в. Летний Коурдак [Багашёв, 1993а]. Населенный пункт Коурдак известен в Коурдакской инородческой волости Тарского округа с XVI в. [Томилов, 1981, с. 118], Коурдакская же волость XVIII–XIX вв. соответствовала племенной группе Коурдак (Курдак) [Долгих, 1960, с. 54]. Саргатские татары представлены черепами из могильника XIX — начала XX в. Тюльчаково [Багашёв, 1993а]. Деревня Тюльчаково (Тюрьметяково) входила в состав Саргатской инородческой волости Тарского округа. В конце XIX в. здесь проживали в основном коренные сибирские татары [Патканов, 1911, с. 73] (табл. 28).

Черепа коурдакской и саргатской серий имеют ряд сходных морфологических черт, хотя проявляются и различия. Коурдакские черепа более грацильные, долихокранные и низкие, обладают более уплощенным пере-

Таблица 28

Средние размеры и указатели черепов тоболо-иртышских татар

№ по Мартину или условное обозначение	Тюменские татары		Тобольские татары		Коурдакско-саргатские татары	
					Коурдакские	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	2	3	4	5	6	7
1. Продольный диаметр (*g-op*)	180,2 (54)	172,0 (46)	179,6 (20)	169,5 (17)	181,3 (22)	176,4 (14)
8. Поперечный диаметр	144,8 (54)	137,3 (46)	142,0 (20)	134,7 (17)	137,3 (22)	133,9 (14)
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	130,3 (55)	126,3 (45)	129,7 (20)	123,4 (17)	127,3 (21)	125,2 (13)
20. Высотный диаметр (*po-b*)	113,0 (53)	109,6 (45)	113,8 (20)	109,1 (17)	109,9 (21)	108,7 (12)
8:1. Черепной указатель	80,4 (53)	79,9 (46)	79,1 (20)	79,5 (17)	75,8 (22)	75,9 (14)
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	72,5 (54)	73,5 (45)	72,3 (20)	72,8 (17)	70,5 (21)	71,2 (13)
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	90,0 (54)	92,1 (45)	91,4 (20)	91,7 (17)	92,7 (21)	93,6 (13)
5. Длина основания черепа	100,5 (53)	95,1 (44)	98,8 (20)	93,2 (17)	98,5 (21)	93,7 (12)
9. Наименьшая ширина лба	96,4 (53)	92,4 (46)	94,7 (20)	89,4 (18)	91,8 (22)	89,4 (12)
40. Длина основания лица	98,9 (50)	93,1 (43)	97,8 (20)	91,4 (16)	94,8 (18)	92,4 (9)
40:5. Указатель выступания лица	98,7 (50)	97,7 (42)	99,1 (20)	98,5 (16)	96,2 (18)	97,7 (9)
45. Скуловой диаметр	137,8 (53)	126,0 (44)	132,4 (20)	121,6 (17)	134,6 (19)	124,7 (11)
48. Верхняя высота лица	72,7 (51)	66,8 (43)	70,0 (20)	65,0 (17)	70,4 (20)	66,3 (10)
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	95,2 (52)	91,7 (44)	93,3 (20)	90,3 (17)	98,3 (19)	93,0 (11)
72. Общий лицевой угол	85,3 (52)	85,0 (43)	85,2 (20)	86,1 (15)	85,5 (17)	84,5 (8)
74. Угол альвеолярной части	77,7 (50)	74,9 (42)	79,2 (20)	78,9 (15)	77,2 (17)	73,0 (8)
77. Назомалярный угол	143,4 (54)	142,4 (44)	142,6 (20)	142,5 (18)	141,7 (20)	140,1 (10)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	134,7 (53)	132,5 (38)	131,8 (20)	131,5 (16)	135,6 (15)	132,4 (7)
51. Ширина орбиты от *mf*.	44,8 (53)	42,5 (44)	43,3 (20)	41,1 (18)	43,8 (20)	42,2 (11)
52. Высота орбиты	34,6 (54)	33,9 (45)	33,5 (20)	32,7 (18)	34,6 (18)	33,2 (10)
55. Высота носа	52,4 (53)	48,8 (44)	50,8 (20)	47,1 (18)	52,0 (20)	49,0 (10)
54. Ширина носа	26,7 (53)	25,2 (44)	25,2 (20)	24,2 (16)	25,8 (20)	24,5 (9)
75(1). Угол выступания носа	21,2 (52)	16,2 (42)	23,8 (20)	20,7 (15)	19,4 (18)	15,9 (9)
SC. Симотическая ширина	8,23 (52)	7,70 (44)	7,80 (20)	8,65 (17)	7,18 (17)	6,69 (10)
SS. Симотическая высота	3,77 (52)	3,25 (44)	3,54 (20)	3,35 (17)	3,35 (17)	2,50 (10)
SS:SC. Симотический указатель	46,4 (52)	42,7 (44)	46,8 (20)	39,2 (17)	47,5 (17)	39 (10)
DC. Дакриальная ширина	21,70 (51)	20,12 (44)	20,78 (20)	19,05 (15)	21,54 (18)	19,93 (6)
DS. Дакриальная высота	11,06 (50)	9,74 (44)	11,40 (20)	9,63 (15)	10,01 (18)	8,37 (6)
DS:DC. Дакриальный указатель	51,1 (50)	48,5 (44)	55,3 (20)	50,6 (615	46,9 (18)	42,5 (6)

Окончание табл. 28

№ по Мартину или условное обозначение	Коурдакско-саргатские татары				Аялынские татары		Тоболо-иртышские татары суммарно	
	Саргатские		Суммарно					
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	8	9	10	11	12	13	14	15
1. Продольный диаметр (*g-op*)	182,5 (33)	170,8 (16)	182,1 (55)	173,5 (30)	179,8 (22)	172,3 (13)	180,7 (151)	172,1 (106)
8. Поперечный диаметр	141,8 (33)	134,6 (16)	140,0 (55)	134,2 (30)	145,5 (21)	138,7 (14)	142,7 (150)	136,2 (107)
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	133,8 (33)	124,8 (16)	131,2 (54)	125,0 (29)	131,6 (19)	125,1 (12)	130,7 (148)	125,3 (103)
20. Высотный диаметр (*po-b*)	115,2 (32)	109,7 (16)	113,1 (53)	109,2 (28)	113,0 (21)	108,5 (15)	113,1 (147)	109,3 (105)
8:1. Черепной указатель	77,7 (33)	78,9 (16)	76,9 (55)	77,5 (30)	80,9 (21)	80,7 (13)	79,0 (149)	79,2 (106)
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	73,3 (33)	73,2 (16)	72,2 (54)	72,3 (29)	73,4 (19)	72,8 (11)	72,5 (147)	73,0 (102)
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	94,5 (33)	92,8 (16)	93,8 (54)	93,1 (29)	90,3 (19)	91,2 (11)	91,6 (147)	92,2 (102)
5. Длина основания черепа	101,8 (33)	92,4 (16)	100,5 (54)	92,9 (28)	100,7 (19)	96,0 (11)	100,3 (146)	94,3 (100)
9. Наименьшая ширина лба	95,3 (33)	92,4 (16)	93,9 (55)	91,1 (28)	93,5 (23)	92,2 (13)	94,8 (151)	91,5 (105)
40. Длина основания лица	99,8 (29)	91,1 (15)	97,9 (47)	91,6 (24)	97,4 (17)	92,9 (10)	98,2 (134)	92,4 (93)
40:5. Указатель выступания лица	97,9 (29)	98,7 (15)	97,3 (47)	98,3 (24)	96,2 (17)	96,8 (10)	97,9 (134)	97,9 (92)
45. Скуловой диаметр	136,2 (32)	124,0 (16)	135,6 (51)	124,3 (27)	138,2 (16)	128,6 (10)	136,3 (140)	125,1 (98)
48. Верхняя высота лица	71,2 (28)	66,5 (15)	70,9 (48)	66,4 (25)	73,4 (18)	68,3 (10)	71,8 (137)	66,6 (95)
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	96,1 (32)	92,2 (16)	96,9 (51)	92,5 (27)	94,4 (16)	93,1 (10)	95,5 (139)	91,8 (98)
72. Общий лицевой угол	86,1 (28)	85,1 (15)	85,9 (45)	84,9 (23)	86,6 (16)	86,3 (10)	85,6 (133)	85,3 (91)
74. Угол альвеолярной части	74,6 (27)	72,6 (15)	75,6 (44)	72,7 (23)	74,6 (16)	74,6 (10)	76,8 (130)	75,0 (90)
77. Назомалярный угол	142,2 (33)	144,4 (16)	142,0 (53)	142,7 (26)	142,7 (21)	141,9 (11)	142,7 (148)	142,4 (99)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	133,1 (32)	134,0 (15)	133,9 (47)	133,5 (22)	133,6 (15)	136,7 (11)	133,9 (135)	133,1 (87)
51. Ширина орбиты от *mf*.	44,3 (31)	42,6 (16)	44,1 (51)	42,5 (27)	44,2 (19)	42,7 (11)	44,3 (143)	42,3 (100)
52. Высота орбиты	32,7 (31)	33,1 (16)	33,4 (49)	33,2 (26)	34,9 (19)	33,7 (11)	34,1 (142)	33,5 (100)
55. Высота носа	50,9 (32)	48,2 (15)	51,4 (52)	48,5 (25)	53,2 (18)	49,3 (11)	51,9 (143)	48,4 (98)
54. Ширина носа	24,7 (32)	23,5 (15)	25,1 (52)	23,9 (24)	25,9 (20)	25,2 (11)	25,8 (145)	24,7 (95)
75(1). Угол выступания носа	22,3 (28)	17,7 (15)	21,5 (46)	17,0 (24)	22,7 (16)	18,9 (10)	21,8 (134)	17,5 (91)
SC. Симотическая ширина	7,56 (32)	6,42 (16)	7,43 (49)	6,53 (26)	7,29 (18)	7,84 (12)	7,77 (139)	7,57 (99)
SS. Симотическая высота	3,44 (32)	2,58 (16)	3,41 (49)	2,55 (26)	3,72 (18)	3,11 (12)	3,61 (139)	3,07 (99)
SS:SC. Симотический указатель	46,8 (32)	41,4 (16)	47,0 (49)	40,5 (26)	52,1 (18)	40,6 (12)	47,4 (139)	41,3 (99)
DC. Дакриальная ширина	21,55 (31)	19,81 (15)	21,55 (49)	19,85 (21)	21,33 (15)	20,55 (11)	21,47 (135)	19,93 (91)
DS. Дакриальная высота	10,63 (31)	9,27 (15)	10,40 (49)	9,01 (21)	11,03 (15)	8,35 (11)	10,87 (134)	9,39 (91)
DS:DC. Дакриальный указатель	49,9 (31)	47,2 (15)	48,8 (49)	45,8 (21)	52,5 (15)	43,5 (11)	51,1 (134)	47,6 (91)

носьем и меньшим углом носа к вертикальному профилю лица. Особенностями саргатских черепов являются заметно более низкая орбита и более уплощенное в подносовой части лицо.

Аялынские (*аялынско-туралинские*) *татары* занимают южные области ареала тоболо-иртышских татар и проживают в лесостепной полосе Среднего Прииртышья. Из всех групп тоболо-иртышских татар именно они, судя по лингвистическим данным, впитали наибольший процент бухарцев [Тумашева, 1977, с. 21]. Эта группа представлена краниологическими материалами из могильников Токсай 1 и 2 [Багашёв, 1993а].

Черепа аялынских татар морфологически сходны с черепами других выборок, особенно с черепами тюменских татар. Однако обладают они и определенным своеобразием, отличаясь от остальных большими широтными размерами — поперечным и скуловым диаметрами, более высоким лицом (табл. 28).

Локальные краниологические серии тоболо-иртышских татар сходны между собой, внутригрупповой размах изменчивости признаков и указателей невелик. Суммарный внутригрупповой анализ по мужским черепам не выявил между группами существенных морфологических различий [Багашёв, 1993а]. Это дает все основания рассматривать краниологические серии, несмотря на некоторые специфические особенности каждой, как выборки из единой совокупности.

По комплексу признаков, дифференцирующих монголоидные и европеоидные популяции, тоболо-иртышские татары занимают промежуточное положение. В локальных группах, однако, доли европеоидного и монголоидного компонентов варьируют. В коурдакской серии, например, монголоидные особенности выражены более отчетливо, а в тобольской группе ярче проявляются европеоидные черты, остальные расположены между ними. Характерная особенность строения черепов тоболо-иртышских татар заключается в сочетании уплощенного переносья, малого угла выступания носа, широкого среднеуплощенного в горизонтальной плоскости лица с небольшой (по отношению к монголоидам) высотой лица, что наблюдается у многих популяций из таежных районов Западной Сибири.

При рассмотрении локальных антропологических особенностей серий выявляется закономерность, согласно которой более широкие и высокие черепа обладают более широким и высоким, более уплощенным по горизонтали на уровне орбит, но менее в подносовой части лицом, более выступающими носом и переносьем. Для черепов с удлиненной формой мозговой коробки характерна противоположная связь с означенными признаками.

Морфологические особенности локальных групп тоболо-иртышских татар показывают, что наиболее отчетливо выявляемый комплекс признаков представлен в двух сериях, причем обе с периферии ареала. Это самая южная группа — аялынская и западная — тюменская. Для черепов этих выборок характерны явная тенденция к брахикрании, широкое и высокое лицо, относительно высокое переносье. Противоположное сочетание признаков свойственно для самой восточной — коурдакской — серии,

черепа которой наиболее долихокранные и низкие, лицо с уплощенным переносьем и самым малым углом выступания носа. Горизонтальный профиль лица на уровне орбит свидетельствует об его относительной профилированности, тогда как в средней части — об уплощенности. Саргатская группа занимает промежуточное положение между этими крайними вариантами, а в тобольской группе наблюдается противоречивое сочетание узкого лица с высоким переносьем и большим углом носа (противоречивое, естественно, применительно к исследуемым материалам).

Хотя характер строения черепов всех серий тоболо-иртышских татар дает основания для вывода о том, что локальные группы представляют в несколько различных вариантах один и тот же краниологический тип, в антропологическом составе ряда популяций прослеживается примесь населения, отличного от них в физическом отношении. С учетом этого фактора краниологический тип тоболо-иртышских татар аналогичен тому, который представлен у тюркоязычных групп Западно-Сибирской равнины (у чулымских и томских тюрков, частично у барабинцев), нарымских селькупов и кызыльцев [Багашёв, 1990, 1990а, 1993а].

С другой стороны, нельзя сбрасывать со счета и специфические особенности каждой популяции. Так, морфология аялынской серии, черепа которой наиболее широкие и брахикранные с крупным лицом и выступающим носом, указывает на присутствие в составе этой группы примеси тюрко-монгольского населения из Южной Сибири и Казахстана, носителей южносибирского комплекса антропологических признаков [Багашёв, 1990]. Более интенсивные контакты с ними аялынско-туралинских татар обусловлены, видимо, географическим положением этой группы, проживающей в лесостепной полосе Среднего Прииртышья, переходящей в степь. Территория эта издавна была местом стыка двух хозяйственно-культурных типов (охотничье-рыболовного и кочевого скотоводческого) и ареной контактов лесных и степных племен, разнородных в антропологическом отношении. В эти места в разное время проникали и казахи [Томилов, 1983], и телеуты [Уманский, 1972, 1980а], и выходцы из Средней Азии [Тумашева, 1977; Томилов, 1981].

Аналогическая примесь присутствует, но в значительно меньшей пропорции, в составе тюменских татар. На их антропологический тип (в силу самой западной локализации) в большей степени, чем на тобольских и коурдакско-саргатских, но в меньшей, чем на аялынских татар, оказали влияние тюркоязычные племена, появление которых в лесном Притоболье относят к XIII в. н.э. [Могильников, 1987]. В более позднее время нельзя исключить возможной примеси к тюменским татарам среднеазиатских тюрков — сибирских бухарцев [Патканов, 1911].

Противоположное сочетание признаков, как уже отмечалось, т.е. сочетание низкой, узкой и удлиненной черепной коробки с небольшой высотой лица, небольшим углом выступания носа и уплощенным переносьем, характерно для черепов коурдакских татар. Ближайшие аналоги этому комплексу наблюдаются у ряда угорских популяций, в частности у северных манси и отдельных хантыйских групп Среднего Приобья — нижнеиртыш-

ских и салымских хантов. Контакты между тюрками и уграми в этом районе облегчались тем, что территория обитания коурдакских татар связана с северными таежными районами посредством р. Шиш и ряда других правых притоков Иртыша, берущих начало в таежной полосе Обь-Иртышского междуречья — местах проживания угров [Багашёв, 1991, 1993а].

Для черепов тобольской группы, по сравнению с другими сериями, характерны значительно более узкое лицо, наиболее выступающее переносье и максимально большой угол выступания носовых костей. Именно этот комплекс признаков усиливает выраженность европеоидных черт в тобольской популяции. Из территориально ближайших соседей сходная ширина лица наблюдается у некоторых угорских групп, в частности у нижнеиртышских хантов. Однако различия по высоте переносья, горизонтальной уплощенности лица и ряду других признаков значительны. Поэтому вряд ли уменьшение ширины лица у тобольских татар следует связывать с угорским влиянием. Более вероятным представляется связать не только уменьшение ширины лица, но и в целом усиление европеоидных черт в тобольской популяции с влиянием европеоидного тюркоязычного населения Поволжья. Из всех групп тоболо-иртышских татар именно тобольские обнаруживают наименьшие различия с казанскими татарами [Багашёв, 1990а]. Более интенсивный приток татар-переселенцев в XVII–XIX вв. в район г. Тобольска и его окрестности фиксируется историко-этнографическими источниками [Валеев, 1980; Томилов, 1981; Радлов, 1989].

Саргатские татары, занимая промежуточное положение между аялынскими и коурдакскими, не обладают, однако, теми чертами, которые сближают аялынских татар с южносибирскими группами, и теми, которые сближают коурдакских татар с уграми. Это весьма своеобразная группа, краниологический тип которой аналогичен практически только типу томско-чулымских тюрков. Обитая в таежных районах Среднего Прииртышья, характеризующихся чрезвычайной заболоченностью, что создавало значительные трудности для перемещения населения, саргатские татары оказались, видимо, в частичной географической изоляции [Багашёв, 1990, 1993а].

Таким образом, наблюдаемые морфологические различия между локальными сериями тоболо-иртышских татар связаны с некоторыми особенностями структуры популяций. Их антропологический состав довольно сложен, хотя генетическая увязка в ряде случаев их антропологических особенностей с конкретными народами сопредельных территорий позволяет говорить, что появление этих особенностей обусловлено метисационными процессами в относительно недалеком прошлом. В наименьшей степени изменениям подвергся антропологический тип саргатских и тюменских татар.

Основная часть современных ***барабинских татар*** проживает в степи между Иртышом и Обью в пределах Новосибирской области. В XVI — начале XVII в. у барабинцев отмечено большое число родоплеменных подразделений, которые к XIX в. сложились в три эндогамные группы — *любейско-тунусскую* (в бассейне среднего течения рек Омь и Тара),

барабинско-турашскую (к северу от озер Чаны и Сартлан до Оми и Тартаса) и *теренинско-чойскую* (в районе Убинского озера и верховьев Оми) [Томилов, 1981].

Среди тюркоязычных народов Сибири барабинские татары — наименее изученный в антропологическом отношении этнос. Единственное исследование, посвященное соматологии барабинских татар, появилось в конце 1940-х годов [Трофимова, 1947] и было итогом полевых работ лета 1937 г. [Дебец, Трофимова, 1941].

Имеющиеся краниологические материалы можно достоверно связать с предками современных барабинских татар. Это краниологические серии из могильников Абрамово 10 (XVI–XVII вв.), Льнозавод 3 и 4 (XVII–XVIII вв.), Кыштовка 2 (XVII–XVIII вв.), Малый Чуланкуль 1 (XVII–XVIII вв.) [Ким, 1990]. Население, оставившее первые два могильника, относилось, по всей видимости, к родоплеменной группе бараба, остальные два — к тунусам. Эти группы были известны по русским письменным источникам еще с XVII в. [Долгих, 1960]. Более поздним временем (XIX — начало XX в.) датируются серии из могильников Гжатск (группа бараба) и Кайлы-Угурманка (группа чой) [Ким, 1987, 1990, 1998].

Анализ средних размеров и пропорций черепов барабинских татар показывает (табл. 29), что в целом для них характерны низкая, мезо-брахикранная форма мозговой коробки, средневысокое, широкое, ортогнатное по общему углу и мезогнатное по указателю выступания, умеренно уплощенное на обоих уровнях лицо и слабовыступающий нос. Однако следует отметить, что в краниологической структуре барабинских татар позднего времени заметно их более европеоидное строение, что выражается в усилении степени выступания переносья и носовых костей. Лицо у поздних черепов у́же и выше, более профилировано в горизонтальной плоскости на обоих уровнях.

Видимо, данным обстоятельством обусловлено некоторое повышение межгрупповой вариабельности по сравнению с внутригрупповой. Это затрагивает признаки, обладающие таксономической ценностью на территории Западной Сибири, такие как высота черепа, верхняя высота лица, скуловой диаметр и угол выступания носа [Ким, 1998], что позволяет предполагать присутствие в локальных выборках ранних барабинцев специфических морфологических черт.

При сопоставлении серий нетрудно заметить, что черепа из Кыштовки и Льнозавода наиболее низкие, имеют более узкое и низкое лицо, слабо выступающий над вертикальной линией профиля лица нос. Сравнение основных характеристик серий показывает, что мало различаются, с одной стороны, серии из Абрамово и Малого Чуланкуля и серии из Кыштовки и Льнозавода — с другой. За счет незначительного усиления европеоидных черт серии из Гжатска и Кайлы-Угурманки занимают несколько обособленное положение, объединяясь между собой.

Несмотря на это, сходство основных характеристик позволяет отнести все группы к одному антропологическому типу. Исходный расовый компонент барабинских татар во многом аналогичен тому, который фиксируется

Таблица 29

Средние размеры и указатели черепов барабинских татар

№ по Мартину или условное обозначение	Абрамово 10		Малый Чуланкуль	Кыштовка		Льнозавод	
	♂	♀	♂	♂	♀	♂	♀
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Продольный диаметр (*g-op*)	183,1 (21)	174,3 (33)	178,4 (8)	181,3 (21)	176,6 (16)	180,0 (12)	171,2 (14)
8. Поперечный диаметр	146,1 (22)	138,6 (33)	145,9 (7)	145,6 (19)	139,5 (17)	144,1 (12)	135,5 (14)
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	134,4 (21)	127,8 (33)	133,3 (7)	131,4 (15)	128,8 (18)	129,3 (12)	123,1 (13)
20. Высотный диаметр (*po-b*)	115,7 (21)	109,2 (32)	113,8 (6)	112,0 (16)	110,4 (14)	113,1 (12)	108,9 (12)
8:1. Черепной указатель	79,8 (21)	79,6 (33)	81,4 (7)	80,2 (18)	78,9 (16)	80,1 (12)	79,2 (14)
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	73,5 (20)	73,3 (33)	74,3 (7)	72,4 (15)	73,2 (16)	71,9 (10)	71,7 (13)
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	92,2 (21)	92,3 (33)	91,4 (7)	89,9 (15)	92,4 (17)	89,9 (10)	90,6 (13)
5. Длина основания черепа	101,9 (21)	98,3 (33)	104,3 (7)	101,7 (14)	100,9 (16)	102,1 (10)	95,8 (12)
9. Наименьшая ширина лба	95,0 (22)	91,9 (34)	95,7 (9)	94,4 (21)	93,4 (21)	95,3 (12)	90,9 (14)
40. Длина основания лица	99,7 (21)	96,6 (32)	103,3 (6)	102,4 (12)	99,1 (16)	101,7 (10)	94,8 (8)
40:5. Указатель выступания лица	97,9 (21)	98,7 (32)	99,3 (6)	100,5 (12)	98,2 (15)	99,6 (10)	99,6 (8)
45. Скуловой диаметр	142,0 (22)	132,5 (31)	139,7 (7)	140,4 (17)	131,4 (18)	136,5 (12)	125,9 (12)
48. Верхняя высота лица	72,4 (22)	66,6 (33)	71,7 (7)	70,7 (14)	68,6 (21)	72,4 (10)	65,9 (8)
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	97,2 (22)	95,5 (31)	95,8 (7)	96,4 (17)	93,9 (17)	94,8 (12)	92,7 (12)
72. Общий лицевой угол	86,5 (22)	85,2 (33)	85,0 (6)	85,8 (12)	87,0 (10)	85,6 (10)	85,8 (8)
74. Угол альвеолярной части	79,8 (22)	77,1 (33)	78,8 (6)	77,8 (11)	80,0 (10)	77,7 (10)	77,6 (8)
77. Назомалярный угол	144,0 (22)	145,5 (34)	141,4 (8)	144,3 (18)	143,1 (17)	142,3 (12)	142,0 (12)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	133,8 (21)	134,5 (33)	133,3 (7)	133,9 (14)	134,0 (15)	134,6 (10)	131,9 (8)
51. Ширина орбиты от *mf*.	44,2 (20)	42,0 (33)	44,1 (8)	42,9 (15)	42,3 (17)	43,3 (10)	41,8 (10)
52. Высота орбиты	34,0 (21)	32,8 (33)	33,2 (8)	32,5 (15)	33,2 (16)	34,1 (10)	34,7 (10)
55. Высота носа	53,7 (22)	49,6 (33)	53,0 (7)	52,3 (15)	50,0 (21)	53,7 (10)	49,8 (8)
54. Ширина носа	26,2 (22)	24,9 (33)	26,6 (7)	26,6 (16)	25,2 (21)	26,5 (10)	25,6 (8)
75(1). Угол выступания носа	20,9 (21)	17,4 (32)	22,0 (7)	17,2 (13)	18,0 (13)	16,9 (10)	14,9 (8)
SC. Симотическая ширина	7,4 (20)	7,2 (32)	8,3 (8)	8,2 (12)	7,8 (13)	7,3 (10)	7,7 (11)
SS. Симотическая высота	3,6 (20)	2,8 (32)	3,7 (8)	3,2 (12)	3,1 (13)	3,3 (10)	2,5 (11)
SS:SC. Симотический указатель	50,2 (20)	41,3 (32)	47,0 (8)	40,1 (12)	41,3 (13)	45,8 (10)	33,8 (11)
DC. Дакриальная ширина	24,1 (21)	20,4 (32)	21,9 (7)	21,3 (11)	20,9 (11)	21,5 (9)	21,1 (10)
DS. Дакриальная высота	10,0 (21)	8,4 (32)	9,8 (7)	9,2 (11)	9,2 (11)	8,9 (9)	8,3 (10)
DS:DC. Дакриальный указатель	46,6 (21)	41,2 (32)	45,0 (7)	43,4 (11)	44,0 (11)	41,2 (9)	38,7 (10)

Окончание табл. 29

№ по Мартину или условное обозначение	Гжатск		Кайлы-Угурманка		Суммарно	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	9	10	11	12	13	14
1. Продольный диаметр (*g-op*)	181,8 (29)	173,1 (49)	186,0 (11)	173,5 (13)	181,9 (102)	173,7 (125)
8. Поперечный диаметр	142,2 (29)	135,9 (48)	142,2 (10)	138,6 (13)	144,2 (99)	137,3 (125)
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	130,5 (28)	125,8 (47)	137,9 (11)	127,0 (13)	132,4 (94)	126,6 (124)
20. Высотный диаметр (*po-b*)	113,0 (29)	109,3 (47)	115,6 (10)	108,7 (12)	113,8 (94)	109,3 (117)
8:1. Черепной указатель	78,3 (29)	78,5 (48)	76,4 (10)	80,0 (13)	79,2 (97)	79,1 (124)
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	71,8 (28)	72,7 (47)	74,2 (11)	73,3 (13)	72,8 (91)	72,9 (122)
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	91,8 (28)	92,8 (46)	97,0 (10)	91,6 (13)	91,9 (91)	92,2 (122)
5. Длина основания черепа	103,6 (27)	97,1 (46)	105,1 (11)	96,8 (13)	103,0 (90)	97,8 (120)
9. Наименьшая ширина лба	93,5 (28)	90,4 (49)	93,1 (11)	91,3 (13)	94,4 (103)	91,4 (131)
40. Длина основания лица	99,6 (27)	94,4 (44)	100,4 (11)	94,8 (13)	100,6 (87)	95,8 (113)
40:5. Указатель выступания лица	96,2 (27)	97,3 (44)	95,5 (11)	97,9 (13)	97,7 (87)	98,1 (112)
45. Скуловой диаметр	137,3 (28)	128,1 (47)	137,3 (11)	128,3 (12)	139,0 (97)	129,5 (120)
48. Верхняя высота лица	73,2 (25)	68,6 (45)	74,2 (11)	65,0 (13)	72,5 (89)	67,5 (120)
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	96,3 (27)	94,4 (47)	96,4 (10)	92,8 (12)	96,3 (95)	94,3 (119)
72. Общий лицевой угол	88,0 (27)	86,3 (45)	87,0 (11)	85,2 (12)	86,7 (88)	85,9 (108)
74. Угол альвеолярной части	82,4 (26)	79,4 (44)	80,0 (11)	75,5 (12)	80,0 (86)	78,2 (107)
77. Назомалярный угол	141,6 (28)	142,3 (49)	141,0 (11)	143,7 (13)	142,6 (99)	143,4 (125)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	132,7 (27)	133,1 (47)	130,4 (11)	132,7 (13)	134,6 (90)	133,5 (116)
51. Ширина орбиты от *mf*.	43,7 (27)	41,7 (49)	43,1 (11)	40,9 (13)	43,6 (91)	41,8 (122)
52. Высота орбиты	34,0 (27)	33,1 (49)	33,8 (11)	33,2 (13)	33,7 (92)	33,2 (121)
55. Высота носа	54,8 (27)	50,4 (48)	54,3 (11)	48,5 (13)	53,8 (92)	49,9 (123)
54. Ширина носа	26,2 (27)	25,5 (48)	24,4 (11)	25,2 (13)	26,1 (93)	25,3 (123)
75(1). Угол выступания носа	22,7 (27)	19,6 (46)	24,0 (11)	17,5 (13)	20,9 (89)	18,2 (112)
SC. Симотическая ширина	7,49 (28)	7,11 (49)	8,57 (11)	8,31 (13)	7,75 (89)	7,40 (118)
SS. Симотическая высота	4,22 (28)	2,90 (49)	4,12 (11)	3,42 (13)	3,78 (89)	2,91 (118)
SS:SC. Симотический указатель	58,5 (28)	41,8 (49)	48,9 (11)	41,8 (13)	50,5 (89)	40,9 (118)
DC. Дакриальная ширина	20,46 (27)	19,80 (49)	21,85 (11)	19,89 (13)	21,86 (86)	20,20 (115)
DS. Дакриальная высота	10,69 (27)	9,10 (49)	11,19 (11)	9,06 (13)	10,14 (86)	8,84 (115)
DS:DC. Дакриальный указатель	51,0 (27)	45,3 (49)	50,5 (11)	44,2 (13)	47,4 (86)	43,3 (115)

у тоболо-иртышских татар и томско-чулымских тюрков. Видимо, метисационные процессы наложили свой отпечаток на локальную специфику групп. Так, популяции из северной части Барабы (Кыштовка, Льнозавод) обладают некоторыми особенностями (низкий череп, слабовыступающий нос, невысокое лицо), сближающими их с угорским населением, причем в большей степени с тем, в составе которого заметна примесь либо тюркских, либо самодийских элементов — ханты Халас-Погора, Васюгана. В составе же населения центральной части Барабы, судя по брахикранной форме черепа, широкому лицу с более выступающим носом, фиксируется примесь, и видимо довольно значительная, южносибирского расового компонента, генетически связанного с Южной Сибирью и Казахстаном (Абрамово и Малый Чуланкуль). В конце XIX — начале XX в. в состав барабинских татар начинает вливаться тюркоязычное население Поволжья — казанские татары. Это привело к усилению горизонтальной профилированности лица, усилению степени выступания носа и переносья в популяциях, обитавших на территории Гжатска и Кайлы-Угурманки.

Тюркоязычное население, обитающее в бассейне нижней Томи в пределах Томской области, известно под названием ***томских татар***. Они являются потомками коренных тюркских племен, которых застали здесь русские в начале XVII в.

Томские татары сложились в процессе длительных контактов и слияния нескольких тюркоязычных групп, населявших нижнее течение р. Томи — эуштинцев (йаушталар), чатов (цаттыр), калмаков (калмактар). Ядром формирования томских татар явились эуштинцы. В 1604 г. эуштинский князец Тоян принял русское подданство, а в землях эуштинцев был построен г. Томск. Чаты в конце XVI и первой половине XVII в. населяли левобережье Оби между устьями рек Чауса и Кинды, во второй половине XVII в. они начали переселяться на нижнюю Томь, разделившись на две группы — обскую, занимавшую места в пойме Оби по рекам Уень и Таган, и томскую, освоившую левобережье Томи южнее г. Томска. Калмаки — потомки телеутов, осевших на территории Томского уезда в 60-е годы XVII в. Установившиеся между эуштинцами, чатами и калмаками близкие хозяйственно-культурные и родственные связи привели к нивелированию языковых различий и появлению общего языка томских татар — старого томско-тюркского наречия, в котором соединились черты, тяготеющие к барабинскому и тоболо-иртышскому наречиям, шорскому и алтайскому языкам [Дульзон, 1956; Абдрахманов, 1959; Тумашева, 1968; Дрёмов, 1990а, 1998б].

К северо-западу от чатов и эуштинцев на Оби и ее левом притоке Шегарке в конце XVII — начале XVIII в. возникла большая группа так называемых обских татар. В их состав вошли некоторые местные тюркские элементы. Но основную массу предков обских татар составляли самодийцы, ассимиляция которых тюрками привела к появлению таких групп обских татар, как шегарская и провско-соргулинская [Томилов, 1981].

В районе г. Томска, на левой стороне р. Томи известен курганный могильник XVI–XVII вв. Тоянов Городок. Он действительно расположен на территории бывших владений князца Тояна и его принадлежность эуш-

тинцам не вызывает особых сомнений. Раскопки курганов этого могильника проводились начиная с конца XIX в. многими учеными (подробнее см.: [Дрёмов, 1990а]).

С низовий Томи имеется еще одна представительная краниологическая серия XVI–XVIII вв., полученная при раскопках курганного могильника у дер. Козюлино Л.М. Плетнёвой в 1980–1983 гг. Два черепа происходят из раскопок И.М. Мягкова 1925 г. Вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего Козюлинский могильник, сложен. Однако имеющиеся в исторической и этнографической литературе данные убеждают, что его также следует связать с эуштинцами.

По обским татарам составилась сборная серия из ряда могильников, расположенных по Оби на юге Томской области.

Период развитого средневековья представляет исключительный интерес для реконструкции процессов расообразования современных этносов. В результате археологических исследований в Томском Приобье изучено несколько могильников эпохи средневековья, позволивших реконструировать особенности культурогенеза во второй половине II тыс. н.э., — Басандайка, Тоянов Городок (Тимирязевский могильник), Козюлино [Плетнёва, 1990] и др. Антропологический материал из этих могильников неоднократно изучался [Чугунов, 1902; Дебец, 1948; Дрёмов, 1990а]. Данные археологии и антропологии свидетельствуют, что материальная культура и антропологические черты могут быть связаны с этногенезом современного тюркоязычного населения Нижнего Притомья. Однако антропологический тип современных томских тюрков сформировался поздно (в XVIII — начале XIX в.) и мало отражает более ранние этапы их расообразования. Подробно изученные выборки из могильников Тоянов Городок и Козюлино [Дрёмов, 1990а] указывают на сложный состав групп, причем в составе серии из Тоянова Городка более отчетливо прослеживается примесь южносибирских элементов, тогда как козюлинская сохраняет черты местного автохтонного населения. Сопоставление поздних краниологических серий с материалами начала II тыс. н.э. (Басандайка) позволило сделать вывод о том, что население Нижнего Притомья этого времени обнаруживает расогенетическую близость с населением сросткинской культуры [Ким, 1987; Багашёв, 2003], которую этнически связывают с кимако-кыпчакскими племенами [Савинов, 1984]. В антропологии это проявляется в морфологическом сходстве серии из Басандайки с серией из могильника Ур-Бедари. Доля южносибирского компонента преобладает в этих группах, но существенно уменьшается в составе томских татар XVIII–XIX вв. (особенно из Козюлино), преобладающим же становится антропологический комплекс, характерный для местного автохтонного населения, определяющего особенности физического облика нарымских селькупов и чулымцев [Багашёв, 1988, 1993а, 2000]. Однако ответить на вопрос, когда прекращается на территорию Нижнего Притомья приток южносибирского населения, возможно лишь при изучении краниологических материалов середины II тыс. н.э. В этом плане интерес представляет могильник Астраханцево, расположенный в Шегарском районе Томской области, погребения которого датируются XIII–XIV вв. По особенностям погребальной

обрядности и сопровождающему погребения инвентарю он близок памятникам Томского Приобья и Казахстана, оставленным поздними кочевниками, несомненно и наследие сросткинской культуры [Плетнёва, 1997].

Анализ серии черепов из Астраханцево [Багашёв, 2003] показал, что по степени выраженности признаков, дифференцирующих монголоидные и европеоидные группы, выборка может быть отнесена к кругу смешанных. В строении лицевого скелета сочетаются большая ширина с относительно небольшой высотой, слабое выступание носа при средней высоте переносья, что в целом отмечается для других выборок из средневековых могильников Нижнего Притомья (табл. 30).

Наименьшее расхождение по сумме признаков серия из Астраханцево обнаруживает с черепами из могильника Тоянов Городок, а также с выборкой по барабинским татарам из могильника Абрамово и аялынской группой тоболо-иртышских татар. Все три вышеназванные группы объединяет наличие заметной примеси в их составе южносибирских элементов при едином субстратном антропологическом пласте [Дрёмов, 1990а; Ким, 1990; Багашёв, 1990]. Различия с нарымскими селькупами и чулымскими тюрками также невелики, что, несомненно, указывает на наличие в составе астраханцевской серии антропологического компонента местного происхождения, но его удельный вес значительно меньше. Астраханцево в целом занимает промежуточное положение между группами томско-нарымского варианта обь-иртышской группы популяций и популяциями алтае-саянского варианта южносибирской расы.

По краниометрическим данным черепа эуштинцев из могильника Тоянов Городок характеризуются короткой, довольно широкой, брахикранной, умеренно высокой черепной коробкой (табл. 30). Лицо их не очень широкое, средневысокое, относительно низкое, среднеуплощенное, угол носовых костей и высота переносья средние. В целом материал свидетельствует о том, что могильник оставлен смешанным населением, занимающим промежуточное положение между типичными европеоидными и монголоидными группами. По степени уплощенности лица и выступания носа оно мало отличается от соседних групп — нарымских селькупов, чулымцев, а также от хакасов и казахов [Дрёмов, 1998б].

Черепа козюлинского могильника в целом близки тояновским. Некоторые различия между ними все же имеются. В козюлинской серии черепная коробка более длинная и несколько менее широкая, особенно заметны расхождения двух серий по выступанию носа: у козюлинских черепов угол носовых костей намного меньше, хотя переносье более высокое (табл. 30). Можно предполагать, следовательно, участие в формировании населения, оставившего Козюлинский могильник, двух типов, один из которых характеризовался брахикранной черепной коробкой, более крупным и сильнее уплощенным лицом и одновременно более высоким переносьем, а другой — противоположными особенностями.

Таким образом, внутригрупповой анализ обеих серий свидетельствует о смешанном происхождении томских татар-эуштинцев. Речь, очевидно, должна идти не столько о древнем смешении европеоидов и монголоидов, лежащем в основе формирования народов Западной и Южной Сибири,

Таблица 30

Средние размеры и указатели черепов томских татар

№ по Мартину или условное обозначение	Астраханцево		Тоянов Городок		Козюлино		Обские татары	Суммарно	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♂	♀
1. Продольный диаметр (*g-op*)	181,5 (24)	171,3 (20)	176,1 (26)	169,1 (17)	178,8 (16)	172,5 (18)	179,6 (10)	178,8 (76)	171,0 (55)
8. Поперечный диаметр	146,3 (27)	140,6 (18)	144,8 (27)	138,7 (20)	143,6 (16)	138,6 (18)	144,2 (9)	145,0 (79)	139,3 (56)
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	133,2 (25)	126,3 (20)	131,0 (24)	125,7 (17)	130,5 (13)	126,9 (14)	130,8 (8)	131,7 (70)	126,3 (51)
20. Высотный диаметр (*po-b*)	115,2 (27)	110,7 (18)	113,7 (18)	107,6 (10)	111,7 (11)	107,2 (14)	114,8 (8)	114,1 (64)	108,8 (42)
8:1. Черепной указатель	81,1 (24)	82,2 (18)	82,3 (25)	82,1 (17)	79,8 (13)	80,8 (15)	81,0 (9)	81,3 (71)	81,7 (50)
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba.*	73,3 (23)	73,9 (19)	74,6 (22)	74,1 (15)	73,3 (12)	73,8 (14)	73,4 (8)	73,8 (65)	73,9 (48)
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba.*	91,5 (25)	89,8 (18)	90,9 (24)	91,0 (17)	91,7 (11)	92,5 (12)	90,9 (8)	91,2 (68)	90,9 (47)
5. Длина основания черепа	101,6 (25)	96,0 (20)	101,2 (24)	95,7 (16)	103,0 (13)	97,4 (14)	99,1 (9)	101,4 (71)	96,3 (50)
9. Наименьшая ширина лба	95,0 (40)	91,8 (26)	94,9 (27)	89,9 (19)	95,2 (31)	92,6 (26)	96,1 (13)	95,2 (111)	91,6 (71)
40. Длина основания лица	99,8 (20)	93,9 (19)	98,0 (18)	95,2 (12)	101,2 (13)	96,3 (14)	100,6 (7)	99,7 (58)	95,0 (45)
40:5. Указатель выступания лица	98,1 (20)	97,8 (19)	96,4 (18)	100,0 (11)	98,2 (13)	98,9 (14)	100,9 (7)	97,9 (58)	98,7 (44)
45. Скуловой диаметр	141,3 (27)	130,2 (17)	138,2 (24)	126,9 (14)	140,2 (20)	130,4 (12)	139,5 (8)	139,9 (79)	129,2 (43)
48. Верхняя высота лица	72,3 (39)	67,0 (26)	69,5 (21)	64,1 (17)	69,4 (27)	63,8 (23)	70,0 (11)	70,6 (98)	65,1 (66)
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	97,2 (23)	93,8 (15)	95,8 (24)	92,0 (14)	97,7 (13)	94,4 (12)	97,0 (7)	96,8 (67)	93,4 (41)
72. Общий лицевой угол	86,5 (25)	86,3 (19)	86,3 (15)	83,7 (7)	84,9 (14)	83,5 (14)	83,7 (7)	85,8 (61)	84,9 (40)
74. Угол альвеолярной части	80,8 (23)	81,8 (18)	79,7 (15)	71,4 (7)	77,7 (14)	74,4 (14)	73,7 (7)	78,9 (59)	77,3 (39)
77. Назомалярный угол	143,7 (40)	145,0 (25)	142,2 (22)	143,8 (16)	145,4 (30)	145,1 (25)	145,1 (12)	144,0 (104)	144,7 (66)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	132,9 (31)	132,8 (22)	134,9 (20)	136,8 (11)	138,9 (24)	135,9 (19)	134,6 (9)	135,3 (84)	134,8 (52)
51. Ширина орбиты от *mf.*	43,8 (43)	41,8 (26)	43,5 (21)	41,6 (16)	44,1 (28)	42,3 (24)	43,3 (11)	43,8 (103)	41,9 (66)
52. Высота орбиты	34,7 (43)	33,8 (26)	34,1 (25)	32,4 (18)	33,4 (28)	32,8 (24)	33,0 (11)	34,0 (107)	33,1 (68)
55. Высота носа	52,7 (40)	49,6 (26)	51,5 (25)	47,3 (19)	50,6 (27)	47,5 (23)	51,5 (11)	51,7 (103)	48,2 (68)
54. Ширина носа	25,9 (34)	25,1 (26)	25,6 (25)	24,2 (17)	27,0 (26)	25,5 (22)	26,5 (11)	26,2 (96)	25,0 (65)
75(1). Угол выступания носа	21,0 (33)	17,7 (23)	22,6 (14)	21,2 (8)	17,9 (22)	17,2 (16)	19,7 (10)	20,3 (79)	18,1 (47)
SC. Симотическая ширина	7,9 (39)	6,9 (25)	8,23 (20)	7,52 (14)	7,31 (30)	7,48 (24)	7,58 (10)	7,76 (99)	7,26 (63)
SS. Симотическая высота	3,5 (37)	2,8 (25)	3,04 (19)	2,64 (13)	3,38 (29)	2,83 (23)	3,00 (10)	3,32 (95)	2,78 (61)
SS:SC. Симотический указатель	44,1 (37)	41,3 (25)	38,5 (19)	34,6 (13)	46,4 (29)	39,5 (23)	39,7 (10)	43,2 (95)	39,3 (61)
DC. Дакриальная ширина	21,1 (36)	19,8 (25)	21,17 (26)	19,56 (17)	21,58 (27)	20,02 (21)	21,53 (10)	21,29 (99)	19,81 (63)
DS. Дакриальная высота	10,6 (35)	9,9 (25)	10,18 (19)	9,21 (13)	10,58 (26)	9,51 (20)	11,25 (10)	10,58 (90)	9,61 (58)
DS:DC. Дакриальный указатель	50,8 (35)	50,7 (25)	48,0 (19)	47,1 (13)	49,6 (26)	48,8 (20)	53,5 (10)	50,2 (90)	49,2 (58)

сколько о взаимодействии различных, сложившихся на этой территории промежуточных расовых вариантов. Черепа обских татар морфологически сходны с черепами томских татар, особенно с козюлинскими.

Чулымцы — древнее тюркоязычное население бассейна р. Чулым (правого притока Оби) в пределах Томской области. В начале XVII в. чулымцы проживали по нижнему и среднему течению Чулыма и по его притокам Яя и Кия и представляли из себя «неопределенную группу родов» [Долгих, 1960]. Общего самоназвания чулымцы, видимо, никогда не имели, в настоящее время вместо него употребляют выражение «пистинг кижи — наш человек» [Дульзон, 1952]. Соматологические особенности чулымцев подробно описаны Г.А. Аксяновой [1991].

Краниологический материал по чулымским тюркам довольно обширен. Имеется 115 мужских и 100 женских черепов, происходящих из 27 поздних могильников и кладбищ. Первые раскопки курганов XVI–XVII вв. на Чулыме были проведены В.В. Радловым в 1863 г. Большой материал получен в результате раскопок А.П. Дульзона, Е.М. Пеняева и Н.С. Розова в 1946–1950 гг. Они опубликованы частично Г.Ф. Дебецем [1948] и подробно Н.С. Розовым [1956а]. Большой материал по чулымцам среднего Чулыма собран А.Р. Кимом, В.А. Дрёмовым, Р.А. Ураевым и О.Б. Беликовой. В соответствии с территориальным размещением и историко-этнографическими данными черепа объединены в пять достаточно представительных серий (подробнее о группировке материалов см.: [Дрёмов, 1991а]): 1) серия из могильника Ясашная Гора; 2) серия из могильников Тургай и Балагачево; 3) сборная серия из низовий рек Яя и Кия; 4) сборная серия из могильников среднего Чулыма; 5) серия из кладбища у бывшей дер. Рубеж.

Территориальные краниологические серии чулымских тюрков в целом близки между собой. Их объединяют общая грацильность строения, небольшая высота мезо-брахикранной черепной коробки, невысокое, относительно низкое и умеренно уплощенное, орто-мезогнатное лицо, средняя высота переносья и слабое выступание носовых костей над линией лицевого профиля (табл. 31). Черепа из района Яи и Кии выделяются более широким лицом, у черепов Рубежа, Тургая и Балагачево отмечается малая высота лица, черепа Тургая и Балагачево характеризуются при этом наиболее широкой и брахикранной черепной коробкой, а черепа Рубежа — минимальными величинами углов горизонтального лицевого профиля и одновременно наименьшим углом выступания носа. Различия групп отчасти, по-видимому, отражают случайную дифференциацию, но отчасти, как мы увидим дальше, объясняются включением в состав чулымцев разных расовых компонентов [Дрёмов, 1991а, 1998б].

Наиболее своеобразна серия с территории Рубежа, но ее отличия от остальных в значительной мере идут в направлении усиления специфических «чулымских» черт: снижения высоты лица, сочетания умеренной горизонтальной профилировки лица и средней высоты переносья со слабым выступанием носовых костей. Дисперсно эти признаки прослеживаются в других группах: малая высота лица — в Тургае и Балагачево, специфическое сочетание признаков уплощенности лицевого скелета — у

Таблица 31

Средние размеры и указатели черепов чулымских тюрков

№ по Мартину или условное обозначение	Ясашная Гора		Тургай и Балагачево		Устья рек Яя и Кия	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	2	3	4	5	6	7
1. Продольный диаметр (*g-op*)	178,5 (31)	169,2 (20)	177,4 (14)	169,1 (11)	178,2 (20)	171,8 (23)
8. Поперечный диаметр	138,7 (31)	132,9 (19)	144,9 (15)	140,2 (12)	143,9 (20)	138,1 (23)
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	131,3 (31)	125,6 (19)	130,5 (15)	125,4 (11)	132,8 (20)	128,1 (22)
20. Высотный диаметр (*po-b*)	111,4 (30)	106,7 (19)	111,4 (16)	106,1 (8)	112,4 (20)	109,4 (21)
8:1. Черепной указатель	78,0 (30)	78,9 (19)	81,8 (14)	83,0 (11)	80,9 (20)	80,5 (23)
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	73,7 (30)	74,8 (18)	73,8 (14)	74,2 (11)	74,6 (19)	74,6 (22)
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	94,5 (30)	94,6 (18)	90,5 (14)	89,7 (11)	92,3 (19)	93,1 (22)
5. Длина основания черепа	99,1 (31)	93,4 (20)	99,3 (15)	96,4 (10)	101,0 (20)	95,4 (22)
9. Наименьшая ширина лба	93,3 (31)	90,5 (24)	93,3 (18)	92,3 (13)	95,0 (22)	93,9 (24)
40. Длина основания лица	96,7 (29)	92,6 (18)	96,2 (13)	94,7 (10)	99,6 (18)	92,8 (19)
40:5. Указатель выступания лица	97,6 (29)	99,5 (18)	97,5 (13)	98,3 (10)	99,0 (18)	97,4 (19)
45. Скуловой диаметр	134,0 (27)	126,3 (18)	135,9 (15)	127,7 (10)	139,5 (21)	128,6 (22)
48. Верхняя высота лица	69,6 (31)	65,0 (22)	67,7 (16)	64,2 (12)	71,4 (20)	64,9 (24)
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	96,5 (26)	95,1 (17)	93,9 (14)	91,8 (10)	96,6 (20)	93,4 (22)
72. Общий лицевой угол	84,3 (28)	82,3 (19)	84,3 (13)	83,8 (9)	84,2 (19)	84,6 (21)
74. Угол альвеолярной части	74,4 (28)	71,7 (19)	74,5 (13)	73,9 (9)	78,6 (19)	77,3 (20)
77. Назомалярный угол	143,4 (27)	144,0 (23)	144,9 (17)	143,4 (13)	145,1 (22)	144,1 (23)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	133,6 (27)	134,7 (18)	136,0 (15)	134,8 (10)	135,2 (19)	135,1 (21)
51. Ширина орбиты от *mf*.	42,5 (30)	40,5 (22)	43,3 (17)	41,5 (13)	43,7 (21)	41,3 (23)
52. Высота орбиты	33,6 (30)	33,0 (22)	33,4 (17)	33,8 (12)	33,8 (21)	33,1 (24)
55. Высота носа	51,6 (31)	47,5 (22)	50,2 (17)	47,6 (12)	51,7 (21)	48,0 (24)
54. Ширина носа	25,9 (31)	25,1 (21)	25,2 (17)	24,8 (12)	26,3 (21)	24,7 (24)
75(1). Угол выступания носа	20,0 (28)	17,7 (21)	22,1 (14)	17,2 (10)	20,1 (19)	18,7 (22)
SC. Симотическая ширина	8,38 (32)	8,52 (20)	7,10 (17)	8,93 (13)	8,43 (21)	7,56 (23)
SS. Симотическая высота	3,33 (32)	2,88 (20)	2,65 (17)	2,66 (13)	3,60 (21)	3,35 (22)
SS:SC. Симотический указатель	40,6 (32)	34,9 (20)	35,3 (17)	29,7 (13)	44,9 (21)	44,6 (22)
DC. Дакриальная ширина	21,17 (31)	20,48 (21)	20,49 (16)	20,62 (13)	22,52 (20)	20,95 (23)
DS. Дакриальная высота	10,51 (30)	9,60 (20)	10,61 (16)	9,18 (13)	10,92 (20)	10,05 (22)
DS:DC. Дакриальный указатель	50,2 (30)	47,1 (20)	52,0 (16)	44,8 (13)	48,8 (20)	48,7 (22)

Окончание табл. 31

№ по Мартину или условное обозначение	Средний Чулым		Рубеж		Суммарно	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	8	9	10	11	12	13
1. Продольный диаметр (*g-op*)	176,3 (19)	167,0 (8)	178,5 (15)	170,3 (26)	177,9 (99)	170,0 (88)
8. Поперечный диаметр	141,7 (21)	136,1 (8)	140,8 (17)	136,3 (26)	141,5 (104)	136,5 (88)
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	130,6 (18)	124,6 (7)	132,2 (15)	127,0 (25)	131,5 (99)	126,6 (84)
20. Высотный диаметр (*po-b*)	111,2 (20)	106,4 (8)	113,4 (17)	110,2 (26)	111,9 (103)	108,4 (82)
8:1. Черепной указатель	80,4 1(9)	81,6 (8)	78,6 (14)	80,2 (26)	79,6 (87)	80,5 (87)
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	74,5 (16)	74,7 (7)	74,2 (14)	74,6 (25)	74,1 (93)	74,6 (83)
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	92,5 (18)	92,1 (7)	94,7 (15)	93,4 (25)	93,1 (96)	93,0 (83)
5. Длина основания черепа	100,2 (16)	93,3 (7)	100,7 (14)	93,7 (25)	99,9 (96)	94,4 (84)
9. Наименьшая ширина лба	92,1 (20)	92,4 (10)	94,5 (16)	90,2 (25)	93,6 (107)	91,7 (96)
40. Длина основания лица	99,0 (14)	91,8 (6)	96,9 (8)	91,8 (14)	97,7 (82)	92,7 (67)
40:5. Указатель выступания лица	99,0 (14)	98,0 (6)	98,1 (8)	98,4 (14)	98,2 (82)	98,4 (67)
45. Скуловой диаметр	133,9 (18)	125,2 (8)	134,7 (14)	123,8 (25)	135,6 (95)	126,2 (83)
48. Верхняя высота лица	69,9 (14)	64,0 (9)	66,9 (9)	64,8 (16)	69,4 (90)	64,7 (83)
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	95,1 (18)	92,0 (8)	96,4 (14)	90,9 (25)	95,8 (92)	92,7 (82)
72. Общий лицевой угол	84,1 (14)	84,9 (7)	83,8 (9)	85,9 (13)	84,2 (83)	84,2 (69)
74. Угол альвеолярной части	75,7 (13)	76,0 (7)	77,1 (8)	73,6 (13)	75,9 (81)	74,4 (68)
77. Назомалярный угол	145,4 (17)	145,3 (8)	141,0 (15)	142,5 (25)	144,0 (98)	143,6 (92)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	132,4 (13)	132,7 (6)	131,2 (10)	135,5 (13)	133,9 (84)	134,8 (68)
51. Ширина орбиты от *mf*.	42,4 (15)	40,1 (9)	41,9 (13)	40,6 (20)	42,8 (96)	40,8 (87)
52. Высота орбиты	33,4 (16)	33,1 (9)	32,3 (13)	33,0 (22)	33,4 (97)	33,1 (89)
55. Высота носа	51,9 (13)	46,8 (9)	50,0 (11)	48,2 (17)	51,2 (93)	47,7 (84)
54. Ширина носа	26,1 (13)	24,3 (9)	25,3 (11)	24,3 (16)	25,8 (93)	24,7 (82)
75(1). Угол выступания носа	18,8 (13)	17,7 (7)	18,0 (8)	14,5 (13)	20,0 (82)	17,4 (73)
SC. Симотическая ширина	7,33 (16)	9,01 (10)	8,90 (15)	7,65 (19)	8,09 (101)	8,19 (85)
SS. Симотическая высота	3,26 (16)	3,27 (10)	3,79 (15)	3,02 (18)	3,33 (101)	3,05 (83)
SS:SC. Симотический указатель	44,9 (16)	36,9 (10)	42,8 (15)	39,7 (18)	41,6 (101)	37,9 (83)
DC. Дакриальная ширина	21,49 (16)	21,48 (8)	22,25 (11)	20,54 (17)	21,52 (94)	20,74 (82)
DS. Дакриальная высота	10,09 (16)	8,68 (8)	10,27 (11)	9,61 (15)	10,51 (93)	9,56 (78)
DS:DC. Дакриальный указатель	47,9 (16)	41,0 (8)	46,4 (11)	46,7 (15)	49,9 (93)	46,5 (78)

черепов Ясашской Горы и среднего Чулыма. В сущности, это тенденции, проявляющиеся у угорских и южносамодийских народов таежной зоны Западной Сибири.

По степени относительной близости чулымских групп между собой наибольшее сходство проявляется между чулымцами среднего Чулыма и Ясашной Горы, а также среднего Чулыма и Яи, Кии. Эти три группы в антропологическом отношении образуют ядро чулымской общности как наиболее типичные ее представители.

Из хакасских групп наибольший интерес для сравнения с чулымскими сериями представляют кызыльцы, исторически тесно связанные с чулымцами. Сопоставление показало, что кызыльцы морфологически довольно близки чулымцам и по антропологическим особенностям являются как бы связующим звеном между чулымцами и хакасами [Ким, 1987; Дрёмов, 1991а, 1998б].

В целом следует отметить большую близость антропологического типа томских татар и чулымцев, что подтверждается детальным морфологическим анализом краниологических серий. Предки современных томских татар, жившие в XVI–XVII вв., и чулымские тюрки с полным правом могут быть отнесены к одному антропологическому типу. В то же время томские татары, характеризующиеся более брахикранным черепом, более широким лицом и сильнее выступающим носом, несколько отклоняются в направлении южносибирских тюркских групп.

1.2. Обские угры

По ***южным*** (***иртышским***) ***хантам***, являющимся этнолингвистической группой обских угров, имеются две краниологические серии: из могильника в Нижнем Прииртышье у бывшей дер. Чага (Чагинские (Согомские) юрты на р. Согом) [Багашёв, 1991] и из могильника Алымка в Уватском Прииртышье [Багашёв, Антонов, 2002].

Реконструкция антропологического типа иртышских хантов в настоящее время может быть реализована только по материалам из средневековых могильников, локализованных в ареале их былого расселения. Выявление особенностей антропологии иртышских хантов имеет значение для определения очага формирования комплекса антропологических признаков, характерных для этой этнолингвистической группы обских угров, в настоящее время полностью ассимилированных.

В конце XIX в. Чагинские (Согомские) юрты входили в Колпукольскую инородческую волость Березовского округа, одновременно часть населения была приписана к Самаровской волости Тобольского округа [Патканов, 1911, с. 29]. По сообщениям жителей пос. Базьяны, в XIX — начале XX в. хантов из Базьяновских юрт (Темличевская волость) очень часто, особенно при высокой воде, хоронили на кладбище Чагинских юрт. По Б.О. Долгих [1960], Чагинские юрты располагались на границе Белогорской, Темличевской и Колпукольской волостей в XVII в., что затрудняет точную этническую привязку краниологических материалов к конкретной

группе хантов. По языку ханты Нижнего Прииртышья и прилегающего к устью Иртыша участка нижней Оби относились к южной диалектной области [Хайду, 1985], поэтому краниологические материалы из Чаги могут быть идентифицированы с южными хантами.

Строение черепов иртышских хантов из Чаги имеет несколько особенностей: ярко выраженная долихокрания при малой высоте свода черепа и небольшой длине его основания; узкое (особенно на фоне других западносибирских серий) и низкое лицо с широкими орбитами; умеренная горизонтальная уплощенность лица и средневысокое переносье (по симотическим и дакриальным размерам) сочетаются с очень малым углом носа к вертикальному профилю (табл. 32).

Морфологические особенности чагинской серии сближают ее в первую очередь с черепами обских угров, особенно из Мужи, черепами манси с Северной Сосьвы, а также с коурдакской группой тоболо-иртышских татар [Багашёв, 1991]. Единственное, что не имеет аналогии в Западной Сибири — это ширина лица. Узкое лицо, характерное для хантов Иртыша, резко отделяет их от сопредельных групп, хотя некоторые из них — ханты с. Мужи, р. Салым, коурдакские татары и манси — наиболее узколицы из западносибирских популяций. Небезынтересна в этой связи уже отмеченная тенденция уменьшения ширины лица и в целом черепа, распространенная от низовий Оби к югу [Руденко, 1914] и от Нарымского Приобья к северу [Дрёмов, 1984]. Таким образом, вполне отчетливо вырисовывается, что очаг наибольшей узколицести и долихокранности в Западной Сибири расположен в низовьях Иртыша и прилегающих к его устью участках Оби.

Более южная выборка по иртышским хантам из могильника Алымка немногочисленна и, видимо, в силу этого имеет довольно своеобразную морфологию. Средние размеры мозговой коробки характеризуются большой величиной продольного и малой величиной поперечного диаметров, черепа долихокранные. Высота мозговой коробки варьирует в пределах

Таблица 32

Средние размеры и указатели черепов южных хантов из могильника Чага

Признак, № по Мартину или условное обозначение	♂			♀		
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	2	3	4	5	6	7
1. Продольный диаметр (*g-op*)	184,1	17	7,0	175,2	25	6,4
8. Поперечный диаметр	135,2	17	4,2	131,7	25	3,8
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	128,2	17	3,1	123,4	24	6,1
20. Высотный диаметр (*po-b*)	110,8	16	2,8	107,2	24	4,1
8:1. Черепной указатель	73,6	17	4,0	75,2	25	3,2
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	69,8	17	3,6	70,4	23	3,8
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	94,9	17	3,2	93,8	23	5,4
5. Длина основания черепа	98,4	17	4,2	93,4	20	5,7
11. Ширина основания черепа	123,1	17	4,1	119,0	25	4,3
9. Наименьшая ширина лба	93,7	19	5,2	90,5	22	4,0
10. Наибольшая ширина лба	115,1	18	4,0	111,4	22	4,4

Окончание табл. 32

1	2	3	4	5	6	7
9:8. Лобно-поперечный указатель	69,6	17	3,6	68,8	21	3,1
32. Угол профиля лба от *n*.	77,5	11	3,0	79,8	17	3,3
GM/FH. Угол профиля лба от *g*.	70,8	11	2,9	73,3	17	3,4
12. Ширина затылка	110,5	17	4,0	106,8	25	3,7
40. Длина основания лица	99,5	12	5,1	94,8	17	4,6
40:5. Указатель выступания лица	101,2	12	5,0	100,0	17	2,9
43. Верхняя ширина лица	102,7	19	4,9	97,9	21	3,7
46. Средняя ширина лица	95,5	13	5,1	91,6	16	3,7
45. Скуловой диаметр	128,7	18	4,3	123,7	23	3,1
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	95,2	17	2,4	93,8	23	2,9
9:45. Лобно-скуловой указатель	73,0	18	3,3	73,7	20	3,0
48. Верхняя высота лица	67,9	15	2,5	64,5	20	4,0
47. Полная высота лица	115,8	11	3,3	108,6	17	5,8
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	53,1	13	2,6	51,7	19	2,9
48:45. Верхний лицевой указатель	53,1	14	2,4	52,3	19	3,0
47:45. Общий лицевой указатель	89,6	10	3,7	88,1	17	4,5
72. Общий лицевой угол	82,6	10	3,7	83,2	17	2,1
73. Средний лицевой угол	85,9	10	2,9	86,5	17	2,4
74. Угол альвеолярной части	73,3	9	6,3	73,4	17	3,7
77. Назомалярный угол	141,9	19	4,4	142,7	19	3,2
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	134,2	10	1,7	133,7	13	5,0
51. Ширина орбиты от *mf*.	43,4	19	2,1	41,7	19	2,1
51a. Ширина орбиты от *d*.	39,5	17	1,8	38,2	17	2,1
52. Высота орбиты	33,8	19	2,5	33,3	18	1,3
52:51. Орбитный указатель от *mf*.	78,0	19	5,9	80,0	18	4,0
52:51a. Орбитный указатель от *d*.	84,9	17	6,0	87,5	17	5,1
55. Высота носа	49,1	15	2,4	46,8	19	1,8
54. Ширина носа	25,8	16	2,1	25,1	20	1,5
54:55. Носовой указатель	52,3	15	3,5	53,6	19	3,5
75. Угол наклона носовых костей	67,7	10	4,1	69,8	17	4,0
75(1). Угол выступания носа	14,7	13	2,9	13,4	18	2,7
SC. Симотическая ширина	7,52	16	1,7	7,07	18	1,6
SS. Симотическая высота	3,02	16	0,8	2,81	18	0,7
SS:SC. Симотический указатель	40,4	16	5,6	41,1	18	11,4
DC. Дакриальная ширина	20,67	16	1,4	19,96	16	2,3
DS. Дакриальная высота	9,58	16	1,1	9,00	16	1,6
DS:DC. Дакриальный указатель	46,5	16	5,3	45,5	16	9,2
FC. Глубина клыковой ямки	3,16	9	1,2	3,58	11	2,0
62. Длина нёба	45,3	10	2,2	43,2	16	2,6
63. Ширина нёба	41,0	9	2,6	39,4	16	2,3
63:62. Нёбный указатель	91,1	8	6,1	91,5	15	5,7
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	114,1	14	3,2	102,2	23	4,8
68. Длина нижней челюсти от углов	80,4	16	5,1	74,9	23	4,0
65. Мыщелковая ширина	120,4	10	6,4	111,9	18	6,2
66. Угловая ширина	102,0	15	5,6	95,2	22	3,5
70. Высота ветви	57,4	13	6,2	51,7	23	3,7
71a. Наименьшая ширина ветви	33,7	18	2,2	32,4	26	2,3
67. Передняя ширина нижней челюсти	46,5	17	3,6	44,5	26	3,1
69. Высота симфиза	34,8	16	2,8	31,0	27	2,4
69(3). Толщина тела нижней челюсти	12,6	17	1,0	11,9	23	1,6
79. Угол ветви нижней челюсти	129,3	14	3,7	127,0	23	5,8
∠C'. Угол выступания подбородка	69,9	15	6,2	70,4	24	3,9

средних величин, лицо низкое и среднеширокое. Угол выступания носа малый. Величины зигомаксиллярного и назомалярного углов варьируют в пределах малых и средних интервалов изменчивости, что говорит о том, что лицевой скелет профилирован умеренно. Переносье средней высоты, но одновременно широкое (табл. 33).

Таблица 33

Средние размеры и указатели черепов южных хантов из могильника Алымка

Признак, № по Мартину или условное обозначение	♂		♀	
	n	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$
1. Продольный диаметр	3	188,0	5	172,4
8. Поперечный диаметр	3	135,4	5	130,8
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	2	136,5	3	119,0
20. Высотный диаметр (*po-b*)	2	111,5	3	108,3
8:1. Черепной указатель	3	71,9	5	75,8
17:1. Высотно-продольный указатель	2	71,8	3	75,5
17:8. Высотно-поперечный указатель	2	99,6	3	89,3
5. Длина основания черепа	2	107,0	3	99,0
11. Ширина основания черепа	2	126,5	4	119,5
9. Наименьшая ширина лба	2	101,5	5	96,2
32. Угол профиля лба от *nasion*	2	77,5	2	82,0
40. Длина основания лица	2	106,0	3	98,3
40:5. Указатель выступания лица	2	99,1	3	99,4
43. Верхняя ширина лица	2	112,5	5	98,4
46. Средняя ширина лица	2	102,5	2	98,5
45. Скуловой диаметр	2	136,5	2	127,0
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	2	99,9	2	94,6
48. Верхняя высота лица	2	70,0	4	63,5
47. Полная высота лица	—	—	3	111,6
48:45. Верхний лицевой указатель	2	51,2	2	50,3
72. Общий лицевой угол	2	86,5	3	86,3
74. Угол альвеолярной части	2	74,0	3	72,9
77. Назомалярный угол	2	136,8	4	139,2
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	1	130,4	2	127,8
51. Ширина орбиты от *mf.*	2	45,0	5	41,6
52. Высота орбиты	2	34,0	5	34,6
52:51. Орбитный указатель	2	75,4	5	83,4
55. Высота носа	2	53,0	4	46,5
54. Ширина носа	2	27,5	4	24,0
54:55. Носовой указатель	2	51,8	4	52,1
75(1). Угол выступания носа	2	17,4	3	13,4
SC. Симотическая ширина	2	8,1	5	6,9
SS. Симотическая высота	2	2,8	5	2,1
SS:SC. Симотический указатель	2	34,5	5	32,7
DC. Дакриальная ширина	1	2,0	4	22,5
DS. Дакриальная высота	1	9,2	4	10,2
DS:DC. Дакриальный указатель	1	40,0	4	45,7
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	2	110,5	4	90,0
68. Длина нижней челюсти от углов	2	79,5	4	74,0
65. Мыщелковая ширина	2	118,5	3	100,4
66. Угловая ширина	2	82,5	3	90,4
79. Угол ветви нижней челюсти	2	122,0	4	125,0

Результаты сопоставления черепов иртышских хантов показывают их близость в первую очередь между собой, а также с территориально ближайшими соседями: с балыкской и салымской этнолингвистическими группами восточных хантов.

Коэффициенты межгрупповой корреляции ряда признаков [Дрёмов, Багашёв, 1993, 1998б] свидетельствуют о положительной связи черепного указателя с высотой черепа, основными размерами лица, выступанием носа, отрицательной — с верхнелицевым указателем. Они достаточно отчетливо отражают присутствие в составе восточных и южных хантов двух основных морфологических комплексов — более массивного с широким, относительно менее высоким лицом и сильнее выступающим носом мезобрахикранного типа, представленного в восточных группах (Вах, Васюган), и более грацильного и лептоморфного с низким черепом и очень слабо выступающим носом мезо-долихокранного, который в наиболее чистом виде фиксируется в западных группах (Иртыш, Салым). Присутствие этого долихокранного узколицего типа вполне отчетливо прослеживается в составе хантов с. Мужи, манси Северной Сосьвы, коурдакских татар в Омском Прииртышье и в несколько ослабленном виде у хантов Балыка и Югана.

Очевидно, этот тип может быть идентифицирован с угорским типом И. Деникера [1902] или нижнеобским В.В. Бунака [1965]. Но как показывает новый материал, он распространен значительно шире, чем казалось прежде, и оба предложенных для его обозначения названия не отражают его локализацию.

Особенности межгруппой изменчивости южных хантов свидетельствуют о том, что они характеризуются комплексом таких антропологических черт, которые характерны в целом для популяций уральского антропологического типа, но обнаруживают и тяготение в сторону обь-иртышских групп, особенно томско-нарымского варианта. Не исключено, что это обусловлено географической близостью между ареалами иртышских и восточных хантов. В составе последних отмечена примесь южносамодийских элементов. Это, видимо, определяло более интенсивную этногенетическую взаимосвязь восточных и южных хантов.

В целом ареал уральских популяций может быть расширен за счет включения в него территории Нижнего Прииртышья. В таксономическом отношении иртышские ханты являются составной частью уральской группы популяций, в составе которой своеобразное сочетание антропологических признаков сложилось еще в эпоху мезолита и частично сохранилось до наших дней благодаря действию изолирующих механизмов в условиях северной тайги.

В Среднем Приобье, по притокам Оби — рекам Назым, Салым, Лямин, Пим, Балык, Юган, Тромъеган, Аган, Вах и Васюган — проживают ***восточные*** (***среднеобские***) ***ханты***, выделяемые в особую группу обских угров по языковым и этнографическим особенностям.

Краниологический материал по восточным (среднеобским) хантам впервые получен С.М. Чугуновым в 1890 г. при раскопках кладбища XIX в.

на Оби близ г. Сургута. В могилах найдены 23 черепа, в том числе 17 принадлежавших взрослым индивидам, измеренные и описанные С.М. Чугуновым [1894]. В 1898 г. сбором антропологических материалов по среднеобским хантам занимался венгерский этнограф и антрополог Янош Янко. Привезенная им краниологическая коллекция опубликована П. Липтаком [1950]. В ранее вышедшей обзорной работе по краниологии угров и самодийцев [Дрёмов, 1984] коллекции С.М. Чугунова и Я. Янко рассматривались в качестве отдельных серий. Однако обе они относятся к одной этнографической группе среднеобских хантов — юганской [Соколова, 1975].

Этнотерриториальные группы среднеобских хантов отчетливо различаются по многим особенностям культуры [Лукина, 1985], говорят на разных диалектах и говорах [Хайду, 1985, с. 45—48], в брачном отношении образуют сравнительно замкнутые эндогамные общности [Соколова, 1983]. Успешное использование антропологических материалов для решения сложных вопросов формирования и этнической истории среднеобских хантов возможно лишь при соотнесении их с реально существующими локальными группами, выделении в этих группах расовых компонентов и их антропологической характеристике, выяснении их таксономических соотношений. Материалы, собранные С.М. Чугуновым и Я. Янко в ограниченном районе бассейна р. Юган и прилегающего к его устью участка Оби, лишь в малой степени могли способствовать решению этих задач.

Имеющиеся в настоящее время пять достаточно представительных выборок сгруппированы по этнотерриториальному принципу. Это васюганская, ваховская, юганская, балыкская и салымская серии [Дрёмов, 1991; Дрёмов, Багашёв, 1998б].

Средние размеры локальных групп и суммарной серии восточных хантов приведены в табл. 34, 35.

Восточные ханты в целом характеризуются мезокранной, невысокой черепной коробкой с широким основанием черепа, умеренно широким, средненаклонным лбом. Лицо средних размеров, относительно более широкое на уровне углов нижней челюсти. По вертикальным углам и указателю выступания лицо мезогнатное, по углам горизонтальной профилировки — умеренно уплощенное. Орбиты средних размеров, мезоконхные. Нос довольно широкий, по пропорциям хамеринный. При средней высоте переносья угол выступания носовых костей очень мал.

Раздельное рассмотрение серий Салыма, Балыка, Югана, Ваха и Васюгана выявляет значительные расхождения между ними. Достоверные межгрупповые различия отмечаются по продольному диаметру черепа и длине его основания, по многим поперечным размерам мозгового и лицевого отделов, высоте лица и орбит и связанным с названными размерами указателям, а также по углам горизонтальной профилировки лица и углу выступания носа.

Наиболее крупные широтные размеры и одновременно самое высокое лицо фиксируются у ваховских хантов. Особенно примечательна очень большая ширина лба в этой группе (у мужчин 101,9 мм!), резко отличаю-

щая ее от всех остальных известных групп не только Среднего Приобья, но и Западной Сибири в целом. Васюганские ханты также имеют довольно крупные поперечные размеры, но характеризуются абсолютно и относительно низким лицом, низкими орбитами и наиболее широким по

Таблица 34

Средние размеры и указатели мужских черепов хантов Прииртышья и Среднего Приобья

№ по Мартину или условное обозначение	Южные ханты					Восточные ханты					
	Иртыш (Чага)			Иртыш (Алымка)		Салым			Балык		
	x	*n*	*s*	*x*	*n*	*x*	*n*	*s*	*x*	*n*	*s*
1. Продольный диаметр (*g-op*)	184,1	17	7,0	188,0	3	180,2	24	6,8	185,4	15	6,8
8. Поперечный диаметр	135,2	17	4,2	135,4	3	137,8	24	5,8	141,9	15	4,9
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	128,2	17	3,1	136,5	2	130,7	24	5,3	132,3	15	3,4
20. Высотный диаметр (*po-b*)	110,8	16	2,8	111,5	2	110,8	22	5,2	113,5	15	3,5
8:1. Черепной указатель	73,6	17	4,0	71,9	3	76,5	24	3,6	76,6	15	3,0
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	69,8	17	3,6	71,8	2	72,6	23	2,9	71,5	15	2,8
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	94,9	17	3,2	99,6	2	94,7	23	3,5	93,4	15	4,3
5. Длина основания черепа	98,4	17	4,2	107,0	2	100,1	20	5,6	103,7	15	4,9
9. Наименьшая ширина лба	93,7	19	5,2	101,5	2	94,9	22	5,7	95,9	15	5,4
9:8. Лобно-поперечный указатель	69,6	17	3,6	74,9	2	68,8	22	3,1	67,7	15	4,7
32. Угол профиля лба от *n*.	77,5	11	3,0	77,5	2	80,9	18	5,3	82,6	14	3,2
11. Ширина основания черепа	123,1	17	4,1	126,5	2	127,4	21	5,2	130,1	15	5,2
40. Длина основания лица	99,5	12	5,1	106,0	2	101,5	19	6,2	102,7	14	3,5
40:5. Указатель выступания лица	101,2	12	5,0	99,1	2	100,2	18	3,0	99,1	14	4,5
43. Верхняя ширина лица	102,7	19	4,9	112,5	2	103,0	21	5,3	105,9	15	3,7
45. Скуловой диаметр	128,7	18	4,3	136,5	2	133,9	21	6,0	135,3	15	5,7
66. Угловая ширина	102,0	15	5,6	82,5	2	106,9	17	9,1	110,8	14	8,5
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	95,2	17	2,4	99,9	2	97,0	21	3,5	95,4	15	3,6
9:45. Лобно-скуловой указатель	73,0	18	3,3	74,4	2	71,0	19	3,6	70,9	15	4,2
48. Верхняя высота лица	67,9	15	2,5	70,0	2	71,6	19	4,7	70,7	15	5,4
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	53,1	13	2,3	51,3	2	54,5	19	3,3	53,4	15	4,3
48:45. Верхний лицевой указатель	53,1	14	2,4	51,2	2	53,9	17	2,9	52,3	15	3,4
72. Общий лицевой угол	82,6	10	3,7	86,5	2	83,6	18	2,3	85,1	13	3,9
74. Угол альвеолярной части	73,3	9	6,3	74,0	2	78,1	17	5,3	78,3	13	3,8
77. Назомалярный угол	141,9	19	4,4	136,8	2	140,2	17	3,6	141,9	15	4,9
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	134,2	10	1,7	130,4	1	130,0	12	4,4	136,1	14	4,5
51. Ширина орбиты от *mf*.	43,4	19	2,1	45,0	2	42,1	19	2,1	43,7	15	2,3
52. Высота орбиты	33,8	19	2,5	34,0	2	34,6	19	1,5	34,3	15	2,4
52:51. Орбитный указатель от *mf*.	78,0	19	5,9	75,4	2	82,9	18	4,9	78,6	15	4,1
55. Высота носа	49,1	15	2,4	53,0	2	51,8	19	3,0	51,7	15	4,1
54. Ширина носа	25,8	16	2,1	27,5	2	26,6	19	1,7	25,9	15	1,7
54:55. Носовой указатель	52,3	15	3,5	51,8	2	51,0	18	4,1	50,3	15	3,9
75(1). Угол выступания носа	14,7	15	2,9	17,4	2	16,9	17	4,2	17,4	13	4,2
SC. Симотическая ширина	7,52	16	1,68	8,1	2	8,37	18	2,3	6,48	15	1,9
SS. Симотическая высота	3,02	16	0,76	2,8	2	3,37	15	1,1	2,95	15	0,8
SS:SC. Симотический указатель	40,4	16	5,6	34,5	2	48,1	15	7,9	49,7	15	18,0
DC. Дакриальная ширина	20,67	16	1,43	22,0	1	21,44	19	2,5	20,82	15	2,2
DS. Дакриальная высота	9,58	16	1,09	9,2	1	10,35	15	1,6	10,20	15	0,8
DS:DC. Дакриальный указатель	46,5	16	5,3	40,0	1	48,1	15	7,9	49,7	15	8,3

Окончание табл. 34

№ по Мартину или условное обозначение	Восточные ханты											
	Юган			Вах			Васюган			Суммарно		
	x	*n*	*s*	*x*	*n*	*s*	*x*	*n*	*s*	*x*	*n*	*s*
1. Продольный диаметр (*g-op*)	184,0	27	7,5	188,5	14	7,6	179,7	15	6,6	183,3	95	7,6
8. Поперечный диаметр	141,0	27	5,7	147,6	14	3,9	143,4	15	4,4	141,7	95	6,0
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	129,7	27	4,8	132,4	14	2,6	129,4	14	5,3	130,7	94	4,6
20. Высотный диаметр (*po-b*)	113,2	26	6,6	114,0	14	3,3	111,7	15	2,9	112,6	92	5,0
8:1. Черепной указатель	76,7	27	3,9	78,4	14	3,0	79,9	15	3,7	77,4	95	3,7
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	70,5	27	3,7	70,4	14	3,0	71,9	14	3,3	71,4	93	3,3
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	92,1	27	4,1	89,8	14	2,8	90,1	14	3,8	92,3	93	4,1
5. Длина основания черепа	101,6	27	4,2	104,0	14	3,6	100,6	14	2,8	101,8	90	4,6
9. Наименьшая ширина лба	95,6	27	4,3	101,9	14	3,7	96,4	15	4,2	96,5	93	5,2
9:8. Лобно-поперечный указатель	67,8	27	3,0	69,0	14	2,3	67,2	15	2,3	68,1	93	3,2
32. Угол профиля лба от *n*.	80,5	11	4,5	80,8	14	2,8	82,3	15	4,0	81,4	72	4,1
11. Ширина основания черепа	129,9	12	5,0	134,3	14	3,0	131,4	14	4,1	130,3	76	5,1
40. Длина основания лица	101,7	25	4,9	104,2	13	5,1	100,5	12	3,8	102,8	83	4,9
40:5. Указатель выступания лица	100,2	25	4,6	100,5	13	3,7	100,2	12	2,9	100,0	82	3,5
43. Верхняя ширина лица	104,9	12	4,4	110,6	14	4,4	106,3	15	3,8	105,9	77	5,0
45. Скуловой диаметр	136,3	27	5,0	139,9	14	6,2	137,9	15	4,6	136,4	92	5,7
66. Угловая ширина	104,6	20	6,6	107,0	14	6,2	106,1	14	7,2	106,9	79	7,7
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	96,7	27	3,7	94,8	14	4,0	96,3	15	3,9	96,2	92	3,7
9:45. Лобно-скуловой указатель	70,2	27	3,0	72,8	14	2,4	70,0	15	3,5	70,9	90	3,4
48. Верхняя высота лица	69,5	27	4,2	72,6	13	2,8	67,7	14	3,0	70,3	88	4,4
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	53,6	27	3,5	54,9	13	2,3	52,6	13	3,1	53,8	87	3,4
48:45. Верхний лицевой указатель	51,0	27	2,7	52,2	13	2,6	49,0	14	2,6	51,7	86	3,2
72. Общий лицевой угол	84,0	25	3,5	84,6	13	3,9	83,8	13	3,0	84,2	82	3,3
74. Угол альвеолярной части	73,4	11	6,2	77,3	13	6,8	76,8	13	5,3	77,0	67	5,6
77. Назомалярный угол	146,6	11	4,7	139,3	14	3,9	144,4	15	3,1	142,2	72	4,7
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	135,7	10	5,4	131,0	14	6,4	134,3	15	6,2	133,4	65	5,9
51. Ширина орбиты от *mf*.	41,7	26	1,9	44,5	14	2,7	42,7	15	1,9	42,7	89	2,3
52. Высота орбиты	33,3	27	1,9	36,5	14	2,7	32,7	15	2,3	34,2	90	2,4
52:51. Орбитный указатель от *mf*.	80,2	26	5,3	80,6	14	4,6	76,6	15	4,9	79,9	88	5,2
55. Высота носа	50,4	27	3,1	52,4	14	2,3	49,7	15	2,7	51,1	90	3,2
54. Ширина носа	26,5	27	1,8	26,2	14	1,3	26,3	15	1,7	26,3	90	1,7
54:55. Носовой указатель	52,7	27	3,8	50,1	14	2,4	53,0	15	3,3	51,6	89	3,7
75(1). Угол выступания носа	22,3	13	7,0	20,3	13	4,3	20,8	12	5,9	19,4	68	5,5
SC. Симотическая ширина	6,47	11	1,6	6,67	14	1,8	7,63	15	1,94	7,22	73	2,10
SS. Симотическая высота	2,75	11	0,8	2,82	14	0,8	3,10	14	1,06	3,02	69	0,95
SS:SC. Симотический указатель	43,4	11	11,2	43,4	14	10	40,9	14	9,5	43,6	69	12,3
DC. Дакриальная ширина	19,00	11	2,0	22,64	14	2,6	22,20	15	2,02	21,33	74	2,52
DS. Дакриальная высота	9,51	11	1,1	10,81	14	1,6	10,68	14	1,42	10,34	69	1,40
DS:DC. Дакриальный указатель	50,5	11	8,1	48,4	14	9,6	48,6	14	8,8	49,0	69	8,2

пропорциям носом. Обе группы мезо-брахикранны, более высокий черепной указатель у васюганских хантов связан с заметным уменьшением продольного диаметра.

Ханты Салыма отличаются от ваховских и васюганских лептоморфным строением лицевого скелета. У них отмечаются небольшие поперечные размеры мозгового отдела и лица, наиболее низкий черепной указа-

тель и очень слабое выступание носовых костей над линией лицевого профиля.

Названные антропологически контрастные группы занимают окраинное географическое положение среди восточных хантов, и наоборот, хан-

Таблица 35

Средние размеры и указатели женских черепов хантов Прииртышья и Среднего Приобья

№ по Мартину или условное обозначение	Южные ханты					Восточные ханты					
	Иртыш (Чага)			Иртыш (Алымка)		Салым			Балык		
	x	*n*	*s*	*x*	*n*	*x*	*n*	*s*	*x*	*n*	*s*
1. Продольный диаметр (*g-op*)	175,2	25	6,4	172,4	5	173,0	28	5,4	181,0	12	4,2
8. Поперечный диаметр	131,7	25	3,8	130,8	5	133,3	29	5,3	137,3	12	3,1
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	123,4	24	6,1	119,0	3	124,2	26	4,8	124,8	12	3,6
20. Высотный диаметр (*po-b*)	107,2	24	4,1	108,3	3	106,8	28	4,9	108,2	12	2,6
8:1. Черепной указатель	75,2	25	3,2	75,8	5	77,3	27	4,1	75,9	12	2,8
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	70,4	23	3,8	75,5	3	71,7	25	3,5	69,0	12	2,1
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	93,8	23	5,4	89,3	3	93,0	26	4,3	91,0	12	3,8
5. Длина основания черепа	93,7	20	5,7	99,0	3	94,6	26	3,8	96,8	12	3,7
9. Наименьшая ширина лба	90,5	22	4,0	96,2	5	92,2	26	3,9	94,3	12	3,7
9:8. Лобно-поперечный указатель	68,8	21	3,1	—	—	69,1	26	3,1	68,7	12	3,2
32. Угол профиля лба от *n*.	79,8	17	3,3	82,0	2	84,0	22	3,0	83,5	11	3,6
11. Ширина основания черепа	119,0	25	4,3	119,5	4	120,4	29	4,7	124,9	12	3,2
40. Длина основания лица	94,8	17	4,6	98,3	3	96,7	19	5,6	98,0	11	4,2
40:5. Указатель выступания лица	100,0	17	2,9	99,4	3	101,8	18	4,0	101,8	11	2,5
43. Верхняя ширина лица	97,9	21	3,7	98,4	5	99,5	25	4,1	101,2	12	2,6
45. Скуловой диаметр	123,7	23	3,1	127,0	2	123,2	25	5,3	127,5	12	2,9
66. Угловая ширина	95,2	22	3,5	90,4	3	92,7	22	4,8	98,1	11	5,9
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	93,8	23	2,9	94,6	2	92,2	25	3,4	92,9	12	2,1
9:45. Лобно-скуловой указатель	73,7	20	3,0	—	—	75,4	23	3,4	74,0	12	3,7
48. Верхняя высота лица	64,5	20	4,0	63,5	4	65,9	23	4,2	67,4	12	3,1
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	51,7	19	2,9	—	—	53,1	21	2,3	54,0	12	3,0
48:45. Верхний лицевой указатель	52,3	19	3,0	50,3	2	53,4	21	3,5	52,9	12	2,9
72. Общий лицевой угол	83,2	17	2,1	86,3	3	82,9	19	3,1	83,9	11	2,5
74. Угол альвеолярной части	73,4	17	3,7	72,9	3	76,4	19	5,8	74,8	11	6,5
77. Назомалярный угол	142,7	19	3,2	139,2	4	141,2	26	3,8	141,0	12	4,0
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	133,7	13	5,0	127,8	5	130,8	20	6,0	133,8	12	3,3
51. Ширина орбиты от *mf*.	41,7	19	2,1	41,6	5	40,8	27	2,0	42,0	12	1,3
52. Высота орбиты	33,3	18	1,3	34,6	5	32,6	26	2,0	33,1	12	1,9
52:51. Орбитный указатель от *mf*.	80,8	18	4,0	83,4	5	80,2	25	5,3	79,0	12	5,3
55. Высота носа	46,8	19	1,8	46,5	4	47,7	24	2,9	48,3	12	2,5
54. Ширина носа	25,1	20	1,5	24,0	4	25,2	20	1,6	25,4	12	1,9
54:55. Носовой указатель	53,6	19	3,5	52,1	4	52,8	20	2,3	52,6	12	3,6
75(1). Угол выступания носа	13,4	18	2,7	13,4	3	16,1	18	4,5	11,3	12	4,3
SC. Симотическая ширина	7,07	18	1,56	6,9	5	7,07	27	1,46	6,13	12	1,7
SS. Симотическая высота	2,81	18	0,71	2,1	5	2,89	23	0,86	2,14	12	0,7
SS:SC. Симотический указатель	41,1	18	11,4	32,7	5	40,6	23	9,8	35,8	12	10,7
DC. Дакриальная ширина	19,96	16	2,26	22,5	4	19,32	27	1,82	19,60	12	2,3
DS. Дакриальная высота	9,00	16	1,62	10,2	4	9,30	23	1,38	9,38	12	1,3
DS:DC. Дакриальный указатель	45,5	16	9,2	45,7	4	49,0	23	7,0	48,9	12	11,5

Окончание табл. 35

№ по Мартину или условное обозначение	Восточные ханты											
	Юган			Вах			Васюган			Суммарно		
	x	*n*	*s*	*x*	*n*	*s*	*x*	*n*	*s*	*x*	*n*	*s*
1. Продольный диаметр (*g-op*)	182,3	15	6,1	180,7	10	7,6	171,9	14	6,7	176,8	79	7,3
8. Поперечный диаметр	139,4	15	4,8	142,0	10	3,8	141,5	13	5,3	137,5	79	5,8
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	126,5	15	4,4	128,5	10	5,4	126,1	14	4,5	125,6	77	4,7
20. Высотный диаметр (*po-b*)	111,1	14	4,5	112,2	10	5,2	108,7	14	4,9	108,8	78	4,9
8:1. Черепной указатель	76,5	15	2,6	78,7	10	3,2	82,7	13	3,0	78,0	77	4,0
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	69,3	15	2,3	71,2	10	3,9	73,4	14	3,2	71,0	76	3,4
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	90,8	15	3,9	90,5	10	2,6	88,7	13	2,6	91,2	76	3,9
5. Длина основания черепа	98,9	14	3,2	97,9	10	5,0	96,3	14	3,8	96,5	76	4,1
9. Наименьшая ширина лба	94,4	15	5,1	95,4	10	4,9	91,3	15	4,3	93,2	78	4,6
9:8. Лобно-поперечный указатель	67,7	15	2,7	67,2	10	2,6	64,4	13	2,4	67,7	76	3,3
32. Угол профиля лба от *n*.	83,5	11	5,4	86,2	10	5,3	86,7	14	4,4	84,8	62	4,1
11. Ширина основания черепа	127,8	5	4,3	127,1	10	3,3	125,0	14	5,3	123,6	70	5,1
40. Длина основания лица	100,3	13	4,7	100,4	10	4,8	96,8	12	4,5	98,2	65	5,0
40:5. Указатель выступания лица	101,6	13	3,0	102,6	10	3,3	100,8	12	4,2	101,7	64	3,5
43. Верхняя ширина лица	104,0	5	2,9	103,7	10	4,5	101,3	15	4,3	101,2	67	4,1
45. Скуловой диаметр	130,2	15	4,0	130,2	10	4,6	128,9	14	4,5	127,2	76	5,3
66. Угловая ширина	100,1	7	3,3	97,1	10	3,8	97,5	14	5,3	96,2	64	5,4
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	93,4	15	3,0	91,7	10	3,2	91,0	13	3,2	92,3	75	3,1
9:45. Лобно-скуловой указатель	72,5	15	4,1	73,3	10	2,9	71,0	14	3,6	73,5	74	3,8
48. Верхняя высота лица	65,6	14	3,7	67,3	10	2,8	65,8	14	3,3	66,3	73	3,6
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	52,0	14	2,9	52,7	10	4,0	52,4	13	2,7	52,9	70	2,9
48:45. Верхний лицевой указатель	50,6	14	2,0	52,0	10	3,2	51,2	13	1,9	52,1	70	4,8
72. Общий лицевой угол	82,6	11	3,2	84,7	10	1,6	85,1	14	3,5	83,8	65	3,0
74. Угол альвеолярной части	73,8	4	2,2	78,5	10	2,8	76,0	13	7,6	76,2	57	5,8
77. Назомалярный угол	139,9	4	2,9	141,6	10	4,8	144,7	15	3,8	141,9	67	4,1
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	136,9	4	4,7	135,1	10	5,0	134,2	15	4,8	133,3	61	5,2
51. Ширина орбиты от *mf*.	40,4	13	2,3	41,7	10	2,1	40,4	15	1,9	41,0	77	2,0
52. Высота орбиты	32,5	14	1,2	34,0	10	1,2	32,8	15	1,8	32,9	77	1,8
52:51. Орбитный указатель от *mf*.	81,0	13	5,3	81,6	10	3,4	81,2	15	4,0	80,5	75	4,8
55. Высота носа	48,4	14	2,4	48,1	10	2,0	48,3	15	2,4	48,1	75	2,2
54. Ширина носа	26,0	14	0,8	25,9	10	1,5	25,3	15	1,4	25,5	71	0,9
54:55. Носовой указатель	53,8	14	3,1	54,0	10	4,2	52,4	15	2,7	53,1	71	3,1
75(1). Угол выступания носа	17,1	7	4,1	16,9	10	4,0	12,6	14	5,2	17,6	60	4,9
SC. Симотическая ширина	8,20	4	0,9	6,47	10	2,21	7,53	15	2,33	6,98	68	1,87
SS. Симотическая высота	3,08	4	0,6	2,71	10	0,63	3,01	15	0,86	2,76	64	0,83
SS:SC. Симотический указатель	37,6	4	3,9	44,2	10	9,5	43,6	15	18,8	40,8	64	12,4
DC. Дакриальная ширина	20,30	4	1,4	20,41	10	3,02	20,49	14	2,41	19,84	67	2,31
DS. Дакриальная высота	9,62	4	2,8	9,69	10	1,54	8,87	14	1,10	9,30	63	1,43
DS:DC. Дакриальный указатель	47,9	4	15,6	47,8	10	6,7	43,9	14	7,5	47,6	63	8,7

ты Балыка и Югана, населяющие центральную часть ареала, по большинству признаков промежуточны между западными, салымскими хантами, с одной стороны, и восточными, ваховскими и васюганскими — с другой.

По таксономически значимым краниологическим признакам совокупность хантыйских групп Среднего Приобья, по сравнению с наблюдаемыми в других регионах Западной Сибири, имеет довольно высокую меж-

групповую изменчивость [Дрёмов, Багашёв, 1998б]. «Самыми средними» являются балыкские ханты, имеющие небольшие расхождения одновременно со всеми остальными группами. К ним наиболее близки юганская и васюганская выборки, которые в свою очередь очень сходны между собой. По совокупности признаков восточные ханты мало отличаются от северных хантов, представленных серией их могильника Халас-Погор в низовьях Оби. Некоторое отличие восточнохантыйских черепов состоит в более вытянутых пропорциях черепной коробки и менее крупных размерах лица, носа и орбит [Дрёмов, 1991а].

Коэффициенты межгрупповой корреляции наиболее варьирующих признаков свидетельствуют о положительной связи черепного указателя с высотой черепа, основными размерами лица, выступанием носа, об отрицательной — с верхнелицевым указателем [Дрёмов, Багашёв, 1998б]. Они достаточно отчетливо отражают присутствие в составе восточных хантов двух основных морфологических комплексов — более массивного с широким, относительно менее высоким лицом и сильнее выступающим носом мезо-брахикранного типа, представленного в восточных группах (Вах, Васюган, отчасти Юган), и более грацильного и лептоморфного с низким черепом и очень слабо выступающим носом мезо-долихокранного, который в наиболее чистом виде фиксируется в западных группах (Салым, Балык), а также у южных хантов. Присутствие этого мезо-долихокранного узколицего типа вполне отчетливо прослеживается в составе хантов с. Мужи, манси Северной Сосьвы, коурдакских татар в Омском Прииртышье и в несколько ослабленном виде — у хантов Югана.

Северные ханты обитают на Обском Севере и прилегающих к нижнему течению Оби территориях, относятся к северной территориальной группе этноса, говорят на северных диалектах хантыйского языка [Соколова, 1975, 1979; Хайду, 1985].

Антропологии северных хантов посвящен довольно большой круг работ, к сожалению, исключением по-прежнему остаются краниологические исследования. Основные выводы расогенетического характера, базирующиеся на имеющихся краниологических материалах по народам этого региона [Дрёмов, 1984; Багашёв, 1998а, 2000в, 2003б], указывают на сложность протекавших здесь процессов расообразования, на различия в путях генезиса угров и северных самодийцев.

По северной этнотерриториальной группе хантов к настоящему времени имеется несколько краниологических серий (табл. 36). Наиболее крупная и часто фигурирующая в работах коллекция известна как халас-погорская. Она состоит из черепов преимущественно из могильника Халас-Погор (2–3 км ниже г. Салехарда (Обдорска)) и примерно из 20 черепов с небольших кладбищ между Обдорском и устьем р. Щучья. Хотя краниологическая коллекция из Халас-Погора обычно используется как хантыйская, этническая принадлежность данных материалов все же не может трактоваться однозначно. Могильник расположен на территории соприкосновения и частичного перекрытия ареалов северных хантов и ненцев, так что метисационные процессы между ними не могли не ска-

Таблица 36

Средние размеры и указатели черепов угорских групп Нижнего Приобья

№ по Мартину или условное обозначение	Манси северные		Ханты северные							
			Халас-Погор		Обдорск		Мужи		Суммарно	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	183,9 (28)	174,7 (21)	181,1 (111)	172,6 (92)	177,2 (12)	171,4 (8)	187,3 (22)	179,3 (11)	181,7 (145)	173,2 (111)
8. Поперечный диаметр	139,5 (28)	134,2 (21)	143,7 (111)	137,7 (92)	138,6 (12)	135,5 (8)	138,6 (22)	132,9 (11)	142,5 (145)	137,1 (111)
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	126,1 (28)	120,6 (21)	127,2 (116)	122,7 (96)	127,1 (12)	127,0 (8)	125,5 (22)	120,1 (11)	127,0 (150)	122,7 (115)
8:1. Черепной указатель	76,1 (28)	77,2 (21)	79,5 (111)	80,0 (92)	78,2 (12)	79,2 (8)	74,0 (22)	74,1 (11)	78,6 (145)	79,4 (111)
17:1. Высотно-продольный указатель	68,9 (29)	69,9 (17)	70,3 (100)	71,3 (96)	72,3 (12)	74,2 (8)	67,1 (22)	67,0 (11)	69,9 (134)	71,1 (115)
17:8. Высотно-поперечный указатель	90,3 (28)	89,6 (17)	88,5 (103)	89,0 (95)	91,8 (12)	93,8 (8)	90,7 (22)	90,5 (11)	89,1 (137)	89,5 (114)
5. Длина основания черепа	100,1 (28)	94,3 (20)	101,3 (115)	96,1 (96)	99,3 (11)	96,1 (8)	100,7 (22)	96,4 (11)	101,1 (148)	96,1 (115)
9. Наименьшая ширина лба	92,8 (29)	92,1 (21)	95,9 (115)	91,4 (96)	93,9 (12)	90,5 (8)	95,4 (22)	90,5 (11)	95,7 (149)	91,2 (115)
32. Угол профиля лба от *n*.	79,3 (26)	83,4 (20)	79,4 (113)	82,1 (96)	79,6 (10)	81,8 (8)	—	—	79,4 (123)	82,1 (104)
40. Длина основания черепа	98,9 (26)	93,7 (18)	103,0 (114)	97,9 (94)	98,4 (9)	93,7 (7)	—	—	102,3 (123)	97,6 (101)
45. Скуловой диаметр	135,3 (25)	127,7 (20)	139,4 (114)	129,2 (95)	136,0 (10)	127,5 (8)	133,3 (22)	128,3 (11)	138,2 (146)	128,9 (114)
48. Верхняя высота лица	70,7 (27)	65,1 (19)	73,9 (113)	69,4 (94)	70,8 (12)	64,1 (8)	68*	63*	72,8 (147)	68,4 (113)
72. Общий лицевой угол	86,5 (27)	86,3 (18)	84,7 (114)	84,3 (95)	84,0 (10)	82,9 (7)	—	—	84,6 (124)	84,2 (102)
74. Угол альвеолярной части лица	79,3 (26)	78,8 (17)	76,3 (112)	77,1 (93)	79,4 (10)	71,4 (7)	—	—	76,6 (122)	76,7 (100)
77. Назомалярный угол	142,1 (26)	142,8 (17)	143,9 (112)	143,8 (95)	142,8 (12)	145,6 (7)	—	—	143,8 (124)	143,9 (102)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	135,0 (24)	135,9 (17)	132,6 (113)	132,4 (93)	137,9 (9)	136,4 (7)	—	—	133,0 (122)	132,7 (100)
51. Ширина орбиты от *mf*.	41,8 (27)	40,6 (20)	43,7 (116)	41,5 (98)	42,8 (12)	41,2 (8)	42,6 (22)	42,0 (11)	43,5 (150)	41,5 (117)
52. Высота орбиты	34,3 (27)	33,6 (20)	35,4 (116)	34,8 (98)	34,3 (12)	34,9 (8)	33,6 (22)	33,5 (11)	35,0 (150)	34,7 (117)
55. Высота носа	52,5 (28)	48,5 (20)	53,8 (114)	50,3 (96)	52,7 (12)	49,5 (8)	51,0 (21)	49,2 (11)	53,3 (147)	50,1 (115)
54. Ширина носа	26,3 (28)	24,9 (20)	25,9 (114)	24,6 (96)	24,7 (12)	24,5 (8)	25,9 (21)	26,0 (11)	25,8 (147)	24,7 (115)
75(1). Угол выступания носа	20,2 (20)	16,4 (11)	20,7 (100)	18,4 (93)	20,8 (9)	17,0 (7)	—	—	20,7 (109)	18,3 (100)
SC. Симотическая ширина	7,18 (27)	7,03 (18)	7,09 (114)	7,13 (95)	7,28 (12)	5,85 (8)	—	—	7,11 (126)	7,03 (103)
SS. Симотическая высота	2,84 (27)	2,33 (18)	2,78 (114)	2,08 (95)	2,36 (11)	2,08 (8)	—	—	2,74 (125)	2,08 (103)
DC. Дакриальная ширина	21,26 (27)	20,11 (18)	20,72 (113)	19,73 (93)	21,00 (12)	18,79 (7)	—	—	20,75 (125)	19,67 (100)
DS. Дакриальная высота	10,11 (27)	8,95 (18)	9,88 (113)	8,62 (93)	8,59 (11)	7,99 (7)	—	—	9,77 (124)	8,58 (100)

* Размеры восстановлены по регрессии.

заться на физическом типе населения, оставившего данное кладбище. При решении вопроса этнической интерпретации антропологических материалов изначально предполагается (вслед за Д.Т. Яновичем) их принадлежность к хантам при какой-то доле ненецкой примеси. Сам вопрос о ненецкой примеси, иногда просто механической, не вызывает сомнений [Мурашко, Ефимова, 1981; Мурашко, Мовсесян, 1983]. Согласно анализу В.А. Дрёмова [1984], халас-погорская серия таксономически ближе к ненцам, чем к другим угорским группам.

Из окрестностей Обдорска (несколько южнее Халас-Погора) происходит небольшая серия черепов, собранных в 1909 г. С.И. Руденко и в 1936 г. В.С. Адриановым. С.И. Руденко опубликовал некоторые измерения семи мужских черепов, специально оговаривая, что ханты низовий Оби сильно смешаны с ненцами [1914]. Вся коллекция опубликована В.А. Дрёмовым, где, кроме всего прочего, отмечается, что эта группа проявляет черты сходства как с самодийскими (в первую очередь с ненцами), так и с угорскими популяциями [1984, с. 125].

По северным хантам, кроме этих серий, но по более южным областям их ареала, известна коллекция черепов из с. Мужи. С. Соммье опубликованы [Sommier, 1887] измерения черепов, произведенные согласно методике французской краниологической школы того времени. В.А. Дрёмовым внесены по индивидуальным данным соответствующие изменения, но набор признаков не содержит, конечно, многих важных для современной расовой диагностики характеристик [1984].

По краниометрии северохантыйские серии черепов хотя и обладают определенным сходством, но имеют и некоторые особенности (табл. 36). Так, если черепа из Халас-Погора характеризуются средними величинами продольного и поперечного диаметров, то черепа обдорских хантов, особенно мужские, имеют более короткую и узкую черепную коробку, поэтому в первом случае черепной указатель свидетельствует о мезо-суббрахикрании, во втором — о мезокрании. Высота черепа преимущественно малая, но у женской выборки из Обдорска заметно выше и достигает средней величины. В этой связи черепа (за исключением женских из Обдорска) по высотно-поперечному указателю могут быть охарактеризованы как тапейнокранные, женские из Обдорска — как метриокранные. В серии из Халас-Погора лоб средней, а в обдорской — малой величины, довольно наклонный в обеих группах.

В размерах лица между халас-погорскими и обдорскими черепами наблюдаются различия: в первом случае лицо более крупное и характеризуется большой шириной и высотой, во втором — размеры лица средней величины, хотя в целом лицо мезопрозопное. Величины углов горизонтальной профилировки лица показывают умеренную его уплощенность на обоих уровнях с тенденцией к большей уплощенности лица в средней части в обдорской серии.

Орбиты средней высоты и ширины в Обдорске, чуть крупнее в Халас-Погоре, мезоконхные. Нос среднеширокий при средней его высоте в обдорской серии и при большей высоте в халас-погорской, по указателю

нос мезоринный с тенденцией к лепторинии у мужских черепов из Обдорска. Носовые кости неширокие, переносье средней ширины, высота их средней величины, угол выступания носа малый во всех случаях.

В целом можно констатировать, что черепа из Халас-Погора несколько более крупные, чем из Обдорска, и по сравнению с последними длиннее, шире и брахикраннее, имеют более широкий лоб, более крупное лицо и орбиты, менее уплощенное по горизонтали в средней части лицо и чуть менее выступающее переносье. Отклоняясь по этому комплексу морфологических особенностей от халас-погорской серии, обдорская группа сближается с манси Северной Сосьвы и Ляпина, занимая между ними как бы промежуточное положение.

Черепа из с. Мужи имеют еще более долихокранную коробку, чем черепа из Обдорска, а также более узкое и, видимо, более низкое лицо (если судить по размерам носа) и сближаются по этим характеристикам с северным манси в еще большей степени, чем обдорская группа. И хотя отсутствие ряда признаков в серии из Мужи не позволяет дать более детальную картину, рисуемый даже по имеющимся данным краниологический тип, видимо, адекватнее отражает физические способности северных хантов, чем выявляемый по черепам из Обдорска и Халас-Погора.

Северные манси обитают между Уральским хребтом и Обью в ее нижнем течении, по рекам Северная Сосьва, Ляпин, Лозьва, Пелым, Конда. Большинство манси (с Северной Сосьвы, Ляпина, верховьев Лозьвы) говорят на северных диалектах мансийского языка, манси с Пелыма, среднего и нижнего течения Лозьвы — на западных диалектах, манси с Конды — на восточных [Ромбандеева, 1973]. В бассейне Тавды ранее были распространены южные диалекты, ныне уже исчезнувшие [Хайду, 1985].

По северной части мансийского этноса краниологические материалы происходят преимущественно из поздних могильников (XVIII–XIX вв.) с левого берега Северной Сосьвы и ее притока Ляпина (Сыгвы). Их первоначальное описание содержится в работе И.П. Силинича [1904], в которой он отметил, что черепа манси являются долихокранными, хотя у северных хантов длинноголовость выражена более отчетливо, манси имеют и более широкое лицо [Силинич, 1904, с. 105, 112]. Впоследствии к этой коллекции было добавлено еще несколько черепов [Дебец, 1951]. Специально изучен краниологический тип северных манси Ю.Д. Беневоленской [1987, 1992]. Обычно данная серия используется в качестве сравнительной, как некий «эталон» антропологического типа, характерного для обских угров. В обобщающей работе В.А. Дрёмова [1984] черепа с Северной Сосьвы используются наряду с хантыйскими при выяснении некоторых вопросов классификации и генеалогии угро-самодийских народов. При этом отмечается, что мансийская серия выполняет стержневую роль среди угорских групп, наиболее соответствует обобщенному угорскому типу [Дрёмов, 1984, с. 125] и таксономически сближается с хантыйскими группами нижней Оби [Там же, с. 122]. Ю.Д. Беневоленской [1990, 1992, 1993] обращено внимание на некоторые особенности краниологической структуры манси, что выделяет их на фоне соседних групп Западной Сибири,

определяется статус манси как группы, сохранившей древние протоморфные особенности.

Судя по этнографическим данным, северные манси сформировались сравнительно недавно, на протяжении последних столетий. В XVI–XVII вв. территории по Северной Сосьве и Ляпину входили в ареал северных хантов, сложение же северной группы манси произошло только в XVIII–XIX вв. [Соколова, 1975, 1978, 1979, 1981]. Приток манси на Северную Сосьву и Ляпин происходил из южных волостей и особенно усилился с начала XVIII в., в связи с массовой христианизацией коренного населения [Соколова, 1979, с. 41]. Часть хантыйского населения, несомненно, ушла на север и восток — нижнюю Обь и Казым, а часть была «вогулизирована». В конце XVIII — начале XIX в. на Северной Сосьве и Ляпине еще проживало смешанное мансийско-хантыйское население. Во второй половине XIX в. происходит разделение этого населения на северных манси и северных хантов, изменяется и ориентация брачных связей: уменьшается число браков между манси и хантами и увеличивается количество эндогамных браков, формируются этнографические группы северных манси — ляпинская и сосьвинская [Давыдова, 1974, с. 97; Соколова, 1979, с. 46; 1981, с. 52]. При учете этих обстоятельств серию черепов с Северной Сосьвы и Ляпина следует рассматривать в качестве мансийской с определенной долей условности. В частности, Ю.Д. Беневоленская пришла к выводу о неоднородности черепов в расовом отношении; несмотря на то, что прослеживается мансийское ядро, наблюдается небольшая хантыйская примесь в мужской части серии, более значительная — в женской [1992, с. 31].

Краниометрически мужские и женские черепа с Северной Сосьвы и Ляпина характеризуются (табл. 36) средними величинами продольного и поперечного диаметров, черепной указатель свидетельствует об их субдолихокранности. Высота черепа у них весьма малая и по высотно-поперечному указателю они могут быть охарактеризованы как тапейнокранные. Лоб средней ширины, наклонный у женских черепов, более узкий и весьма наклонный у мужских. Лицо средней высоты и ширины, мезопрозопное по лицевому указателю. Величины назомалярного и зигомаксиллярного углов показывают умеренную уплощенность лица на обоих уровнях при некоторой тенденции к большей уплощенности его в средней части. Носовые кости неширокие, переносье несколько шире; высота носовых костей малая, а переносья — средней величины. Угол выступания носа малый.

В 1987–1988 гг. на кладбище у бывшей деревни Лямъяпауль, располагавшейся на правом берегу р. Лямъя (правый приток р. Пелым в Ивдельском районе Свердловской области), автором собрана небольшая краниологическая коллекция, состоящая из четырех мужских и восьми женских черепов [Багашёв, 1999а, б].

По данным переписи населения 1897 г., манси верхнего течения Пелыма были приписаны к Верх-Пелымской волости Туринского уезда [Патканов, 1911]. По этнографическим сведениям, манси Лозьвинских, Пелымских и Сосьвинских волостей Туринского уезда представляют собой довольно монолитную в этническом отношении группу, так как заключа-

ли браки преимущественно между собой, в своей среде [Соколова, 1990, с. 55–56]. Браки же манси этих западных волостей с ляпинскими и северососьвинскими практически отсутствовали [Соколова, 1979а, с. 120]. Пелымско-лозьвинско-сосьвинская (западная) группа манси может быть отождествлена с былым племенным делением, и есть основания предполагать племенной характер этой части манси [Соколова, 1990, с. 58]. По лингвистическим данным, манси Пелыма, средней и нижней Лозьвы говорили на западном диалекте мансийского языка [Хайду, 1985, с. 38–39]. Таким образом, серия черепов из Лямъяпауля соотносится с пелымскими манси, которые представляют западную (пелымско-лозьвинско-сосьвинскую) часть этноса.

Для мужских черепов ***западных манси*** характерна мезокранная форма мозговой коробки при средней ее высоте. Лицо у них довольно широкое, но низкое, в горизонтальной плоскости слабо профилировано. Носовые кости узкие, невысокие, симотический указатель и угол свидетельствуют об их уплощенности. Переносье шире и выше, относительно носовых костей более профилированное. Угол выступания носа средней величины (табл. 37).

Сопоставление черепов западных манси с данными по хантам и манси Западной Сибири показало [Багашёв, 1999а], что между ними не обнаруживается близкого сходства. Мужские черепа пелымских манси, по сравнению с черепами манси Северной Сосьвы, да и другими обско-угорскими группами, являются более широкими и высокими, их лицевой скелет значительно шире, но заметно меньше высота лица, ниже орбиты. По горизонтали лицо уплощеннее на уровне орбит, сильнее выступает нос. Эти особенности сближают пелымскую серию манси с селькупскими выборками.

Женские черепа отличаются от обско-угорских групп Западной Сибири по этим же признакам. Однако благодаря своему более европеоидному строению они обнаруживают морфологическое сходство в первую очередь с саамами Кольского полуострова, карелами, а также с финнами Поволжья и Приуралья.

Так, по методу Г.Ф. Дебеца [1968] индекс уплощенности лицевого скелета мужских черепов 61,8, женских — 52,2, преаурикулярный фацио-церебральный указатель — соответственно 94,2 и 90,7, условная доля монголоидного элемента — 65,9 и 36,9. УЛС женских черепов меньше за счет более высокого переносья и менее уплощенного лица, а ПФЦ — только за счет заметно меньшей ширины лица. В целом же для женских черепов характерно более европеоидное строение, нежели для мужских.

Вообще западные манси обнаруживают тяготение к наиболее низколицым и долихокранным угорским сериям — северным манси, хантам Иртыша, Салыма, Югана и Васюгана. А вот женские черепа пелымской серии несколько дистанцируются от основного массива угров. Благодаря европеоидному уровню горизонтальной профилированности лицевого скелета и переносья, они обнаруживают тяготение к восточным финнам, но при этом сохраняют сходство с черепами хантов Иртыша, Салыма и Югана.

Таблица 37

Средние размеры и указатели черепов западных (пелымских) манси из могильника Лямъяпауль

Признак, № по Мартину или условное обозначение	♂				♀			
	n	$\bar{x}$	min-max	*s*	*n*	$\bar{x}$	min-max	*s*
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Продольный диаметр	4	186,5	179–192	5,8	7	173,4	169–178	2,8
8. Поперечный диаметр	4	145,3	138–151	5,4	7	139,1	134–145	3,8
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	4	133,0	130–136	2,4	7	125,0	117–131	4,2
20. Высотный диаметр (*po-b*)	4	114,5	111–118	2,9	7	109,3	103–113	3,2
8:1. Черепной указатель	4	78,0	71,9–82,1	4,8	7	80,2	77,9–83,3	2,0
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	4	71,3	68,4–74,3	2,4	7	72,1	67,6–75,3	2,6
20:1. Высотно-продольный указатель от *po*.	4	61,5	58,4–63,8	2,7	7	63,0	59,5–65,1	1,9
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	4	91,7	88,1–98,6	4,7	7	89,9	84,2–93,3	2,9
20:8. Высотно-поперечный указатель от *po*.	4	78,9	76,6–83,3	3,0	7	78,6	74,1–81,5	2,4
5. Длина основания черепа	4	96,8	91–101	4,4	7	91,7	88–94	2,1
11. Ширина основания черепа	4	134,8	132–136	1,7	7	123,9	119–130	3,7
9. Наименьшая ширина лба	4	94,3	91–97	2,8	7	93,6	89–97	3,2
10. Наибольшая ширина лба	4	117,0	112–121	4,2	7	116,7	112–119	2,5
9:8. Лобно-поперечный указатель	4	64,9	61,6–66,2	2,2	7	67,3	64,7–71,1	2,4
9:10. Лобный указатель	4	80,6	77,5–83,5	2,5	7	80,2	74,8–83,5	2,9
Угол поперечного изгиба лба	4	143,4	141,2–145,9	2,5	7	139,4	133,8–151,9	6,0
32. Угол профиля лба от *n*.	4	80,8	78–86	3,6	7	85,6	82–88	2,2
GM/FH. Угол профиля лба от *g*.	4	73,0	69–78	3,9	7	79,6	76–84	3,0
Надпереносье (1–6)	4	3,25	3–4	—	7	1,71	1–2	—
12. Ширина затылка	4	112,0	108–116	3,4	7	110,4	105–118	4,2
40. Длина основания лица	4	98,0	93–101	3,6	7	90,7	88–94	2,2
40:5. Указатель выступания лица	4	101,3	100,0–102,2	1,0	7	98,9	95,7–101,1	1,9
43. Верхняя ширина лица	4	105,5	101–110	3,7	7	99,4	95–102	2,5
46. Средняя ширина лица	4	103,5	99–109	5,3	7	89,1	86–92	2,0
45. Скуловой диаметр	4	141,0	133–145	5,5	7	123,6	117–127	3,7
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	4	97,3	88,1–104,3	6,9	7	88,8	87,1–91,4	1,6
9:45. Лобно-скуловой указатель	4	66,9	63,2–69,9	2,9	7	75,7	73,6–78,7	1,7
48. Верхняя высота лица	4	66,3	64–68	1,7	7	61,9	57–64	2,4
47. Полная высота лица	4	113,5	105–122	7,0	7	104,6	99–112	4,5
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	4	49,8	48,1–51,1	1,4	7	49,5	48,4–50,8	0,9
48:45. Верхний лицевой указатель	4	47,1	45,1–51,1	2,8	7	50,1	47,1–53,8	2,1
47:45. Верхний лицевой указатель	4	80,7	73,9–91,7	7,7	7	84,7	81,8–91,5	3,9
72. Общий лицевой угол	4	83,3	82–85	1,3	7	83,7	80–88	3,0
73. Средний лицевой угол	4	85,3	83–88	2,2	7	86,9	84–90	2,7
74. Угол альвеолярной части	4	76,8	74–78,5	2,1	7	74,3	66,2–82	5,2
77. Назомалярный угол	4	146,9	142,1–149,8	3,6	7	144,1	140,6–151,2	3,9
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	4	134,4	129,7–143,7	6,4	7	131,1	125,5–141,3	5,5
51. Ширина орбиты от *mf*.	4	42,8	42–44	1,0	7	40,6	39–43	1,3
51a. Ширина орбиты от *d*.	4	39,8	38–42	1,7	7	37,1	36–38	0,7
52. Высота орбиты	4	31,8	31–32	0,5	7	31,4	29–33	1,5
52:51. Орбитный указатель от *mf*.	4	74,3	72,1–76,2	2,2	7	77,5	72,5–82,5	3,2
52:51a. Орбитный указатель от *d*.	4	80,0	76,2–84,2	3,8	7	84,7	78,4–91,7	4,5
55. Высота носа	4	49,8	48–53	2,2	7	44,9	43–47	1,6

Окончание табл. 37

1	2	3	4	5	6	7	8	9
54. Ширина носа	4	28,3	26–30	1,4	7	23,3	21–24	1,1
54:55. Носовой указатель	4	56,8	53,1–62,5	4,0	7	51,9	47,7–54,5	2,4
75. Угол наклона носовых костей	4	56,3	52–67	7,2	7	63,7	57–67	3,9
75(1). Угол выступания носа	4	27,0	18–31	6,1	7	20,0	14–25	3,4
SC. Симотическая ширина	4	6,23	3,5–7,6	1,9	7	6,74	5,0–9,0	1,5
SS. Симотическая высота	4	2,88	2,2–3,5	0,6	7	2,96	1,3–4,5	1,0
SS:SC. Симотический указатель	4	48,4	34,7–62,9	11,6	7	43,7	26,0–58,0	11,5
∠S. Симотический угол	4	93,0	77,0–110,4	13,8	7	99,1	81,5–125,1	15,5
50. Межглазничная ширина	4	17,08	13,6–19,0	2,4	7	14,90	13,4–15,5	0,9
DC. Дакриальная ширина	4	20,90	18,3–23,6	2,3	7	18,69	16,8–21,0	1,5
DS. Дакриальная высота	4	10,78	10,2–12,5	1,1	7	10,49	9,0–12,1	1,0
DS:DC. Дакриальный указатель	4	51,7	46,8–55,7	3,7	7	56,4	46,6–65,1	7,1
∠D. Дакриальный угол	4	88,2	83,8–93,8	4,2	7	83,5	75,1–94,0	7,4
FC. Глубина клыковой ямки	4	3,00	2,1–3,9	0,7	7	4,09	2,1–9,1	2,4
62. Длина нёба	4	45,5	43–47	1,7	7	42,1	39–44	1,8
63. Ширина нёба	3	42,7	39–48	4,7	6	38,8	37–40	1,2
63:62. Нёбный указатель	3	94,7	89,1–104,3	8,4	6	92,2	88,6–95,2	2,9
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	4	104,0	100–110	4,2	8	97,9	87–107	5,8
68. Длина нижней челюсти от углов	4	82,3	79–87	3,6	8	73,1	66–80	4,7
65. Мыщелковая ширина	4	128,0	117–134	8,0	8	115,4	103–123	6,6
66. Угловая ширина	4	102,3	90–114	9,9	8	96,3	90–103	5,0
70. Высота ветви	4	59,5	54–64	4,2	8	50,9	45–57	3,7
71а. Наименьшая ширина ветви	4	39,8	35–52	8,2	8	32,3	30–35	1,7
67. Передняя ширина нижней челюсти	4	48,0	42–52	4,3	8	43,8	41–46	1,7
69. Высота симфиза	4	33,5	29–38	3,7	8	29,8	26–32	2,2
69(3). Толщина тела нижней челюсти	4	10,8	9–13	1,7	8	10,9	10–12	0,8
79. Угол ветви нижней челюсти	4	115,0	109–123	6,7	8	125,5	115–134	7,1
∠C'. Угол выступания подбородка	4	68,5	62–73	4,6	7	69,1	61–77	5,9

Таким образом, краниологический тип западных (пелымских) манси, фиксируемый на черепах из могильника Лямъяпауль, характеризуется определенным своеобразием. Это сочетание весьма уплощенного в горизонтальной плоскости лица с относительно сильнее профилированным переносьем и средним выступанием носовых костей. Особенностью краниологической структуры пелымских манси является сочетание большой ширины и очень малой высоты в строении лицевого скелета (эурипрозопия).

Хотя краниологическая серия по западным манси невелика, что ставит определенный предел в этногенетических построениях, можно говорить о наличии ряда специфических черт в антропологическом типе манси, которые отличают их от хантов. Скорее всего, речь может идти о наличии в антропологическом составе западных манси европеоидного компонента в двух вариантах. Европеоидный компонент, для которого характерно профилированное по горизонтали, неширокое, средневысокое лицо (более отчетливо просматривается на женских черепах), генетически может быть связан с финно-пермскими народами Восточной Европы. Европеоидный

компонент, характеризующийся уплощенным по горизонтали, широким, низким лицом (более отчетливо наблюдается по мужским черепам), имеет аналогии тому комплексу (европеоидный со слабопрофилированным, эуриморфным лицевым скелетом), который прослеживается в составе населения лесостепной полосы Западной Сибири эпохи раннего железа.

1.3. Северные самодийцы

Этнические группы Сибири, говорящие на северосамойских языках — ненцы, энцы и нганасаны, проживают восточнее Урала на полуострове Ямал, у устья Оби, по Надыму, низовьям Пура, Таза, Енисея. К сожалению, серийные краниологические материалы в настоящее время имеются только по тундровым ***ненцам***.

Краниологические материалы по ненцам немногочисленны. С огромной территории их расселения имеется сборная серия, в которую включены черепа европейских, обских и енисейских ненцев. Большую часть этой коллекции составляют, правда, черепа с Обского Севера. Хотя совершенно ясно, что собранная с большой территории серия не отражает всего спектра физических особенностей локальных групп ненцев, все же приемлемо использование имеющихся черепов для получения общего представления об их краниологическом типе. В работе В.А. Дрёмова [1984] отмечается по этому поводу, что сборная ненецкая серия наиболее соответствует обобщенному самодийскому типу.

Помимо данной коллекции с Обского Севера известны еще две небольшие серии ненецких черепов. Это черепа, собранные С. Соммье в 1880 г. на мысах Яр-Сале и Хаманель и обнаруженные О. Финшем в 1876 г. в среднем и нижнем течении р. Щучья. Частично измерения ненецких черепов с этих территорий содержатся в работах С. Соммье [Sommier, 1887], Р. Вирхова [Virchow, 1877] и У. Флоуера [Flower, 1878].

В результате антропологических сборов, проведенных Институтом проблем освоения севера СО РАН (авторы сборов А.Н. Багашёв, С.М. Слепченко) в Тазовском районе ЯНАО в 2014 г., впервые получена репрезентативная серия черепов из могильников в бассейне р. Вэсакояхи и оз. Нямбой-то [Багашёв, Слепченко, 2015]. По особенностям погребальной обрядности и сопровождающему погребения инвентарю полученный антропологический материал датируется примерно серединой XIX — серединой XX в. В этническом отношении он может быть соотнесен с тазовской группой сибирских тундровых ненцев. Коллекция включает в себя девять мужских и десять женских черепов.

Краниометрически мужские и женские черепа сборной серии (табл. 38) характеризуются средней величиной продольного и большой величиной поперечного диаметров, по черепному указателю — суббрахикранией. Высота черепа малая, особенно в женской выборке, по высотно-поперечному указателю они могут быть охарактеризованы как тапейнокранные. Лоб средней ширины у мужских и более узкий у женских черепов, наклонный. Лицо высокое и широкое, мезопрозопное. Величины назомалярного

Таблица 38

Средние размеры и указатели черепов северосамодийских групп Нижнего Приобья

№ по Мартину или условное обозначение	Сборная		Яр-Сале		р. Щучья	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	179,2 (38)	171,0 (16)	177,8 (10)	172,0 (4)	179,2 (6)	174,8 (8)
8. Поперечный диаметр	146,6 (38)	140,7 (16)	146,8 (10)	141,5 (4)	151,8 (6)	147,4 (8)
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	129,0 (38)	121,3 (16)	128,1 (10)	122,2 (4)	131,7 (6)	125,9 (8)
8:1. Черепной указатель	81,9 (38)	82,4 (16)	82,7 (10)	82,3 (4)	84,7 (6)	84,4 (8)
17:1. Высотно-продольный указатель	72,0*	70,3*	72,2 (10)	71,0 (4)	73,5 (6)	72,1 (8)
17:8. Высотно-поперечный указатель	88,0*	86,2*	87,3 (10)	86,4 (4)	86,7 (6)	85,4 (8)
5. Длина основания черепа	98,7 (38)	96,0 (14)	99,0 (10)	96,8 (4)	—	—
9. Наименьшая ширина лба	94,2 (38)	88,8 (16)	94,8 (10)	92,2 (4)	93,0 (6)	93,4 (8)
32. Угол профиля лба от *n*.	81,8 (38)	82,4 (16)	—	—	—	—
40. Длина основания черепа	101,1 (35)	96,9 (14)	—	—	—	—
45. Скуловой диаметр	139,1 (38)	130,3 (16)	137,9 (9)	132,5 (4)	143*	137*
48. Верхняя высота лица	73,9 (35)	69,5 (14)	72*	69*	72,8 (5)	73,3 (7)
72. Общий лицевой угол	86,1 (37)	86,6 (15)	—	—	—	—
74. Угол альвеолярной части лица	80,9 (34)	78,8 (13)	—	—	—	—
77. Назомалярный угол	146,4 (36)	147,4 (16)	—	—	—	—
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	135,8 (35)	135,6 (15)	—	—	—	—
51. Ширина орбиты от *mf*.	42,7 (37)	40,9 (16)	42,5 (9)	42,9 (4)	43,4 (5)	43,3 (7)
52. Высота орбиты	34,4 (37)	33,7 (16)	35,3 (9)	35,0 (4)	36,2 (6)	36,1 (7)
55. Высота носа	53,0 (37)	51,0 (16)	51,3 (9)	50,8 (4)	55,2 (6)	55,2 (7)
54. Ширина носа	25,0 (37)	25,4 (16)	25,1 (8)	23,4 (4)	25,8 (6)	24,0 (7)
75(1). Угол выступания носа	23,3 (27)	18,2 (12)	—	—	—	—
SC. Симотическая ширина	7,08 (36)	7,20 (16)	—	—	—	—
SS. Симотическая высота	2,73 (36)	2,66 (16)	—	—	—	—
DC. Дакриальная ширина	21,00 (36)	19,56 (16)	—	—	—	—
DS. Дакриальная высота	9,44 (36)	8,88 (16)	—	—	—	—

* По средним и восстановленным по регрессии значениям.

и зигомаксиллярного углов показывают довольно большую уплощенность лица на уровне орбит и умеренную в средней части. Орбиты средней ширины и высоты, мезоконхные. Нос довольно высокий, средней ширины на мужских и более широкий на женских черепах, мезоринный с тенденцией к лепторинии в мужской выборке. Носовые кости и переносье неширокие, высота их на границе малых и средних величин. Угол выступания носа малый у женских и больше у мужских черепов.

Черепа ненцев из Яр-Сале и со Щучьей морфологически в общем сходны, причем как между собой, так и с черепами сборной серии. Некоторые различия фиксируются по форме черепной коробки, она более широкая и брахикранная в серии с р. Щучья; чуть у́же и менее круглая в Яр-Сале, а затем в сборной серии. Черепа со Щучьей и самые широколицые.

Серия тазовских ненцев в целом характеризуется средней величиной продольного и большой поперечного диаметров (брахикрания) при средней высоте мозговой коробки у мужчин и малой у женщин (табл. 39). Лицо широкое, особенно у мужских черепов, средневысокое, мезопрозоп-

Таблица 39

Средние размеры и указатели черепов тазовских ненцев

№ по Мартину или условное обозначение	♂			♀		
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1. Продольный диаметр	183,3	6	3,7	171,3	8	5,6
8. Поперечный диаметр	148,0	7	4,9	140,9	8	7,7
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	131,6	7	2,6	125,5	8	4,9
20. Высотный диаметр (*po-b*)	114,0	8	3,1	109,7	9	4,5
8:1. Черепной указатель	80,1	6	2,7	82,3	8	4,2
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	71,8	6	2,7	73,2	8	2,6
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	89,0	7	2,6	89,0	8	2,3
5. Длина основания черепа	102,9	7	4,5	96,0	8	2,7
11. Ширина основания черепа	134,4	7	4,9	127,3	8	6,5
9. Наименьшая ширина лба	93,0	9	4,3	91,8	10	3,9
9:8. Лобно-поперечный указатель	64,3	6	2,2	64,9	8	4,4
32. Угол профиля лба от *n*.	76,2	6	6,7	80,4	8	2,1
GM/FH. Угол профиля лба от *g*.	68,3	6	8,1	73,5	8	3,0
Надпереносье (1–6)	3	6	—	1,8	8	—
40. Длина основания лица	101,7	6	3,8	96,8	8	3,9
40:5. Указатель выступания лица	99,9	6	1,9	100,8	8	4,2
43. Верхняя ширина лица	107,3	7	2,4	102,3	10	4,1
45. Скуловой диаметр	142,2	6	3,1	132,9	8	6,3
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	96,9	6	3,7	94,4	8	2,2
9:45. Лобно-скуловой указатель	66,4	6	3,7	68,8	8	3,9
48. Верхняя высота лица	74,7	6	4,1	68,6	9	4,4
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	56,8	6	3,6	55,0	8	3,0
48:45. Верхний лицевой указатель	52,6	6	3,3	51,9	8	3,1
72. Общий лицевой угол	81,7	6	3,1	82,0	8	2,9
73. Средний лицевой угол	83,7	6	4,0	84,6	8	2,1
74. Угол альвеолярной части	80,1	6	2,4	80,2	8	3,5
77. Назомалярный угол	145,9	7	3,2	146,3	10	4,5
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	132,0	6	5,5	131,2	9	5,8
51. Ширина орбиты от *mf*.	43,2	6	0,8	40,6	10	2,3
52. Высота орбиты	35,5	6	2,7	34,7	10	2,3
52:51. Орбитный указатель от *mf*.	82,3	6	6,7	85,6	10	6,1
55. Высота носа	54,5	6	3,0	51,8	9	3,4
54. Ширина носа	25,7	6	0,8	25,2	9	1,2
54:55. Носовой указатель	47,3	6	3,8	48,9	9	4,1
75(1). Угол выступания носа	21,8	6	4,1	18,6	8	5,3
SC. Симотическая ширина	6,6	7	1,7	7,5	9	2,0
SS. Симотическая высота	2,9	7	1,1	2,5	9	0,7
SS:SC. Симотический указатель	44,5	7	12,5	34,0	9	8,6
DC. Дакриальная ширина	21,6	6	2,7	20,2	9	2,3
DS. Дакриальная высота	10,2	6	0,9	9,7	9	0,3
DS:DC. Дакриальный указатель	48,0	6	7,1	48,5	9	5,6
65. Мыщелковая ширина нижней челюсти	126,2	5	4,0	126,3	4	4,9

ное по указателю, умеренно профилированное в горизонтальной плоскости на уровне субспинале, но относительно более уплощенное на уровне орбит. Орбиты мезоконхные по пропорциям, нос мезоринной формы. Носовые кости средней ширины и высоты на дакриальном уровне, но заметно ниже на симотическом. Угол выступания носа малой величины. По степени выраженности признаков, дифференцирующих монголоидные и

европеоидные группы, данная выборка может быть отнесена к кругу смешанных европеоидно-монголоидных форм, но с заметным тяготением в сторону последних. Условная доля монголоидного элемента по Дебецу [1968] составляет 88,4 % у мужчин и 82,8 % у женщин.

Особенностями строения черепов данной серии являются относительно большая уплощенность лицевого скелета на уровне орбит по сравнению с подносовой частью, а также сочетание средней степени высоты переносья на дакриальном уровне с относительно меньшей его высотой на симотическом уровне. В целом средняя высота переносья и уплощенности по горизонтали лицевого скелета сочетается со слабым выступанием носовых костей. Можно отметить в качестве морфологической особенности сочетание довольно большой ширины лица с относительно меньшей его высотой. Обобщенно можно сказать, что отмечаемые особенности краниологической структуры тазовских ненцев прослеживаются и в ряде других выборок из могильников Северо-Западной Сибири.

Характер межгрупповой изменчивости в совокупности северосамодийских популяций отчетливо демонстрирует, что тазовские ненцы дистанцируются от серий более высокоголовых и низколицых черепов. Данная морфологическая особенность наиболее отчетливо представлена в краниологической структуре обь-иртышских популяций западносибирской формации — нарымских селькупов, томско-чулымских и тоболо-барабинских тюрков. Также следует отметить, что черепа тазовских ненцев отклоняются и от более узколицых и долихокранных выборок. В нашем случае эта особенность наиболее четко прослеживается в составе обских угров [Багашёв, Слепченко, 2015].

Краниологическая структура тазовских ненцев в наибольшей степени сближается с морфологическими особенностями в первую очередь европейско-сибирских тундровых ненцев и кетов. Определенное тяготение прослеживается также между черепами тазовских ненцев и нижнеобских хантов из могильника Халас-Погор. Но в литературе не раз отмечалось, что в составе этой хантыйской выборки заметную долю составляет ненецкая примесь.

Межгрупповая изменчивость в совокупности угорских и северосамодийских серий позволяет говорить о наличии в составе анализируемых групп некоторых морфологических комплексов: черепа с удлиненной мозговой коробкой и небольшой высотой имеют более узкие и низкие, сильнее профилированные переносье и лицо в средней части в сочетании с малым углом носа к вертикальному профилю. Противоположная ситуация характерна для брахикранных черепов, у них более уплощенное на уровне орбит лицо сочетается с сильнее выступающим носом.

Выявляемый комплекс признаков в поляризованной форме наблюдается в угорских и ненецких группах. В краниологических материалах с Северной Сосьвы и из с. Мужи это долихокранность, в ненецких — брахикранность и скоррелированные с ними характеристики. Серия из Халас-Погора занимает срединное положение между крайними вариантами, обнаруживая связь и с тем и с другим, что дает основание говорить о

примерно паритетном участии хантыйских и ненецких элементов в ее формировании. Обдорская группа является в своей основе угорской с заметной ненецкой примесью.

По своим морфологическим особенностям ненцы сближаются с кетами, одновременно обнаруживая тяготение к популяциям из Южной Сибири, в составе которых преобладает комплекс признаков южносибирского антропологического типа, в частности к качинцам. О сходстве ненцев с отдельными народами Южной Сибири писали еще С.И. Руденко [1914] и К.И. Горощенко [1901, 1905]. Не совпадающий характер этногенетических связей нижнеобских угров и ненцев [Дрёмов, 1984; Беневоленская, 1987] и наблюдаемые между ними различия свидетельствуют не только о разных расовых компонентах в их составе, но и о различных путях их расогенеза.

1.4. Южные самодийцы

В результате исследований средневековых и близких к современности могильников на территории Нарымского Приобья собран значительный краниологический материал, который является важным историческим источником при решении общих проблем происхождения коренного населения этого региона. По археологическим и этнографическим данным, расположенные здесь средневековые погребения оставлены непосредственными предками современных нарымских селькупов, а материалы из поздних могильников напрямую сопоставляются с конкретными их диалектно-локальными группами.

Уже в первых работах, посвященных антропологии коренного населения Нарымского Приобья [Дебец, Трофимова, 1941; Дебец, 1947], отмечен сложный состав селькупов и выявлены некоторые особенности их морфотипа. Анализ краниологических материалов из могильников по рекам Чулым, Обь и Кеть, вскрытых А.П. Дульзоном и Е.М. Пеняевым, позволил Н.С. Розову зафиксировать ряд расовых компонентов в антропологическом составе нарымских селькупов и высказать некоторые предположения об их происхождении и этногенетических связях [Розов, 1955, 1956а, 1958, 1961]. Повторное исследование краниологических материалов из могильников Причулымья и Прикетья, с некоторой их перегруппировкой и добавлением данных из поздних кладбищ [Дрёмов, 1984, 1998а], показало, что в целом черепа нарымских селькупов имеют брахикранную форму, лицевой скелет у них уплощен в горизонтальной плоскости, а средневыступающее переносье сочетается с очень малым углом выступания носа. Отмечено, что по ряду важных признаков черепа селькупов отличаются от черепов северных самодийцев и угров и сближаются по морфологии с черепами чулымских и томских тюрков. Однако имевшийся в распоряжении исследователей материал анализировался при группировке в серии из различных могильников, что не позволяло уловить территориальную изменчивость особенностей и рассмотреть антропологический состав нарымских селькупов на популяционном уровне.

Дополнительно к известным анализируются краниологические материалы из могильников Тискино, Мигалка, Лукьяновский и Максимоярский, Бедеревский Бор, Барклай. Тискино локализован на левом берегу Оби (условно Приобье), несколько севернее — Мигалка (Колпашевский район Томской области). Лукьяновский и Максимоярский могильники расположены в среднем течении р. Кети (Верхнекетский район Томской области). Могильники Бедеревский Бор 1–3 находятся в среднем течении р. Тым (Каргасокский район Томской области), могильник Барклай — в нижнем течении р. Чаи (Чаинский район Томской области).

Тискинский могильник функционировал с XII по XIX в. н.э. Раскопки памятника проводились Л.А. Чиндиной в 1972 и 1977 гг. и А.И. Бобровой в 1978–1981 гг. По особенностям погребального обряда и сопровождающему инвентарю выделены три основные хронологические группы захоронений: XII–XIV, XV–XVII и XVIII–XIX вв. [Чиндина, 1975; Боброва, 1980, 1982, 1994]. В соответствии с этим краниологический материал также сгруппирован в три серии [Багашёв, 2001]. Серия XII–XIV вв. рассмотрена в разделе, посвященном анализу средневековых материалов.

Погребения могильника Мигалка датируются XVII–XVIII вв., раскопки проводились Л.А. Чиндиной в 1989–1992 гг. [Чиндина, 1993]. В эту серию включены черепа из близко расположенных могильников: два из Мысовского (раскопки Л.А. Чиндиной, 1984 г.) и один из Инкинского (раскопки Л.А. Чиндиной, 1976 г.). Краниометрические характеристики серии публикуются впервые.

Могильники Среднего Прикетья — Лукьяновский (раскопки Г.И. Гребневой, 1977, 1980 гг.) и Максимоярский (раскопки Г.И. Гребневой, 1980, 1982 гг.) — датируются XVI–XVIII вв. [Боброва и др., 1998]. В силу плохой сохранности материал из них сгруппирован в единую серию [Багашёв, 2002].

Погребения могильников Среднего Притымья датируются следующим образом: Бедеревский Бор 1 (раскопки А.И. Бобровой, 1989–1991 гг.) — XIV–XVI вв., Бедеревский Бор 2 (раскопки Н.М. Зинякова, 1974 г. и А.И. Бобровой, 1989–1990 гг.) — XVI–XVIII вв., Бедеревский Бор 3 (раскопки Н.В. Березовской, 1991–1992 гг.) — XII–XIII вв. [Боброва, Торопова, 1990; Березовская, 1992]. Степень сохранности материала позволила сгруппировать черепа в две хронологические группы — раннюю (XII–XVI вв.) и позднюю (XVI–XVIII вв.). Краниометрические характеристики серии публикуются впервые.

Погребения из курганного могильника Барклай (раскопки Ю.И. Ожередова, 1985, 1987, 1989 гг.) разновременны. По археологическим данным, выделяются три периода функционирования могильника: XIV–XV вв., XVI–XVII вв. и XVIII–XIX вв. [Ожередов, 1992, 1993]. В соответствии с этим сгруппированы и краниологические материалы. Краниометрические характеристики серии публикуются впервые.

Для тискинских черепов среднего этапа характерна мезо-брахикранная форма мозговой коробки при средней высоте. Лицо широкое по всем параметрам, в том числе на уровне углов нижней челюсти, но невысокое,

в горизонтальной плоскости весьма слабо профилировано. Носовые кости средней ширины, невысокие, переносье шире и выше, относительно носовых костей более профилированное. Угол выступания носа малой величины (табл. 40, 41).

Таблица 40

Средние размеры и указатели мужских черепов из погребений могильника Тискино

№ по Мартину или условное обозначение	Ранний этап XII–XIV вв.			Средний этап XV–XVII вв.			Поздний этап XVIII–XIX вв.			Суммарно		
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Продольный диаметр	180,3	16	6,3	180,7	15	6,2	180,3	21	5,8	180,4	52	5,9
8. Поперечный диаметр	142,6	17	5,3	145,0	16	5,3	141,4	22	4,7	142,8	55	5,2
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	133,8	16	4,3	133,2	16	4,2	135,9	21	4,9	134,4	53	4,6
20. Высотный диаметр (*po-b*)	116,7	15	5,0	115,5	16	4,0	115,6	22	3,4	115,9	53	4,0
8:1. Черепной указатель	79,2	16	4,4	80,2	15	3,9	78,6	21	3,8	79,5	52	4,0
5. Длина основания черепа	102,1	14	5,1	103,2	13	3,6	102,5	20	4,1	102,6	47	4,2
11. Ширина основания черепа	131,6	14	5,2	131,9	15	3,3	129,3	22	3,3	130,7	51	4,0
9. Наименьшая ширина лба	99,1	19	6,0	97,7	19	3,6	96,2	22	4,3	97,6	60	4,8
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	141,3	16	5,0	138,6	15	4,0	140,1	21	2,1	140,0	52	3,8
10. Наибольшая ширина лба	121,1	18	4,8	121,9	14	3,9	118,5	20	4,9	120,3	52	4,8
32. Угол профиля лба от *n*.	82,0	10	4,4	82,6	11	3,1	82,8	19	3,9	82,6	40	3,7
GM/FH. Угол профиля лба от *g*.	72,6	10	4,0	74,2	11	3,3	75,2	19	4,1	74,3	40	3,9
Надпереносье (1–6)	3,64	25	—	3,42	24	—	3,78	23	—	3,61	72	—
12. Ширина затылка	112,0	16	5,7	110,6	16	4,0	113,1	21	3,4	112,0	53	4,4
40. Длина основания лица	102,4	11	4,1	101,1	10	6,8	101,6	20	4,7	101,7	41	5,0
40:5. Указатель выступания лица	99,9	10	2,6	98,6	10	4,9	99,2	20	3,6	99,2	40	3,7
43. Верхняя ширина лица	110,5	15	5,3	108,3	16	2,5	107,5	23	4,1	108,6	54	4,2
46. Средняя ширина лица	100,6	16	4,6	100,1	12	3,8	100,9	21	6,1	100,6	49	5,1
45. Скуловой диаметр	139,1	15	5,6	138,5	15	4,5	139,5	21	4,7	139,1	51	4,8
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	97,4	15	3,3	95,9	15	3,4	98,6	21	4,0	97,5	51	3,7
9:45. Лобно-скуловой указатель	71,7	13	3,7	70,6	13	2,9	69,3	20	3,5	70,4	46	3,5
48. Верхняя высота лица	70,2	16	3,7	69,5	15	4,7	71,0	21	5,3	70,3	52	4,6
47. Полная высота лица	116,1	11	5,0	115,3	8	8,3	117,7	14	7,2	116,6	33	6,7
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	51,9	11	2,9	52,2	11	3,4	52,6	20	3,8	52,3	42	3,4
48:45. Верхний лицевой указатель	50,3	11	2,7	49,9	11	3,5	50,9	21	3,8	50,5	43	3,5
72. Общий лицевой угол	85,7	10	3,4	86,1	9	2,9	85,8	20	3,0	85,9	39	3,0
74. Угол альвеолярной части	78,5	10	4,8	78,7	9	6,7	79,2	20	5,1	78,9	39	5,3
77. Назомалярный угол	145,4	16	3,8	145,5	15	5,1	143,3	23	4,1	144,5	54	4,4
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	133,6	15	4,5	135,3	10	6,4	133,1	21	4,8	133,7	46	5,1
51. Ширина орбиты от *mf*.	45,5	17	2,3	44,7	17	2,0	44,2	22	1,6	44,8	56	2,0
51a. Ширина орбиты от *d*.	41,8	17	2,2	41,7	13	2,3	41,0	21	1,5	41,5	51	2,0
52. Высота орбиты	33,9	17	2,0	33,4	16	2,4	32,9	22	2,0	33,4	55	2,1
52:51. Орбитный указатель от *mf*.	74,8	16	3,6	74,8	16	4,1	74,3	22	5,1	74,6	54	4,3
52:51a. Орбитный указатель от *d*.	81,4	16	4,0	79,5	13	4,1	80,6	21	5,9	80,6	50	4,9
55. Высота носа	52,4	16	2,4	51,2	15	2,5	52,2	21	3,2	52,0	52	2,8
54. Ширина носа	26,3	19	1,3	26,0	16	1,3	26,0	22	1,8	26,1	57	1,5
54:55. Носовой указатель	50,5	16	3,2	51,3	14	4,4	50,2	21	5,0	50,6	51	4,3
75(1). Угол выступания носа	18,9	15	4,1	18,0	10	4,3	17,7	21	4,0	18,2	46	4,1
SC. Симотическая ширина	8,38	19	2,2	7,83	15	1,6	8,05	23	2,6	8,10	57	2,2
SS. Симотическая высота	3,48	19	1,0	2,98	15	0,8	2,90	23	1,0	3,12	57	1,0
SS:SC. Симотический указатель	43,3	19	12,5	38,8	15	8,9	37,6	23	11,0	39,8	57	11,1

Окончание табл. 40

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
50. Межглазничная ширина	19,68	17	1,5	19,77	15	1,5	19,29	23	1,9	19,54	55	1,7
DC. Дакриальная ширина	21,86	17	2,2	21,59	9	2,0	21,56	20	1,8	21,67	46	2,0
DS. Дакриальная высота	11,25	17	1,6	10,70	9	0,9	10,41	20	1,3	10,78	46	1,4
DS:DC. Дакриальный указатель	52,0	17	8,9	49,9	9	6,0	48,8	20	7,4	50,2	46	7,7
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	104,4	23	4,4	105,2	10	6,7	106,4	19	7,4	105,3	52	6,0
68. Длина нижней челюсти от углов	79,7	23	5,6	78,8	13	7,4	80,2	20	4,1	79,6	56	5,5
65. Мыщелковая ширина	127,9	17	7,8	127,0	8	5,5	127,1	18	6,0	127,4	43	6,6
66. Угловая ширина	110,1	20	7,2	108,0	12	7,3	111,6	21	5,4	110,2	53	6,6
70. Высота ветви	57,6	24	4,9	57,5	10	6,0	59,5	18	5,3	58,2	52	5,3
71a. Наименьшая ширина ветви	36,8	24	3,7	36,9	14	2,6	36,5	21	2,8	36,7	59	3,1
67. Передняя ширина нижней челюсти	47,5	27	3,7	48,8	16	2,4	48,6	21	2,4	48,2	64	3,0
69(3). Толщина тела	13,1	31	1,4	13,2	18	1,5	13,4	21	1,0	13,1	70	1,4
79. Угол ветви нижней челюсти	119,6	24	5,6	120,7	10	6,8	120,3	19	7,3	120,0	53	6,4
C'∠. Угол выступания подбородка	72,4	24	5,2	73,4	14	5,5	73,6	20	5,8	73,1	58	5,4

Таблица 41

Средние размеры и указатели женских черепов из погребений могильника Тискино

№ по Мартину или условное обозначение	Ранний этап			Средний этап			Поздний этап			Суммарно		
	XII–XIV вв.			XV–XVII вв.			XVIII–XIX вв.					
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Продольный диаметр	169,9	14	5,6	170,1	19	6,1	172,4	23	5,7	171,0	56	5,8
8. Поперечный диаметр	138,6	15	5,0	137,7	19	6,2	136,1	23	4,7	137,3	57	5,3
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	128,8	12	5,5	126,0	15	4,5	130,0	22	4,4	128,5	49	4,9
20. Высотный диаметр (*po-b*)	112,0	11	4,1	110,8	14	4,0	110,4	21	3,0	110,9	46	3,6
8:1. Черепной указатель	81,9	14	5,1	81,5	19	6,1	79,4	22	3,3	80,7	55	4,9
5. Длина основания черепа	97,5	11	5,1	96,1	15	4,1	98,7	21	4,4	97,6	47	4,6
11. Ширина основания черепа	125,2	11	4,4	125,2	14	3,9	124,1	22	4,6	124,7	47	4,3
9. Наименьшая ширина лба	93,7	24	3,5	93,2	29	4,6	94,8	25	3,5	93,9	78	3,9
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	140,4	20	6,3	141,2	28	6,1	140,6	24	4,2	140,8	72	5,5
10. Наибольшая ширина лба	116,4	21	3,4	115,5	24	4,3	115,2	24	3,6	115,7	69	3,8
32. Угол профиля лба от *n*.	85,1	7	5,6	84,1	9	4,2	84,6	20	1,9	84,6	36	3,4
GM/FH. Угол профиля лба от *g*.	77,9	7	5,1	77,9	9	4,5	77,8	20	2,8	77,8	36	3,6
Надпереносье (1–6)	2,19	27	—	2,19	32	—	2,20	25	—	2,19	84	—
12. Ширина затылка	105,6	12	3,8	105,7	18	3,7	108,4	22	3,9	106,8	52	4,0
40. Длина основания лица	99,6	7	2,5	96,5	11	2,7	95,8	20	5,2	96,7	38	4,4
40:5. Указатель выступания лица	101,5	7	4,0	98,2	10	3,6	97,1	20	2,9	98,2	37	3,6
43. Верхняя ширина лица	103,4	20	3,1	104,6	25	3,0	103,3	23	3,4	103,8	68	3,2
46. Средняя ширина лица	95,4	8	2,4	96,4	16	3,4	95,5	21	3,9	95,8	45	3,5
45. Скуловой диаметр	130,5	11	4,6	131,4	13	3,3	130,4	23	4,9	130,7	47	4,4
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	94,4	11	2,3	96,2	12	3,4	96,0	22	2,5	95,7	45	2,7
9:45. Лобно-скуловой указатель	71,5	11	2,6	71,1	13	3,6	72,6	23	2,5	71,9	47	2,9
48. Верхняя высота лица	63,5	11	3,7	65,0	18	4,3	65,7	23	3,6	65,0	52	3,9
47. Полная высота лица	104,0	6	8,0	107,5	11	6,7	107,3	18	7,8	106,8	35	7,4
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	48,8	9	3,1	51,3	12	2,1	50,0	20	3,4	50,1	41	3,1
48:45. Верхний лицевой указатель	48,6	9	2,6	49,4	10	1,9	50,5	21	2,6	49,8	40	2,5
72. Общий лицевой угол	83,1	7	4,5	86,1	9	2,8	87,2	20	2,5	86,1	36	3,3

Окончание табл. 41

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
74. Угол альвеолярной части	74,4	7	4,4	79,4	9	5,7	79,5	19	3,7	78,5	35	4,7
77. Назомалярный угол	145,5	18	5,2	146,8	26	5,7	143,8	23	3,7	145,4	67	5,1
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	134,9	7	3,7	136,3	14	4,8	133,9	21	4,3	134,9	42	4,4
51. Ширина орбиты от *mf.*	41,9	13	1,0	43,5	20	1,7	42,6	24	1,6	42,7	57	1,6
51a. Ширина орбиты от *d.*	39,1	9	1,2	40,1	16	1,5	39,2	24	1,8	39,5	49	1,7
52. Высота орбиты	31,8	12	1,6	33,2	21	1,8	32,5	24	1,4	32,6	57	1,6
52:51. Орбитный указатель от *mf.*	76,0	12	4,4	76,5	20	3,8	76,5	24	4,0	76,4	56	3,9
52:51a. Орбитный указатель от *d.*	82,2	9	4,4	82,0	16	3,9	83,6	24	5,2	82,8	49	4,6
55. Высота носа	48,0	11	2,8	49,1	19	2,9	49,4	24	2,5	49,0	54	2,7
54. Ширина носа	25,5	14	1,3	25,4	21	1,9	25,5	24	1,6	25,5	59	1,6
54:55. Носовой указатель	53,5	11	2,4	52,4	19	5,3	51,6	24	2,8	52,2	54	3,8
75(1). Угол выступания носа	13,7	7	4,2	16,7	12	5,0	16,1	24	3,9	15,9	43	4,3
SC. Симотическая ширина	7,83	17	1,8	7,80	24	1,8	7,70	25	1,7	7,77	66	1,7
SS. Симотическая высота	2,59	17	0,6	2,81	24	0,7	2,67	25	0,7	2,70	66	0,7
SS:SC. Симотический указатель	33,8	17	6,2	36,7	24	10,0	35,5	25	9,4	35,5	66	8,9
50. Межглазничная ширина	18,94	14	1,6	18,58	24	1,6	18,48	25	2,0	18,62	63	1,8
DC. Дакриальная ширина	20,84	10	2,1	19,94	19	2,0	20,68	25	2,6	20,45	54	2,3
DS. Дакриальная высота	8,95	10	1,7	9,29	19	1,4	9,51	25	1,3	9,33	54	1,4
DS:DC. Дакриальный указатель	46,0	10	10,9	46,8	19	6,5	46,4	25	7,3	46,5	54	7,7
FC. Глубина клыковой ямки	3,82	11	1,8	3,44	17	1,6	3,61	23	1,1	3,60	51	1,4
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	99,7	15	6,4	98,5	14	4,7	101,1	20	5,2	99,9	49	5,5
68. Длина нижней челюсти от углов	75,3	14	4,9	76,6	14	4,3	76,1	20	2,3	76,0	48	3,8
65. Мыщелковая ширина	121,6	11	7,0	121,4	8	4,9	119,9	20	6,1	120,6	39	6,1
66. Угловая ширина	104,8	16	6,3	99,4	12	4,4	100,4	20	5,1	101,6	48	5,7
70. Высота ветви	51,1	14	4,7	51,7	14	3,7	52,0	20	4,3	51,7	48	4,2
71a. Наименьшая ширина ветви	34,6	16	2,8	35,1	15	4,0	34,1	20	4,8	34,6	51	3,9
67. Передняя ширина нижней челюсти	46,2	23	4,2	44,8	21	4,0	45,5	21	3,5	45,5	65	3,9
69(3). Толщина тела	12,0	23	1,1	12,3	23	1,4	11,9	20	1,4	12,1	66	1,3
79. Угол ветви нижней челюсти	122,1	14	5,8	121,1	14	3,7	123,9	20	6,6	122,5	48	5,7
C'∠. Угол выступания подбородка	70,7	17	5,0	70,9	14	4,3	68,4	18	4,5	69,9	49	4,7

Черепа среднего этапа отличаются от черепов раннего периода только по углам вертикальной профилировки лицевого скелета. Поздние черепа морфологически почти не отличаются от средних и ранних. Индексы уплощенности лицевого скелета, преаурикулярные фацио-церебральные указатели и условная доля монголоидного элемента составляют в различных тискинских выборках близкие значения, а их величины указывают, что черепа из могильника Тискино по своему строению сближаются с монголоидными вариантами, в первую очередь по уплощенности лицевого скелета и углу выступания носа, но по ряду признаков, особенно по высоте лица и соотношению лицевых и мозговых пропорций, наоборот, сближаются с европеоидами. В целом черепа из Тискино занимают промежуточное положение между европеоидными и монголоидными вариантами с бóльшим тяготением в сторону последних.

По мужским черепам наблюдается незначительное усиление монголоидных черт от древности к современности, по женским — ситуация

несколько иная: близкие к современности черепа являются более европеоидными, чем ранние. Не фиксируется, следовательно, влияние европеоидных групп, в частности русских переселенцев, на антропологический тип мужчин, погребенных в Тискинском могильнике, в составе женщин (на последнем этапе функционирования могильника) не исключена небольшая примесь европеоидного компонента.

Специфическими чертами краниологической структуры всех черепов Тискинского могильника являются: сочетание очень слабо выступающего носа и уплощенного по горизонтали лица, особенно на уровне орбит, со средневыступающим переносьем и эурипрозопной формой лицевого скелета.

Мужские черепа из могильника Мигалка характеризуются брахикранией и средней высотой, женские — имеют мезокранную форму. Лицевой скелет мужских и женских черепов широкий, невысокий, в горизонтальной плоскости слабо профилирован. Носовые кости средней ширины, невысокие, особенно на женских черепах, симотический указатель и угол свидетельствуют об их уплощенности. Переносье относительно носовых костей более высокое и профилированное. Угол выступания носа очень малой величины (табл. 42).

По степени выраженности монголоидных черт мужские и женские черепа не различаются, что ставит их в ряд групп, занимающих промежуточное положение между монголоидными и европеоидными вариантами. Для черепов из Мигалки, как и для тискинских, специфическими чертами являются: сочетание большой ширины и малой высоты в строении лицевого скелета, плоское по горизонтали лицо, средневысокое переносье в сочетании с очень малым углом выступания носа, что свидетельствует о большом сходстве антропологических типов тискинской и мигалкинской популяций, т.е. о тесных родственных связях этнических групп, оставивших оба могильника.

Черепа из Прикетья (Лукьяновский и Максимоярский могильники) характеризуются малой величиной продольного и большой поперечного диаметров, по форме брахикранные. Высота мужских черепов средняя, женских — малая. Лицо широкое, особенно на мужских черепах, невысокое, довольно уплощенное по горизонтали. Носовые кости средней ширины и высоты, по дакриальным размерам переносье относительно носовых костей более высокое и профилированное. Угол выступания носа малой величины. Уплощенность лицевого скелета мужских черепов выражена несколько сильнее. По степени выраженности монголоидных черт прикетские черепа, как и в предыдущих случаях, занимают промежуточное положение между монголоидными и европеоидными сериями, но с бóльшим тяготением в сторону первых (табл. 42).

Для черепов данной серии, как и для тискинских и мигалкинских, особенностями являются эурипрозопия в строении лица, слабое выступание носовых костей при средней высоте переносья. Но фиксируются и некоторые специфические черты: прикетские черепа брахикраннее, у них шире лицо, но уже нос.

Таблица 42

Средние размеры и указатели черепов из погребений могильника Мигалка и могильников Прикетья (Максимоярский и Лукьяновский)

№ по Мартину или условное обозначение	Мигалка, XVI–XVII вв.						Могильники Максимоярский и Лукьяновский, XVI–XVIII вв.					
	♂			♀			♂			♀		
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Продольный диаметр	179,1	14	6,2	173,0	12	6,3	176,1	18	5,3	167,4	9	7,4
8. Поперечный диаметр	145,4	14	5,3	135,8	15	5,9	145,2	18	7,3	138,0	9	6,2
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	135,4	16	4,4	128,2	14	5,2	133,2	16	4,6	124,9	9	5,4
20. Высотный диаметр (*po-b*)	117,9	15	4,5	110,5	14	3,8	114,6	17	3,8	108,4	9	4,8
8:1. Черепной указатель	81,8	12	3,8	78,4	12	5,3	82,5	18	5,1	82,5	9	3,0
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	75,9	12	2,2	74,6	12	2,3	75,6	16	3,4	74,6	9	3,0
20:1. Высотно-продольный указатель от *po*.	66,3	12	1,5	64,2	12	3,0	65,0	17	2,6	64,8	9	2,6
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	92,6	13	4,0	94,5	14	5,7	91,3	16	6,4	90,6	9	4,5
20:8. Высотно-поперечный указатель от *po*.	80,8	13	2,4	81,4	14	3,3	78,8	17	3,2	78,6	9	3,2
5. Длина основания черепа	101,1	12	5,0	98,6	12	6,0	101,9	16	4,6	97,9	9	4,2
11. Ширина основания черепа	133,2	14	4,6	124,5	15	4,1	133,8	17	5,2	124,3	9	4,3
9. Наименьшая ширина лба	98,4	12	2,7	93,1	12	4,8	96,8	19	3,5	93,0	9	3,7
Sub.9. Высота лобной кости над наименьшей шириной	18,9	10	1,3	17,1	12	2,8	16,7	17	1,7	16,8	9	2,3
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	138,0	10	3,0	139,8	12	4,8	142,0	17	3,5	140,4	9	4,8
10. Наибольшая ширина лба	121,9	13	3,6	113,3	12	3,8	119,8	18	4,9	115,3	9	3,4
9:8. Лобно-поперечный указатель	67,8	12	2,2	68,9	12	4,9	66,9	18	3,8	67,5	9	3,6
9:10. Лобный указатель	81,0	12	2,1	82,2	12	4,0	81,0	18	2,9	80,7	9	2,8
29. Лобная хорда	113,6	11	3,8	106,9	11	3,0	109,2	18	4,7	103,9	9	7,8
Sub.Nβ. Высота изгиба лба	25,7	11	2,4	25,3	11	2,1	24,3	18	2,6	24,0	9	4,0
Sub.Nβ:29. Указатель выпуклости лба	22,7	11	2,2	23,6	11	1,7	22,2	18	1,9	23,0	9	2,5
32. Угол профиля лба от *n*.	80,9	9	3,1	80,4	10	4,1	77,4	14	3,2	80,8	9	5,4
GM/FH. Угол профиля лба от *g*.	71,8	9	3,1	73,7	10	4,3	67,9	14	4,1	73,8	9	6,0
12. Ширина затылка	111,9	18	6,9	107,3	16	4,6	112,2	19	4,5	108,7	9	5,9
Наружный затылочный бугор (0–5)	2,17	18	—	1,60	15	—	2,70	19	—	1,60	9	—
Сосцевидный отросток (1–3)	2,26	19	—	1,37	16	—	2,30	19	—	1,30	7	—
Форма черепа, %												
ellipsoides	21,4	3	—	38,5	5	—	22,2	4	—	22,2	2	—
ovoides	57,2	8	—	46,1	6	—	38,9	7	—	44,5	4	—
pentagonoides	—	—	—	—	—	—	22,2	4	—	11,1	1	—
rhomboides	7,1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
sphenoides	—	—	—	7,7	1	—	—	—	—	11,1	1	—
sphaeroides	14,3	2	—	7,7	1	—	16,7	3	—	11,1	1	—
40. Длина основания лица	99,0	10	6,6	96,2	10	5,4	100,4	14	6,0	97,9	9	3,9
40:5. Указатель выступания лица	98,6	10	2,9	97,0	10	2,8	98,3	14	2,2	100,1	9	5,4
43. Верхняя ширина лица	106,4	12	3,6	102,3	11	3,0	107,4	17	3,6	102,8	9	4,5
46. Средняя ширина лица	99,2	11	4,4	96,1	8	3,1	103,1	15	5,3	94,9	9	4,5
45. Скуловой диаметр	139,6	14	4,3	128,3	15	4,2	141,3	18	5,5	131,2	9	4,9
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	96,1	14	3,1	94,5	15	3,2	97,5	18	4,6	95,2	9	3,3
9:45. Лобно-скуловой указатель	70,4	12	1,7	72,9	12	3,5	68,6	18	3,2	70,9	9	2,8
48. Верхняя высота лица	68,3	12	5,5	64,6	11	3,9	69,5	15	4,5	63,4	9	2,8

Окончание табл. 42

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
47. Полная высота лица	114,4	11	9,2	106,1	11	6,4	117,9	14	7,5	106,0	8	4,4
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	51,0	10	4,2	49,9	10	2,3	52,4	14	3,6	50,9	9	3,2
48:45. Верхний лицевой указатель	49,1	11	3,2	50,9	10	3,3	48,9	15	3,4	48,4	9	2,8
47:45. Общий лицевой указатель	82,0	11	5,4	83,7	10	6,0	82,8	14	4,6	81,5	8	5,1
72. Общий лицевой угол	83,5	10	2,5	84,7	10	2,1	83,2	14	4,1	82,1	7	3,9
73. Средний лицевой угол	86,1	10	3,6	87,8	10	1,9	85,2	14	3,8	84,3	7	3,7
74. Угол альвеолярной части	75,7	10	2,8	73,8	10	4,3	76,6	14	6,1	74,3	7	6,8
77. Назомалярный угол	144,5	11	5,2	143,1	10	5,4	144,6	17	5,1	145,1	9	5,4
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	133,1	9	3,0	136,8	7	5,0	136,6	13	6,2	132,2	6	6,3
51. Ширина орбиты от *mf.*	43,6	11	2,2	42,2	11	1,1	44,2	17	2,2	42,7	9	2,5
51a. Ширина орбиты от *d.*	40,3	11	2,5	39,4	11	1,3	41,2	16	2,3	39,3	9	1,9
52. Высота орбиты	33,6	13	1,9	33,2	11	2,1	34,3	16	1,4	33,8	9	1,4
52:51. Орбитный указатель от *mf.*	77,0	11	4,5	78,7	11	5,0	77,7	16	5,2	79,5	9	6,5
52:51a. Орбитный указатель от *d.*	83,5	11	5,2	84,4	11	6,0	83,4	16	5,8	86,1	9	6,0
55. Высота носа	50,7	12	3,0	48,4	11	2,8	51,0	15	2,0	48,3	9	2,4
54. Ширина носа	16,1	15	1,4	25,8	13	1,9	24,6	16	1,7	24,0	9	2,6
54:55. Носовой указатель	52,1	12	3,9	54,0	11	2,7	48,4	15	3,6	49,6	9	4,1
75(1). Угол выступания носа	15,1	11	3,8	14,6	9	3,2	17,7	15	4,2	15,1	7	4,6
SC. Симотическая ширина	8,88	12	2,1	8,48	10	1,6	7,83	15	1,6	7,63	7	2,2
SS. Симотическая высота	3,38	12	1,2	2,36	10	0,5	3,17	15	0,8	2,99	7	0,7
SS:SC. Симотический указатель	38,0	12	10,3	28,2	10	5,1	41,8	15	11,9	40,7	7	10,6
∠S. Симотический угол	106,9	12	13,4	121,5	10	9,1	101,8	15	14,3	102,9	7	14,2
50. Межглазничная ширина	18,41	11	1,4	19,30	12	3,0	18,64	17	1,7	16,83	9	1,6
DC. Дакриальная ширина	22,03	10	1,5	20,36	8	3,4	21,75	15	1,1	20,23	7	1,4
DS. Дакриальная высота	10,39	10	1,6	9,09	8	1,4	10,81	15	1,2	8,99	7	1,8
DS:DC. Дакриальный указатель	47,0	10	5,2	45,1	8	6,5	49,8	15	7,0	44,2	7	6,7
∠D. Дакриальный угол	93,8	10	6,3	96,4	8	8,2	90,6	15	8,2	97,6	7	8,6
FC. Глубина клыковой ямки	3,86	8	1,6	3,03	6	1,7	3,45	12	1,3	3,31	8	1,1
62. Длина нёба	45,7	11	2,8	43,9	11	2,3	47,9	16	2,8	43,1	7	2,5
63. Ширина нёба	41,6	15	2,8	40,3	11	2,4	43,3	16	2,5	39,6	8	2,7
63:62. Нёбный указатель	93,0	10	9,1	92,4	10	5,4	90,4	16	6,4	90,9	7	5,9
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	103,6	17	4,8	97,3	15	4,2	103,5	15	3,2	95,2	6	4,1
68. Длина нижней челюсти от углов	78,8	17	4,5	74,0	16	4,2	79,0	15	3,3	71,0	7	3,7
65. Мыщелковая ширина	125,9	13	4,4	119,6	14	7,6	132,2	12	8,0	117,7	6	7,4
66. Угловая ширина	110,1	16	7,3	99,8	18	6,2	114,8	12	8,8	101,9	7	9,9
70. Высота ветви	57,4	17	5,2	50,7	15	3,4	60,3	15	4,6	56,3	6	6,6
71a. Наименьшая ширина ветви	36,2	17	2,0	33,6	16	2,7	36,8	15	3,1	32,0	8	3,0
67. Передняя ширина нижней челюсти	47,6	20	3,2	45,0	18	3,0	49,6	16	2,3	43,4	7	2,5
69(3). Толщина тела	13,5	20	1,2	11,7	19	1,3	13,5	16	1,2	11,9	8	1,1
79. Угол ветви нижней челюсти	121,9	17	4,6	123,1	15	7,3	117,9	15	4,4	118,7	6	4,5
C'∠. Угол выступания подбородка	70,3	16	6,3	68,1	15	5,0	68,5	13	3,8	67,1	7	6,0

Черепа их могильников Бедеревского Бора характеризуются мезо-брахикранной формой мозговой коробки при малой ее высоте. Лицо широкое, невысокое, в горизонтальной плоскости слабо профилировано. Носовые кости средней ширины, невысокие, переносье выше и относительно носовых костей более профилированное. Угол выступания носа малой величины (табл. 43, 44).

Таблица 43

Средние размеры и указатели мужских черепов из погребений могильников Бедеревский Бор 1–3

№ по Мартину или условное обозначение	Бедеревский Бор 1, 3			Бедеревский Бор 2			Суммарно		
	XII — XVI вв.			XVI — XVIII вв.					
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Продольный диаметр	175,6	10	6,2	177,8	14	3,4	176,9	24	4,8
8. Поперечный диаметр	142,7	9	5,4	142,4	15	4,6	145,2	24	4,8
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	125,6	8	4,1	129,4	14	4,5	128,1	22	4,7
20. Высотный диаметр (*po-b*)	112,7	7	3,4	112,2	13	2,8	112,4	20	2,9
8:1. Черепной указатель	81,6	9	4,4	79,9	14	2,8	80,6	23	3,5
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	71,8	7	1,5	72,7	13	2,9	72,4	20	2,5
20:1. Высотно-продольный указатель от *po*.	64,4	6	1,8	62,9	12	1,7	63,4	18	1,9
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	86,2	6	3,0	90,9	14	4,4	89,5	20	4,5
20:8. Высотно-поперечный указатель от *po*.	78,8	6	2,9	78,8	13	3,0	78,8	19	2,9
5. Длина основания черепа	97,8	5	1,9	103,4	11	3,3	101,7	16	3,9
11. Ширина основания черепа	131,5	8	5,1	129,3	12	3,7	130,2	20	4,3
9. Наименьшая ширина лба	97,0	11	4,1	95,8	10	4,0	96,4	21	4,0
Sub.9. Высота лобной кости над наименьшей шириной	16,1	6	2,2	16,9	10	2,1	16,6	16	2,1
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	143,2	6	5,1	141,3	10	3,9	142,0	16	4,3
10. Наибольшая ширина лба	117,7	9	5,3	118,6	11	3,0	118,2	20	4,1
9:8. Лобно-поперечный указатель	66,9	8	2,4	66,8	10	2,3	66,8	18	2,3
9:10. Лобный указатель	81,5	8	1,8	81,1	10	3,4	81,3	18	2,8
29. Лобная хорда	109,1	7	5,2	107,2	13	5,2	107,9	20	5,2
Sub.Nβ. Высота изгиба лба	23,5	7	2,2	23,4	13	2,8	23,4	20	2,6
Sub.Nβ:29. Указатель выпуклости лба	21,5	7	1,5	21,8	13	2,1	21,7	20	1,8
32. Угол профиля лба от *n*.	80,0	2	—	77,6	11	2,9	77,9	13	2,9
GM/FH. Угол профиля лба от *g*.	71,5	2	—	69,6	11	2,3	69,9	13	2,6
12. Ширина затылка	112,2	12	5,0	110,5	15	6,4	111,2	27	5,8
40. Длина основания лица	95,5	4	1,3	102,1	11	3,2	100,3	15	4,1
40:5. Указатель выступания лица	98,5	4	1,3	98,7	11	2,2	98,6	15	2,0
43. Верхняя ширина лица	105,4	10	4,5	105,9	11	2,9	105,7	21	3,6
46. Средняя ширина лица	101,0	3	—	98,9	9	5,1	99,4	12	5,3
45. Скуловой диаметр	142,0	5	8,1	136,4	11	2,5	138,1	16	5,4
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	98,9	3	—	95,1	11	2,0	95,9	14	3,3
9:45. Лобно-скуловой указатель	67,9	4	2,1	70,0	8	2,7	69,3	12	2,6
48. Верхняя высота лица	65,0	6	2,8	68,8	13	3,1	67,6	19	3,4
47. Полная высота лица	112,2	6	5,8	115,3	12	4,2	114,3	18	4,9
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	52,3	4	2,6	53,0	11	3,1	52,8	15	2,9
48:45. Верхний лицевой указатель	49,5	2	—	50,3	10	2,9	50,2	12	3,0
47:45. Общий лицевой указатель	82,9	3	—	84,4	10	2,4	84,1	13	2,6
72. Общий лицевой угол	83,0	1	—	85,4	11	1,7	85,2	12	1,7
73. Средний лицевой угол	85,0	1	—	87,9	11	2,1	87,7	12	2,1
74. Угол альвеолярной части	72,0	1	—	76,9	11	4,7	76,5	12	4,7
77. Назомалярный угол	145,8	6	5,0	145,1	10	4,3	145,4	16	4,5
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	140,9	2	—	137,7	9	2,5	138,3	11	2,9
51. Ширина орбиты от *mf*.	42,8	6	2,4	43,5	12	1,7	43,3	18	1,9
51a. Ширина орбиты от *d*.	39,8	4	2,2	40,0	12	1,3	39,9	16	1,5
52. Высота орбиты	34,6	5	1,5	32,6	12	1,9	33,2	17	2,0
52:51. Орбитный указатель от *mf*.	79,9	5	5,2	75,0	12	5,2	76,5	17	5,5

Окончание табл. 43

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
52:51a. Орбитный указатель от *d*.	87,8	3	—	81,5	12	5,2	82,8	15	5,7
55. Высота носа	50,1	7	2,3	50,6	13	2,1	50,5	20	2,1
54. Ширина носа	25,4	5	1,7	25,7	13	2,1	25,6	18	1,9
54:55. Носовой указатель	51,6	5	3,0	50,8	13	4,4	51,0	18	4,0
75(1). Угол выступания носа	14,0	1	—	15,0	11	4,6	14,9	12	4,4
SC. Симотическая ширина	7,08	5	1,0	7,76	10	1,9	7,53	15	1,6
SS. Симотическая высота	2,74	5	0,4	3,16	10	0,8	3,02	15	0,7
SS:SC. Симотический указатель	38,9	5	4,9	43,8	10	10,4	42,2	15	16,7
∠S. Симотический угол	104,5	5	6,8	101,5	10	10,3	102,5	15	16,8
50. Межглазничная ширина	18,53	9	1,4	18,00	12	1,0	18,2	21	1,2
DC. Дакриальная ширина	21,28	4	1,5	21,58	10	1,9	21,5	14	1,8
DS. Дакриальная высота	9,00	4	1,0	10,02	10	2,1	9,73	14	1,9
DS:DC. Дакриальный указатель	42,4	4	5,2	47,1	10	12,2	45,8	14	10,7
∠D. Дакриальный угол	99,7	4	6,9	95,0	10	14,8	96,3	14	13,0
FC. Глубина клыковой ямки	3,13	3	—	3,64	11	1,4	3,53	14	1,3
62. Длина нёба	46,7	3	—	47,2	11	1,9	47,1	14	1,8
63. Ширина нёба	42,9	7	2,9	41,8	13	2,5	42,2	20	2,6
63:62. Нёбный указатель	88,5	3	—	88,7	11	6,5	88,7	14	5,8
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	103,0	8	4,9	102,3	11	4,1	102,6	19	4,4
68. Длина нижней челюсти от углов	80,6	8	4,6	78,4	12	3,8	79,3	20	4,2
65. Мыщелковая ширина	120,6	7	9,7	120,8	10	4,7	120,7	17	6,9
66. Угловая ширина	107,1	9	13,3	108,8	12	5,1	108,1	21	9,3
70. Высота ветви	61,3	8	4,8	58,7	9	5,0	59,9	17	4,9
71a. Наименьшая ширина ветви	36,4	11	3,1	36,2	11	3,1	36,3	22	3,0
67. Передняя ширина нижней челюсти	46,9	10	3,0	46,8	15	2,7	46,8	25	2,7
69(3). Толщина тела	13,6	11	1,0	12,8	17	1,2	13,1	28	1,2
79. Угол ветви нижней челюсти	115,8	8	9,1	120,8	9	3,2	118,4	17	6,9
C'∠. Угол выступания подбородка	66,8	4	2,6	69,4	9	6,9	68,6	13	5,9

Таблица 44

Средние размеры и указатели женских черепов из погребений могильников Бедеревский Бор 1–3

№ по Мартину или условное обозначение	Бедеревский Бор 1, 3			Бедеревский Бор 2			Суммарно		
	XII–XVI вв.			XVI–XVIII вв.					
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Продольный диаметр	167,8	5	9,6	170,8	12	4,5	169,9	17	6,2
8. Поперечный диаметр	138,8	6	4,6	136,4	11	2,8	137,4	17	3,6
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	128,6	5	1,9	123,6	13	4,8	125,0	18	4,7
20. Высотный диаметр (*po-b*)	110,3	3	—	109,2	13	4,0	109,4	16	3,7
8:1. Черепной указатель	82,9	4	7,3	80,0	10	3,0	80,2	14	4,5
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	78,7	4	1,9	72,5	11	2,4	74,2	15	3,6
20:1. Высотно-продольный указатель от *po*.	67,1	3	—	63,5	11	2,4	64,3	14	2,7
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	91,2	4	0,7	90,3	11	4,1	90,6	15	3,5
20:8. Высотно-поперечный указатель от *po*.	78,3	2	—	79,6	11	3,2	79,4	13	3,0
5. Длина основания черепа	97,5	4	5,3	95,7	13	3,4	96,1	17	3,8
11. Ширина основания черепа	127,7	3	—	122,9	13	5,8	123,8	16	5,5
9. Наименьшая ширина лба	96,7	3	—	93,2	13	3,3	93,9	16	3,6
Sub.9. Высота лобной кости над наименьшей шириной	17,2	3	—	17,9	9	2,9	17,7	12	2,6
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	140,8	3	—	138,2	9	5,2	138,8	12	4,8

Продолжение табл. 44

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
10. Наибольшая ширина лба	115,3	3	—	115,5	13	3,2	115,4	16	3,3
9:8. Лобно-поперечный указатель	68,3	2	—	71,2	11	8,5	70,8	13	7,9
9:10. Лобный указатель	82,2	2	—	80,6	12	3,0	80,8	14	3,0
29. Лобная хорда	105,8	4	2,1	103,8	12	4,9	104,3	16	4,4
Sub.Nβ. Высота изгиба лба	24,3	4	1,3	23,3	12	2,5	23,5	16	2,3
Sub.Nβ:29. Указатель выпуклости лба	23,0	4	1,4	22,4	12	1,8	22,5	16	1,7
32. Угол профиля лба от *n*.	79,5	2	—	78,9	10	3,8	79,0	12	3,5
GM/FH. Угол профиля лба от *g*.	73,0	2	—	72,0	10	4,5	72,2	12	4,1
12. Ширина затылка	107,8	4	1,5	109,7	12	9,6	109,2	16	8,3
Наружный затылочный бугор (0–5)	1,00	7	—	1,29	14	—	1,19	21	—
40. Длина основания лица	92,3	3	—	94,6	12	3,5	94,1	15	3,9
40:5. Указатель выступания лица	96,2	3	—	99,3	12	2,9	98,7	15	2,9
43. Верхняя ширина лица	104,0	3	—	101,8	12	2,6	102,2	15	2,7
46. Средняя ширина лица	96,5	2	—	93,5	12	3,9	93,9	14	3,9
45. Скуловой диаметр	135,3	3	—	127,3	12	4,4	128,9	15	5,1
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	95,5	2	—	93,2	11	2,9	93,6	13	2,8
9:45. Лобно-скуловой указатель	71,6	2	—	73,3	12	2,4	73,1	14	2,5
48. Верхняя высота лица	67,8	5	1,3	65,2	13	4,0	65,9	18	3,6
47. Полная высота лица	109,0	4	5,1	105,8	12	7,6	106,6	16	7,0
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	52,3	3	—	53,1	12	2,6	52,9	15	2,4
48:45. Верхний лицевой указатель	50,2	2	—	51,4	12	2,2	51,2	14	2,1
47:45. Общий лицевой указатель	81,2	2	—	83,6	11	4,1	83,2	13	4,2
72. Общий лицевой угол	87,0	2	—	84,1	10	2,7	84,6	12	2,7
73. Средний лицевой угол	88,5	2	—	86,6	10	2,5	86,9	12	2,4
74. Угол альвеолярной части	82,0	2	—	76,4	10	5,3	77,3	12	5,2
77. Назомалярный угол	145,7	2	—	143,3	11	5,0	143,7	13	5,0
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	139,6	2	—	137,7	10	3,4	138,0	12	3,2
51. Ширина орбиты от *mf*.	41,8	6	1,9	42,4	14	1,9	42,2	20	1,9
51a. Ширина орбиты от *d*.	39,6	5	1,8	39,4	13	1,3	39,4	18	1,4
52. Высота орбиты	33,8	5	0,8	32,8	14	1,2	33,1	19	1,2
52:51. Орбитный указатель от *mf*.	80,6	5	4,4	77,5	14	3,3	78,3	19	3,8
52:51a. Орбитный указатель от *d*.	85,5	5	4,1	83,4	13	3,0	84,0	18	3,3
55. Высота носа	49,8	5	2,7	47,8	13	2,4	48,3	18	2,6
54. Ширина носа	24,8	5	0,8	24,3	13	1,8	24,4	18	1,6
54:55. Носовой указатель	49,9	5	3,0	51,0	13	4,0	50,7	18	3,7
75(1). Угол выступания носа	21,0	3	—	16,7	10	1,6	17,7	13	3,0
SC. Симотическая ширина	8,48	4	1,0	7,68	11	1,1	7,89	15	1,1
SS. Симотическая высота	3,05	4	1,0	2,84	11	0,8	2,89	15	0,9
SS:SC. Симотический указатель	35,4	4	9,2	36,9	11	8,6	36,5	15	8,4
∠S. Симотический угол	110,3	4	14,2	108,1	11	12,5	108,7	15	12,5
50. Межглазничная ширина	18,36	5	1,2	17,07	13	1,0	17,43	18	1,2
DC. Дакриальная ширина	19,88	4	1,4	19,90	11	1,7	19,89	15	1,6
DS. Дакриальная высота	9,32	4	1,4	8,66	11	1,3	8,84	15	1,3
DS:DC. Дакриальный указатель	46,8	4	3,9	43,8	11	7,5	44,6	15	6,7
∠D. Дакриальный угол	93,9	4	4,6	98,1	11	9,7	97,0	15	8,7
FC. Глубина клыковой ямки	4,35	2	—	3,10	10	0,5	3,11	12	0,7
62. Длина нёба	41,0	1	—	43,5	10	2,0	43,3	11	2,1
63. Ширина нёба	40,2	6	3,3	38,8	12	2,0	39,2	18	2,5

Окончание табл. 44

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
63:62. Нёбный указатель	82,9	1	—	88,4	10	3,7	87,9	11	3,9
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	99,6	5	2,9	97,6	7	3,9	98,4	12	3,5
68. Длина нижней челюсти от углов	74,8	5	3,3	73,2	9	4,0	73,8	14	3,7
65. Мыщелковая ширина	124,8	5	7,0	113,5	8	9,1	117,9	13	9,8
66. Угловая ширина	110,4	5	9,0	99,8	9	5,0	103,6	14	8,3
70. Высота ветви	52,5	6	4,8	52,6	7	3,6	52,5	13	4,0
71a. Наименьшая ширина ветви	34,8	6	2,4	34,4	7	2,3	34,6	13	2,3
67. Передняя ширина нижней челюсти	48,8	4	2,5	44,2	11	2,6	45,4	15	3,3
69(3). Толщина тела	12,7	9	1,5	11,8	12	0,7	12,2	21	1,2
79. Угол ветви нижней челюсти	122,6	5	2,2	119,0	7	2,7	120,5	12	3,0
C'∠. Угол выступания подбородка	71,0	3	—	68,7	7	5,0	69,4	10	5,4

Между ранними и поздними черепами из Бедеревского Бора наблюдается ряд различий. Так, поздние мужские черепа имеют более высокий череп, а женские — более низкий; если на поздних мужских фиксируются более высокое переносье и более выступающий нос, то на женских — наоборот. Наблюдаемые различия обусловлены небольшой численностью ранней серии, а несовпадение расхождений по мужским и женским черепам не позволяет видеть за ними генетическую природу.

По степени уплощенности лица и соотношению основных диаметров черепа мужская выборка является заметно более монголоидной и может быть охарактеризована как монголоидная с небольшой европеоидной примесью, женская же занимает промежуточное положение между монголоидными и европеоидными вариантами. Особенности строения черепов из могильников Бедеревского Бора совпадают с особенностями, отмеченными по материалам из Тискино, Мигалки и Прикетья. Специфические черты бедеревской серии — меньшая высота черепа, более уплощенное по горизонтали в средней части лицо, у́же орбиты.

Для черепов из погребений могильника Барклай характерны в общих чертах те же морфологические особенности, которые обнаруживаются на других селькупских черепах (табл. 45, 46). Из своеобразных черт можно назвать большую долихокранность, уменьшение ширины лицевого скелета, очень малый угол выступания носа, но в сочетании со средневысоким переносьем. Следует отметить, что эта серия происходит из единственного могильника, расположенного на левобережье Оби.

Сопоставление серий из Нарымского Приобья свидетельствует, что наибольшее сходство наблюдается между различными хронологическими выборками из Тискинского могильника. Расхождения между ними столь незначительны, что можно говорить об очень тесной родственной связи между поколениями в течение почти целого тысячелетия, т.е. физический тип населения, оставившего данный могильник, не претерпел за это время практически никаких изменений. Данное наблюдение в свою очередь свидетельствует о том, что до начала русской колонизации в этот район Нарымского Приобья не проникали какие-либо крупные группы людей иного антропологического облика.

Таблица 45

Средние размеры и указатели мужских черепов из погребений могильника Барклай

№ по Мартину или условное обозначение	Ранний этап XIV–XV вв.			Средний этап XVI–XVII вв.			Поздний этап XVIII–XIX вв.			Суммарно		
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Продольный диаметр	176,5	4	8,1	178,1	8	7,5	181,8	5	7,2	178,8	17	7,3
8. Поперечный диаметр	138,0	4	8,8	143,8	9	5,5	136,0	5	2,3	140,3	18	6,5
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	127,8	4	4,3	134,5	8	3,7	138,5	4	3,3	133,8	16	5,3
20. Высотный диаметр (*po-b*)	114,3	3	3,8	116,9	8	2,4	115,8	4	1,7	116,1	15	2,6
8:1. Черепной указатель	78,5	4	8,5	82,4	7	4,0	74,9	5	4,2	79,1	16	6,1
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	72,5	4	4,1	75,5	6	3,0	76,7	4	2,0	75,0	14	3,4
20:1. Высотно-продольный указатель от *po*.	65,8	3	5,0	65,9	7	3,3	64,1	4	3,2	65,4	14	3,5
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	92,9	4	6,4	93,7	6	4,2	101,7	4	4,1	95,8	14	6,0
20:8. Высотно-поперечный указатель от *po*.	81,4	3	2,3	81,5	7	2,4	64,1	4	1,1	82,5	14	2,5
5. Длина основания черепа	96,3	4	5,5	101,6	7	5,5	104,5	4	4,4	100,9	15	5,8
11. Ширина основания черепа	127,7	3	4,2	132,0	8	3,6	127,5	4	1,0	129,9	15	3,8
9. Наименьшая ширина лба	93,4	7	2,3	95,7	10	3,8	91,0	5	5,5	93,8	22	4,2
Sub.9. Высота лобной кости над наименьшей шириной	16,9	7	2,5	16,5	9	3,4	17,0	5	1,4	16,8	21	2,6
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	140,2	7	5,6	142,0	9	6,2	138,5	4	3,1	140,6	20	5,4
10. Наибольшая ширина лба	121,9	7	4,2	121,1	9	4,2	115,4	5	3,0	120,0	21	4,6
9:8. Лобно-поперечный указатель	67,0	4	3,8	66,5	6	2,5	66,9	5	3,3	66,8	15	2,9
9:10. Лобный указатель	76,5	7	2,2	78,8	8	2,8	78,8	5	3,1	78,0	20	2,8
29. Лобная хорда	106,7	7	4,7	111,1	9	4,5	111,3	4	3,0	109,6	20	4,7
Sub.Nβ. Высота изгиба лба	23,6	7	2,3	25,0	9	4,0	23,6	4	2,3	24,2	20	3,2
Sub.Nβ:29. Указатель выпуклости лба	22,1	7	2,1	22,5	9	3,1	21,2	4	2,1	22,1	20	2,6
32. Угол профиля лба от *n*.	77,0	2	1,4	78,0	6	4,4	78,3	4	3,9	77,9	12	3,6
GM/FH. Угол профиля лба от *g*.	71,0	2	2,8	70,0	6	5,2	69,8	4	3,4	70,1	12	4,0
12. Ширина затылка	104,3	4	6,4	111,4	8	5,3	111,6	5	3,2	109,8	17	5,7
40. Длина основания лица	98,7	3	5,1	99,8	6	4,6	104,0	4	7,6	100,8	13	5,7
40:5. Указатель выступания лица	100,9	3	8,4	98,6	6	2,4	99,4	4	3,3	99,4	13	4,2
43. Верхняя ширина лица	105,5	6	3,0	106,9	9	3,6	104,8	5	5,4	106,0	20	3,8
46. Средняя ширина лица	94,4	5	4,6	101,0	6	3,9	96,8	4	4,6	97,7	15	5,0
45. Скуловой диаметр	127,3	3	4,0	137,2	9	3,2	135,5	4	5,7	134,9	16	5,4
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	90,7	3	3,4	95,3	6	4,0	99,5	4	4,3	95,5	13	4,9
9:45. Лобно-скуловой указатель	72,3	3	2,5	69,4	8	2,6	66,8	4	3,5	69,3	15	3,3
48. Верхняя высота лица	69,0	3	3,0	68,3	8	3,6	71,3	4	3,9	69,2	15	3,6
47. Полная высота лица	109,0	3	6,1	112,2	6	6,8	115,0	4	3,4	112,3	13	5,8
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	54,7	3	3,0	51,1	6	3,1	51,5	4	2,8	52,0	13	3,1
48:45. Верхний лицевой указатель	54,5	2	—	49,7	7	2,8	52,6	4	2,3	51,3	13	3,4
47:45. Общий лицевой указатель	87,6	2	—	83,2	5	4,4	85,0	4	5,4	84,6	11	5,3
72. Общий лицевой угол	81,5	2	—	84,4	5	2,5	83,0	4	2,6	83,4	11	2,4
73. Средний лицевой угол	86,5	2	—	88,0	5	3,2	87,5	4	2,4	87,6	11	2,7
74. Угол альвеолярной части	69,0	2	—	72,2	5	5,7	68,0	4	6,1	70,1	11	5,6
77. Назомалярный угол	146,2	7	5,5	147,9	7	4,7	142,5	5	2,9	145,9	19	4,9
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	132,7	3	3,0	136,9	6	3,8	133,0	4	8,0	134,8	13	5,3
51. Ширина орбиты от *mf*.	43,7	6	1,0	44,0	9	2,6	43,8	4	2,5	43,8	19	2,1

Окончание табл. 45

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
51a. Ширина орбиты от *d*.	39,2	5	1,3	40,9	8	2,5	40,0	3	1,7	40,2	16	2,1
52. Высота орбиты	35,4	5	1,7	35,0	9	1,8	34,8	4	1,7	35,1	18	1,7
52:51. Орбитный указатель от *mf*.	80,9	5	5,7	79,8	9	6,0	79,5	4	0,8	80,0	18	5
52:51a. Орбитный указатель от *d*.	90,0	4	6,8	86,5	8	6,9	85,0	3	2,0	87,1	15	6,1
55. Высота носа	50,3	3	3,5	50,9	9	2,8	53,3	4	2,6	51,4	16	2,9
54. Ширина носа	25,3	4	1,9	26,8	9	1,7	25,5	4	1,3	51,4	16	1,7
54:55. Носовой указатель	51,0	3	2,7	52,3	8	2,4	47,9	4	2,7	50,9	15	3,1
75(1). Угол выступания носа	18,0	3	6,0	16,3	7	1,6	16,8	4	3,4	16,8	14	3,1
SC. Симотическая ширина	7,44	7	1,0	8,03	8	1,8	8,10	4	2,4	7,83	19	1,6
SS. Симотическая высота	2,84	7	0,8	3,21	8	0,5	3,70	4	0,9	3,18	19	0,7
SS:SC. Симотический указатель	37,9	7	7,8	41,3	8	8,2	47,4	4	13,0	41,4	19	9,4
∠S. Симотический угол	106,3	7	10,4	101,7	8	11,4	94,5	4	14,3	101,9	19	11,9
50. Межглазничная ширина	19,2	6	3,3	18,2	8	1,7	16,9	4	1,5	18,3	18	2,3
DC. Дакриальная ширина	20,50	3	1,3	20,96	7	1,3	19,63	3	1,1	20,56	13	1,3
DS. Дакриальная высота	9,70	3	0,2	9,90	7	1,1	9,50	3	1,0	9,76	13	0,9
DS:DC. Дакриальный указатель	47,5	3	3,8	47,5	7	7,1	48,6	3	7,2	47,8	13	6,0
∠D. Дакриальный угол	93,1	3	4,5	93,4	7	7,9	92,0	3	8,8	93,0	13	6,9
FC. Глубина клыковой ямки	2,25	2	—	4,13	6	1,1	5,63	3	1,9	4,20	11	1,8
62. Длина нёба	47,2	6	3,0	46,6	9	3,1	45,3	4	1,5	46,5	19	2,8
63. Ширина нёба	41,6	7	2,7	42,2	10	2,7	39,5	4	2,1	41,5	21	2,7
63:62. Нёбный указатель	86,8	6	5,4	90,5	9	2,5	87,4	4	6,9	88,7	19	4,7
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	106,3	6	6,6	107,0	13	9,0	112,4	5	14,7	108,0	24	9,7
68. Длина нижней челюсти от углов	85,2	6	8,4	83,2	13	8,0	85,4	5	10,9	84,2	24	8,4
65. Мыщелковая ширина	122,6	5	5,0	126,7	10	8,9	121,3	4	7,4	124,5	19	7,5
66. Угловая ширина	104,7	6	5,8	108,4	12	8,5	111,8	4	7,5	108,0	22	8,0
70. Высота ветви	56,1	7	10,4	56,7	13	4,4	58,8	5	7,3	57,0	25	6,8
71a. Наименьшая ширина ветви	37,3	6	6,8	35,7	14	3,3	34,2	5	2,9	35,8	25	4,3
67. Передняя ширина нижней челюсти	45,4	7	6,3	46,8	13	2,5	46,8	5	1,6	46,4	25	3,7
69(3). Толщина тела	12,9	7	0,7	12,7	14	0,8	12,4	5	0,9	12,7	26	0,8
79. Угол ветви нижней челюсти	115,0	6	9,0	120,9	13	5,7	123,4	5	10,2	120,0	24	7,9
C'∠. Угол выступания подбородка	70,6	5	6,3	67,5	13	5,9	66,0	5	8,7	67,9	23	6,5

Таблица 46

Средние размеры и указатели женских черепов из погребений могильника Барклай

№ по Мартину или условное обозначение	Ранний этап XIV–XV вв.			Средний этап XVI–XVII вв.			Поздний этап XVIII–XIX вв.			Суммарно		
	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*	$\bar{x}$	*n*	*s*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Продольный диаметр	167,8	5	7,4	168,1	10	9,0	168,6	9	6,9	168,2	24	7,6
8. Поперечный диаметр	1418	5	2,3	138,4	7	5,2	134,8	9	6,7	137,7	21	5,9
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	124,0	4	5,0	126,6	8	7,5	128,6	8	5,3	126,9	20	6,2
20. Высотный диаметр (*po-b*)	113,4	5	6,4	111,3	7	4,8	110,4	8	4,4	111,5	20	4,9
8:1. Черепной указатель	84,6	5	4,2	79,5	6	4,5	80,0	9	3,7	81,0	20	4,4
17:1. Высотно-продольный указатель от *ba*.	75,3	4	3,2	75,6	8	2,8	76,1	8	2,9	75,7	20	2,8
20:1. Высотно-продольный указатель от *po*.	67,6	5	1,4	66,2	7	2,5	65,3	8	2,5	66,2	20	2,3
17:8. Высотно-поперечный указатель от *ba*.	87,5	4	5,0	94,8	5	8,7	95,6	8	5,5	93,5	17	7,0

Продолжение табл. 46

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
20:8. Высотно-поперечный указатель от *po.*	80,0	5	5,0	82,1	5	6,7	81,9	8	3,3	81,4	18	4,7
5. Длина основания черепа	92,8	4	4,1	94,5	8	6,8	101,5	8	9,6	97,0	20	8,3
11. Ширина основания черепа	122,2	5	6,5	125,0	7	7,0	122,9	8	4,5	123,5	20	5,8
9. Наименьшая ширина лба	88,2	6	3,9	94,0	11	4,2	91,0	9	3,6	91,6	26	4,4
Sub.9. Высота лобной кости над наименьшей шириной	16,2	6	3,0	19,1	11	2,3	17,9	9	2,3	18,0	26	2,6
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	140,0	6	6,1	135,9	11	4,5	137,1	9	4,0	137,3	26	4,8
10. Наибольшая ширина лба	122,8	5	5,8	118,5	11	3,4	113,2	9	5,2	117,4	25	5,7
9:8. Лобно-поперечный указатель	62,8	5	3,4	68,4	6	3,6	67,6	9	2,9	66,7	20	3,8
9:10. Лобный указатель	72,6	5	4,7	79,5	10	3,6	80,4	9	2,8	78,4	24	4,6
29. Лобная хорда	105,0	6	5,4	107,6	11	5,1	103,8	9	4,4	105,7	26	5,0
Sub.Nβ. Высота изгиба лба	23,3	6	2,6	25,4	11	2,7	22,2	9	2,6	23,8	26	2,9
Sub.Nβ:29. Указатель выпуклости лба	22,2	6	2,2	23,6	11	2,3	21,4	9	2,0	22,5	26	2,3
32. Угол профиля лба от *n.*	4,5	4	3,7	82,0	6	4,4	82,0	7	3,1	82,6	17	3,7
GM/FH. Угол профиля лба от *g.*	805	4	4,4	76,2	6	4,5	76,7	7	3,4	77,4	17	4,2
12. Ширина затылка	105,2	5	3,7	107,6	9	4,3	105,2	9	4,7	106,1	23	4,3
40. Длина основания лица	94,0	3	3,0	92,4	7	3,0	98,2	6	5,1	94,9	16	4,6
40:5. Указатель выступания лица	101,9	3	6,1	96,0	7	5,7	100,3	6	2,3	98,7	16	5,1
43. Верхняя ширина лица	99,8	5	5,9	104,0	11	6,5	102,1	9	4,7	102,5	25	5,8
46. Средняя ширина лица	87,0	2	7,1	91,6	8	3,4	93,6	5	4,3	91,7	15	4,4
45. Скуловой диаметр	123,5	4	8,6	128,9	7	6,7	127,1	8	3,4	127,0	19	6,0
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	87,1	4	5,9	93,5	5	4,4	94,4	8	3,3	92,4	17	5,1
9:45. Лобно-скуловой указатель	72,7	4	4,2	73,3	7	3,9	72,3	8	3,3	72,8	19	3,5
48. Верхняя высота лица	62,5	4	2,4	66,5	8	3,0	64,7	7	2,4	65,0	19	3,0
47. Полная высота лица	100,3	3	8,1	110,2	6	5,4	107,2	6	3,7	107,0	15	6,2
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	49,7	3	0,8	51,1	7	2,4	50,7	7	3,1	50,7	17	2,4
48:45. Верхний лицевой указатель	50,9	4	5,3	50,7	7	4,2	51,0	7	3,2	50,9	18	3,8
47:45. Общий лицевой указатель	83,9	3	10,2	86,0	6	5,8	84,4	6	3,3	85,0	15	5,6
72. Общий лицевой угол	84,3	3	2,5	86,2	6	3,9	84,2	6	1,6	85,0	15	2,9
73. Средний лицевой угол	89,0	3	4,0	90,3	6	3,9	89,2	6	3,1	89,6	15	3,4
74. Угол альвеолярной части	66,0	3	6,1	73,5	6	6,7	69,0	6	5,7	70,2	15	6,5
77. Назомалярный угол	143,2	4	8,6	144,1	9	3,5	145,7	8	4,8	144,6	21	5,0
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	139,2	2	4,7	136,5	7	3,5	136,4	5	2,8	136,9	14	3,3
51. Ширина орбиты от *mf.*	41,0	4	1,8	41,6	7	1,9	42,1	7	2,0	41,7	18	1,8
51a. Ширина орбиты от *d.*	37,8	4	1,7	38,0	6	2,2	38,1	7	2,0	38,0	17	1,9
52. Высота орбиты	34,0	4	2,4	34,1	7	1,2	33,9	7	1,9	34,0	18	1,7
52:51. Орбитный указатель от *mf.*	82,9	4	4,4	82,3	7	4,3	80,6	7	6,8	81,7	18	5,2
52:51a. Орбитный указатель от *d.*	90,1	4	5,7	90,1	6	5,2	89,1	7	8,4	89,7	17	6,4
55. Высота носа	47,8	4	3,8	50,0	7	2,4	47,4	7	3,0	48,5	18	3,0
54. Ширина носа	25,0	4	1,2	25,4	8	1,9	24,9	7	1,5	25,1	19	1,6
54:55. Носовой указатель	52,6	4	4,9	50,7	7	4,6	52,5	7	3,4	51,8	18	4,1
75(1). Угол выступания носа	13,8	4	3,3	12,7	6	2,7	13,7	6	3,2	13,3	16	2,9
SC. Симотическая ширина	7,25	4	1,1	7,92	9	1,0	7,26	7	3,8	7,56	20	2,3
SS. Симотическая высота	1,50	4	0,6	2,86	9	0,6	2,21	7	0,5	2,36	20	0,8
SS:SC. Симотический указатель	20,5	4	7,4	36,7	9	10,4	37,3	7	19,1	33,7	20	14,7
∠S. Симотический угол	136,0	4	14,5	108,8	9	14,5	110,8	7	27,7	114,9	20	21,9
50. Межглазничная ширина	17,1	5	3,2	17,4	9	0,9	17,2	7	1,9	17,3	21	1,9
DC. Дакриальная ширина	20,60	3	1,2	20,45	8	2,0	20,70	7	3,1	20,57	18	2,3
DS. Дакриальная высота	7,60	3	0,4	9,09	8	1,5	9,49	7	1,3	8,99	18	1,4
DS:DC. Дакриальный указатель	36,9	3	1,2	44,3	8	5,1	46,5	7	8,7	44,0	18	7,0

Окончание табл. 46

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
∠D. Дакриальный угол	107,1	3	1,8	97,2	8	6,6	94,8	7	10,7	97,9	18	8,7
FC. Глубина клыковой ямки	5,67	3	1,1	4,23	4	2,7	3,82	5	2,0	4,42	12	2,0
62. Длина нёба	45,3	4	5,3	42,8	11	3,9	45,2	6	2,4	44,0	21	3,8
63. Ширина нёба	43,0	4	7,7	39,3	12	2,9	39,0	6	2,4	39,9	22	4,1
63:62. Нёбный указатель	96,3	4	23,0	91,4	11	8,5	86,5	6	5,8	90,9	21	11,6
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	102,0	4	3,4	101,9	11	4,1	103,0	7	5,9	102,3	22	4,5
68. Длина нижней челюсти от углов	81,3	4	6,2	77,8	11	6,8	78,3	7	5,6	78,6	22	6,2
65. Мыщелковая ширина	121,5	2	9,2	116,8	9	5,8	118,4	7	6,5	117,9	18	6,2
66. Угловая ширина	105,3	3	7,0	102,3	11	5,8	102,6	7	6,6	102,8	21	6,0
70. Высота ветви	49,8	4	4,8	53,5	11	5,5	51,0	7	4,8	52,1	22	5,1
71a. Наименьшая ширина ветви	33,5	4	1,7	32,7	11	2,2	33,1	7	1,6	33,0	22	1,9
67. Передняя ширина нижней челюсти	43,3	4	1,7	44,5	12	3,1	45,3	6	2,3	44,5	22	2,7
69(3). Толщина тела	12,3	4	1,3	11,4	12	1,3	11,6	7	1,7	11,6	23	1,4
79. Угол ветви нижней челюсти	117,3	4	7,4	122,7	11	3,7	122,6	7	3,8	121,7	22	4,8
C'∠. Угол выступания подбородка	71,3	3	11,5	69,3	10	4,4	68,3	7	4,3	69,3	20	5,5

Черепа из Мигалки обнаруживают наибольшее сходство с тискинскими, причем по мужским черепам видно, что практически этот же антропологический тип фиксируется и на черепах из средневекового могильника Алдыган. Таким образом, приобские могильники Тискино, Алдыган и Мигалка оставлены группами, между которыми существовали довольно тесные родственные отношения и которые представляли, скорее всего, части одного родоплеменного объединения.

Весьма незначительные расхождения наблюдаются между прикетским и притымскими выборками, которые в свою очередь мало отличаются от обских групп. По мужским черепам заметно некоторое своеобразие причулымской серии, но по женским морфологический тип причулымской группы близок типу обских, прикетских и притымских популяций. Как по мужским, так и по женским черепам отчетливо проявляется своеобразие ранней выборки из Притымья, но которое обусловлено, как уже отмечалось выше, небольшой ее численностью.

Несколько дистанцируются от приобских, притымских, прикетских и причулымских выборок материалы из Барклая. Локализация могильника на левобережье Оби, видимо, облегчала генетические контакты данной популяции с восточно-хантыйскими группами, что и проявилось в их морфологическом облике.

Вариабельность антропологических черт популяций Нарымского Приобья в целом весьма незначительна, все они близки между собой и представляют выборки из одной совокупности. Наиболее типичной в анализируемой совокупности групп является серия из могильника Мигалка, наибольшее отклонение от средних характеристик нарымских популяций обнаруживает серия с низовьев Чулыма.

Многомерный анализ изменчивости антропологических признаков в группах нарымских селькупов, обских угров и западносибирских тюрков

показывает, что данная совокупность дифференцируется в соответствии со следующими закономерностями: отчетливо проявляется своеобразие тех серий, для черепов которых характерны относительно бóльшая высота свода, высокое, профилированное в горизонтальной плоскости, особенно в средней части, лицо, высокое переносье и наибольший угол выступания носа. Иную группировку образуют серии, в которых преобладают более долихокранные черепа с узким, ортогнатным в вертикальной плоскости лицом. Если первый комплекс признаков дифференцирует по степени выраженности монголоидных особенностей, то второй — отграничивает угорские народы ото всех остальных. Первый комплекс признаков может быть сопоставлен с физическими особенностями южносибирских популяций, второй — угорских. Характер взаиморасположения серий показывает, что в составе чулымской выборки заметную долю составляет компонент, связанный в происхождении с тюркоязычными народами Южной Сибири и Казахстана. Незначительное присутствие южносибирского компонента наблюдается в составе ранней группы из Тискино и в выборке из Прикетья. В поздней же тымской группе и в составе серий из Барклая и Мигалки наблюдается присутствие долихокранного узколицего компонен-

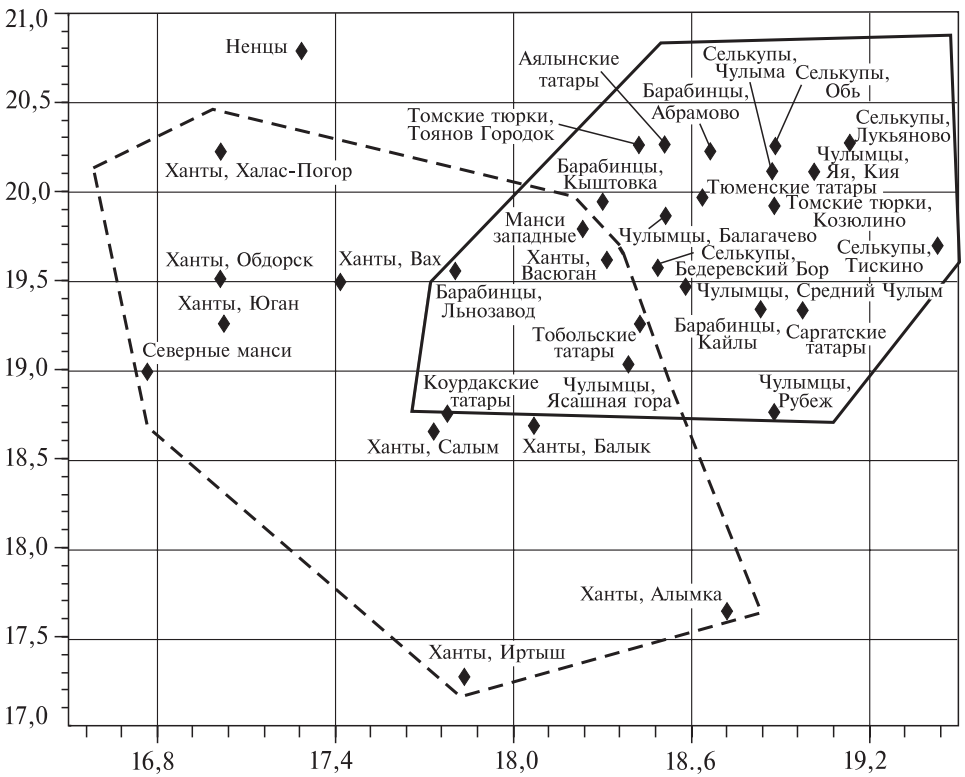


Рис. 23. Взаиморасположение угро-самодийских и тюркских современных популяций.

та, который генетически может быть связан с обско-угорским населением Западной Сибири. Незначительная примесь угорского компонента фиксируется и в составе выборок из Тискино, особенно среднего хронологического этапа (рис. 23).

Наибольшее сходство все популяции Нарымского Приобья обнаруживают с территориально ближайшими тюрками Причулымья и Нижнего Притомья. В составе нарымских групп фиксируется также примесь компонента, генетически связанного с тюрками западносибирской лесостепи — барабинскими и тоболо-иртышскими татарами. По физическим особенностям отдельных популяций (Тискино, Нижнее Причулымье) прослеживается генетическое влияние народов Южной Сибири. Весьма слабо, но улавливается влияние хантов на формирование физического типа населения, оставившего могильники Мигалка на Оби, Бедеревский Бор на Тыме и Барклай на Чае.

Материалы по коренному населению Нарымского Приобья охватывают большой промежуток времени, от X до начала XX в. Значительное морфологическое сходство между различными хронологическими выборками позволяет сделать вывод, что физический тип местного населения не претерпел в течение II тыс. н.э. практически никаких изменений. Антропологический облик нарымских селькупов, фиксируемый в различных территориальных группах, по основным характеристикам очень сходен. Оба наблюдения говорят о широком географическом распространении и хронологической стабильности антропологического типа южных самодийцев.

1.5. Сравнительные краниологические данные по современным народам Северной Евразии

Помимо рассмотренных выше этнолингвистических групп, краниологические данные по современным коренным народам Северной Евразии охватывают и ряд других общностей. Группировка материалов осуществлена в соответствии с представлениями автора об их таксономическом положении [Багашёв, 1998, 1998в, г, 1999, 2016] и с их этнолингвистической принадлежностью. Краниометрические характеристики данных групп представлены в табл. 47, 48.

1. Манси северные [Дебец, 1951] и западные [Багашёв, 1999а, б], ханты северные (Халас-Погор [Дебец, 1951], Обдорск [Дрёмов, 1984]), восточные (Салым, Балык, Юган, Вах, Васюган [Дрёмов, 1991]), южные [Багашёв, 1991]. Уральский антропологический тип западносибирской группы популяций. Краниологическими особенностями являются долихокрания, малая высота свода черепа, среднеширокий, низкий (мезоморфный), умеренно уплощенный в горизонтальной плоскости лицевой скелет, средневысокое переносье, очень малый угол выступания носовых костей (см. табл. 32–37).

2. Нарымские селькупы (бассейн Чулыма и сборная серия из могильников Нарымского Приобья [Дрёмов, 1998а] (табл. 47), Тискино [Багашёв, 2001], Лукьяново и Максимоярск [Багашёв, 2002], Мигалка, Бедеревский

Таблица 47

Сравнительные данные по краниологии современного населения (мужчины)

№ по Мартину или условное обозначение	Нарымские селькупы		Хакасы					Северные алтайцы		
	Бассейн Чулыма	Сборная	Кызыльцы	Бельтиры	Сагайцы	Койбалы	Качинцы	Телеуты	Куманцы	Тубалары
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Продольный диаметр	177,7 (23)	179,9 (22)	178,6 (93)	176,2 (45)	177,5 (31)	181,3 (24)	181,0 (44)	182,2 (41)	180,5 (36)	180,2 (18)
8. Поперечный диаметр	141,4 (24)	145,2 (22)	143,8 (94)	146,0 (45)	148,0 (30)	144,6 (25)	147,7 (46)	142,8 (42)	141,8 (38)	147,3 (19)
17. Высотный диаметр	134,7 (22)	132,7 (20)	131,9 (94)	130,9 (45)	133,8 (30)	134,3 (24)	133,4 (44)	134,0 (40)	136,8 (37)	136,0 (16)
8:1. Черепной указатель	79,6 (23)	80,8 (22)	80,7 (93)	83,0 (45)	83,5 (30)	79,9 (24)	81,5 (44)	78,5 (41)	78,6 (36)	82,0 (18)
5. Длина основания черепа	102,4 (22)	100,7 (20)	99,6 (94)	99,1 (45)	99,6 (30)	102,8 (25)	101,7 (44)	100,3 (40)	101,6 (36)	101,8 (16)
9. Наименьшая ширина лба	96,1 (28)	95,7 (23)	94,2 (94)	92,0 (46)	93,6 (31)	95,2 (26)	95,1 (46)	92,9 (41)	94,3 (40)	96,1 (21)
32. Угол профиля лба	79,4 (20)	82,4 (19)	81,9 (94)	80,9 (46)	81,6 (30)	83,0 (23)	82,9 (42)	81,1 (42)	83,6 (35)	84,8 (16)
40. Длина основания лица	101,5 (18)	97,6 (14)	97,5 (77)	95,8 (34)	97,7 (29)	99,5 (24)	100,4 (35)	98,5 (25)	99,5 (29)	98,9 (14)
45. Скуловой диаметр	141,2 (21)	141,0 (19)	137,6 (94)	139,3 (45)	141,5 (31)	139,9 (23)	141,2 (44)	135,9 (41)	134,7 (37)	135,5 (19)
48. Верхняя высота лица	70,4 (25)	70,4 (18)	73,3 (81)	73,2 (39)	75,0 (30)	75,8 (26)	76,6 (41)	74,9 (25)	73,2 (33)	73,8 (17)
48:45. Верхний лицевой указатель	49,8 (20)	49,8 (17)	53,0 (81)	52,1 (38)	51,1 (30)	54,2 (23)	54,3 (39)	55,6 (25)	54,9 (31)	54,7 (16)
72. Общий лицевой угол	83,1 (18)	85,8 (14)	85,7 (82)	87,9 (39)	85,7 (31)	87,4 (23)	86,9 (37)	86,0 (29)	86,5 (31)	85,8 (15)
77. Назомалярный угол	144,6 (25)	144,2 (19)	143,9 (93)	144,9 (46)	145,7 (31)	145,1 (25)	146,3 (45)	143,5 (42)	140,6 (41)	143,3 (20)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	132,5 (21)	136,7 (17)	134,2 (93)	134,6 (46)	132,6 (30)	136,0 (25)	134,2 (44)	131,8 (41)	131,6 (36)	131,3 (17)
51. Ширина орбиты	43,6 (25)	43,3 (18)	43,5 (94)	42,9 (46)	42,2 (31)	43,3 (26)	43,3 (44)	42,8 (42)	42,7 (39)	42,7 (18)
52. Высота орбиты	34,4 (25)	33,4 (19)	33,9 (94)	34,1 (46)	34,7 (31)	35,3 (27)	35,4 (45)	33,8 (42)	33,5 (40)	34,1 (19)
55. Высота носа	53,6 (26)	52,4 (20)	52,7 (94)	52,7 (46)	54,2 (31)	54,9 (26)	55,2 (45)	53,9 (42)	52,9 (39)	54,8 (17)
54. Ширина носа	27,2 (25)	26,6 (20)	25,1 (93)	25,1 (45)	26,3 (31)	25,9 (26)	25,8 (44)	24,8 (42)	25,7 (38)	25,9 (17)
75(1). Угол выступания носа	21,8 (19)	21,2 (14)	21,2 (80)	22,2 (37)	26,9 (30)	21,0 (21)	23,2 (38)	23,6 (28)	21,6 (32)	20,2 (16)
SC. Симотическая ширина	7,40 (23)	8,58 (20)	7,37 (93)	7,5 (46)	7,9 (31)	8,5 (26)	6,5 (44)	7,86 (42)	7,89 (42)	8,35 (20)
SS. Симотическая высота	3,31 (23)	3,36 (20)	3,42 (93)	3,8 (46)	3,8 (31)	3,5 (26)	3,2 (44)	3,76 (42)	3,58 (41)	3,71 (20)
DC. Дакриальная ширина	22,16 (23)	22,20 (19)	21,07 (93)	20,3 (46)	20,4 (31)	20,5 (26)	20,0 (44)	20,00 (42)	21,15 (41)	20,39 (17)
DS. Дакриальная высота	10,85 (23)	11,57 (19)	10,09 (92)	10,2 (46)	10,7 (31)	9,7 (26)	10,1 (44)	10,12 (42)	10,46 (40)	9,95 (17)

Продолжение табл. 47

№ по Мартину или условное обозначение	Шорцы	Казахи			Ненцы	Кеты	Буряты	Тувинцы	Якуты	Башкиры
		Актулки	Бегазы	Коянды						Мавлю-тово
1	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
1. Продольный диаметр	179,8 (41)	181,5 (29)	180,9 (45)	180,7 (35)	179,2 (38)	179,4 (11)	183,6 (36)	183,1 (60)	185,8 (39)	180,4 (35)
8. Поперечный диаметр	138,6 (40)	150,7 (29)	150,2 (45)	151,6 (35)	146,6 (38)	145,5 (11)	147,5 (36)	150,6 (60)	148,6 (39)	145,4 (35)
17. Высотный диаметр	135,5 (40)	130,1 (29)	131,1 (45)	131,2 (35)	129,0 (38)	127,5 (11)	135,4 (36)	131,3 (58)	136,8 (39)	132,7 (33)
8:1. Черепной указатель	77,1 (39)	83,0 (29)	83,2 (45)	84,0 (35)	81,9 (38)	81,2 (11)	80,5 (36)	82,3 (60)	80,1 (39)	80,6 (35)
5. Длина основания черепа	100,8 (40)	101,4 (29)	102,6 (44)	102,0 (35)	98,7 (38)	99,4 (11)	102,9 (36)	102,2 (58)	104,6 (39)	101,1 (33)
9. Наименьшая ширина лба	93,5 (42)	97,2 (29)	95,3 (45)	97,9 (35)	94,2 (38)	94,6 (11)	96,5 (35)	95,8 (60)	94,2 (39)	96,0 (35)
32. Угол профиля лба	83,2 (30)	80,7 (29)	80,8 (44)	83,7 (35)	81,8 (38)	81,3 (11)	80,8 (36)	82,6 (54)	78,4 (36)	82,8 (35)
40. Длина основания лица	97,4 (26)	96,9 (28)	98,3 (45)	98,3 (35)	101,1 (35)	98,3 (11)	100,2 (34)	101,5 (46)	103,7 (26)	97,2 (31)
45. Скуловой диаметр	133,5 (29)	144,5 (29)	143,8 (45)	143,4 (35)	139,1 (38)	137,8 (11)	143,0 (36)	142,4 (49)	146,4 (38)	137,9 (35)
48. Верхняя высота лица	74,2 (26)	75,9 (28)	74,7 (44)	74,8 (31)	73,9 (35)	72,1 (11)	79,1 (33)	76,4 (46)	82,2 (24)	72,2 (34)
48:45. Верхний лицевой указатель	55,7 (21)	52,5 (28)	52,0 (44)	52,2 (31)	53,1*	52,3 (11)	55,3*	53,7*	55,9 (23)	52,4 (34)
72. Общий лицевой угол	86,0 (27)	89,3 (29)	89,1 (44)	88,3 (35)	86,1 (37)	85,5 (11)	86,9 (33)	87,1 (47)	88,2 (25)	86,1 (34)
77. Назомалярный угол	140,9 (40)	146,9 (29)	143,9 (44)	143,0 (35)	146,4 (36)	146,6 (11)	145,8 (36)	146,4 (54)	147,4 (37)	141,5 (35)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	128,4 (32)	136,2 (29)	133,2 (45)	134,8 (35)	135,8 (35)	133,8 (11)	141,4 (36)	140,3 (49)	138,0 (37)	130,6 (35)
51. Ширина орбиты	43,0 (37)	43,4 (29)	43,9 (44)	43,1 (35)	42,7 (37)	42,6 (11)	42,9 (35)	40,8 (54)	44,3 (38)	42,5 (35)
52. Высота орбиты	34,4 (37)	35,8 (29)	34,6 (45)	35,6 (35)	34,4 (37)	34,2 (11)	35,7 (35)	34,8 (51)	35,2 (38)	32,7 (35)
55. Высота носа	53,3 (36)	54,6 (29)	54,5 (44)	54,9 (35)	53,0 (37)	53,1 (11)	56,4 (36)	55,3 (51)	57,8 (38)	53,0 (35)
54. Ширина носа	25,4 (36)	26,6 (29)	26,8 (45)	26,3 (35)	25,0 (37)	25,2 (11)	26,8 (36)	27,0 (51)	26,9 (38)	25,7 (35)
75(1). Угол выступания носа	21,8 (23)	22,1 (27)	25,1 (44)	25,4 (35)	23,3 (27)	18,5 (11)	18,2 (32)	20,7 (27)	21,5 (26)	24,8 (32)
SC. Симотическая ширина	7,37 (33)	8,2 (29)	8,5 (44)	9,3 (35)	7,08 (36)	7,30 (11)	7,97 (36)	8,5 (53)	7,49 (37)	8,49 (33)
SS. Симотическая высота	2,96 (33)	3,6 (29)	4,1 (44)	4,2 (35)	2,73 (36)	2,66 (11)	2,73 (36)	2,9 (53)	2,89 (37)	3,67 (33)
DC. Дакриальная ширина	21,23 (32)	21,5 (29)	22,5 (44)	22,7 (35)	21,0 (36)	21,62 (9)	22,09 (35)	22,0 (51)	22,42 (38)	21,33 (33)
DS. Дакриальная высота	9,97 (32)	10,3 (29)	11,0 (44)	11,2 (35)	9,44 (36)	8,77 (9)	8,89 (35)	9,3 (51)	9,24 (38)	10,95 (33)

Окончание табл. 47

№ по Мартину или условное обозначение	Башкиры		Удмурты		Марийцы		Мордва		Коми-пермяки
	Старо-Халилово	Иштуганово	Северные	Южные	Горные	Луговые	Эрзя	Мокша	
1	22	23	24	25	26	27	28	29	30
1. Продольный диаметр	183,0 (41)	185,6 (42)	176,4 (35)	175,4 (80)	185,0 (48)	181,4 (33)	179,4 (39)	182,5 (20)	175,7 (19)
8. Поперечный диаметр	147,8 (41)	147,3 (42)	144,8 (35)	143,6 (84)	141,0 (47)	141,8 (33)	143,3 (39)	140,9 (18)	142,1 (19)
17. Высотный диаметр	133,6 (41)	135,0 (42)	134,0 (33)	134,0 (77)	136,9 (35)	131,7 (31)	135,0 (39)	131,0 (18)	133,9 (19)
8:1. Черепной указатель	81,0 (41)	79,4 (42)	82,2 (35)	81,9 (79)	76,6 (46)	78,2 (33)	80,1 (39)	77,3 (18)	81,0 (19)
5. Длина основания черепа	102,0 (41)	103,4 (42)	101,4 (33)	100,3 (76)	103,1 (36)	99,2 (29)	101,1 (38)	99,4 (18)	99,1 (19)
9. Наименьшая ширина лба	95,5 (41)	97,5 (42)	94,6 (36)	95,1 (85)	98,1 (50)	96,7 (32)	96,6 (38)	96,1 (20)	96,3 (19)
32. Угол профиля лба	82,2 (41)	79,4 (42)	84,8 (35)	87,0 (69)	82,8 (41)	86,2 (29)	83,6 (37)	83,4 (19)	86,6 (18)
40. Длина основания лица	100,8 (39)	98,3 (42)	97,1 (29)	96,9 (64)	99,8 (33)	95,5 (28)	95,8 (38)	96,7 (17)	95,2 (19)
45. Скуловой диаметр	137,4 (41)	140,5 (41)	133,5 (35)	132,7 (75)	135,3 (40)	132,3 (28)	134,1 (39)	132,1 (18)	133,0 (18)
48. Верхняя высота лица	73,5 (39)	75,3 (39)	71,2 (33)	70,5 (79)	70,8 (44)	69,5 (31)	70,5 (38)	69,9 (19)	69,2 (18)
48:45. Верхний лицевой указатель	53,5*	53,6*	53,3*	53,1*	52,3*	52,5*	52,6*	52,9*	52,0*
72. Общий лицевой угол	84,8 (39)	86,2 (39)	84,3 (32)	86,0 (64)	84,6 (40)	86,0 (28)	85,8 (37)	84,7 (15)	85,6 (16)
77. Назомалярный угол	142,2 (41)	141,9 (42)	142,2 (34)	141,7 (82)	141,8 (45)	140,4 (31)	140,6 (37)	140,4 (20)	139,7 (19)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	132,5 (41)	131,0 (42)	128,9 (21)	129,5 (67)	130,0 (40)	130,0 (22)	128,4 (36)	127,2 (18)	127,6 (19)
51. Ширина орбиты	43,8 (41)	45,3 (42)	41,9 (35)	41,3 (82)	42,0 (45)	40,3 (31)	41,5 (38)	40,8 (17)	41,8 (19)
52. Высота орбиты	34,0 (41)	35,5 (42)	33,6 (36)	32,8 (83)	32,8 (45)	32,5 (31)	32,5 (39)	32,6 (19)	32,7 (19)
55. Высота носа	54,6 (41)	55,5 (42)	52,5 (34)	50,9 (80)	52,1 (45)	50,0 (31)	50,6 (39)	50,7 (20)	49,3 (19)
54. Ширина носа	25,6 (41)	26,2 (42)	23,6 (34)	24,4 (72)	26,0 (44)	24,8 (29)	24,7 (39)	24,5 (19)	24,7 (19)
75(1). Угол выступания носа	24,2 (39)	27,5 (37)	26,2 (29)	27,0 (65)	26,0 (40)	22,0 (27)	28,5 (32)	26,9 (14)	26,8 (17)
SC. Симотическая ширина	8,0 (41)	8,2 (42)	8,2 (32)	8,8 (71)	8,5 (39)	8,5 (28)	9,3 (35)	10,1 (15)	8,7 (19)
SS. Симотическая высота	3,69 (41)	4,05 (42)	3,9 (32)	3,9 (71)	3,9 (39)	3,6 (28)	4,0 (35)	4,7 (15)	3,8 (19)
DC. Дакриальная ширина	21,2 (41)	21,9 (41)	19,6 (28)	21,4 (61)	22,3 (37)	22,6 (29)	21,9 (35)	22,1 (17)	21,2 (19)
DS. Дакриальная высота	10,92 (41)	11,54 (39)	11,7 (28)	12,2 (61)	11,4 (37)	11,7 (29)	11,9 (35)	12,4 (17)	12,2 (19)

* Рассчитано по средним размерам.

Таблица 48

Сравнительные данные по краниологии современного населения (женщины)

№ по Мартину или условное обозначение	Нарымские селькупы		Хакасы					Северные алтайцы		
	Бассейн Чулыма	Сборная	Кызыльцы	Бельтиры	Сагайцы	Койбалы	Качинцы	Телеуты	Куман-динцы	Тубалары
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Продольный диаметр	169,7 (23)	170,4 (20)	171,5 (113)	171,4 (36)	170,4 (32)	174,9 (18)	172,9 (56)	172,3 (35)	171,6 (40)	170,1 (17)
8. Поперечный диаметр	136,9 (22)	139,3 (20)	138,1 (113)	141,1 (35)	143,3 (32)	139,6 (20)	141,4 (54)	137,1 (34)	138,5 (43)	141,1 (17)
17. Высотный диаметр	128,0 (20)	127,9 (19)	125,7 (113)	128,0 (36)	125,9 (34)	128,0 (20)	129,1 (54)	127,4 (34)	130,0 (39)	128,9 (15)
8:1. Черепной указатель	80,8 (22)	81,8 (20)	80,5 (113)	82,5 (35)	84,2 (32)	79,9 (18)	81,9 (54)	79,5 (34)	80,8 (40)	83,0 (17)
5. Длина основания черепа	97,0 (21)	95,8 (19)	94,4 (113)	95,1 (36)	94,7 (34)	96,5 (21)	96,6 (54)	95,0 (33)	96,4 (37)	96,4 (15)
9. Наименьшая ширина лба	93,9 (25)	92,9 (22)	90,0 (114)	91,2 (36)	92,3 (34)	92,0 (21)	91,4 (57)	90,7 (35)	92,5 (43)	91,4 (20)
32. Угол профиля лба	82,4 (18)	84,6 (16)	83,2 (113)	85,3 (35)	84,7 (33)	84,5 (19)	85,9 (53)	84,9 (34)	87,2 (38)	87,2 (11)
40. Длина основания лица	95,1 (18)	94,5 (15)	93,0 (90)	90,7 (35)	91,9 (29)	94,3 (20)	95,0 (51)	93,2 (29)	95,0 (28)	96,8 (9)
45. Скуловой диаметр	129,6 (18)	129,4 (16)	127,9 (112)	131,0 (35)	131,6 (34)	130,4 (21)	131,2 (55)	125,7 (33)	126,7 (41)	124,8 (17)
48. Верхняя высота лица	65,5 (21)	64,8 (18)	69,5 (95)	70,2 (36)	70,1 (28)	72,0 (22)	71,2 (56)	69,6 (29)	67,7 (34)	68,5 (15)
48:45. Верхний лицевой указатель	50,9 (17)	50,4 (14)	54,4 (95)	53,7 (35)	53,3 (29)	55,3 (21)	54,9 (54)	55,5 (28)	53,2 (33)	54,7 (12)
72. Общий лицевой угол	82,7 (18)	85,5 (14)	85,2 (94)	88,5 (32)	87,9 (28)	86,3 (20)	86,7 (53)	85,5 (28)	85,4 (30)	85,7 (10)
77. Назомалярный угол	143,8 (23)	145,4 (21)	144,6 (113)	144,9 (36)	145,2 (34)	146,3 (21)	146,2 (57)	143,2 (34)	143,5 (41)	143,1 (18)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	131,5 (18)	135,3 (17)	134,7 (112)	134,2 (36)	134,4 (31)	132,7 (22)	133,5 (55)	132,5 (34)	133,4 (37)	131,8 (9)
51. Ширина орбиты	41,7 (22)	40,6 (20)	41,6 (113)	41,7 (36)	41,4 (33)	41,6 (22)	41,2 (57)	40,6 (35)	41,0 (41)	40,3 (18)
52. Высота орбиты	33,6 (22)	32,7 (20)	34,0 (113)	34,1 (36)	33,8 (33)	35,2 (21)	34,6 (57)	33,2 (35)	33,3 (40)	33,6 (16)
55. Высота носа	49,4 (22)	48,6 (19)	49,9 (113)	50,5 (36)	51,3 (33)	52,5 (22)	52,2 (57)	50,3 (35)	48,7 (38)	48,5 (14)
54. Ширина носа	25,9 (22)	25,2 (19)	24,6 (111)	24,7 (35)	25,3 (33)	24,6 (22)	24,9 (56)	24,5 (34)	25,1 (38)	26,1 (10)
75(1). Угол выступания носа	19,3 (21)	20,0 (16)	17,8 (93)	19,1 (29)	21,6 (28)	21,2 (19)	20,5 (54)	20,9 (27)	17,7 (30)	16,9 (10)
SC. Симотическая ширина	7,88 (23)	8,08 (19)	7,27 (113)	7,7 (35)	7,5 (34)	7,3 (22)	7,0 (57)	7,92 (35)	7,98 (41)	8,11 (18)
SS. Симотическая высота	2,86 (23)	2,88 (19)	2,96 (112)	3,2 (35)	2,9 (34)	2,9 (22)	2,7 (57)	3,35 (35)	3,19 (39)	2,99 (16)
DC. Дакриальная ширина	20,46 (23)	20,81 (19)	19,90 (113)	20,3 (34)	19,3 (34)	18,7 (22)	19,1 (53)	19,76 (34)	20,35 (41)	20,42 (14)
DS. Дакриальная высота	9,39 (23)	9,74 (19)	9,20 (112)	9,61 (34)	9,5 (34)	9,0 (22)	9,3 (53)	9,42 (34)	9,56 (38)	8,50 (13)

Продолжение табл. 48

№ по Мартину или условное обозначение	Шорцы	Казахи			Ненцы	Кеты	Буряты	Тувинцы	Якуты	Башкиры
		Актулки	Бегазы	Коянды						Мавлю-тово
1	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
1. Продольный диаметр	174,1 (37)	173,7 (39)	171,1 (24)	172,2 (24)	171,0 (16)	173,0 (14)	176,4 (28)	173,2 (39)	177,2 (27)	173,1 (29)
8. Поперечный диаметр	137,0 (36)	146,8 (39)	146,5 (24)	145,2 (24)	140,7 (16)	143,0 (14)	141,0 (28)	143,1 (39)	143,6 (27)	141,8 (28)
17. Высотный диаметр	130,1 (29)	124,2 (39)	125,7 (24)	125,9 (24)	121,3 (16)	127,3 (14)	129,5 (28)	124,3 (38)	129,7 (27)	127,0 (30)
8:1. Черепной указатель	78,8 (36)	84,5 (39)	85,6 (24)	84,5 (24)	82,4 (16)	82,8 (14)	80,0 (28)	82,8 (39)	81,1 (27)	81,8 (28)
5. Длина основания черепа	95,7 (29)	96,4 (39)	97,6 (24)	97,3 (24)	96,0 (14)	96,6 (14)	97,8 (28)	95,5 (37)	98,6 (27)	96,4 (28)
9. Наименьшая ширина лба	91,4 (36)	94,8 (39)	93,1 (24)	93,8 (24)	88,8 (16)	93,3 (14)	93,1 (28)	91,6 (39)	91,8 (26)	93,4 (30)
32. Угол профиля лба	86,7 (27)	83,5 (38)	82,9 (24)	84,7 (24)	82,4 (16)	84,7 (14)	83,6 (28)	86,0 (36)	81,4 (26)	85,0 (30)
40. Длина основания лица	92,9 (20)	92,2 (37)	92,8 (24)	95,8 (24)	96,9 (14)	93,2 (12)	94,0 (24)	95,5 (32)	97,8 (15)	94,8 (24)
45. Скуловой диаметр	126,8 (28)	134,1 (39)	135,2 (24)	132,6 (24)	130,3 (16)	131,0 (14)	129,6 (27)	130,4 (36)	135,4 (24)	127,7 (29)
48. Верхняя высота лица	69,9 (23)	70,2 (37)	69,6 (21)	71,5 (15)	69,5 (14)	65,6 (14)	71,0 (24)	70,4 (33)	75,3 (15)	67,1 (28)
48:45. Верхний лицевой указатель	55,4 (22)	52,6 (37)	51,5 (21)	54,2 (15)	53,3*	50,1 (14)	54,8*	54,0*	55,5 (14)	52,5 (27)
72. Общий лицевой угол	86,2 (23)	89,5 (38)	89,0 (24)	88,5 (24)	86,6 (15)	86,1 (13)	87,5 (25)	87,2 (32)	88,1 (14)	84,8 (26)
77. Назомалярный угол	141,3 (31)	145,3 (39)	144,4 (24)	143,5 (24)	147,4 (16)	144,6 (14)	145,1 (27)	148,7 (35)	148,6 (25)	141,7 (30)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	131,9 (22)	135,0 (39)	135,2 (24)	134,1 (24)	135,6 (15)	135,6 (13)	138,6 (27)	140,4 (32)	139,4 (23)	129,7 (30)
51. Ширина орбиты	41,5 (29)	41,4 (39)	41,8 (24)	41,8 (24)	40,9 (16)	41,7 (14)	40,5 (28)	40,8 (36)	42,3 (26)	41,1 (30)
52. Высота орбиты	33,4 (29)	34,5 (39)	33,5 (24)	34,4 (24)	33,7 (16)	34,3 (14)	34,6 (28)	34,1 (36)	34,8 (26)	32,5 (30)
55. Высота носа	49,5 (29)	51,6 (39)	51,4 (24)	52,0 (24)	51,0 (16)	48,7 (14)	52,3 (28)	51,7 (35)	53,8 (26)	49,2 (30)
54. Ширина носа	24,8 (27)	26,5 (39)	25,8 (24)	26,1 (24)	25,4 (16)	24,7 (14)	26,1 (28)	26,3 (35)	25,6 (25)	24,9 (30)
75(1). Угол выступания носа	19,6 (19)	21,0 (38)	22,3 (24)	22,1 (22)	18,2 (12)	16,5 (13)	18,4 (24)	18,0 (14)	18,1 (13)	21,1 (26)
SC. Симотическая ширина	7,84 (30)	9,0 (39)	9,0 (24)	8,8 (24)	7,20 (16)	8,69 (14)	7,92 (27)	7,9 (35)	7,18 (26)	7,54 (29)
SS. Симотическая высота	2,61 (30)	3,2 (39)	3,6 (24)	3,3 (24)	2,66 (16)	3,03 (14)	2,39 (27)	2,3 (35)	2,30 (26)	3,20 (29)
DC. Дакриальная ширина	20,70 (28)	21,6 (39)	21,1 (24)	21,7 (24)	19,56 (16)	20,63 (12)	20,68 (28)	19,8 (31)	21,7 (25)	20,34 (27)
DS. Дакриальная высота	8,57 (28)	9,6 (39)	9,94 (24)	10,2 (24)	8,88 (16)	8,93 (12)	8,04 (28)	8,1 (31)	8,00 (25)	10,24 (27)

Окончание табл. 48

№ по Мартину или условное обозначение	Башкиры		Удмурты		Марийцы		Мордва		Коми-пермяки
	Старо-Халилово	Иштуганово	Северные	Южные	Горные	Луговые	Эрзя	Мокша	
1	22	23	24	25	26	27	28	29	30
1. Продольный диаметр	174,4 (40)	174,1 (35)	168,8 (37)	169,0 (53)	174,2 (35)	174,8 (37)	174,5 (33)	172,0 (15)	169,8 (9)
8. Поперечный диаметр	142,0 (40)	142,5 (35)	138,8 (37)	138,8 (53)	135,8 (38)	137,7 (35)	137,9 (33)	136,8 (15)	134,8 (9)
17. Высотный диаметр	127,1 (39)	127,7 (35)	130,5 (37)	128,3 (53)	128,9 (29)	125,9 (32)	129,4 (30)	126,7 (14)	131,9 (9)
8:1. Черепной указатель	81,3 (40)	81,9 (35)	82,3 (37)	82,2 (50)	78,0 (35)	78,9 (35)	79,1 (33)	79,6 (15)	79,5 (9)
5. Длина основания черепа	96,8 (39)	97,0 (35)	97,2 (37)	95,4 (53)	96,7 (29)	94,3 (32)	96,8 (29)	94,9 (14)	96,2 (9)
9. Наименьшая ширина лба	94,1 (40)	94,2 (35)	92,9 (37)	91,9 (61)	93,2 (39)	93,5 (37)	94,8 (34)	93,1 (15)	94,9 (9)
32. Угол профиля лба	83,9 (40)	83,3 (35)	88,6 (35)	88,5 (51)	85,8 (35)	87,6 (32)	85,8 (33)	86,7 (15)	87,2 (9)
40. Длина основания лица	94,8 (36)	95,1 (31)	93,6 (34)	92,2 (41)	94,6 (27)	92,5 (28)	92,1 (26)	91,5 (13)	90,6 (9)
45. Скуловой диаметр	127,0 (39)	130,0 (35)	126,6 (37)	124,7 (46)	123,6 (29)	123,6 (31)	124,6 (33)	122,5 (14)	121,8 (8)
48. Верхняя высота лица	68,0 (36)	69,1 (31)	65,7 (35)	67,2 (55)	66,7 (35)	66,1 (34)	68,7 (31)	64,9 (14)	64,6 (9)
48:45. Верхний лицевой указатель	53,5*	53,2*	51,9*	53,9*	54,0*	53,5*	55,1*	53,0*	53,0*
72. Общий лицевой угол	85,9 (34)	85,0 (33)	84,5 (32)	85,5 (47)	83,9 (33)	84,8 (27)	85,0 (31)	84,8 (11)	85,0 (9)
77. Назомалярный угол	141,1 (40)	143,5 (35)	143,5 (36)	143,1 (57)	142,2 (37)	140,2 (34)	141,1 (33)	140,9 (15)	139,8 (8)
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	131,4 (38)	131,5 (34)	129,0 (32)	129,3 (44)	129,2 (33)	129,1 (27)	128,1 (32)	127,6 (11)	126,8 (8)
51. Ширина орбиты	42,5 (40)	43,0 (35)	40,2 (35)	39,9 (59)	39,5 (36)	39,4 (36)	40,4 (34)	39,5 (14)	40,1 (9)
52. Высота орбиты	33,0 (40)	33,8 (35)	32,1 (35)	32,2 (59)	32,4 (35)	32,4 (36)	33,6 (34)	31,6 (14)	31,2 (9)
55. Высота носа	50,3 (40)	49,7 (34)	48,7 (35)	48,5 (59)	48,9 (36)	47,3 (34)	49,4 (33)	47,5 (14)	46,6 (9)
54. Ширина носа	25,0 (30)	25,1 (35)	24,5 (35)	24,0 (50)	24,6 (36)	24,0 (28)	24,0 (33)	24,5 (14)	23,6 (8)
75(1). Угол выступания носа	19,7 (33)	23,4 (33)	23,9 (32)	24,1 (46)	22,8 (30)	19,3 (26)	24,7 (31)	21,9 (8)	23,5 (8)
SC. Симотическая ширина	8,6 (40)	8,0 (35)	8,4 (34)	8,6 (53)	8,2 (31)	8,8 (34)	9,1 (33)	9,4 (13)	8,0 (9)
SS. Симотическая высота	3,4 (40)	3,7 (35)	3,3 (34)	3,3 (53)	3,3 (31)	3,4 (34)	3,7 (33)	4,0 (13)	3,2 (9)
DC. Дакриальная ширина	20,7 (38)	20,5 (35)	20,4 (32)	20,9 (52)	21,4 (30)	21,2 (33)	21,1 (32)	20,7 (13)	20,1 (7)
DS. Дакриальная высота	10,0 (38)	10,7 (35)	10,6 (32)	11,1 (52)	10,8 (30)	9,9 (33)	11,2 (32)	10,4 (13)	10,8 (7)

* Рассчитано по средним размерам.

Бор, Барклай (настоящая работа, см. табл. 40–46)), чулымские тюрки (Ясашная Гора, Тургай — Балагачево, Яя — Кия, средний Чулым, Рубеж [Дрёмов, 1991а]), томские татары (Тоянов Городок, Козюлино [Дрёмов, 1990]) (см. табл. 30, 31). Томско-нарымский вариант обь-иртышского антропологического типа западносибирской группы популяций. Краниологические особенности этой совокупности популяций, по сравнению с группами уральского антропологического типа, сводятся к следующему: суббрахикрания, средняя высота мозговой коробки, широкий, низкий (эуриморфный), слабо профилированный по горизонтали лицевой скелет, средневысокое переносье в сочетании со средним углом выступания носовых костей.

3. Барабинские татары (Абрамово, Льнозавод, Кыштовка [Ким, 1990], Кайлы-Угурманка [Ким, 1998]), тоболо-иртышские татары (аялынские, коурдакские, саргатские, тюменские, тобольские [Багашёв, 1993а]). Тоболо-барабинский вариант обь-иртышского антропологического типа западносибирской группы популяций. Близки группе популяций томско-нарымского варианта, но фиксируется примесь южносибирских элементов (Абрамово, аялы) (см. табл. 28, 29).

4. Хакасы — кызыльцы (взвешенно суммированы черепа кызыльцев из могильника Агаскыр [Ким, 1978] и могильника Ошколь [Дрёмов, 1991а]), сагайцы, бельтиры, качинцы [Алексеев, 1960] (табл. 47, 48). Алтае-саянский антропологический тип южносибирской группы популяций. Брахикрания, средняя высота черепа, умеренно уплощенное в горизонтальной плоскости мезоморфное лицо, средняя высота переносья в сочетании со средним углом выступания носовых костей. Фиксируется примесь томско-нарымского компонента.

5. Телеуты бачатские [Ким, 1978а], кумандинцы (взвешенно суммированы черепа из могильников Солтон [Ким, 1984], Сурбашево, Нарлык-Сарыково [Дрёмов, Ким, 1998]), тубалары [Дрёмов, Ким, 1998], черепа шорцев северных и южных [Ким, 1984] взвешенно суммированы (табл. 47, 48). Североалтайский антропологический тип южносибирской группы популяций. Мезокрания, высокая мозговая коробка, лептоморфное, среднепрофилированное по горизонтали лицо, средняя высота переносья, угол выступания носовых костей средней величины.

6. Казахи (Актулки, Бегазы, Коянды [Исмагулов, 1963]). Казахстанский антропологический тип южносибирской группы популяций. Брахикрания, средняя высота свода черепа, широкое и мезоморфное лицо, слабо профилированное в горизонтальной плоскости, небольшая высота переносья, малый угол выступания носовых костей.

7. Ненцы [Дебец, 1951], кеты [Гохман, 1982] (табл. 47, 48). Как было показано выше, могут рассматриваться в рамках одного антропологического типа, который до недавнего времени предлагалось относить к самостоятельному енисейскому антропологическому типу североазиатской группы популяций. Брахикрания, малая высота черепа, широкое, средневысокое, слабо профилированное по горизонтали лицо, высота переносья средней величины, небольшой угол выступания носовых костей. Однако появление новых краниологических данных по сибирским, в частности

тазовским, ненцам (см. табл. 39) позволило выявить новую закономерность их изменчивости, в связи с чем изменено их таксономическое положение. Предлагается рассматривать северных самодийцев и кетов в качестве ямало-енисейского антропологического типа западносибирской группы популяций [Багашёв, 2016].

8. Буряты [Дебец, 1951], тувинцы [Alexeev, 1965], якуты [Томтосова, 1980] (табл. 47, 48). Центральноазиатский антропологический тип североазиатской группы популяций. Брахикрания, малая высота черепа, широкое, высокое, сильно уплощенное по горизонтали лицо, низкое переносье, очень слабое выступание носовых костей.

9. Удмурты северные и южные, марийцы горные и луговые, мордва-эрзя, мордва-терюхане, мордва-мокша, коми-пермяки [Алексеев, 1969], башкиры Мавлютово [Акимова, 1968], Старо-Халилово, Иштуганово [Юсупов, 1989] (табл. 47, 48). Приуральский антропологический тип беломоро-балтийской (североевропейской) группы популяций. Мезокрания, средняя высота черепа, мезоморфный лицевой скелет, по горизонтали хорошо профилированный, но с незначительной уплощенностью, выступающее переносье, угол носовых костей к линии вертикального профиля лица средней величины или выше.

§ 2. Антропологическое своеобразие западносибирских популяций

Согласно результатам анализа закономерностей изменчивости всего массива современных краниологических материалов Северной Евразии, выделяемый в качестве основного комплекс антропологических признаков обусловлен такими корреляционными связями, при которых увеличение ширины черепа, лица, носа и орбит связано с усилением горизонтальной уплощенности лица (особенно в подносовой части) и уменьшением высоты переносья, носовых костей и угла носа к вертикальному профилю лица. Он достаточно эффективно дифференцирует европеоидные и монголоидные группы. По признакам этого комплекса вполне отчетливо проявляется тенденция усиления выраженности монголоидных особенностей с запада на восток. Наиболее европеоидные популяции из Восточной Европы и Приуралья противопоставляются монголоидным центральноазиатским группам. По этой компоненте хорошо дифференцируются группы из Хакасии, Шории и Северного Алтая. В составе населения этого региона выделяются две надпопуляционные общности. К одной из них относятся, помимо казахов и теленгетов, качинцы, койбалы и барабинцы Абрамово. Не представляет труда идентифицировать ее с южносибирскими популяциями.

В другую совокупность вошли все североалтайские и шорские группы, сагайцы, бельтиры и кызыльцы (Ошколь). К ним близки северные и горные марийцы. Эта общность характеризуется заметным усилением европеоидных признаков и сближается с населением Восточной Европы. Западносибирские популяции почти не дифференцируются, располагаются

между европеоидами и монголоидами, сливаясь с группами Хакасии, Шории и Северного Алтая, образуя весьма мозаичное скопление.

Другой комплекс обусловлен изменчивостью, при которой увеличение высоты черепа и лица сопровождается усилением степени выступания носа, носовых костей и переносья, профилированности в горизонтальной плоскости лица. Он в отличие от первого не разграничивает группы Восточной Европы и Восточной Сибири. Однако отчетливо отделяет от них и от групп Южной Сибири западносибирское население и хорошо дифференцирует его. Особенностью комплекса является то, что уменьшение высоты черепной коробки и лица сопровождается усилением монголоидных черт. Но именно это противоречивое с точки зрения исторической корреляции сочетание характерно для лесных западносибирских популяций и наиболее ярко выражено у иртышских хантов. Данный комплекс обозначен как «северный». Противоположный, «южный», комплекс представлен у сагайцев, кумандинцев Солтона и тубаларов [Багашёв, 1998б, с. 152–156].

В составе западносибирского населения выделяются по степени внутреннего сходства две общности. К первой отнесены те группы, в которых отчетливо просматривается «северный» комплекс. Это манси, ханты Обдорска, Югана, Салыма, Васюгана, Иртыша, чулымцы Ясашской Горы, Тургая — Балагачево, среднего Чулыма, Рубежа, коурдакские татары, кеты. Ко второй общности относятся те популяции, у которых «северный» комплекс представлен в ослабленном виде и имеется примесь древних европеоидных элементов, видимо, связанных в происхождении с протоевропейским неолитическим пластом [Bagashev, 1994; Багашёв, 1994, 2003а; Зах, Багашёв, 1998], что несколько сближает их с населением Южной Сибири. Это тюменские, тобольские, саргатские, аялынские, барабинские (Льнозавод, Кыштовка), томские (Козюлино, Тоянов Городок) татары, чулымцы Яи — Кии, кызыльцы Агаскыр, тундровые ненцы, нарымские селькупы, ханты Балыка, Халас-Погора и Ваха.

Таким образом, в составе коренного населения Западной и Южной Сибири вырисовываются четыре антропологические общности. Проведенный анализ позволяет говорить, что в генезисе коренного населения Приуралья, Северного Алтая, Шории и Хакасии доминирующим фактором расообразования выступали метисационные процессы между европеоидами и монголоидами, по древности определяемые как минимум эпохой неолита, тогда как в формировании населения Западной Сибири, особенно ее таежной части, важным звеном было сохранение автохтонного антропологического пласта с протоморфными элементами.

О своеобразии морфологических комплексов, характерных для многих популяций Западной Сибири, особенно таежной ее части, убедительно свидетельствуют и результаты изучения закономерностей географического варьирования признаков [Дрёмов, 1998]. В Западной Сибири выделяется несколько основных районов с относительно однородным антропологическим составом и районов с явно смешанным составом населения. В Южной Сибири устанавливается сравнительно большое антропологическое разнообразие в районе Алтая и Шории по сравнению с Хакасией. Тюр-

коязычное население средней полосы Западной Сибири отличается повышенной изменчивостью, но в то же время проявляет общие черты, противопоставляясь алтайцам, шорцам и хакасам. Изменчивость достигает максимума в Среднем Приобье среди хантыйского населения и вновь снижается в районах Севера. Угро-самодийские группы антропологически значительно более разнообразны, чем тюрки южных районов [Дрёмов, 1998, с. 246].

Анализ коэффициентов корреляции признаков уплощенности лицевого скелета свидетельствует о том, что смешение европеоидных и монголоидных групп не было единственной или главной причиной наблюдаемых межгрупповых различий в западносибирском регионе. Он говорит о наличии в Западной Сибири серий, имеющих как более монголоидное, так и более европеоидное строение, и, следовательно, о степени влияния процесса смешения европеоидов и монголоидов на формирование физического облика населения. Однако межгрупповая связь признаков, дифференцирующих в Западной Сибири европеоидные и монголоидные группы, проявляется менее четко, чем на сопредельных территориях. В определенной мере это свидетельствует о влиянии на процесс образования коренного населения Западной Сибири не только смешения, но и других факторов [Рыкун, 1998, с. 291–292].

При характеристике антропологических особенностей населения Западной Сибири отмечается их промежуточное положение между европеоидными типами Восточной Европы и монголоидами Центральной Азии. В этом плане этнические группы Западной Сибири сходны с народами Поволжья, Приуралья, Казахстана и Средней Азии, составляя в совокупности население довольно обширной переходной евразийской зоны. Но если метисное происхождение населения примыкающей с юга к Западной Сибири территории Казахстана и Средней Азии убедительно доказано [Гинзбург и др., 1954; Исмагулов, 1970; Гинзбург, Трофимова, 1972], то в отношении населения Западной Сибири проблема остается во многом открытой. Отмечены своеобразные черты облика как современного, так и древнего населения, которые не вписываются в простую схему смешения европеоидных и монголоидных элементов, образуя сочетания, отклоняющиеся от обычных исторических корреляций на территории Северной Евразии.

Анализ изменчивости признаков горизонтальной профилировки лица и выступания носа показал, что в Западной Сибири они постепенно уменьшаются с юга на север и с запада на восток [Дрёмов, Багашёв, 1998]. Что же касается угорских групп средней и нижней Оби, то они по показателям уплощенности лица заметно превосходят самые монголоидные группы финноязычного населения Поволжья и Приуралья. Но своеобразие антропологического типа населения Западной Сибири проявляется не столько по сумме признаков уплощенности лица, сколько по соотношению составляющих компонентов. Это видно при сравнении двух основных компонентов указателя уплощенности лица: указателя уплощенности носа $({}^{1}/_{2}DS + {}^{1}/_{2}SS + \angle pnr):2$ и указателя уплощенности лица

(∠fmo+∠zm'):2. Теоретически обе величины должны различаться несильно и в среднем давать разность, близкую к нулю, что наблюдается в действительности только на сопредельных с Западной Сибирью территориях. Отрицательные разности, т.е. относительно большая уплощенность лица по сравнению с носом, и обратные соотношения встречаются там одинаково часто. Величина разности, по-видимому, не зависит от физического типа: ее межгрупповая корреляция с УЛС, вычисленная по 60 сериям, невелика ($r_S = 0{,}17$). Иная картина вырисовывается на территории Западной Сибири. У большинства групп нос уплощен относительно сильнее, чем лицо. Данная морфологическая особенность строения черепа отчетливее выражена в краниологических материалах по обским уграм, барабинским татарам, северным алтайцам и шорцам Шории.

Сопоставление признаков горизонтальной профилировки лица и выступания носа как преобразованных компонентов показателя уплощенности лицевого скелета показало, что по соотношению степени горизонтальной профилировки лица и углу выступания носа западносибирские группы в целом выглядят дисгармонично. Для них характерно сочетание относительно более профилированного лица со слабым выступанием носа, причем наиболее ярко эта дисгармония фиксируется в составе угров и южных самодийцев. Обращает на себя внимание тот факт, что если профилировка лица западносибирских серий действительно промежуточна между европеоидными и монголоидными группами (ближе к первым), то угол выступания носа имеет явно монголоидную величину.

Степень горизонтальной уплощенности лица и переносья примерно одного уровня в группах независимо от их расовой принадлежности, но некоторые западносибирские серии обладают незначительным своеобразием. Только у угров наблюдается относительно бóльшая уплощенность переносья, нежели лица, а у южносибирских популяций, наоборот, переносье профилировано относительно лица сильнее.

Соотношение высоты переносья и величины угла выступания носа примерно одинаково в европеоидных группах (западные финны, русские). У центральноазиатских монголоидов и кетов, а также у хакасов наблюдается тенденция к увеличению высоты переносья относительно степени выступания носа. И только в западносибирских группах вполне отчетливо фиксируется дисгармония в соотношении этих признаков, т.е. характерной морфологической особенностью данных групп является обычно среднеразвитое переносье в сочетании с очень малым углом выступания носа.

Анализ компонентов обобщенного показателя уплощенности лицевого скелета показал, что все признаки положительно связаны между собой и это согласуется в общих чертах с исторической корреляцией. По углу выступания носа и высоте переносья западносибирские популяции, кроме ненцев, выглядят наиболее монголоидными, а по степени горизонтальной профилировки лица близки к европеоидным группам. Отчетливо прослеживается, что в строении черепов североазиатских монголоидов и кетов, с одной стороны, и европеоидных групп (русские, западные финны, фин-

ны и тюрки Поволжья) — с другой, не проявляется явных противоречий с исторической корреляцией. Для первых характерно относительно гармоничное сочетание плоского лица и переносья со слабым выступанием носа, для вторых — сочетание профилированного лица и высокого переносья с сильным выступанием носа. В строении черепов тюрков Казахстана проявляется сочетание высокого переносья и большого угла выступания носа с относительно уплощенным по горизонтали лицом. Противоположная комбинация наблюдается в строении черепов угров, но меньше — барабинских, тоболо-иртышских, томских и чулымских тюрков (малый угол выступания носа с невысоким переносьем и относительно более профилированным по горизонтали лицом).

Таким образом, морфологические корреляции признаков, составляющих обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета, свидетельствуют о некоторых особенностях строения черепов западносибирских популяций, а именно: высота переносья относительно больше угла выступания носа, оно, как и лицо, в горизонтальной плоскости профилировано сильнее, чем угол выступания носа, и в целом нос уплощен относительно сильнее, чем лицо. На территориях распространения популяций, в генезе которых принимали участие европеоидные и монголоидные элементы, угол выступания носа над линией вертикального профиля лица и размеры высоты переносья являются более значимыми для дифференциации и диагностики, нежели показатели горизонтальной профилированности лица на обоих уровнях.

§ 3. Роль популяций предшествующего времени в формировании антропологического облика современного населения

Сопоставление краниологических материалов предшествующих эпох раннего железа, средних веков и близкого к современности времени позволяет не только проследить в определенной мере исторические судьбы древнего населения, но и рассмотреть ряд аспектов этногенеза ныне живущих этносов, оперируя при этом конкретными этнолингвистическими категориями.

В соответствии с выявленными основными закономерностями изменчивости признаков в совокупности древних и близких к современности выборок, которые сводятся к двум комбинациям, выделяются определенные надпопуляционные общности, внутри которых группы обладают более тесным генетическим родством. С учетом первой комбинации признаков группы дифференцируются по ширине и высоте лицевого скелета, степени его уплощенности, форме мозговой коробки, в меньшей мере — по высоте переносья; с учетом второго комплекса — по высоте мозговой коробки, ширине лба и орбит, углу выступания носовых костей и степени уплощенности переносья. Наиболее отчетливо первый комплекс выражен в сериях брахикранных черепов с крупными размерами уплощенного в

горизонтальной плоскости лицевого скелета с небольшой высотой переносья, высокими орбитами. Данный морфологический комплекс характерен для черепов якутов и в целом центральноазиатских монголоидов. Тяготение в этом направлении обнаруживают южносибирские популяции (хакасы, казахи), а также высоколицый монголоидный тип, выделенный в составе населения западносибирской лесостепи раннего железа. Противоположная морфологическая комбинация, т.е. более долихокранная форма черепа, узкое, низкое, хорошо профилированное лицо, высокое переносье, свойственна современным финнам Поволжья и Приуралья, особенно коми-пермякам, но близость с данным комплексом обнаруживает и долихокранный низколицый монголоидный тип раннего железа.

Признаки второго комплекса рельефно фиксируются в сериях, в составе которых преобладают черепа с наибольшей в данной совокупности групп высотой свода, широкими лбом и орбитами, наиболее высоким переносьем в сочетании с большим углом выступания носовых костей. Комплекс в целом характерен для европеоидных выборок из могильников раннего железного века Западной Сибири. Минимальные же значения приходятся на серии низких черепов с узким лбом и орбитами, малым углом выступания носовых костей и низким переносьем. Этот вариант преобладает в составе обско-угорских популяций.

В целом выборки дифференцируются по степени выраженности монголоидных/европеоидных особенностей. Однако в совокупности серий, представляющих современные народы Западной Сибири, отчетливо заметна дисгармоничная, с точки зрения исторической корреляции, связь между морфологическими признаками, и именно это определяет антропологическую специфику населения Западной Сибири. В отдельную совокупность концентрируются серии черепов гармоничного европеоидного типа, представляющие все выборки из могильников раннего железного века, им противопоставляется совокупность серий черепов гармоничного монголоидного типа (тувинцы, буряты). Как видно, результаты сопоставления материалов не дают оснований придавать в формировании современных этнолингвистических групп Западной Сибири сколь-либо значительной роли европеоидному населению, обитавшему в эпоху раннего железа в западносибирской лесостепи. При этом выборки из саргатских и новочекинских могильников севера Барабы, в составе которых ощутима примесь низколицего монголоидного компонента, и особенно из кулайского могильника Каменный Мыс, где он преобладает, по своему строению сближаются с морфотипом современных обь-иртышских популяций, в наибольшей степени — с типом нарымских селькупов. Из угорских групп только западные манси, в составе которых фиксируется европеоидный компонент с низким, широким, слабо профилированным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом [Багашёв, 1999а, б], обнаруживают тенденцию сближения с кругом популяций раннего железа.

Таким образом, можно констатировать, что основной европеоидный компонент антропологического состава населения лесостепи раннего железа не имеет прямых аналогий в составе современного населения Запад-

ной и Южной Сибири, но некоторое сходство обнаруживает с типом современных башкир. Морфотип же кулайских и новочекинских черепов, равно как и низколицый монголоидный компонент антропологического состава населения лесостепи Западной Сибири раннего железа, можно связать с типом современных обь-иртышских популяций, особенно томско-нарымских.

Непосредственное сопоставление локальных групп населения Западной Сибири раннего железного века с материалами, отражающими антропологические особенности различных в лингвистическом отношении современных народов Северной Евразии в целом, свидетельствует, как и при анализе средневековых данных, об отсутствии прямых аналогий между морфотипом популяций лесостепной полосы раннего железа и современным населением Западной Сибири. Лишь в нескольких случаях можно допустить сохранение отдельных элементов антропологической структуры древних племен в составе современных этнических образований.

Группы раннего железного века с наименьшей примесью монголоидного компонента, равно как и выделенные в их составе европеоидные краниологические типы, не обнаруживают сколь-либо заметного сходства с современными выборками. Можно лишь отметить, что некоторые элементы морфологического сходства довольно устойчиво проявляются между всеми выборками из саргатских могильников и теми группами тоболо-иртышских татар, в антропологическом составе которых менее всего прослеживается генетическое влияние южносибирских и угорских популяций — саргатской и тюменской [Багашёв, 1993а]. Выборки раннего железа с монголоидной примесью, особенно среднего и финального этапа функционирования саргатской общности, обнаруживают сходство с более широким кругом современных серий. Так, черепа из саргатских погребений среднего Тобола и из могильника Марково в Барабинской лесостепи по своей морфологии в определенной мере сближаются с черепами селькупов и томско-чулымских тюрков, барабинцев Кыштовки, а также хантов Васюгана.

А вот результаты сопоставления женских серий показывают, что степень сходства между женскими группами раннего железа и современными заметно выше, чем прослеживаемая по мужским материалам, хотя по тем и другим вырисовывается в целом примерно одинаковая картина. Так, женские черепа из саргатских погребений западносибирской лесостепи в морфологическом отношении обнаруживают значительное сходство с типом женских черепов западных манси и хантыйской выборки с Ваха, но в основном мало отличаются от черепов всех популяций обь-иртышского типа. При этом необходимо отметить, что женские черепа из могильников раннего этапа саргатской культуры имеют большее расхождение с обь-иртышскими популяциями, нежели черепа из могильников среднего периода функционирования общности.

Обобщенно можно сказать, что хотя в структуре популяций обь-иртышского типа компонент, генетически связанный с лесостепным населением раннего железа, составляет определенную долю, однако более или менее значимая роль может быть отведена ему лишь в генезисе физиче-

ского облика отдельных групп тоболо-иртышских татар. Можно говорить также о некотором участии саргатских групп в генезисе западных манси, ибо анализ антропологического состава последних позволил выделить в их составе ряд компонентов, в происхождении одного из которых (европеоидного типа с эуриморфным строением умеренно профилированного по горизонтали лицевого скелета) определенная роль может быть отведена населению саргатской культурной общности, а через него и племенам андроновской (федоровской) культуры эпохи бронзы [Багашёв, 1999, 1999а, б]. Примечательно, что именно орнаментальное искусство манси впитало значительный компонент, связанный с южными иранскими традициями [Рындина, 1995]. О влиянии на культуру манси южных иранских элементов свидетельствуют и данные археологии [Чернецов, 1953]. В целом наблюдается значительное ослабление (на грани почти полного разрыва) расогенетических связей между племенами саргатской культурной общности и современными (в том числе средневековыми) популяциями Западной Сибири, хотя по женским материалам данный вывод должен выглядеть менее категоричным. Элементы сходства прослеживаются лишь между лесостепным населением раннего железа и современными группами обь-иртышского типа, особенно популяциями Томско-Нарымского Приобья.

У черепов из гороховских и кашинских погребений, в целом европеоидного облика, нет сколь-либо близких аналогий среди современных краниологических материалов из Западной и Южной Сибири. Можно лишь отметить, что в относительном масштабе с гороховской и кашинской популяциями сближаются те же группы, что и в целом с саргатскими сериями — западные манси, отдельные группы тоболо-иртышских татар, чулымцев и нарымских селькупов. Малая численность новочекинской выборки также позволяет лишь в относительном масштабе говорить о сближении ее морфотипа с теми или иными группами. Отдаляясь в отличие от гороховских и кашинских черепов от западномансийской серии, новочекинская выборка обнаруживает устойчивую тенденцию к сближению с тюрками Западно-Сибирской равнины (чулымцы, томские, барабинские и тоболо-иртышские татары), нарымскими селькупами и отдельными группами восточных хантов, что указывает на однотипность монголоидного компонента в составе новочекинской группы и популяций обь-иртышского типа.

Серия черепов из кулайского могильника Каменный Мыс, морфологическую специфику которых определяет комплекс монголоидных черт с такими особенностями, как суббрахикрания, средневысокий свод мозговой коробки, широкий, низкий, слабо профилированный по горизонтали лицевой скелет, в совокупности близких к современности выборок обнаруживает с некоторыми из них безусловное сходство. Во многом аналогичный морфологический комплекс характерен практически для всех серий черепов, происходящих из могильников Нарымского Приобья, оставленных различными территориальными группами древних и современ-

ных селькупов. Заметное сходство прослеживается между кулайской серией и теми выборками, в составе которых фиксируется подобный компонент — некоторые группы чулымских (Тургай — Балагачево, Яя — Кия) и томских (Тоянов Городок) тюрков, саргатская группа тоболо-иртышских татар.

Сопоставление современных популяций с краниологическими типами, выделенными в составе групп раннего железа, показывает, что варианты, характеризующиеся монголоидными особенностями, можно связать с теми составляющими, которые в той или иной мере приняли непосредственное участие в формировании современного антропологического покрова Западной Сибири.

Монголоидная комбинация признаков, чертами которой являются брахикрания, средняя высота черепа, широкое, низкое, уплощенное по горизонтали лицо, средняя степень выступания переносья и носовых костей, морфологически весьма близка антропологическому типу томско-нарымской группы популяций (нарымские селькупы, чулымские и томские тюрки), а также хантов Васюгана, в составе которых вполне отчетливо проявляется селькупская примесь [Дрёмов, 1991; Дрёмов, Багашёв, 1993, 1998а]. В составе тоболо-барабинских популяций брахикранный низколицый монголоидный компонент фиксируется менее отчетливо, а влияние его на антропологическую специфику уральских групп едва прослеживается.

Значительное сходство в специфических сочетаниях краниологических признаков, характерных для морфотипа томско-нарымских популяций [Розов, 1956; Дрёмов, 1991а; Дрёмов, Багашёв, 1998; Багашёв, 2000б], для кулайской выборки из могильника Каменный Мыс и брахикранного низколицего монголоидного варианта, свидетельствует о том, что наблюдаемая между ними близость обусловлена преимущественно причинами генетического свойства. Как было показано выше, данный антропологический тип был характерен для южно-таежного населения Западной Сибири как минимум уже в эпоху неолита. Во многом благодаря действию изолирующих механизмов географического характера он не претерпел сколь-либо значительных изменений в ходе исторического развития. Этот антропологический тип распространен на территории, которая вполне определенно может быть соотнесена с южным западносибирским третичным очагом расообразования [Багашёв, 1998].

Монголоидный комплекс, морфологически сходный с предыдущим, но обладающий более долихокранной формой мозговой коробки, также имеет аналогии среди томско-нарымских популяций (в составе селькупской серии из могильника Лукьяново и чулымской из могильника Ясашная Гора), но по морфологическим особенностям более близок типу тоболо-иртышских татар, особенно антропологическим вариантам, зафиксированным в материалах по саргатской и тюменской их подгруппам. Заметное сходство долихокранный тип обнаруживает с обско-угорскими популяциями, причем близки ему по строению те угорские серии (Са-

лым, Балык, Иртыш), на антропологию которых поздние метисационные процессы оказали слабое влияние [Багашёв, 1991; Дрёмов, 1991; Дрёмов, Багашёв, 1993, 1998а]. Угорские выборки, в составе которых фиксируется примесь северосамодийских (ненецких) элементов (Халас-Погор, Обдорск) [Дрёмов, 1984; Багашёв, 1995, 1998а], морфологически от него отдаляются, но базовый морфотип их антропологической структуры [Багашёв, 1998б] и особенности долихокранного варианта принципиально едины. К сожалению, почти полное отсутствие палеоантропологических находок эпох бронзы и раннего железа пока не позволяет более или менее определенно говорить о времени его возникновения, территория же его формирования (северная часть Западной Сибири) совпадает с северным западносибирским третичным очагом расообразования [Багашёв, 1998] (рис. 24).

Монголоидные элементы, морфологическими особенностями которых являются брахикрания, широкий и высокий, слабо профилированный в горизонтальной плоскости лицевой скелет, связанные в происхождении с популяциями центральноазиатского типа и фиксируемые в составе населения западносибирской лесостепи раннего железа (да и в более ранний период, вплоть до неолита), также прослеживаются в структуре ряда современных этносов Западной Сибири. Этот тип принял определенное

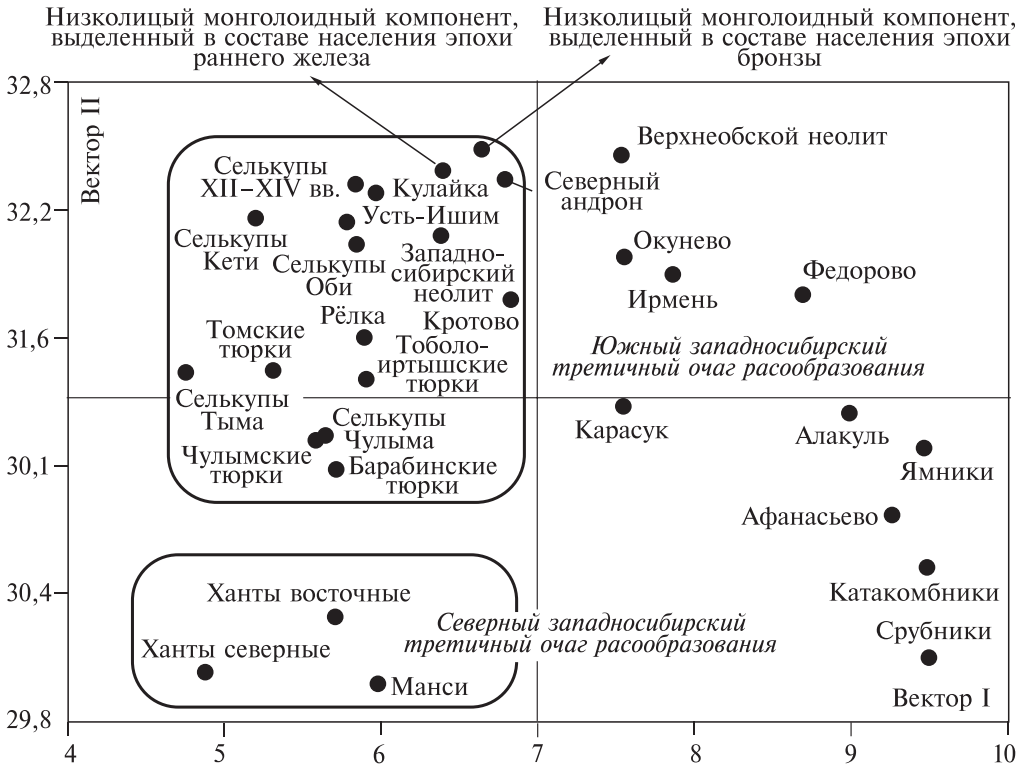


Рис. 24. Взаиморасположение древних и современных популяций и их соотношение с очагами формообразования.

участие в сложении антропологической специфики преимущественно популяций обь-иртышского типа, в частности в формировании некоторых групп селькупов (Тискино, сборы по Нарыму), чулымцев (Тургай — Балагачево, Яя — Кия), томских тюрков (Тоянов Городок), барабинцев (Абрамово), тоболо-иртышских татар (аялы), а также в генезисе башкир. Влияние его на генезис уральской группы популяций (обских угров) прослеживается весьма незначительно.

Закономерности изменчивости в хронологическом аспекте антропологического типа, характерного для современных нарымских селькупов, проанализированы специально. Сопоставление древних и близких к современности серий показало, что наименьшие различия наблюдаются между хронологическими выборками из Тискино. Нужно отметить, что в целом близки к ним и выборки по современным нарымским селькупам. Несомненно, что и краниологический тип средневековой серии из Алдыгана, несмотря даже на малочисленность данных, а также сборной серии из средневековых могильников Среднего Приобья аналогичен типу нарымских селькупов как средневековья, так и близкого к современности времени. Морфологически мало отличаются от средневековых и современных серий низколицые монголоидные черепа из могильников лесостепи Западной Сибири раннего железа и из кулайских погребений могильника Каменный Мыс.

Характер дифференциации средневековых и современных групп (рис. 25) говорит о том, что наибольшее сходство наблюдается между хронологическими выборками из Тискинского могильника. Морфотипы тискинских черепов и черепов нарымских селькупов, весьма сходные между собой, в генетическом отношении могут быть напрямую сопоставлены с типом средневекового населения Нарымского Приобья, что подтверждает вывод о стабильности процесса формообразования в этом регионе в течение II тыс. н.э. Подтверждается также вывод о существенном антропологическом сходстве между каменномысской серией и черепами монголоидного типа с эуриморфным строением лицевого скелета. Первая выборка отражает особенности населения, оставившего памятники кулайской археологической культуры, вторая, хотя и дисперсно, но, скорее всего, также несет информацию об антропологии людей этой культурной общности. Морфологический облик обеих выборок раннего железа практически аналогичен морфотипу популяций Нарымского Приобья эпохи средневековья и современных нарымских селькупов. Основное расхождение сводится к тому, что в составе выборок раннего железа присутствует более существенная примесь европеоидного компонента, происхождение которого связано с андроновским (федоровским) населением эпохи бронзы [Багашёв, 2000б, в]. Следовательно, популяции кулайской культуры с полным основанием могут рассматриваться в качестве базовой составляющей генезиса селькупов. Однако и в более ранний период фиксируются носители комплекса антропологических черт, характерных для популяций кулайской общности. Речь идет о расовом компоненте, выявляемом в составе населения черноозерско-томского варианта андроновской культурной общно-

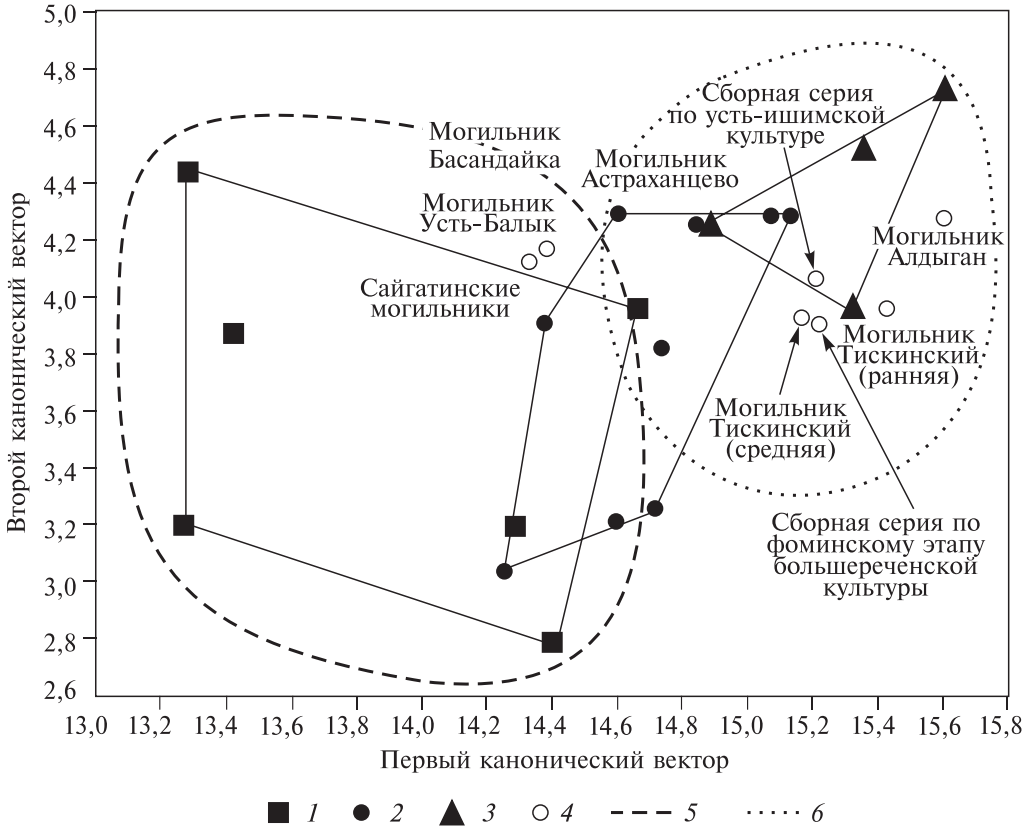


Рис. 25. Взаиморасположение средневековых и современных популяций и соотношение их с очагами расообразования.

1–4 — могильники: *1* — обских угров, *2* — тюркские, *3* — южносамодийские, *4* — средневековые; *5*, *6* — очаги расообразования: *5* — северный, *6* — южный.

сти, а также присутствующем в составе кротовской популяции [Дрёмов, 1990, 1997; Багашёв, 2000б] и неолитических групп собственно западносибирского типа. В данном случае это иллюстрируется морфологическим сходством между группой монголоидных черепов из Еловки 2 и выборками раннего железного века (табл. 49).

На широком сравнительном фоне особенно отчетливо видно, что средневековые и близкие к современности краниологические материалы из Нарымского Приобья, а также анализируемые выборки раннего железного века и бронзы представляют в несколько различающихся вариантах одну и ту же комбинацию антропологических признаков, которая в сформировавшемся виде фиксируется уже в середине II тыс. до н.э. Другими словами, физический облик местного населения южно-таежной полосы Западной Сибири не претерпел в течение довольно большого промежутка времени сколь-либо заметных изменений. Следует особенно отметить, что территория формирования антропологического типа, характерного для со-

Таблица 49

Средние размеры черепов раннего железа и эпохи бронзы (мужчины)

Признак, № по Мартину или условное обозначение	Каменный Мыс		Монголоидный низколицый компонент, выделенный в материалах западносибирской лесостепи эпохи раннего железа		Монголоидный компонент, выделенный в составе серии из могильника Еловка 2 андроновской культурной общности	
	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*	$\bar{x}$	*n*
1. Продольный диаметр	185,6	6	179,1	16	183,5	14
8. Поперечный диаметр	144,6	7	146,4	16	148,2	14
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	135,2	6	132,7	16	133,9	10
8:1. Черепной указатель	81,5	5	82,4	16	80,8	13
5. Длина основания черепа	101,5	4	100,3	16	105,1	9
9. Наименьшая ширина лба	97,2	10	96,9	16	97,0	22
32. Угол профиля лба от *n*.	82,5	2	83,1	16	78,2	8
40. Длина основания лица	99,0	3	98,5	16	104,0	8
45. Скуловой диаметр	141,6	5	139,1	16	140,6	11
48. Верхняя высота лица	68,6	8	67,6	16	69,8	17
72. Общий лицевой угол	88,0	2	85,4	16	84,0	9
74. Угол альвеолярной части	82,0	1	76,3	16	75,7	9
77. Назомалярный угол	143,5	7	145,7	16	143,1	22
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	138,0	4	135,9	16	133,7	12
51. Ширина орбиты от *mf*.	44,0	9	44,3	16	44,2	16
52. Высота орбиты	33,4	8	32,7	16	32,7	17
55. Высота носа	51,0	8	48,7	16	50,4	16
54. Ширина носа	24,2	11	24,8	16	25,1	15
75(1). Угол выступания носа	18,0	2	22,7	16	19,8	10
SS. Симотическая высота	3,25	4	3,59	16	4,37	14
DC. Дакриальная ширина	21,81	7	21,78	16	24,00	13
DS. Дакриальная высота	12,53	3	11,20	16	11,68	12

временных нарымских селькупов, и хронологические вехи его истории, реконструируемые по антропологическим источникам, во многом совпадают с результатами современных топонимических исследований [Малолетко, 1999].

§ 4. Систематика антропологических общностей Северной Евразии

Предыдущий анализ краниологических данных показал, что в антропологическом отношении древнее и современное население Северной Евразии не является однородным, имеет сложный состав, а территориальная изменчивость особенностей некоторых современных групп иногда настолько велика, что возникает значительная трансгрессия даже важнейших признаков. Однако в каждом конкретном случае физические особенности популяций складываются в некие морфологические комплексы, привязанные к определенным территориям. Более отчетливо это проявляется при стабилизации изменчивости, что достигается путем вычисления невзве-

шенных средних по локальным сериям конкретных этнических групп. Подобный подход позволяет на более обобщенном уровне рассматривать проблемы классификации антропологических комплексов, тем более что в предыдущих разделах предпринята попытка выявления как типичных для тех или иных общностей популяций, так и отклоняющихся от средних параметров. Дополнительно привлечены краниометрические данные по южносибирским группам (казахи Букеевской степи и Орска [Гинзбург, Залкинд, 1955], Каратас, Баянаул [Исмагулов, 1963], киргизы [Миклашевская, 1959]), байкальским (юкагиры, тунгусы оленные, долганы, негидальцы [Дебец, 1951]), арктическим группам (эскимосы науканские [Алексеев, Балуева, 1976], западные [Дебец, 1975], юго-восточные, алеуты, чукчи береговые и оленные [Дебец, 1951]), тюркам Поволжья (башкиры суммарно [Юсупов, 1989], чуваши северные и южные [Акимова, 1955], татары Поволжья [Алексеев, 1971а]), русским северных и восточных губерний (Псковская, Новгородская, Петербургская, Вологодская, Олонецкая, Архангельская, Вятская, Пензенская, серии из Старой Ладоги, Казани и Симбирска [Алексеев, 1969]), летто-литовским группам (восточные и две серии западных латышей, литовцы [Алексеев, 1969]), западным финнам (эстонцы, финны [Алексеев, 1969], карелы суммарно, саамы суммарно [Хартанович, 1980, 1986]), южным европеоидным группам (узбеки Ташкента, Самарканда [Гинзбург, 1963], Миздахкана, Нураты, Ургута [Ходжайов, 1987], таджики рушанцы, горанцы, ишкашимцы, ваханцы [Рычков, 1969]).

Анализ данных по современным евразийским группам позволяет говорить о наличии здесь двух основных комбинаций морфологических комплексов, изменчивость которых описывает общую дисперсию. Первый преобладает в сериях, черепа которых характеризуются высоким, широким, среднеуплощенным по горизонтали лицом, большой высотой носа и орбит. Подобный морфологический комплекс присущ континентальным монголоидам, особенно центральноазиатского типа, популяциям арктического типа и южносибирским группам. К последним весьма близки и хакасы. Противоположная комбинация признаков, т.е. низкое, неширокое, среднепрофилированное в горизонтальной плоскости лицо, невысокие нос и орбиты, свойственна западносибирским группам (кроме ненцев), особенно томско-чулымским тюркам и уграм, и в целом европеоидным популяциям как южного, так и беломоро-балтийского типа. Некоторые группы — тюрки Поволжья, барабинские татары, ненцы, шорцы и северные алтайцы — занимают между крайними вариантами промежуточное положение.

Второй морфологический комплекс характеризует серии, в которых преобладают черепа с малой высотой свода, узким лбом, слабо профилированным по горизонтали лицом, уплощенным переносьем и очень малым углом выступания носовых костей. Подобный комплекс признаков в целом присущ монголоидным группам, в число которых попадают и все западносибирские популяции. Минимальные значения характерны для черепов с противоположной комбинацией признаков, т.е. по сути дела для самых европеоидных групп в исследуемой совокупности — летто-литовских и русских, к которым весьма близки южные европеоиды, тюрки и

финны Поволжья. Шорцы и северные алтайцы, а также хакасы и южносибирские группы занимают между крайними вариантами промежуточное положение. Интересно, что западносибирские популяции (кроме ненцев) по первому комплексу признаков практически не отличаются от европеоидов, а по второму — от североазиатских монголоидов.

В предыдущих разделах уже отмечалось, и в данном случае подтверждается, что гармоничное, с точки зрения исторической корреляции, промежуточное положение между народами европеоидной и монголоидной рас занимают только этнические группы Южной Сибири — шорцы, северные алтайцы и хакасы. Но применительно к народам Западной Сибири подобного вывода сделать нельзя.

Хакасские этнотерриториальные группы антропологически неоднородны: в составе качинцев и койбалов преобладают черты, свойственные южносибирским популяциям, но уже в составе сагайцев, бельтиров и кызыльцев (по материалам из могильника Ошколь) этот компонент фиксируется заметно слабее, а у кызыльцев (по материалам из могильника Агаскыр) практически отсутствует. На основании этого первые две группы были отнесены к южносибирскому антропологическому типу в качестве алтае-саянского варианта [Алексеев, 1960; 1974, с. 199–204], а все остальные — к уральской расе [Алексеев, 1960; Ким, 1978; Дрёмов, 1991а]. Однако усредненные характеристики по всем хакасам показывают, что морфологически они наиболее близки к южносибирским популяциям, чем к североалтайским, тем более что различия возрастают с группами из Западной Сибири. Поэтому представляется оправданным включение всех хакасов в ***группу южносибирских популяций*** в качестве ***алтае-саянского варианта***.

Для серий Хакасии типичны широкая, брахикранная, умеренно высокая черепная коробка, относительно узкий, средненаклонный лоб, широкое, высокое, уплощенное и ортогнатное лицо, характеризующееся довольно крупными величинами относительно размеров черепной коробки, среднеширокий и несильно выступающий нос.

Северные алтайцы и шорцы по ряду антропологических особенностей обнаруживают определенное своеобразие и очень близки между собой, что послужило в свое время основанием для выделения их в самостоятельный расовый таксон — североалтайскую группу популяций [Ким, 1984, 1987], но оставалось неясным положение этой таксономической единицы в системе более крупных расовых типов. Черепа северных алтайцев и шорцев в основном имеют среднеширокую, мезокранную и сравнительно высокую черепную коробку, среднеширокий лоб, умеренно широкое, относительно высокое (лептоморфное), несильно уплощенное лицо при слабом выступании носа. Во многом сходный морфотип характерен для бачатских телеутов.

Североалтайские и южносибирские популяции различаются не очень сильно, морфологически занимают промежуточное положение между монголоидным и европеоидным стволами. Но южносибирские группы обнаруживают большее тяготение к монголоидам, а североалтайские — к европеоидам, из чего следует, что в составе тех и других европеоидный и

монголоидный компоненты сходного происхождения, различен лишь их удельный вес: в составе южносибирских популяций преобладает монголоидный, у североалтайских — европеоидный. Длительный процесс смешения представителей этих рас явился доминирующим фактором генезиса современного населения Алтая и Хакасии. Это прослеживается уже в эпоху неолита [Дебец, 1948; Алексеев, 1961; Дрёмов, 1980, 1997; Bagashev, 1994], фиксируется и в более позднее время [Алексеев, 1958, 1960б, 1974а; Ким, 1987; Багашёв, 1988]. Метисный характер формирования южносибирской общности также убедительно подтверждается исследованием палеоантропологических материалов из Казахстана и Средней Азии [Гинзбург и др., 1954; Левин, 1954; Исмагулов, 1970; Гинзбург, Трофимова, 1972].

В отличие от Алтая и Хакасии, на территории Западной Сибири в древности и в современное время наблюдается концентрация популяций, в антропологическом типе которых фиксируется ряд особенностей, которые складываются в комплексы с нарушением исторической корреляции между признаками. В итоге именно этим определяется своеобразие физических черт коренного населения Западной Сибири.

Уже в первых исследованиях, посвященных антропологическому изучению коренных народов Западной Сибири, были отмечены их физические особенности, которые не позволили в последующих классификациях безоговорочно относить западносибирское население к монголоидам. Удачной оказалась классификация И. Деникера [1902], который выделил особую евразийскую группу, куда поместил угорскую и туранскую (туркскую) расы, народы которых характеризуются монголоидными чертами в смягченном виде. В составе угорской расы он выделил две подрасы: угорскую и енисейскую. Эта классификация, основанная на широком привлечении различных данных, наиболее адекватно отразила расогенетические связи между народами, а монголоидность внешнего облика вогулов, остяков, самоедов, остяко-самоедов и тюрков дала И. Деникеру полное право на отнесение угорской и туранской рас к восточному стволу.

Исследования В.В. Бунака по антропологии населения Поволжья, Урала и Западной Сибири привели его к выводу о принадлежности восточных финнов и угров к особому — уральскому — расовому типу, в котором выделено несколько вариантов: уральский — с отчетливо выраженным комплексом уральских особенностей (угры), субуральский и сублапоноидный — с заметно большей долей европеоидного компонента [Бунак, 1924, 1924а; Bunak, 1932].

В классификации Г.Ф. Дебеца группы субуральского и сублапоноидного типа по В.В. Бунаку, а также лапоноидные объединены в урало-лапоноидную расовую общность, западносибирские народы — в уральскую (урало-алтайскую по А.И. Ярхо), ненцы Ямала и кеты отнесены, вслед за И. Деникером, к енисейскому типу, который включен в число типов монголоидного расового ствола [Дебец, 1947, 1948]. В классификации Н.Н. Чебоксарова [1951] урало-лапоноидный и уральский типы объединены в уральскую расу. В.П. Алексеев справедливо отметил, что нет достаточных оснований для разделения субуральских и сублапоноидных групп, их сле-

дует рассматривать как популяции субуральского типа уральской расы [Алексеев, 1969].

Расположение Западной Сибири и Урала между ареалами обитания европеоидных и монголоидных народов, а также смягчение некоторых монголоидных черт у населения этого региона с неизбежностью приводили исследователей к выводу о метисном характере их формирования. Накопление антропологических наблюдений позволило проследить увеличение доли монголоидного компонента в составе евразийских популяций с запада на восток и обосновать исторический характер корреляции между таксономически значимыми признаками [Дебец, 1956, 1961, 1968; Алексеев, 1961б, 1969; Акимова, 1968; Mark, 1970; Марк, 1974]. О метисном происхождении народов Западной и Южной Сибири говорят также данные дерматоглифики [Хить и др., 1996]. Другая точка зрения на механизм формирования уральской расы была высказана В.В. Бунаком. Согласно ей, древнее и современное население Западной Сибири и Урала образовалось не в результате смешения, а благодаря сохранению древнего протоморфного типа, лишь частично сходного с монголоидным [Бунак, 1956, 1958, 1965, 1980]. В.П. Алексеев допускал возможность сохранения отдельных элементов недифференцированных комплексов в группах-изолятах [1971]. Солидную поддержку точка зрения В.В. Бунака получила в результате исследований дискретно-варьирующих признаков на черепах уралоязычных народов [Козинцев, Моисеев, 1995; Моисеев, 1997, 1999; Моисеев, Козинцев, 1998]. Как справедливо отмечено Г.М. Давыдовой [1992], с накоплением антропологических материалов происходит сближение этих точек зрения, но все равно одни считают преобладающим фактором формирования народов уральской расы метисационные процессы, другие отдают приоритет сохранению протоморфной недифференцированности.

Вопрос систематики уральской расы также не имеет однозначного решения. С одной стороны, это обусловлено существованием разных взглядов на механизм ее формирования, когда одни исследователи включают уральскую расу в число монголоидных [Деникер, 1902], другие не отводят ей самостоятельной роли и рассматривают в качестве контактной [Чебоксаров, 1951], третьи полагают, что уральская раса утратила связь с общим монголоидным стволом до того периода, когда сформировались ярко выраженные европеоидные и монголоидные особенности, и представляет собой самостоятельную протоазиатскую формацию [Бунак, 1956, 1965, 1980]. С другой стороны, неопределенность систематики уральской расы вызвана чрезвычайно высоким уровнем полиморфизма включенных в нее на сегодняшний день популяций, территория расселения которых охватывает практически всю Северную Евразию, что неизбежно ведет к усилению ее аморфности.

Как уже отмечалось, антропологическое своеобразие народов Западной Сибири определяется не столько присутствием у них в той или иной пропорции примеси монголоидных и/или европеоидных черт, сколько наличием в их составе специфических сочетаний признаков, в которых нарушена нормальная историческая корреляция, что может указывать на

сохранение следов недифференцированности. С накоплением данных такие сочетания фиксируются все чаще и чаще как на соматологических, так и на краниологических материалах.

Так, посветление пигментации при общем монголоидном облике, т.е. в сочетании с плосколицестью, достаточно выступающими скулами, слабопрофилированной спинкой носа и некоторыми другими, зафиксировано у северных манси [Давыдова, 1976, 1986, 1989, 1992] не очень отчетливо, но просматривается в составе манси с Конды и северных хантов [Mark, 1970]. Следы недифференцированных сочетаний зафиксированы в составе северных и восточных самодийцев [Золотарёва, 1962, 1974, 1975], лесных [Алексеев, 1971] и в целом западносибирских ненцев [Аксянова, 1976, 1977, 1979, 2003, 2003а].

Низколицесть в сочетании с монголоидным обликом по соматологическим данным наблюдается у чулымских тюрков и нарымских селькупов [Дебец, Трофимова, 1941; Дебец, 1947; Аксянова, 1991]. Аналогичное сочетание хорошо прослеживается по краниометрии чулымских тюрков и селькупов [Розов, 1956а, 1961], а с накоплением материалов эта особенность выявляется практически на всех западносибирских черепах. На черепах северных манси (Северная Сосьва и Ляпин) отмечено сочетание умеренной уплощенности лица и переносья со слабым уровнем выступания носа (сопоставим с монголоидным) и с сильным поперечным изгибом лба, превышающим таковой у европеоидов [Беневоленская, 1987, 1992, 1993]. На черепах обских угров обнаружены своеобразные комбинации частот дискретных признаков [Козинцев, 1988] и одонтологических характеристик [Халдеева, 1992].

Анализ краниологических материалов в предыдущих разделах расширяет перечень своеобразных сочетаний антропологических признаков в составе конкретных народов и этнотерриториальных групп, возникновение которых трудно объяснить метисационными процессами. В первую очередь следует отметить такую характерную особенность краниологической структуры, как сочетание среднепрофилированного по горизонтали на обоих уровнях лица и средневыступающего переносья с малым (иногда очень малым) углом выступания носа, причем уровень профилировки лица относительно переносья несколько выше. Как показывает анализ, степень горизонтальной профилированности лицевого скелета сопоставима с таковой у восточноевропейских народов, высота переносья такая же, как в группах метисного европеоидно-монголоидного происхождения, а уровень выступания носовых костей даже меньше, чем в типично монголоидных выборках.

Такой морфологический комплекс на низком мезо-долихокранном черепе (низкое, среднеширокое, среднепрофилированное лицо с невысокими орбитами и носом), взятый сам по себе, вполне подходит под характеристику какой-либо европеоидной группы, но в случае с западносибирскими черепами он связан с узким лбом и очень малым углом выступания носовых костей при среднеуплощенном переносье. Тенденция же такова, что при увеличении высоты черепной коробки, высоты и ширины лица

наблюдается усиление выраженности европеоидных особенностей (увеличение угла выступания носа, высоты переносья, уменьшение углов горизонтальной профилировки лица) с увеличением ширины лба. Этот морфологический комплекс своеобразен и фиксируется только на краниологических материалах из Западной Сибири, поэтому предлагается обозначить его как западносибирский.

Как видно, выделяемые морфологические комплексы имеют ряд аналогий с фиксируемым на черепах манси [Беневоленская, 1992] и во многом могут быть сопоставлены с тем морфологическим комплексом, который описан как древнеуральский в составе северных манси по соматологическим наблюдениям [Давыдова, 1992].

И действительно, характер взаиморасположения групп показывает, что западносибирские популяции не занимают промежуточного положения между представителями европеоидной и монголоидной больших рас, а образуют собственное скопление, противопоставляющееся как тем, так и другим.

Таким образом, в составе всех западносибирских народов фиксируется специфическое сочетание физических черт, складывающихся в весьма своеобразный антропологический комплекс, противоречивый с точки зрения исторической корреляции, что служит указанием на его недифференцированность. Именно его присутствие отграничивает население Западной Сибири от представителей как монголоидной, так и европеоидной рас (в том числе от восточных финнов), а также от популяций смешанного происхождения, в данном случае североалтайских и южносибирских. Это дает, как представляется, немаловажное основание для следующего вывода: в расогенезе западносибирских народов, особенно на ранних стадиях, доминирующим расообразующим фактором являлась консервация протоморфных недифференцированных черт, сохранению которых способствовали изолирующие механизмы географического характера. На более поздних этапах генезиса все более заметную роль приобретают метисационные процессы, но преимущественно с населением сопредельных территорий, которое уже имело как монголоидные, так и европеоидные черты. Видимо, именно эту стадию расообразования фиксируют данные дерматоглифики [Хить и др., 1996].

По степени морфологического сходства, статистическим критериям, характеру географической изменчивости и с учетом этнолингвистической ситуации среди западносибирских популяций выделяется несколько надпопуляционных общностей, привязанных к определенным территориям, уровень изменчивости в которых соразмерен.

В составе популяций Тоболо-Иртышья и Барабы (тоболо-иртышские и барабинские татары) наблюдаются наибольший удельный вес южносибирского компонента, характерного для популяций алтае-саянского типа, и небольшая примесь североалтайского. В некоторых этнотерриториальных группах подобная примесь не фиксируется (коурдакские татары, барабинцы Кыштовки, Льнозавода), в составе других южносибирский компонент преобладает (барабинцы Абрамово, аялынские татары).

Вся совокупность характеризуется довольно крупной, мезо-брахикранной, средневысокой черепной коробкой, относительно узким лбом, широким, средневысоким, умеренно уплощенным, ортогнатным лицом, средневысоким переносьем и слабовыступающим носом. Доля западносибирского комплекса по сравнению с другими группами наименьшая, но фиксируется отчетливо, несмотря на специфические черты, которые сводятся к усилению брахикрании, увеличению высоты черепа, лица, носа, переносья и угла выступания носовых костей. Типичные группы: барабинцы Льнозавода, Кыштовки, тюменская и саргатская. Обозначается как ***тоболо-барабинская группа популяций***.

В популяциях Томско-Нарымского Приобья (томские и чулымские тюрки, нарымские селькупы), по сравнению с тоболо-барабинскими группами, заметно выше доля западносибирского комплекса, особенно в составе чулымских тюрков, соответственно, меньше примесь южносибирских и североалтайских элементов, причем в составе чулымских тюрков и селькупов эта примесь почти не фиксируется, а у томских тюрков прослеживается более или менее отчетливо. Данные популяции характеризуются среднеширокой, мезо-брахикранной черепной коробкой, среднешироким и средненаклонным лбом, орто-мезогнатным, умеренно уплощенным лицом, мезо-хамеринными пропорциями носа, малым углом носовых костей при средней высоте переносья. Следует отметить, что томско-чулымские тюрки имеют тенденцию сближения с уграми, а нарымские селькупы — с тоболо-барабинскими тюрками, так как у селькупов черепная коробка несколько выше, лицо чуть шире, нос абсолютно и относительно высоты лица более высокий. Типичные группы: томские тюрки Козюлино, чулымцы Ясашной Горы, среднего Чулыма и устьев рек Яя и Кия, селькупы Тискино, Мигалки, Бедеревского Бора, Чулыма. В свое время в составе чулымцев и нарымских селькупов был выделен чулымский антропологический тип [Дебец, 1947; Розов, 1956, 1961], во многом сходный с вышеописанным, но ареал его оказался выходящим за границы Причулымья, а морфотип не совсем адекватно отражает антропологическую специфику томско-чулымских тюрков и нарымских селькупов. Предлагается обозначить эту общность как ***томско-нарымскую группу популяций***.

Морфологические различия между томско-нарымскими и тоболо-барабинскими популяциями незначительны и обусловлены различным удельным весом южносибирского компонента, доля которого в составе последней группы выше. Поэтому у тоболо-барабинских черепов мозговой и лицевой отделы в основном крупнее и выше.

По общей морфологии черепа тоболо-иртышских татар ближе стоят к чулымцам, а барабинцев — к томским тюркам. Между тюрками и селькупами наблюдается значительное сходство, что позволяет говорить о тесной генетической связи между ними, уровень которой выше, чем, например, между хантами и манси. Антропологическая общность и родство тюрков средней полосы Западной Сибири не вызывает особых сомнений, причем вместе они отчетливо противопоставляются тюркам Южной Сибири и Алтая. Антропологические различия между тоболо-барабинскими

и томско-нарымскими популяциями носят, скорее всего, территориальный характер, и эти общности можно рассматривать как локальные варианты одного антропологического типа. В свое время тюрки Западной Сибири и нарымские селькупы были выделены в обско-иртышский локальный вариант [Багашёв, 1993а]. Это название, но в новой редакции (обь-иртышский), и предлагается сохранить. Тоболо-барабинская и томско-нарымская группы популяций являются локальными вариантами ***обь-иртышского антропологического типа***.

Отнесение тюрков и южных самодийцев к одному антропологическому типу вступает в противоречие с лингвистическими данными. Но согласно топонимическим и этноисторическим исследованиям, распространение тюркских языка и культуры, особенно в Томско-Нарымском Приобье, произошло довольно поздно [Дульзон, 1950, 1952; Могильников, 1981а, 1987; Томилов, 1981; Плетнёва, 1984, 1990; Львова, 1991; Селезнев, 1994], а согласно антропологическим, в том числе палеоантропологическим, тюркизация не повлекла за собой изменения физического типа местного населения [Дрёмов, 1967, 1979; Багашёв, 1988, 1993а], говорившего, видимо, на южносамодийских языках. Налицо асинхронность процессов исторического развития языков и антропологических типов.

В составе угорских популяций (ханты и манси), ареал которых охватывает обширные районы Среднего и Нижнего Приобья, западносибирский комплекс преобладает и практически отсутствует примесь южносибирских и североалтайских элементов, хотя в некоторых группах фиксируется присутствие самодийского компонента (Халас-Погор — ненецкий, Васюган — селькупский). Особенностью угорской совокупности является чрезвычайно высокий полиморфизм, более 80 % общей западносибирской изменчивости. Во многом это обусловлено обширностью ареала расселения обских угров. Практически вся таежная и лесотундровая зоны Западной Сибири чрезвычайно заболочены и изрезаны водными артериями, что, видимо, усиливало действие географических изолирующих факторов. Высказанная В.П. Алексевым в этой связи мысль о том, что точка зрения В.В. Бунака о возможности сохранения недифференцированных комплексов в какой-то мере может найти подтверждение в чрезвычайно отчетливо выраженном полиморфизме уральской расы, поэтому теоретически оправдана возможность найти в составе некоторых групп протоморфные комбинации признаков, особенно в изолированных областях [Алексеев, 1974, с. 196], оказалась справедливой, ибо пока в составе именно обских угров обнаружено недифференцированных элементов более всего.

Высокая изменчивость отражает в большей степени территориальное, нежели этническое и антропологическое, единство обских угров, но объединяющую роль в антропологии выполняет западносибирский комплекс. По степени четкости его фиксации в угорской совокупности выделяются две подгруппы, что заметно снижает общий уровень изменчивости до сопоставимого, например, с изменчивостью в томско-нарымской или тоболо-барабинской общностях. Но угорские подгруппы не привязаны к конкретным территориям с такой четкостью, как на юге Западной Сибири.

Наиболее отчетливо западносибирский комплекс выражен в составе хантов Иртыша, Салыма, Мужи и у северных манси, занимающих центральные районы ареала — Нижнее Прииртышье и прилегающие участки Оби. Для черепов этой совокупности характерны длинная, узкая, долихокранная, низкая мозговая коробка, сильно наклонный лоб, узкое, невысокое, среднепрофилированное по горизонтали лицо, очень слабо выступающие носовые кости при средневысоком переносье. Для черепов другой общности, куда входят ханты Халас-Погора, Обдорска, Балыка, Югана и Васюгана, полученных с периферии ареала, в целом присущи мезо-долихокранная мозговая коробка, малая абсолютно и относительно высота черепного свода, сильный или средний наклон лба, небольшая высота, мезогнатия и умеренная уплощенность среднеширокого лица, мезо-хамериния и слабое выступание носовых костей при относительно большей профилированности переносья. Причем ханты Халас-Погора и Обдорска проявляют черты перехода к типу ненцев и характеризуются более короткой, широкой, брахикранной черепной коробкой, более крупным лицом с абсолютно и относительно более широким носом.

Морфологические отличия черепов одной совокупности от другой обусловлены метисационными процессами на периферийных участках ареала этноса, не носят качественного характера. Обе совокупности представляют собой локальные варианты одного антропологического типа. В свое время он был назван В.В. Бунаком ***уральским***, это название и предлагается сохранить.

В современной систематике надпопуляционных общностей Северной Евразии отнесение некоторых народов к той или иной таксономической категории является предметом дискуссий. Это касается, в частности, северосамодийских народов (ненцев, энцев и нганасан) и кетов и обусловлено недостатком имеющихся антропологических материалов. В свое время [Багашёв, 1998] северных самодийцев и кетов было предложено условно отнести к западному варианту североазитских монголоидов — енисейскому типу. Однако в связи с недостатком данных направление расогенетических связей и таксономическое положение северных самодийцев и кетов оставались неопределенными.

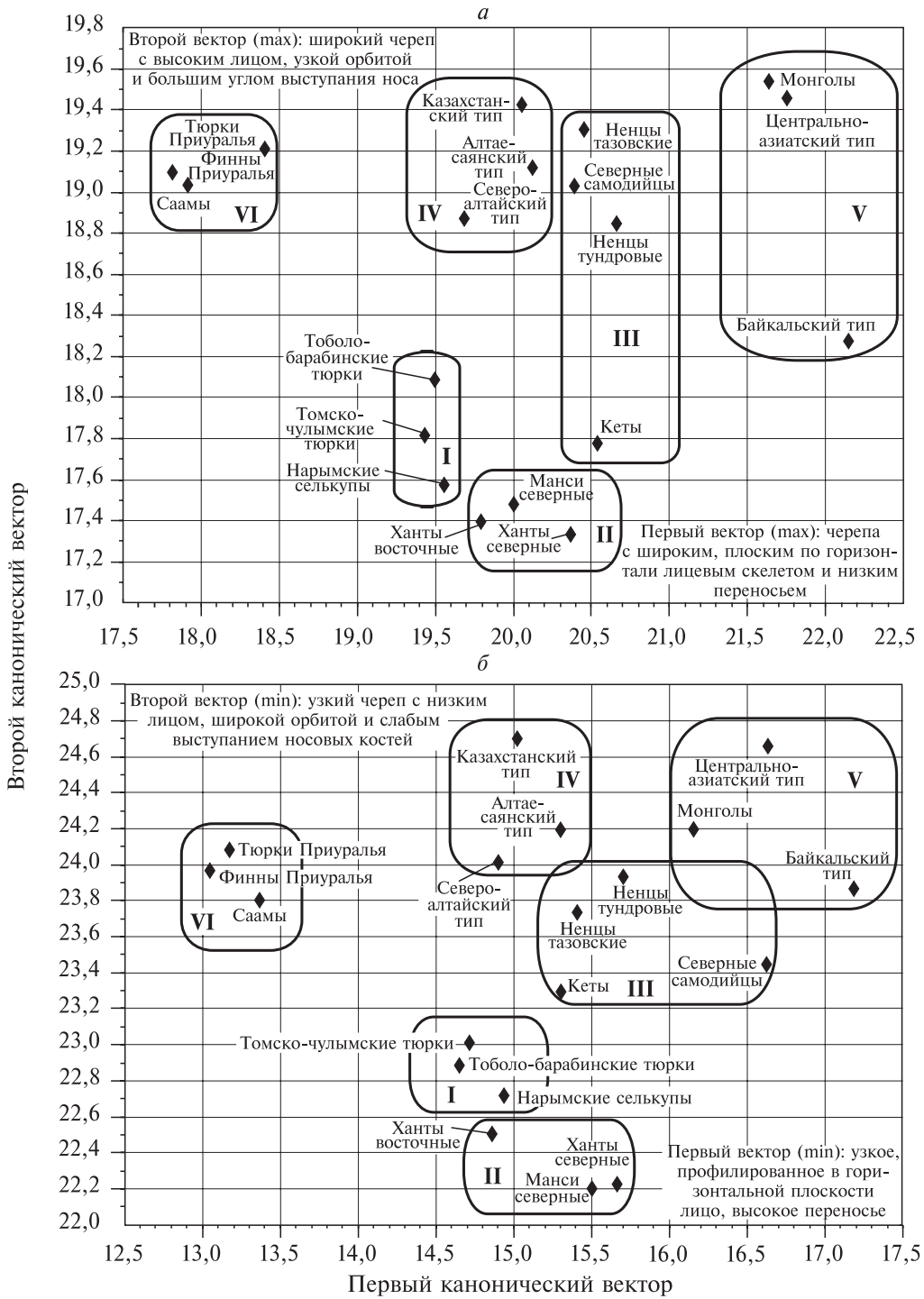
Появление новых краниологических материалов по сибирским ненцам, в частности из Надымской и Тазовской тундры [Багашёв, Ражев, 2009; Багашёв, Слепченко, 2015], позволило обратиться к рассмотрению вопроса о характере межгрупповой изменчивости ненцев и кетов и их месте в системе надпопуляционных общностей Северной Евразии.

Для выяснения общих закономерностей межгрупповой изменчивости североевразийских народов, их морфологические особенности проанализированы с помощью многомерной статистики [Багашёв, 2016]. Для стабилизации изменчивости краниологические данные по надпопуляционным общностям суммированы невзвешенно, чтобы отразить вклад каждой выборки в обобщенный морфологический тип. Таким образом обобщены мужские и женские серии по байкальскому [Дебец, 1951; Алексеев, Гохман, 1984], центральноазиатскому [Дебец, 1951; Алексеев, Гохман, 1984], ялтае-саянскому

[Алексеев, Гохман, 1984; Дрёмов, Ким, 1998], североалтайскому [Дебец, 1951; Алексеев, Гохман, 1984; Дрёмов, Ким, 1998], казахстанскому [Алексеев, Гохман, 1984], обь-иртышскому (тоболо-барабинские тюрки [Багашёв, 1993; Ким, 1998]), томско-нарымскому (томско-чулымские тюрки [Дрёмов, 1998; Багашёв, 2003] и нарымские селькупы [Дрёмов, 1998; Багашёв, 2000, 2002]), уральскому (северные манси [Дебец, 1951], северные [Дебец, 1951; Дрёмов, 1984] и восточные [Дрёмов, 1991] ханты) и приуральскому (тюрки [Алексеев, 1971; Юсупов, 1989] и финны [Алексеев, 1969] Приуралья, саамы [Хартанович, 1980]) антропологическим типам. Материал по северным самодийцам сгруппирован следующим образом: ненцы тундровые [Дебец, 1951], ненцы тазовские [Багашёв, Слепченко, 2015] и сборная серия по северным самодийцам (нганасаны [Алексеев, 1955], ненцы надымские [Багашёв, Ражев, 2009], ненцы Яр-Сале и р. Щучьей [Дрёмов, 1984]). Кетская серия используется по данным И.И. Гохмана и В.А. Дрёмова [Гохман, 1982; Дрёмов, 1984]. Краниологические характеристики образованных мужских и женских обобщенных групп представлены в табл. 50.

Особенности изменчивости по мужским и женским материалам практически полностью совпадают. В обеих совокупностях наибольшие нагрузки по первому каноническому вектору приходятся на серии, где преобладают черепа с широким и уплощенным по горизонтали на обоих уровнях лицевым скелетом с низким переносьем, а минимальные, соответственно, наоборот. С учетом этого комплекса признаков выборки дифференцируются по степени выраженности монголоидных/европеоидных черт, максимально дистанцируются в данном случае североазиатские монголоиды и европеоиды Приуралья, западносибирские, северосамодийские и южносибирские выборки занимают между данными крайними вариантами промежуточное положение (рис. 26).

С учетом комплекса признаков второго канонического вектора группы дифференцируются по ширине черепа, высоте лицевого скелета, ширине орбиты и углу выступания носа. Максимальные нагрузки приходятся на брахикранные черепа с высоким лицевым скелетом и сильно выступающим носом, минимальные — на долихокранные черепа с лептоморфным строением лица и слабым выступанием носовых костей. Эти признаки также таксономически важны при дифференциации европеоидов и монголоидов, но именно они отделяют южносибирскую совокупность от западносибирской (рис. 26). В целом видно, что гармоничное сочетание признаков характерно для классических монголоидов и европеоидов. Относительно дисгармоничное сочетание признаком наблюдается в южносибирской совокупности, когда монголоидные особенности строения черепной коробки и лица сочетаются с европеоидным строением горизонтального профиля лицевого скелета в сочетании с выступающим переносьем и носовыми костями. Для западносибирских групп свойственно еще более дисгармоничное сочетание монголоидного комплекса (слабое выступание носовых костей, плоского по горизонтали лица и переносья) с европеоидными чертами строения мозговой коробки (долихокранный череп с узким и низким лицом). Этот же комплекс характерен (но в ос-


а
Второй вектор (max): широкий череп с высоким лицом, узкой орбитой и большим углом выступания носа
Тюрки Приуралья
Финны Приуралья
Саамы
VI
Казахстанский тип
Алтае-саянский тип
Северо-алтайский тип
IV
Ненцы тазовские
Северные самодийцы
Ненцы тундровые
III
Монголы
Центрально-азиатский тип
V
Байкальский тип
Тоболо-барабинские тюрки
Томско-чулымские тюрки
Нарымские селькупы
I
Кеты
Манси северные
Ханты восточные
Ханты северные
II
Первый вектор (max): черепа с широким, плоским по горизонтали лицевым скелетом и низким переносьем
19,8
19,6
19,4
19,2
19,0
18,8
18,6
18,4
18,2
18,0
17,8
17,6
17,4
17,2
17,0
17,5
18,0
18,5
19,0
19,5
20,0
20,5
21,0
21,5
22,0
22,5
б
Второй вектор (min): узкий череп с низким лицом, широкой орбитой и слабым выступанием носовых костей
Казахстанский тип
IV
Алтае-саянский тип
Северо-алтайский тип
Центрально-азиатский тип
V
Монголы
Байкальский тип
Тюрки Приуралья
Финны Приуралья
Саамы
VI
Ненцы тундровые
Ненцы тазовские
Северные самодийцы
Кеты
III
Томско-чулымские тюрки
Тоболо-барабинские тюрки
Нарымские селькупы
I
Ханты восточные
Ханты северные
Манси северные
II
Первый вектор (min): узкое, профилированное в горизонтальной плоскости лицо, высокое переносье
25,0
24,8
24,6
24,4
24,2
24,0
23,8
23,6
23,4
23,2
23,0
22,8
22,6
22,4
22,2
22,0
12,5
13,0
13,5
14,0
14,5
15,0
15,5
16,0
16,5
17,0
17,5
Второй канонический вектор
Первый канонический вектор

лабленном виде и с тяготением в сторону южносибирских популяций, особенно по мужским черепам) для северосамодийских групп. Данное наблюдение еще раз может выступать свидетельством древнего алтае-саянского происхождения северных самодийцев. Интересно, что по женским материалам эта тенденция едва просматривается. Для краниологического типа кетов свойственно в целом сочетание признаков, характерное для западносибирских групп, но с рядом особенностей, которые сближают их все-таки с северосамодийскими выборками (рис. 26).

Антропологическую специфику северных самодийцев, как и всех западносибирских популяций, особенно уральского типа, с учетом отмеченных тенденций определяет один и тот же фактор, что служит индикатором былого генетического единства. Однако особенности их межгрупповой изменчивости, особенно по мужским материалам, позволяют видеть в данной совокупности популяций два краниологических варианта. Один характерен для северных самодийцев, поэтому его логично обозначить как ямальский, другой свойственен кетам, его предлагается обозначить как енисейский. Обе категории могут быть объединены в один таксон, который лучше рассматривать в качестве антропологического типа в составе западносибирской антропологической формации под названием ***ямало-енисейского***. Соответственно в составе западносибирского вторичного очага расообразования может быть выделен дополнительный третичный очаг — ямало-енисейский, наряду с обь-иртышским и уральским (рис. 27).

Таким образом, среди населения Западной Сибири распространены три основных антропологических типа, каждый из которых характеризуется достаточно четким своеобразием морфотипа и имеет свой ареал: уральский, обь-иртышский и ямало-енисейский.

Уральский антропологический тип представлен у хантов и манси. Ареал его распространения охватывает таежную и лесотундровую зоны, т.е. северную часть Западной Сибири. Обь-иртышский антропологический тип состоит из двух локальных вариантов — тоболо-иртышского и томско-нарымского. Представлен он у нарымских селькупов и тюрков Западно-Сибирской равнины. Ареал его распространения — южно-таежная и лесостепная зоны, т.е. средняя и южная части Западной Сибири. Ямало-енисейский антропологический тип состоит из двух локальных вариантов — ямальского и енисейского, представлен у северных самодийцев и кетов. Ареал его распространения — субарктические регионы (полуостров Ямал, Канинская и Сибирская тундры, полуостров Гыдан), нижний и частично средний Енисей.

Рис. 26. Расположение мужских (*а*) и женских (*б*) североевразийских групп в корреляционном поле первого и второго канонических векторов.

I — обь-иртышский антропологический тип западносибирской антропологической формации; II — уральский антропологический тип западносибирской антропологической формации; III — ямало-енисейский антропологический тип западносибирской антропологической формации; IV — южносибирская антропологическая формация; V — североазиатская антропологическая формация; VI — приуральский антропологический тип беломоро-балтийской антропологической формации.

Таблица 50

Сравнительные краниологические материалы по североевразийским популяциям

№ по Мартину или условное обозначение	Западносибирская антропологическая формация											
	Уральский антропологический тип						Обь-иртышский антропологический тип					
	Манси северные		Ханты северные		Ханты восточные		Тоболо-барабинские тюрки		Томско-чулымские тюрки		Нарымские селькупы	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Продольный диаметр	183,9	174,4	181,9	174,4	182,3	178,8	181,6	173,0	178,4	170,2	178,0	170,2
8. Поперечный диаметр	139,5	134,2	140,3	135,4	140,2	136,7	143,4	136,9	143,4	138,0	144,2	137,4
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	126,1	120,6	126,6	123,3	130,9	125,2	131,7	125,9	131,4	126,2	133,1	127,1
8:1. Черепной указатель	76,6	77,2	77,2	77,8	76,6	76,6	79,0	79,2	79,0	81,2	80,8	80,7
5. Длина основания черепа	100,1	94,3	100,4	96,2	101,8	96,8	101,6	96,0	99,6	95,4	101,7	97,2
9. Наименьшая ширина лба	92,8	92,1	95,1	90,8	95,5	93,6	94,5	91,6	94,5	91,6	96,8	93,4
32. Угол профиля лба от *n*.	79,3	83,4	79,5	81,9	81,3	83,7	80,6	83,0	81,3	83,5	80,1	82,0
40. Длина основания лица	98,9	93,7	100,7	95,1	102,0	98,3	99,5	94,2	98,8	93,9	99,9	95,8
45. Скуловой диаметр	135,3	127,7	136,2	128,3	135,2	127,0	137,5	127,2	137,7	127,8	140,0	129,7
48. Верхняя высота лица	70,8	65,1	70,9	65,5	70,6	66,3	72,2	66,8	69,7	64,8	69,4	67,9
48:45. Верхний лицевой указатель	52,3	50,1	52,0	51,1	52,4	52,3	52,6	52,7	50,8	50,8	49,7	50,3
72. Общий лицевой угол	86,5	86,3	84,4	83,6	84,2	83,1	86,0	85,6	84,8	84,4	84,4	84,3
77. Назомалярный угол	142,1	142,8	143,4	144,7	142,2	140,7	142,7	142,8	144,0	144,2	144,6	144,4
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	135,0	135,9	135,2	134,4	133,9	133,8	133,5	133,2	134,5	134,9	135,2	134,8
51. Ширина орбиты от *mf*.	41,8	40,6	43,0	41,6	42,8	41,1	43,8	42,0	43,2	41,4	43,8	42,0
52. Высота орбиты	34,3	33,6	34,4	34,4	34,1	32,7	33,9	33,4	33,6	33,1	33,7	33,2
55. Высота носа	52,5	48,5	52,5	49,7	51,3	48,1	52,8	49,0	51,4	47,8	51,7	48,7
54. Ширина носа	26,3	24,9	25,5	25,0	26,3	25,5	26,0	25,0	26,0	24,8	26,0	25,1
75(1). Угол выступания носа	20,2	16,4	20,8	17,7	18,9	14,8	21,0	17,5	20,1	18,0	18,2	17,1
SC. Симотическая ширина	7,2	7,0	7,2	6,5	7,1	7,1	7,8	7,6	7,9	7,8	8,0	8,0
SS. Симотическая высота	2,8	2,3	2,6	2,1	3,0	2,7	3,6	3,2	3,2	2,8	3,2	2,8
DC. Дакриальная ширина	21,3	20,1	20,9	19,3	20,4	19,7	21,4	20,2	21,5	20,3	21,9	20,4
DS. Дакриальная высота	10,1	9,0	9,2	8,3	10,0	9,4	10,4	9,1	10,6	9,4	10,7	9,2
Среднее число	28	21	145	111	66	55	243	231	177	143	153	138

Продолжение табл. 50

№ по Мартину или условное обозначение	Западносибирская антропологическая формация								Южносибирская антропологическая формация			
	Ямало-енисейский антропологический тип								Алтае-саянский антропологический тип		Североалтайский антропологический тип	
	Ненцы тундровые		Ненцы тазовские		Северные самодийцы		Кеты					
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
1. Продольный диаметр	179,2	171,0	183,3	171,3	178,4	172,9	179,6	173,0	178,9	172,2	179,2	171,7
8. Поперечный диаметр	146,6	140,7	148,0	140,9	146,4	141,2	144,8	143,0	146,0	140,7	144,2	139,9
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	129,0	121,3	131,6	125,5	128,9	123,3	128,7	127,3	132,9	127,3	134,3	128,1
8:1. Черепной указатель	81,9	82,4	80,1	82,3	82,1	81,6	80,7	82,8	81,7	81,8	80,7	81,6
5. Длина основания черепа	98,7	96,0	102,9	96,0	98,7	94,0	100,3	96,6	100,6	95,5	100,4	95,7
9. Наименьшая ширина лба	94,2	88,8	93,0	91,8	93,7	90,6	94,7	93,3	94,0	91,4	93,8	91,8
32. Угол профиля лба от *n*.	81,8	82,4	76,2	80,4	80,7	84,6	80,7	84,7	82,1	84,7	83,2	86,1
40. Длина основания лица	101,1	96,9	101,7	96,8	101,5	95,4	99,5	93,2	98,2	93,0	98,1	94,4
45. Скуловой диаметр	139,1	130,3	142,2	132,9	141,3	134,1	137,2	131,0	139,9	130,4	136,4	127,5
48. Верхняя высота лица	73,9	69,5	74,7	68,6	71,3	69,0	71,6	65,6	74,8	70,8	73,9	69,3
48:45. Верхний лицевой указатель	53,1	53,3	52,6	51,9	51,2	53,0	52,2	50,1	52,9	54,3	54,4	54,4
72. Общий лицевой угол	86,1	86,6	81,7	82,0	84,5	84,7	84,8	86,1	86,7	86,9	86,6	86,0
77. Назомалярный угол	146,4	147,4	145,9	146,3	150,3	150,4	146,3	144,6	145,2	145,4	144,0	144,2
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	135,8	135,6	132,0	131,2	136,0	136,0	133,7	135,6	134,3	133,9	131,7	132,8
51. Ширина орбиты от *mf*.	42,7	40,9	43,2	40,6	42,1	42,1	42,8	41,7	43,0	41,5	42,6	41,0
52. Высота орбиты	34,4	33,7	35,5	34,7	34,4	34,7	34,2	34,3	34,5	34,4	34,0	33,4
55. Высота носа	53,0	51,0	54,5	51,8	52,8	50,9	52,8	48,7	53,9	51,3	53,5	49,7
54. Ширина носа	25,0	25,4	25,7	25,2	25,8	24,7	25,7	24,7	25,6	24,8	25,6	25,0
75(1). Угол выступания носа	23,3	18,2	21,8	18,6	26,7	20,3	18,9	16,5	22,9	20,0	22,5	19,0
SC. Симотическая ширина	7,1	7,2	6,6	7,5	6,8	6,6	7,3	8,7	7,6	7,4	7,8	7,8
SS. Симотическая высота	2,7	2,7	2,9	2,5	3,3	2,3	2,7	3,0	3,5	2,9	3,4	2,9
DC. Дакриальная ширина	21,0	19,6	21,6	20,2	19,4	18,2	22,0	20,6	20,4	19,5	20,7	20,3
DS. Дакриальная высота	9,4	8,9	10,2	9,7	9,6	7,3	8,7	8,9	10,2	9,3	9,9	8,9
Среднее число	38	16	10	11	21	19	17	14	237	255	217	189

Окончание табл. 50

№ по Мартину или условное обозначение	Южносибирская антропологическая формация		Североазиатская антропологическая формация						Беломоро-балтийская антропологическая формация					
	Казахстанский антропологический тип		Центральноазиатский антропологический тип		Байкальский антропологический тип		Монголы		Приуральский антропологический тип					
									Тюрки Приуралья		Финны Приуралья		Саамы	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39
1. Продольный диаметр	178,2	172,7	183,2	173,8	181,5	173,8	182,7	172,6	180,1	174,8	179,3	171,6	179,0	172,4
8. Поперечный диаметр	149,4	145,5	150,3	143,8	145,6	140,3	149,7	142,9	144,4	140,0	142,5	137,2	145,2	141,3
17. Высотный диаметр (*ba-b*)	130,8	127,6	133,6	127,5	127,8	123,5	131,2	125,7	132,4	126,4	133,8	129,0	130,6	124,9
8:1. Черепной указатель	84,0	84,7	82,1	83,0	80,8	80,8	82,0	82,3	80,2	80,1	79,7	80,0	81,0	82,0
5. Длина основания черепа	101,4	97,2	102,9	96,9	100,7	95,5	101,5	94,5	101,2	95,6	101,0	95,9	100,6	95,3
9. Наименьшая ширина лба	95,1	94,3	95,4	92,0	91,6	88,9	94,3	92,2	96,9	93,6	96,1	93,4	97,4	94,1
32. Угол профиля лба от *n*.	81,7	83,4	80,4	83,9	79,4	82,5	80,5	83,0	82,0	85,8	84,7	87,1	81,9	82,8
40. Длина основания лица	97,6	93,5	100,8	95,0	101,1	95,6	98,2	92,9	99,0	94,7	97,0	92,4	97,2	91,6
45. Скуловой диаметр	142,1	133,4	143,7	132,3	140,4	130,7	142,2	131,3	135,4	126,3	133,2	123,7	135,2	126,6
48. Верхняя высота лица	75,0	70,4	78,4	72,1	75,9	70,7	78,3	70,7	72,4	67,7	70,2	66,2	69,2	64,2
48:45. Верхний лицевой указатель	52,9	52,9	54,5	54,3	5,1	54,0	55,1	53,8	53,5	53,3	52,7	53,5	51,2	50,8
72. Общий лицевой угол	88,0	87,9	87,6	87,6	86,4	86,4	87,5	86,1	85,0	84,6	85,3	87,9	86,1	85,6
77. Назомалярный угол	144,8	143,7	146,3	147,5	149,1	149,0	146,4	145,6	140,4	141,1	141,0	141,3	141,0	141,8
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	133,5	135,3	140,2	140,0	139,4	140,9	138,4	138,2	130,4	129,6	128,8	128,1	130,9	130,6
51. Ширина орбиты от *mf*.	43,2	41,6	43,0	40,9	42,7	40,3	43,0	41,0	42,3	41,3	41,3	39,8	42,3	40,2
52. Высота орбиты	35,2	34,4	35,4	34,4	34,8	34,0	36,0	34,9	33,3	32,1	32,8	32,2	33,1	32,2
55. Высота носа	54,8	51,9	56,2	52,5	55,4	51,5	56,4	52,0	52,5	49,2	51,1	48,0	51,5	47,6
54. Ширина носа	26,5	25,5	26,9	26,1	26,8	25,5	27,4	25,8	25,2	24,2	24,7	24,2	25,0	24,2
75(1). Угол выступания носа	23,8	20,7	20,4	17,7	17,6	14,8	22,4	16,2	26,0	23,0	26,3	23,1	27,4	22,8
SC. Симотическая ширина	8,4	8,8	8,1	7,7	6,9	7,0	7,1	7,9	8,8	8,4	8,8	8,6	8,4	8,3
SS. Симотическая высота	3,8	3,3	2,9	2,3	2,4	1,8	2,8	2,8	4,0	3,7	4,0	3,5	4,4	3,6
DC. Дакриальная ширина	21,5	21,5	22,0	20,7	20,4	20,2	20,6	20,7	21,6	21,0	21,4	20,7	21,5	21,0
DS. Дакриальная высота	10,5	9,9	9,2	7,9	8,0	7,2	9,3	8,7	11,6	10,7	11,9	10,6	11,8	10,3
Среднее число	181	155	217	156	75	54	184	118	462	333	284	255	71	52

Очаги расообразования

Западносибирский вторичный

1 Ямало-енисейский третичный

2 Уральский третичный

3 Обь-иртышский третичный

Рис. 27. Западносибирский вторичный очаг расообразования с дочерними третичными очагами.

Морфологическая специфика и внутреннее сходство популяций уральского, обь-иртышского и ямало-енисейского типов, обусловленные сходными расообразующими факторами на единой территории, большое сходство протекавших здесь этногенетических процессов в примерно одинаковых природно-климатических условиях свидетельствуют о существовавшем некогда их единстве. Поэтому представляется целесообразным объединить их и выделить в самостоятельную таксономическую категорию на иерархическом уровне локальной антропологической формации — в ***западносибирскую группу популяций***.

Таксономически западносибирскую формацию трудно однозначно отнести к числу рас западного или восточного стволов, поэтому ее систематическое положение соответствует тому определению, которое дал В.В. Бунак уральской расе [Бунак, 1956, 1965, 1980]. Видимо, действительно, западносибирская ветвь утратила связь с основными расовыми стволами очень давно, еще до того периода, когда сформировались ярко выраженные европеоидные и монголоидные особенности, и представляет собой древнюю протоазиатскую формацию. Краниологические материалы, близкие к современности, все же говорят о том, что западносибирская формация таксономически более близка к расам восточного ствола.

В связи с вышесказанным не представляется возможным объединять западносибирские и субуральские популяции в один таксон и предлагается отказаться от понятия «уральская раса» как совокупности субуральского и уральского антропологических типов.

С постепенным накоплением антропологических материалов в состав уральской расы включалось все больше и больше народов — северо- и южносамодийских, угорских, кетских, финских, тюркских, иногда не имеющих ни генетических, ни этнических, ни лингвистических общих корней. Это с неизбежностью привело к высокому уровню аморфности уральской расы, отсутствию четкой структуры, а изменчивость даже важнейших таксономических признаков достигла такого уровня, что в одном ряду можно было увидеть и европеоидную, и монголоидную группу.

Проведенный анализ показывает, что субуральские группы в основе своей европеоидны и связаны в генезисе с европеоидным населением беломоро-балтийского типа, в Восточной Европе же они являются группами с наибольшей примесью монголоидных элементов, возникновение которых обусловлено метисационными процессами. Монголоидные черты финнов Поволжья и Приуралья только на первый взгляд сближают их с населением Западной Сибири. На самом деле разница в морфологическом облике тех и других весьма значительна, различны и факторы их расообразования. Наблюдаемое сходство по некоторым особенностям, напоминающим монголоидные, возникло, скорее всего, конвергентным путем в примерно сходных природно-климатических условиях и только на последних стадиях расообразования может быть обусловлено метисационными процессами. Внешнее сходство по некоторым монголоидным чертам народов Приуралья и Западной Сибири, послужившее основанием для включения их в одну таксономическую категорию, носит, скорее всего, фенотипический, а не

генетический характер, и не отражает общности происхождения, что ставит вопрос об особых путях формирования тех и других.

Следует отметить, что палеоантропологические материалы с территории Приуралья и Поволжья свидетельствуют о европеоидном облике проживавшего здесь населения уже в эпоху неолита [Дебец, 1953; Акимова, 1953, 1955; Bagashev, 1994; Алексеева, 1997] и в более позднее время [Акимова, 1968; Алексеев, 1969; Ефимова, 1991]. Ряд специфических черт населения Западной Сибири формируется уже в неолите, четко проявляется в эпоху бронзы и раннего железа.

Морфологически субуральские популяции противопоставляются западносибирским и обнаруживают сходство с западнофинскими и леттолитовскими народами. Поэтому финны и тюрки Поволжья и Приуралья с большим основанием должны быть включены в число типов европеоидного расового ствола в качестве самого восточного ***приуральского*** варианта беломоро-балтийской, или североевропейской (балтийской), локальной расы. Ареал приуральских популяций соответствует приуральскому четвертичному очагу расообразования [Алексеев, 1974, с. 284], но не в составе восточного зауральского третичного очага, а в качестве еще одного четвертичного очага в составе балтийского третичного очага в европеоидном вторичном западного первичного.

Целесообразно выделить особый, западносибирский, очаг расообразования на иерархическом уровне вторичного, который наряду с азиатским континентальным и азиатским прибрежным входит в состав восточного первичного очага. Во вторичном западносибирском очаге расообразования уместно выделить три дочерних третичных — уральский (северный западносибирский, угорская линия генезиса), обь-иртышский (южный западносибирский, южносамодийская линия генезиса) и ямало-енисейский (восточный западносибирский, северосамодийская линия генезиса). В уральском очаге образование четвертичных очагов окончательно не закончилось, в структуре обь-иртышского очага это два четвертичных очага — тоболо-барабинский и томско-нарымский, в ямало-енисейском также два — ямальский и енисейский.

Относительное время формирования западносибирского вторичного очага может быть отнесено к периоду, когда еще существовал генетический мост между монголоидами Азии и Америки, видимо, к финалу палеолита.

Предлагаемая расовая классификация народов Западной Сибири практически полностью совпадает с их этнолингвистической классификацией, а если и есть противоречия, то они обусловлены асинхронностью расогенетических и глоттогенетических процессов и находят себе убедительные объяснения в этнокультурных и исторических материалах. Это свидетельствует о том, что в предлагаемых антропологических генеалогических построениях более или менее адекватно нашли отражение родственные связи между народами, общность их исторических судеб и другие сложные процессы их этногенеза и этнической истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение краниологических материалов, отражающих физические особенности древнего и современного населения Западной Сибири, позволило проследить основные вехи формирования антропологических типов, определить антропологическую структуру популяций и генезис расовых компонентов, реконструировать генетические связи между ними, по мере возможности выяснить пределы изменчивости древних и современных групп в пространстве и во времени.

В эпоху неолита на территории Западной Сибири фиксируется европеоидный антропологический тип, родственный протоевропейскому, широко распространенному в Восточной Европе, Карелии, Прибалтике и на Украине. В структуре Северной Евразии неолитическое население Западной Сибири является частью протоевропейского типа, но с определенными особенностями расогенеза и спецификой физического облика, которая во многом обусловлена примесью монголоидных элементов различных линий генезиса. Поэтому он рассматривается в качестве западносибирского варианта протоевропейского типа, состоящего из двух групп популяций — собственно западносибирской и верхнеобской.

Граница между ареалами европеоидных и монголоидных популяций в мезо-неолитическое время соприкасалась, возможно, с частичным перекрытием, только на юге Западной Сибири, в частности в Верхнем Приобье. Часть европеоидного населения проникала и далее на восток, о чем свидетельствует европеоидная примесь в составе неолитического населения Восточной Сибири [Дебец, 1948; Алексеев, 1961б; Мамонова, 1973, 1980; Гохман, 1980]. Но и часть монголоидов расселялась в западном и южном направлениях. В результате контактов между ними в Верхнем Приобье формируются популяции, в антропологическом составе которых присутствует монголоидный компонент центральноазиатского происхождения (Усть-Иша, Иткуль, Васьково). Именно через подобные группы, вероятнее всего, монголоидные элементы центральноазиатского типа проникали в состав кельтеминарского населения севера Средней Азии. Контакты с последним в свою очередь способствовали проникновению в некоторые западносибирские группы элементов средиземноморского типа. Более отчетливо влияние средиземноморцев прослеживается в Среднем Приуралье. В составе других неолитических групп отмечена, помимо вышеназванного компонента, примесь монголоидных элементов таежного происхождения

(Сопка 2, Протока, Омская стоянка, Лебеди). В составе европеоидных популяций протоевропейского типа подобный компонент проникал и на запад, в частности морфологически сходная примесь отмечается в составе населения льяловской культуры лесной полосы Восточной Европы [Алексеева, 1997] и мезолитического населения Карелии (Южный Олений остров) [Якимов, 1960].

В эпоху бронзы усиливается дифференциация между группами населения, наметившаяся в предшествующий период. В подтаежной полосе Западной Сибири продолжается процесс смешения европеоидных популяций, генетически связанных с неолитическим населением и таежными монголоидами. Формируется антропологический тип, характерный для населения кротовской культуры доандроновского времени и черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности. В составе последнего, однако, вполне отчетливо прослеживается примесь европеоидного компонента, родственного андроновским (федоровским) племенам. В более южных областях Западной Сибири широко распространяется антропологический тип, непосредственно связанный в генезисе с населением андроновской культуры, особенно федоровского варианта, а с алакульским типом, связанным со срубными племенами, — весьма незначительно (самусьская культура, Ермак 4). Оба варианта андроновской культуры не имеют генетических корней в неолитическом населении юга Западной Сибири, поэтому данная территория может быть исключена из очагов их формирования. Некоторое сходство между типами неолитического населения Западной Сибири и типом андроновцев (федоровцев) обусловлено, скорее всего, наличием в составе тех и других общего древнего палеоевропеоидного субстрата.

Морфологический тип популяций поздней бронзы — ирменских, еловских и черкаскульских — занимает промежуточное положение между типом неолитических черепов, кротовских и черноозерско-томских, с одной стороны, и типом андроновских (федоровских) серий — с другой. Это может служить указанием на то, что облик населения ряда культур поздней бронзы Западной Сибири сформировался во многом в результате их смешения.

Антропологический состав населения Западной Сибири раннего железного века становится еще более сложным. Своеобразие антропологического типа западносибирских популяций определяют несколько основных компонентов, удельный вес которых в локальных группах варьирует.

В составе населения саргатской и гороховской культур основным является европеоидный вариант, обладающий мезо-брахикранной формой мозговой коробки, широким, невысоким, умеренно профилированным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом, причем он состоит из двух комбинаций признаков: для одной свойственны более брахикранная мозговая коробка, более широкое, но менее высокое и сильнее уплощенное лицо, менее высокое переносье и слабее выступающие носовые кости, для другой — тенденция к долихокрании, более узкое и высокое, резче профилированное лицо, более высокое переносье и сильнее выступающие

носовые кости. Антропологическую специфику кулайской серии определяет монголоидный компонент, характерными чертами которого являются малая высота уплощенного лицевого скелета, слабое выступание носовых костей при средневысоком переносье. В новочекинской выборке наблюдаются примерно в паритетном соотношении брахикранный европеоидный и низколицый монголоидный варианты. Помимо вышеназванных основных компонентов, определенную роль в расогенезе лесостепных популяций сыграли европеоидный комплекс с высоким и узким лицом, а также монголоидный с широким и высоким лицом. В отдельных выборках, в частности в Прииртышье, удалось зафиксировать примесь монголоидного компонента, обладающего долихокранной формой черепа.

Европеоидный мезо-брахикранный компонент с широким и низким (эуриморфным) лицом в обоих вариантах генетически связан с населением андроновской (федоровской) культуры эпохи бронзы, особенно с теми популяциями, в составе которых отмечен компонент, уходящий корнями в эпоху западносибирского неолита. В переходный от бронзы к раннему железному веку период в археологических культурах Западной Сибири, особенно к началу эпохи железа, успевают сформироваться относительно устойчивые традиции, но в антропологическом составе того или иного населения особенности еще недостаточно стабильны, хотя уже проявляются. Длительная инфильтрация в лесостепь Западной Сибири таежных низколицых монголоидных элементов приводит к тому, что отличительными особенностями местных популяций становятся более брахикранная форма черепа и бóльшая ширина уплощенного по горизонтали лицевого скелета, менее высокое переносье и небольшой угол выступания носовых костей. В Поволжье и Приуралье в переходное от бронзы к железу время, видимо, в результате продолжающегося смешения андроновских (федоровских) и срубно-алакульских групп, и позднее — савроматских и скифских для антропологического типа местных популяций характерными становятся более удлиненная форма мозговой коробки, чуть более высокий и заметно более узкий, хорошо профилированный в горизонтальной плоскости лицевой скелет, высокое переносье при большом угле выступания носовых костей.

Европеоидный мезо-долихокранный компонент с лептоморфным строением лицевого скелета по своим морфологическим особенностям во многом аналогичен краниологическому типу популяций тагарской культуры Минусинской котловины, которые в свою очередь связаны в происхождении с местным населением предшествующего времени, оставившим памятники афанасьевской культуры. В саргатских выборках данный компонент прослеживается отчетливее в ранних группах, в последующих проявляется лишь в виде небольшой примеси.

Генезис антропологического типа, характерного для черепов из кулайских погребений и для низколицего брахикранного компонента, выделенного в составе лесостепного населения раннего железа, может быть непосредственно связан с монголоидным низколицым населением таежных областей Западной Сибири. Его генетическое влияние на племена южной

части Западной Сибири прослеживается с неолита, а в эпоху бронзы низколицый монголоидный компонент фиксируется уже как существенная примесь в составе населения подтаежной полосы Западной Сибири, а также в составе выборок из могильников окуневской и карасукской культур Минусинской котловины. Ощутимый отпечаток примесь данного компонента накладывает на антропологический тип населения поздней бронзы, оставившего памятники еловской и ирменской культур. Именно примесь низколицых монголоидов в составе ряда популяций эпохи бронзы и в составе населения раннего железа определяет их морфологическое своеобразие и служит достаточно надежным индикатором степени их родственных отношений.

Другой монголоидный компонент антропологической структуры лесостепных популяций (большая высота широкого лицевого скелета и брахикрания) морфологически мало отличается от типа населения серовского и глазковского времени Восточной Сибири. Его генезис связан с монголоидами Центральной Азии, которые медленно и длительно проникали в Западную Сибирь с раннего неолита. В эпоху бронзы центральноазиатские элементы как компонент отмечаются в составе окуневских и карасукских популяций Восточной Сибири, кротовских, андроновских (федоровских), еловских, ирменских групп Западной Сибири, а также в составе населения черкаскульской культуры Приуралья.

Основные направления синхронных расогенетических связей населения саргатской общности Западной Сибири разноплановы: это и западное направление, и мир ранних кочевников Приуралья середины I тыс. до н.э., и мир ранних сакских популяций Южного и Юго-Восточного Приаралья VII–V вв. до н.э. В диахронном аспекте популяции саргатской общности генетические связи обнаруживают с населением эпохи поздней бронзы ряда культур андроновской (федоровской) линии развития. Но если на севере Средней Азии уже в VII в. до н.э. отмечаются памятники раннего сакского типа, а в Приуралье — памятники ранних кочевников в VI в. до н.э., то в лесостепи Западной Сибири в VII–VI вв. до н.э. еще преобладают разнообразные древности, завершающие андроновскую линию развития культур поздней бронзы. Другое отличие состоит в том, что в краниологии не нашла отражения связь раннесакских популяций Южного и Юго-Восточного Приаралья (Сакар-Чага, Тагискен, Уйгарак) с населением предшествующего времени этих территорий. Можно определенно говорить о сохранении в Западной Сибири генетических связей населения саргатской общности с популяциями предшествующего времени. Поэтому логично предполагать, что антропологическое сходство западносибирских групп саргатской общности, ранних кочевников Поволжья и Приуралья савроматского времени и означенных выше раннесакских групп первично, а этнокультурное сходство сакской, сарматской и саргатской культур вторично, когда небольшие коллективы ранних кочевников севера Средней Азии, носителей передовых и более эффективных культурных традиций, в совокупности с благоприятными природно-климатическими условиями и высокой подвижностью, вызванной переходом к кочевым формам ведения

хозяйства, могли способствовать повсеместному и быстрому их распространению в западносибирской лесостепи в V–IV вв. до н.э.

По археологическим данным отмечено, что материальная культура и погребальная обрядность начального периода саргатской общности характеризуются отчетливо выраженными чертами, присущими ранним кочевникам Приуралья савроматского времени, появление которых связывается с проникновением в западносибирскую лесостепь из Приуралья кочевых племен. Нашло ли это отражение в исследуемых краниологических материалах? Как известно, перемещение населения в антропологически однородной среде не даст ответа на этот вопрос. Однако как показал анализ антропологических данных, к середине I тыс. до н.э. наблюдается концентрация особенностей физического облика как в среде ранних кочевников Приуралья, так и в среде лесостепного западносибирского населения. Различия в антропологических типах хотя уже стабильны, но невелики, поэтому трудно оценить масштабы перемещения населения. Действительно, строение черепов из ранних могильников саргатской общности весьма сходно с типом савроматских серий. При этом не происходит разрыва генетических связей между западносибирскими лесостепными популяциями раннего железа и населением предшествующего времени, причем более четко наблюдаемых по женским частям выборок. Динамика изменчивости монголоидной примеси очень слаба в составе ранних саргатских популяций, что увеличивает морфологическое расхождение между ними и выборками эпохи бронзы, но заметно возрастает позднее. Это позволяет считать, что приток пришлого населения, в составе которого, видимо, преобладали мужчины, имел место и не был растянут во времени, являлся более или менее существенным только в период сложения саргатской общности и практически прекратился на следующих этапах ее функционирования. Местное население нельзя признать малочисленным, ибо уже к среднему этапу саргатской культуры физические особенности, характерные для пришлых групп, почти не фиксируются, формируется сходный в принципиальных чертах антропологический тип, свойственный саргатским племенам всей западносибирской лесостепи.

Отмечаемая антропологическая близость популяций саргатской общности и некоторых ранних (Сакар-Чага, Тагискен, Уйгарак) и поздних (Чирик-Рабат) саков Южного и Юго-Восточного Приаралья обусловлена не только общностью происхождения эуриморфного европеоидного компонента в их составе. Фактором сближения может выступать также однотипная монголоидная примесь, отмечаемая в краниологии тех и других. Имеющиеся в настоящее время данные свидетельствуют о возможности проникновения монголоидных элементов центральноазиатского происхождения в этническую среду, населявшую некоторые районы Южного и Юго-Восточного Приаралья, Киргизию и Восточный Казахстан, видимо, только в конце переходного от поздней бронзы к раннему железу периода, а уже в раннесакское время черты данной комбинации признаков отмечаются в материалах могильников Сакар-Чага, Тагискен и Уйгарак, на сакских черепах из могильников Киргизии и Восточного Казахстана,

однако не в «чистом виде». Данный монголоидный компонент присутствовал, скорее всего, в составе определенных общностей в целом европеоидного облика. Раннесакские черепа с территории Юго-Восточного Приаралья и Киргизии обнаруживают сходство довольно высокого уровня изо всех известных материалов эпохи бронзы Южной и Восточной Сибири только с карасукскими сериями [Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 1997; Тур, 1997]. Саргатские черепа также морфологически близки карасукским, и это во многом обусловлено единством генезиса эуриморфных европеоидных и высоколицых монголоидных компонентов их состава, что подтверждает тезис Л.Т. Яблонского [1996, 1997, 1999] о восточном расовом импульсе в период перехода от бронзы к железу на севере Средней Азии и в Киргизии среди группы племен из Восточной Сибири, антропологический тип которых более всего сходен с типом населения карасукской культуры и которые приняли в первой половине I тыс. до н.э. деятельное участие в генезисе популяций, оставивших ряд могильников сакского типа.

В средние века антропологический покров южной части Западной Сибири изменяется по сравнению с предшествующим временем. Основной европеоидный компонент расовой структуры саргатского населения не имеет прямых аналогий в составе средневековых популяций.

В таежной полосе Западной Сибири в средние века этногенетическая ситуация сохраняет стабильность. Краниологический тип черепов из кулайских погребений, а также аналогичные ему компоненты в составе новочекинской серии и всех саргатских выборок, равно как и родственный им низколицый монголоидный компонент в составе кротовской серии могильника Сопка 2 и серии из могильника Еловка 2 эпохи бронзы, а также компонент антропологической структуры неолитических групп собственно западносибирского типа, во многом аналогичны морфотипу средневековых популяций южно-таежного Прииртышья (усть-ишимская культура) и Нарымского Приобья (древние селькупы). Видимо, подобная ситуация имела место и в северной части Западной Сибири, о чем свидетельствуют средневековые краниологические материалы из могильников Сургутского Приобья. Отмечаемые антропологические особенности популяций из этого региона позволяют связать их уже с современными обско-угорскими народами.

В близкое к современности время в северной части Евразии фиксируется большое разнообразие антропологических типов. В некоторых случаях проявляется этногенетическая связь современных этносов с европеоидным населением раннего железа. Более или менее значимая роль может быть отведена ему только в генезисе физического облика отдельных групп тоболо-иртышских татар. Можно говорить также о некотором участии саргатских групп в расогенезе западных манси, ибо благодаря анализу антропологического состава западных манси удалось выделить в их составе ряд компонентов, в происхождении одного из которых определенная роль может быть отведена населению саргатской общности, а через него и племенам андроновской (федоровской) культуры эпохи бронзы. Однако в целом обнаруживается существенное ослабление, практически до полно-

го разрыва, расогенетических связей между племенами саргатской культурной общности и современными популяциями Западной Сибири, хотя по женским черепам данный вывод должен быть менее категоричным. Таким образом, эта линия генезиса не оказала заметного влияния на формирование антропологического облика современных этносов.

В южно-таежной полосе Западной Сибири этногенетическая связь между различными хронологическими срезами антропологического покрова прослеживается довольно отчетливо. Отмечается существенное антропологическое сходство между серией черепов из могильника Каменный Мыс и черепами монголоидного типа с эуриморфным строением лицевого скелета. Первая выборка отражает расовые особенности населения, оставившего памятники кулайской археологической культуры, вторая, хотя и дисперсно, но, скорее всего, также несет информацию об антропологии людей этой культурной общности. Морфологический облик обеих выборок раннего железа почти аналогичен морфотипу популяций Нарымского Приобья эпохи средневековья и современных нарымских селькупов. Основное расхождение сводится к тому, что в составе выборок раннего железа присутствует более значительная примесь европеоидного компонента, происхождение которого связано с андроновским (федоровским) населением эпохи бронзы. Популяции кулайской культуры, следовательно, с полным основанием могут рассматриваться в качестве основной расовой составляющей генезиса селькупов. Но и в более ранний период фиксируются носители комплекса антропологических черт, характерных для популяций кулайской общности. Речь идет об антропологическом компоненте, выявляемом в составе населения черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности, а также присутствующем в составе кротовской популяции и неолитических западносибирских групп. Значительное сходство в специфических сочетаниях краниологических признаков, характерных для морфотипа вышеназванных групп, свидетельствует о том, что наблюдаемая между ними близость обусловлена преимущественно причинами генетического свойства. Во многом благодаря действию изолирующих механизмов географического характера морфотип не претерпел сколь-либо значительных изменений в ходе исторического развития.

Монголоидный комплекс с более долихокранной формой мозговой коробки, выделенный в материалах раннего железа, также имеет аналогии среди западносибирского населения. Наибольшее сходство он обнаруживает с обско-угорскими популяциями. Угорские выборки, в составе которых фиксируется примесь самодийских элементов, морфологически от него отдаляются, но базовый морфотип их антропологической структуры и особенности долихокранного варианта принципиально едины.

Современное население Западной Сибири отличается рядом антропологических особенностей и в этом отношении не является однородным, имеет сложный антропологический состав, а территориальная изменчивость физических особенностей некоторых современных групп иногда очень значительна. Однако в каждом конкретном случае расовые особен-

ности популяций складываются в некие морфологические комплексы, привязанные к определенным территориям.

Так, североалтайские и южносибирские популяции Южной Сибири морфологически занимают промежуточное положение между монголоидным и европеоидным расовыми стволами, в составе тех и других европеоидный и монголоидный компоненты имеют сходное происхождение, различен лишь их удельный вес. Длительный процесс смешения представителей этих рас стал доминирующим фактором формирования современного населения Южной Сибири. Метисный характер сложения южносибирской общности убедительно подтверждается исследованием палеоантропологических материалов [Гинзбург и др., 1954; Левин, 1954; Алексеев, 1958, 1960б, 1961а; Исмагулов, 1970; Гинзбург, Трофимова, 1972; Дрёмов, 1980, 1997; Ким, 1987; Багашёв, 1988].

На территории Западной Сибири (в отличие от Алтая и Хакасии) в древности и в современное время существовали популяции, антропологический тип которых имел ряд особенностей, которые определяются не столько наличием у них в той или иной пропорции примеси монголоидных и/или европеоидных черт, сколько специфическими сочетаниями морфологических признаков, в которых нарушена нормальная историческая корреляция, что может свидетельствовать о сохранении следов недифференцированности. Поэтому именно этим определяется своеобразие физических черт древнего и современного населения Западной Сибири.

Расположение Западной Сибири и Урала между ареалами обитания европеоидных и монголоидных народов, а также смягчение различных монголоидных черт у населения данного региона с неизбежностью приводили исследователей к выводу о метисном характере их формирования. Другая точка зрения на механизм формирования народов Западной Сибири и Урала принадлежит В.В. Бунаку. Согласно ей, оно образовалось не в результате смешения, а из-за сохранения древнего протоморфного типа, только частично сходного с монголоидным [Бунак, 1956, 1958, 1965, 1980]. Эта гипотеза получила весомую поддержку в результате исследований дискретно-варьирующих признаков на черепах уралоязычных народов [Козинцев, Моисеев, 1995; Моисеев, Козинцев, 1998; Моисеев, 1999].

Антропологический комплекс, характерный для населения Западной Сибири, отграничивает его от представителей и монголоидной, и европеоидной рас (в том числе восточных финнов), а также от популяций смешанного происхождения. Это дает, как представляется, немаловажное основание для следующего вывода: в генезисе западносибирских народов (особенно на ранних стадиях) доминирующим фактором была консервация протоморфных недифференцированных морфологических черт, сохранению которых способствовали изолирующие механизмы географического характера. На более поздних этапах генезиса все более ощутимую роль приобретают метисационные процессы.

Среди западносибирских групп можно выделить несколько надпопуляционных общностей, привязанных к определенным территориям. Это

тюрки Тоболо-Иртышья и Барабы, в составе которых обнаруживается примесь южносибирского компонента. Они объединяются в ***тоболо-барабинскую группу популяций***. Тюрки и селькупы Томско-Нарымского Приобья, в составе которых, по сравнению с тоболо-барабинскими группами, меньше примесь южносибирских и североалтайских элементов, входят в ***томско-нарымскую группу популяций***. Морфологические различия между ними незначительные и обусловлены различным удельным весом южносибирского компонента. Между тюрками и селькупами наблюдается большое сходство, что позволяет говорить о тесной генетической связи между ними, вместе они отчетливо противопоставляются тюркам Южной Сибири и Алтая. Эти общности можно рассматривать как локальные варианты одного ***обь-иртышского антропологического типа***.

В составе угорских популяций, проживавших на обширной территории Среднего и Нижнего Приобья, обнаружено более всего недифференцированных элементов, отсутствует примесь южносибирских и североалтайских элементов, хотя в некоторых группах отмечается самодийский компонент. Высокая изменчивость обско-угорских популяций отражает в большей степени территориальное, нежели этническое и антропологическое единство угров, объединяющую роль в антропологии выполняет комплекс недифференцированных элементов. По степени четкости его фиксации в угорской совокупности выделяются две подгруппы, правда, не привязанные к конкретным территориям с такой четкостью, как на юге Западной Сибири. Морфологические различия между ними обусловлены метисационными процессами на периферийных участках ареала этноса, не имеют качественного характера, обе они являются локальными вариантами одного ***уральского антропологического типа***.

Как и у всех западносибирских популяций, особенно уральского типа, антропологическую специфику северных самодийцев и кетов определяет один и тот же фактор, что служит индикатором их былого генетического единства. Но особенности их межгрупповой изменчивости позволяют видеть в данной совокупности популяций два краниологических варианта: первый характерен для северных самодийцев, поэтому его логично обозначить как ямальский, второй свойственен кетам, его можно обозначить как енисейский. Обе категории могут быть объединены в один таксон, который предлагается рассматривать в качестве антропологического типа в составе западносибирской антропологической формации под названием «***ямало-енисейский***».

Таким образом, среди населения Западной Сибири встречаются три основных антропологических типа, каждый из которых характеризуется достаточно четким своеобразием морфотипа и имеет свой ареал. Уральский тип представлен у хантов и манси, ареал его распространения охватывает таежную и лесотундровую зоны, т.е. северную часть Западной Сибири. В составе обь-иртышского антропологического типа выделяются два локальных варианта — тоболо-иртышский и томско-нарымский. Данный тип представлен у нарымских селькупов и тюрков Западно-Сибирской равнины, ареал его распространения — южно-таежная и лесостепная

зоны, т.е. средняя и южная части Западной Сибири. Ямало-енисейский антропологический тип состоит из двух локальных вариантов — ямальского и енисейского, представлен у северных самодийцев и кетов, ареал распространения — субарктические тундры Европейского и Сибирского Севера, нижний и север среднего Енисея.

Антропологическая специфика и внутреннее сходство популяций уральского, обь-иртышского и ямало-енисейского типов, обусловленные схожими факторами формирования на единой территории и близостью протекавших здесь этногенетических процессов в примерно одинаковых природно-климатических условиях, говорят о существовавшем некогда их единстве. Поэтому они объединены в самостоятельную формацию — ***западносибирскую локальную группу популяций***.

Таксономически западносибирскую формацию сложно однозначно отнести к расам западного или восточного ствола, поэтому ее систематическое положение соответствует определению, данному В.В. Бунаком уральской расе [1956, 1965, 1980]. Наверное, действительно, западносибирская группа популяций утратила связь с основными расовыми стволами уже давно, еще до того, как сформировались ярко выраженные европеоидные и монголоидные особенности, и представляет собой древнюю протоазиатскую формацию.

Выделен особый — западносибирский — очаг расообразования на иерархическом уровне вторичного очага, который наряду с азиатским континентальным и азиатским прибрежным входит в состав восточного первичного очага. Во вторичном западносибирском очаге расообразования можно выделить три дочерних третичных очага: уральский (северный западносибирский, угорская линия генезиса), обь-иртышский (южный западносибирский, южносамодийская линия генезиса) и ямало-енисейский (восточный, северосамодийская линия генезиса). В уральском очаге образование четвертичных очагов окончательно не оформилось, в обь-иртышском в качестве четвертичных очагов нужно рассматривать тоболо-барабинский и томско-нарымский, а в ямало-енисейском — ямальский и енисейский. Относительное время формирования западносибирского вторичного очага может быть отнесено к периоду, когда еще существовал генетический мост между монголоидами Азии и Америки, видимо, к финалу палеолита.

Не представляется оправданным объединение в один таксон западносибирских и субуральских популяций. Также лучше отказаться от понятия уральской расы как совокупности субуральского и уральского антропологических типов. Проведенный анализ свидетельствует о том, что субуральские группы являются в основе европеоидными и связаны в своем генезисе с европеоидным населением беломоро-балтийского типа, в Восточной Европе же они являются группами с наибольшей примесью монголоидных элементов. Монголоидные черты финнов Поволжья и Приуралья только на первый взгляд сближают их с населением Западной Сибири. На самом же деле разница в морфологическом облике тех и других очень значительна, различны и факторы их образования. Отмечаемое сходство по некоторым особенностям, напоминающим монголоидные, воз-

никло, скорее всего, конвергентным путем благодаря метисационным процессам и носит, вероятнее всего, фенотипический, а не генетический характер и не отражает общности происхождения. Морфологически субуральские популяции противопоставляются западносибирским и обнаруживают сходство с западнофинскими и летто-литовскими народами, поэтому финны и тюрки Поволжья и Приуралья с большим основанием должны быть отнесены к типам европеоидного расового ствола в качестве самой восточной ветви беломоро-балтийской локальной расы европеоидной ветви западного ствола, в качестве ***приуральского антропологического типа*** (субуральского, урало-лапоноидного). Ареал приуральских популяций соответствует приуральскому четвертичному очагу расообразования [Алексеев, 1974, с. 284], но не в составе восточного зауральского третичного очага, а как еще один четвертичный очаг в составе балтийского третичного очага в европеоидном вторичном очаге западного первичного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдрахманов М.А. Особенности диалектно-языкового смешения в фонетике // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск, 1959. Т. 18. С. 163–194.

Акимова М.С. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР // КСИЭ. 1953. Вып. 18. С. 55–65.

Акимова М.С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. 1955. Вып. 23. С. 78–92.

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.

Акимова М.С. Антропология населения лесостепной полосы Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 150–159.

Аксянова Г.А. Краткая расовая характеристика ненцев Канинской тундры // ПИИЭ. 1975–1977. С. 177–180.

Аксянова Г.А. Ненцы. Расово-морфологическая характеристика по данным одонтологии и соматологии в связи с их этногенезом: Автореф. дис. … канд. биол. наук. М., 1976. 24 с.

Аксянова Г.А. Население бассейна Печоры и Нижней Оби // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 93–113.

Аксянова Г.А. Соматология // Тюрки таежного Причулымья: Популяция и этнос. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 128–153.

Аксянова Г.А. Расовая характеристика ненцев // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа: Изд-во БНЦ УрО РАН, 1992. С. 71–97.

Аксянова Г.А. Одонтология // Этнография и антропология Ямала. Новосибирск: Наука, 2003. С. 292–343.

Аксянова Г.А. Соматология // Этнография и антропология Ямала. Новосибирск: Наука, 2003а. С. 200–291.

Аксянова Г.А., *Афанасьева Г.М.*, *Золотарёва И.М. и др.* Нганасаны: Антропологическое исследование. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1992. 354 с.

Алексеев В.П. К краниологии нганасанов // КСИЭ. 1955. Вып. 24. С. 57–65.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтая эпохи железа // Советская антропология. 1958. № 1. С. 45–49.

Алексеев В.П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // ТККАЭЭ. 1960. Т. 4. С. 269–364.

Алексеев В.П. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы // ТТКАЭЭ. 1960а. Т. 1. С. 284–316.

Алексеев В.П. Поздние кочевники Кузнецкой котловины по данным антропологии // КСИЭ. 1960б. Вып. 35. С. 98–111.

Алексеев В.П. О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры // СЭ. 1961. № 1. С. 116–129.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья в эпохи неолита и бронзы // ТИЭ. 1961а. Т. 21. С. 107–206.

Алексеев В.П. О смешанном происхождении уральской расы // ВАУ. 1961б. Вып. 1. С. 117–120.

Алексеев В.П. Основные этапы истории антропологических типов Тувы // СЭ. 1962. № 3. С. 49–58.

Алексеев В.П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии // Материалы исследований по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Кн. изд-во, 1963. С. 135–164.

Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // СА. 1967. № 1. С. 22–26.

Алексеев В.П. К обоснованию популяционной концепции расы // Проблемы эволюции человека и его рас. М.: Наука, 1968. С. 228–278.

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 1969. 324 с.

Алексеев В.П. Лесные ненцы (соматологические наблюдения) // ВА. 1971. Вып. 39. С. 61–75.

Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркоязычных народов Восточной Европы в свете данных антропологии // Вопр. этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1971а. С. 232–271.

Алексеев В.П. География человеческих рас. М.: Мысль, 1974. 352 с.

Алексеев В.П. К средневековой палеоантропологии Кузнецкой котловины // ИЛАИ. 1974а. Вып. 5. С. 112–118.

Алексеев В.П. Антропологические данные о локальных различиях населения тагарской культуры // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 109–119.

Алексеев В.П. Историческая антропология. М.: Высш. шк., 1979. 216 с.

Алексеев В.П. Краткое изложение палеоантропологии Тувы в связи с историческими вопросами // Антропо-экологические исследования в Туве. М.: Наука, 1984. С. 6–75.

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 446 с.

Алексеев В.П. Очерки экологии человека. Палеодемография: содержание и результаты. М.: Наука, 1993. С. 115–138.

Алексеев В.П., *Балуева Т.С.* Материалы по краниологии науканских эскимосов (к дифференциации арктической расы) // СЭ. 1976. № 1. С. 84–100.

Алексеев В.П., *Гохман И.И.* Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль // ТТКАЭЭ. 1970. Т. 3. С. 239–297.

Алексеев В.П., *Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.

Алексеев В.П., *Гохман И.И.* Результаты экспертизы надежности краниометрических показателей антропологических материалов из могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера (в связи с их сохранностью и особенностями реставрации) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л.: Наука, 1984а. С. 155–158.

Алексеев В.П., *Дебец Г.Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеев В.П., *Мамонова Н.Н.* Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории Северо-Западного Алтая // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 3–21.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Иркутск, 1932. Т. 1. 366 с.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Новосибирск: Наука, 2006. 504 с.

Алексеева Е.А. Пластическая антропологическая реконструкция: Восстановление лица по черепу Л.И. Брусницына (1784/1786–1857 гг.) // Археология Севера Рос-

сии: От эпохи железа до Российской империи. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. С. 339–342.

Алексеева Е.А. Антропологическая реконструкция внешности индивидов из могильника Устюг-1 эпохи раннего средневековья // AB ORIGINE: Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2013а. Вып. 5. С. 22–33.

Алексеева Т.И. Изменчивость основных компонентов тела человека в зависимости от уровней липидов и белков в сыворотке крови // Морфофизиологические исследования в антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 53–63.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1973. 332 с.

Алексеева Т.И. Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы: (Антропология Сахтышских стоянок). М.: Науч. мир, 1997. С. 18–41.

Алексеева Т.И., *Козловская М.В.* Резюме // Неолит лесной полосы Восточной Европы: (Антропология Сахтышских стоянок). М.: Науч. мир, 1997. С. 115–116.

Алексеева Т.И., *Волков-Дубровин В.П.*, *Голубчикова З.А. и др.* Антропологическое изучение лесных ненцев (морфология, физиология и популяционная генетика) // ВА. 1972. Вып. 41. С. 19–35.

Алексеева Т.И., *Волков-Дубровин В.П.*, *Голубчикова З.А. и др.* Антропологическое изучение лесных ненцев (морфология, физиология и популяционная генетика) // ВА. 1973. Вып. 42. С. 31–54.

Анучин В.И. Предварительный отчет о поездке к енисейским остякам // Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. СПб., 1906. № 6.

Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточной стране». Археолого-этнографический этюд. М., 1890. 89 с.

Багашёв А.Н. Распределение дискретных краниологических признаков в некоторых тюркоязычных популяциях Сибири // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1984. С. 105–115.

Багашёв А.Н. Соотношение антропологического состава средневекового и современного населения Омского Прииртышья // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 106–109.

Багашёв А.Н. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 22–54.

Багашёв А.Н. Антропологический состав и формирование тоболо-иртышских татар по данным краниоостеологии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1989. 17 с.

Багашёв А.Н. Материалы по краниологии тарских татар // Обряды народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 192–213.

Багашёв А.Н. Материалы по краниологии тобольских татар // Сравнительная антропология башкирского народа. Уфа: Изд-во БНЦ УрО АН СССР, 1990а. С. 122–137.

Багашёв А.Н. Краниологический тип нижнеиртышских хантов // Обские угры: Ханты и манси. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1991. С. 29–37.

Багашёв А.Н. Многомерная статистика о краниологической специфике народов Западной Сибири // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 134–137.

Багашёв А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск: Наука, 1993а. 152 с.

Багашёв А.Н. К антропологии населения Западной Сибири эпохи неолита // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1994. С. 151–156.

Багашёв А.Н. Антропологический обзор // Ямал — знакомый и неизвестный. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1995. С. 21–28.

Багашёв А.Н. Материалы по краниологии населения гороховской культуры // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, ИПОС СО РАН, 1996. С. 20–28.

Багашёв А.Н. Материалы к краниологии сарматов // ВААЭ. 1997. Вып. 1. С. 65–74.

Багашёв А.Н. Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // ОКНЗС. 1998. Т. 4: Расогенез коренного населения. Разд. 4.4. С. 303–327.

Багашёв А.Н. Население Нижнего Приобья // ОКНЗС. 1998а. Т. 4: Расогенез коренного населения. Разд. 2.8. С. 124–140.

Багашёв А.Н. Таксономические признаки и дифференциация групп по результатам многомерной статистики // ОКНЗС. 1998б. Т. 4: Расогенез коренного населения. Разд. 3.1. С. 148–169.

Багашёв А.Н. О расовой систематике народов Северной Евразии // Раса: Миф или реальность? М.: Старый Сад, 1998в. С. 17–19.

Багашёв А.Н. Проблемы таксономии и расогенеза тюркоязычных народов Западной и Южной Сибири // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 1998г. С. 6–8.

Багашёв А.Н. Генезис и таксономия обских угров // Обские угры: Материалы II Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 1999. С. 16–18.

Багашёв А.Н. Краниологический тип пелымских манси // ВААЭ. 1999а. Вып. 2. С. 69–77.

Багашёв А.Н. Об особенностях краниологического типа западных манси // 3-й Конгресс этнографов и антропологов России. М., 1999б. С. 102–103.

Багашёв А.Н. В.А. Дрёмов и сибирская антропология // Тр. Том. обл. краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Т. 10. С. 186–192.

Багашёв А.Н. О роли пришлого и местного компонентов в расогенезе населения западносибирской лесостепи эпохи раннего железа // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2000а. С. 52–56.

Багашёв А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000б. 374 с.

Багашёв А.Н. Формирование древнего и современного населения Западной Сибири по данным краниологии: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2000в. 51 с.

Багашёв А.Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов // ВААЭ. 2001. Вып. 3. С. 159–174.

Багашёв А.Н. Антропологический состав населения Прикетья (Лукьяновский и Максимоярский могильники) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2002. Вып. 3. С. 40–43.

Багашёв А.Н. Антропологический тип средневековых тюрков Нижнего Притомья (могильник Астраханцево) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2003. Вып. 4. С. 68–73.

Багашёв А.Н. Новые материалы к антропологии неолитического населения Западной Сибири // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003а. С. 438–446.

Багашёв А.Н. Краниология // Этнография и антропология Ямала. Новосибирск: Наука, 2003б. С. 344–356.

Багашёв А.Н., *Дрёмов В.А.* // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард; Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2004. Т. 1. С. 277.

Багашёв А.Н. Материалы к биографии Сергея Михайловича Чугунова (в связи со 150-летием со дня рождения) // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб., 2006. С. 168–172.

Багашёв А.Н. Происхождение аборигенов Северной Евразии. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, Saarbrucken, Germany, 2011. 363 с.

Багашёв А.Н. Межгрупповая изменчивость краниологических особенностей северных самодийцев и кетов // Вестн. Том. ун-та. История. 2016. № 4 (42). С. 86–93.

Багашёв А.Н., *Алексеева Е.А.* Краниология Усть-Полуя: Родственные связи и проблемы таксономии // Археология Арктики. Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 72–79.

Багашёв А.Н., *Антонов А.Л.* Особенности антропологии южных хантов // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2002. Вып. 3. С. 44–46.

Багашёв А.Н., *Антонов А.Л.* Антропологические особенности русских старожилов Омского Прииртышья // Русские. Тобольск, 2004. С. 32–34.

Багашёв А.Н., *Антонов А.Л.* Краниологическая характеристика русских старожилов Омского Прииртышья // Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Приртышья XVII–XIX вв.: По материалам комплекса Изюк-I. Омск: Апельсин, 2010. С. 247–280.

Багашёв А.Н., *Антонов А.Л.*, *Пошехонова О.Е.* Своеобразие средневековых популяций Среднего Приобья и его отражение в характере межгрупповой изменчивости // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2005. Вып. 6. С. 138–153.

Багашёв А.Н., *Ким А.Р.* Палеоантропология о происхождении народов Западной Сибири // ОКНЗС. 1998. Т. 4: Расогенез коренного населения. Разд. 4.1. С. 270–286.

Багашёв А.Н., *Пошехонова О.Е.* Антропологический состав и проблемы происхождения средневекового таежного населения Среднего Приобья // ВААЭ. 2007. Вып. 8. С. 87–96.

Багашёв А.Н., *Ражев Д.И.* Надымский городок. Палеоантропологическое исследование // ВААЭ. 2009. № 11. С. 111–124.

Багашёв А.Н., *Ражев Д.И.*, *Алексеева Е.А.* Жители субарктики две тысячи лет назад // Холодок: научно-популярный журнал. Тюмень, 2015. № 1 (13). С. 56–63.

Багашёв А.Н., *Ражев Д.И.*, *Зубова А.В. и др.* Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV вв. // АЭАЕ. 2016. Т. 44, № 2. С. 137–147.

Багашёв А.Н., *Ражев Д.И.*, *Пошехонова О.Е. и др.* Результаты антропологического изучения мумифицированных останков из могильника Зеленый Яр в Нижнем Приобье // АЭАЕ. 2017. Т. 45, № 1. С. 135–145.

Багашёв А.Н., *Слепченко С.М.* Материалы по краниологии тазовских ненцев // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2015. Вып. 3. С. 6–10.

Балабанова М.А. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, VI в. до н.э. — 1-я половина II в. н.э.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1998. 27 с.

Балабанова М.А., *Цыганова О.М.* Краниология сарматского населения, оставившего курганные группы Абганеровского могильника // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. Вып. 2. С. 267–287.

Балаганская О.А. Полиморфизм Y-хромосомы у тюркоязычного населения Алтая, Саян, Тянь-Шаня и Памира в контексте взаимодействия генофондов Западной и Восточной Евразии: Автореф. дис. … канд. биол. наук. М., 2011. 26 с.

Беневоленская Ю.Д. Краниологическое своеобразие и обособленное положение хантов и манси среди сибирских монголоидов // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 148–150.

Беневоленская Ю.Д. Исследование краниологии манси в расоэволюционном аспекте // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа: Изд-во Башкир. науч. центра УрО РАН, 1992. С. 15–33.

Беневоленская Ю.Д. Расовый состав и расоэволюционная изменчивость обских угров // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 140–142.

Беневоленская Ю.Д. Феномен диморфизма строения лицевого скелета как одна из сторон полиморфизма древнего и современного человека // Единство и многообразие человеческого рода. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1997. Ч. 2. С. 576–605.

Беневоленская Ю.Д., *Башлай А.Г.* Группы крови // Кетский сборник. Л.: Наука, 1982. С. 49–69.

Бейсенов А.З., *Солодовников К.Н.* К характеристике донгальских погребений могильника Кызыл // Маргулановские чтения — 2011. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 208–211.

Березовская Н.В. Воинские погребения из грунтового могильника Бедеревский Бор III // Вопр. этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 27–35.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.

Бобров В.В., *Чикишева Т.А.*, *Михайлов Ю.И.* Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск: Наука, 1993. 157 с.

Боброва А.И. О типах и формах погребений Тискинского курганного могильника // Вопр. этнокультурной истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 22–27.

Боброва А.И. О хронологии художественных бронз Тискинского могильника // Археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 36–46.

Боброва А.И. Нарымское Приобье и Причулымье // ОКНЗС. 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. С. 293–321.

Боброва А.И., *Алексеева Е.А.* Реконструкция внешнего облика отдельных представителей населения Прикетья XV–XVII вв. (по археологическим и антропологическим данным) // ВААЭ. 2016. № 3 (34). С. 116–126.

Боброва А.И., *Гребнева Г.И.*, *Мец Ф.И.* Керамика II тыс. н.э. из Прикетья (публикация материалов) // Из истории Сибири: К 30-летию лаборатории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 46–67.

Боброва А.И., *Рыкун М.П.* Палеодемография населения Нарымского Приобья во II тысячелетии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск: Издат. дом «Наука», 2006. С. 288–292.

Боброва А.И., *Рыкун М.П.* Тискино: Время, культура, этнос, палеопопуляция // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 91–95.

Боброва А.И., *Рыкун М.П.* Прикетье в XV–XVIII вв.: Хронология, погребальный обряд, состояние здоровья населения // Вестн. Том. ун-та. История. 2009. № 1 (5). С. 86–89.

Боброва А.И., *Торопова Н.Н.* Бедеревский Бор II — позднесредневековый могильник Нарымского Приобья // Палеоэтнология Сибири. Иркутск, 1990. С. 72–73.

Богданов А.П. Курганные черепа Тарского округа Тобольской губернии // Изв. ОЛЕАЭ. 1878–1879. Т. 31. С. 25–219.

Богданов А.П. Описание сибирских черепов // Изв. ОЛЕАЭ. 1878–1879а. Т. 31. С. 401–423.

Богданов А.П. Черепа самоедов, собранные Н.Ю. Зографом // Изв. ОЛЕАЭ. 1878–1879б. Т. 31. С. 318–326.

Богданов А.П. Курганные приуральцы по раскопкам гг. Зографа и Нефедова // Изв. ОЛЕАЭ. 1880. Т. 35, ч. 1, вып. 1–3.

Боковенко Н.А., *Мошкова М.Г.*, *Могильников В.А.* Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 151–160.

Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. 152 с.

Бравина Р.И., *Дьяконов В.М.*, *Николаев Е.Н. и др.* Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхинского погребения середины XV — начала XVI в. // ВААЭ. 2016. № 4 (35). С. 90–109.

Бунак В.В. Антропологический тип черемис // РАЖ. 1924. Т. 13, вып. 3–4. С. 137–177.

Бунак В.В. Антропологический тип мордвы // РАЖ. 1924а. Т. 13, вып. 3–4. С. 177–210.

Бунак В.В. Расы // Большая медицинская энциклопедия. М., 1934. Т. 28. С. 342–352.

Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. 1956. № 1. С. 86–105.

Бунак В.В. Об очередных задачах в изучении расообразования у человека (в связи со статьей Г.Ф. Дебеца «О принципах классификации человеческих рас») // СЭ. 1958. № 3. С. 125–135.

Бунак В.В. Вопросы расогенеза // Происхождение и этническая история русского народа: ТИЭ. 1965. Т. 88. С. 174–190.

Бунак В.В. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. 328 с.

Бунак В.В., *Нестурх М.Ф.*, *Рогинский Я.Я.* Антропология. Краткий курс. М., 1941. 376 с.

Буслова М.А., *Зах Е.М.*, *Дрябина Л.А.*, *Матвеев А.В.* Мысовской археологический комплекс раннего железного века // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1989. С. 137–150.

Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX — начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 232 с.

Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975. 284 с.

Викторова В.Д. Археологическая карта бассейнов рек Туры и Тавды: Опыт систематизации и периодизации археологических памятников: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1967. 17 с.

Викторова В.Д., *Кернер В.Ф.* Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. С. 129–141.

Виноградов А.В., *Итина М.А.*, *Яблонский Л.Т.* Древнейшее население низовий Амударьи. М.: Наука, 1986. 200 с.

Вишневская О.А., *Итина М.А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. № 177. С. 197–207.

Волоцкий М.В. Географическая изменчивость пальцевых узоров // КСИМАМГУ. М., 1941.

Генинг В.Ф., *Голдина Р.Д.* Курганы у оз. Фоминцево // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 90–102.

Генинг В.Ф., *Корякова Л.Н.* Лихачевские и Черноозерские курганы раннего железного века Западной Сибири // СА. 1984. № 2. С. 165–187.

Генинг В.Ф., *Корякова Л.Н.*, *Федорова Н.В.*, *Овчинникова Б.Б.* Омское Прииртышье в железном веке // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 203–228.

Генофонд и геногеография народонаселения / Под ред. Ю.Г. Рычкова. СПб.: Наука, 2000. Т. 1: Генофонд населения России и сопредельных стран. 611 с.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. Ч. 1. 76 с.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. О народах татарского племени. СПб., 1776а. Ч. 2. 187 с.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799. Ч. 3. 116 с.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // ТИЭ. 1955. Т. 28. 586 с.

Герасимова М.М. Неолитические погребения у Долгого озера (Канск) // ВА. 1964. Вып. 18. С. 135–143.

Герасимова М.М. Рецензия на монографию М.П. Рыкун «Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменской культуры)» // ВАН. 2015. № 3 (31). С. 199–201.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // МИА. 1962. № 120. С. 186–198.

Гинзбург В.В. Краниологическая характеристика узбеков // ТИЭ. 1963. Т. 82. С. 96–121.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // СМАЭ. 1963а. Т. 21. С. 297–337.

Гинзбург В.В., *Дебец Г.Ф.*, *Левин М.Г.*, *Чебоксаров Н.Н.* Очерки по антропологии Казахстана // КСИЭ. 1954. Вып. 16. С. 42–68.

Гинзбург В.В., *Залкинд И.Г.* Материалы к краниологии казахов (в связи с вопросами этногенеза) // СМАЭ. 1955. Т. 16. С. 423–461.

Гинзбург В.В., *Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372 с.

Гладкова Т.Д. Дерматоглифика некоторых северо-восточных народностей СССР (манси и коми) // ВА. 1961. Вып. 6. С. 100–112.

Гладкова Т.Д., *Битадзе Л.О.* Дерматоглифическая характеристика некоторых народностей Алтае-Саянского нагорья // ВА. 1979. Вып. 63. С. 53–64.

Гладкова Т.Д., *Хить Г.Л.* Материалы по дерматоглифике некоторых народов Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 127–147.

Гондатти Л.Н. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь. М., 1888. 56 с.

Гондатти Л.Н. Антропологические результаты поездки в Северо-Западную Сибирь // Изв. ОЛЕАЭ. М., 1890. Т. 49, вып. 5. С. 719–720.

Горощенко К.И. Сойоты // РАЖ. 1901. № 2. С. 62–73.

Горощенко К.И. Материалы по антропологии Сибири (сойоты, бельтиры, койбалы, качинцы, сагаи, кызыльцы и мелецкие (чулымские) инородцы) // Зап. Краснояр. подотдела Вост.-Сиб. отдела Русского географического о-ва по этнографии. Красноярск, 1905. Т. 1, вып. 2. 64 с.

Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // ВА. 1961. Вып. 8. С. 88–98.

Гохман И.И. Материалы к антропологии елогуйских кетов // КСИЭ. 1963. Вып. 38. С. 100–113.

Гохман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука, 1966. 224 с.

Гохман И.И. Роль андроновского компонента в формировании южносибирской расы // СЭ. 1973. № 2. С. 96–106.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов // СМАЭ. 1980. Т. 36. С. 5–34.

Гохман И.И. Антропологические аспекты кетской проблемы: Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник. Л.: Наука, 1982. С. 9–42.

Громов А.В. Палеоантропология населения Южной Сибири эпохи бронзы по данным краниоскопии // ВАН. 1996. Вып. 2. С. 147–155.

Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 301–345.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей этих стран. Л., 1926. Т. 2. 896 с.

Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // Изв. Всесоюз. географического о-ва. 1959. Т. 91, вып. 1. С. 17–26.

Давыдова Г.М. Популяционно-генетические исследования манси // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974. С. 96–109.

Давыдова Г.М. Антропологические особенности некоторых финно-угорских народов и вопросы их этногенеза // СЭ. 1975. № 6. С. 114–120.

Давыдова Г.М. Антропологическое исследование северных манси и некоторые вопросы их расо- и этногенеза: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1976. 22 с.

Давыдова Г.М. Формирование северных манси как народа уральской расы // Этнические связи народов Севера Азии и Америки по данным антропологии. М.: Наука, 1986. С. 174–197.

Давыдова Г.М. Антропология манси. М.: Изд-во Ин-та этнографии АН СССР, 1989. 160 с.

Давыдова Г.М. Современное состояние проблемы уральской расы (по соматологическим материалам) // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа: Изд-во БНЦ УрО РАН, 1992. С. 5–14.

Давыдова Г.М. Древние антропологические типы в составе современного населения лесной зоны Восточной Европы // Единство и многообразие человеческого рода. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1997. Ч. 1. С. 214–242.

Давыдова Г.М., *Жомова В.К.* Строение тела // Кетский сборник. Л.: Наука, 1982. С. 42–49.

Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // РАЖ. 1930. Т. 19, вып. 1–2. С. 7–50.

Дебец Г.Ф. Среднеобская экспедиция 1939 г. // КСИМАМГУ. 1941. С. 26–27.

Дебец Г.Ф. Проблемы заселения Северо-Западной Сибири по данным палеоантропологии // КСИИМК. 1941а. Вып. 9. С. 14–18.

Дебец Г.Ф. Селькупы: Антропологический очерк // ТИЭ. 1947. Т. 2. С. 103–145.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. 1948. Т. 4. 392 с.

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ. 1951. Т. 17. 264 с.

Дебец Г.Ф. К палеоантропологии Урала // КСИЭ. 1953. Вып. 18. С. 66–68.

Дебец Г.Ф. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошское // СЭ. 1955. № 3. С. 62–73.

Дебец Г.Ф. О принципах классификации человеческих рас: (По поводу статьи В.В. Бунака «Человеческие расы и пути их образования») // СЭ. 1956. № 4. С. 129–142.

Дебец Г.Ф. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики // СЭ. 1961. № 6. С. 51–69.

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13–22.

Дебец Г.Ф. Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья: Эквенский могильник. М.: Наука, 1975. С. 198–240.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология окуневской культуры // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 7–8.

Дебец Г.Ф., *Трофимова Т.А.* Западносибирская экспедиция 1937 г. // КСИМАМГУ. 1941. С. 26, 35.

Дебец Г.Ф., *Левин М.Г.*, *Трофимова Т.А.* Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. № 1. С. 22–35.

Деникер И.Е. Человеческие расы. СПб., 1902. 724 с.

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975. 404 с.

Денисова Р.Я. Популяционно-антропологический аспект этногенеза // СЭ. 1987. № 6. С. 37–47.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // АЭАЕ. 2005. № 2. С. 22–36.

Деревянко А.П. К проблеме обитания неандертальцев в Центральной Азии и Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 72 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования Homo sapiens sapiens в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 328 с.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.

Доватур А.И., *Каллистов Д.П.*, *Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории Геродота». М.: Наука, 1982. 456 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ. 1960. Т. 55. 624 с.

Дрёмов В.А. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии // СЭ. 1967. № 6. С. 53–66.

Дрёмов В.А. Материалы к антропологии большереченской культуры // ИЛАИ. 1970. Вып. 2. С. 99–108.

Дрёмов В.А. Новые материалы по антропологии неолитического населения Верхнего Приобья: Усть-Иша, Иткуль // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 204–206.

Дрёмов В.А. Антропологические материалы II–VIII вв. н.э. из могильников Уени // ИИС. 1975. Вып. 16. С. 94–129.

Дрёмов В.А. История антропологических исследований в Западной Сибири: Ранний период // ИИС. 1976. Вып. 19. С. 255–270.

Дрёмов В.А. Обычай искусственного деформирования головы у древних племен Западной Сибири и его происхождение // Проблемы археологии и этнографии. Л.: Наука, 1977. Вып. 1. С. 99–110.

Дрёмов В.А. Антропологические данные о древнем населении Обь-Иртышского междуречья (Усть-Тартасский могильник) // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 164–181.

Дрёмов В.А. О тюркизации коренного населения Притомья (антропологические материалы Басандайского могильника) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1979. С. 18–20.

Дрёмов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль: (К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 19–46.

Дрёмов В.А. Антропология Верхнего Приобья в эпохи неолита и бронзы: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1981. 24 с.

Дрёмов В.А. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л.: Наука, 1984. С. 106–132.

Дрёмов В.А. Об антропологическом составе неолитического населения Новосибирско-Барнаульского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1985. С. 3–16.

Дрёмов В.А. Измерения черепов и скелетов из неолитических могильников Усть-Иша и Иткуль (Верхнее Приобье) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 56–73.

Дрёмов В.А. Антропологический состав населения андроновской и андроноидных культур Западной Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука, 1990. Вып. 2. С. 56–62.

Дрёмов В.А. Материалы по краниологии тюркоязычного населения Томского Приобья (эуштинцы) // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1990а. С. 52–72.

Дрёмов В.А. Краниология среднеобских хантов // Обские угры: Ханты и манси. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1991. С. 10–28.

Дрёмов В.А. Краниометрия // Тюрки таежного Причулымья: Популяция и этнос. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991а. С. 166–199.

Дрёмов В.А. Антропологические материалы из позднесредневековых могильников Чулыма // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1995. С. 161–172.

Дрёмов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 264 с.

Дрёмов В.А. Географическая изменчивость краниологических признаков // ОКНЗС. 1998. Т. 4: Расогенез коренного населения. Разд. 3.2. С. 170–246.

Дрёмов В.А. Нарымские селькупы // ОКНЗС. 1998а. Т. 4: Расогенез коренного населения. Разд. 2.6. С. 110–111.

Дрёмов В.А. Томские и чулымские тюрки // ОКНЗС. 1998б. Т. 4: Расогенез коренного населения. Разд. 2.3. С. 67–84.

Дрёмов В.А., *Багашёв А.Н.* Краниологические данные к вопросу о формировании хантов // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 148–151.

Дрёмов В.А., *Багашёв А.Н.* Антропологическое своеобразие коренных народов // ОКНЗС. 1998. Т. 4: Расогенез коренного населения. Разд. 4.3. С. 292–303.

Дрёмов В.А., *Багашёв А.Н.* Ханты Среднего Приобья и Прииртышья // ОКНЗС. 1998а. Т. 4: Расогенез коренного населения. Разд. 2.7. С. 111–124.

Дрёмов В.А., *Ким А.Р.* Население северных предгорий Алтая // ОКНЗС. 1998. Т. 4: Расогенез коренного населения. Разд. 2.2. С. 44–67.

Дрёмов В.А., *Ким А.Р.*, *Багашёв А.Н.* Об информативности различных систем антропологических признаков (краниометрия и дискретные вариации черепа) // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 53–56.

Дубов А.И. Одонтологическая характеристика хантов, селькупов и эвенков // ПИИЭ. 1983. С. 106–110.

Дубов А.И. Уровни дифференциации в пределах уральского круга антропологических типов // Единство и многообразие человеческого рода. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1997. Ч. 2. С. 655–678.

Дубров А.М. Обработка статистических данных методом главных компонент. М.: Статистика, 1978. 134 с.

Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск, 1950. Т. 6. С. 175–187.

Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск, 1952. Т. 9. С. 76–211.

Дульзон А.П. Диалекты татар — аборигенов Томи // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск, 1956. Т. 15. С. 297–379.

Европеус Д.П. Об угорском народе, обитавшем в Средней и Северной России, в Финляндии и северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей. СПб., 1874.

Ерохин Н.Г., *Курлаев Е.А.*, *Погорелов С.Н.*, *Ражев Д.И.* Сокрытое захоронение в Поросенковом логу // Наука. Общество. Человек: Вестн. Урал. отделения РАН. 2008. № 1 (23). С. 47–55.

Ефимова С.В. Одонтология сибирских татар (к проблеме этнической истории) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1984. С. 32–36.

Ефимова С.Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // ВА. 1981. Вып. 67. С. 64–73.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 96 с.

Зайцева О.В., *Ражев Д.И.* Тафономические индикаторы вторичности погребения // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2005. С. 9–11.

Зайцева О.В., *Ражев Д.И.* Возможности реконструкции особенностей первоначального размещения тела в погребениях по обряду ингумации // Вестн. Том. ун-та. История. 2007. № 11. С. 84–89.

Зах В.А., *Багашёв А.Н.* О сопряженности культурогенеза и расообразования в формировании неолитического населения Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Ч. 1. С. 194–202.

Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Отв. ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург; Салехард: Изд-во УрО РАН, 2005. 368 с.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Золотарёва И.М. Антропологическое исследование нганасан // СЭ. 1962. № 6. С. 131–136.

Золотарёва И.М. Антропологическая дифференциация восточных самодийцев // Антропология и геногеография. М.: Наука, 1974. С. 215–231.

Золотарёва И.М. Антропология некоторых народов Северной Сибири // Юкагиры: Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. С. 97–110, 154–192.

Зиневич Г.П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наук. думка, 1967. 240 с.

Зиневич Г.П. До антропологіі могильника біля с. Заветне в Крыму // МАУ. 1971. Вып. 5. С. 111–121.

Зограф Н.Ю. Поездка к самоедам. М., 1877. 14 с.

Зограф Н.Ю. Алтайские инородцы по исследованиям Н.М. Ядринцева // Изв. ОЛЕАЭ. 1886. Т. 49, вып. 3.

Зубова А.В. К вопросу о мумификации у раннескифского населения Тувы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. 15. С. 267–269.

Зубова А.В. Население Западной Сибири во II тысячелетии до нашей эры (по антропологическим данным). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 228 с.

Зубова А.В., *Поздняков Д.В.* Обряд скальпирования у населения Западной Сибири скифского времени (по материалам памятников пазырыкской культуры Горного Алтая) // Бородовский А.П., Зубова А.В., Поздняков Д.В., Табарев А.В., Черемисин Д.В. Археология насилия (интерпретация материалов археологических, антропологических и изобразительных комплексов). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 61–83.

Зубова А.В., *Чикишева Т.А.*, *Поздняков Д.В.* Антропологическая характеристика населения городища Чича-I // Молодин В.И. и др. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. С. 78–107.

Зуев В.Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // ТИЭ. 1947. Т. 5. 96 с.

Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимики по китайским источникам // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1962. Т. 15. С. 17–95.

Иберла К. Факторный анализ. М.: Статистика, 1980. 398 с.

Ивановский А.А. Сургутские остяки (по материалам С.М. Чугунова) // РАЖ. 1905. № 3–4. С. 167–197.

Ивановский А.А. Енисейские инородцы (бельтиры, койбалы, качинцы, сагаи, кызыльцы, мелецкие инородцы и сойоты. По материалам К.И. Горощенко) // РАЖ. 1907. № 1–2. С. 165–223.

Игнатьев М.В. Анализ антропометрических данных, применяемых при построении стандартов // Теория и методы антропологической стандартизации применительно к массовому производству изделий личного пользования. М.: Изд-во МГУ, 1951. С. 14–71.

Игнатьев М.В. Биометрия в народно-хозяйственном применении антропологии // СА. 1957. № 2. С. 243–254.

Исмагулов О. Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии // ТИЭ. 1963. Т. 82. С. 65–95.

Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата: Наука, 1970. 240 с.

Итина М.А., *Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Рос. полит. энцикл., 1997. 188 с.

Каменецкий И.С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36.

Ким А.Р. Материалы к краниологии кызыльцев // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 208–216.

Ким А.Р. Материалы к краниологии телеутов // Вопр. археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978а. С. 151–163.

Ким А.Р. Материалы к краниологии шорцев и кумандинцев // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 180–195.

Ким А.Р. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1987. 17 с.

Ким А.Р. Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. С. 249–260.

Ким А.Р. Барабинские татары // ОКНЗС. 1998. Т. 4: Расогенез коренного населения. Разд. 2.4. С. 84–94.

Кирюшин Ю.Ф., *Солодовников К.Н.* Компонентный состав андроновского (федоровского) населения юга Западной Сибири по результатам исследования палеоантропологических материалов эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая // АЭАЕ. 2010. № 4 (44). С. 122–142.

Кияткина Т.П. Черепа из могильника Арук-Тау (Таджикистан) // ТИЭ. 1961. Т. 71. С. 229–241.

Кияткина Т.П. Черепа эпохи бронзы с территории Юго-Западного Таджикистана // МИА. 1968. № 145. С. 168–182.

Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976. 87 с.

Клейн Л.С. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1980. С. 30–36.

Ковригин А.А., *Ражев Д.И.* Новые исследования грунтового могильника Куртугуз I // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. 2007. Вып. 5. С. 157–174.

Козинцев А.Г. Статистические данные к проблеме происхождения типа айнов // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 229–242.

Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 144 с.

Козинцев А.Г. Концепция общего сходства в антропологии // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980. С. 26–69.

Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л.: Наука, 1988. 168 с.

Козинцев А.Г, *Моисеев В.Г.* Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: Сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // ЭО. 1995. № 4. С. 81–88.

Козинцев А.Г., *Моисеев В.Г.* Расогенез коренного населения // ЭО. 2001. № 1. С. 159–161.

Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии Украины: Палеоантропологический материал эпохи бронзы (Запорожская область). Палеоантропологический материал сарматского времени // ТИЭ. 1956. Т. 33. С. 166–203.

Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка 1 // СА. 1956а. Т. 1, № 2. С. 189–210.

Кондукторова Т.С. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. 1962. Вып. 11. С. 43–57.

Кондукторова Т.С. Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними // МАУ. 1964. Вып. 3. С. 32–71.

Кондукторова Т.С. Піздніі скіфи на нижньому Дніпрі (за антропологічними матеріалами Золотобалківского могильника) // МАУ. 1971. Вып. 5. С. 60–72.

Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины. М.: Изд-во МГУ, 1972. 156 с.

Кондукторова Т.С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973. 126 с.

Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка — Казацкое). М.: Наука, 1979. 128 с.

Коников Б.А. Культура таежного Прииртышья VI–XIII вв. н.э.: Автореф. дис. канд. … ист. наук. Новосибирск, 1982. 17 с.

Коников Б.А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1993. 224 с.

Коников Б.А. Омская стоянка — выдающийся памятник Среднего Прииртышья // Изв. Омск. гос. историко-краеведческого музея. 1994. № 4. С. 107–116.

Коников Б.А. Десять тысяч лет среднеиртышскому искусству. Омск, 1996. 60 с.

Коников Б.А. Комплекс памятников «Омская стоянка»: К вопросу о времени заселения земель в районе устья р. Омь // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 149–152.

Коников Б.А. Археология Омска: Иллюстрированная энцикл. Омск, 2016. 408 с.

Коников Б.А., *Шван Ф.Д.* Исследования Кипских курганов (о времени тюркизации таежного Прииртышья) // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1983. С. 46–59.

Корякова Л.Н. Могильник саргатской культуры у с. Красноярка // СА. 1979. № 2. С. 191–206.

Корякова Л.Н. Хронология погребений саргатской культуры // ВАУ. 1981. Вып. 15. С. 103–109.

Корякова Л.Н. Из истории изучения саргатской культуры // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. С. 113–124.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 241 с.

Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века): Препр. Екатеринбург: Изд-во УрО АН СССР, Урал. ун-та, 1991. 53 с.

Корякова Л.Н. Саргатская культура или общность? // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1991а. С. 3–8.

Корякова Л.Н. Поселения и жилища Тоболо-Иртышской лесостепи // ОКНЗС. 1994. Т. 1, кн. 1: Поселения и жилища. С. 259–275.

Корякова Л.Н. Урало-Иртышская лесостепь // ОКНЗС. 1994а. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. С. 113–169.

Корякова Л.Н. Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование. Екатеринбург, 1997. С. 138–154.

Корякова Л.Н., *Морозов В.М.*, *Суханова Т.Ю.* Поселение Ипкуль 15 — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. С. 117–128.

Корякова Л.Н., *Попова С.Н.* К вопросу о сравнении саргатской и савромато-сарматской культур // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 1987. С. 37–45.

Корякова Л.Н., *Сергеев А.С.* Географический аспект хозяйственной деятельности населения саргатской культуры // ВАУ. 1986. Вып. 18. С. 90–98.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 220 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 279 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 246 с.

Косарев М.Ф. Историко-географический очерк и история археологического изучения бронзового века Восточного Зауралья и Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 248–251.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987а. С. 252–267.

Косарев М.Ф. Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987б. С. 267–275.

Косарев М.Ф. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987в. С. 276–288.

Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987г. С. 289–304.

Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987д. С. 314–317.

Косинская Л.Л. Обследование неолитических поселений по Ишиму и Иртышу // ИИС. 1974. Вып. 15. С. 28–38.

Кошкин Г.А. Состояние зубов и челюстей древних жителей Южной Сибири (тагарская культура VII–II вв. до н.э.): Дис. … канд. мед. наук. Кемерово, 1971. 227 с.

Кравченко Г.Г., *Рыкун М.П.*, *Фукс А.Л.* Реконструкция палеоклиматических условий в эпоху раннего железного века Верхнего Приобья (на территории распространения каменской культуры) // Вестн. Том. ун-та. История. 2013. № 3 (23). С. 38–42.

Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета. Томск: Изд-во Том. у-та, 1979. 119 с.

Круц С.И. Палеоантропологические исследования степного Приднепровья. Киев: Наук. думка, 1984. 208 с.

Кунгурова Н.Ю., *Чикишева Т.А.* Результаты исследования неолитического могильника Солонцы-5 на р. Бия // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. 8. С. 121–129.

Курто П., *Ражев Д.И.* Люди // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование. Екатеринбург, 1997. С. 86–113.

Лавряшина М.Б. Комплексное исследование динамики демографических процессов и структуры генофонда коренных народов Южной Сибири: Автореф. дис. … д-ра биол. наук. М., 2012. 49 с.

Левин М.Г. Краниологический тип хантэ и манси // КСИМАМГУ. 1941. С. 27, 37–38.

Левин М.Г. К антропологии Южной Сибири // КСИЭ. 1954. Вып. 20. С. 17–26.

Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ. 1958. Т. 36. 360 с.

Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1805. Ч. 4. 458 с.

Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1814. Ч. 3. 223 с.

Липтак П. Материалы по краниологии хантов // Acta ethnographica Acad. sci. hung. 1950. T. 1. Fasc. 1–4. P. 197–230.

Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 364 с.

Львов Ю.А. Болотный процесс как фактор обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 12–18.

Львова Э.Л. Сложение культурно-хозяйственного типа и формирование чулымско-тюркского этноса // Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 96–105.

Малиев Н.М. Отчет о вогульской экспедиции // Тр. О-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те. Казань, 1872. Т. 3, № 2. С. 1–27.

Малиев Н.М. Материалы для сравнительной антропологии // Тр. О-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те. Казань, 1874. Т. 4, № 2.

Малиев Н.М. Вогулы // РАЖ. 1901. № 1. С. 73–81.

Малолетко А.М. Древние народы Сибири: Этнический состав по данным топонимики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. Т. 1: Предыстория человека и языка. Уральцы. 281 с.

Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 18–28.

Мамонова Н.Н. К антропологии гуннов Забайкалья (по материалам могильника Черемуховая падь) // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 201–228.

Мамонова Н.Н. Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии: (К вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 64–88.

Марк К.Ю. Соматологические материалы к проблеме этногенеза финно-угорских народов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974. С. 11–18.

Марк К.Ю. Антропология пермских финнов в связи с вопросами их происхождения // Антропология современных финно-угорских народов. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2000. С. 153–164.

Мартынов А.И., *Алексеев В.П.* История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1986. 144 с.

Матвеев А.В., *Матвеева Н.П.* Саргатский могильник у дер. Тютрина (по раскопкам 1981 г.) // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 69–76.

Матвеев А.В., *Матвеева Н.П.* Савиновский могильник саргатской культуры: Препр. Тюмень: Изд-во ИПОС СО АН СССР, 1991. 54 с.

Матвеев А.В., *Матвеева Н.П.* Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1991а. С. 104–139.

Матвеев А.В., *Матвеева Н.П.* Раскопки могильников раннего железного века на Исети // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, ИПОС СО РАН, 1996. С. 3–19.

Матвеева Н.П. К вопросу о хронологии саргатских могильников Среднего Притоболья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1985. С. 69–81.

Матвеева Н.П. О происхождении саргатской культуры в Среднем Притоболье // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 29–31.

Матвеева Н.П. О периодизации саргатских поселений Среднего Притоболья // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск: Наука, 1988. С. 65–73.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1989. С. 77–103.

Матвеева Н.П. Абатский-1 курганный могильник саргатской культуры: Препр. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. 77 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993а. 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П. Край в раннем железном веке и средневековье // История Курганской области. Курган: Изд-во Кург. гос. пед. ин-та, 1995. Т. 1. С. 76–102.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепи и подтаежной зон): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 1998. 46 с.

Матющенко В.И., *Татаурова Л.В.* Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.

Медникова М.Б. Древние скотоводы Южной Сибири: Палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М., 1995. 216 с.

Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1878. Ч. 2. С. 619–833.

Миклашевская Н.Н. Краниология киргизов // ТККАЭЭ. 1959. Т. 2. С. 266–294.
Миргазизов М.З., *Кошкин Г.А.* Состояние зубов и челюстей древних жителей Сибири // Материалы VII Науч. конф. Кемеров. мед. ин-та и III Конф. стоматологов Кузбасса. Кемерово, 1965. Вып. 4. С. 26–28.
Миргазизов М.З., *Кошкин Г.А.* О значении антропологии для стоматологии // Материалы по этнографии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. С. 162–166.
Миргазизов М.З., *Смердина Л.Н.* Диагностика аномалий положения зубов с учетом этнических особенностей: (Метод. рекомендации для субординаторов, интернов, врачей-стоматологов). Кемерово, 1989. 16 с.
Миргазизов М.З., *Смердина Л.Н.*, *Кошкин Г.А.*, *Смердина Ю.Г.* Краниологическое исследование — важный метод изучения стоматологической патологии // Стоматология. 1998. № 5. С. 61–62.
Могильников В.А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 172–190.
Могильников В.А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы хронологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 66–86.
Могильников В.А. Коконовские и саргатские курганы — памятники эпохи раннего железа в западносибирской лесостепи // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972а. С. 119–133.
Могильников В.А. Раскопки 1967 г. в Коконовке // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972б. С. 134–149.
Могильников В.А. О культурах западносибирской лесостепи раннего железного века // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1980. С. 41–50.
Могильников В.А. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // ВАУ. 1981. Вып. 15. С. 100–103.
Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981а. С. 45–46.
Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 77–89.
Могильников В.А. К характеристике культуры лесостепного Прииртышья в VII–VI вв. до н.э. // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 3–7.
Могильников В.А. Миграции и процесс тюркизации населения юга Западной Сибири в эпоху железа // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 109–113.
Могильников В.А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века в лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1989. С. 62–77.
Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 274–311.
Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тыс. до н.э. М.: Пущинский науч. центр РАН, 1997. 195 с.
Моисеев В.Г. Краниологические особенности уралоязычных народов в связи с вопросами их происхождения: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1997. 23 с.
Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб.: Наука, 1999. 133 с.
Моисеев В.Г., *Козинцев А.Г.* Антропологическое своеобразие уралоязычных народов // ЭО. 1998. № 2. С. 140–150.
Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И., *Колонцов С.В.* Туруновка 4 — памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С. 77–79.

Молодин В.И., *Савинов Д.Г.*, *Елагин В.С.* Этнокультурная история Барабы в средние века // Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. С. 164–169.

Молодин В.И., *Чикишева Т.А.* Курганный могильник Преображенка-3 — памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 125–206.

Молодин В.И., *Парцингер Г.*, *Мыльникова Л.Н. и др.* Этнокультурные процессы в переходное от бронзы к железу время в лесостепной зоне Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 132–145.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.

Мошкова М.Г., *Генинг В.Ф.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 87–118.

Мурашко О.А., *Ефимова С.Г.* К вопросу об этнической интерпретации материалов из могильника Халас-Погор // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 175–177.

Мурашко О.А., *Мовсесян А.А.* О самодийском компоненте в материалах «остяцкого» могильника Халас-Погор // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1983. С. 39–43.

Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884.

Носилов К.Д. Антропологический очерк вогулов // Изв. ОЛЕАЭ. М., 1890. Т. 49, вып. 5. С. 528–538.

Ожередов Ю.И. Раскопки курганной группы Барклай // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 97–101.

Ожередов Ю.И. Погребальные сооружения XIV–XIX вв. из курганной группы Барклай // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 89–92.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 4: Расогенез коренного населения. 354 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. 624 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1911. Т. 2. 432 с.

Плетнёва Л.М. Томское Приобье в конце VIII — III в. до н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 141 с.

Плетнёва Л.М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 64–87.

Плетнёва Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 132 с.

Плетнёва Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 351 с.

Погодин Л.И. Проблемы хронологии саргатских памятников в связи с особенностями организации военного дела // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1991. С. 20–24.

Погодин Л.И. О «дополнительных» критериях при изучении социальной структуры древних обществ // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1992. С. 58–60.

Погодин Л.И., *Труфанов А.Я.* Могильник саргатской культуры Исаковка III // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1991. С. 98–127.

Поздняков Д.В. Палеоантропология юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I — середина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2006. 136 с.

Полосьмак Н.В. Саргатские курганы у г. Куйбышева (лесостепная Бараба) // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981. С. 69–83.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Полосьмак Н.В., *Чикишева Т.А.*, *Балуева Т.С.* Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск: Наука, 1989. 104 с.

Поляков И.С. Письмо о содействии Выставке // Изв. ОЛЕАЭ. М., 1878–1879. Т. 31.

Поляков И.С. Старинное и современное Лукоморье // Живописная Россия. СПб.; М., 1884. Т. 9: Западная Сибирь.

Пошехонова О.Е. К проблеме происхождения средневекового населения Сургутского Приобья (по краниологическим материалам могильника Усть-Балык) // ВААЭ. 2006. Вып. 7. С. 131–142.

Пошехонова О.Е. Краниологические особенности средневековых популяций Сургутского Приобья (по материалам могильников с Барсовой Горы) // ВААЭ. 2010. Вып. 2 (13). С. 111–121.

Пошехонова О.Е. Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры рубежа I и II тыс. н.э.) // АЭАЕ. 2011. № 4 (48). С. 142–155.

Пошехонова О.Е. К средневековой палеоантропологии южно-таежного Прииртышья (по материалам могильника IX–XVIII вв. на территории Красноярского археологического комплекса) // ВААЭ. 2011а. Вып. 2 (15). С. 152–166.

Пошехонова О.Е. Краниология верхнетазовских селькупов // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 46–52.

Пошехонова О.Е., *Алексеева Е.А.* Физический облик жителей городка Мункысь Урий // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 53–58.

Пошехонова О.Е., *Зубова А.В.*, *Алексеева Е.А.* Краниология, одонтология и реконструкция внешнего облика северных селькупов по материалам могильника Кикки-Акки // ВААЭ. 2015. Вып. 4 (31). С. 93–104.

Пошехонова О.Е., *Зубова А.В.*, *Слепцова А.В.* Краниология и одонтология раннесредневекового населения Притоболья по материалам могильника Устюг-1 // ВААЭ. 2016. Вып. 4 (35). С. 111–123.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. 749 с.

Ражев Д.И. Комплекс остеологических признаков всадников // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 251–258.

Ражев Д.И. Погребение 3 могильника Куртугуз 1 // Урал в прошлом и настоящем / НИСО УрО РАН, БКИ. Екатеринбург 1998. Ч. 1. С. 107–109.

Ражев Д.И. Биоантропология саргатской общности. Екатеринбург: Изд-во Ин-та истории и археологии УрО РАН, 2009. 492 с.

Ражев Д.И. Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: распространение, структура, интерпретации // 2013. ВААЭ. № 2 (21). С. 53–63.

Ражев Д.И. Факторы распространения поротического гиперостоза в средневековых группах Западной Сибири // Вестн. Мос. ун-та. 2016. Сер. 23. Антропология. № 1. С. 35–45.

Ражев Д.И., *Епимахов А.В.* Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // ВААЭ. 2004. № 5. С. 107–113.

Ражев Д.И., *Ковригин А.А.* Курганные могильники саргатской культуры и социально-демографическая структура древнего общества // Экология древних и современных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 171–175.

Ражев Д.И., *Курто П.*, *Зайцева О.В.* Бескурганное погребение Сопининского могильника: Анализ с позиций полевой антропологии // ВААЭ. 2005. № 6. С. 148–152.

Ражев Д.И., *Пошехонова О.Е.* Обычай срубания кос у средневековых воинов Западной Сибири // ВААЭ. 2009. № 10. С. 83–89.

Ражев Д.И., *Рыкун М.П.*, *Святова Е.О.* Стоматологическое здоровье средневекового населения лесной зоны Западной Сибири // ВААЭ. 2011. № 1 (14). С. 103–115.

Расогенез коренного населения // ОКНЗС. 1998. Т. 4.

Рогинский Я.Я. Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья // АЖ. 1934. № 3. С. 105–126.

Рогинский Я.Я., *Левин М.Г.* Основы антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1955. 503 с.

Рождественский А.Г. Величина головы человека в ее зависимости от роста, пола, возраста и расы // Изв. ОЛЕАЭ. М., 1887. Т. 90.

Розов Н.С. Черепа из курганов Басандайки // Басандайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1947. С. 175–181.

Розов Н.С. Материалы по краниологии селькупов (в связи с вопросом о их происхождении) // Юбилейная научная сессия, посвященная 150-летию МОИП. М.: Изд-во МГУ, 1955. С. 156–157.

Розов Н.С. Антропологические материалы из неолитического Кузнецкого могильника // Тр. Том. гос. ун-та. 1956. Т. 133. С. 193–203.

Розов Н.С. Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // ТИЭ. 1956а. Т. 33. С. 340–373.

Розов Н.С. Антропологические типы Сибири // Докл. VII Науч. конф., посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1957. Вып. 3. С. 12–13.

Розов Н.С. Антропологический состав древнего населения средней Оби (селькупов) // УЗ ТГУ. 1958. № 32. С. 144–151.

Розов Н.С. Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири // ВА. 1961. Вып. 6. С. 71–91.

Розов Н.С. Материалы по антропологии населения Причулымья // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961а. С. 387–396.

Розов Н.С., *Дрёмов В.А.* Материалы по палеоантропологии Среднего Приобья VIII–X вв. // СЭ. 1966. № 5. С. 125–131.

Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука, 1973. 208 с.

Руденко С.И. Антропологические исследования инородцев Северо-Западной Сибири // Зап. АН по физ.-мат. отделению. Пг., 1914. Т. 33, № 3. 140 с.

Рудь Н.М. Палеоантропологические материалы эпохи бронзы из могильника Такталачук // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФ АН СССР, 1981. С. 71–93.

Рыкун М.П. К антропологии населения лесостепного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам могильников Масляха 1, 2) // ВААЭ. 1997. Вып. 1. С. 75–62.

Рыкун М.П. Роль смешения европеоидных и монголоидных компонентов в генезисе коренного населения // ОКНЗС. 1998. Т. 4: Расогенез коренного населения. Разд. 4.2. С. 286–292.

Рыкун М.П. Материалы к краниологии населения Северного Алтая раннего железного века (каменская культура) // ВААЭ. 1999. Вып. 2. С. 78–86.

Рыкун М.П. Дрёмов Владимир Анатольевич // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к Энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 50–51.

Рыкун М.П. К вопросу о происхождении населения Верхнего Приобья раннего железного века (по материалам могильника Камень-2) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001а. С. 301–303.

Рыкун М.П. Ким Аркадий Романович // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к Энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001б. С. 69–70.

Рыкун М.П. Розов Николай Сергеевич // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к Энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001в. С. 118–119.

Рыкун М.П. Краниологические материалы из могильника каменской культуры Новотроицкое-1 // ВААЭ. 2002. Вып. 4. С. 141–148.

Рыкун М.П. К истории антропологических исследований в Томском государственном университете // Наука о человеке и обществе: Итоги, проблемы, перспективы. М.: Участок оперативной полиграфии ИЭА РАН, 2003. С. 279–290.

Рыкун М.П. Палеоантропология Верхнего Приобья в эпоху раннего железа (по данным краниологии): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2005. 27 с.

Рыкун М.П. Исследования томского антрополога Н.С. Розова // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб., 2006. С. 173–176.

Рыкун М.П. Специфика повреждений черепов из некрополей каменской культуры // ВАН. М., 2007. Вып. 15, ч. 2. С. 349–357.

Рыкун М.П. Антропологические исследования в Томском государственном университете: Традиции и персоналии // Вестн. Том. ун-та. Общенаучный периодический журнал. Август, 2008. № 313. С. 94–100.

Рыкун М.П. Кабинету антропологии Томского государственного университета 50 лет: История, персоналии, перспективы // Вестн. Том. ун-та. История. 2008а. № 3 (4).С. 13–19.

Рыкун М.П. Результаты исследований краниологических коллекций Кабинета антропологии ТГУ на предмет боевого травматизма у населения каменской культуры // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008б. Вып. 2. С. 183–191.

Рыкун М.П. Дрёмов Владимир Анатольевич: К 70-летию со дня рождения // ВАН. М.: Проект-Ф, 2010. Вып. 18. С. 220–222.

Рыкун М.П. Некоторые аспекты палеоантропологии каменской культуры Верхнего Приобья // Изв. Алт. ун-та. История. 2011. № 4–2 (72). С. 173–178.

Рыкун М.П. Население каменской культуры в среде скифо-сибирского мира // ВАН. М., 2012. Вып. 22. С. 61–70.

Рыкун М.П. Состояние здоровья карбинской популяции (по антропологическим материалам) // Тр. Том. обл. краевед. музея им. М.Б. Шатилова: Материалы и итоги полевых исследований. Томск: Ветер, 2012а. Т. 17. С. 94–100.

Рыкун М.П. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменской культуры). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 284 с.

Рыкун М.П., *Боброва А.И.* Штрихи к биографии: (Памяти А.Р. Кима) // Из истории Сибири: 30-летию лаборатории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 29–45.

Рыкун М.П., *Боброва А.И.* Состояние здоровья тискинской группы населения на основе маркеров физиологического стресса по краниологическим материа-

лам // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. С. 370–376.

Рыкун М.П., *Кравченко Г.Г.* Современные подходы к систематизации краниологических коллекций: Традиции и инновации // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 57–64.

Рыкун М.П., *Кравченко Г.Г.* Оценка климатических условий при изучении культуры первых русских Сибири (междисциплинарный аспект) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 1. С. 129–133.

Рыкун М.П., *Кравченко Г.Г.*, *Кравченко Д.Г.* Банк данных по фондам Кабинета антропологии Томского госуниверситета: Создание и перспективы использования // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. Вып. 1. С. 117–126.

Рыкун М.П., *Кравченко Г.Г.*, *Кравченко Д.Г.* Междисциплинарные исследования этнокультурных процессов в Северной Евразии (на основе антропологических данных и геоинформационных технологий) // ВААЭ. 2011. № 1 (14). С. 126–134.

Рыкун М.П., *Кравченко Г.Г.*, *Кравченко Д.Г.* Создание банка данных Кабинета антропологии Томского государственного университета: Проблемы, перспективы // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011а. С. 70–75.

Рыкун М.П., *Кравченко Г.Г.*, *Кравченко Д.Г.*, *Новосёлова Т.В.* Банк данных Кабинета антропологии Томского государственного университета — средство интеграции при реконструкции этнокультурных процессов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. С. 376–380.

Рыкушина Г.В. Антропология эпохи энеолита — бронзы Красноярского края // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М.: Наука, 1976. С. 187–201.

Рыкушина Г.В. Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху (краниологический очерк) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 47–63.

Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры. М.: Старый Сад, 2007. 198 с.

Рындина О.М. Орнамент // ОКНЗС. 1995. Т. 3. 640 с.

Рычков Ю.Г. Материалы по антропологии западных тунгусов // ТИЭ. 1961. Т. 71. С. 242–268.

Рычков Ю.Г. Особенности серологической дифференциации народов Сибири // ВА. 1965. Вып. 21. С. 18–33.

Рычков Ю.Г. Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). М.: Изд-во МГУ, 1969. 223 с.

Рычков Ю.Г. Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири // ВА. 1969а. Вып. 33. С. 16–33.

Рычков Ю.Г., *Перевозчиков И.В.*, *Шереметьева А.В. и др.* К популяционной генетике коренного населения Сибири: Восточные Саяны: (Материалы Сиб. антрополого-генетической экспедиции) // ВА. 1969. Вып. 31. С. 3–32.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 176 с.

Сальников К.В. Городище Чудаки Челябинской области // СА. 1947. № 9. С. 221–238.

Сальников К.В. Об этнической принадлежности населения лесостепного Зауралья в сарматское время // СЭ. 1966. № 5. С. 118–124.

Сальников К.В. Очерк древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
Селезнев А.Г. Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 176 с.
Силинич И.П. Вогулы // РАЖ. 1904. № 3–4. С. 94–115.
Силинич И.П. К вопросу об антропологическом типе населения Северо-Западной Сибири // РАЖ. 1916. Кн. 39–40. С. 67–92.
Синельников Н.А. Енисейские остяки по наблюдениям и измерениям В.И. Анучина // Тр. Антропологического отдела ОЛЕАЭ. 1911. Т. 28, вып. 1. 30 с.
Слепченко С.М., *Алексеева Е.А.* Тайна арктической мумии // Холодок: Научно-популярный журнал. Тюмень, 2014. № 1 (11). С. 62–69.
Слепцова А.В. Проблема происхождения искусственной деформации черепов на территории Западной Сибири // XLVI Урало-Поволжская археологическая конф. студентов и молодых ученых. Ульяновск, 2014. С. 246–247.
Слепцова А.В. Черепа с искусственной деформацией с территории Притоболья (по материалам могильника Устюг-1) // Международная полевая школа в Болгаре. Казань; Болгар, 2015. С. 308–317.
Смердина Л.Н. Особенности состояния зубочелюстной системы у школьников-телеутов // Человек, среда, здоровье: Опыт работы медицинской службы Кузбасса. Кемерово, 1978. С. 538.
Смердина Л.Н. Мезиодистальные размеры зубов человека в изолированной этнической группе и их влияние на формирование зубных рядов // Стоматология. 1983. № 6. С. 64–66.
Смердина Л.Н. Морфометрия зубов и зубных рядов в диагностике зубочелюстных аномалий: Методы и нормативы. Кемерово, 1989. 29 с.
Смердина Л.Н. Антропологическая направленность совершенствования методов диагностики и лечения больных с зубочелюстными аномалиями, деформациями и дефектами зубных рядов: Дис. … д-ра мед. наук. Кемерово, 2001. 300 с.
Смердина Л.Н., *Кошкин Г.А.*, *Ким А.Р.* Мезиодистальные размеры зубов у бачатских телеутов (краниологический материал) // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 8–11.
Смердина Л.Н., *Смердина Ю.Г.* Распространенность зубочелюстных аномалий у кызыльцев (краниологическое исследование) // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 166.
Смердина Л.Н., *Смердина Ю.Г.* Дентальный краудинг, вызванный макродентией и его профилактика // Новое в стоматологии. 1997. № 1 (51). С. 129–130.
Смердина Л.Н., *Смердина Ю.Г.* Сравнительная характеристика распространенности зубочелюстных аномалий у северных и южных шорцев // Медико-биологические проблемы. Кемерово, 1997а. Вып. 2. С. 49–50.
Смердина Л.Н., *Смердина Ю.Г.* Распространенность дентального краудинга у жителей Западной Сибири // Проблемы медицины и биологии. Кемерово, 1998. С. 237.
Смердина Л.Н., *Смердина Ю.Г.* Аномалии зубочелюстной системы у шорцев // Бюл. ВСНЦ СО РАМН. Иркутск, 1999. № 2 (9). С. 105–107.
Смердина Л.Н., *Смердина Ю.Г.* Патология зубочелюстной системы у северных алтайцев на рубеже XIX — начала XX века // Проблемы медицины и биологии. Кемерово, 2000. Ч. 2. С. 33.
Смердина Л.Н., *Смердина Ю.Г.* Биологическая норма ортогнатического прикуса. М.: Мед. книга, 2006. 100 с.
Смердина Ю.Г. Морфология зубочелюстной системы у коренных жителей Сибири (северных хакасов, чулымских тюрков): Дис. … канд. мед. наук. Кемерово, 1997. 139 с.

Смердина Ю.Г. Характер зубочелюстных аномалий у чулымских тюрков // Медико-биологические проблемы. Кемерово, 1997а. Вып. 2. С. 52–54.

Смердина Ю.Г., *Запорожец К.Б.*, *Смердина Л.Н. и др.* Нуждаемость в стоматологической помощи у малочисленной коренной народности Кузбасса (бачатских телеутов) в начале XIX века // Медицина в Кузбассе. 2009. № 2. С. 169–170.

Смердина Ю.Г., *Смердина Л.Н.* Состояние зубочелюстной системы у телеутов (конец XIX — начало XX в.) // Успехи современного естествознания. 2008. № 5. С. 136–138.

Смердина Ю.Г., *Смердина Л.Н.* Распространенность основных стоматологических заболеваний у бачатских телеутов в конце XIX — начале XX в. // Медицина в Кузбассе. 2009. № 2. С. 170–171.

Смердина Ю.Г., *Киселева Е.А.*, *Рыкун М.П.* Распространенность основных стоматологических заболеваний у жителей Кузнецкой котловины в эпоху средневековья // Dental Forum. 2016. № 2. С. 2–7.

Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 379 с.

Синельников Н.А. Енисейские остяки по наблюдениям и измерениям В.И. Анучина // Тр. Антропологического отдела ОЛЕАЭ. М., 1911. Т. 28, вып. 1. (Т. 124).

Советский Союз. Российская Федерация. М.: Мысль, 1971. 430 с.

Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 186–210.

Соколова З.П. Развитие этнических связей хантов и манси во второй половине XIX — XX в. // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 50–60.

Соколова З.П. К происхождению современных манси // СЭ. 1979. № 6. С. 46–58.

Соколова З.П. Ляпинско-сосьвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII–XIX вв. // История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979а. С. 112–130.

Соколова З.П. Развитие этнических связей обских угров во второй половине XIX — XX в. // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 50–60.

Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 328 с.

Соколова З.П. Эндогамный ареал и этническая группа: На материалах хантов и манси. М.: Изд-во Ин-та этнографии АН СССР, 1990. 210 с.

Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. № 10. С. 3–27.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV: К проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // ВААЭ. 2005. № 5. С. 127–147.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника Сальдяр I в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: Могильник Сальдяр-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. С. 120–154.

Солодовников К.Н. Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 25 с.

Солодовников К.Н. К вопросу о роли европеоидного компонента в расогенезе населения Алтае-Саянского нагорья эпохи ранней и развитой бронзы // Алтае-Саянская горная страна и история ее освоения кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 145–150.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы афанасьевской культуры: К проблеме происхождения // ВАН. 2009. Вып. 17. С. 117–135.

Солодовников К.Н. Связи населения казахстанских степей и Алтайского региона в эпоху бронзы по данным палеоантропологии // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии. Караганда, 2009а. С. 158–164.

Солодовников К.Н. Еще раз о морфологической характеристике населения эпохи бронзы Восточного Туркестана (могильник Гумугоу, Синьцзян) // ВАН. 2010. Вып. 18. С. 109–113.

Солодовников К.Н. Черепа из погребений афанасьевской культуры Средней и Нижней Катуни // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010а. С. 233–244.

Солодовников К.Н. Материалы к антропологии эпохи развитой, поздней и финальной бронзы Центрального Казахстана // Бронзовый век Казахстана: Результаты исследования и новые открытия. Астана, 2017.

Солодовников К.Н., *Рыкун М.П.* Материалы к антропологии пахомовской культуры эпохи бронзы Западной Сибири // ВАН. 2011. Вып. 19. С. 112–129.

Солодовников К.Н., *Рыкун М.П.* Новые результаты исследования антропологических материалов из могильника Ростовка (предварительное сообщение) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 86–89.

Солодовников К.Н., *Рыкун М.П.* Исследование краниологических материалов эпохи бронзы Центрального, Северного и Восточного Казахстана методами многомерной статистики // Физическая антропология: Методики, базы данных, научные результаты. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2014. С. 74–88.

Солодовников К.Н., *Рыкун М.П.* К вопросу об автохтонном компоненте в составе населения энеолита — бронзы Горного Алтая: Материалы из коллекции и архива Кабинета антропологии Томского госуниверситета // ВААЭ. 2018. № 1 (40) (в печати).

Солодовников К.Н., *Рыкун М.П.*, *Ломан В.Г.* Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана // ВААЭ. 2013. № 3 (22). С. 113–131.

Солодовников К.Н., *Тур С.С.* Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Прил. 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 142–176.

Солодовников К.Н., *Тур С.С.* Антропологические исследования // Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз 1 в Верхнем Приобье: Опыт междисциплинарного изучения. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 181–202.

Солодовников К.Н., *Тур С.С.* К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья (по материалам могильника Фирсово XI) // ВААЭ. 2017. № 3 (38). С. 60–70.

Солодовников К.Н., *Хохлов А.А.*, *Рыкун М.П.* Антропологические данные к исследованию трансевразийских миграций начального этапа бронзового века // Палеоантропологические и биоархеологические исследования: Традиции и новые методики. СПб.: ЛЕМА, 2015. С. 82–90.

Солодовников К.Н., *Хохлов А.А.*, *Рыкун М.П.* Антропологические связи населения афанасьевской культуры, куротинского, арагольского и улитинского типов погребений Горного Алтая // Археология Западной Сибири и Алтая: Опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015а. С. 129–134.

Солодовников К.Н., *Хохлов А.А.*, *Рыкун М.П.*, *Кравченко Г.Г.* К проблеме трансевразийских миграций Запада и Востока Северной Евразии: Эпоха камня и бронзы (по данным археологии, антропологии и палеогенетики) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск, 2016. Вып. 7.

Сотникова С.В. К вопросу об алакульской традиции на территории Западной и Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988. С. 76–78.

Спицын В.А. К исследованию полиморфизма сывороточных групп крови у народов Сибири: Гаптоглобины // Антропология и геногеография. М.: Наука, 1974. С. 161–174.

Стефанов В.И. Куртугуз 1 — могильник раннего железного века Среднего Зауралья // Урал в прошлом и настоящем / НИСО УрО РАН, БКИ. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 112–116.

Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 238–253.

Стоянов В.Е. О могильниках Зауральско-Западносибирской лесостепи (ранний железный век) // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 44–57.

Сурнина Т.С. Палеоантропологические материалы из Волненского неолитического могильника // ТИЭ. 1961. Т. 71. С. 3–25.

Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.

Тегако Л.И. Антропологические данные к этногенезу хакасов: (Дерматоглифика и одонтология) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1979. С. 15–17.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 276 с.

Томилов Н.А. Казахи Западной Сибири в конце XVI — первой четверти XIX в. // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1983. С. 68–86.

Томтосова Л.Ф. Новые материалы по краниологии современных якутов // СМАЭ. 1980. Т. 36. С. 121–129.

Тот Т., *Фирштейн Б.В.* Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов: Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. 203 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 125 с.

Троицкая Т.Н. Лесостепное Приобье в раннем железном веке: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 1981. 38 с.

Троицкая Т.Н. Лесостепное Приобье // ОКНЗС. 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. С. 169–184.

Троицкая Т.Н., *Бородовский А.П.* Большереченская культура Новосибирского Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Трофимова Т.А. Тобольские и барабинские татары: Антропологический очерк // ТИЭ. 1947. Т. 1. С. 194–215.

Трофимова Т.А. Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 // Могильник бронзового века Кокча 3. М.: Наука, 1961. С. 97–146.

Трофимова Т.А. Черепа из подбойных и катакомбных захоронений могильника Туз-Гыр (Юго-Западное Приаралье) // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 154–178.

Трофимова Т.А. Неолитические черепа кельтеминарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 10–15.

Трофимова Т.А., *Чебоксаров Н.Н.* Северо-уральская экспедиция Музея антропологии МГУ // КСИМАМГУ. 1941. С. 67–72.

Труфанов А.Я. К вопросу о происхождении саргатской культуры // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1986. С. 55–64.

Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. Ч. 2. 184 с.

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. 295 с.

Тумашева Д.Г., *Ахметова Ф.В.* Этнические группы сибирских татар по языковым и фольклорным данным // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1983. С. 12–25.

Тур С.С. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 237–249.

Тур С.С. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 25 с.

Тур С.С. Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997а. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. С. 136–147.

Тур С.С. Краниологические материалы из Бобровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII–VI вв. до н.э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. Вып. 7. С. 67–82.

Тур С.С. Антропологический состав населения Средней Катуни скифского времени (внутригрупповой анализ) // Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул, 2003. Ч. 2: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. С. 137–169.

Тур С.С. Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. С. 35–47.

Тур С.С. Палеоэкология населения афанасьевской культуры Горного Алтая // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 60–113.

Тур С.С. Население андроновской культуры Алтая по данным биоархеологического исследования // Изв. Алт. гос. ун-та. 2008. № 4/2. С. 191–198.

Тур С.С. Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Изв. Алт. гос. ун-та. 2009. № 4/2. С. 228–235.

Тур С.С. Краниоскопическая характеристика носителей андроновской культуры Алтая // АЭАЕ. 2011. № 1 (45). С. 147–155.

Тур С.С., *Рыкун М.П.* Краниологические материалы пазырыкской культуры из могильников в урочище Кызыл-Джар // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2004. № 12. С. 32–49.

Тур С.С., *Рыкун М.П.* Краниологические материалы афанасьевской культуры Горного Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 137–144.

Тур С.С., *Рыкун М.П.* Краниологические материалы афанасьевской культуры Горного Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования // ВАН. М., 2006а. Вып. 14. С. 102–108.

Тур С.С., *Рыкун М.П.* Палеоэкология населения афанасьевской культуры Горного Алтая // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006б. Ч. 1. С. 60–115.

Тур С.С., *Рыкун М.П.* Скотоводы Алтая эпохи бронзы: Гендерные различия и гендерное неравенство (по данным антропологии) // Этноистория и археоло-

гия Северной Евразии: Теория, методология и практика исследования. Иркутск: Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 233–237.

Тур С.С., *Рыкун М.П.* Краниологические материалы андроновской культуры Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007а. Вып. 6. С. 44–52.

Тур С.С., *Рыкун М.П.* Население андроновской культуры Алтая по данным биоархеологического исследования // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История. 2008. № 4/2. С. 191–198.

Тур С.С., *Рыкун М.П.* Краниологические материалы андроновской культуры Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2009. С. 177–190.

Тур С.С., *Рыкун М.П.* Травматические повреждения в палеоантропологических коллекциях афанасьевской культуры Горного Алтая // Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: АЗБУКА, 2014. С. 373–375.

Тур С.С., *Солодовников К.Н.* Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. С. 35–47.

Уманский А.П. Телеуты и сибирские татары в XVII в.: Очерк внешнеполитических сношений // Учен. зап. Барнаул. пед. ин-та. 1972. Т. 18. С. 103–143.

Уманский А.П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 51–53.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980а. 296 с.

Фаттахов Р.М. Краниологическая характеристика материалов из могильника Старый Чекмак // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФ АН СССР, 1981. С. 94–109.

Федосова В.Н. Антропологическая палеоэкология и проблемы эпохальной изменчивости // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 1992. С. 51–78.

Фирштейн Б.В. Савроматы Нижнего Поволжья // ТИЭ. 1961. Т. 71. С. 53–81.

Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. 275 с.

Флоринский В.М. Двадцать три черепа Томского археологического музея // Изв. Том. ун-та. Томск, 1890. Кн. 2. С. 31–42.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 432 с.

Халдеева Н.И. Распределение одонтологических признаков среди татарских групп и телеутов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1984. С. 30–32.

Халдеева Н.И. Уральская раса по данным одонтологии // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа: Изд-во Баш. науч. центра УрО РАН, 1992. С. 34–50.

Хартанович В.И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского полуострова // СМАЭ. 1980. Т. 36. С. 35–47.

Хартанович В.И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 63–120.

Хартанович В.И., *Чистов Ю.К.* Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато (применение двух моделей факторного анализа в краниологическом исследовании) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л.: Наука, 1984. С. 74–105.

Хить Г.Л. Дерматоглифическая дифференциация населения СССР: (Докл. советской делегации на IX МКАЭН в Чикаго, 1973). М.: Наука, 1973. С. 1–20.

Хить Г.Л. Расогенетические связи населения Алтае-Саян по данным дерматоглифики // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1979. С. 17–19.

Хить Г.Л. Дерматоглифика // Кетский сборник. Л.: Наука, 1982. С. 69–77.

Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. М.: Наука, 1983. 280 с.

Хить Г.Л. Таксономическое положение тюрков Сибири в дерматоглифической систематике монголоидных популяций // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1984. С. 3–4.

Хить Г.Л., *Томилов Н.А.* Формирование татар Сибири по данным антропологии и этнографии // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 177–178.

Хить Г.Л., *Долинова Н.А.*, *Козлов А.И.*, *Вершубская Г.Г.* Угры Оби и уральская раса: Дерматоглифический аспект // ВАН. 1996. Вып. 2. С. 111–128.

Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья. Ташкент: Фан, 1987. 208 с.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Азии. М.: Наука, 1977. 200 с.

Хохлов А.А. Население хвалынской энеолитической культуры: По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынск 1, Хвалынск 2, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура: Исследования и материалы. Самара: СРОО НЭКА «Поволжье», 2010. Т. 2. С. 407–517.

Хохлов А.А. К вопросу о происхождении энеолитического населения Прикамья // ВААЭ. 2011. № 1 (14). С. 116–125.

Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья в эпоху неолита и энеолита: Обзор источников и подробный анализ. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, Saarbrucken, Germany, 2012. 154 с.

Хохлов А.А., *Солодовников К.Н.*, *Рыкун М.П. и др.* Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // ВААЭ. 2016. № 3 (34). С. 86–106.

Чебоксаров Н.Н. Основные принципы антропологических классификаций // ТИЭ. 1951. Т. 16. С. 291–322.

Чебоксаров Н.Н., *Трофимова Т.А.* Антропологическое изучение манси // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 28–37.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. Вып. 35. С. 7–71.

Чикишева Т.А. Изучение связи антропологических особенностей населения с экологическими условиями среды: Автореф. дис. … канд. биол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1982. 23 с.

Чикишева Т.А. Палеоантропологические находки неолитического времени с территории Среднего Зауралья // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука, 1991. Вып. 2. С. 56–60.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад) // АЭАЕ. 2000. № 2. С. 131–147.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Чикишева Т.А., *Ким А.Р.* Антропологический состав населения Обь-Иртышского междуречья в древнетюркское время // Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. С. 129–163.

Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // ИИС. 1975. Вып. 16. С. 61–93.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 183 с.

Чиндина Л.А. О селькупских могильниках XVII в. // Проблемы этнической истории самодийских народов. Омск, 1993. С. 74–82.

Чугунов С.М. Антропологический очерк остяков Сургутского края // Сибирский вестник. № 85, 88, 90, 114.

Чугунов С.М. Материалы для остеологии остяков // Изв. Том. ун-та. 1894. Кн. 6. С. 176–234.

Чугунов С.М. Курганный скелет с р. Яи // Изв. Том. ун-та. 1894а. Кн. 6. С. 102–120.

Чугунов С.М. Скелет из кургана близ с. Новоильинского на р. Оби // Изв. Том. ун-та. 1894б. Кн. 6. С. 148–155.

Чугунов С.М. Курганы близ деревни «Казанские юрты» на берегу Томи // Изв. Том. ун-та. 1894в. Кн. 6. С. 121–130.

Чугунов С.М. Татарский и два башкирских черепа от трупов, поступивших в 1888 и 1891 гг. в Томский анатомический ин-т // Изв. Том. ун-та. 1894г. Кн. 6. С. 131–147.

Чугунов С.М. О курганных искусственно деформированных черепах Сибири // Тр. ОЛЕАЭ при Казан. ун-те. 1898. Т. 32, вып. 3. С. 31–47.

Чугунов С.М. Курганы Каинского округа Томской губернии // Изв. Том. ун-та. 1899. Кн. 16. С. 174–192.

Чугунов С.М. Курганы близ с. Вороновского Уртамской волости Томского округа // Изв. Том. ун-та. 1898. Кн. 14. С. 212–228.

Чугунов С.М. Древнее кладбище подле деревни Чернильщиковой на правом берегу реки Томи Томского уезда // Изв. Том. ун-та. 1901. Кн. 18. С. 113–121.

Чугунов С.М. Древнее кладбище близ г. Томска «Тоянов Городок» // Изв. Том. ун-та. 1902. Кн. 19. С. 223–246.

Чугунов С.М. Старинное татарское и следы других кладбищ «юрточной» части г. Томска // Изв. Том. ун-та. 1904. Кн. 24. С. 88–101.

Чугунов С.М. Антропологический состав населения г. Томска по данным пяти старинных православных кладбищ. Томск, 1905. Ч. 1. 156 с.

Шарапова С.В., *Ражев Д.И.* Биоархеология черепных травм саргатского населения // АЭАЕ. 2013. № 1 (53). С. 143–154.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика черкаскульской культуры и вопросы ее расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980. С. 163–183.

Шевченко А.В. Антропология населения Южно-Русских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–216.

Шереметьева В.А., *Рычков Ю.Г.* Популяционная генетика народов Северо-Восточной Азии. М.: Изд-во МГУ, 1978. 148 с.

Шлугер С.А. Антропологический тип ненцев (самоедов) в связи с вопросами этногенеза народов Севера: Рукопись // Архив Музея Института антропологии при МГУ. 1940.

Шлугер С.А. Антропологическое исследование ненцев // КСИМАМГУ. 1941. С. 23–26, 34–35.

Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. Географического общества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 16. 335 с.

Юсупов Р.М. Краниология башкир. Л.: Наука, 1989. 200 с.

Яблонский Л.Т. Древнейшее население Южного Приаралья // Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. М.: Наука, 1986. С. 79–122.

Яблонский Л.Т. Антропология ранненеолитического населения Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986а. С. 94–108.

Яблонский Л.Т. Палеоантропологические материалы к вопросу о формировании уральской расы (Меллятамакские могильники) // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992. С. 135–149.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 1996. 185 с.

Яблонский Л.Т. Арало-уральские этногенетические параллели в исторической ретроспективе // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Уфа: Вост. ун-т, 1997. Ч. 1. С. 62.

Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма: (Археология и антропология могильников). М.: Вост. лит., 1999. 326 с.

Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуни в 1880 г. // Западносибирский отдел Русского географического общества. Омск, 1882. Кн. 4.

Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое царство: (Очерки путешествия по Алтаю) // Исторический вестник. 1885. Т. 20.

Якимов В.П. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове (Онежское озеро) // СМАЭ. 1960. Т. 19. С. 221–359.

Ярхо А.И. Пигментация волос, глаз и кожи у народностей Алтае-Саянского нагорья // РАЖ. 1929. Т. 17, вып. 3–4. С. 24–58.

Ярхо А.И. О некоторых вопросах расового анализа // АЖ. 1934. № 3. С. 43–71.

Ярхо А.И. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924–1934) // АЖ. 1936. № 1. С. 47–64.

Ярхо А.И. Алтае-саянские тюрки: Антропологический очерк. Абакан: Хакоблнациздат, 1947. 148 с.

Alexeev V. Kraniologische Daten und die Entstehung der Völker des Altaj und Sajan // Antropologischer Anzeiger, Jahrgang 28. 1965. N 1. S. 54–61.

Baer K.M. Vergleichung eines von Herr Obrist Hoffmann mitgebrachten Karagassen — Schädeln mit dem von Herr Dr. Ruprecht mitgebrachten Samojeden-Schadel // Bul. de la classe physico-mathematique de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. 1845. Vol. 3, N 12 (60). S. 170–181.

Bagashev A.N. On the problems of Anthropology of West Siberian Populations during the Neolithic period // J. of Korean Ancient Historical Society. Seoul, Korea. 1994. N 16. P. 171–198.

Bagashev A.N. The Racial Structure of West Siberia Ugrians // Europa et Sibiria. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. P. 41–47.

Bagashev A.N., *Kim A.R.* Craniology of Western and Southern Siberian Peoples // J. of Korean Ancient Historical Society. Seoul, Korea. 1994. N 16. P. 347–365.

Bunak V. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevolkerung Osteurupas // Zeitschrift fur Morphologie und Anthropologie. 1932. Bd. 30. N 3. S. 441–503.

Castrén M.A. Reiseerinerungen aus den Jahren 1838–1844 // M. Alexander Castren's nordische Reisen und Forschungen. St.-Pb., 1853. Bd. 1.

Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // M. Alexander Castren's nordische Reisen und Forschungen. St.-Pb., 1856. Bd. 2. 527 s.

Castrén M.A. Ethnologische Vorlesungen uber die altaischen Volker // M. Alexander Castren's nordische Reisen und Forschungen. St.-Pb., 1857. Bd. 6. 257 s.

Courtaud P., *Bruzek J.* Apercu de l'ethnogenese des peuples de la Siberie occidentale // Bull. et Mem. de la Societe d'anhropologie de Paris. 2000. Vol. 12. P. 457–458.

Flower W.H. The native Races of the Pacific Ocean. L., 1878. 200 p.
Fu Q., *Li H.*, *Moorjani P. et al.* Genome sequence of a 45,000-year-old modern human from western Siberia // Nature 514, 445–449 (23 October 2014) doi:10.1038/nature13810. Received 15 May 2014. Accepted 29 August 2014. Published online 22 October 2014.
Hilden K. Anthropologische Utersuchungen uber die Eingeborenen des Russischen Altai // Fennia. Helsingfors, 1920. Vol. 42.
Hilden K. Notes on the physical Anthropology of the Ostjak-Samoleds based upon data Collected by Kai Donner // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1938–1939. Vol. 50. P. 10–22.
Hrdlička A. Crania of Siberia // American Journal of Phisical Anthropology. 1942. Vol. 29, N 4.
Hrdlička A. Catalog of human cranis in the United States national museum collections. Non-Eskimo people of the Northwest, coast, Alaska and Siberia // Proceedings of the United States national museum. Washington, 1944. Vol. 94. P. 1–172.
Keates S.G., *Razhev D.I.*, *Slepchenko S.M. et al.* Supplementary Information 2. Early modern humans in Eurasia. Genome sequence of a 45,000-year-old modern human from western Siberia // Nature. 2014. Vol. 514. P. 445–449.
Kiryushin Yu.F., *Solodovnikov K.N.* The origins of the Andronovo (Fedorovka) population of southwestern Siberia, based on the Middle Bronze Age cranial series from the forest-steppe zone of the Altai // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2010. Vol. 38 (4). P. 122–142.
Liptak P. An anthropological survey of Magyar prehistory // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1954. Vol. 4. P. 133–170.
Mark K. Zur Herkunft der finnisch-ugrischen Volker vom Standpunkt der Anrhropologie. Tallinn: Eesti Raamat, 1970. 132 s.
Papai K. Der Typis der Ugrier // Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. Budapest, 1893–1894. Bd. 3. Hf. 9–12.
Razev D., *Sarapova S.* Warfare or Social Power: A Bioarcheological Study of the Iron Age Forest-Steppe Populations in the Trans-Urals and Western Siberia // Praehistorische Zeitschrift. 2012. N 87(1). S. 146–160.
Slepchenko S.M., *Ivanov S.N.*, *Bagashev A.N. et al.* Traditional living habits of the Taz tundra population: a paleoparasitological study // Korean Journal of Parasitology. 2016. Vol. 54, N 5. C. 617–623.
Sommier S. Sirieni, Ostiacchie e Samoiedi dell' Ob. Prime Parte // Archivio per l'Antropologia e la Etnologia. Firence, 1877. Vol. 17. Fasc. 1 e 2. P. 20–70.
Turner C. The native Populations // The Review of Archaeology. 2001. Vol. 22, N 1.
Ujfalvy de Mezo-Kovesd. Expedition scientifique frangaise en Russie, e Sibirie et dans le Tukestan. Paris, 1880. T. 3: Les Bachkirs, les Vepses et les antiqués finno-ougriennes et altaiques.
Viola B., *Slepchenko S.*, *Razhev D.*, *Dublin J-J.* Supplementary Information 3. The morphology of the Ust'-Ishim femur. Genome sequence of a 45,000-year-old modern human from Western Siberia // Nature. 2014. Vol. 514. P. 445–449.
Virchow R. Westsibiricshen Schädel (Samojedin, Ostjaken u.s.w) // Zeitschrift für Ethnolodie. 1877. Bd. 9. S. 330–347.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСТОЧНИКИ

АЖ — Антропологический журнал. М.

АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН.

ВА — Вопросы антропологии. М.: Изд-во МГУ.

ВААЭ — Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН.

ВАН — Вестник антропологии. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН.

ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск (до 1991 г.)/ Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.

ИИС — Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та.

ИЛАИ — Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.: Изд-во АН СССР.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.

КСИМАМГУ — Краткие сообщения о научных работах Научно-исследовательского института и Музея антропологии при МГУ за 1938–1939 гг. М.: Изд-во МГУ.

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии. М.: Изд-во АН СССР.

МАУ — Матеріали з антропологіі України. Киев: Наук. думка.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР (до 1964 г.)/М.: Наука.

ОКНЗС — Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та.

ПИИЭ — Полевые исследования Института этнографии. М.: Наука.

РАЖ — Русский антропологический журнал. М.

СА — Советская археология. М.: Наука.

СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры). Л. (до 199 1г.)/СПб.: Наука.
СЭ — Советская этнография. М.: Наука.
ТИЭ — Труды Института этнографии. М.: Изд-во АН СССР (до 1964 г.)/М.: Наука.
ТККАЭЭ — Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука.
ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: Наука.
УЗ ТГУ — Ученые записки Томского государственного университета. Томск: Изд-во Том. ун-та.
ЭО — Этнографическое обозрение. М.: Наука.

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИИФФ СО РАН — Институт истории, филологии и философии СО РАН, г. Новосибирск
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень
КА ТГУ — Кабинет антропологии Томского государственного университета
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ПНИЛИАЭС ТГУ — Проблемная лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
ПФЦ — преаурикулярный фацио-церебральный указатель
УАЭ — Уральская археологическая экспедиция
УДМЭ — условная доля монголоидного элемента
УЛС — уплощенность лицевого скелета

Научное издание

Багашёв Анатолий Николаевич

АНТРОПОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Редактор *Е.М. Исаевич*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *Н.А. Ларшина*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева*, *Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

Сдано в набор 20.09.17. Подписано в печать 27.12.17. Бумага ВХИ.
Формат $70 \times 100^{1}/_{16}$. Офсетная печать. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 32,9.
Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 300 экз. Заказ № 141.

Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «Наука»
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.